РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XIV, part 1

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences

2018

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XIV, часть 1

Ответственный редактор Е. В. Головки

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН

2018

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Е. В. Головки.
Т. XIV. Ч. 1. I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции / Ред. А. Донабедян, Н. Н. Казанский, П. А. Кочаров, Г. Мартиросян; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 525 с.

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief Evgeny V. Golovko.
Volume XIV. Part 1. I. Armenian and Proto-Indo-European Preterite: Forms and Functions / Eds. A. Donabédian, N. N. Kazansky, P. A. Kocharov, H. Martirosyan; II. Varia. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. — 525 p.

Редакторы раздела I: А. Донабедян, Н. Н. Казанский,
П. А. Кочаров, Г. Мартиросян

Ответственные за выпуск от редколлегии Н. М. Заика,
Г. А. Мольков, А. Ю. Русаков, А. Ю. Урманчиева

Материалы издания доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737141

© Коллектив авторов, 2018
© ИЛИ РАН, 2018

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, председатель (ИЛИ РАН);
д. истор. н. А. К. Байбури (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург);
PhD, Assoc. Prof. А. Барентсен (Амстердамский университет);
д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург);
д. филол. н. П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербургский государственный
университет); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин
(Европейский Университет в Санкт-Петербурге);
д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. Л. Гренобль
(университет Чикаго); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD,
к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН); д. филол. н. В. Б. Касевич (Санкт-
Петербургский государственный университет);
к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН);
член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой
литературы РАН, Москва); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ «Высшая
школа экономики», Москва); д. филол. н. В. М. Круглов (ИЛИ РАН);
к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН,
д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН, Москва);
член-корр. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской
литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург);
д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (Российский государственный
гуманитарный университет, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков
(Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж);
PhD, Prof. Дж. Рассел (Университет штата Калифорния в Фресно);
д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ
РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, зам. председателя (ИЛИ РАН);
д. филол. н. С. Г. Татевосов (Московский государственный
университет); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН);
д. истор. н. Д. А. Функ (Московский государственный университет);
д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); М. Е. Шляхтер,
секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. Ю. А. Янхунен
(университет Хельсинки)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yury E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Dmitry A. Funk (Moscow State University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (Higher School of Economics, Moscow); Vasily M. Kruglov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy general editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Mayya E. Shlyakhter, secretary of the editorial board (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voelikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences)

I. Претерит в армянском и
праиндоевропейском:
формы и функции

I. The Armenian and
Proto-Indo-European Preterite:
Forms and Functions

PREFACE

The present volume contains a collection of papers dedicated to the study of the verbal morphology and syntax of the Armenian language. In all of its attested varieties, Armenian provides a rich evidence for all fields of linguistics as reflected in multiple approaches and subjects presented in this volume.

The volume is centered around the papers presented at the workshop *The Armenian Verb*, held within the international conference *Armenian Language Contacts through the Ages* at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg on the 12th–15th of May, 2015, and dedicated to the commemoration of the 100th anniversary of the Armenian Genocide. It is the editors' pleasant duty to thank all the contributors as well as the participants of the workshop.

The paper of Anaïd Donabédian, dedicated to the semantics of the aorist tense in Modern Armenian, has theoretical significance. Based on a nuanced corpus-based and typologically-oriented analysis of usage of aorist forms, the author reveals core and peripheral functions of that morphological category. The paper contributes to the identification of universal properties of the aorist category as well as of idiosyncratic peculiarities in its usage in Modern Eastern and Western Armenian. By contrasting the aorist to other morphological categories, the author determines its position within the verbal system as a whole.

In his paper, Vartan K. Kazaryan provides an analysis of the Indo-European sources of Old Armenian tense-aspect stems with the focus on the role of the binary opposition of the present and aorist tenses at different stages of the language history from Proto-Indo-European to Old Armenian. The author explores the intricate interrelation of the derivational and inflectional markers as means to express that opposition.

Ronald Kim presents a fresh look at the history of the Old Armenian weak aorist. The author thoroughly analyzes the distribution of two types of aorist stems in *-ac'*- and *-ec'*- and explains the derivational ties between these stems and the Proto-Indo-European **skē/o*-formations.

An important issue of the historical verbal morphology of Armenian consists in the interrelation of the tense and voice categories. This question has been addressed in several papers included into the present volume.

The genesis of the mediopassive voice marking in the aorist tense is treated by Petr A. Kocharov. The author provides additional arguments in favor of the hypothesis that the Old Armenian mediopassive aorist endings resulted from the reanalysis of the inherited tense-aspect stems and not from the generalized phonetic outcome of the 3 pl. athematic acrostatic conjugation as many believe.

The paper by Frederik Kortlandt is dedicated to the traces of the Proto-Indo-European sigmatic aorist in Old Armenian. The author develops the hypothesis of two layers of sigmatic formations and provides an insightful analysis of the relative chronology of phonetic and morphological processes that allow to better understand the evolution of the Proto-Armenian verbal system.

Hrach Martirosyan dedicates his paper to the variation of dialectal aorist forms related to the Classical Armenian aorist. The author gives a detailed account of the peculiarities of the dialectal attestations of the augment and the 3rd plural aorist form, which may serve as isoglosses that allow to identify archaisms in some of the Armenian dialects.

Already at the conference, Rémy Viredaz presented a handout of 80 pages explaining the origin of the Old Armenian personal endings of the imperfect and aorist tenses. The published paper has been much extended. It contains important observations reaching far beyond the Armenian language. In particular, Viredaz provides a detailed presentation of morphological parallels between the Armenian verbal system and that of Italic, Iranian, Baltic, and Slavic languages. Today, as Armenian is generally assumed to form one subgroup of Indo-European branches with Greek and Phrygian, any demonstration of shared morphological features with other branches is of paramount importance.

The editors hope that the materials, presented in this volume, will stimulate further development of Armenian studies and the discussion of topical issues of the Armenian verbal morphology and syntax in synchrony and diachrony.

Nikolai N. Kazansky

DOI 10.30842/alp2306573714101

А. Донабедян

INALCO / SeDyL, Париж

СЕМАНТИКА АОРИСТА В СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИНВАРИАНТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ИХ КОНТЕКСТНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ¹

1. Введение

Сравнение отдельных грамматических показателей демонстрирует, что во многих языках отчетливо выделяется глагольное время, которое можно описать как аорист. Термин *аорист*, восходящий к греческой традиции, широко используется применительно ко многим индоевропейским языкам. Аорист реконструируется для протоиндоевропейского и имеет давнюю традицию изучения, привлекая и сегодня большой интерес лингвистов. Вместе с тем, начиная с Аристотеля и вплоть до современного лингвиста А. Кюльоли [Culioli 1980]², авторы обращают внимание на тот факт, что для выделения аориста как особой грамматической категории с особыми видовыми и залоговыми характеристиками, собственно говоря, не требуется особой глагольной формы. Это позволяет распространить концепцию аориста на языки, не относящиеся к индоевропейской семье, такие, например, как турецкий, где понятие аориста прочно вошло в грамматическую традицию, или на язык волоф (атлантическая семья), для которого Ст. Робер [Robert 1996] также выделяет аорист. Однако в случае турецкого или волоф видо-временная семантика аориста явно отклоняется от семантики перфектива прошедшего

¹ Эта статья является русской версией статьи [Donabédian 2016].

² В ходе работы с гранками этой книги мы получили трагическое известие о кончине Антуана Кюльоли, последовавшей 10 февраля 2018 года. Лидер одной из самых заметных школ во французском языкознании последних десятилетий, Антуан Кюльоли оказал прямое влияние на многих из нас, в том числе и в осмыслении вопросов, которые рассматриваются в этом томе. Скорбя о его уходе, мы отдаем здесь дань уважения самобытному лингвисту и яркому мыслителю.

времени, которую индоевропейцы и некоторые типологи, начиная с Э. Даля [Dahl 1985] приписывают аористу. Общим для аориста во всех указанных языках является следующее:

1) С точки зрения формы — минимальная морфология, вплоть до полного отсутствия морфемного маркирования в глагольной форме (так в персидском *kard* ‘делать’ [Lazard 1957]), но нигде не встречаются перифрастические формы. Например, в хинди аорист и контрфактив являются единственными безаффиксными индикативными формами глагола [Montaut 2006a]. Примечательно, что в более ранней грамматике волоф парадигма, описанная Ст. Роберт как аорист [Robert 1996], определялась как «нулевой вид» (*aspect zéro*) [Sauvageot 1965: 102].

2) Отсутствие локализации относительно момента речи [Culioli 1980]³ или речевой ситуации [Robert 1996]. Как будет показано ниже, временная локализация ситуации в аористических высказываниях осуществляется не через глагол, а через контекст (нарративная структура, причастия, и т. д.). Высказывание может также остаться нелокализованным во времени (гномическое, гипотетическое и другие сходные значения). Из этого следует более гибкое временное значение по сравнению с прочими формами прошедшего времени, поскольку аорист способен

³ «L’aoristique est défini par l’opération de repérage $Sit_0 (S_n, T_n) \omega Sit_m, T_m$ où Sit_m (le repère) et Sit_n (le repéré) sont deux occurrences distinctes de Sit , quel que soit, pour le problème considéré, le statut de Sit_m, Sit_n » («Аористичное определяется через операцию локализации $Sit_0 (S_n, T_n) \omega Sit_m, T_m$, где Sit_m (локализатор) и Sit_n (локализуемое) являются двумя отдельными представителями Sit , каким бы ни был применительно к рассматриваемой проблеме статус Sit_m и Sit_n » [Culioli 1980: 191]. «La relation ω est la relation de rupture» “ni identique ni différent”» («Отношение ω является отношением разделения “ни идентичным, ни отличным”» [Culioli 1980: 183]. «L’aoristique est une catégorie dont les marqueurs peuvent être le passé simple, l’imparfait, le passé composé, le présent, le futur, pour s’en tenir à ces exemples» («Аористичное — это категория, показателем которой может быть простое прошедшее, имперфект, прошедшее сложное, настоящее, будущее и др.» [Culioli 1980: 191]. См. также [Vogüé 1995].

совмещать на первый взгляд несовместимые значения, например, прошедшего и будущего времен.

В ряде языков, в частности, в индоевропейских (таких как персидский, болгарский, греческий и даже французский, если следовать за Э. Бенвенистом в его понимании *Passé simple*) глагольное время, понимаемое как аорист, совмещает так называемое претеритное значение (в смысле неперифрастического перфектива прошедшего времени, что соответствует определению аориста у Э. Дала) и аористическое значение (неопределенное в отношении категории времени). Именно такая ситуация наблюдается и в современном армянском языке.

В данной статье мы рассмотрим в общих чертах место аориста в системе модальных и видо-временных форм современного армянского языка. Мы будем опираться как на данные этимологии и морфологии, так и на грамматические варианты употребления форм аориста в синхронии. Мы также попытаемся выделить основные параметры таких вариантов. Употребление аориста в армянском языке будет сопоставлено с другими современными языками, с целью выявления общих и специфических характеристик этой категории. На основе систематического сопоставления восточно- и западноармянского аориста будут рассмотрены проблемы языковой вариативности и языковых контактов.

Используемый нами подход сложился под влиянием теории «лингвистики высказывания» А. Кюльоли (ср., например, [Culioli 1990]). Как представляется, теория Кюльоли особенно хорошо подходит для осмысления того, как функционирует аорист. Помещая высказывание в центр грамматического анализа, эта теория позволяет проследить, как один и тот же контекст может быть выражен различными грамматическими формами, в зависимости от ситуации высказывания и субъективной позиции говорящего. При таком подходе грамматические маркеры рассматриваются как языковые операторы, а не как маркеры кодирования внеязыковой действительности. Операторы определяются скорее через их собственную (инвариантную) функцию, а не через правила их употребления, которые иногда можно попытаться выделить, но которые неизбежно имеют много исключений, не всегда поддающихся объяснению.

2. О чем говорит место аориста в глагольной системе армянского языка?

Даже при поверхностном знакомстве с глагольной системой армянского языка, будь то древнеармянский, восточный или западный современный армянский⁴, становится очевидно, что аорист занимает специфическую и ассиметричную позицию по каждому из параметров морфологической структуры. Продемонстрируем это на примере глагола *utem* 'есть'⁵ в стандартных вариантах обоих современных языков.

⁴ Эти два нормативных варианта современного армянского языка сложились в XIX веке на основе богатых литературных традиций. Восточноармянский (далее ВА) является официальным языком Республики Армения, а также языком армянской общины в Иране. Западноармянский (далее ЗА), на котором говорили и на котором велось обучение в Османской империи, является языком западной диаспоры, и главным языком общения и преподавания в общинах Среднего и Ближнего Востока (особенно в Сирии и в Ливане). Между ЗА и ВА прослеживаются различия в лексике, фонологии, морфологии и синтаксисе. В данной статье учитываются оба варианта языка, поскольку у них не так много различий в выражении аориста, на которых мы остановимся ниже. По умолчанию, наши выводы касаются обоих современных вариантов языка. При отсутствии специальных ссылок, все примеры приводятся из «Национального корпуса восточноармянского языка» (eanc.net). Примеры из западноармянского языка отмечаются отдельно, и по умолчанию являются результатом элицитации. Западноармянский не принял орфографическую реформу, принятую в советской Армении. Транскрипция, используемая ниже, базируется на принятой в арменоведении «научной транслитерации», принятой в работах Г. Гюбшмана, А. Мейе и Э. Бенвениста, но не отражает орфографических особенностей, сложившихся в западноармянском. Учитывая консонантные чередования, имевшие место в западноармянском и не отраженные в орфографии, понятно, что транслитерация существенно отошла от фонетики языка — как в словах армянского происхождения, так и в иностранных словах, записанных по-армянски. Наш выбор обусловлен желанием сделать более наглядными рассматриваемые параллели в ЗА и ВА.

⁵ Перфектная и имперфектная основы обычно маркируются суффиксом -Ø/-с'-, но могут также быть супплетивные пары, как в случае *utem* (чередование корней *ut-/ker-*).

Таблица 1. Обзор западноармянской глагольной системы

Основа	Время	Утверд. форма	Отриц. форма
Имперфектив	императив ед.ч.	<i>ker!</i>	<i>mi! uter</i>
	субъюнктив през.	<i>ute-m</i>	<i>č'-ute-m</i>
	субъюнктив имперф.	<i>ute-i</i>	<i>č'-ute-i</i>
	презенс имперфект	<i>k'-ute-m</i> <i>k'-utē-i</i>	<i>č'-em ut-er</i> <i>č'-ei ut-er</i>
	будущее будущее в прош.	<i>piti ute-m</i> <i>piti ute-i</i>	<i>piti č'-ute-m</i> <i>piti č'-ute-i</i>
Перфектив	аорист	<i>ker-a</i>	<i>č'-ker-a</i>
	перфект 1	<i>ker-ac em</i>	<i>č'-em kerac</i>
	плюсквамперф. 1	<i>ker-ac ēi</i>	<i>č'-ei kerac</i>
	перфект 2	<i>ker-er em</i>	<i>č'-em kerer</i>
	плюсквамперф. 2	<i>ker-er ēi</i>	<i>č'-ei kerer</i>

Таблица 2. Обзор восточноармянской глагольной системы

Основа	Время	Утверд. форма	Отриц. форма
Имперфектив	императив ед.ч.	<i>ker !</i>	<i>mi! ker</i>
	субъюнктив през.	<i>ute-m</i>	<i>č'-ute-m</i>
	субъюнктив имперф.	<i>ute-i</i>	<i>č'-ute-i</i>
	презенс имперфект	<i>utum em</i> <i>utum ei</i>	<i>č'-em utum</i> <i>č'-ei utum</i>
	будущее 1	<i>utelu em</i>	<i>utelu č'-em</i>
	будущее в прош. 1	<i>utelu ei</i>	<i>utelu č'-ei</i>
	будущее 2	<i>piti ute-m</i>	<i>č'-piti ute-m</i>
Перфектив	будущее в прош. 2	<i>piti ute-i</i>	<i>č'-piti ute-i</i>
	будущее 3	<i>k-ute-m</i>	<i>č'-em uti</i>
	кондиционалис	<i>k-ute-i</i>	<i>č'-ei uti</i>
	аорист	<i>ker-a</i>	<i>č'-ker-a</i>
	перфект	<i>kerel em</i>	<i>č'-em kerel</i>
	плюсквамперфект	<i>kerel ei</i>	<i>č'-ei kerel</i>

Таблицы 1–2 показывают, что система модальных и видо-временных форм в современном армянском языке характеризуется определенным набором морфологических оппозиций:

1) В глагольной основе маркируется противопоставление по виду: основа имперфектива (называемая также основой настоящего времени) противопоставляется основе перфектива (называемой также основой аориста). Следует отметить, что от основы имперфектива образуется широкий диапазон наклонений (сослага-

тельное, изъявительное, условное и повелительное наклонение для правильных бессуффиксных глаголов⁶), тогда как основа перфектива употребляется только для изъявительного наклонения.

2) Флексия также маркирует темпоральную оппозицию между прошедшим и настоящим временем. Все формы, за исключением аориста и императива, структурированы в рамках бинарной оппозиции настоящее/прошедшее, как это видно из таблиц 1–2, где большинство ячеек содержит противопоставленные таким образом парные формы. В. А. Плунгян [2006] обозначает это явление термином «темпоральная подвижность». Аорист является единственным флексивным временем, не обладающим этой характеристикой.

Подобные типы противопоставлений хорошо известны в индоевропейских языках и представлены в древнеармянском. Третий же тип морфологической оппозиции (см. ниже) развился в глагольной системе уже в современном языке.

3) Способ образования словоформы, синтетический (основа + флексия) или аналитический (частица⁷ + флексивная форма или вспомогательный глагол + нефинитная форма), связывается с маркированием модальности. Частица маркирует ассертивный статус (*актуализация* в терминах Кюльоли), в то время как вспомогательный глагол маркирует связь с ситуацией высказывания. Тот факт, что эти два типа маркирования могут не совпадать в утвердительных и отрицательных формах одного и того же

⁶ Императив единственного числа образуется в зависимости от класса глагола от основы настоящего времени (правильные переходные глаголы) или от основы аориста (суффиксальные инхоативные и каузативные глаголы, а также неправильные первичные глаголы, такие как *ker* ‘ешь!’), образующиеся непосредственно от формы аориста). Образование формы императива существенно различается в ВА и ЗА.

⁷ Мы используем термин «частица» для обозначения всех превербальных видо-временных маркеров, будь то префиксы или отдельные слова. Относительно *k(a)* отметим, что эта морфема выступает как слово (проклитика) в ЗА и как префикс в ВА. При том, что грамматикализация *k(a)* происходила в двух языках, по-видимому, в разные периоды, различия, связанные с нормой их написания, не отражают их грамматическую природу.

времени (ср. настоящее время в 3А, Таблица 1), показывает, что они являются двумя способами выражения одной операции.

Так, в Таблицах 1 и 2 мы видим, что времена могут быть ранжированы по признаку их морфологического «веса» от наиболее «легкого» к наиболее «тяжелому»⁸:

Таблица 3. Ранжирование глагольных форм современного армянского по морфологическому «весу»

Основа	Спряжение	Темпор. подвижность	Аналитич. форма	
×				императив единственного лица
×	×			аорист
×	×	×		субъюнктив настоящего/прошедшего
×	×	×	×	наст./имперф.
×	×	×	×	буд./буд. в прош. или условное
×	×	×	×	перф./ плюсквамперф. и формы с двойным вспомогательным глаголом
×	×	×	×	перф.2/плюсквамперф.2 (эвиденциальный)
×	×	×	×	полу-грамматикализированные перифраз- тические формы (и все отрицательные фор- мы, прохибитив)

Приведенная в Таблице 3 иерархия форм показывает, что аорист, как и ожидается в соответствии с кросслингвистическими особенностями этой категории, является в армянском одной из самых минимальных морфологических глагольных форм. По своим модальным характеристикам она отчетливо противопоставлена соседним формам в иерархии, — парадокс, который обна-

⁸ Темпоральные парадигмы ВА и 3А совпадают лишь частично. Даже при совпадении на уровне категорий, стратегии маркирования форм могут различаться. Так, в изъявительном наклонении утвердительные формы оформляются с помощью вспомогательного глагола в ВА и частицы в 3А. Это не противоречит общим особенностям распределения морфологических признаков в Таблице 3.

руживается и в других языках (например, в хинди аорист и контрфактив являются единственными синтетическими формами). Аорист, оставаясь ассертивным и актуализированным временем (иначе говоря, временем индикатива), имеет тот же «вес», что и неиндикативный субъюнктив. Впрочем, аорист отличается от субъюктива⁹, как и от всех прочих флективных форм за исключением императива, тем, что он не входит в бинарную оппозицию настоящее/прошедшее.

Из Таблиц 1, 2 и 3 становится ясно, что аорист занимает особое положение в глагольной системе современного армянского языка, что уже отмечалось в некоторых исследованиях, последними из которых являются [Плунгян 2006] и [Giorgi, Narutyunian 2011]. В.А. Плунгян подчеркивает тот факт, что аорист существует вне системы форм прошедшего, в то время как А. Джиорджи и С. Арутюнян идут еще дальше и предлагают рассматривать аорист как перфектив без темпорального маркирования, принимая во внимание тот факт, что в современном армянском аорист может выражать также и будущее время.

С учетом изложенного выделяются два основных вопроса, касающихся статуса аориста в современном армянском:

1) Учитывая, что аорист не имеет маркера актуализации (ни вспомогательного глагола, ни частицы), является ли он временем индикатива¹⁰?

2) Учитывая, что аорист не участвует в темпоральной оппозиции, относится ли он к прошедшему времени?

⁹ Параметр темпоральной подвижности имеет особый статус по сравнению с другими параметрами. Он показывает, каким образом синтетические формы субъюктива, имея тот же морфологический «вес», что и аорист, оказываются ниже его во флективной иерархии, поскольку только аорист обладает темпоральной подвижностью.

¹⁰ В. А. Плунгян, рассматривая только ВА, связывает модальность с темпоральной подвижностью (в грамматике ВА, то, что мы называем будущее 3, определяется как условное, а наше будущее 2 — как дебитив). Действительно, из того факта, что настоящее время также выражается в ВА с помощью вспомогательного глагола, можно было бы сделать вывод о том, что аналитические формы характеризуют времена индикатива, а синтетические формы являются неиндикативными.

В конечном счете, эти вопросы имеют отношение к тому, как мы понимаем различие между аористом и претеритом. В армянской грамматической традиции аорист определяется как *anc'eal katareal*, “прошедшее совершенное” («past perfect»), что соответствует именно такому пониманию претерита, которое было дано выше.

Обратимся к анализу аориста. А. Джиорджи и С. Арутюнян [Giorgi, Narutyunian 2011: 98], опираясь на диахронию армянского аориста, справедливо отмечают, что основа армянского аориста, которая начиная с древнеармянского периода маркируется морфемой *-c'*, передает скорее видовое чем временное значение. Однако они не учитывают окончаний аориста, которые, вне всякого сомнения, являются показателями прошедшего времени, хотя аорист и не входит в бинарную темпоральную оппозицию. При этом невозможно отрицать, что аорист является формой перфектива прошедшего времени. Это очевидно как в отношении регулярных глагольных классов (например, *grel* ‘писать’), так и в отношении нерегулярных классов с так называемым спряжением аориста второго типа (например, *amusnanal* ‘жениться’)¹¹.

Таблица 4. Аорист и показатели времени

	През.	Имперф.	Аор.
1 sg.	<i>gre-m</i>	<i>gre-i</i>	<i>grec'-i</i>
2 sg.	<i>gre-s</i>	<i>gre-ir</i>	<i>grec'-ir</i>
3 sg.	<i>gre-ø</i>	<i>gre-r</i>	<i>grec'-ø</i>
1 pl.	<i>gre-nk'</i>	<i>gre-ink'</i>	<i>grec'-ink'</i>
2 pl.	<i>gre-k'</i>	<i>gre-ik'</i>	<i>grec'-ik'</i>
3 pl.	<i>gre-n</i>	<i>gre-in</i>	<i>grec'-in</i>

	През.	Имперф.	Аор.
1 sg.	<i>amusnana-m</i>	<i>amusnanay-i</i>	<i>amusnac'-a</i>
2 sg.	<i>amusnana-s</i>	<i>amusnanay-ir</i>	<i>amusnac'-ar</i>
3 sg.	<i>amusnana-ø</i>	<i>amusnana-r</i>	<i>amusnac'-av</i>
1 pl.	<i>amusnana-nk'</i>	<i>amusnanay-ink'</i>	<i>amusnac'-ank'</i>
2 pl.	<i>amusnana-k'</i>	<i>amusnanay-ik'</i>	<i>amusnac'-ak'</i>
3 pl.	<i>amusnana-n</i>	<i>amusnanay-in</i>	<i>amusnac'-an</i>

¹¹ Приведенные здесь глаголы распределяются по флексивным классам одинаково в ВА и в ЗА, хотя инвентарь глаголов не совпадает.

В регулярных глагольных классах типа 1 (*grel*), окончание *-i*, совпадающее в аористе и имперфекте, маркирует прошедшее время. Что касается типа *amusnanal*, совпадение *-r* в 2 sg. имперфекта и аориста показывает принципиальное сходство между типами 1 и 2 несмотря на различные гласные (*-ir/-ar*).

Таким образом, с точки зрения **морфологии** мы можем охарактеризовать аорист в армянском как:

- а) перфектив прошедшего времени (флексия прошедшего времени, присоединяемая к основе перфектива);
- б) синтетический тип по способу образования словоформы;
- с) не участвующий в бинарной оппозиции настоящее/прошедшее.

На **семантическом** уровне, интерпретация аориста как перфектива прошедшего времени подтверждается большим количеством примеров с претеритальным значением, хотя оно и не исчерпывает всех употреблений аориста ни в армянских грамматиках, ни в корпусе. По всей видимости, для того, чтобы лучше понять природу аориста, необходимо учитывать и его формальные характеристики. Так, например, учитывая критерий темпоральной подвижности, В.А. Плунгян ставит под сомнение связи аориста с индикативом и подчеркивает важность параметра модальности.

Согласимся с Плунгяном в том, что модальность является ключом к пониманию аориста. Следует, однако, отметить, что его выводы ослабляются тем, что анализ во многом основывается на изолированном рассмотрении времен индикатива вне их связей с глагольной системой в целом. Если же мы будем рассматривать аорист как часть модального континуума, не относя его априорно к индикативу, то выводы могут быть другими. Моя гипотеза состоит именно в том, что **наклонение** не является **бинарным** признаком, структурирующим армянскую глагольную систему, которая организована скорее по принципу **градуальной** оппозиции, коррелирующей с иерархией морфологических «весов», приведенной в Таблице 3. В таком случае, вопрос, поднятый В.А. Плунгяном, можно переформулировать следующим образом: занимая соседнее положение с императивом и субъюнктивом в иерархии по морфологическому «весу», относится ли аорист к индикативу?

Историческое развитие стратегий маркирования индикатива в глагольной системе армянского языка, связанное с хорошо известными в типологии процессами¹², говорит в пользу именно градуального решения, в связи с чем термин «индикатив», возможно, следует заменить на термин, характеризующий маркирование актуализации. Такой подход нуждается в параметре, связанном с модальностью и определяющем тип высказывания.

В восходящей к Э. Бенвенисту лингвистической традиции, которой следует и Кюльоли, параметр «тип высказывания» находится в самом центре грамматического анализа, а не ограничивается отдельным языковым уровнем, например, прагматикой. Некоторые особенности теоретического подхода Кюльоли представляются исключительно полезными для интересующего нас вопроса. Первая из таких особенностей состоит в хорошо известном противопоставлении *текста* (нарративный регистр) и *дискурса* (дискурсивный регистр), необходимость различения которых была сформулирована Бенвенистом¹³. Не менее важны базовые понятия *теории ассертивности* Кюльоли, интерпретирующей речевую ситуацию (Sit_0) как совмещение двух координат: говорящий S_0 и момент речи T_0 . Вслед за Кюльоли, мы также определяем ассертивный акт следующим образом: высказывание *Солнце светит*, в действительности, содержит в себе три утверждения, (1) *Я говорю*, (2) *солнце светит*, (3) *это истинно*. (1) представляет координаты высказывания, (2) содержание пропозиции (как его определяет Серль), (3) суждение об истинности, гарантом которой является говорящий.

¹² Д. Коэн [Cohen 1985] описывает процесс, который в диахронии семитских языков приводит к переходу показателя презенса в показатель субъюнктива в результате создания новой формы презенса с более отчетливым маркированием актуализации. Сходным образом древнеармянские морфологически тяжелые формы субъюнктива были заменены к новоармянскому периоду формами, выражавшими в древнеармянском презенс, в то время как для выражения презенса в новоармянском возникли перифрастические формы.

¹³ О различении понятий «истории» (*histoire*), изначально предложенного Бенвенистом, и «рассказа» (*récit*), который используется в данной работе, см. [Vogüé 1989].

Действительно, следуя логике Д. Козна [Cohen 1985], удивительная диахроническая стабильность армянского аориста, на которую неоднократно обращали внимание лингвисты (например, [Markarian 2004: 435]), может указывать на его особую связь с актуализацией высказывания. Можно предположить, что диахроническая стабильность, отличающая аорист от других индикативных времен, вызвана тем, что его ассертивная функция теснейшим образом связана с нарративным регистром. Наоборот, устойчивые стратегии маркирования актуализации в презенсе связаны с перифрастическими формами, которые являются результатом грамматикализации показателей дискурсивных значений¹⁴.

С этих позиций, ставя задачу прояснить описание армянского аориста в свете его формальных и семантических характеристик, мы рассмотрим употребления аориста в современном армянском языке по данным грамматик и корпуса (см. сноску 4). Мы попытаемся уточнить характеристики каждой разновидности его употребления и соотнести их со специфическими свойствами аориста в глагольной системе армянского языка. Вначале мы рассмотрим более однородные употребления, связанные с нарративным регистром, а затем перейдем к рассмотрению гетерогенных употреблений, связанных с дискурсивным регистром.

3. Значения аориста в современном армянском

В [Donabédian 1998] были формулированы характеристики ЗА аориста в его отношении к высказыванию и выделены три актуальных для аориста различительных признака: событийность, компактность и отсутствие локализации относительно речевой

¹⁴ Именно это произошло в армянском с частицей *k-/kə*, которая подверглась грамматикализации в среднеармянский период (по историческим причинам, эта стадия языка доступна только в западном ареале), восходит к дефективному глаголу *ka* ‘держаться, стоять’, который (1) изначально употреблялся в сочетании со стативными глаголами *ka* и *tna* ‘стоит и остается тут’, (2) позже — со всеми типами глаголов, затем (3) он грамматикализуется в форме *ku* и, наконец, (4) его алломорф *k-/kə* расширяет значение и становится в ЗА маркером индикатива настоящего времени (актуализированного), по контрасту с субъюнктивом настоящего времени.

ситуации. Такая интерпретация соответствует подходу к аористу, развиваемому в рамках идей Кюльоли на материале самых разных языков ([Guentchéva 1990; Vassilaki, Tsamadou 1995; Montaut 2006a, 2006b]).

В данном разделе будет показано, как эти три свойства проявляются в употреблениях аориста в армянском, и почему учет именно этих свойств лучше подходит для объяснения очень противоречивой природы аориста, чем учет характеристик, выделяемых в грамматиках, будь то традиционные армянские грамматики¹⁵ или интерпретации, основанные на различных типологических подходах, как например, грамматика Ж. Дум-Трагут [Dum-Tragut 2009].

Как будет показано ниже, эти три свойства позволяют описать специфику аориста без необходимости выделять многочисленные исключения, связанные с ограничениями в употреблении аориста, которые фиксируются в грамматиках (семантические свойства процесса, несовместимость аориста с некоторыми глаголами, контекстами, etc.).

Возможно, именно стремление учесть многочисленные исключения побудило Ю.С. Маслова [Маслов 1981: 248] использовать исключительно негативные формулировки для описания аориста в болгарском: «Аорист констатирует прошедшее (или мыслимое как прошедшее) действие без рассмотрения этого действия в самом процессе его протекания и без учета его отношения к положению дел в момент речи». Такое определение вызвало критические замечания Ф. Сейлера, приводимые З. Генчевой [Guentchéva 1990: 94]. Сильная сторона такой формулировки состоит в том, что автор, не являясь последователем теории актов высказывания, тем не менее, помещает в центр определения позицию говорящего и тем самым избегает исключений, неизбежных при других чисто референциальных формулировках.

Рассматривая три указанных свойства на примерах из армянского языка, мы попытаемся показать, что употребление

¹⁵ От грамматики Абеяна начала 20-х годов до грамматики Маркаряна [Markarian 2004].

аориста в армянском скорее предполагает выбор говорящего, нежели указывает на ограничения, налагаемые контекстом высказывания (тип события/действия, длительность действия и т.д.) или лингвистическим контекстом (сочетаемость с некоторыми наречиями, связь с другими действиями, etc.). Влияние контекста проявится лишь как тенденция, а не является правилом.

Ниже мы проиллюстрируем важное различие между употреблением аориста, с одной стороны, в **нарративном регистре** (*récit*), который характеризуется временной отнесенностью сообщаемого факта к прошлому и логическим отношением дизъюнкции от речевой ситуации и от ее локализаторов (“герèге” в терминологии Кюльоли) и, с другой стороны, в **дискурсивном регистре**, в котором сообщаемый факт характеризуется определенной темпоральной локализацией относительно T_0 .

3.1. Нарративные употребления: «претеритное» значение

В нарративном регистре временное значение аориста связано с перфективом прошедшего, что согласуется с названием аориста в армянском (*anc'eal katareal* «прошедшее совершенное»). Действительно, значение перфектива прошедшего считается прототипическим для аориста как в армянском, так и во многих других индоевропейских языках, таких как ново-греческий [Vassilaki, Tsamadou 1995: 46], болгарский [Guentchéva 1990], персидский [Lazard 1957: 141; Lessan-Pezehki 2002], хинди [Montaut 2006a] и др.

3.1.1. *Отсутствие темпоральной локализации речевой ситуации (дизъюнкция от T_0)*. Это свойство является сущностной характеристикой нарративного регистра, в котором дискурсивные параметры отходят на второй план: временная отнесенность аориста к моменту речи может выражаться с помощью обстоятельств времени (*иногда, когда я был молодым, в прошлом году, 10 дней назад, вчера* и т. д.). Их функция состоит в том, чтобы определить временную отнесенность сообщаемого факта, позволяющую далее строить высказывание вне его связи с моментом речи. Таким образом, форма аориста оказывается наиболее отвлеченной от акта высказывания, позволяя говорящему в том числе сообщать о вымышленных событиях, особенно в письменной форме, оторванной от ситуации высказывания.

Указанное свойство связано с одним из формальных признаков армянского аориста. В то время как перфект, состоящий из перфективного причастия и вспомогательного глагола в презенсе, локализован во времени речевой ситуации и выражает актуальность обозначаемого события в момент речи (результативное, экспериенциальное значения и т.д.), в синтетической форме аориста связь с моментом речи не выражена; она обозначает событие как таковое и переносит слушающего ко времени повествования.

Свойство временной дизъюнкции, или отсутствие связи с моментом речи, объясняет, почему темпоральная локализация события, выраженного формой аориста, маркируется в большинстве случаев контекстом, обстоятельствами времени (1) или сопутствующим предикатом в форме имперфекта, задающим временную рамку для события, выраженного аористом (2) и (4):

- (1) Այդ օրը Կուշոն երկար **խոսեց**, **շատախոսեց**, **պատմեց** Երևանից, ապա ծրագիրներ **կազմեց** իր Բաքու գնալու մասին, հետո Բիլուն **առաջարկեց** գնալ միասին ման գալու:

ayd *ōr=ə* *kušo=n* *erkar* *xosec*‘
 тот день=DEF Кушо=DEF долго говорить.AOR.3SG
šataxosec‘ *patmec*‘ *erewan-ic*‘
 обсуждал.AOR.3SG рассказывал.AOR.3SG Ереван-ABL
apa *cragir-ner* *kazmec*‘ *ir* *Bak*‘*u*
 затем план-PL составить.AOR.3SG 3SG.GEN Баку
gnal-u *masin*, *heto* *Bilu=n*
 переезжать-GEN об затем Билу=DEF
ařařarkec‘ *gnal* *miasin* *man.gal-u*
 предложил-AOR.3SG идти вместе прогуляться-GEN

‘В этот день Кушо долго говорил, что-то обсуждал, выяснял все о Ереване, затем поделился своими планами переехать в Баку, после чего Билу предложил прогуляться.’ (Гурген Маари)¹⁶

¹⁶ Здесь и далее восточноармянские контексты цитируются по Восточноармянскому национальному корпусу (*Eastern Armenian*

- (2) Մինչ Ռոմիկը պատմում էր, Սարոն **բերեց** թեյը, բաժակներ, շաքարի փոխարեն խուրմա **դրեց** սեղանին:

minč' romik=ə patmum ēr saro=n
 Пока Ромик=DEF говорить.PTC.PRS AUX.IPF.3SG Саро=DEF

ber-ec' t'ey=ə bažak-ner šakar-i
 приносить-AOR3SG чай=DEF чашка-PL сахар-GEN

p'oxaren xurma drec' setan-i=n
 вместо финик класть.AOR.3SG стол-DAT=DEF

‘В то время, как Ромик говорил, Саро **принесла** чай, чашки, а вместо сахара **поставила** на стол финики.’ (Шаген Татикян)

При этом отсутствие эксплицитно выраженной временной рамки также возможно: аорист может выражать временную отнесенность сам по себе, поскольку в диалоге он функционирует как шифтерный оператор, маркирующий переход от дискурсивного регистра к нарративному:

- (3) (3A) Շատ ծանր է իր վիճակը, բայց մենք ալ յանցաւոր ենք: Իրեն համար մէկը բան մը **չըրի**:

šat canr ē ir vičak=ə
 очень тяжелый COP.PRS.1SG 3SG.GEN ситуация=DEF

bayc' menk' al hanc'avor enk'
 но мы также виноватый COP.PRS.1PL

Ir hamar mekə ban mə č' =ər-av
 3SG.GEN для кто-то что-то INDEF NEG=делать.AOR-3SG

‘Он в трудной ситуации, но мы и сами виноваты. Никто для него ничего не **сделал**.’

Свойство отсутствия связи с моментом речи (T_0), присущее нарративному регистру, является определяющим фактором ряда ограничений на употребление аориста. На это указывают многие лингвисты, например, Ж. Дум-Трагут: «Аорист не совместим с наречиями или словосочетаниями, обозначающими неопределенное время, такими как *erbewē*, *orewē žamanak* ‘всегда, в любое

National Corpus: eanc.net); перевод на русский язык автора данной статьи. Примеры без указания источника основаны на элицитации.

время', *hačax* 'часто', etc.» [Dum-Tragut 2009: 231]. Тем не менее, обращение к Восточноармянскому национальному корпусу (*Eastern Armenian National Corpus: eanc.net*) дает 48 употреблений *hačax* 'часто' и 50 примеров *erbewē* 'когда-нибудь' в сочетании с аористом. Таким образом, если такое ограничение и существует, оно является скорее тенденцией, чем правилом: временная дизъюнкция между сообщаемым фактом в аористе и T_0 предполагает, что событие может иметь автономную временную локализацию, неопределенную относительно T_0 независимо от того, определяется ли она контекстом или нет (см. пример 3, в котором аорист формирует собственную темпоральную референцию). Некоторые примеры, в которых аорист сочетается с *hačax* и *erbewē*, будут проанализированы ниже в разделах 3.1.2 и 3.1.3.

3.1.2. Компактное и целостное событие. Второе свойство, которое также рассматривается как характеристика аориста в современном греческом¹⁷, это, возможно, то, что побуждает лингвистов интерпретировать аорист как недуративное время, на временной оси представляемое в виде точки, в то время как имперфект представляется в виде интервала. В случае с непределенными событиями (непределенность может быть свойством лексического значения глагола или его контекстным проявлением) имперфект задает временную рамку (интервал между начальной и конечной границами события), в то время как аорист представляется точкой с неопределенными границами, поскольку ориентирован на представление события как единого целого:

- (4) Մինչ հյուրերը կդիտեին կառուցվող տաճարը, մոտեցա ճարտարապետին:

minč' hyur-er=ə k.dit-ein

пока гость-PL=DEF смотреть.FUT/CONJ-3PL

kařuc'vol tačar=ə motec'-a

строющийся храм=DEF приближаться.AOR-1SG

¹⁷ «С точки зрения выражения вида, значение основы аориста можно представить как не поддающийся делению компактный интервал. Соответственно он воспринимается как целое, и обозначаемое событие понимается обобщенно, не допуская выделения в его составе начала, середины и конца» [Vassilaki, Tsamadou 1995: 46].

čartarapet-i=n

архитектор-DAT=DEF

‘В то время как гости рассматривали строящуюся церковь, я подошел к архитектору.’ (Ерджаник Караханян)

А. Маркарян [Markarian 2004: 434], со ссылкой на [Abeghyan 1965], утверждает, что аорист выражает событие не имеющее длительности, в то время как А. Джиорджи и С. Арутюнян [Giorgi, Harutyunian 2011: 101] говорят, что аорист сочетается исключительно с точечными действиями. Очевидно, что это свойство касается не реальной длительности события, поскольку аорист сочетается со стативными и дуративными глаголами, как в (7), а также с итеративностью. Несовместимость с наречием *hačax* ‘часто’, на которую указала Ж. Дум-Трагут, в действительности является тенденцией, обусловленной признаком компактности, присущим аористу, а не ограничением на сочетаемость аориста с показателями временной неопределенности. Это объясняет, почему ограничения такого рода не являются абсолютными, ср. примеры (5–6):

- (5) *Զանգեզուրից վերադառնալուց հետո այդ գրառման հետ կապված դեպքը իսկույն Համո Սահյանին պատմեցի, և դա այնքան դուր եկավ նրան, որ հաճախ վերհիշեց ու ծիծաղեց:*

zangezur-ic veradaɾnal-uc heto ayd

Зангезур-ABL возвращаться-ABL после то

graɾm-an het kapvac depk'=ə iskuyn

запись-GEN с связанный событие=DEF действительно

hamo sahyan-i=n patmec'-i ew da

Хамо Сахьян-DAT=DEF рассказывал.AOR-1SG и это

aynk'an dur.ek-av nran or hačax

настолько нравиться-AOR.3SG 3SG.DAT что часто

verhišec' u cicalec'

пересказывать.AOR.3SG и смеяться.AOR.3SG

‘Возвратясь из Зангезура, я действительно подробно **рассказывал** Хамо Сахьяну все обстоятельства, связанные с этой записью, и ему это так **понравилось**, что он часто **пересказывал** их и **смеялся**.’ (Ваагн Давтян)

- (6) Այդ մի ամսում հաճախ **էլա** նրա մոտ, երբեմն ամէն օր:
ayd mi ams-um hačax ela nra
 тот один месяц-LOC часто быть.AOR.1SG 3SG.GEN
mot, erbemñ amen ōr
 рядом иногда каждый день
 ‘Весь этот месяц я часто **был** рядом с ним, иногда ежедневно.’ (Рубен Зарян)

Событие может быть представлено как компактное даже в том случае, если глагольная группа имеет итеративное или дуративное значение. Это позволяет рассматривать глагольные времена скорее как операторы, которые обуславливают семантику высказывания, нежели как маркеры, кодирующие референтную ситуацию или контекст. Именно это прослеживается в примере (6), где аорист позволяет употребить стативный глагол для описания динамического события.

3.1.3. *Динамическое событие.* Признак компактности тесно связан с признаком динамичности события (в противовес стативным и результативным событиям), особенно в нарративном регистре. В примере (7), дуративные события, обозначаемые глаголами *kangnel* ‘стоять’ и *nayel* ‘смотреть’, представляются как компактные события, включенные в нарративную цепочку:

- (7) Եզը կանգնեց, կանգնեց, նայեց, նայեց մեզ, հանկարծ փոնչացրեց, շուտ եկավ և, պոչը տատանելով, վազեց միննույն ուղղությամբ:
Ez=ə kangnec‘ kangnec‘ nayec‘
 бык=DEF стоять.AOR.3SG (idem) смотреть.AOR.3SG
nayec‘ mez hankarc p‘rñč‘ac‘rec‘
 (idem) 1PL.ACC вдруг чихнул.AOR.3SG
šur.ek-av ew poč‘=ə tatanel-ov
 повернулся.AOR-3SG и хвост=DEF махать-INSTR
vazec‘ miewnuyn ullyt‘y-amb
 бежать.AOR.3SG тот же направление-INSTR
 ‘Бык **стоял** там, **стоял**, **смотрел** на нас, **смотрел**, а потом вдруг **чихнул**, **развернулся** и, махая хвостом, **побежал** в том же направлении.’ (Нар-Дос)

Дуративная семантика стативных глаголов *kangnel* ‘стоять’ и *payel* ‘смотреть’, усиленная редупликацией, создает эффект ожидаемости события, которое можно определить через отрицание (остановка, прекращение движения); здесь стативный глагол выражает состояние, которое контрастирует с тем, что ожидалось (ожидалось, что бык продолжит движение) и, таким образом, имеет коннотацию динамического события.

З. Генчева [Guentchéva 1990: 84] считает *событийность* (*l'occurrence d'événement*) базовой чертой аориста в болгарском. В действительности это значение связано со значением претерита, которое упоминалось выше в отношении ряда индоевропейских языков. А. Маркарян [Markarian 2004: 436] характеризует армянский аорист как время, которое обеспечивает поступательный ход повествования. По мнению Ж. Дум-Трагут [Dum-Tragut 2009: 231], армянский аорист употребляется как основная нарративная форма, особенно для выражения ряда последовательных действий/ситуаций и только в тех случаях, когда говорящий был их свидетелем.

Компактность события связана в первую очередь с акциональным классом *достижений* (achievements), включающим, согласно Вендлеру, динамическое и предельное действия. Достижения обычно предполагают контекст с несколькими хронологически упорядоченными событиями. Таким образом, аорист является в первую очередь временем хронологической последовательности событий. См. (1), а также (8):

- (8) Ագահ և չարամիտ որդի ծակէց ընկույզի կեղևը, ներս մտաւ, ւիջուկը կերաւ, դատարկէց, նստեց ու երգեց (...)
- agah ew č'aramit ord=ə cakec'*
 жадный и злой червяк=DEF прогрызать.AOR.3SG
ənkuyz-i kelew=ə ners mt-av
 орех-GEN скорлупа=DEF внутрь залезать.AOR-3SG
mijuk=ə ker-av datarkec'
 мягкость=DEF есть.AOR-3SG опустошать.AOR.3SG
nstec' u ergec'
 сесть.AOR.3SG и петь.AOR.3SG

‘Жадный и злой червяк **прогрыз** скорлупу ореха, **залез** внутрь, **съел** мякоть, **опустошил** (орех), **уселся** и **начал петь**’,¹⁸ (Атабек Хнкоян)

Согласно А. Монто [Montaut 2006b: 188], аорист в хинди представляет собой простую последовательность завершенных процессов без их оценки говорящим; перфект напротив, предполагает оценку процесса, подводящего итог прошедшему действию. Это полностью соответствует ситуации в армянском¹⁹.

Сочетание свойств *компактности* и *событийности* объясняет, почему последовательность форм аориста часто обозначает хронологическую последовательность, что само по себе, строго говоря, не является базовым значением аориста и не может ограничивать его употребление. Это подтверждается корпусными данными, содержащими многочисленные примеры употребления аориста вне хронологической последовательности событий, так что выбор формы аориста определяется лексическим классом глагола (ср. (7), где первые два стативных глагола выражают синхронные события), контекстом логического (а не хронологического) следования.

(9) Տնակը ջերմացավ, լցվեց, ծիծաղեց:

<i>tnak</i> =ə	<i>ǰermac</i> ‘-av	<i>lc</i> ‘vec’
домик=DEF	согреться.AOR-3SG	заполняться.AOR.3SG

¹⁸ В армянском буквально ‘спел’, но нарративная структура предполагает последовательность динамических процессов, которая придает аористу ингрессивное значение.

¹⁹ Ср. пример из [Barchian 2003: 304]: армянский профессор рассказывает о своем приезде в Париж, где на вокзале его никто не встретил (в переводе). *Там ночью мы всю ночь пировали (PFT) по случаю расставания, я пошел спать (PFT) в 7 утра, в 8:30 я сел (PFT) в скоростной поезд и приехал (PFT) в час дня на Лионский вокзал. (Никого не видел).// Я беспокоился (AOR) и подумал (AOR), он наверно в пути, может, появится.* Последовательность форм перфекта создает кумулятивный эффект, результатом которого является состояние, в котором в прошлом пребывал говорящий. Формы аориста появляются, когда дело уже не в итогах того, что предшествовало приезду, а в конкретном действии.

cicalac ‘

улыбаться.AOR.3SG

‘Дом **согревался, заполнялся, улыбался.**’ (Мкртич Саркисян)

В примере (9) метафорическое употребление глаголов объясняет, почему хронология оказывается нерелевантной. Можно также привести примеры цепочек онтологически связанных глаголов, создающих кумулятивный эффект, который не затрагивает их событийного значения; такие цепочки могут выражать эмфазу, когда все глаголы в цепочке призваны описывать одно и то же поведение, ср. (10):

- (10) Բայց ինչո՞ւ են մոռացվում նրանք, ովքեր **չլռեցին, խոսեցին, պայքարեցին, ասացին** ճշմարտությունը եւ այսօր էլ ասում են:

Bayc ‘*inč* ‘*u en mořac* ‘*vum nrank* ‘
но почему AUX.3PL забывать.PASS.PTC.PRS тот

ov-k ‘*er č* ‘=*lřec* ‘*-in xosec* ‘*-in*

кто-PL NEG=молчать.AOR-3PL говорить.AOR-3PL

payk ‘*arec* ‘*-in asac* ‘*-in čřmartut* ‘*yun* =*ə ew*
бороться.AOR-3PL говорить.AOR-3PL правда=DEF и

aysōr ēl asum en
сегодня также говорить.PTC.PRS AUX.PRS.3PL

‘Но почему предают забвению тех, кто **не молчал, кто говорил, кто боролся, кто высказывал** правду и продолжает ее высказывать сегодня?’ («Azg Daily», 2008.04.05)

- (11) Քանի անգամ **աղաչեց, խնդրեց, գոռաց**, որ ջուր տան, բայց աղաչանքներն անհետևանք մնացին:

K ‘*ani angam alač* ‘*ec* ‘ *xndrec* ‘
сколько раз умолять.AOR.3SG просить.AOR.3SG

gořac ‘ *or řur tan bayc* ‘
кричать.AOR.3SG чтобы воду дать.3PL но

alač ‘*ank* ‘*-ner* =*n anhetewank* ‘ *mnac* ‘*-in*
мольба-PL=DEF тщетный остаться.AOR-3PL

‘Сколько раз он **умолял, молился, кричал**, чтобы ему дали воды, но его мольбы **остались** тщетны.’ (Шаген Татикян)

Некоторые глаголы часто встречаются вместе и ведут себя как устойчивые словосочетания, например, ‘пить, есть, пировать’:

- (12) Հայրը սիրով ընդունեց նրան, միասին ճաշեցին, կերան, խմեցին, ուրախացան, վերջը հովիվը հայտնեց թագավորի խնդիրը, ասելով (...)

hayr=ə sirov əndunec' nran, miasin
отец=DEF тепло принимать.AOR-3SG 3PL.DAT вместе

čašec 'in ker-an xmec 'in
ужинать.AOR.3PL есть.AOR-3PL пить.AOR-3PL

uraxac 'an verjə hoviv=ə haytnec'
радоваться.AOR-3PL затем пастух=DEF объявить.AOR.3SG

t'agavor-i xndirik '=ə asel-ov
король-GEN просьба=DEF говорить-INSTR

‘Отец принял их тепло, они вместе **ужинали**, **ели**, **пили**, **пировали**, а затем пастух **объявил** волю короля, сказав...’
(Раффи)

Как видно из приведенных примеров, хронологическая последовательность событий в аористе свойственна дискретным событиям, обеспечивающим поступательный ход повествования, но она не является определяющей чертой аориста, поскольку аорист допускает и последовательность неограниченных событий, в том числе и дуративных, не столько выстраивая события в хронологической последовательности, сколько образуя событие сложного состава. Пример (12) показывает, что оба типа последовательностей могут совмещаться: события (*отец тепло их принял, они вместе ужинали, пастух объявил волю короля*) хронологически упорядочены, а глаголы *пили* и *пировали* следуют за *ели* и дробят комплексное действие *ужинали*, с тем, чтобы сделать рассказ более выразительным.

Последовательность глаголов, стоящих в аористе, может передавать и другие типы отношений между описываемыми событиями, иногда — эксплицитно (ср. *henc' ‘как только’* в (13)), иногда — через контекст (ср. отношения причинности в (14)):

- (13) Հա. Հենց արտասանեցիր պրծար՝ հասկացա:

ha henc' artasanec '-ir prc-ar
 да как_только читать.AOR-2SG закончить.AOR-2SG
haskac '-a
 понимать.AOR-1SG

‘Да! Как только ты **кончил** (его) **читать**, я **понял** [что это было не твое стихотворение].’ («Aravot Daily», 2006.11.18)

- (14) Մի շաբաթ հետո պատերազմը սկսվեց, ընկանք տարբեր ռազմաճակատներ:

Mi šabat' heto paterazm=ə sksvec'
 одна неделя после война=DEF начинаться.AOR.3SG
ənk-ank' tarber řazmačakat-ner
 попадать.AOR-1PL разный фронт-PL

‘А через неделю **началась** война, и мы **оказались** на разных фронтах.’ (Аршак)

Общей чертой этих типов отношений между событиями в аористе является то, что они не имеют локализации относительно речевой ситуации. Последовательность событий задается через контекст и/или с помощью лексической семантики. Таким образом, типичная хронологическая последовательность ‘пришел, увидел, победил’ является лишь одним из способов локализации последовательных событий, выраженных аористом.

Свойство событийности также объясняет, почему упомянутая Ж. Дум-Трагут [Dum-Tragut 2009] несовместимость аориста с *erbewē* ‘когда-нибудь; никогда’ не является абсолютной. В утвердительном предложении, появление аориста в сочетании с *erbewē* предполагает отрицательную форму глагола и сигнализирует о том, что событие не имело места в течение данного промежутка времени. Глаголы могут быть *достижениями* по Вендлеру (недуративными):

- (15) իմ ու մերոնց մտքով էրբեւեւ չանցավ գրքիս կամ աշխատանքիս հարցերով Խ.Հ-ին դիմել (<...>)

im u meronc' mtk' -ov erbewē
 1SG.GEN и мой.PL.GEN ум-INSTR никогда
č' =anc' -av grk' -i =s kam
 NEG=проходить.AOR-3SG книга-GEN=1POSS или

ašxatank ‘-i=s *harc* ‘-er-ov *X. H.*-i=n
 работа-GEN=1POSS вопрос-PL-INSTR *X. H.*-DAT=DEF
dimel
 обращаться

‘Мне и моим родным, никогда **не приходило** в голову обратиться к Х. Г. по собственным делам.’ (Армен Шекоян)

- (16) <...> բայց այս վարկածը երբեք **չվարձավ** դատարանության անընդհատ <...>

bayc ‘ays *varkac*=ə *erbewē* *č*‘=darj-av

но эта теория=DEF никогда NEG=становиться.AOR-3SG
datak ‘mut ‘y-an *aṛarka*
 проверка-GEN объект

‘Однако эта теория никогда **не подвергалась** проверке.’
 («Aravot Daily», 2003.11.19)

Однако аорист, представляющий событие как компактное, может быть употреблен даже с дуративными глаголами. Пример (17) может быть переведен с использованием фазового глагола (поддаться/поддаваться отчаянию), что свидетельствует о компактности события, выраженного аористом:

- (17) Չնայած ամռան ու սեպտեմբեր ամսվա տևական, անսովոր երաշտին եգիպտացորենագործները երբեք **չհուսահատվեցին**:

č ‘nayac *amr* ‘-an *u* *september* *ams*-va
 несмотря на лето-GEN и сентябрь месяц-GEN

tewakan, ansovor *erašt*-i=n
 долгая необычная засуха-DAT=DEF

egiptac ‘orenagorc-ner=ə *erbewē*
 кукуруз.сборщик-PL=DEF никогда

č ‘=husahatvec ‘-in
 NEG=отчаиваться.POSS.AOR=3SG

‘Несмотря на исключительно долгую засуху летом и в сентябре, сборщики кукурузы никогда **не отчаивались**.’
 («Зангезур», 1986.10.07)

- (18) Այդ մանուշակից բացի նրան ոչինչ պետք չէր, ու նա կյանքում էրբէւ **չձգտեց** կենցաղային բարեկեցութեան, շրեղ ու քաղցր կյանք **չակնկալեց** ու **չփնտրեց** (...)

Ayd manuşak-ic' bac'i nran oĉ'inĉ' petk'
эта фиалка-ABL кроме 3SG.DAT ничего нужно

ĉ' = ēr u na kyank'-um erbewē
NEG= COP.IPF.3SG и 3SG жизнь-LOC никогда

ĉ' = jgt-ec' kenc' alayin barekec' ut'y-an
NEG=желать-AOR3.SG материальный благополучие-GEN

šk'el u k'alc'r kyank' ĉ' = aknkalec' u
легкий и сладкий жизнь NEG=ожидать и

ĉ' = p' ntrec'
NEG=искать.AOR=3SG

‘Кроме этой фиалки ей ничего не было нужно, и за всю свою жизнь она никогда не соблазнилась материальным благополучием, не искала легкой шикарной жизни и не надеялась на нее.’ (Ваагн Давтян)

Таким образом, когда *erbewē* характеризует длинный временной промежуток, как в (18), *за всю свою жизнь*, вне зависимости от семантики глагола, аорист представляет процесс как событие. В (17) и (18) событийность можно было бы глоссировать как ‘этого не случилось’. Утверждается (или отрицается) именно представление положения дел как единого события.

Как было показано, событийность аориста, тесно связанная с компактностью и отсутствием локализации относительно момента речи, имеет разнообразные семантические реализации, которые позволяют выходить за сформулированные в грамматиках ограничения; эти ограничения необходимо рассматривать как частные проявления свойства событийности.

3.1.4. Модальное значение. В грамматиках часто упоминается модальное значение аориста. З. Генчева [Guentchéva 1990: 94, 107] отмечает, что аорист отсылает к событию, которое несомненно имело место, которое *не вызывает сомнений*, и это отличает его от медиативного/эвиденциального времени. Ж. Дум-Трагут [Dum-Tragut 2009: 231] предполагает, что аорист употре-

бляется только в том случае, если говорящий является свидетелем события.

В действительности, это значение не релевантно для нарративного регистра в армянском, где уверенность в том, что событие имело место, и наличие личного свидетельства не являются маркированными признаками аориста, на что указывают многочисленные примеры, в частности, (20) и (29–36). В большинстве случаев, это свойство аориста упоминается в грамматиках как отличительный признак аориста по контрасту с временами, которые используются при выражении сомнения, неуверенности, отсутствия личного свидетельства (эвиденциальное время или даже плюсквамперфект). Однако это противопоставление касается только дискурсивного регистра; нарративный же регистр, по-видимому, в этом отношении не маркирован.

3.2. Аорист в дискурсивной ситуации

Дискурсивная ситуация допускает употребления аориста, сходные с его нарративными употреблениями, как показывает пример (19), где наблюдается изменение регистра внутри предложения (отмечено знаком «/»):

- (19) Ինչ գծուբոյննէր **արինք**, ինչ **կերանք**, ինչ **խմեցինք**, //
վերջացաւ պրծաւ, 50 օր մենձ Կաթի ա գալիս (...)
inč' gžut'yun-ner ar-ink' inč' ker-ank'
 что безумство-PL делать.AOR-1PL что есть.AOR-1PL
inč' xmes'-ink' verjac'-av prc-av
 что пить.AOR-1PL окончить.AOR-3SG закончить.AOR-3SG
 50 *ōr mēnc pas a galis*
 50 день большой пост AUX.PRS.3SG приходить.PTC.PRS
 'Какие же безумства мы **совершали**, сколько же мы **ели** и **пили**, но с этим **покончено**, нам предстоит 50 дней поста.'
 (Перч Прошян)

Первая последовательность событий («мы ели/пили») является нарративной, в то время как синтагма «с этим покончено» обеспечивает переключение на дискурсивный регистр, которому свойственна темпоральная локализация в речевой ситуации и субъективным отношением говорящего («но вот, к сожалению, ситуация изменилась, и сейчас все по-другому»).

В (19) переключение с одного регистра на другой достаточно очевидно из контекста, однако в дискурсивной ситуации не всегда просто обнаружить, в какой момент говорящий переходит на нарративный регистр. Так, например, фраза *verjapes hasa* 'наконец я приехал' однозначно относится к дискурсивному регистру, в то время как фраза *tak 'siov eka* 'я приехал на такси' может относиться как к дискурсивному, так и к нарративному регистру в зависимости от контекста (с одной стороны, например, как реакция на предположение собеседника о том, что говорящий не мог приехать, с другой стороны, в контексте типа «ты знаешь, сегодня я приехал на такси, потому что в прошлый раз автобус ехал слишком долго»).

Детальный анализ параметров, которые позволяют различать дискурсивные и нарративные употребления аориста, выходит за рамки данной статьи. Данный раздел, прежде всего, посвящен анализу употреблений аориста, которые предполагают локализацию относительно речевой ситуации. Мы попытаемся показать, что: локализация аориста относительно речевой ситуации определяет ряд модальных значений, отличных друг от друга, но связанных с фундаментальными свойствами аориста; эти значения оказывают влияние на видовые характеристики. Это позволит нам показать, что значение «будущего», реализуемое в некоторых предложениях с аористом, органично связано с остальными дискурсивными значениями аориста и не является «парадоксальным» значением.

3.2.1. Локализация относительно речевой ситуации и модальные значения, свойственные дискурсивному регистру. Дискурсивная ситуация предполагает наличие точек отсчета, основными из которых являются «момент речи» и «говорящий», обозначаемых в теории «лингвистики высказывания» Кюльоли как T_0 и S_0 соответственно. Как было показано выше, характерной чертой аориста является отсутствие локализации относительно речевой ситуации. Тем не менее, аорист может появляться в дискурсивных ситуациях. Сочетание этих двух, на первый взгляд несовместимых признаков приводит к появлению у форм аориста некоторых модальных значений.

Согласно Бенвенисту, в дискурсивном регистре, в отличие от нарративного, истинность утверждения определяется говорящим, что делает возможным переход к таким модальным значе-

ниям как **комментарий, личная оценка, эмфаза или сильное утверждение**, см. (19) и (20).

Событийность аориста делает возможным специфический тип утверждения, в котором событие представляется как произошедшее помимо воли говорящего, но осознаваемое им. Это позволяет выразить с помощью форм аориста модальную коннотацию *осознавания*, даже *внезапного осознавания* действия, как в примере (21).

Некоторые контексты и семантика отдельных типов глагола могут способствовать проявлению того или иного значения. Более того, такие часто приписываемые аористу в грамматиках черты, как «событие, наблюдаемое в момент речи», «личное свидетельство», «достоверность события» возникают именно под влиянием таких контекстов или семантических типов, демонстрируя лишь некоторые из возможных значений аориста.

Первый случай иллюстрирует следующий пример:

- (20) Ընտրությունների նախօրեին քաղաքական իրավիճակը լարվում է: Ոչ այնքան վաղուց **պայթեցվեցին** ձեր կուսակցության երկու գրասենյակները: Ո՞ւմ է դա ձեռնտու:

Əntrut 'yun-ner-i naxōre-i=n k'alak 'akan
 выбор-PL-GEN канун-DAT=DEF политический
iravičak=ə larvum ē oč'
 ситуация=DEF напрягаться.PTC.PRS AUX.PRS.3SG не
aynk'an val-uc' payt'ec'vec'-in jer
 настолько время-ABL взрывать.AOR-3PL 2PL.GEN
kusakc'ut'y-an erku grasenyak-ner=ə um ē
 партия-GEN два офис-PL=DEF кому COP.PRS.3SG
da jərntu
 это выгодный

‘Накануне выборов ситуация сложилась напряженная. Не так давно **были взорваны** два офиса вашей партии. Кому это выгодно?’ («Aravot Daily», 2007.05.10)

Здесь не «наблюдается» ни само событие, ни его результат, но событие представляется как значимое для аргументации, допускающая ответную реакцию. Эти признаки ассоциируются с **сильным утверждением**.

Значение, которое интерпретируется в грамматиках как «личное свидетельство» или «достоверность», можно проиллюстрировать следующим примером:

- (21) (3A) Իրաւիւն իւր տնկաւ կէտնրս **սկսաւ** վէպի մը նմանի:
irapēs ays angam kyank ‘=s
 действительно этот раз жизнь=1POSS
sks-aw vēp-i mə nmanil
 начинать.AOR-3SG роман-DAT INDEF напоминать
 ‘Моя жизнь уже действительно **стала** похожа на роман.’

В (21) событие представляется как дискретное с помощью обстоятельства времени *ays angam* ‘на этот раз’. Говорящий осознает, что событие имеет место, и сразу же сообщает об этом. В этом употреблении аорист разделяет ряд общих свойств с эвиденциальным временем/адмиративом²⁰: осознание процесса как одновременного с актом высказывания также является одним из модальных признаков, характерных для западноармянского эвиденциального прошедшего в дискурсивном регистре (миративное значение), о чем свидетельствует возможность поставить глагол в примере (21) в плюсквамперфект, ср. (21a):

- (21a) *irapēs ays angam kyank* ‘=s
 действительно этот раз жизнь=1POSS
skser ēr vēp-i mə
 начинать.PTC.EVID AUX.PST.3SG роман-DAT INDEF
nmanil
 напоминать
 ‘В этот период действительно моя жизнь **стала** похожа на роман.’

В дискурсивной ситуации с отнесенностью к моменту речи T_0 , как в (21), система допускает противопоставление аориста и эвиденциального времени, при котором последнее используется для выражения сильного удивления, неожиданности, чрезвычай-

²⁰ Это может объяснить, почему в хинди адмиративное значение выражается аористом, а не перфектом.

чайного характера события. Но как только высказывание переводится в Т₋₁, как в примере (21а), и выводится за рамки дискурсивной ситуации, такое противопоставление становится невозможным. Это показывает, что описанные значения на самом деле доступны только для дискурсивного регистра [Donabédian 1996].

Два рассмотренных выше свойства аориста обуславливают модальные значения аориста, зависящие от глагольной семантики, контекста, а в ряде случаев — от устойчивых словосочетаний. Некоторые из таких значений отмечались и для других языков:

1) Глаголы внутреннего состояния (3А)

(22) Մոթեցի
<i>anōt'ec' -ay</i>
голодать.AOR-1SG
'Я голоден (проголодался)' | (23) Հսնձրացի
<i>janjrac' -ay</i>
насыщать.AOR-1SG
'Мне надоело! ²¹ ' |
|--|---|

Это значение сходно с употреблением глаголов внутреннего состояния в новогреческом: Βαρέθηκα 'Мне надоело!' [Vassilaki, Tsamadou 1995].

2) Глаголы изменения состояния (3А и ВА)

- (24) Մթնեց
mt'nec'
темнеть.AOR.3SG
'Стемнело.'

3) Значение будущего времени. Это значение упоминается в [Dum Tragut 2009: 232] как ингрессивное значение глаголов движения (*gnac' i*), и соответствует термину *аорист антиципации*

²¹ Кроме того, даже если эти высказывания и обнаруживают сходство с эвиденциальным временем, можно выделить минимальные пары, в которых *anōt'ec' -ay* (аорист) и *anōt'ec' -er em* (эвиденциальное) не являются взаимозаменяемыми. Если в последнем акцент делается на причинности, то в аористе дается простая констатация без установления последовательности событий.

(*aoriste d'anticipation*), который используется в [Lessan-Pezeshki 1998] для персидского языка.

- (25) Գնացիմ (ЗА Գացիմ)
gnac ‘-ink’ (ЗА *gac* ‘-ink’)
 уходить.AOR-1PL
 ‘Пошли!’

Это значение отражает свойство, которое отмечается в [Vassilaki, Tsamadou 1995] применительно к инхоативному значению аориста глаголов состояния или изменения состояния, глаголов, которые обозначают завершение физического процесса (σάπησε, гнить-AOR3SG ‘сгнило’) или же внутренние состояния, как в примерах (22) и (23).

Только такие специфичные для дискурсивного регистра высказывания (со значениями осознания или проспектива) согласуются со значением «совпадения с моментом речи», которое указывается в грамматиках как одна из характеристик аориста. К сожалению, это ограничение не упоминается ни в одной грамматике. Как видно из приведенных примеров, модальные особенности таких употреблений связаны с видовой спецификой: изменение состояния составляет основной компонент всех этих значений.

3.2.2. *Аспектуальные особенности аориста, связанные со свойством компактности события.* Ж. Дум-Трагут [Dum Tragut 2009: 231], не использует понятие «дискурсивный регистр» и отмечает, что в прямой речи аорист обозначает действие, которое произошло непосредственно перед моментом речи, и результат которого можно наблюдать в момент речи. Условие непосредственного предшествования, если его понимать буквально, не соблюдается во множестве случаев. В действительности, близость к моменту речи связана с событийным значением аориста, которое позволяет говорящему зафиксировать событие как таковое, в то время как перфект фиксирует результат события²² в T_0 (ср. дополнение к переводу в скобках):

²² Под признаком «результат, наблюдаемый в момент речи», несомненно, понимается то же самое, но эта формулировка не вполне

(26) Հացդ կերար, արժա՞ր:

hac '=*d* *ker-ar* *prc-ar*
хлеб=2POSS есть.AOR-2SG заканчивать.AOR-2SG
'Ты кончил есть? [Все?]

(26a) Հացդ կերե՞լ ես:

hac '=*d* *kerel* *es*
хлеб=2POSS есть.PTC.PFT AUX.PRS.2SG
'Ты наелся? [ты больше не голоден? Я могу убрать со стола?]

Этот контраст проявляется при различных семантических типах глагола (например, в (26) употреблен глагол, относящийся к акциональному классу *деятельностей* по Вендлеру), а не только в хорошо известном контексте с глаголами класса *достижений* типа 'приезжать, приходить', где аорист имеет значение достижения предела (*это сделано, закончено, мне удалось это сделать*; ср. (27)), в то время как перфект обозначает результат (ср. перевод «он здесь» в (27a)):

(27) (3A) Կերցալիս **հասալ**

verjapes *has-a*
наконец достигать.AOR-1SG
'Наконец я **приехал**.'

Пример (27) может иметь две событийные интерпретации: «Все, я это сделал» (акцент на завершении процесса, который мы, вслед за Кюльоли, обозначаем как *Qnt*), или же «Это состоялось, вот что я сделал» (подчеркнутая значимость номинируемого свойства, акцент на природе состоявшегося действия, в теории Кюльоли обозначается как *Qlt*). Напротив, в примере (27a) перфект допускает только результативную интерпретацию:

(27a) (3A) Կերցալիս **հասած է**:

удачна и с трудом поддается интерпретации, поскольку данный признак обычно используется для описания результативного значения перфекта.

<i>verjapēs</i>	<i>hasac</i>	<i>ē</i>
наконец	достигать.PTC.PFT	AUX.PRS.3SG
‘Наконец-то он пришел («он здесь», результативный перфект) ²³ .’		

Событийное значение может проявляться также в стативных глаголах, как это видно в примере (28), где отчетливо выражен признак интенциональности в переходе к действию, влияющий на семантику глагола и позволяющий интерпретировать его как событийный глагол:

(28) Ինչո՞ւ **բնակվեցիր** Այրարատում և հայրենի կարգը
խանգարեցիր <...>

<i>inč'u</i>	<i>bnakvec'-ir</i>	<i>ayrarat-um</i>	<i>ew</i>	<i>hayreni</i>
почему	обитать.AOR-2SG	Айрарат-LOC	и	предков
<i>karg=ə</i>	<i>xangarec'-ir</i>			
закон=DEF	нарушать.AOR-2SG.			

‘Как это ты **жил [решил жить]** в Айрарате и **пренебрегаешь** законами наших предков?’ (Саркис Арутюнян)

В подобных примерах значение компактного события проявляется не только через признаки динамичности и предельности, но и через акцентирование одной из границ процесса, начальной (инхоативное значение в (21–24)) или конечной (26–27). Как видно, независимо от лексического класса глагола по типологии Вендлера (*состояния, деятельности, свершения, достижения*), употребление аориста приводит к представлению события как *достижения*. Можно предположить, что этот же механизм объясняет то, что в новогреческом называют *инхоативным значением* или *результативным состоянием пре-*

²³ В изолированных предложениях третье лицо согласуется с употреблением перфекта, ср. (27а) (S_0 отмечает в ситуации что-то, касающего третьего лица), а первое лицо — с аористом (S_0 делает утверждение о событии в момент, когда оно происходит). В более длинных контекстах совмещение первого лица с перфектом и третьего — с аористом, безусловно, также допустимы.

дельных глаголов [Vassilaki, Tsamadou 1995]: вне зависимости от лексической семантики глагола, использование аориста приводит к акцентированию границ события.

В случаях, когда в фокусе оказывается событие как таковое, ср. (28), сама природа события, сам факт того, что такое событие произошло (то есть, по Кюльоли, когда имеет место скорее кваликативная операция (*Qlt*), задающая понятие как таковое, чем квантитативная операция, определяющая конкретное проявление процесса с его границами (*Qnt*)), событие предстает как компактное, как единое целое, а значения аориста сливаются со значениями нарративного регистра.

Два рассмотренных проявления значения компактного события в аористе (номинация события с акцентированием либо одной из его границ (*Qnt*), либо выражаемого глаголом понятия (*Qlt*)) проявляются также в контексте «если вдруг...», связанном со значением будущего времени, встречающимся у форм аориста.

3.2.3. *Неактуализированный аорист и так называемое значение будущего.* Способность аориста выражать будущее событие часто представляется как экзотическая черта армянского языка. Как будет показано в данном разделе, это значение аориста характерно и для других языков²⁴. Более того, оно прямо выводится из инвариантных свойств аориста, определенных и проиллюстрированных выше. Мы попытаемся показать, что термин «будущее» — это не самый удачный для этого значения.

3.2.3.1. *Постановка вопроса и состояние его изучения.* Примеры, представленные в данном разделе, заимствованы из [Dum-Tragut 2009: 231], где им сопутствует следующий коммен-

²⁴ Ср. [Lessan-Pezechky 2002] с описанием персидского материала, а также [Vassilaki, Tsamadou 1995]: πεῖραξες το σκυλί, σε σκοτόνω ‘ты поранил собаку, я тебя убью’ (*Если вдруг поранишь собаку, я тебя убью*), ἐστὶ καὶ μίλησες, χάθηκες ‘ты так разговаривал, ты погиб’ (*Если вдруг будешь говорить таким образом, погибнешь*), где протасис выражается аористом, а аподосис может выражаться как настоящим временем, так и аористом, как в армянском языке. В русском эту роль выполняет перфектив настоящего времени (см. русский перевод примера 30), что могло повлиять на интерпретацию соответствующей формы в [Giorgi, Harutyunian 2011].

тарий: «В условных придаточных предложениях аорист часто используется для обозначения единичного неожиданного действия в будущем, либо для повторяющегося неожиданного действия²⁵».

(29) ⟨...⟩ *urēp hūyētū nīqnūf ēp, ēpē mīnaghēp' mēnp ḏēq lq̄wazluyānēnp*:

arek' inc'pes uzum ek' et'e
 делайте как хотеть.PTC.PRS AUX.PRS.2PL если
mnaç'-ik' menk' jez k.paštpan-enk'
 оставаться.AOR-2PL 1PL 2PL.ACC защищать.FUT/COND-1PL
 'Поступайте, как хотите, но, если **останетесь**, мы **защитим**
 вас.' («Aravot», 2008.05.02)

В [Giorgi, Harutyunian 2011] к аористу со значением будущего относятся примеры типа (25) с проспективным значением или значением интенциональности²⁶ и примеры типа (29), где событие, выраженное аористом, является гипотетической рамкой, которой обусловлена истинность события, выраженного в аподосисе.

В действительности, эти типы различает модальное и ассертивное измерение, которое является ключевым в примерах, рассматриваемых в данном разделе. В (25) событие представляется как достоверное, и, даже если временное значение не совпадает с речевой ситуацией, оно воспринимается говорящим как достоверное (ожидаемое). Напротив, в примерах типа (29) у аориста нет ассертивного значения; говорящий не делает утверждения об истинности пропозиции относительно ситуации дискурса (то есть событие не актуализировано), такая ситуация интерпретируется как гипотетическая, что в случаях со значением будущего создает рамку для другого утверждения, а в случаях с гномическим значением отсылает к общему знанию, не имеющему прямого отношения к ситуации дискурса.

²⁵ Употребления аориста, описываемые как имеющие значение будущего времени, встречаются только в ВА.

²⁶ Примеры, которые в [Lessan-Pezzechki 1998] называются «аористом ожидания», встречаются также в современном греческом в ἦρθα 'пришел.AOR3SG' (буквально 'Я пришел!') при том, что говорящий (например, официант) еще не двигается к вам.

При некоторых других значениях аориста, напротив, отсутствие временной отнесенности события к моменту речи не приводит к появлению проспективного значения. Это относится, в частности, к гномическому аористу²⁷, как в приведенном ниже переводе Достоевского, где армянский аорист как во многих других примерах этого раздела соответствует русской форме будущего времени совершенного вида:

- (30) Այստեղ <...> այստեղ մի բան կա, ախպեր ջան, որ դու հիմա չես հասկանա: Մարդը որ **սիրահարվեց** ինչ որ գեղեցկության <...> իր սեփական երեխաներին էլ կտա նրա սիրույն, հորն ու մորն էլ կծախի <...>

Aystel aystel mi ban ka axper jan,
тут тут INDEF вещь иметься брат дорогой,

or du hima č'=es haskana
что ты сейчас NEG=AUX.PRS.2SG понимать.SUBJ.NEG

mard=ə or siraharvec' inč'.or
человек=DEF который влюбиться.AOR.3SG INDEF

gelec 'kut'y-an <...> ir sep'akan
красота-DAT 3SG.GEN собственный

erexa-ner=n el k.ta nra
ребенок-PL=DEF даже давать.FUT/COND.3SG 3SG.GEN

sir-uy=n, hor=n u mor=n el
любить-DAT=DEF отец.DAT=DEF и мать.DAT=DEF даже

k.cax-i

продавать.FUT/COND-3SG

‘Тут <...> тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь. Тут **влюбится** человек в какую-нибудь красоту, [в тело женское, или даже только в частью одну тела женского (это сладострастник может понять)], то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, [будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток — зарежет, будучи верен — изменит] <...>’ (Достоевский, «Братья Карамазовы»)

²⁷ Ср. [Vassilaki, Tsamadou 1995: 47]: Κόλλησε ο τετζερτζι και βρήκε το καλάκι ‘Откати (AOR) горшок и найди (AOR) крышку’.

Это относится также к тому случаю, который в [Lessan-Pezzechki 1998] применительно к материалу персидского языка называется «модальный потенциальный аорист»²⁸:

- (31) Ա՛խ, — ասաց քահանան, — ինձ հիմա տուն մի ուղարկիր, օրհնյա՛լ, դէպքը բերել է, որ հիմա մարդ մուրդ չկա, իսկ մինչև գնամ ու գամ՝ **մեկ է տեսար** մեջտեղը մի խանգարող **բուսնեց** <...>

Ах	asac‘		k‘ahana=n	inj	
ах	говорить.AOR.3SG		священник=DEF	1SG.DAT	
hima	tun	mi.ularkir		ōrhnyal	
сейчас	дом	PROH.посылать.2SG		благословенный	
depk‘=ə	berel		ē	or	
случай=DEF	приносить.PTC.PFT		AUX.PRS.3SG	что	
hima	mard.murd	č‘=ka	isk	minč‘ew	
сейчас	человек.REDUP	NEG=имеется	но	до	
gn-am	u	g-am		mek.ēl	
идти.SUBJ-1SG	и	приходить.SUBJ-1SG		неожиданно	
tes-ar	mejtelə mi	xangaroł	busnec‘		
видеть.AOR-2SG	среди INDEF	помеха	вырастать.AOR.3SG		

‘Ах, — сказал священник, — не отсылай меня теперь домой, потому, видишь ли, случай теперь такой подошел, что никого нет, а когда вернусь, **того гляди** — кто-нибудь **подвернется**, кто нам **помешает** <...>’ (Джованни Боккаччо, «Декамерон»)

В [Vassilaki, Tsamadou 1995] отмечается, что гномический аорист и аорист “будущего” имеют общую характеристику: *дизъюнкцию от T₀*. На наш взгляд, более предпочтительно выделять здесь ассертивную характеристику, учитывая, что именно она определяет дизъюнкцию от T₀, поскольку при отсутствии

²⁸ После причастий, означающих ‘пожалуй’ (перс. *balke*, *šaâjad*), он означает ‘может, придет’. В армянском это значение появляется скорее после причастий или причастных словосочетаний, означающих внезапное осознание, или даже после сериальных конструкций глаголов, содержащих глагол ‘видеть’, который также выражает внезапность, ср. (30).

подтверждения истинности пропозиции временное значение аориста остается не проявленным²⁹.

Чтобы еще раз подчеркнуть, что так называемый парадокс, связанный с «футуральным» значением аориста, весьма относителен, отметим, что пример (30) допускает более одной интерпретации: «Если человек влюбится, он может продать отца и мать», «Если человек влюбится, он продаст отца и мать», «Как только человек влюбился, то он может продать отца и мать»³⁰. Иными словами, мы предполагаем, что специфичность подобных употреблений состоит не в их временном значении, а скорее в модальных и ассертивных свойствах аориста, которые могут нейтрализовать его временное значение с тем, чтобы акцентировать фазу возникновения события, факт изменения, что связано с видовым значением аориста, его событийностью и компактностью.

В сложных предложениях, содержащих протасис и аподосис (наиболее типичный случай) синтаксическая модель не является жесткой: допускаются вариации в союзе (*et* 'е', *or* 'что', *henc* 'как только' и другие) или даже отсутствие союза в паратактических сложных предложениях, как в примере (37)³¹. Аорист является обязательным в протасисе, но для аподосиса временные ограничения отсутствуют: допускаются такие времена как будущее/условное³² (29) и (37), будущее (32), оптатив (33), императив (34).

²⁹ В этом А. Джорджи и С. Арутюнян [Giorgi, Harutyunian 2011] безусловно правы, даже если нам кажется неправомочным распространять это на аорист в целом.

³⁰ См. также пример (35) наряду с (31), где значение аориста соответствует значению сложного будущего во французском (*futur antérieur*) и аналогичных значений аориста в персидском, отмеченных в [Lessan-Pezeshki 1998]. В этой связи следует говорить не о противопоставленности значений аориста, относящихся к прошедшему и будущему, а о соположенности этих значений.

³¹ В [Lessan-Pezeshki 1998] для персидского у таких употреблений выделяется значение не будущего, а «гипотетического модального аориста», в придаточном с союзом *agar* 'если'.

³² В некоторых случаях, это время, обозначаемое в грамматиках ВА как «условное», можно интерпретировать как показатель будущего. Значение будущего появляется в аподосисе условных предложений и в утверждениях,

- (32) Սակայն եթե դա **չհաջողվեց**, ՕԵԿ-ից պահանջելու եմ, որ ներողութուն խնդրի ժողովրդից (...)

Sakayn et'e da č'='hajolvec' OEK-ic'

но если это NEG=удаваться.AOR-3SG OEK-ABL

rahanjelu em or nerolut'yun

требовать.PTC.PROS AUX.PRS.1SG чтобы извинение

xndr-i žolovrd-ic'

посить.SUBJ-3SG народ-ABL

‘Но если это **не поможет**, я потребую от «ОЕК», чтобы она извинилась перед народом’ («Aravot Daily», 2004.10.05)

- (33) Ո՛չ, դա անկարելի է, պետք է ազատել, իսկ եթե անհնար **եղավ**, քող մենք էլ մեռնենք նրանց հետ (...)

Oč' da ankareli ē petk'

нет это невозможно COP.PRS.3SG необходимо

ē azatel isk et'e anhnar

COP.PRS.3SG освобождать а если невозможно

elav t'ol menk' ēl meñ-enk'

COP.AOR.3SG пусть 1PL также умирать.SUBJ-1PL

nranc' het

3PL.GEN с

‘Нет, это невозможно, они должны быть освобождены, а если это не **удастся**, пускай мы погибнем (оптатив) вместе с ними.’ (Андраник Овсепян)

- (34) Եթե փախա մալա կամ խժռելու բան ճարես՝ ընդհանուր դազանը կգցես (...): Որ **քոնվեցիր**՝ ընկերներիդ մի **ծախի**, մատնիչի հետ գործ չունենաս, թե չէ վայր կտանք: Հասկացա՞ր:

et'e p'alas.malas kam xžfel.u ban čar-es

если тряпка.REDUP или есть.DAT вещь найти.SUBJ-2SG

əndhanur lazan-ə k.gc'-es or

общий котел-DEF класть.FUT/COND-2SG если

со значением близкого будущего или намерения (типа «не волнуйтесь, я приду»). По этой причине мы предпочитаем двойное глоссирование.

bṛnvec' -ir *ənker-ner=d* *mi.caxi*
 попасться.AOR-2SG друг-PL=2POSS PRON.продавать.2SG
matnič' -i *het* *gorc* *č' =unen-as* *t'e.č'e*
 стукач-GEN с дело NEG=иметь-SUBJ.2SG иначе
vay=d *k.tank'* *haskac' -ar*
 проклятие=2POSS давать.FUT/COND.1PL. понимать.AOR-2SG
 'Если у тебя окажутся тряпки или еще что-нибудь, что ты
 стянул, клади все в общий котел. Если ты **попался**, не
продавай товарищей. Не имей дел со стукачами, не то
 пожалеешь. Все понял?' (Варткес Тевекелян)

Времена, являющиеся типичными для актуализированных утверждений, такие как настоящее в примере (35)³³, придают аористу гномическое значение:

- (35) Գիտական հայտնագործություններն աստիճաններ են, որով մենք վեր ենք բարձրանում, արվեստը միշտ թարմ է, գիտությունը **էթէ** նոր քայլ **չարեք, հնանում է**, նա ուլտրա-ժամանակակից պիտի լինի:

Gitakan haytararut'yun-ner=n *astičan-ner en*
 научное сообщение-PL=DEF ступень-PL AUX.PRS.3PL
or-ov *menk' ver* *enk'*
 который-INSTR 1PL наверх COP.PRS.1PL
barjranum *arvest=ə* *mišt* *t'arm*
 поднимать.PTC.PRS искусство=DEF всегда свежий
ē *gitut'yun=ə* *et'e nor* *k'ayl*
 COP.PRS.3SG наука=DEF если новый шаг
č' =arec' *hnanum* *ē*
 NEG=делать.AOR.3SG стареть.PTC.PRS AUX.PRS.3SG

³³ Нам не удалось обнаружить примеры использования перфекта в аподосисе. Это объясняется тем, что значение условного наклонения меняется в перфекте. Оно могло бы обозначать, например, «Раз он отдал свою рубашку, значит, он ее сменил», то есть у аориста было бы значение прошедшего, ср. переход от 'если' к 'как только' в переводе примера (35).

na ultražamanakakic' piti.lin-i
3SG современный быть.DEB-3SG

‘Научные сообщения — это ступени, по которым мы поднимаемся; искусство всегда сохраняет первозданную свежесть, наука же стареет, если не **развивается** (как только перестает развиваться), и всегда должна оставаться самой передовой.’ («Azg Daily», 2005.03.26)

Несмотря на отрицание, глагол здесь имеет ярко выраженное событийное значение, поскольку отсутствие «развития» интерпретируется как фатальная ошибка, которая имеет печальные последствия, что маркируется сочетанием *et'e* ‘если, как только’ и дебитивом в следующей клаузе (*ultražamanakakic' piti lini*).

Предложения с использованием аориста одновременно в протасисе и аподосисе также вполне возможны, особенно если высказывание звучит как угроза:

- (36) Եթե տեսա, բնավեցիք, ամեն մեկիցդ յոթ կաշի եմ քերթելու:

et'e tes-a bñvec '-ik'
если видеть-AOR.1SG попадаться.AOR-2PL

amen.mek-ic '=d yot' kaši em
каждый-ABL=2POSS семь кожа AUX.PRS.1SG

k'ert'elu
отрывать.PTC.PROS

‘Если только я вас **увиджу**, вы **попались**, каждый из вас получит мучения.’ (Сасун Варданян)

Как мы уже отмечали, эта синтаксическая структура с аористом в гипотетическом значении допускает разнообразные союзы или паратаксис:

- (37) Կգնաս Արամին կպատմես ինչ որ ճիշտն է, կհանգստացնես, ես էլ կհամոզեմ, որ ների անպատիվ գործերդ: **Զգնացի՞ր, կապանեմ** <...>.

k.gn-as aram-i=n
идти.FUT/COND-2SG Арам-DAT=DEF

k.patm-es inč'.or čišt=n ē
рассказать.FUT/COND-2SG что правдивый=DEF COP

k.hangstac 'n-es *es ēl* *k.hamoz-em*
 успокоить.FUT.COND-2SG я также убедить.FUT/COND-1SG
or ner-i *anpativ* *gorc-er-i=d*
 что простить.SUBJ-3SG недостойный работа-PL-DAT=2POSS
č'='gnac 'ir *k.span-em*
 NEG=идти.AOR-2SG убить.FUT/COND-1SG

‘Ты пойдешь к Араму ему расскажешь всю правду, ты его успокоишь, а я попытаюсь уговорить его простить твоё недостойное поведение. А если нет (**не пойдешь**), я тебя убью.’ (Вахтанг Ананян)

Как видно из примера (31), также возможны сочетания, которые можно интерпретировать как сериальные конструкции. Здесь первый глагол утрачивает свою автономность и не может интерпретироваться как протасис. В сочетании с *mēk el* ‘вдруг’ он образует конструкцию, за которой часто следует аорист в гипотетическом значении.

3.2.3.2. *Распределение аориста и субъюнктива в гипотетических конструкциях.* Во всех примерах типа (29) и (32–35) аорист может быть заменен в протасисе субъюнктивом, при этом не затрагиваются ни грамматическое значение, ни общая семантика высказывания. Корпус содержит многочисленные примеры гипотетических предложений с субъюнктивом в аподосисе:

(38) Թե ը տղիկ կապը **չքաշես**, — ավելացրեց նա, — որ մին էլ էս դալարները չանի, էլ ոչ էս, ոչ դու, Հայրապետ. Մեր բարեկամությունը կկտրվի մինչև հավիտենական դուռը:

t'e.or *tl-i=d* *kap=ə*
 если сын-DAT=2POSS веревка=DEF
č'='k 'aš-es *avelac 'rec'* *na* *or*
 NEG=прекратить.SUBJ-2SG добавлять.AOR.3SG 3SG что
min *ēl* *ēs* *lalat 'ner=ə*
 однажды также это способ-PL=DEF
č'='an-i *ēl* *oč'* *es*
 NEG=тянуть.SUBJ-3SG также не 1SG
oč' *du* *hayrapet* *mer* *barekamut 'yun=ə*
 не 2SG, Айрапет 1PL.GEN дружба=DEF

k.ktrv-i minč'ew havitenakan dur'=ə
 порваться.FUT/COND-3SG до вечный дверь=DEF
 'Если ты не **заставишь** своего сына раз и навсегда
 прекратить все это, не станет ни тебя, ни меня, Айрапет. И
 наша дружба кончится навеки.' (Александр Ширванзаде)

Квазисинонимия между аористом и субъюнктивом в подобных конструкциях подтверждается примером из устного корпуса (39), где аорист и субъюнктив образуют последовательность действий:

- (39) <...> եթէ իմ սենյակում **էլավ** մարդ, իմ սենյակս **էլավ** մեծ, ես ինքս ինձի բան եմ սարքում էլի, եթէ սենյակս **էլավ** մեծ, եթէ սենյակիս դուռը **էլավ** բաց, մուզիկա ընի կողքից խանգարի, ես չեմ կարա կենտրոնանալ:

et'e im senyak-um ēlav mard
 если 1SG.GEN комната-LOC стать.AOR.3SG человек
im senyak=s ēlav mec
 1SG.GEN комната=1POSS становится.AOR.3SG большой
es ink's inji ban em sark'um
 1SG сам 1SG.DAT что-то AUX.PRS.1SG делать.PTC.PRS
ēli et'e senyak=s ēl-av mec
 опять если комната-1POSS стать.AOR-3SG большой
et'e senyak-i=s dur'=ə ēlav
 если комната-GEN=1POSS дверь=DEF стать.AOR.3SG
bac' muzika əln-i kolk'-ic'
 открытый музыка стать.SUBJ-3SG сторона-ABL
xangar-i es č'=em kara
 мешать-SUBJ3SG 1SG NEG=AUX.PRS.1SG мочь.SUBJ.NEG
kentronan-am
 сосредотачиваться.SUBJ-1SG

‘Если в моей комнате **оказался** кто-то, если моя комната **оказалась** (слишком) большая, я возмущаюсь, если моя комната оказалась большая, если дверь **оказалась** открыта, если звучит музыка и меня отвлекает, то я не могу сосредоточиться.’ (OSD polylogue 128, 2006)

Тем не менее, в отличие от субъюнктива, аорист акцентирует субъективный взгляд говорящего, передавая дополнительный оттенок внезапности в примере (34), предостережения и даже угрозы в примере (37), оттенок, который отличает предложения с ‘если вдруг’ от ‘если’ (последнее более свойственного предложениям с субъюнктивом в протасисе). В примере (34) гипотетическое предложение с аористом следует за первым гипотетическим предложением с субъюнктивом («Если у тебя окажутся тряпки или еще что-нибудь, что ты стянул, клади все в общий котел»), и аорист появляется именно в тот момент, когда звучит угроза («Если ты попался, не продавай товарищей <...> не то пожалеешь»). Это значение также соответствует выделенному выше значению «свершения», которое в русском переводе примера (39) передается добавлением глагола ‘оказалась’, то есть здесь предикация в армянском языке, хоть и выражена прилагательным, уже не является стативной предикацией качества, как было бы в настоящем времени. Употребление аориста подразумевает процесс типа *достижения* (по Вендлеру). Комната *оказалась* слишком большой, поскольку говорящий субъективно выделил этот ее признак.

Таким образом, этот тип употребления аориста подтверждает определенные выше инвариантные свойства аориста в дискурсе.

3.2.3.3. *Параметры, которые определяют «футуральное» значение аориста.* Специфическое значение предложений, в которых аорист принимает «футуральное» значение, не зависит от их **синтаксической структуры**; в корпусе можно обнаружить множество примеров, которые в синтаксическом плане тождественны предыдущим, но где у аориста проявляется значение прошедшего совершенного.

- (40) Նա, տատիկ, արդեն ամեն ինչ կարգադրել է: Անտառակը որ **տեսավ**՝ ահա, ասում է, թե որ տեր ունենա, — ա՛խ, լավ անտառ կդառնա <...>: Հետո խոտհարքին նայեց՝ ի՛նչ խոտհարք է, տես, տես, քանի՛ դեզ է դրած <...>

na tatik arden amen.inč‘ kargadrel

3SG бабушка уже все распределить.PTC.PFT

ē *antařak=ə* *or* *tes-av* *aha*
 AUX.PRS.3SG лесок=DEF который видеть.AOR-3SG вот
asum *ē* *t'e* *or* *ter*
 говорить.PTC.PRS AUX.PRS.3SG что если хозяин
unen-a, *akh* *lav* *antař k.dařn-a*
 иметь.SUBJ-3SG ах хороший лес стать.FUT/COND-3SG
heto *xothark'-i=n* *nayec'*
 затем покос-DAT=DEF видеть.AOR.3SG
 '— Он, бабушка, все уж распределил. Лесок **увидал**: вот, говорит, кабы на хозяина — ах, хорош бы был лесок! Потом на покосец посмотрел...' (Салтыков-Щедрин, «Господа Головлевы»)

- (41) Ամենը իմ պատճառով եղավ: Պէտք չէ... — նա լռեց մի փոքր և
 ասաց ասաց խզված. — Որ եղավ այդպէս, հեռանալը շուտ,
 այլապէս կգան և ամենքիս կսատակէն անիրաւիները (...)
amenə *im* *patčarov* *elav*
 все 1SG.GEN из-за стать.AOR.3SG
petk' *č'=ē* *na* *l'rec'* *mi.p'ok'r*
 нужно NEG=COP.PRS.3SG 3SG молчать.AOR.3SG немного
ew ara *asac'* *xzvac* *or*
 и затем говорить.AOR.3SG отключенный что
elav *aydpes* *heřan-ank'*
 быть.AOR.3SG так удаляться.SUBJ-1PL
řut *aylapes* *k.g-an* *ew*
 быстро иначе приходить.FUT/CONG-3PL и
amenk'-i=s *k.satak-en* *anirav-ner=ə*
 все-DAT=1POSS убивать.FUT/COND-3PL злодей-PL=DEF
 'Все это случилось (аор.) из-за меня. Не нужно <...> Он помолчал немного, а потом сказал отрешенно: «Раз уж это **произошло**, быстро уйдем отсюда, а то придут злодеи и убьют всех нас.' (Стефан Зорьян)

Как мы видим, **время** глагола **в аподосисе** не является определяющим фактором, поскольку в гипотетических предложениях отмечены примеры с употреблением как настоящего времени (40), так и аориста (41).

Не является здесь определяющей и **сочинительная связь**. Союз *et'e* 'если' имеет гипотетическое значение, но, как мы видели, может также обозначать «поскольку, потому что» — предположение, что событие, действительно, актуализировалось как условие реализации содержания аподосиса. В результате аорист в протасисе имеет значение актуализированного события в прошлом. Напротив, союзы, которые происходят от временных маркеров, как *henc'* 'как только', имеющие отношение к прошедшему, могут употребляться с гипотетическим значением там, где аорист обозначает неактуализированное событие.

Возникновению значения прошедшего времени у форм аориста в клаузах со значением будущего препятствует проспективное значение предыдущего контекста, которое маркируется:

1) будущим временем или условным/будущим (в противоположность примерам (40) и (41), в которых эксплицитно выражена временная отнесенность к моменту в прошлом):

- (42) Բացարձակապես ինձ համար չէ, ինչ որ անելու եք՝ ձեր երեխաների համար եք անելու: Եթե այս գիտակցությունը **չունեցաք**, մենք շատ փորձանքների **կգանք**:

bac'arjakapes inj hamar č' = ē inč'.or
 вообще.нет 1SG.DAT для NEG=COP.PRS.3SG что

anelu ek' jer erexa-ner-i
 делать.PTC.PROS AUX.PRS.2PL 2PL.GEN ребенок-PL-DAT

hamar ek' anelu et'e ays
 для AUX.PRS.2PL делать.PTC.PROS если этот

gitakc'ut'yun=ə č' = unec'-ak' menk' šat
 знание=DEF NEG=иметь.AOR-2PL 1PL очень

p'orjank'-ner-i k.g-ank'
 катастрофа-PL-DAT приходить.FUT/COND-1PL

‘То, что вы намерены сделать, это уж точно не для меня, а для ваших же детей. А если вы этого **не понимаете**, то нас **ждут** большие катастрофы.’ («Aravot Daily», 2008.05.29)

2) наречием со значением будущего:

- (43) <...> իսկ **եթե վաղը** արև **եղավ**, **իմացեք**, որ Վահագնը իր օգնականներով վեր **է հանել** վիշապին, տարել արևի մոտ:

<i>isk et'e valə</i>	<i>arew</i>	<i>elav</i>	<i>imac'-ek'</i>
и если завтра	солнце	быть.AOR.3SG	знать.AOR-2PL
<i>or vahagn=ə</i>	<i>ir</i>	<i>ognakan-ner-ov</i>	<i>ver</i>
что Ваган=DEF	3SG.GEN	помощник-PL-INSTR	вверх
<i>ē</i>	<i>hanel</i>	<i>višap-i=n</i>	
AUX.PRS.3SG	поднять.PFT	дракон-DAT=DEF	
<i>tarel</i>	<i>arew-i</i>	<i>mot</i>	
унести.PTC.PFT	солнце-DAT	к	

‘И если завтра **встанет** солнце, знайте, что Ваган **оседлал** дракона и направил его к солнцу.’ (Карен Мусаелян)

3) или же любым другим элементом с проспективным значением в предшествующем контексте, таким как глагол в императиве (31) или даже глагол со значением ‘надеяться’ (44):

- (44) [*Žnuju nūnēf, nṛ* արդարությունը հնարավոր կլինի վերականգնել Հայաստանի դատարանների միջոցով, (...) ու «Ա 1»-ը կրկին դուրս կգա էթեր:] Իսկ էթէ Հայաստանում **չկարողացանք** հասնել դրան՝ կվիճարկենք այլ ատյաններում:

<i>isk et'e hayastan-um</i>	<i>č'='karolac'-ank'</i>	<i>hasnel</i>	
и если Армения-LOC	NEG=мочь.AOR-1PL	достичь	
<i>dran k.vičark-enk'</i>	<i>ayl</i>	<i>atyan-ner-um</i>	
тот.DAT бороться.FUT/COND-1PL	другой	суд-PL-LOC	

‘[Я надеюсь, что с помощью судов Армении удастся восстановить справедливость и А1 вернется в эфир.] А если в Армении этого **не добьемся**, мы будем обращаться в другие суды.’ («Aravot Daily», 2002.05.22)

3.2.3.4. *Предварительные выводы: модальная и ассертивная природа «футуральных» употреблений аориста.* Как было показано, так называемое значение будущего у аориста, в действительности, представляет собой скорее модальное значение (гипотетическое или потенциальное). В этом смысле нам кажутся удачными термины, предложенные в [Lessan-Pezeshki 1998]. Именно временной или модальный контекст препятствует реализации значения прошедшего у аориста, сохраняя лишь видовое значение компактного события при значении неактуализованной ассертивности. Как было показано выше, аористу в его

так называемых «футуральных» употреблениях присущи все аспектуальные свойства, которые мы выделили для других употреблений аориста (компактное событие, предъявленное как *достижение*, с модальным значением неожиданности, которое может реализовываться в дискурсивном регистре).

По этой причине, представляется неправомерным утверждение о том, что значение будущего времени является одним из значений аориста. Эти значения являются контекстно обусловленными в некоторых гипотетических предложениях, где инвариантное значение аориста, дизъюнкция по отношению к T_0 , обуславливает его видовое значение, и оставляет невыраженным его временное значение. Такой подход позволяет нам рассматривать вместе гномическое и гипотетическое значения аориста, поскольку в обоих случаях ситуация высказывания отступает на второй план и координаты высказывания (S_0 , T_0) остаются не задействованными.

Различие между гномическим и гипотетическим значениями связано с локализацией относительно речевой ситуации. При гипотетических употреблениях, протасис не актуализирован, и, таким образом, имеет место дизъюнкция от T_0 , между тем как другие координаты высказывания (прежде всего, S_1) активированы, что позволяет проявляться таким субъективным значениям как «неожиданность» или «угроза». Напротив, гномический аорист предполагает отсутствие активации всех координат высказывания: исключаются 1 и 2 лицо, истинность содержания не касается конкретной ситуации, отсутствует связь с S_0 и, соответственно, не могут проявляться такие субъективные значения, как «удивление» или «неожиданность».

В обоих случаях, событие в аористе не является ассертивным в том смысле, в каком ассертивность определена в конце раздела 1. В протасисе она образует рамку, от которой зависит актуализация аподосиса. Протасис может либо 1) выражать гипотезу, которая может подтвердиться в будущем (гипотетически), что приведет к актуализации аподосиса, либо 2) выражать событие, от которого зависит истинность аподосиса. Иными словами, в этих предложениях актуализируется корреляция между протасисом и аподосисом.

Такие употребления аориста, в отличие от остальных рассмотренных выше типов, ограничено ВА и не встречается в ЗА, где подобные высказывания реализуются не в аористе, а в субьюнктиве.

4. Общее выводы: инвариантные и контексты значения аориста в армянском языке

В данной статье мы попытались показать, что аорист в армянском языке можно определить тремя инвариантными свойствами, из которых выводятся все его засвидетельствованные значения, представляющие собой результат взаимодействия этих свойств с теми или иными контекстными параметрами высказываний. Эти генерализованные свойства позволяют учесть всё разнообразие значений и учесть упоминающиеся в грамматиках ограничения на употребление аориста, не прибегая к перечислению большого числа частных правил и исключений. Кроме того, как было показано в разделе 1, эти инвариантные свойства коррелируют с морфологическими свойствами аориста в армянском.

4.1. Ассертивные типы высказывания

Эти три свойства, событийность, компактность и отсутствие локализации относительно T_0 , проявляются по-разному в зависимости от ассертивного типа предложения. Мы выделили три типа: нарративный и дискурсивный регистры в простых ассертивных предложениях, а также протасис в гипотетических сложных предложениях.

В нарративном регистре темпоральная локализация события определяется дизьюнкцией от T_0 , что хорошо согласуется с инвариантными значениями аориста: событие рассматривается независимо от ситуации высказывания, темпоральная локализация определяется через контекст и выражается с помощью обстоятельственных маркеров и/или за счет хронологической последовательности событий. Аорист описывает событие в прошлом и не имеет дополнительного модального значения.

В дискурсивном регистре, который предполагает речевую ситуацию, локализация выражается не аористом как таковым; ассертивность актуализируется за счет ситуации высказывания. За счет несовпадения темпоральной локализации аориста (что

выражено и в его морфологических особенностях) с локализацией дискурсивного регистра возникают модальные значения, различные для глаголов с различной семантикой (внутреннее состояние; достижение, возникшее в результате спонтанного процесса, и т.д.). Общими признаками этих модальных значений являются следующие:

1) В отношении аспектуальных характеристик, это признак свершения (связанный со свойством компактности и проявляющийся в фазовых значениях инхоатива, изменения состояния, достижения или моментальности в случае антиципации).

2) В отношении модальных характеристик, это признак сильного утверждения (например, в контекстах восклицания, спора, неожиданного осознания или подчеркнутой значимости чего-либо). Этот признак может быть соотнесен с некоторыми миративными значениями.

В гипотетических дискурсивных предложениях аорист появляется чаще всего в протасисе, который является ассертивным не в полной мере (утверждение не содержит информации об истинности пропозиции), и событие описывается как гипотетическая рамка, которая может актуализировать событие в аподосисе. В семантическом плане такие предложения могут быть двух типов:

1) Проспективная гипотеза о наступлении события («если когда-либо») с разнообразными субъективными коннотациями (отрицательные последствия, миративность, угроза и т.д.), при которой учитывается, что в данной ситуации событие может возникнуть или не возникнуть в будущем.

2) Общая гипотеза, охватывающая целый класс событий, при которой утверждается гномическая истина, определяющая истинность любого события данного класса.

4.2. Инварианты, определяющие аорист

В трех указанных регистрах инвариантные значения аориста проявляются определенным образом в зависимости от свойственных для этих регистров параметров высказывания. При этом в каждом случае аорист противопоставлен двум другим временам.

4.2.1. *Темпоральная локализация.* Аорист является прошедшим временем, характеризующимся дизъюнкцией от T_0 . В этом

отношении он противопоставлен: а) перфекту, с которым он разделяет признак «прошедшее завершённое», и б) субъюнктиву, что согласуется с морфологическими особенностями, приведенными в Таблице 2.

Аорист ориентирован на событие, в то время как перфект ориентирован на актуальность ситуации относительно момента высказывания. Таким образом, аорист является временем нарратива, тогда как перфект предполагает ситуацию высказывания³⁴.

В дискурсивных контекстах, ориентированность на событие создает эмфатическую ассертивность, подчеркивающую значение наступления события; при этом может появляться ряд коннотаций: сильное утверждение (19), аргумент (20–21) и, наконец, экскламация (22–23).

В контекстах, где актуализации события не происходит (гипотеза), и нет темпоральной локализации, аорист может быть употреблен без временного значения как аналог субъюнктива. В противоположность последнему, видовое значение аориста сохраняется, и предложение получает значение наступления события с различными субъективными коннотациями (отрицательные последствия, угроза, неожиданность и т.д.); в контекстах, выражающих сильную угрозу, аористом может быть выражен также аподосис, как в примере (36).

4.2.2. *Свойства компактности/целостности и динамичности/событийности.* Аорист предполагает предельность и в этом он противопоставлен результативному перфекту, который переводит предикат из акционального класса событий в класс состояний. Именно это свойство аориста обеспечивает локализацию последовательных событий относительно друг друга в нарративном контексте. Компактность не позволяет дробить событие на отдельные фазы, представляя каждое событие как отдельную фазу, что соответствует пониманию события как предиката *достижения* в понимании Вендлера (пример (7)). Таким образом, аорист может влиять на лексическую семантику глагола, обеспечивая возможный переход глагола из одного

³⁴ Использование перфекта в нарративе создает референтную ситуацию, как показано в примере в сноске 19.

акционального класса в другой: дуративные неопределенные глаголы или даже стативные и бытийные глаголы (6), (39) могут быть представлены, благодаря аористу, как недлительные предельные события, приобретая либо дополнительные аспектуальные значения (такие как инхоатив (21–24), значение антиципации (25), либо дополнительные модальные значения (такие как значение телеологической модальности (26–27) и значение подчеркнутой значимости номинируемого события с акцентом на интенциональности совершения действия (28).

4.3. Морфологические свойства аориста в глагольной системе современного армянского языка

В статье было показано, каким образом каждое из рассмотренных частных значений аориста может быть объяснено через сочетание инвариантных значений и особенностей различных типов локализаторов. При этом инвариантные значения соотносятся с морфологическими признаками аориста:

1) Перфективность (проявляется в основе и объединяет аорист с разновидностями перфекта);

2) Прошедшее время (проявляется во флексии и объединяет аорист со всеми глагольными временами, входящими в коррелятивные пары, выражающие темпоральную оппозицию между прошедшим и настоящим, см. Таблицу 1);

3) Отсутствие эксплицитного маркирования актуализации действия (см. Таблицу 3) (общий признак с субъективом);

4) Отсутствие коррелятивной пары в рамках бинарной оппозиции прошедшего и настоящего времени (общий признак с императивом).

Совокупность этих морфологических признаков согласуются с рассмотренными семантическими свойствами аориста.

4.4. Кросс-лингвистические константы и особенности

Как было показано, инвариантные значения армянского аориста, которые соотносятся с константами «аористичности», выделенными Кюльоли, соответствуют описаниям аориста в ряде индоевропейских языков. Очевидно, что многие черты аориста в этих языках не совпадают, даже в ВА и ЗА; в последнем аорист не употребляется с так называемым футуральным значением в

протасисе гипотетических конструкций. Для этого можно предложить ряд объяснений, не исключающих друг друга, например:

1) Некоторые употребления относятся скорее к словосочетаниям (как, например, сериальная конструкция в (31)) или же устойчивое клише с *kspanet* 'Я убью (тебя)' в (37), очень частотная в разговорном ВА. Несмотря на то, что употребление аориста в гипотетических предложениях не характерно для ЗА, его значение остается вполне прозрачным для носителей ЗА³⁵. На различия в употреблении аориста могли повлиять ареальные особенности: в турецком языке, в контакте с которым развивался ЗА, гипотетический аорист отсутствует, в то время как в иранском ареале, где развивался ВА, подобные употребления аориста прослеживаются.

2) Структура глагольной системы любого языка и, в частности, системы его временных категорий определяется характерными для нее различительными признаками. Что касается различий между ЗА и ВА, а также некоторыми другими рассмотренными выше языками, наличие или отсутствие специальных времен с миративным или эвиденциальным значениями оказывает существенное влияние на модальные значения аориста. Так, например, в современном греческом языке отсутствие эвиденциального или миративного времени объясняет рассмотренные в (22–23) значения аориста. Аналогичным образом в глагольной системе хинди миративные значения выражаются аористом. Напротив, в современном ЗА, где выделяется специальное время со значением эвиденциальности, модальные значения аориста существенно более ограничены по сравнению с современным ВА, поскольку значения сильного утверждения, подчеркнутой значимости события, аргумента или восклицания выражаются в современном ЗА эвиденциальным временем (см. [Bonnot, Donabédian 1999; Donabédian 1996, 2001, 2012]).

Таким образом, для выявления специфических черт аориста в том или ином языке следует учитывать формальные свойства и существующие в глагольной системе оппозиции между временны-

³⁵ В частности, аорист встречается в ЗА в афоризмах, хотя здесь прослеживается тенденция к его вытеснению эвиденциальной формой.

ми формами. Выявленные в данной статье базовые характеристики аориста предполагают, что его временные, аспектуальные и модальные значения зависят от перечисленных выше параметров высказывания, контекста, и, что особенно важно, — от места аориста в системе временных оппозиций в отдельно взятом языке.

Список условных сокращений

= — показатель клитики; 1, 2, 3 — лицо у глагола, местоимений и притяжательных частиц; ABL — аблатив; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; COP — копула; DAT — датив; DEB — дебитив; DEF — показатель определенности; EVID — эвиденциальность; FUT/CONJ — будущее время/конъюнктив; GEN — генитив; INDEF — показатель неопределенности; INSTR — инструменталис; IPF — имперфект; LOC — локатив; NEG — показатель отрицания; PFT — перфект; PL — множественное число; POSS — притяжательность; PRON — запретительное наклонение; PROS — проспектив; PRS — настоящее время; PST — прошлое; PTC — причастие; REDUP — удвоение; SG — единственное число; SUBJ — субъюнктив.

Литература

- Маслов 1981 — Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая Школа, 1981. [Yu. S. Maslov. Grammatika bolgarskogo iazyka [Grammar of the Bulgarian language]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1981].
- Плунгян 2006 — В. А. Плунгян. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив // Армянский гуманитарный вестник 1, 2006. С. 7–20. [V. A. Plungian. K opisaniiu armianskoi glagol'noi paradigmy: «temporal'naia podvizhnost'» i perfektiv // [Contribution to the description of the Armenian verbal paradigm: “temporal mobility” and the perfective] // Armianskii humanitarnyi vestnik 1, 2006. P. 7–20].
- Abeghyan 1965 — M. Abeghyan. Hayoc' lezvi tesut'yun. Erevan: Mitk', 1965.
- Barchian 2003 — A. Barchian. Doit-on considérer la différence entre le passé simple et passé composé comme une différence aspectuelle? // A. Donabédian, A. Ouzounian (eds.). Actes du Sixième Colloque international de Linguistique arménienne: INALCO, Académie des

- inscriptions et belles-lettres, 5–9 juillet 1999 (Slovo 26–27, 2001–2002), Paris: INALCO, 2003. P. 299–309.
- Bonnot, Donabédian 1999 — C. Bonnot, A. Donabédian. Lorsque la morpho-syntaxe rencontre la prosodie: accent non final en russe et médiatif en arménien // *Faits de Langues* 10, 1999. P. 182–190.
- Cohen 1985 — D. Cohen. L'aspect verbal. Paris: PUF, 1985.
- Culioli 1980 — A. Culioli. Valeurs aspectuelles et opérations énonciatives: l'*aoristique* // J. David, R. Martin (eds.). La notion d'aspect. Vincennes: Recherches linguistiques, 1980. P. 182–193.
- Culioli 1990 — A. Culioli. Pour une linguistique de l'énonciation. Paris: Ophrys, 1990.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Donabédian 1996 — A. Donabédian. Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // Z. Guentchéva (éd.). L'énonciation Médiatisée. Louvain: Peeters, 1996. P. 87–108.
- Donabédian 2001 — A. Donabédian. Toward a Semasiological account of Evidentials: an Enunciative Approach of *-er* in Modern Western Armenian // *Journal of Pragmatics* 33/3, 2001. P. 421–442.
- Donabédian 2012 — A. Donabédian. Evidentiel et progressif: quel statut grammatical pour la saillance prédictive? // *Faits de Langues* 39, 2012. P. 65–82.
- Donabédian 2016 — A. Donabédian. The Aorist in Modern Armenian: core value and contextual meanings // Z. Guentchéva (ed.). Aspectuality and Temporality. Descriptive and theoretical issues. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 375–411.
- Dum-Tragut 2009 — J. Dum-Tragut. Armenian (Modern Eastern Armenian). Amsterdam — Philadelphia: John-Benjamins, 2009.
- Giorgi, Harutyunian 2011 — A. Giorgi, S. Harutyunian. Remarks on Temporal Anchoring: The case of the Armenian aorist // *Working Papers in Linguistics* 21, 2011. P. 83–105.
- Guentchéva 1990 — Z. Guentchéva. Temps et aspect, l'exemple du bulgare contemporain. Paris: CNRS Editions, 1990.
- Lazard 1957 — G. Lazard. Grammaire du persan contemporain. Paris: Klincksiek, 1957.
- Lessan-Pezzechki 1998 — H. Lessan-Pezzechki. L'aoriste persan // M. Maillard (éd.). La conception métagrammienne du temps verbal (Le langage et l'Homme 33, 2–3), Louvain: Peeters, 1998. P. 195–202.
- Lessan-Pezzechki 2002 — H. Lessan-Pezzechki. Système verbal et Deixis en persan et en français. Paris: L'Harmattan, 2002.
- Markarian 2004 — A. Markarian. Hayoc' lezvi k'erakanut'yun. Jewabanut'yun. Yerevan State University Press, 2004.

- Montaut 2006a — A. Montaut. Mirative Meanings as Extensions of Aorist in Hindi/Urdu // R. Singh (ed.). The Yearbook of South Asian Languages and linguistics. Thousand Oaks: Sage, 2006. P. 49–70.
- Montaut 2006b — A. Montaut. Figures du sujet énonciateur: deux cas particuliers du discontinu et du continu en hindi/ourdou // D. Ducard, C. Normand (éds.). Actes du colloque de Cerisy “Antoine Culioli, un homme dans le langage”. Paris: Ophrys, 2006. P. 187–208.
- Robert 1996 — S. Robert. Aspect zéro et dépendance situationnelle: l’exemple du wolof // C. Müller (éd.), Dépendance et intégration syntaxique (subordination, coordination, connexion) (Linguistische Arbeiten 351). Tübingen: Niemeyer, 1996. P. 153–161.
- Sauvageot 1965 — S. Sauvageot. Description synchronique d’un dialecte wolof: le parler du Dyolof. Dakar: IFAN, 1965.
- Vassilaki, Tsamadou-Jacobberger 1995 — S. Vassilaki, I. Tsamadou-Jacobberger, Irène. Aspects du grec moderne. *Lallies* 15. Paris: Presses de l’ENS, 1995. P. 7–69.
- Vogüé 1989 — S. de Vogüé. Littérature et linguistique : la catégorie de l’histoire // *Semen* 4, 1989. (<http://semen.revues.org/6713>).
- Vogüé 1995 — S. de Vogüé. L’Effet aoristique // J. Bouscaren, J. J. Frankel, S. Robert (éds.). Langues et langages. Problèmes et raisonnement en linguistique. Paris: PUF, 1995. P. 247–259.

В. К. Казарян

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ОБРАЗОВАНИЯ ОСНОВ АРМЯНСКОГО АОРИСТА

1.

Среди индоевропеистов, пишущих об армянском языке в контексте сравнительно-исторического языкознания, преобладает мнение о том, что армянский язык в общем и глагол в частности претерпели большие изменения, иначе говоря, «глубокую трансформацию» [Макаев 1967: 75]. Такой подход к проблеме происхождения форм армянского глагола восходит к Г. Гюбшману и А. Мейе. Г. Гюбшман в заключении к своей знаменательной работе «*Armenische Studien*» высказал мнение, что армянские формы глагола плохо поддаются объяснению. Он считает, что архаичные формы армянского глагола заменены инновациями и, поскольку у нас нет текстов, относящихся к периоду, предшествующему этим инновациям, мало надежд, что когда-либо эти формы удастся надежно определить [Hübschmann 1883: 95]. По мнению А. Мейе, классический армянский (древнеармянский) язык, наследуя грамматические категории индоевропейского праязыка, коренным образом преобразовал всю систему глагола [Meillet 1936: 103]. Это происходит в результате ввода собственных инноваций: исчезает праиндоевропейский перфект, атематическое спряжение, образуется «цойный» аорист и т.д. Таким же образом многие исследователи армянского языка в XX в. рассматривают армянский глагол как далеко отошедший от индоевропейского первоисточника (см. [Bonfante 1942; Barton 1973–1974] и др.).

К. Х. Шмидт посвятил несколько статей особенностям возникновения форм армянского глагола [Schmidt 1980, 1985]. На втором симпозиуме по арменистике, прошедшем в 1982 г. в Ереване, выступая с докладом «*Die indogermanischen Grundlagen des altarmenischen Verbums*», он сравнил общие черты армянского глагола с другими индоевропейскими языками и предпринял по-

пытку выявить индоевропейские архаизмы в древнеармянском языке. К.Х. Шмидт отмечает возможные пути образования армянского аориста от индоевропейского оппатива или от протоармянского имперфекта с суффиксом **-ske/o-*, что способствовало вытеснению индоевропейского сигматического аориста [Schmidt 1980: 49–50, 1985: 233–234]. Преобразования индоевропейского имперфекта в армянский аорист отмечали и другие лингвисты (ср. [Bonfante 1942; Barton 1973–1974]). По моему мнению, этот процесс имел частичный характер, и, как будет показано ниже, в целом армянский аорист сохранил многие общие черты древнего индоевропейского аориста.

В данной статье будет рассмотрен аорист, его отличия от презенса и факт сохранения индоевропейской бинарной оппозиции презенса-аориста в древнеармянском языке.

Система глагола древнеармянского языка обнаруживает бинарную оппозицию глагольных видовременных основ. Отвлекаясь от проблемы праиндоевропейского перфекта, такое бинарное противопоставление можно возвести к индоевропейскому состоянию, когда презенс и аорист имели свои способы образования основ, и в зависимости от лексического значения корней соответствующие видовременные формы имели немаркированную (корневую) или маркированную (с помощью аффиксации, редупликации или аблаута) основы. Разграничение основ аориста и презенса подчинялось следующему принципу: маркированному презенсу соответствует немаркированный аорист, а немаркированному презенсу – маркированный аорист.

В индоевропеистике XX века различают в соответствии с современными общелингвистическими теориями способ действия (Aktionsart) и глагольный вид (Aspect). Данное противопоставление имеет большое значение для описания видовременной системы индоевропейского праязыка.

2.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о первичности или вторичности глагольной системы хеттского языка по отношению к праязыку остальных ветвей, основой реконструкции общеиндоевропейского глагола была и остается греко-индоиранская система.

При рассмотрении видовременной системы индоевропейского глагола, изложение будет исходить из предложенной В. Мейдом и расширенной Э. Нойем и Э. Поломе пространственно-временной модели индоевропейского праязыка [Meid 1975; Neu 1976, 1985; Polomé 1981, 1985]; см. также [Drinka 1988: 254]:

I. Раннеиндоевропейский период (V тыс. до н.э.) — представленный архаичными формами «восточных» (греческий, древнеиндийский) и «западных» (италийские, кельтские, германские) индоевропейских языков.

II. Среднеиндоевропейский период (V–IV тыс. до н.э.) — представленный поздними общими чертами в «восточных» и «западных» индоевропейских языков.

III. Позднеиндоевропейский период (III–II тыс. до н.э.) — представленный поздними инновациями для каждой ареальной группы.

1.1. Раннеиндоевропейский глагол характеризуется бинарным противопоставлением глаголов активного действия и состояния. Первичность подобного противопоставления подтверждается в первую очередь характером основ и флексий глаголов активного действия и состояния. Общеизвестно, что окончания презенса и аориста имеют общее происхождение, в то время как перфект обладал присущими только ему личными окончаниями (см. [Савченко 1960: 9, 11; Safarewicz 1974: 51], русск. перев. [Сафаревич 1964: 14]; [Джаукян 1987: 45]). Известный отечественный санскритолог Т.Я. Елизаренкова, изучая способы образования основ презенса и аориста, приходит к выводу о том, что эти две системы в более ранний период представляли собой единое целое и, только впоследствии происходила их дифференциация [Елизаренкова 1960: 10]; см. также [Kuiper 1937: 72]. Отдельную систему составляли глаголы, передающие значение статива, которые впоследствии приобрели особые морфологические признаки (редупликация, корневая огласовка *-o-) и легли в основу морфологической категории перфекта и, возможно, медиального залога.

В раннеиндоевропейском периоде, когда еще не сформировался аспект, акциональное противопоставление не имело морфологического выражения и способы действия передавались лексическими возможностями корня, ср. корневые основы **d^heh₁*-

‘класть’, **deh*₃- ‘дать’, **b^heid*- ‘ударить’, **g^wem*- ‘идти’, **k^wer*- ‘делать’, **h₃erg*- ‘гибнуть’ и т.д.

1.2. В среднеиндоевропейский период глаголы действия с корневой основой, в зависимости от лексического значения корня могли передавать такие значения как дуративность и терминативность (недуративность, пунктивность). Если корневая основа, в силу лексического значения корня, выражает терминативное значение, то с помощью грамматических маркеров (аффиксации, редупликации, аблаута) глагол может передавать значение дуративности, инхоативности, итеративности или интенсивности, и наоборот, если базовым для корневой основы является дуративное значение, то с помощью дополнительных грамматических маркеров глагол может выражать значение терминативности [Gotō 2013: 82]¹.

Некоторые дуративные глаголы не позволяют им принимать маркеры, выражающие терминативное значение. Тогда срабатывает другой способ выражения соответствующего терминативного значения — супплетивизм [Gotō 2013: 82]. Супплетивизм присутствует во всех древних индоевропейских языках. Еще Г. Остгоф показал, что древнеармянский глагол *utem* ‘я ем’, аор. *keray* находит параллель в супплетивных парах с тем же значением в других языках, ср. др.-инд. *átti* ‘он ест’, аор. *ághas* и др.-гр. ἔδω ‘я ем’, аор. ἔφαγον [Osthoff 1899: 7]².

Таким образом, в среднеиндоевропейской эпохе, с помощью грамматических маркеров, развивается аспектуальная оппозиция перфектив vs. имперфектив. Формируется флексия с единственными вторичными окончаниями для всех глаголов действия.

Терминативные (так называемые «аористные») глаголы после формирования категории времени на третьем позднеиндоевропейском этапе, образуют корневые сильные формы аориста [Austefjord 1988: 26]. Поскольку от их корневой основы не

¹ В. Порциг полагал, что поскольку форманты, оформляющие в праиндоевропейском способы действия, часто совпадают с именными основами, они могут отражать состояния праязыка, в котором одна и та же основа могла склоняться и спрягаться [Porzig 1927: 152].

² О супплетивизме см. также [Мейе 1938: 214; Gotō 2013: 82].

могли образовываться формы настоящего времени, в качестве основ настоящего времени выступали вторичные образования, основные типы которых перечислены ниже.

1) Редуцированные основы:

а) $*d^h e h_1$ - ‘положить’ → $*d^h e-d^h e h_1$ - ‘класть’: вед. аор. *ádthāt* ‘он положил’, през. *dádthāti*; авест. през. *dadāiti*; др.-гр. аор. ἔθηκε ‘положил’ (мик. *te-ke*, гомер. θῆκε), през. τίθημι ‘кладу’; др.-арм. аор. *ed* ‘он положил’, през. с назальным инфиксом *dnem* ‘я кладу’; хетт. *zikkizzi* (презенс с суффиксом $*-skē/o-$) наряду с *tēzzi* ‘кладет’.

б) $*deh_3$ - ‘дать’ → $*de-deh_3$ - ‘давать’: вед. аор. *ádāt* ‘он отдал’, през. *dādāti* ‘дает’; авест. през. *dadāiti* ‘дает’; др.-гр. аор. ἔδομεν, през. δίδωμι ‘даю’; ср. также древнеармянский корневой аорист *et*.

с) $*stéh_2$ - ‘поставить’ → $*sti-stéh_2$ - ‘ставить’: вед. аор. *ástthāt* ‘положил’, през. *tístthati* ‘ставит’, авест. *hištənti* ‘ставит’; др.-гр. аор. ἔστην, през. ἵστημι ‘ставлю’; лат. през. *sistō* ‘ставлю’, умбр. през. *sest*.

2) Основы, образованные с помощью инхоативно-итеративного суффикса $*-skē/o-$:

а) $*g^w em$ - ‘идти’ → $*g^w m-skē/o-$ ‘ходить’: вед. аор. *ágan*, през. *gácchati* ‘ходит’; авест. през. *jasaiti* ‘ходит’; др.-гр. (Гом.) аор. βάτην, импер. βάσκε ‘иди’, през. $*\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$; др.-арм. корневой аорист с аугментом *ekn* ‘пришел’.

б) $*prek-$ ‘спросить’ → $*prk-skē/o-$ ‘спрашивать’: вед. аор. *áprāt* ‘спросил’, през. *prcchāti* ‘спрашивает’; авест. *pərəsā*; лат. през. *poscō* ‘требую’; др.-арм. корневой аорист *eharc* ‘он спросил’.

3) Основы, образованные с помощью назальных аффиксов. В индоевропейских языках в процессе образования основ презенса немаловажную роль сыграли назальные аффиксы. Существует обширная литература о происхождении назального форманта, его функций и роли в формировании основ презенса [Benveniste 1935; Kuiper 1937; Puhvel 1960; Cowgill 1963; Strunk 1967; Meiser 1993]; для отдельных языков см. [Fay 1904, 1905a, 1905b; Tedesco 1948; Greppin 1973; Hamp 1975; Aṛak'elyan 1980; Иванов 1965] и т.д. Назальный формант, так или иначе, отражен во всех индоевропейских языках, но лучше всех представлен в

индоиранских. Санскритские грамматики глаголы с назальным аффиксом, в соответствии с их структурой, распределили по трем классам — V, VII и IX. Согласно Ф. де Соссюру, эти классы имеют общее происхождение. Анализируя классы с назальными аффиксами, он утверждает, что *punā-* ‘очищать’ и *śṛṇo-* ‘слышать’ возникли из *puə-* и *śru-*, так же, как и *bhinad-* ‘разбивать’ от корня *bhid-* [Соссюр 1977: 519–523]:

а) $*b^h\text{eid-}/*b^h\text{id-} + *ne/n- > *b^h\text{i-ne-d-}/*b^h\text{i-n-d-}$: др.-инд. *bhinátti/bhīndmās* ‘разбивать’.

б) $*preuə-/*puə- + *ne/n- > *pu-ne-ə-/*pu-n-ə-$: др.-инд. *punāti/punīmās* ‘очищать’.

в) $*kleu-/*klu- + *ne/n- > *kḷ-ne-u-/*kḷ-n-u-$: др.-инд. *śṛṇóti/śṛṇumās* ‘слышать’.

Идея Соссюра впоследствии получила широкое распространение и находит много сторонников в современной индоевропеистике. При этом есть два подхода к первоначальной структуре назального форманта. Часть лингвистов поддерживает предложенную Соссюром реконструкцию инфикса $*ne/n-$ с аблаутом и слабой ступенью корня [Specht 1932: 82; Cowgill 1963: 252; Савченко 1974: 265] и др. Другие исследователи восстанавливают формант $*n-$ [Hirt 1900: 46, 138 и сл., 1928: 198 и сл.; Бенвенист 1955; Strunk 1967: 26]. Так или иначе, назальный инфикс является общеиндоевропейским архаизмом.

Из сочетаний назального инфикса с ларингалом и формантом $*u-$ возникают назальные суффиксы³. Тематизация атематических основ с назальными аффиксами происходит предположительно в позднеиндоевропейскую эпоху. Согласно А. Мейе, тематический тип др.-инд. *siñcāti*, авест. *hinčaiti* ‘льет’, при аор. *ásicat* относится к индоевропейской эпохе [Мейе 1938: 231].

Для данной статьи важное значение имеет проблема функции назальных аффиксов в праязыке и их отражение в армянском и других индоевропейских языках. Детально рассмотрев назальные классы Ригведы (VII, V, IX), Т. Я. Елизаренкова приходит к выводу, что подавляющее большинство глаголов этих

³ Об образовании назальных суффиксов от инфиксов пишут Е. Курилович [1964: 107], О. Семереньи [1970: 286–288] и др.

классов имело переходное значение и, сочетаясь с терминативным видом, впоследствии приобретало значение каузативности [Елизаренкова 1961: 106 и сл.]. Это значение присуще всем трем классам санскрита, обладающим назальным аффиксом: *rinákti* ‘отпускает’ при *rícyate* ‘отпускается’; *miñcáti* ‘освобождает’ при *mícyate* ‘освобождается’; *punáti* ‘очищает’ при *pávate* ‘очищается’; *kṣinóti* ‘уничтожает, разрушает’ при *kṣīyate* ‘разрушается’. Каузативное значение глаголов с назальным формантом обнаруживается также в других индоевропейских языках (см. [Казарян 2007: 114–115]). Довольно четкое каузативное значение имеют назальные глаголы хеттского языка [Surtevant 1951: 127, 196; Иванов 1965: 175]. В хеттском глагол *harakzi* ‘гибнуть’ (*hark-* < **h₃érg-* ‘гибнуть’) при присоединении суффикса **-ske/o-* образует итеративный глагол *harkisk-*, а с помощью назального форманта – каузативный глагол ‘губить, уничтожать’: *harnink-* < **h₃r-né/n-g-* (с назальным инфиксом), *harganu-* (с назальным суффиксом). Этот же глагол представлен в армянском языке с подобным значением: *harkanem* ‘бью, уничтожаю’. Можно упомянуть также хеттский глагол *arnuzi* ‘сдвигает, доставляет’, имеющий прямые параллели в др.-инд. *ṛṇóti* ‘двигает’ и др.-гр. ῥύωμι ‘поднимаю’. Каузативное значение этого глагола в древних памятниках трех языков представляет собой важную закономерность, позволяя исследовать значения данного морфологического типа в общиндоевропейском языке [Иванов 1965: 178]. Армянские назальные глаголы, имеющие надежные индоевропейские соответствия, характеризуются переходностью, а также каузативным значением: *bekanem* ‘ломаю’, ср. др.-инд. *bhanákti* ‘ломает’, лит. *bengiù* < **b^h-né/n-g-*; *bucanem* ‘выращиваю, кормлю’, ср. др.-инд. *bhunákti* ‘ест’ < **b^hu-né/n-g-*; *banam* ‘открываю’, ср. др.-гр. φαίνω ‘показываю’ < **b^h-né/n-h₂-* и т.д.

Противопоставление индоевропейских основ презенса и аориста очень ярко выражено в глагольных классах, имеющих в презенсе назальные аффиксы, а в аористе, как правило, корневую основу. В частности, К. Штрук, обращаясь в своем обстоятельном исследовании к взаимоотношениям назальных аффиксов и аориста в древнеиндийском и греческом, устанавливает, что глаголам с назальными суффиксами **-neu/nu-* и **-nā/nə-* присущ корневой аорист [Strunk 1967]. Необходимо уточнить, что назаль-

ные «презентные» основы являются маркированными и образованы от «аористных» корневых основ. Назальные аффиксы таким образом служат для образования основ презенса от корневых основ аориста глаголов с признаками переходности, однократности, терминативности.

Глагольная система древнеармянского языка унаследовала от индоевропейского праязыка противопоставление основ презенса и аориста. Исчезновение редупликации и аблаута в системе презенса привели к более яркой выраженности назальных форм презенса по отношению к корневому аористу. Древнеармянские глаголы, оканчивающиеся на *-an-em* и *-an-im*, восходящие к индоевропейским глаголам с инфиксальной презентной основой образуют тематические корневые основы аориста. Наряду с упомянутыми выше *bekanem*, *bucanem* и *harkanem*, можно упомянуть также:

а) **léik^w /-lik^w -* → **li-né/n-k^w* - ‘покидать’ > др.-арм. аор. *e-lik*’, през. *lk’anem* ‘покидаю’; др.-инд. корн. аор. *áricat*, през. *rinákti* ‘покидает’; др.-гр. корн. аор. ἔλιπον, през. λιπῶν ‘оставляю’; лат. през. *linquō*, *-ere* ‘оставляет’.

б) **uéd-/uid-* → **ui-né/n-d-* ‘видеть, знать’; др.-арм. аор. *egit*, през. *gtanem* ‘нахожу’; др.-инд. корн. аор. *ávidat*, през. *vindáti* ‘находит’; авест. корн. аор. *vīdat*, през. *vīnasī* ‘находит’; др.-гр. корн. аор. εἶδον ‘увидел’.

Таким образом, в среднеиндоевропейский период образуются грамматические классы основ глагола с разными аспектуальными значениями. Можно сказать, что в этот период с помощью разных грамматических маркеров (аффиксация, редупликация, аблаут) происходит грамматикализация показателей способов действия (Aktionsart). На этом этапе еще нельзя говорить о видовременной системе индоевропейского глагола, поскольку категория времени еще не была морфологически выражена. Все классы основ имеют единый набор личных окончаний (так называемых «вторичных»), реконструируемых как 1 sg. **-m*, 2 sg. **-s*, 3 sg. **-t*, 3 pl. **-nt*. Приблизительно к таким же выводам приходит Б. Дринка [Drinka 1995].

1.3. На третьем позднеиндоевропейском этапе перед распадом индоевропейской языковой общности формируется противопоставление первичных и вторичных окончаний, выражающее кате-

горию времени. Формирование категории времени относится к эпохе диалектного членения и распада индоевропейской языковой общности. Одновременно с образованием временных форм завершается и формирование полноценной системы аспекта (имперфективность vs. перфективность). Начинает формироваться видовременная оппозиция форм презенса, имперфекта и аориста, которая не получает завершения из-за распада индоевропейского языка. Поэтому видовременная система индоевропейского глагола не поддается унифицированной реконструкции.

Оппозиция презенс-имперфект-аорист хорошо представлена в греко-индоиранском языковом ареале, к которому примыкает армянский. В древнеармянском от индоевропейского имперфекта остались только следы в системе аориста; древнеармянский имперфект является новообразованием [Schmidt 1985]: през. *berem* < **b^her-e-mi*, имперф. *beri* < **e-b^her-e-m*.

Таким образом, категория времени, связанная с различием первичных и вторичных окончаний, имеет позднее происхождение⁴.

На втором и третьем этапах индоевропейского праязыка, завершается оформление видовременной оппозиции презенс-имперфект-аорист, где темпоральная оппозиция происходит в рамках флексии, а аспектуальная оппозиция — в рамках глагольных основ:

1) Корневые (сильные, немаркированные) формы аориста для передачи значения протекания действия (импрефективность) получают грамматические маркеры (аффиксация, редупликация и т.д.) и образуют глагольные маркированные основы.

2) Корневые (немаркированные) основы с дуративным значением в системе презенса, образуют маркированные (редуплицированные, сигматические) основы аориста.

Редуплицированные основы аориста хорошо представлены в древнеиндийском и древнегреческом⁵. Только в Ригведе коли-

⁴ Согласно Я. Сафаревичу, категория времени образовалась в эпоху самостоятельного развития отдельных диалектных групп индоевропейского языка ([Safarewicz 1974: 54]; перевод на русск. [Сафаревич 1964: 16]).

чество глаголов с редулицированным аористом до шестидесяти [Елизаренкова 1960: 111]. Однако не все из них первичны. Глагольные основы аориста с удвоением часто имеют каузативные глаголы. Необходимо отметить, что древнеиндийский Х класс презенса характерен для глаголов с каузативным значением, имеющих редулицированный аорист, например, *coráyati* ‘крадет’ — аор. *ácūcurat*; *kṣāláyati* ‘стирает, моет’ — аор. *ácikṣalat*; *pīdayati* ‘давит, мучит’ — аор. *ápīpīdat*; *bódhati* ‘бодрствует’, кауз. *bodháyati* ‘будит’ — аор. *ábudha*, кауз. *ábūbudhat*; *janóti*, кауз. *janáyati* ‘порождает’ — аор. *ájan*, кауз. *ájījanat* и т.д.

О. Семереньи [1970: 299] приводит несколько древнегреческих глаголов с редулицированным аористом и каузативным значением: ἔλαθετο ‘забыл’, при ἐκ-ἔλαθον ‘побудил (его) забыть’; λαγχάνω ‘выиграть, получить (по жребия)’; при ἐλάχῳσι ‘(чтобы они меня) включили в долю’.

Учитывая, что надежные формы данного типа аориста не встречаются вне греко-армяно-индоиранского ареала, можно предположить ареальный характер редулицированных основ аориста.

а) **uék^w-/uk^w-* → **uék-uk^w-e-* > др.-инд. аор. *ávocat* ‘он сказал’, през. *vákti* при редул. *vívakti* ‘говорить’; гр.-аор. ἔ(φ)ειπον ‘он сказал’, при ἔπος ‘слово, речь’, др.-арм. през. *goč’em* ‘кричу’;

б) **h₂ég-e-* > вед. *ájati* ‘нести’; авест. *azaiti*; арм. *acem* ‘нести’; гр. ἄγω ‘вести’ при редул. аор. ἤγαγον.

с) **ké-kad-e-* > **kád-e-*: др.-гр. (Гом.) аор. κεκάδοντο ‘отступать’; лат. през. *cadō, -ere* ‘падать’.

Для сигматического аориста трудно найти закономерность его соотношения с классами презентных основ — обстоятельство, подтверждающее позднее происхождение сигматического аориста⁶. К. Уоткинз полагает, что сигматический аорист появился только в части индоевропейских диалектов и является иннова-

⁵ Древнеармянский язык сохранил только одну основу аориста с удвоением: през. *ařnet* ‘я делаю’, аор. *arari*.

⁶ О позднем происхождении сигматического аориста см. [Meillet 1908: 79 и сл.; Kuryłowicz 1964: 109; Иванов 1965: 173–174] и др.

цией, которая получила развитие в отдельных диалектах [Watkins 1962: 101–102]. В этих диалектах сигматические образования распространяются за счет корневого аориста, постепенно вытесняя последний [Meillet 1908; Kuryłowicz 1964: 78]. Сходное явление наблюдается также в греческом, где, по мнению П. Шантрена, сигматический аорист на *-σα* «постепенно становится “нормальной” формой греческого аориста» [Шантрен 1953: 150]. Возможно, сигматический аорист развился на базе форм имперфекта, образованных от сигматических основ презенса (о соотношении сигматических основ презенса и аориста см. [Иванов 1959: 29–31; Watkins 1962]). Можно предположить, что исходные сигматические основы презенса и имперфекта передавали значение терминативности, моментальности, что больше присуще «аористичным» основам.

В древнеармянском, сигматический аорист как класс не сохранился. Его следы можно обнаружить в ряде форм презенса, образованных от основ сигматического аориста: **h₃néid-s-* > аор. *anēc*, през. *anic-an-em* ‘проклиная’; **mer-s-* > аор. *meṛaw*, през. *meṛ-an-im* ‘умираю’. Наряду с корневым аористом, в армянском языке имеется так называемые «цойные» основы аориста. Происхождение аористного суффикса *-с’* связывается с суффиксом **-ské/o-* (см. [Джаукян 1982: 89, 231]). Цойным способом аорист формируют все простые (корневые) глаголы спряжений на *-e-*, *-i-* и *-a-* (кроме глаголов *acem* ‘несу’, *berem* ‘несу’, *hanem* ‘снимаю’, *nstim* ‘сизу’ и *lsem* ‘слушаю’).

В то время как в древнеиндийском, сигматический аорист чаще всего встречается у глаголов с корневыми тематическими презентными основами, в древнеармянском глаголы с корневыми тематическими презентными основами образуют цойный аорист:

а) **h₂eǵ-s-*: **h₂eǵ-e-*: др.-инд. аор. *ājīṣus*, през. *ājati* ‘вести’, др.-гр. аор. *ἦζα*, при редупл. аор. *ἦγαγον*, през. *ἄγω* ‘вести’; др.-арм. през. *acem* ‘несу’.

б) **h₁ueg^{wh}-s-*: **h₁ueg^{wh}-*: др.-инд. аор. *áhuiṣṭa*, през. *óhate* ‘торжественно говорить’; др.-гр. аор. *ἦζάμην*, през. *εὔχομαι* ‘молиться’, др.-арм. цойн. аор. *uzeac* ‘, през. *uzem* ‘хочу’.

в) **h₃méig^h-s-*: **h₃méig^h-e-*: др.-инд. аор. *ámikṣat*, през. *méhati* ‘мочиться’, др.-гр. аор. *ῥμειξεν*, през. *ῥμικειν* ‘мочиться’, лат. сигм. аор. *mīxī*, др.-арм. цойн. аор. *mizeac* ‘, през. *mizem* ‘мочиться’.

3.

Как отмечалось выше видовременная система с трехчастной оппозицией презенс-имперфект-аорист возникает в позднеиндоевропейскую эпоху. На третьем этапе индоевропейского языкового состояния наряду с презенсом и аористом образуется имперфект. Своими вторичными окончаниями он образует темпоральную оппозицию презенсу, а своей презентной основой — аспектуальную оппозицию аористу.

Глагольные основы, выражающие аспектуальные значения, распределяются соответственно со своими грамматическими характеристиками:

	Имперфективность	Перфективность
Настоящее время	$*d^h e - d^h e h_1 - mi$ (презенс)	
Прошедшее время	$*d^h e - d^h e h_1 - m$ (имперфект)	$*d^h e h_1 - m$ (аорист)

Фактически, здесь мы имеем дело не с тернарной оппозицией презенс-имперфект-аорист, а с двумя бинарными оппозициями:

1) *Аспектуальная бинарная оппозиция:*

а) дуративная основа (презенс и имперфект) выражает имперфективный вид;

б) терминативная основа (аорист) выражает перфективный вид;

2) *Темпоральная бинарная оппозиция:*

а) настоящее время — презенс с первичными окончаниями;

б) прошедшее время — имперфект и аорист со вторичными окончаниями.

К этому периоду можно также отнести окончательное формирование оппозиции маркированных и немаркированных основ презенса и аориста, так как после возникновения категории имперфекта со вторичными окончаниями и значением несовершенного вида, единственным способом разграничения этого грамматического значения от аориста со значением совершенного

вида прошедшего времени была оппозиция основ презенса и аориста, характерная для того или иного глагола.

Таким образом, восстанавливаемая для индоевропейского по данным древнегреческого и древнеиндийского языков трехчастная система видовременного противопоставления в ряде индоевропейских языков перешла в систему с бинарной оппозицией. В древнеармянском она отражается как оппозиция презенса-аорист, морфологическое оформление которой видно на примере ряда инноваций в древнеармянском языке. Подобное превращение наблюдается также и в других индоевропейских языках — латинском, балтийских, славянских [Серебренников 1974: 256]. Разнообразные основы древнегреческого глагола уступают свое место бинарному противопоставлению презенса-аорист в новогреческом языке [Мейе 1938: 427].

4.

Подводя итог, можно констатировать, что еще в общеиндоевропейском праязыке развилась формальная и системная оппозиция глагольных основ презенса и аориста, которые противопоставлялись для каждого глагола по отдельности. Этим обусловлено появление в индоевропейском двух типов глагольных основ — маркированного и немаркированного. На их противопоставлении строится видовременная система глагола: немаркированному презенсу соответствует маркированный аорист и, наоборот, — немаркированному аористу соответствует маркированный презенс.

Подобное противопоставление особенно отчетливо проявляется на третьем этапе развития индоевропейского языка, после морфологического оформления в нем категории времени и развития форм имперфекта. Такая оппозиция маркированных и немаркированных форм исключает совпадение корневых основ имперфекта с корневыми основами аориста или редулицированной основой имперфекта с редулицированной основой аориста в рамках одного глагола, так как в этом случае становится невозможным формально отличать имперфект от аориста.

Такая система оппозиции глагольных основ презенса и аориста, начиная с индоевропейского периода, получает дальнейшее развитие в отдельных языках. Это состояние хорошо выра-

жено в древнеиндийском, в какой-то мере в древнегреческом и старославянском. Древнеармянский сохранил и развил подобное бинарное противопоставление, что привело к образованию регулярных глагольных классов, характеризующихся определенными сочетаниями основ презенса и аориста.

Литература

- Джаукян 1982 — Г. Б. Джаукян. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд-во АН АССР, 1982. [G. B. Dzhaugian. Sravnitel'naia grammatika armianskogo iazyka [Comparative grammar of Armenian]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1982].
- Джаукян 1987 — Г. Б. Джаукян. История армянского языка: Дописьменный период (на арм. яз.). Ереван: Изд-во АН АССР, 1987. [G. B. Dzhaugian. Istorija armjanskogo jazyka: dopis'mennij period [The History of Armenian]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1987].
- Елизаренкова 1960 — Т. Я. Елизаренкова. К вопросу о становлении категории времени в древнеиндийском языке (Rigveda) // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 16. [T. Ya. Elizarenkova. K voprosy o stanovlenii kategorii vremeni v drevneindijskom jazyke (Rigveda) [On the formation of the tense category in Old Indic] // XXV Mezhdunarodnyi kongress vostokovedov. Doklady delegatsii SSSR. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. P. 16].
- Елизаренкова 1961 — Т. Я. Елизаренкова. Значение основ презенса в «Ригведе» // М. Г. Асланов (ред.). Языки Индии: сборник статей. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 91–165. [T. Ya. Elizarenkova. Znachenie osnov prezensa v «Rigvede» [The meaning of the present stems in Rigveda] // M. G. Aslanov (ed.). Iazyki Indii: sbornik statei. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1961. P. 91–165].
- Иванов 1959 — Вяч. Вс. Иванов. Тохарские языки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. [Viach. Vs. Ivanov. Tokharskie iazyki [Tocharian languages]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1959].
- Иванов 1965 — Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М.: Наука, 1965. [Viach. Vs. Ivanov. Obshcheindoevropeiskaia, praslavianskaia i anatoliiskaia iazykovye sistemy [Proto-Indo-European, Proto-Slavic, and Anatolian language systems]. Moscow: Nauka, 1965].
- Казарян 2007 — В. К. Казарян. О некотором сходстве образования каузатива в армянском и тохарских языках // В. А. Кочергина (общ. ред.). Лингвистическая компаративистика в культурном и

- историческом аспектах. Материалы V международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 114–118. [V. K. Kazarian. O nekotom skhodstve obrazovaniia kauzativa v armianskom i tokharskikh iazykakh [On the similarity of the formation of the causative in Armenian and Tocharian] // V. A. Kochergina (ed.). Lingvisticheskaia komparativistika v kul'turnom i istoricheskom aspektakh. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po sravnitel'no-istoricheskomu iazykoznaniiu. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. P. 114–118].
- Макаев 1967 — Э. А. Макаев. Значение армянского языка для реконструкции общиндоевропейского состояния // Историко-филологический журнал 4, 1967. С. 75–90. [E. A. Makaev. Znachenie armianskogo iazyka dlia rekonstruktsii obshcheindoeuropeiskogo sostoiianiia [The significance of Armenian for the reconstruction of Proto-Indo-European] // Istoriko-filologicheskii zhurnal 4, 1967. P. 75–90]
- Мейе 1938 — А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. [A. Meie. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeskikh iazykov [Introduction to the comparative study of Indo-European languages]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1938]
- Савченко 1960 — А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1960. [A. N. Savchenko. Proiskhozhdenie srednego zaloga v indoevropeskom iazyke [The origin of middle voice in Indo-European]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1960]
- Савченко 1974 — А. Н. Савченко. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая Школа, 1974. [A. N. Savchenko. Sravnitel'naia grammatika indoevropeskikh iazykov [Comparative grammar of Indo-European languages]. Moscow: Vysshaia shkola, 1974]
- Сафаревич 1964 — Ia. Safarevich. Razvitie formativov vremeni v i.e. glagol'noi sisteme // В. Н. Топоров (отв. ред.). Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М.: Наука, 1964. С. 13–17. [Ya. Safarevich. Razvitije formativov vremeni v indoevropeskoj sisteme [The development of tense formations in the Indo-European verbal system] // V. N. Toporov (ed.). Problemy indoevropeskogo iazykoznaniiia. Etiudy po sravnitel'no-istoricheskoi grammatike indoevropeskikh iazykov. Moscow: Nauka, 1964. P. 13–17]
- Серебrenников 1974 — Б. А. Серебrenников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. [B. A. Serebrennikov.

- Veroiatnostnye obosnovaniia v komparativistike [Probability methods in the comparative linguistics]. Moscow: Nauka, 1974]
- Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // А. А. Холодович (пер. с франц. яз. под ред.). Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 302–562. [F. de Saussure. *Memuar o pervonachal'noi sisteme glasnykh v indoevropeskikh iazykakh* [Memoir on the primitive system of vowels in Indo-European languages] // Trans. from French and ed. by A. A. Kholodovich. Ferdinand de Saussure. *Trudy po iazykoznaniiu*. Moscow: Progress, 1977. P. 302–562]
- Шантрэн 1953 — П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. [P. Chantraine. *Istoricheskaiia morfologiia grecheskogo iazyka* [Historical morphology of the Greek language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953]
- Ařak'elyan 1980 — V. D. Ařak'elyan. *Seri k'erakanakan kargə ew bayacanc'nerə grabarowm* [The category of voice and the verbal affixes in Old Armenian] // *Patma-banasirakan handes* 2, 1980. P. 72–86.
- Austefjord 1988 — A. Austefjord. On the oldest type of aorists in Indo-European // *Journal of Indo-European Studies* 16/1–2, 1988. P. 23–32.
- Barton 1973–1974 — Ch. Barton. The Armenian strong aorist // *Revue des études arméniennes* 10, 1973–1974. P. 27–38.
- Benveniste 1935 — E. Benveniste. *Origines de la formation des noms en indoeuropéen*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1935.
- Bonfante 1942 — G. Bonfante. The Armenian aorist // *Journal of the American Oriental Society* 62/2, 1942. P. 102–105.
- Cowgill 1963 — W. Cowgill. Rec.: J. Puhvel. Laryngeals and the Indo-European Verb // *Language* 39/2, 1963. P. 248–270.
- Drinka 1988 — B. A. Drinka. Evidence for the space-time hypothesis. The IE s-aorist // *Journal of Indo-European studies* 16/3–4, 1988. P. 253–265.
- Drinka 1995 — B. A. Drinka. Areal linguistics in prehistory: Evidence from Indo-European aspect // A. Henning (ed.). *Historical Linguistics 1993. Selected papers from the 11th International Conference on Historical Linguistics, Los Angeles, 16–20 August 1993*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 143–158.
- Fay 1904 — E. Fay. The Indo-Iranian nasal verbs (part I — Introduction) // *American Journal of Philology* 25/4, 1904. P. 369–389.
- Fay 1905a — E. Fay. A semantic study of the Indo-Iranian nasal verbs (part II) // *American Journal of Philology* 26/2, 1905. P. 172–203.
- Fay 1905b — E. Fay. A semantic study of the Indo-Iranian nasal verbs (part III) // *American Journal of Philology* 26/4, 1905. P. 376–408.

- Gotō 2013 — T. Gotō. Old Indo-Arian Morphology and Its Indo-Iranian Background. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2013.
- Greppin 1973 — J. A. C. Greppin. The origin of Armenian nasal suffix verbs // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 87/2, 1973. P. 190–198.
- Hamp 1975 — E. Hamp. On the nasal presents of Armenian // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 89/1, 1975. P. 190–198.
- Hübschmann 1883 — H. Hübschmann. Armenische Studien. I. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
- Kuiper 1937 — F. B. J. Kuiper. Die indogermanischen Nasalpräsentia. Ein Versuch zu einer morphologischen Analyse. Amsterdam: Noord-hollandsche Uitgeversmaatschappij, 1937.
- Kuryłowicz 1964 — J. Kuryłowicz. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg: Winter, 1964.
- Meid 1975 — W. Meid. Probleme der räumlichen und zeitlichen Gliederung des Indogermanischen // H. Rix (Hrsg.). *Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Regensburg, 9. bis 14. September 1973*. Wiesbaden: Reichert, 1975. P. 204–219.
- Meillet 1908 — A. Meillet. Sur l'aoriste sigmatique // *Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure*. Paris: Champion, 1908. P. 79–106.
- Meillet 1936 — A. Meillet. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2 éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitharistes, 1936.
- Meiser 1993 — G. Meiser. Zur Funktion des Nasalpräsens im Urindogermanischen // G. Meiser (Hrsg.). *Indogermanica et Italica. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1993. P. 280–313.
- Neu 1976 — E. Neu. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbal-systems // A. Morpurgo Davies, W. Meid (eds.). *Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics Offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of his Seventieth Birthday, June 5, 1976*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1976. P. 239–254.
- Neu 1985 — E. Neu. Das frühindogermanische Diathesensystem. Funktion und Geschichte // B. Schlerath, V. Rittner (eds.). *Grammatische Kategorien — Funktion und Geschichte. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Berlin, 20. bis 25. Februar 1983*. Wiesbaden: Reichert, 1985. P. 275–295.
- Osthoff 1899 — H. Osthoff. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Heidelberg: Universitätsbuchdruckerei von J. Hörning, 1899.

- Polomé 1981 — E. L. Polomé. Indo-European verb morphology. An outline of some recent view with special regard to old Indic // *International Journal of Dravidian Linguistics* 9/1, 1981. P. 158–169.
- Polomé 1985 — E. L. Polomé. How archaic is old Indic? // U. Pieper, G. Stickel (eds.). *Studia linguistico diachronica et synchronica*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1985. P. 671–683.
- Porzig 1927 — W. Porzig. Zur Aktionsart indogermanischer Präsensbildungen // *Indogermanische Forschungen* 45/1, 1927. P. 152–167.
- Puhvel 1960 — J. Puhvel. *Laryngeals and the Indo-European Verb*. Los Angeles: University of California Press, 1960.
- Safarewicz 1974 — J. Safarewicz. The development of the formants of tense in the Indo-European verbal system // J. Safarewicz. *Linguistic Studies*. The Hague: Mouton de Gruyter, 1974. P. 50–55.
- Schmidt 1980 — K. H. Schmidt. Armenian and Indo-European // J. A. C. Greppin (ed.). *First International Conference on Armenian Linguistics: Proceedings, the University of Pennsylvania, Philadelphia, 11–14 July 1979*. Delmar — New York: Caravan Books, 1980. P. 35–58.
- Schmidt 1985 — K. H. Schmidt. Die indogermanischen Grundlagen des altarmenischen Verbums // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 98/2, 1985. P. 214–237.
- Strunk 1967 — K. Strunk. *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*. Heidelberg: Winter, 1967.
- Sturtevant 1951 — E. H. Sturtevant. *A Comparative Grammar of the Hittite Language*. New Haven — London: Yale University Press, 1951.
- Tedesco 1948 — P. Tedesco. Slavic *ne-* presents from Older *je-* presents // *Language* 24/4, 1948. P. 346–387.
- Watkins 1962 — C. Watkins. *Indo-European Origins of the Celtic Verb. I The Sigmatic Aorist*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1962.

R. I. Kim

Adam Mickiewicz University, Poznań

THE PREHISTORY OF THE CLASSICAL ARMENIAN WEAK AORIST

1. Introduction: strong and weak aorists

One of the defining features of Classical Armenian verb morphology is its two-stem system: almost every verb has two stems, present and aorist, from which all attested forms may be derived. The Proto-Indo-European origins of the various present and aorist formations and the relations between the two stems have been investigated by scholars such as Meillet, Godel, Klingenschmitt, and Kortlandt, but many questions remain¹.

Whereas the present stems belong to a multitude of formal classes, the aorists are traditionally divided into two types, strong (unsuffixed) and weak (suffixed). Most of the former are associated with presents in *-anem/-anim*².

¹ I thank Petr Kocharov and Hrach Martirosyan for inviting me to contribute to the proceedings of the St. Petersburg workshop on the Armenian aorist, which I was unfortunately unable to attend. Both of them, as well as Martin Gális, Dariusz Piwowarczyk, Tim Felix Aufderheide, Heidi Kathleen Kim, Jared Klein, and Rémy Viredaz, were also of invaluable help with numerous bibliographical references.

Versions of this paper were read at the 35th East Coast Indo-European Conference, University of Georgia on 7 June 2016 and the Seminar für Indogermanistik, Friedrich-Schiller-Universität Jena on 28 June 2016. I am grateful to the audiences on those occasions for their comments, in particular Hans Henrich Hock, Jay Jasanoff, Jared Klein, Martin Kümmel, Sergio Neri, and to the editors of the present volume for numerous suggestions and corrections. — This research has been supported by grant no. GA17-19686S from the Czech Science Foundation.

² I leave aside the two verbs in *-nem*, whose aorists are synchronically irregular: *ar̥nem* ‘make’, aor. *arari* (*arar*) and *dnem* ‘put’, aor. *edi* (*ed*). Here and below, aorist forms are cited in the 1 sg., followed by the 3 sg. of active aorists in parentheses.

(1)	<i>lk'anem</i> 'leave'	<i>lk'i</i> (<i>elik</i>)
	<i>lk'anim</i> 'am left'	<i>lk'ay</i>
	<i>usuc'anem</i> 'teach'	<i>usuc'i</i> (<i>usoyc</i>) ³
	<i>usanim</i> 'learn'	<i>usay</i>

There are also a significant number of strong aorists beside presents in *-um* (2) and *-num* (3). Two of the latter are formed to consonant-final roots, namely *aṛnum* 'take' and *jeṛnum* 'become warm', while in the remainder root-final **i* (in one instance, **u*) has been weakened to [ə].

(2)	<i>gelum</i> 'twist'	<i>geli</i> (<i>egel</i>)
	<i>helum</i> 'pour'	<i>heli</i> (<i>ehel</i>)
	<i>henum</i> , <i>hanum</i> 'weave'	<i>heni</i> (<i>ehen</i>), <i>hani</i> (<i>ehan</i>)
(3)	<i>aṛnum</i> 'take'	<i>aṛi</i> (<i>aṛ</i>)
	<i>jeṛnum</i> 'become warm'	<i>jeṛay</i>
	<i>aytnum</i> 'swell' (< <i>*ayti-nu-</i>)	<i>ayteay</i> (< <i>*ayti-a-</i>)
	<i>erdnun</i> 'fear' (< <i>*erdu-nu-</i>)	<i>erduay</i>

The remainder belong to several minor types, including a few archaic verbs with synchronic root present in *-em/-im* beside root aorists (4), suppletive verbs (5), presents in *-č'em* and *-(n)č'im* with aorists in *-eay* (6); and the two presents in *-nam* (7).

(4)	<i>acem</i> 'lead'	<i>aci</i> (<i>ac</i>)
	<i>berem</i> 'carry'	<i>beri</i> (<i>eber</i>)
	<i>nstim</i> 'sit'	<i>nstay</i>
(5)	<i>ert'am</i> 'go'	<i>č'ogay</i>
	<i>əmpem</i> 'drink'	<i>arbi</i> (<i>arb</i>)
	<i>unim</i> 'have'	<i>kalay</i>
	<i>utem</i> 'eat'	<i>keray</i> (<i>eker</i>)
(6)	<i>čanač'em</i> 'know'	<i>caneay</i>
	<i>t'ak'č'im</i> 'hide'	<i>t'ak'eay</i>
	<i>erknč'im</i> 'fear'	<i>erkeay</i>
(7)	<i>daṛnam</i> 'turn (intr.)'	<i>darjay</i>
	<i>baṛnam</i> 'lift, carry'	<i>barji</i> (<i>ebarj</i>)
	mp. 'am lifted, carried'	<i>barjay</i>

³ Similarly for other causatives in *-uc'anem*, aor. *-uc'i* (*-oyc*).

Although many verbs lack a clear etymology, and the origin of some of the person-number endings remains disputed, there is general agreement that the main sources of strong aorists are thematized PIE root aorists and, in a few cases, imperfects of PIE thematic presents: cf. *elik* ‘left’ ← **e-lik^w-e-t* ← PIE aor. **léyk^w-* ~ **lik^w-*; *eber* ‘carried’ < PIE impf. **e-b^her-e-t*⁴.

In contrast, weak aorists are associated with unsuffixed presents in *-em* and *-im*, as well as presents in *-am* and six verbs in *-num*. Those to presents in *-am* take the suffix *-ac*‘ (8), while the aorists of e.g. *lnum* ‘fill’ and *zgenum* ‘put on (clothing), get dressed’ have a bare *-c*‘ following the root (9).⁵ Almost all weak aorists to presents in *-em* and *-im* are characterized by the suffix *-eac*‘ in final syllables alternating with *-ec*‘ in pretonic position (10), e.g. *sirem* ‘love’, *sirim* ‘am loved’, aor. *sirec*‘i (*sireac*‘), mp. *sirec*‘ay. A much smaller group (11), found with just four presents in *-em*, shows an invariant suffix *-ac*‘, e.g. *asem* ‘say’, aor. *asac*‘i (*asac*‘)⁶.

(8)	<i>mnam</i> ‘remain’	<i>mnac</i> ‘i (<i>mnac</i> ‘)
	<i>yusam</i> ‘hope’	<i>yusac</i> ‘ay
	<i>luanam</i> ‘wash’	<i>luac</i> ‘i (<i>luac</i> ‘)
	mp. ‘wash (myself), am washed’	<i>luac</i> ‘ay
	<i>merjenam</i> ‘approach’	<i>merjec</i> ‘ay
	(< <i>*merji-anam</i>)	(< <i>*merji-ac</i> ‘ay)
(9)	<i>lnum</i> ‘fill’	<i>lc</i> ‘i (<i>elic</i> ‘)
	<i>zgenum</i> ‘put on (clothing)’	<i>zgec</i> ‘ay
	<i>ankenum</i> ‘make fall’	<i>ənkēc</i> ‘i (<i>ənkēc</i> ‘)

⁴ See e.g. [Meillet 1903a: 84–85, 1936: 113, 114–115; K. H. Schmidt 1980b: 42, 1985: 226–227; Schmitt 1981: 144–145; Djahukian 1982: 187–189; Viredaz 2015, § 1.2–3]. On the person-number endings, see among others [Barton 1965: 54–65, 1973–1974; Winter 1975; Jasanoff 1979; Kortlandt 1981; Klingenschmitt 1982: 12–31; Viredaz 2015, § 2 ff.].

⁵ That all of these roots end in a vowel was first seen by Meillet [1903a: 85–86, 1913: 103–104, 1936: 114–115]; cf. [Jensen 1959: 109–110, Szemerényi 1966: 225]. See below, § 7 with fns. 69, 70.

⁶ For further synchronic details, see e.g. [Meillet 1903a: 85–86, 1913: 97–104, 1936: 115–116; Schmitt 1981: 144–152; Clackson 1994: 80–81].

(10)	<i>sirem</i> ‘love’	<i>sirec</i> ‘i (<i>sireac</i> ‘)
	<i>sirim</i> ‘am loved’	<i>sirec</i> ‘ay
	<i>t’agaworem</i> ‘rule as king’	<i>t’agaworec</i> ‘i (<i>t’agaworeac</i> ‘)
	<i>erewim</i> ‘appear’	<i>erewec</i> ‘ay
(11)	<i>asem</i> ‘say’	<i>asac</i> ‘i (<i>asac</i> ‘)

The origin of the weak aorist suffix is one of the perennial problems of Armenian historical linguistics, but the distribution of the suffix variants just described has often been overlooked in the scholarly literature. After surveying previous research (§ 2), I argue for the essential correctness of the analysis first proposed in 1956 by Karstien (§ 3), but modify his account after reexamining the treatment of PIE intervocalic *y in Armenian (§§ 4–5). The consequences for the relative chronology of pre-Armenian sound changes and the prehistory of Armenian presents in *-am* are considered in § 6. The wider connections and PIE origins of the weak aorist suffix are examined in § 7, and a tentative chronology of the evolution of the Armenian weak aorist and related categories is outlined in § 8.

2. Earlier analyses

The first scholar to discuss the origin of the Armenian weak aorists was Pedersen [1905: 212–213]. He compared the *-a-* of *gitac* ‘knew’, *asac* ‘said’, and *karac* ‘could’ with the **-ā-* of OCS aor. *bīra* ‘took’, *zŭva* ‘called’, but thought that the majority type of *sireac* ‘loved’ went back to **-esā-*, i.e. an *s*-aorist plus **-ā-*; the stem-final *-c-* he identified with the PIE inchoative suffix **-sk^h/o-*. A generation later, Mariès [1930] derived pre-Arm. **-eac^h-* from a sequence **-is-ā-sk^h/o-* and compared the element **-is-* with the *-is-* of Latin perfect 2 sg. *-is-tī*, 2 pl. *-is-tis*, inf. *-is-se*, etc. as well as the *-iṣ-* of Old Indo-Aryan aorists such as *ābhār-iṣ-am* ‘carried’. Mariès’s interpretation was endorsed by Meillet [1933: 128–129, 1936: 115–116], Stang [1942: 76], Benveniste [1951: 20], Barton [1965: 70–74, 76–77], and Schindler [1966: 77], but received criticism from Karstien [1956a: 223–224] and Godel [1965: 40] and is no longer accepted today. Aside from the lack of any extra-Latin evidence for the

antiquity of *-is- — not to mention the continuing debate over the prehistory of the Latin perfect in general⁷ — a preform *-is-ā- offers no explanation for the handful of weak aorists in -ac'- to presents in -em-, e.g. *asac'* 'said'. Pedersen's formulation too gives no indication as to why this small group should have a divergent source from the majority type⁸.

Karstien [1956a: 221–229; 1956b: 69–70, 95–99] compared the Armenian weak aorist formant with the OCS imperfects in 1 sg. -axŭ, 2, 3 sg. -aše, deriving both from a proximate preform *-ā-sk^e/o-; along with a range of other (mostly lexical) isoglosses, he took this as evidence for a close prehistoric relationship between the two branches. Although Karstien's interpretation of the Slavic imperfect is not generally accepted (see below, fn. 77), he did take the important step of considering the aorists in -eac'- together with the small group in -ac'-; the details of his argument will be outlined below in § 3.

An entirely different interpretation was proposed by Godel [1969: 255–257, 1975: 128]. In contrast to previous researchers, he considered the diphthong *ea* of the weak aorist in -eac' to be analogical to the pretonic allomorph -ec'-, after the alternation *ea* ~ *e* known from e.g. *matean* 'book, manuscript' ~ gen. *mateni* or *learn*

⁷ Above all of the *u/v*-perfect; see the discussion and references in [Meiser 1998: 204–206, 2003: 220–237; Weiss 2011: 410–412].

⁸ The same criticism applies to Jasanoff's [1979: 133, fn. 2] analysis of the weak aorist as an old imperfect in *-sk^e/o- built to "an aorist in *-isa- (> Arm. -ea-)" of unspecified origin. Jasanoff (p.c., 7 June 2016) now suggests that the Armenian weak aorist originated in sigmatic aorists in *-ē-s- to derived presents in *-ey^e/o- (cf. the type of Gr. ἐφίλησα to φιλέω 'love'), to which was added *-a-, generalized from 3 pl. *-a-nt, mp. *-a-nto ← *-ant, *-anto < PIE *-nt, *-nto; hence *-ē-s-a- > *-iha- > *-ea-. However, the PIE *s*-aorist has otherwise left no unambiguous reflexes in Armenian, and the small class of *asac'* remains unexplained. Moreover, the stem vowel -a- otherwise marks the mediopassive (see below, § 7 with fn. 61), and there is no reason why it should have been added to just this class of active forms. Even if the small group of *medium tantum* aorists in -eay (e.g. *erkeay* 'feared', *ayteay* 'swelled') goes back to *-i(h)a- < *-ēs-a- ← aor. *-ē-s- [Kortlandt 1995: 15–16, 1996a: 41 (2003: 108, 114–115)], I do not understand how these could have been "the only source for the type in -eac'" [Kortlandt 2001: 11 (2003: 131)]; cf. [Kortlandt 1996b: 57 (2003: 118)].

‘mountain’ ~ gen. *lerin*, adj. *lernakan* ‘mountainous’, and above all from the participle in *-eal-* ~ *-el-* (e.g. *sireal* ‘loved’, gen. *sireloy*)⁹. The earlier situation would be preserved in *ənkenum* ‘make fall, throw down’, aor. *ənkêc*‘, which Godel takes to be an orthographic variant of *ənkec*‘. The original form of the suffix was therefore **-ec-*, which would continue pre-Armenian **-e-sk-e-* and/or **-eje-sk-e-*, directly comparable to Ionic imperfects such as *ἐθέλεσκε* ‘wanted’, *φιλέεσκε* ‘loved’ to *ἐθέλω*, *φιλέω*.

Godel’s hypothesis was endorsed by Schmitt [1972: 17–18, 1981: 145], but has since been criticized by several scholars, including Klingenschmitt [1982: 136], Clackson [1994: 81–82], and Viredaz [2015, § 1.4.4]. These authors point out that *e* is otherwise quite stable within both nominal and verbal paradigms, e.g. *berem* ‘carry’, aor. *beri*, 3 sg. *eber* or *tesanem* ‘see’, aor. *tesi*, 3 sg. *etes*; there is no observable tendency in the classical or postclassical language to generalize the alternation of pretonic *e* ~ tonic *ea*¹⁰. Godel speculates that *ea* may have been introduced for tonic **e* “in order to avoid uncommon endings, firstly in the imperative: *grea* instead of **gre*”, adding that “final *-e* never occurs except in the conjunction *et’e*, *t’e* ‘that’” [Godel 1975: 128], cf. [Godel 1969: 256]. But this argument is circular, since the active imperative singular to polysyllabic weak aorist stems regularly shows apocope of **-c-*: next to **gêtac*‘ > *gita* ‘know!’, **asac*‘ > *asa* ‘say!’, there is no reason why speakers should have had any problem with **girec*‘ > **gre* ‘write!’, **sêrec*‘ > **sire* ‘love!’, etc.¹¹

⁹ Godel may have been inspired by the remark of Mann [1968: 44]; cited in [Godel 1975: 44] that “the 3rd. sing. form of *-e-* stems (*-eac*) contains a non-historical *-a-* of uncertain origin.”

¹⁰ See already the critical remarks of Hübschmann [1877: 401]: “Wenn wir von *sirel* (aus *sêr-el*) lieben im aorist gebildet finden 1. person: *sirezí*, 2. p. *sirezér*, aber 3. p. *sirezáz*, so müssen wir, um das *ea* der 3. p. zu erklären, annehmen, dass *sirezí* aus *sirezází*, *sirezér* aus *sirezázér* entstand. Denn dass *sirezáz* nicht etwa aus *siréz* durch einfluss des accentus hervorging, beweisen die aoriste 3. p. *ebék*, *ekér*, *egít*. Der accent steigert (im arm.) überhaupt keinen vocal, er erhält nur den bereits gesteigerten.”

¹¹ Stempel’s hypothesis that the participial ending *-eal* goes back to **-el* after the pattern of weak aorists in *-eac*‘ ~ *-ec-*‘ (hence e.g. **sirel*, gen.

As for the aorist of *ænkenum*, the manuscript evidence rather points to *ænkêc*‘ as the earlier form [Meillet 1903b: 500]¹². Whatever the exact formal analysis of this verb, it cannot therefore be adduced as evidence for an invariant weak aorist suffix *-ec*‘¹³. The unique inflection of this verb has been attractively explained as an isolated survival of an iterative-causative with *o*-grade root, shifted to the aorist by the creation of a new transitive present in **-nu-*: post-PIE **song^w-éy^e/o-* > **onk^wéye-* > **unkéye-* > **unke-*, 3 sg. **unke* > **unkē* → *ænkêc*‘¹⁴.

**-eloy* → inf. *sirel*, *-eloy* ‘love’ vs. ptcp. *sireal*, *-eloy* ‘loved’; [Stempel 1983: 66–67]) sheds no light on the origin of the latter formation, and also does not explain how *-eal* became the marker of participles to all verbs, not just those in *-em/-im* (cf. [de Lamberterie 1985b: 130; Meyer 2014: 388]).

¹² See [de Lamberterie 1982a: 26, fn. 18; Clackson 1994: 82, 216, fn. 91 with refs.]; *pace* [Klingenschmitt 1982: 249, fn. 6].

¹³ Meillet [1903b: 500–501] (cf. de Lamberterie apud [Klein 2007: 1082, fn. 39]) proposed that *ænkenum* reflects **ænki-nu-* by lowering of **i* > **e* before **u* in a following syllable; the presuffixal **ænki-* in turn is the regular reflex of pretonic **ænkê-*. However, the sound change in question is not entirely secure (cf. [Meillet 1894: 164–165], [Meillet 1900: 400] (“un changement assez énigmatique”), [Meillet 1903a: 32, 1936: 55; Grammont 1918: 247], [de Lamberterie 1978: 269 with fn. 137] (“phénomène (...) sans régularité”), [Klingenschmitt 1982: 234–235, fn. 7] (critical), [Clackson 1994: 95 with 220, fn. 47, 126–127, 1999–2000: 33]; rejected by Olsen [1999: 169 fn. 314]), and *ænke-nu-* ~ *ænkê-c-* would be the only such intraparadigmatic alternation to survive in the entire verbal system.

¹⁴ See [Godel 1965: 26, 37, 1969: 256, 1970: 142–143, 1975: 128, 1982a: 10; Barton 1988; Viredaz 2003: 76, fn. 86; Klein 2007: 1074–1075 with fn. 30]. As Barton pointed out, the expected transitive pres. †*ankanem* beside *ankanim* ‘fall’ would have been blocked by the already existing *ankanem* ‘weave’. Kortlandt [1987: 51 (2003: 81)] objects that the sequence **-eye* in the 3 sg. would have contracted to **e*, not **ê* (cf. PIE **tréyes* > *erek*‘ ‘three’), but a sound change of word-final **-e* > **-ê* would account for the vocalism and seems to have no exceptions. Viredaz [2008, § 4.2.3] proposes that *ænkêc*‘ continues **song^w-éy^e/o-* + **-s^{k̑}^e/o-* directly, with a sound change of **-esk-* > **-eyc-* (hence pre-Arm. **song^w-eye-s^{k̑}-t* > **unkeyc*‘ > *ænkêc*‘; cf. **presg^wu-* > *erêc*‘ ‘elder’), but the reflex of **-s^{k̑}^e/o-* was probably suffixed at a relatively late date; see below, § 7.

More difficult to explain is the failure of the change **nK^w* > **w^hK̑* known from *awc-* ‘anoint’ < PIE **h₂ng^w-* (Lat. *unguō*), *awj* ‘snake’ < PIE **áng^wh_i-* ~

3. Weak aorists in *-ac*‘ and *-eac*‘

As noted in § 2, Karstien [1956a: 221 ff.] was the first to see that the origin of the weak aorists in *-eac*‘ had to be investigated in conjunction with the small group in *-ac*‘, namely *gitac*‘i ‘knew’, *asac*‘i ‘said’, *karac*‘i ‘could’, *mart’ac*‘i ‘id.’. He pointed out that the great majority of Armenian presents in *-em* continue not PIE simple thematic presents in **-e/o-*, but secondary formations in **-ey^e/o-* ([Karstien 1956a: 222]), above all denominatives in **-e-y^e/o-* to thematic nominal bases, e.g. *gorcem* ‘make, do’, *gnem* ‘buy’ ← *gorc* (*o*) ‘work’, *gin* (*o*) ‘price’¹⁵. From such cases, *-em* was extended to nominal bases belonging to other inflectional classes, to become the default denominative (12) as well as factitive (13) present suffix in the language:

- (12) *sirem* ‘love’ ← *sêr* (*o*) ‘love’
bžškem ‘heal’ ← *bžišk* (*a*) ‘doctor’
t’agaworem ‘rule as king’ ← *t’agawor* (*a*) ‘king’
nšanakem ‘denote, make clear’ ← *nšanak* (*a*) ‘sign’
carayem ‘serve’ ← *caray* (*i*) ‘servant’
anuanem ‘name’ ← *anun* (*n*-stem, gen. *anuan*) ‘name’

**ng^{wh}éy-* ‘water snake, serpent’ (Lat. *anguis*, OHG *unc*) [Kim 2016b: 41 fn. 6 with refs.]: it may have been operative in **H_{en}K^w-*, but blocked after syllabic nasal in **snK^w-* [Winter 1962: 257–8], or restricted to **HnK^w-* [Woodhouse 2015: 269]; others take **g^w* to be generalized from PIE root aor. mp. **séng^w-* ~ **sng^w-* [Klingenschmitt 1982: 181–182], or question the traditional comparison with Goth. *sigqan* ‘sink’ [Ravnæs 1991: 41; Beekes 2003: 204]. As for the third likely example of this change, *awjik*‘ ‘collar’ < post-PIE **ang^{wh}-io-*, I see no need to assume a historically related development in Gr. *αῶχῆν* ‘neck’ beside Aeol. *ἄμφην* (*pace* [Sowa 2006]; overlooked in [Kim 2016b: 45–46 fn. 18]); the resemblance of the Armenian and dialectal Greek forms may be explained through borrowing, from pre-Armenian into pre-Greek or perhaps from a third language into both (cf. [Pisani 1950b: 191–192 (1978: 284–285)], [Clackson 1994: 107–109; Beekes 2010: 174; EDAIL: 154; Woodhouse 2015: 268]).

¹⁵ *Gorcem* could also continue a PIE iterative **worǵ-éy^e/o-* [Meillet 1936: 105], but the (near-)total absence of secure instances of this formation in Armenian rather speaks for a denominative [Klein 2007: 1082]; see below, fn. 16).

- (13) *srbem* ‘purify, make holy’ ← *surb* (*o*) ‘pure, holy’
azatem ‘free’ ← *azat* (*a*) ‘free’
manrem ‘make small, break into pieces’ ← *manr* (*u*) ‘small’
hnazandim ‘obey’ ← *hnazand* ‘obedient’

Examples such as *bžškem*, *nšanakem*, and *hnazandim* show that the formation remained productive into the period of Parthian domination, i.e. at least until the immediate prehistory of the classical language¹⁶.

Although nowhere explicitly stated, Karstien took *-ac-* to be the original aorist suffix associated with simple thematic presents in **-e/o-*; he compared the *a* of this suffix with the **-ā-* of Balto-Slavic preterital stems, e.g. Lith. *dirb-o* ‘worked’, OCS *pīs-a* ‘wrote’, as well as Latin *er-ā-* ‘was’ and the imperfect suffix *-bā-*. These provided the model for the denominative presents: at a stage when the latter still ended in **-ey^e/o-*, a corresponding aorist in **-eyā-* was created (so also tentatively Karstien 1956b: 97 “arm. *gorceac* = **uorǵ(ei?)ā-ske-t*”). In addition to the parallel of Slavic imperfects in *-jaaše* (< **-jěaše*) to presents in *-iti*, e.g. *val’aaše* ‘was rolling’ to *valiti* ‘roll’, he also compared Latin subjunctives to second-conjugation presents: “vgl. *gorces* : *gorceac* = lat. *monēs* : *moneat*, d.h. *gorces* und *monēs* mit **-eye-*, *gorceac* und *moneat* mit **-eyā-*” (222–223).

Karstien’s main insight has since been adopted by several other researchers, although with varying accounts of the suffixal vocalism. Before advancing his own very different hypothesis (see above, § 2), Godel [1965: 39–41] followed Karstien’s account of the weak aorist,

¹⁶ For further examples and discussion, see [Meillet 1903a: 77, 1936: 105; Godel 1975: 123] and especially [Klingenschmitt 1982: 139–143]. A very few presents in *-em* may continue (post-)PIE iteratives in **R(o)-éy^e/o-*, e.g. *k’orem* ‘scratch’ beside *k’erem* ‘scratch off, peel off’ to PIE **(s)ker-* ‘cut off, scratch’; *ařog(an)em*, *orog(an)em* ‘water, irrigate’ < **srow-éye/o-* to PIE **srew-* ‘flow’ ([Godel 1965: 26], but cf. [Klingenschmitt 1982: 204]); and perhaps *lizem* ‘lick’, if from **loyǵ^héy^e/o-* (cf. Lith. *laižyti*; but probably from **ley^{he}/o-* ← PIE **léyǵ^h-* ~ **liǵ^h-*; see below, fn. 74). See [Karstien 1956a: 222; Klingenschmitt 1982: 142, 209], [Solta 1984: 69] (“verhältnismäßig selten”), [Klein 2007: 1082, fn. 39] (“no clearly demonstrable instances in Classical Armenian of Indo-European causative-iteratives in *o*-grade root + *-éye/o-*”).

observing that the suffix *-ac'* appeared to be added directly to the PIE perfect stem **woyd-* in *git-ac'i* 'knew' and positing an original alternation of *-V-c'* vs. *-C-ac'*. Similarly, de Lamberterie [1982a: 26–27, 33–35, 1992: 270–271] analyzed *gitac'* 'knew' and *greac'* 'wrote' as respectively **gêt-* and **gr-e-* plus the suffix *-ac'*, and argued that the other verbs with irregular aorists in *-ac'* (*as-* 'say', *kar-* 'be able') also go back to old perfects. K. H. Schmidt [1980b: 43–44] (cf. [1985: 227]) explicitly derived *gitac'* and *gorceac'* from preforms **uoidāšket* and **uorǵeǵāšket*, respectively, with *-eac'* spreading from *e*-presents at the expense of "the older formation" *-ac'*¹⁷. Klein [2007: 1074–1075], like Karstien, assumes a pivotal role for the aorists in *-ac'*: "perhaps on the model **woid-e-ti* 'knows' (> *gitē*, refashioned from **woide*, an old perfect): **woid-a-sk'-e-t* 'knew' (> *gitac'*), an original **worǵey-e-ti* 'makes, works, does' (> *gorcē*, denominative to *gorc* 'work') assumed an aorist stem **worǵey-a-sk'-e-t* (> *gorceac'*)"; he also equates the *-a-* of Arm. *-ac'* with Lat. impf. *-ā-* and Slavic nonpresent **-a-*. Finally, Viredaz [2015, § 1.4.3–4] also connects the aorist marker **-a-* with the Latin imperfect and Balto-Slavic preterite and suggests "sous toutes réserves, que l'opposition apparue entre prés. **worǵey* > *gorce-* et impf. **worǵey-ā-* > aor. **gorcia-* (+ *-c'e-*), d'où *gorcem* : *gorceac'*, se soit étendue hors de son domaine d'origine."

A somewhat different approach was taken by Klingenschmitt [1982: 135–136, 286], who like de Lamberterie claimed that aorists in *-ac'* were originally formed to presents in *-e-* of perfect origin, which inflected as 1 sg. **-a-mi*, 3 **-e-ti* ← PIE pf. **-h₂e*, **-e*¹⁸. Before the

¹⁷ Cf. also [Stempel 1983: 63–64, 66], [Barton 1990–1991: 45] ("*sireac'* < **-e-ǵ-ā-ske-t'*"). However, Schmidt takes the *e* of *-eac'* to be "the thematic vowel of *e*-presents" [K. H. Schmidt 1980b: 43], as also de Lamberterie [1982a: 26] and Clackson [1994: 82]; correctly [Solta 1984: 69] ("[d]em Element *-a-* kommt die bedeutungstragende Funktion für das Vergangenheitstempus zu [...] [das] *-e-* von *-eaç-* ist mit dem Reflex von **-eǵe* der armen. Deverbativa und Denominativa [zu identifizieren]"). Schmidt's view that the suffix **-ac^h-* spread from the *a*-presents also cannot be upheld; see § 7 below.

¹⁸ A connection between perfect origin and aorist in *-ac'i* was already floated by Meillet [1892: 164], who compared *asem* 'say' with Ved. *āha* 'said': "l'aoriste *asaçi* présente la même irrégularité que *gitaci*, aoriste de

thematic vowel *-e-* was generalized, the 1 sg. stem in **-a-* served as the basis for the new weak aorist, according to the proportion **geitá-mi* ‘know’ : aor. **geitá-c’* :: **keá-mi* ‘live’ : aor. **keá-c’* and other presents in *-a-*. The pattern of pres. **-e-* : aor. **-ac’* then served as a model for presents in *-e-* < **-ee-* < PIE **-eye-*, which acquired an aorist in **-eac’*, whence the attested *-eac’* ~ *-ec’*. Clackson [1994: 82] (cf. [1999–2000: 32–33]) likewise thought that the aorist morpheme *-ac’* was added directly to **gêt* < PIE pf. **wóyd-* at a time when this and other “ancient perfects...would not have been incorporated into the *-em* class”, whereas “[f]or the majority of verbs of the *-em* class, the morph *-ac’i* is added to the stem *-e-*, as *gre-* from *grem* ‘write’, to give **greac’i* > *grec’i*.” Based on their distribution, he concluded that the markers *-c’* < **-sk’* and *-ac’* < **-āsk’* originated in aorists to presents in *-num* and *-am*, *-anam* and spread from there to verbs in *-em* and *-im* (cf. also [Meyer 2014: 390]).

Klingenschmitt’s explanation was criticized by Stempel [1983: 65–66] on the grounds that generalization of the 1 sg. stem vowel **-a-* in the aorist, but not the present, is *a priori* unlikely; he also noted that *gitem* and the other three “Perfektopräterita” are an improbably small basis for the spread of the aorist suffix. Peters [1997: 209–10] further pointed out that remodeling of PIE **wóyd-* ~ **wid-* to an athematic present **wóyd-mi*, **-si*, **-ti* would be unexpected given the complete disappearance of athematic inflection in Armenian¹⁹; direct thematization to **woyde-* > **gêt-e-* > *gite-* would be much more probable. Like Schmidt, Peters set up aorist preforms **uoid-ā-* and **uorǵej-ā-* to present **uoid-e-ti* and **uorǵej-e-ti*, but preferred to connect **-ā-* with the *-η-* of Homeric Greek pluperfect *ἤδ-η* ‘knew’. We will return to the Indo-European background of the weak aorist suffix in § 7, but first we must consider some inner-Armenian problems which have remained largely overlooked.

gitem (autre présent tiré de parfait).” Kortlandt [1996a: 40 (2003: 114)], after mentioning “the major types in *-em*, *-ec’i* and *-am*, *-ac’i*”, also states that “[t]he mixed type *-em*, *-ac’i* seems to reflect the PIE. perfect.” On the etymology of *asem*, see § 4.

¹⁹ In contrast to Slavic, where at least ‘eat’ and ‘give’ were available as models for PIE **wóyd-* ~ **wid-* → **wóyd-mi*, 3 sg. **-ti*, 3 pl. **-yti* > OCS *věmĭ, věstŭ, vědětŭ* (cf. *jamĭ, jastŭ, jadětŭ* ‘eat’, *damĭ, dastŭ, dadětŭ* ‘give’).

4. Problems with the standard model

The hypotheses described in § 3 have the great advantage of providing an explanation for both the weak aorists in *-ac* ‘- and the far more numerous aorists in *-eac* ‘ ~ *-ec* ‘-, but they suffer from two weaknesses. First, none of them offers an adequate explanation for the peculiar distribution of the two formants *-eac* ‘ and *-ac* ‘, specifically the restriction of the latter to the four verbs *asem* ‘say, tell, speak’, *gitem* ‘know’, *karem* ‘can’, *mart’em* ‘can’²⁰. What unites these particular verbs, and why should their aorists differ from that of the overwhelming majority of presents in *-em*? In particular, is there sufficient support for the view that the weak aorist suffix *-ac* ‘- was originally proper to old perfects, as claimed by Klingenschmitt, de Lamberterie, and Clackson?

The main difficulty here is that only *gitem* has an absolutely secure PIE source, the remaining three verbs being etymologically “mehr oder weniger unklar” [Klingenschmitt 1982: 137]. All scholars agree that *gitem* < **gēt*- ‘ is a remodeling of the PIE perfect **wóyd*- ~ **wid*- ‘ known from e.g. 1 sg. Ved. *véda*, Gr. *oîda*, Goth. *wáit* < PIE **wóyd*-*h*₂*e*.²¹ That *asem*, *karem*, and *mart’em* have meanings commonly associated with reflexes of stative perfects in other Indo-European languages is suggestive, but hardly constitutes proof that they too go back to (post-)PIE reduplicated perfects of the familiar classical type (*pace* [Klingenschmitt *op. cit.*; Clackson 1994: 81, 82; Peters 1997: 209]). In particular, *asem* need not continue a (post-)PIE perfect **h*₁*e*-*h*₁*óǵ*- ~ **h*₁*e*-*h*₁*ǵ*- ‘ ([Klingenschmitt 1982: 138]; cf. Gr. *ἄν-ωγα* ‘command’)²², but can simply reflect a PIE root present **h*₁*éǵ*-

²⁰ A possible fifth verb of this type is *merkem*, aor. *merkac* ‘i ‘undress’, denominative to *merk* ‘naked’ (ultimately of PIE origin, cf. [HAB: III, 308; EDAIL: 464–465]). But the fientive *merkanam*, aor. *merkac* ‘ay is also attested from an early date and could perhaps be the source of the aorist in *-ac* ‘i, while the variant *merkeac* ‘i (*merkeac* ‘) could be the original aorist of *merkem*.

²¹ Cf. [Meillet 1903a: 83, 1936: 112; Schmitt 1981: 52, 54, 134] and the references in [EDAIL: 211].

²² This would require that **h*₁*e*-*h*₁*óǵ*- ~ **h*₁*e*-*h*₁*ǵ*- ‘ > **ōǵ*- ~ **ēǵ*- underwent analogical adjustment of ablaut to **ōǵ*- ~ **aǵ*-, followed by generalization of the plural vocalism and of the final consonant *[k] from

~ **h₁ǵ-* (cf. Gr. *ῆ̃* ‘said’ < aor. **e-h₁eǵ-t*) which was independently thematized in Lat. *aiō* ‘say’ ← **h₁ǵ-y^ε/o-*²³. The irregular reflex of PIE *ǵ was generalized from 2 sg. **h₁eǵ-si*, 3 sg. **h₁eǵ-ti*, 2 pl. **h₁ǵ-té*, where the root-final stop was devoiced to **k* > Arm. *s*, as already suggested by Brugmann [1913: 103]²⁴.

As for *karem* and *mart'em*, the general consensus seems to be that these verbs are not inherited directly from PIE (neither is listed in *EDAIL*). De Lamberterie [1982a: 33–35] proposes to derive *karem*

2 sg. **[ōk-t^ha]* alone. The alternative connection with Ved. *āha* ‘said’ is “[l]autlich unmöglich” ([*EWAia* I: 153] s.v. *AH*²; cf. GAv. pl. *ādarē*).

²³ Hackstein [1995: 332–334] (cf. Kümmel apud [*LIV*²: 256]) reconstructs PIE **h₂eǵ-* on the basis of Toch. B */aks-/*, A *āks-* ‘announce’ < PToch. **aks-* < **h₂eǵ-s^ε/o-*, but Gr. *ῆ̃* can continue **e-h₂eǵ-t* only if the backformed presents Dor. *ῆ̃ti*, Aeol. *ῆ̃si* are Homericisms from “ein literarisch-episches Substrat” [Hackstein 1995: 333]. I therefore prefer to derive the Tocharian verb from a proximate preform **h₁ǵ-s^ε/o-* [Adams 1999: 39, 2013: 41], or perhaps rather from **h₁ǵ-sk^ε/o-* with the reduction of **KsK* > **Ks* proposed by Couvreur [1947: 62–63] and Peyrot [2013: 515–524, 612]; the initial **a-* must then reflect an analogical zero-grade. — Pisani’s connection of *asem* with Ved. *yásas-* ‘fame’ [1950b: 181 (1978: 273), 1952: 91–92, 1966: 228–229 (1978: 337–338)] is untenable; see [*EWAia*: II, 153 s.v.]

²⁴ See also [*IEW*: 290] s.v. *ēǵ-* and the references in [*EDAIL*: 103, 118], to which add [G. Schmidt 1973: 58–61] and [Lindeman 1974: 157] (*as-* < **ǵ₁ǵ'-tó(i)*). There is thus no need to postulate a general change of pre-Arm. preconsonantal **c* > *s* to explain this verb and *es* ‘I’ [Klingenschmitt 1982: 138]; *pace* [Meillet 1892: 164, 1903a: 16, 34, 1936: 37, 57; Brugmann 1904: 506]; also unnecessary is the assumption of a root-final laryngeal in 3 sg. *(*e*)*HǵH-t* > **act^h* > **ast* [Hamp 1970: 230–231; Greppin 1983: 302]; see [G. Schmidt *op. cit.*] on PIE **d^hugh₂tér* → **-ukt-* > **-uk^t-* > *dust* ‘daughter’, with laryngeal loss generalized from obl. **d^hugh₂tr-*. Rix (apud [Hackstein 1995: 334]) derives *asem* from PIE **h₂ǵ-y^ε/o-* with *-s-* for *-c-* after aor. 3 sg. **as* < **h₂eǵ-t* [-kt], but there are to my knowledge no other examples of PIE **-y^ε/o-* present beside root aorist preserved in Armenian. — According to the standard view ([*EDAIL*: 103] with refs.), the expected reflex of PIE *ǵ is preserved in *ar-ac* ‘proverb’, but the latter renders Gr. *λήμμα* ‘what is received’ in the Christian sense of ‘burden, task (received by a prophet); prophecy’ and is thus rather a deverbal noun to *arⁿum* ‘take’ [Klingenschmitt 1982: 137–138, fn. 2; Olsen 1999: 238, fn. 56], both referring to [*HAB* I: 249].

from a dereduplicated PIE perfect $*g^we-g^w\acute{o}rh_2- \sim *g^we-g^w\acute{r}h_2-$ to the otherwise unattested verbal root $*g^werh_2-$ underlying $*g^w\acute{r}h_2-\acute{u}$ - ‘heavy’ (Ved. *gurú-*, Gr. *βαρύς*, Lat. *gravis*, Goth. *kaiúrus**). But as he admits (34), there is no formal basis for assuming a perfect preform; specifically, there is no trace of the *o*-grade that survives in *gitem* and in *goy* ‘there is’, which for that reason must continue PIE $*w\acute{o}yd-$ and $*h_2e-h_2w\acute{o}s-$, respectively. The semantic argument is also weak: in particular, the existence of the deverbal adjectives *gitun* ‘learned’, *asun* ‘able to speak’, *č‘mart‘un* ‘incapable’ and *karol* ‘able’ (35–45) reflects the synchronic stative value of these verbs, and does not require that they go back to PIE perfects. Klingenschmitt [1982: 138–139] entertains this possibility as well, comparing among others Gr. *βρίθω* ‘am heavy (with)’ < $*g^wriH-d^{he}/o-$ (?)²⁵, but prefers to take *karem* as denominative to *kar* ‘power, strength, ability’ (cf. *kari* ‘very’, *tkar* (a) ‘weak’, *ankar*, *apikar* ‘powerless, impossible’), a loanword from Middle Iranian $*k\check{a}\delta a-$ ‘id.’.

With respect to *mart‘em*, the only conceivable etymology connects *mart‘* ‘possible, possibility’ < PIE $*mag^h-tro-$ to the root of Goth. *mag*, OCS *mogo* ‘can’ (Lidén apud [Holthausen 1927: 191]; cf. [IEW: 695; Klingenschmitt 1982: 139; de Lamberterie 1982a: 33])²⁶. This in turn raises another difficulty: if *karem* and/or *mart‘em* is of denominative origin, their weak aorist stems should have ended in $*-eac-$, just like *gorceac‘*, *sireac‘*, etc. (§ 3). Klingenschmitt [*op. cit.*] must therefore assume that they analogically adopted $-ac-$ after a since disappeared verb for ‘be able’ of perfect origin, which is not impossible, but obviously cannot be proven²⁷.

²⁵ However, Beekes [2010: 239] points out the difficulties in connecting *βαρύς* and the family of *βρί*, *βριαρός* ‘strong’, *βρίθω*, etc. and posits a “Pre-Greek origin” for the latter etymon.

²⁶ Olsen [1999: 200, 846] argues instead for $*mag^h-s-tro-$, comparing the Gr. *s*-stem *μῆχος* ‘means, remedy’, but the latter has no equivalents outside Greek and need not be old.

²⁷ In fact, *mart‘em* need not be a denominative: given the frequency of the collocations *mart‘ ê* + inf. ‘it is possible (that)’, *oč‘ ê mart‘* + inf. ‘it is not possible (that)’, speakers could easily have reanalyzed *mart‘ ê* as an inflected verb *mart‘ê*, whence the full paradigm and also *mart‘i* + inf. in the

In sum, while *gitem* goes back to the archaic PIE unreduplicated perfect **wóyd-* ~ **wid-*, *asem* probably continues a root present, and *karem* and *mart'em* are not even securely assignable to the inherited lexicon of Armenian. Given this uncertainty, it is unlikely that the exceptional morphology of this small group can be motivated on etymological grounds.

The second problem with the hypothesis in § 3 is phonological, and concerns the treatment of intervocalic **y*. All historical grammars of Armenian since Meillet [1903a: 29] have agreed that PIE **y*, like PIE **s*, was lost between vowels in the prehistory of the language, with resulting contraction of vowels in hiatus; the classic example is the nominative of ‘three’, *erek* < PIE **tréyes*²⁸. After pre-Armenian presents in **-eye-* had created aorists in **-eyac-*, the present suffix likewise contracted to **-e-*, whence e.g. *gorcem*, *sirem*, and the other denominatives in *-em*²⁹. Why then did the aorist suffix not contract to *-ac-*, thereby falling together with that of *asac'i* ‘said’? As the following examples demonstrate, (post-)PIE sequences **-VsV-* underwent contraction, with **-esa-* > **-eha-* > *-a-* as in *ar-iwn* ‘blood’ and *gar-un* ‘spring’³⁰.

impersonal sense ‘one can X’. On the distribution and usage of these constructions, see [de Lamberterie 1982a: 30–33].

²⁸ Cf. already [Hübschmann 1883: 77, 78] (“im Inlaut öfter geschwunden”) and see [Meillet 1936: 52; Schmitt 1981: 71, 73–74; Ravnæs 1991: 64; Beekes 2003: 162].

²⁹ Cf. the formulation of [Karstien 1956a: 222]: “das im Präs. auf *-eye-* zurückzuführende *-e-* im Aor., vor dem nachfolgenden Imperf. *-ā*, [wird] als Fortsetzung von bloßem *-ey-* zu verstehen sein.”

³⁰ On these two forms in particular, see [Hübschmann 1897: 432–433] (*garun*), [Hübschmann 1899: 44] (*ariwn*), [HAB I: 317] (*ariwn*), [Meillet 1936: 38–39; Pisani 1951: 63; Godel 1965: 40] (*garun*), [Schindler 1966: 77, fn. 2; Normier 1980: 56 with fn. 54], [Schmitt 1981: 74, 76, 78; Hamp 1983: 8 with fn. 9; Stempel 1990: 50–51] (*ariwn*), [Ravnæs 1991: 27, 102; Kortlandt 1996b: 57 (2003: 118); Olsen 1999: 153, 156, 786] (*garun*), [Olsen 1999: 490–491] (*ariwn*), [EDAIL: 138, 201]. Alternative hypotheses are unnecessary, including assimilation of **ehar* > **ahar* ([HAB: I, 524] **wehar* > **ga(h)ar* > *garun*, [Szemerényi 1960: 21; Djahukian 1990: 11]), prehistoric dialect differences (**ea* > *a* in *ar-*, *gar-* vs. *e* in *k'erb*, *jerb*; [Winter 1966: 202]), lowering of **e* > **a* ([Clackson 1999–2000: 34–35]; cf. already [Pedersen 1906: 416]), laryngeal vocalization ([Kortlandt 2001;

- a) PIE **h₁ésh₂r* > **ehar* → *ar-iwn* ‘blood’.
 b) PIE **wésr* > **wehar* → *gar-un* ‘spring’.
 c) PIE instr. **swésr-b^hi*, **g^hésr-b^hi* > **k^heharbi*, **jeharbi* > **k^harb*, **jarb* → *k^herb* ‘with/by the sister’, *jerb* ‘with/by the hand’ (in *jerb-a-kal* ‘prisoner’ < **taken by hand*) after gen./dat./loc. *k^her̄*, *jer̄n*³¹.

The evidence of *ariwn* and *garun* suggests that pre-Armenian **-eyac* ‘- should likewise have developed to **-eac* ‘- > *-ac* ‘-. Why then did that sequence resist contraction and survive into the classical language as act. 3 sg. *-eac* ‘, alternating with pretonic **-eac* ‘- > *-ec* ‘-?³²

As far as I am aware, this problem has been acknowledged only by Godel [1965: 40], who speculated that the absence of contraction of **-e(y)a-* > *-a-* could be “l’indice d’une formation relativement récente”, comparing the contrast of Attic Greek *πλέουσι* ‘they float’ < **πλέφουσι* and *ποιοῦσι* ‘they make’ < **ποιέουσι*. Godel rightly rejects the alternative of analogical influence from the notoriously opaque

Beekes 2003: 160] PIE **h₁ésh₂r* > **ehar* → *ar-iwn*; [Clackson 1999–2000: 35–37] **h₁sh₂r* > **ahar* > *ar-*), and generalization of **o* from the oblique stem of an acrostatic PIE **h₁ésh₂-r* ~ **h₁ósh₂-r* → **h₁ósh₂r* > **ohar* → *ar-iwn* [Friedman 2002]. See also fn. 31 below.

³¹ See [Meillet 1903a: 58, 1936: 83; Hamp 1969: 17, 1983: 10; Schmitt 1981: 78] (*pace* 44, 73 [**-e(h)ar* > *-er-*]), [Ravnæs 1991: 27; Olsen 1999: 153; Klein 2007: 1058]; otherwise [Klingenschmitt 1982: 99] with fn. 17 (PIE **swésr-b^hi*, **g^hésr-b^hi* → **k^herbi*, **jerbi* or **k^hehrbi*, **jehrbi* > *k^herb*, *jerb* with generalized prevocalic allomorph from gen./dat./loc. PIE **swésr-*, **g^hésr-* > **k^hehr-*, **jehr-*; for the latter option see also [Kortlandt 1996b: 57, 2001: 11 (2003: 118, 131)]), [Clackson 1999–2000: 29] **-esr-* > **-ehar-* > *-er-*, [Viredaz 2000] **ehr* > **er* before a consonant in pre-Armenian and pre-Greek. *Pace* [Clackson 1999–2000: 29–31] and [Viredaz 2000: 291–292], the archaic paradigm of *k^hoyr* hardly excludes an analogical source for the vocalism of instr. *k^herb*; note that under most analyses, acc. *k^hoyr* has simply been taken over from the nominative, replacing expected †*k^hor* < **kehoran* < PIE **swésorm* (see below, fn. 48). See also fn. 35 on instr. *harb*, *marb*, *elbarb*.

³² I do not understand Clackson’s claim that “the contraction of *-eac* ‘ to *-ec* ‘- provides a further example of a contraction of **-e-a* to *-e-*” [1999–2000: 33]; see above, fns. 30, 31). As observed by him on the preceding page, the alternation of *-eac* ‘ ~ *-ec* ‘- in the weak aorist suffix is entirely regular and parallels that of *neard* ‘sinew’ ~ gen. *nerdi*, *leārn* ‘mountain’ ~ gen. *lerin*, etc.

imperfect, i.e. restoration of **gorce-ac^h*- after **gorce-i-*; but such remodeling would not have worked in any case, at least not if one adopts the view of Karstien and others that the weak aorist suffixes *-ac* and *-eac* were originally associated respectively with simple thematic presents in PIE **-e/o-* and denominatives in PIE **-e-y^e/o-*: once the latter had fallen together with the former, their inflections would have become completely identical, and there would have been no basis for restoring **-e(y)a-* in the aorist. The same objection applies to the suggestion of Clackson [1994: 216, fn. 97] that “the spread of *-ac* may have occurred at a later stage of the language.”

5. The fate of PIE intervocalic **y* in Armenian

In fact, the evidence for contraction of vowels across a hiatus resulting from loss of PIE **y* is not nearly as robust as long assumed. A glance at the major reference works [Godel 1975: 75–76; Schmitt 1981: 73–74; Olsen 1999: 782–786; Beekes 2003: 160] reveals that most of the commonly cited cases do not involve loss of PIE **y*, but rather of PIE **t*³³. I have argued elsewhere that intervocalic **t* did not in fact pass through a stage **[j]*, but instead was first lenited to **[ð]*; the subsequent development to **[j]*, **[w]*, or **[Ø]* depending on the neighboring vowels has close parallels in other languages, including Faroese [Kim 2016a: 160–161]³⁴. Forms such as the following thus never had **y* at any point, and consequently are of no probative value for the treatment of (post-)PIE intervocalic **y*.

a) PIE **ph₂trb^hi* > **haðarβi* > **haarβi* > instr. sg. *harb* ‘with/by father’ (sim. *marb* ‘with/by mother’, *elbarb* ‘with/by brother’)³⁵.

³³ Godel [1975: 81] explicitly operates with two stages of loss: “Intervocalic **-y-* dropped very early (...) as did, centuries later, PA **-y-* < PIE **-t-*.”

³⁴ Overlooked in my discussion was [Ravnæs 1988] (esp. pp. 231–234), which agrees with his 1991 dissertation in all points.

³⁵ The more complicated hypotheses of [Bolognesi 1949: 36–37] (dissimilation of **haðarβi* > **haβarβi* > **haarβi* > *harb*), [Matzinger 2005: 118, 127–128, 130] (**haðarβi* > **haβarβi* > **haarβi* > *harb* with **θ* > **β* “in neutraler Umgebung”), and [Klingenschmitt 1982: 99] (PIE **ph₂trb^hi* → **faθr-bi* > **farbi* > *harb* with generalized prevocalic allomorph from e.g. gen. **faθr-os*) are unnecessary; see [Kim 2016a: 161 with fn. 48].

b) PIE **ph₂téres* > **haðer-* > **haer-* → nom. pl. *hark* ‘fathers’ (sim. *mark* ‘mothers’, *elbark* ‘brothers’).

c) PIE **k^wetwóres* → **k^wetóres* > **č^eəðor-* > **č^eeor-* > *č^eork* ‘four’.

d) PIE **k^wotero-* ‘which (of two)’ → **oðer-* > **oer* > *or* ‘which’³⁶.

Once such cases are set aside, there turn out to be very few assured examples of PIE intervocalic **y* in Armenian³⁷. Aside from *erek* ‘three’ < PIE **tréyes*, the only certain case seems in fact to be presents in *-e-* < **-eye-* ← PIE **-ey^e/o-* themselves³⁸. Viredaz [2001–2002: 3] and Beekes [2003: 162] cite *i*-stem nom. pl. *-k* < **-ek* < PIE **-eyes*, but it goes without saying that this ending, common to all noun inflection classes, need not have evolved by sound change alone³⁹. Cowgill [1960] famously compared *oč* ‘not’ with Gr. *οὐκ(ί)* ‘id.’ and derived both from PIE **(ne) h₂óyu k^wíd* ‘never’, but the lack of parallels for contraction of **oyu* > **ou* > **o* casts doubt on this etymology [Clackson 1994: 158].⁴⁰ Finally, *ji* ‘horse’ has long been compared with Ved. *háya-*, but the vocalism

³⁶ Cf. [Schmitt 1981: 74, 123; Olsen 1999: 151–152, 783, 786, 806; Viredaz 2004–2005: 85, fn. 8]. On the problem of *o-* < **k^wo-* here and in *o(v)* ‘who’, *or* ‘which’, *ur* ‘where’, etc., cf. [Meillet 1936: 89–90; Viredaz *op. cit.*], and [Kölligan 2006: 110–112] (phonological development) vs. [Bonfante & Gelb 1944: 183, fn. 72; Bonfante 1946: 89; Pisani 1966: 229 (1978: 337–338)] and the references in [EDAIL: 706] (generalization from PIE relative **Hyo-*). — The ending of the genitive personal pronouns 1 pl. *mer*, 2 pl. *jer* is generally equated with that of Lat. *nostrī*, *vestrī* or Goth. *unsar*, *izwar* [Meillet 1927: 2, 1936: 92; Schmitt 1981: 117; Djahukian 1982: 147, 150; Weitenberg 1982: 115–116; Kortlandt 1984: 100 (2003: 47)], but whether these forms continue **metero-*, **yetero-* as claimed by Olsen (1999: 783, 786); cf. [Viredaz 2001–2002: 7, fn. 35] is far from certain.

³⁷ Excluding of course sequences of the shape **-iyV-* such as *kogi* ‘butter’, *gini* ‘wine’ < PIE **g^wow-iyo-* ‘of a cow’, **woy(h₁)n-iyo-* ‘of the grapevine’. On the etymology of the latter, see [EDAIL: 214] with refs. and [Lipp 2015].

³⁸ On the present conjugation in *-am*, see § 6 below.

³⁹ See already the comments in [Meillet 1903a: 46, 1936: 70].

⁴⁰ Clackson later proposed an original meaning ‘no one’ for *oč* and analysis as *o-* (cf. *o-k* ‘anyone’, *o-mn* ‘someone’) + negator **č^e* (cf. *č^e-ik* ‘nothing’). See [Clackson 2004–2005: 155–156; EDAIL: 531; Kim 2016b: 45].

raises difficulties⁴¹; a derivation from substantivized PIE **g^hi-tó-* ‘driven (on), set in motion’ is therefore to be preferred (de Lamberterie apud [Olsen 1999: 40, 783; Viredaz 2005–2007: 6–8; de Lamberterie 2006: 213–223]).

Given the paucity of clear cases of intervocalic **y*, and especially the absence of incontrovertible evidence for contraction in sequences such as **-eya-* or **-eyo-*, I propose that the weakening and loss of intervocalic **y* was followed by contraction of *like vowels only*. In contrast, sequences of **e* plus a back vowel were maintained, only later turning into falling diphthongs. This hypothesis creates no difficulties for the evolution of PIE denominatives in **-e-y^é/o-* (and iteratives in **-éy^é/o-*), since the thematic vowel **-e-* was generalized already in prehistoric times, hence **-eye- > -e-* in *gorcem*, *sirem*, etc. It of course also provides a phonological explanation for the diphthong in the weak aorist suffix *-eac*‘, which can continue a proximate sequence of nonlow vowel + **a* in hiatus⁴².

The prehistory of weak aorists in *-ac*‘ and *-eac*‘ may now be understood as follows. At some stage in pre-Armenian, thematic presents in **-e/o-* (or perhaps already leveled **-e-*) acquired corresponding aorists in **-ac^h*⁴³. This was true not only for the handful of simple thematic presents inherited from PIE, but also for the incomparably larger group of presents in **-ey^e/o-* (or **-eye-*).

- (14) pres. **-e/o-* (**-e-*) aor. **-ac^h*-
 pres. **-ey^e/o-* (**-eye-*) aor. **-eyac^h*-

⁴¹ Cf. [Hübschmann 1899: 45] (*ji* < **g^lhēyo-* vs. *háya-* < **g^lheyo-* or **g^lhəyo-*), [Pisani 1932: 27–28, n. 2] (*ji* < **g^heyo-* with *i* < **ey* by sound change), [Godel 1975: 88–89, fn. 75] (*ji* < **g^həyo-*), [Ravnæs 1988: 226] (< **g^hēyo-* or **g^hiyo-*), [EDAIL: 433] (**g^hei-o-* > **jê* → *ji* after gen. *ji-oy*, etc.).

⁴² It has been suggested that **eya* is reflected in the *ea* of *keam* ‘live’ < PIE **g^weyh₃-* [Hamp 1976: 90–91; Klein 2007: 1074]; cf. Hom. *βέουμαι* < **g^weyh₃-e/o-*), but the diphthong of this notoriously opaque verb could also continue a pre-Arm. sequence **iya* in **g^wih₃-éh₂-(y^é/o-)* (cf. [Brugmann 1913: 164] “**g^wīā-mī*”, [Meillet 1903a: 24, 81, 1936: 45, 110] “**g^wīy-ā-ye-*”), **g^wiyh₃-* ([Barton 1965: 8] “**g^wīā-*”, [Harðarson 1993: 210]), or **g^wih₃-h₁y^é/o-* [Barton 1990–1991: 45, fn. 58].

⁴³ On the sources of this suffix, see § 7.

Following the weakening and elision of intervocalic *y, these suffixes became:

(15)	pres. *-e-	aor. *-ac ^h -
	pres. *-ee-	aor. *-eac ^h -

whence by contraction of *ee > *e:

(16)	pres. *-e-	aor. *-ac ^h -
	pres. *-e-	aor. *-eac ^h -

At this point, the now merged class of presents in *-em* was associated with two aorist formations: a small group in *-ac^h- to erstwhile *-^e/_o- presents, and a much larger group in *-eac^h- to derived presents in *-ey^e/_o-. Not surprisingly, the former tended to be transferred to the latter, as child speakers took the far more common *-eac^h- to be the default aorist formation to presents in *-em*. By the time of the earliest written documents, this process was almost complete, and the aorist suffix *-ac*‘- was restricted to *asem* ‘say’, *gitem* ‘know’, *karem* ‘am able’, and *mart*‘em ‘am able’. It can hardly be a coincidence that all four of these are high-frequency verbs with the most basic semantics; being in the core of the Classical Armenian lexicon, they would have been especially resistant to the morphological change just described⁴⁴. This tendency continues into the postclassical period, where we find e.g. iptv. *gitea* ‘know!’ in Movsēs Xorenac‘i (I, 11) for classical *gita* [Godel 1969: 256]. The stems *asac*‘-, *gitac*‘-, and *karac*‘- are retained in Cilician Armenian [Karst 1901: 319], but only the first of these survives in Modern Eastern Armenian (1 sg. *asac* ‘i, 2 *asac* ‘ir, etc.; iptv. *asa*, pl. *asac* ‘ēk’), beside regularized *asec*‘- (1 sg. *asec* ‘i) and occasional *as*- (1 sg. *asi*)⁴⁵.

6. Relative chronology and *a*-presents

The proposal in § 5 that only like vowels were contracted following the elision of intervocalic *y has interesting consequences

⁴⁴ Cf. [K. H. Schmidt 1980b: 43]: “The fact that the *eaç*-aorist did not spread analogically to [these] verbs ⟨...⟩ may be a result of the high text frequency of these verbs.”

⁴⁵ See [Dum-Tragut 2009: 230 with fn. 175, 282 with fn. 207].

for Armenian historical phonology and morphology. First, it implies that the loss of intervocalic **y* was later than that of pre-Arm. **h* < PIE **s*, or of pre-Arm. **ō* < PIE **t*. This runs counter to the widespread assumption that PIE **s* and **y* were lost at the same time, one that however seems to have no actual support in the recoverable relative chronology of pre-Armenian sound changes. For instance, Kortlandt [1980: 101 (2003: 29)]; cf. [Beekes 2003: 209] assigns loss of **h* (< PIE **s*) and **y* to step 10 in his relative chronology of changes from PIE to Armenian, along with lenition of voiceless stops to fricatives, and offers the following commentary:

The loss of **h* (from PIE **s*) in various positions and its assimilation to a following **r* can perhaps be dated to the same stage as the lenition.... The loss of intervocalic **h* was probably posterior to the development of **ō* into *u*, but anterior to the development of **eu* into *oy*, cf. *k'oyr* ‘sister’, Skt. *svāsā*. The loss of intervocalic **y* must be dated to an earlier stage: it was posterior to the development of **ē* into *i*, but anterior to the loss of phonemic quantity because the long vowel was not preserved in *erek* ‘three’, Skt. *trāyah*⁴⁶.

Ravnæs [1988: 231, 1991: 47, 106] likewise posits **ē*, **ō* > **i*, **u*, followed by loss of **-h-* (< PIE **-s-*) and **eu* > **ou* to account for PIE **swésōr* > *k'oyr* ‘sister’; see respectively nos. 20a, 22a, and 41 in the relative chronology in [Ravnæs 1991: 173–81]⁴⁷. The loss of intervocalic **-y-*, “possibly also via **-h-*, probably occurs at the same time” as that of **-h-* < PIE **-s-* ([Ravnæs 1991: 175], step 22b).

However, as pointed out by Clackson [1994: 51, 53], a development **-ehō-* > **-ehu-* > **-ew-* > *-oy-* is hardly the only one possible for ‘sister’, especially given the continuing uncertainty over the regular outcome of inherited PIE **ew*⁴⁸. As for the dating of loss of

⁴⁶ The argument from ‘sister’ goes back at least to Meillet [1903a: 18, 1936: 39]; cf. also [Pisani 1951: 56–7 (1978: 297)].

⁴⁷ Ravnæs assumes that “the loss of phonemic quantity [was] simultaneous with the loss of old **ē* and **ō*” ([1991: 68, fn. 1]; cf. nos. 20a and 20b on p. 175), but this is inherently implausible: surely first **ē*, **ō* were raised to **ī*, **ū*, and only later was contrastive length lost.

⁴⁸ Other proposed scenarios in the literature include diphthongization in PIE **swésōr* > **hweuhur* > **k^hou(h)ur* > *k'oyr* ([Klingenschmitt 1982: 153–154; Olsen 1999: 153]; cf. *awr* ‘day’ < (post-)PIE **āmōr* or

intervocalic *y, Clackson observes that the sequence *ee in *tréyes ‘three’ may have contracted to a long vowel distinct from the reflex of inherited PIE *ē and merged instead with PIE *e; similarly for the sequence *oo in PIE *b^hoso- ‘bare’ → *bohoko- > bok ‘barefoot’.

More recently, Viredaz [2001–2002] proposes that contraction of sequences *VyV, *VwV, *VsV took place before the assignment of stress to the penultimate: hence the *i*- and *u*-stem nom. pl. ending evolved regularly from PIE *‘-eyes, *‘-ewes > *‘-ek^h > *‘-ek^h > -k’ (3), and strong aorists with apparent *o*-grade root would continue imperfects of PIE iteratives in *R(*o*)-éy^e/_o-, e.g. *eboyç* ‘nourished’ < *ebówceye < PIE *e-b^howg-eye-t (4–5; cf. [de Lamberterie 1985a]). In contrast, the loss of intervocalic *ð < PIE *t postdated the fixing of stress, so that word-final sequences *VðV developed to *VyV or *VwV rather than undergoing contraction. But the *i*- and *u*-stem nom. pl. -k’ need not have arisen by sound change (see above, § 5); and *pace* Viredaz, strong aorists such as *eboyç* may well continue thematized root aorists as traditionally assumed, in this case *e-b^hewg-e-t ← PIE *e-b^hewg-t⁴⁹. As for intervocalic *ð,

*ām̃y); PIE *ew > *iw followed by contraction of *-ehu- > *-ew-; or different developments of pre-Arm. *-eu- and *-eō- [Clackson 1994: 210, n. 77]. One cannot even entirely exclude the idea of Grammont [1918: 244] that *k’oyr* goes back to acc. *swésorm̃ > *hwehor- > *k’or with -y- from *elbayr* ‘brother’, *hayr* ‘father’, *mayr* ‘mother’, even if the latter do continue PIE nom. *b^hréh₂tēr, *ph₂tēr, *méh₂tēr.

⁴⁹ As Viredaz observes, most of his examples involve *u*-diphthongs, for which de Lamberterie [1982b: 81–82, 1992: 259, 1999] has argued for a regular development of PIE *ew > Arm. *ew*, *iw* (cf. already [Scheftelowitz 1905: 59]). *Pace* de Lamberterie, however, Arm. *loys* ‘light’ on semantic grounds is better taken from PIE *léwko- ← *lewko- ‘light, white’ (Gr. λευκός), with substantivizing accent shift, than from *lówko- ‘place with light, clearing’ (Ved. *loká*-, OHG *lôh*, Lat. *lūcus* ‘sacred grove’, Lith. *laũkas* ‘open air, field’); see also the critical remarks of Ravnæs [1988: 227–228]. As long as the conditioning factors for the treatment of *ew remain unspecified, I prefer to derive strong aorists such as *eboyç* ‘nourished’, *edêz* ‘piled up’ from *e-b^hewg-e-t, *e-d^heyg^h-e-t ← PIE aor. *e-b^hewg-t, impf. *e-d^heyg^h-t (cf. [Barton 1973–1974: 33–34]). The only verb in Viredaz’s group that probably does contain an inherited *o is the defective *gog* ‘so to say’ < *h₁wog^{wh}-éy^e/_o- (cf. Lat. *voveō* ‘vow’; [HAB: I, 570], [EDAIL: 221] with refs., though note the cautious remarks of [Klingenschmitt 1982: 275]; see also above, fn. 16).

although it is true that the best examples of contraction involve nonfinal syllables (§ 5), the general consensus holds that the fate of **ð* depends entirely on the quality of the neighboring vowels⁵⁰.

Thus none of the arguments adduced by these authors is probative, and nothing stands in the way of the hypothesis that loss of intervocalic **h* < PIE **s* substantially predated that of PIE **y*. The loss of **ð* < PIE **t* was probably a relatively late development, but there is no evidence that it was later than that of PIE **y*.

The discussion above is also of relevance to the prehistory of another Armenian verbal formation, the class of presents in *-am* represented by e.g. *yusam* ‘hope’ ← *yoys* (*o*) ‘hope’, *orsam* ‘hunt, chase; catch’ ← *ors* (*o*) ‘hunt; catch’. These have long been equated with Greek presents in *-ao* (e.g. *τιμάω* ‘honor, revere’ ← *τιμή* ‘honor’), Latin first-conjugation presents in *-āre* (e.g. *dōnāre* ‘give (as a present), donate’ ← *dōnum* ‘present’), Old Irish presents in **-ā-* (e.g. *nertaid*, *nerta* ‘strengthen’ ← *nert* ‘strength, power’), or Indo-Iranian presents in *-āya-* such as Ved. *yajñāyá-* ‘worship (the gods), make sacrifice (to the gods)’ ← *yajñá-* ‘worship, sacrifice’, which have their origin in PIE denominatives in **-eh₂-y^e/o-* to thematic nominal bases⁵¹. Under the traditional view, going back to Meillet [1903a: 29, 81, 1936: 52, 110], the pre-Armenian sequence **-āy^e/o-* would have contracted to *-a-* at an early date. According to the view put forth here, however, pre-Arm. **-āye-* would have remained unchanged at first except for the loss of distinctive vowel length, only later becoming **-ae-* by loss of intervocalic **y*. If this then underwent contraction to *-a-*, the contrast with that of **-eyā-* > **-ea-* to the diphthong **-ea-* (> *-ea-* ~ *-e-*) would presumably be due to the absence of rising diphthongs in the language⁵².

⁵⁰ See the discussion and references in [Kim 2016a: 156–162].

⁵¹ Cf. [Meillet 1903a: 81–82, 1936: 110–111; Barton 1965: 39; Godel 1965: 37, 1975: 123; Schmitt 1981: 136; Klingenschmitt 1982: 90–91; Clackson 1994: 80].

⁵² The respective weak aorists would presumably have been of the shape **-aya-*, which would have contracted to **-a-* in any case (§ 5). See below, § 7 with fn. 66.

However, it is generally agreed that Armenian *a*-presents also reflect various athematic formations⁵³. Thus monosyllabic verbs of this class go back to PIE root presents (*bam* ‘say’ < PIE **b^héh₂-* ~ **b^hh₂-*) or reduplicated presents (*gam* ‘come’, *kam* ‘stand’, *tam* ‘give’ ← PIE **g^he-g^héh₁-* ~ **g^he-g^hh₁-*’, **g^we-g^wéh₂-* ~ **g^we-g^wh₂-*’, **de-déh₃-* ~ **de-dh₃-*’)⁵⁴, while presents in *-na-* originate in nasal-infixed presents to laryngeal-final roots, e.g. *spaṛnam* ‘threaten’, *banam* ‘open’, *stanam* ‘get, acquire’ < PIE **sp^hr-né-h₁-* ~ **sp^hr-ṇ-h₁-*’ ‘kick’, **b^h-né-h₂-* ~ **b^h-ṇ-h₂-*’ ‘let shine’, **st-né-h₂-* ~ **st-ṇ-h₂-*’ ‘stand (tr.)’⁵⁵. In addition, PIE factitives in **-e-h₂-*, which are famously continued in Anatolian (e.g. Hitt. *newahh-* ‘make new’ < **néw-e-h₂-*), may have played a role in the prehistory of the productive fientive suffix *-anam*, e.g. *hast-anam* ‘become strong’, *anmah-anam* ‘become immortal’⁵⁶. Finally, Barton [1990–1991: 45–49]

⁵³ As seen already by Meillet, who added a qualifier in the second edition of his historical grammar: “le *-a-* des dénominatifs en *-a-* (<...>) représente, au moins partiellement, **-āye-*, cf. skr. *-āya-*” ([Meillet 1936: 52]; cf. [Meillet 1903a: 29]).

⁵⁴ See [Klingenschmitt 1982: 84–89]; less likely *tam* < post-PIE **dh₃-y^é/o-* [Meillet 1903a: 100, 1936: 132–133; Barton 1990–1991: 45] or **dh₃-mi*, **-si*, **-ti*, backformed to root aor. **déh₃-* ~ **dh₃-*’ [Barton 1965: 5–6], [Godel 1965: 23, 1980: 16 with fn. 13], [de Lamberterie 1994: 143, fn. 12]; cf. [Solta 1984: 68] “alte, reduplikationslose Formen”), as the aorist apparently generalized full-grade root at an early date: *etu*, 3 pl. *etun* < **e-dō-s-* ← **e-deh₃-* (see below, fn. 68). Lat. *dō*, *das*, *dat* has been abstracted from compounds such as *reddō*, *reddere* ‘give back’ < **deda-* < PIE (**de-déh₃-* ~) **de-dh₃-*’ [Leumann 1977: 527–528; Weiss 2011: 432–434], *pace* [Harðarson 1993: 38; Meiser 1998: 188, 2003: 105–106]; cf. Vestinian thematized 3 sg. *didet*).

⁵⁵ See e.g. [Meillet 1903a: 82, 1936: 111; Barton 1965: 11–14; Godel 1975: 124–125; Schmitt 1981: 137; Klingenschmitt 1982: 106–119].

⁵⁶ These presents belonged to the *h₂e*-conjugation in PIE, to judge from Hittite; they have fallen together with denominatives in **-eh₂-y^é/o-* and adopted thematic endings in most IE branches, including Armenian [Jasanoff 2003: 139–140]. The factitive function has been taken over by denominatives in *-e-*, e.g. *srbem* ‘purify’ ← *surb* ‘pure’ (see above, § 3 with (13)), but the fientives in *-anam* recall the nasal-suffixed inchoative and intransitive presents of Germanic and Balto-Slavic (e.g. Goth. *fullnōn* ‘fill up, become full’, Lith. (*at*)-*bu̯sti* ‘wake up’, pres. (*at*)-*bu̯nda*, OCS *vŭz-bŭnŭti* ‘id.’, pres. *vŭz-bŭne*), for which Gorbachov (2007) has reconstructed a PIE source with

proposed that *verba affectuum* denoting mental or emotional states such as *mnam* ‘remain’, *hogam* ‘am troubled, care’, *yusam* ‘hope’ correspond to staves in **-eh₁-* in other IE languages, and derived suffixal *-a-* from post-PIE **-h₁-y^ε/_o-*; the chronology of the presupposed contraction of pre-Arm. **-aye-* > *-a-* would be the same as discussed above for denominatives in **-eh₂-y^ε/_o-*⁵⁷.

Thus there is no conclusive evidence either way from *a*-presents for the treatment of the pre-Armenian sequence **-aye-*: either it contracted to **-a-* and fell together with **-ā-* < **-eh₂-*, or it remained disyllabic and then was ousted by the reflexes of presents in **-e-h₂-* and/or athematic presents to roots ending in a laryngeal⁵⁸. Even if contraction did take place, this would not contradict the hypothesis of late survival of intervocalic **y* in the prehistory of Armenian.

7. The origin of the weak aorist suffix

We may now return to the PIE origins of the Armenian weak aorist. All scholars agree that the suffix **-ac^h-* is in origin a sequence of **-a-* and **-c^h-*, but the wider connections of these elements continue to provoke controversy, due to the complexities of Armenian historical phonology as well as continuing disagreement over the position of Armenian within the IE family.

We begin with the first element **-a-*, both because it raises fewer formal problems (*a* must go back to pre-Arm. **a* or **ā*, i.e. in PIE terms **a*, **h₂e* or **eh₂*, **eh₂e*) and because its interpretation will affect that of **-c^h-*. K. H. Schmidt [1980b: 43–44] saw the origin of this vowel in the *a*-presents, but although the latter were admittedly a major class (including the productive subtype of fientives in *-anam*), there is no motivation for generalization to the even more numerous presents in

zero-grade root and stressed *h₂e*-conjugation endings, e.g. **li-n-k^w-é* ‘is left’. Kocharov [2011] traces the Armenian type back to PIE **-ṇH^ε/_o-* (cf. Gr. *-avω*) and/or **-ṇH-y^ε/_o-* (cf. Ved. *grbhāyāti* beside *grbhṇāti* ‘seizes’), but the semantic correspondence is weak.

⁵⁷ Under this view, the corresponding aorist in *-ac^h-* would go back to post-PIE **-h₁-ské-* ([Barton 1990–1991: 46]; cf. [Kocharov 2011: 276]), or perhaps **-h₁-ske-t* → **-h₁-i-a-ske-t* > *-ac^h-*, comparable to **-e-ṇ-i-a-ske-t* to pres. **-e-ṇ-e-ti* (*sireac^h* : *sirē*)” [Barton 1990–1991: 46–47, fn. 62].

⁵⁸ See also [Klingenschmitt 1982: 91; Clackson 1994: 91].

-em; if anything, one would expect the pattern pres. *-a- : aor. *-a-c^h- to lead speakers to create an aorist in *-e-c^h- > †-ec'- to e-presents.

Klingenschmitt [1982: 135–136, 286]; see above, § 3) suggested that the *-a- of weak aorist *-ac^h- was generalized from 1 sg. *-a-mi in presents of perfect origin, but this is in my opinion highly unlikely for two reasons. First, there is no independent reason to suppose that a (stative) perfect such as PIE *wóyd- ~ *wid- 'know' would have tacked on present endings in this fashion (hence presumably 1 sg. *-a-mi, 2 *-ta-si, 3 *-e-ti, 3 pl. *-ēr-ṡti vel sim. ← PIE pf. *-h₂e, *-th₂e, *-e, *-ér). As discussed above in § 3 *ad fin.*, the most likely path for this verb was thematization to *woyd-e- > *gêl-e- > gite-, with the inflection of bere- 'carry' and other e-presents.⁵⁹ Second, we have seen in § 4 that none of the other presents in -em with a weak aorist in -ac'i, namely asem 'say', karem 'am able', and mart'em 'id.', can be traced back with certainty to a (post-)PIE perfect. Thus even if one accepts Klingenschmitt's interpretation of the -a- of gitac'i, it strains credulity to think that this verb alone could have served as a model for the creation of the entire weak aorist.

Peters [1997] compares the -a- of the Armenian weak aorist suffix with -ḡ- in the isolated and thus presumably archaic Homeric Greek pluperfect ἤδ-ḡ 'knew'. But not only does this too assume 'know' as the sole starting point for the weak aorist, there is no evidence from non-Attic-Ionic dialects that this -ḡ- goes back to Proto-Greek *-ā-, and its wider connections remain controversial⁶⁰. Most recently, Jasanoff takes -a- to be generalized from 3 pl. *-a-nt, mp. *-a-nto ← *-ant, *-anto < PIE *-nt, *-nto along the lines of the "alphathematized" sigmatic aorist in Greek (see above, fn. 8), but -a- is otherwise solely the marker of the *mediopassive* aorist stem in

⁵⁹ Cf. Middle Iranian forms such as Sogd. pres. 1 sg. ptwyδ'm [patwé:ða:m] 'know' (< *pati-waid-), subj. 3 sg. nw'yδ't [nwé:ða:t] 'may invite' (< *ni-waid-; [Cheung 2007: 409]).

⁶⁰ Among other recent analyses, see [Jasanoff 1997: 125, fn. 20, 2003: 36, fn. 20; Katz 2006: 25–27] (backformed to opt. εἰδεῖν on the model of passive aorists, e.g. (ἐ)φάνη 'appeared') and [Schrijver 1999] (comparing Middle Welsh gwyδ-y- < *weid-ī- < *-ē- and cognate forms in British Celtic).

Armenian⁶¹. In forms such as *asac* ‘ay ‘was said’, *sirec* ‘ay ‘was loved’, *luac* ‘ay ‘washed (myself)’ < **asa-c^h-a-*, **sêrea-c^h-a-*, **lua-c^h-a-*, the two *a*’s surely have different sources.

In contrast, the traditional comparison with Balto-Slavic preterite **-ā-* and the Italic imperfect **-ā-* of Latin *er-ā-*, *-bā-* and Oscan pl. *fufans* is both semantically and formally unproblematic⁶². These formations, along with others, have in the past been taken as evidence for a PIE preterite in **-eh₂-* (see e.g. [Jasanoff 1983]), but most scholars today agree that such a preterite marker did not exist in the protolanguage. The Latin imperfect has been derived from an optative **-e-h₂-* which ousted the reflexes of PIE **-o-yh₁-* in the famous *ā*-subjunctive of Italic and Celtic [Trubetzkoy 1926; Benveniste 1951]. The shift from optative to repeated or habitual action in the past is a widespread occurrence, with parallels in Middle Iranian and Tocharian as well as modern IE languages (Benveniste op. cit.). Such a shift will also account for the Balto-Slavic preterite **-ā-*, e.g. Lith. *dirbo* ‘worked’, *turėjo* ‘had’, OCS *bīra* ‘took’, *pīsa* ‘wrote’ (secondarily extended to the infinitive stem in Slavic, as in OCS *bīrati*, *pīsati*)⁶³. Whatever the ultimate origin of this **-ā-*, it bears

⁶¹ On the origin of aor. mp. *-a-* in 3 pl. **-a-nto* ← **-anto* < PIE **-ŋto* (← **-énto*) as well as root aorists to laryngeal-final roots (e.g. 3 sg. *edaw* ‘was put’, *cnaw* ‘was born’ < **edato*, **cinato* < PIE *(*e-*)*d^hh₁-to*, **génh₁-to*), see [Jasanoff 1979: 143; Klingenschmitt 1982: 9, 21; de Lamberterie 1982a: 42, fn. 64, 1982b: 82; Viredaz 2001–2002: 7; Kim 2016b: 39–40 with fn. 1].

⁶² First made by Pedersen [1905: 212]; cf. [Mariès 1930: 168] (unconvincingly argued pp. 171–172 to be a suffix originally marking “l’état”), [Karstien 1956a: 221; Perel’muter 1977: 97; Djahukian 1982: 190; Klein 2007: 1075; Viredaz 2015, § 1.4.3.]. I cannot follow the alternative comparison of the aor. mp. marker *-a-* with this **-ā-* [Godel 1965: 28, 1975: 121–2; Perel’muter 1977: 94; Lindeman 1982: 40, 1985; Solta 1984: 64, 1990: 12–13], nor with supposedly “intransitive” Balto-Slavic **-ā-* [Stang 1942: 75–76; Barton 1965: 48–51; 1973–1974: 29–30; Kocharov 2011: 275, fn. 7]. See the preceding footnote.

⁶³ Numerous scholars have sought to connect the Armenian imperfect with the PIE athematic optative in (**-yéh₁-* ~) **-ih₁-* [Kerns 1939: 21–30; Evangelisti 1955; Godel 1970: 150, 1975: 116–117; Winter 1975: 112–120; K. H. Schmidt 1980a: 5, 1980b: 46, 1985: 221], but the phonological and

emphasizing that its absence in Greek is *not* a valid argument against a comparison with the Italic imperfect and Balto-Slavic preterite, as some scholars have claimed⁶⁴. On the contrary, given the evidence that pre-Armenian occupied a position in the dialect geography of late PIE intermediate between Greek and Balto-Slavic, it is entirely to be expected that the language would have undergone some innovations in common with the latter as well as the former⁶⁵.

As seen in § 1, the few weak aorists associated with presents in *-um* simply add *-c'-* to the root, e.g. *lc'i* (*elic'*) 'filled' < **li-c^h*-. This suggests that weak aorists in *-ac'* to (historically) athematic presents in *-am* likewise added **-c^h*- to an earlier stem ending in **-a-*, e.g. *luanam* 'wash', aor. *lua-c'-* [Godel 1965: 38]. As for denominatives such as *yusam* 'hope', which go back to PIE thematic presents in **-eh₂-y^e/_o-* (§ 6), their aorists would have been of the form **-ay-ac^h*-, which would have regularly merged with the **-ac^h*- of the previous type⁶⁶. Thus, if we assume that **-c^h*- in all of these aorist stems is a later addition (see below), the forerunners of the weak aorist at a stage prior to the loss of intervocalic **y* were formed according to a simple rule: thematic presents (17) replaced the thematic vowel with **-a-*, while nasal presents in **-na-* and **-nu-* dropped the present-forming suffix, following the pattern inherited from PIE (18).

morphological obstacles are in my opinion prohibitive; cf. the alternative accounts of [Meillet 1936: 126–127; Jasanoff 1979: 137–141; Klingenschmitt 1982: 14–17; Viredaz 2015, §§ 7–8].

⁶⁴ E.g. [Klingenschmitt 1982: 136–137; Peters 1997: 210]. On the perils of the Greco-Armenian hypothesis for this and other problems of Armenian historical morphology, see [Kim 2018: 261–263].

⁶⁵ Thanks to H. H. Hock for helpful discussion on this point. For isoglosses shared by Armenian and (Balto-)Slavic (not all of equal value!), see [Karstien 1956a: 212–220] and especially [Saradževa 1980, 1986]; cf. also the partial sigmatization of root aorists in both branches (see below, fn. 68 with refs.).

⁶⁶ Pace [Barton 1965: 75] (*mnac'i* < **mēnā-sk-*), [Godel 1965: 38] (*-ac'-* < "imparfait" **-āye-ske-* or "aoriste" **-ā-ske-*), [Godel 1969: 254, 1975: 127] ("*mnac'i* 'I remained' < **monā(ye)-ske/o-*"), [Solta 1987: 632] (*mnaçi* „ich blieb“ < **monā-(je)-ske/o-*”).

(17)	present	aorist
	* <i>ase-</i> ‘say’	* <i>asa-</i>
	* <i>sêreye-</i> ‘love’	* <i>sêreya-</i>
	* <i>yusaye-</i> ‘hope’	* <i>yusaya-</i>
(18)	present	aorist
	* <i>lua-na-</i> ‘wash’	* <i>lua-</i>
	* <i>li-nu-</i> ‘fill’	* <i>li-</i>

The preceding discussion offers a new perspective on the distribution of weak and strong aorists in Classical Armenian, as well as the evolution of weak aorist morphology. Whereas presents in *-anem* (*-anim*) regularly take strong aorists, presents in *-nam* and *-(n)um* are associated with both strong and weak aorists. An examination of the latter two present types reveals that, whereas weak aorists are formed to verbal roots ending in a vowel (see above, fn. 5), strong aorists are restricted to roots ending in a consonant or high vowel.

(19)	present	aorist
	* <i>darj-na-</i> ‘turn (intr.)’	* <i>darj-</i>
	* <i>barj-na-</i> ‘lift, carry’	* <i>barj-</i>
	* <i>lua-na-</i> ‘wash’	* <i>lua-c^h-</i>
	* <i>ba-na-</i> ‘open’	* <i>ba-c^h-</i> , etc.
(20)	present	aorist
	* <i>ar-nu-</i> ‘take’	* <i>ar-</i>
	* <i>jer-nu-</i> ‘become warm’	* <i>jer-</i>
	* <i>erdu-nu-</i> ‘fear’	* <i>erdu-</i>
	* <i>ayti-nu-</i> ‘swell’	* <i>ayti-</i>
	* <i>li-nu-</i> ‘fill’	* <i>li-c^h-</i>
	* <i>xi-nu-</i> ‘seal/stop up’	* <i>xi-c^h-</i>
	* <i>zge-nu-</i> ‘put on’	* <i>zge-c^h-</i>
	* <i>ye-nu-</i> ‘lean (upon)’	* <i>ye-c^h-</i> , etc. ⁶⁷

⁶⁷ Other *u*-presents may be added to this list if they continue pre-Arm. *-nu-*, e.g. *helum* ‘pour’, whose *l* may reflect pre-Arm. **ln* in pres. **hel-nu-* : aor. **hel-* [Pedersen 1906: 354; Meillet 1916: 178, 1936: 48, 112; de Lamberterie 1992: 274]; uncertain [Klingenschmitt 1982: 244–246; Solta 1974: 111, fn. 79, 1984: 72].

This pattern makes sense once it is recalled that the aorist has completely generalized vowel-initial allomorphs of the person-number endings: although the details remain unclear, those of the active ultimately go back to the PIE thematic vowel **-e-*, whereas all the mediopassive endings begin with *-a-*⁶⁸. Once this had happened, speakers generalized **-c^h-* as a hiatus filler after aorist stems ending in a nonhigh vowel **-a-* or **-e-*, to avoid contraction with the endings: hence act. **lua-e/i-*, **ba-e/i-* → **luac^h-e/i-*, **bac^h-e/i-* > *luac'i* ‘washed’, *bac'i* ‘opened’; **unke-e/i-* → **unkec^h-e/i-* > *ənkec'i* ‘made fall, threw down’ (3 sg. **unkē* → **unkēc* ‘> *ənkec*’, see § 2 *ad fin.*); and mp. **lua-a-*, **zge-a-*, **ye-a-* → **lua-c^h-a-*, **zge-c^h-a-*, **ye-c^h-a-* > *luac'ay* ‘washed (myself)’, *zgec'ay* ‘put on’, *yec'ay* ‘leaned (upon)’.⁶⁹ *Medium tantum* aorists to stems ending in a high vowel posed no problem, e.g. **erdu-a-* ‘feared’, **ayti-a-* ‘swelled’; but the active aorists to **li-nu-* ‘fill’, **xi-nu-* ‘seal/stop up’ would have been the ill-formed **li-e/i-*, **xi-e/i-*, which were therefore remade to **lic^h-e/i-*, **xic^h-e/i-* > *lc'i* (*elic*), *xc'i* (*exic*)⁷⁰. Forms such as *lc'i* are thus *not* the

⁶⁸ The only exceptions are *edi* (*ed*) ‘put’ and *etu* (*et*) ‘gave’, which go back to (at least partly) sigmatized PIE root aorists ([Bonfante 1942; Barton 1965: 47–48, 1989: 146–147]; see now [Viredaz 2015]), and *elew* (1 sg. *elē*) ‘became’, which continues post-PIE **e-k^wl-e-to* (cf. Gr. *ἐπλετο* ‘has become, is’; [Lindeman 1973–1974: 48–49; Klingenschmitt 1982: 280–281; Klein 2007: 1075]). Klingenschmitt writes the aorist stems as e.g. act. *arb(e)-* ‘drank’, *-ec'(e)-* vs. mp. *kal(a)-* ‘held’, *-ec'(a)-*, but I have eschewed that practice here in order to avoid confusion with pre-Arm. weak aorist stems in **-a-*. On the origin of aorist middle *-a-*, see fn. 61.

⁶⁹ Note that **zge-* ‘put on (clothing)’ < PIE **wes-* would have become vowel-final only after loss of intervocalic **h* < **s*, which made the aorist **zgeh-a-* ill-formed. Pace de Lamberterie [1985b: 130], *astuac-a-zgeac* ‘clothed in God’ (first attested in Agathangelos) is no proof that the aorist stem *zgec'-* goes back to **zgeac'-*; the former could simply be a backformation with ahistorical vocalism, much like e.g. *ump* ‘drink’ ← *əmpem* ‘drink’ [Praust 1996: 188–189].

⁷⁰ *Ent'ernum* ‘read’, aor. *ənt'erc'ay*, usually given beside *lc'i*, *xc'i*, *ənkec'i*, *zgec'ay*, and *yec'ay* as a sixth example of this type, probably does not belong here. Szemerényi’s derivation from **əndi-harc'-*, a calque of Iranian **pati-prsća-* (cf. OP *pati-p(a)rs-*, Parthian *pdfwrs-* ‘read’; [Szemerényi 1966: 223–225; de Lamberterie 1994: 146]), does account for the shape of aor.

source of the weak aorist marker $*-c^h$ -, as sometimes claimed, much less go back to PIE $*e\text{-}pleh_1\text{-}sk^e/o\text{-}$ ⁷¹, but are in fact relatively late innovations on the model of the hundreds of weak aorists in $*(-a)\text{-}c^h$ -.

We are left with strong and weak aorists to unsuffixed presents in *-em* (*-im*). The list below is exhaustive.⁷²

(21)	$*ber\text{-}e\text{-}$ ‘carry’	$*ber\text{-}$
	$*ac\text{-}e\text{-}$ ‘lead’	$*ac\text{-}$
	$*han\text{-}e\text{-}$ ‘pull out’	$*han\text{-}$
	$*nist\text{-}e\text{-}$ ‘sit (down)’	$*nist\text{-}$
(22)	$*gê\text{-}e\text{-}$ ‘know’	$*gê\text{-}a\text{-}$
	$*as\text{-}e\text{-}$ ‘say’	$*as\text{-}a\text{-}$
	$*kar\text{-}e\text{-}$ ‘be able’	$*kar\text{-}a\text{-}$
	$*mar\text{-}e\text{-}$ ‘be able’	$*mar\text{-}a\text{-}$

The crucial difference between the two groups is that the verbs in (22) were defective at the relevant stage of pre-Armenian, while those in (21) inherited aorist stems from the protolanguage. In the case of *berem* and *acem*, PIE $*b^her\text{-}$ and $*h_2eg\text{-}$ were almost certainly *praesentia tantum*, the aorist being supplied by other roots⁷³, but

subj. *ənt'erc'c'i* (not $\dagger\text{-}sc\text{'-}$) but runs up against phonetic difficulties [Klingenschmitt 1982: 251–252; Praust 1996: 190]. Kocharov [2017] instead connects the root with Hitt. *tarna-* ‘let go’, Toch. B */tərka-/* (pres. */tərkaṇa-/*), A *tārka-* (pres. *tārṇā-*) ‘let go, release; utter’, OCS *trǫg-* (pres. *-trǫgnŏti*) ‘let go, expel; utter’ < PIE $*terK(H)\text{-}$, which is semantically satisfactory but would require the root-final $-c\text{'-}$ to be generalized from a sigmatic aorist $*terK\text{-}s\text{-}$.

⁷¹ So among others [Karstien 1956a: 227, 1956b: 96, 97; Godel 1965: 37, 1975: 127; Watkins 1973: 71, fn. 21; Clackson 1994: 82].

⁷² A few other poorly attested aorists may be assigned to the type of *berem*, aor. *beri*: *zgacim* ‘dress myself’ (beside *zgacnum*), aor. *zgacay*; *helusem* ‘nail, fasten’, aor. *helusi* (*heloys*); *hiwsem* ‘plait, braid’ (postclassical also *hiwsum*), aor. *hiwsi* (beside *hiwsec'i*).

⁷³ Cf. GAv. *baraitī*, aor. *nqsaṭ*; Gr. *φέρω*, aor. *ἤνεγκον/ἤνεγκα*; Lat. *ferō*, pf. *tulī*. Ved. aor. *abhār*, OIr. pret. *birt*, *bert*, and Goth. pret. *bar* are independent post-PIE creations ([LIV²: 76–77; Jasanoff 2012: 132]). — The alternative derivation of *acem* from PIE $*h_2g\text{-}es\text{-}$ ([Kortlandt 1983: 14, 1996b: 56 (2003: 44, 118); Beekes 2003: 175, 182]; cf. Lat. *gerō* ‘carry’) is

Armenian generalized the present stem by extending the inherited imperfect to aorist function: hence 3 sg. *eber* ‘carried’, *ac* ‘led’ < PIE **e-b^her-e-t*, **h₂éǵ-e-t*. The same is true of *nstim* ‘sit (down)’ ← **niste-* < PIE **ni-si-sd-e/o-*, whose aor. 3 sg. *nstaw* < **nistaw* continues PIE impf. **ni-si-sd-e-to* with regularized “alphathematic” inflection⁷⁴.

In contrast, *gitem* ‘know’ goes back to PIE pf. **wóyd-* ~ **wid-* and thus originally lacked an aorist; similarly for *asem* ‘say’, which judging from reflexes in the daughter languages appears to have had a defective paradigm in the protolanguage. Like derived presents in *-y^e/o-,

motivated entirely by the belief that PIE **h₂e-* > Arm. *ha-*; see the critical remarks in [Clackson 2004–2005: 155; EDAIL: 16].

⁷⁴ In cases such as aor. *harc* ‘i (eharc)’ ‘asked’, *dizi* (*edêz*) ‘piled up’ < impf. **prsk^é/o-*, **d^heyǵ^h-e/o-* (← PIE **d^héyǵ^h-* ~ **d^hiǵ^h-*), the inherited imperfect was shifted to aorist function by the creation of a new characterized present stem, respectively *harc’anem*, *dizanem*. That cases such as *berem*, aor. *beri* were unstable and/or disfavored is suggested by *lizem* ‘lick’, aor. *lizec* ‘i beside *lizanem* and *lezum/lizum* ‘id.’, aor. *lizi*, which Klingenschmitt [1982: 208–210]; cf. [LIV²: 404, n. 2] explains as reformations of an earlier pres. **lizem*, aor. **lizi*, with the present stem continuing **leyǵ^{he}/o-* ← PIE **léyǵ^h-* ~ **liǵ^h-* (Ved. *rédhi*, pl. *rihánti*, thematized in Gr. *λείχω*; *praesens tantum*?).

The etymology of the fourth verb, *hanem* ‘pull/draw out, remove’, remains contested: it has been connected with Hitt. *šanḫ-* ‘seek, look for’, Ved. *sanóti* ‘win, gain’, Gr. *ἀνύω* ‘effect, accomplish’, OHG *sinnan* ‘strive after’ < PIE **senh₂-* ‘attain, catch’ [Meillet 1897: 26, 1910–1911: 245; Hübschmann 1899: 48; HAB: III, 33–34; Barton 1965: 26; de Lamberterie 1985a: 207]; Lith. *pinù*, inf. *pinti* ‘weave’, OCS *-pīnō*, inf. *-pēti* ‘stretch’ (e.g. *ras-pēti* ‘crucify’), Goth. *spinnan* ‘spin’, etc. < PIE *(s)*penH-* ‘pull, stretch’ ([Klingenschmitt 1982: 131–132]; but probably the source of *henum* ‘weave’, aor. *hani* only, cf. [LIV²: 578–579] s.v. *(s)*penh₁-*); Hitt. *ḫan-* ‘draw (liquids)’ < PIE **h₂en-* [Kapantsyan 1931–1933: 96, 1956: 372–373; Puhvel 1991: 77; Kloekhorst 2008: 282; EDAIL: 389 with refs.]; and even Arm. *hun* ‘ford’ ([Olsen 1985: 11, fn. 13] “denominative verb derived from the zero grade”). Most probable in my opinion is a connection with Gr. *σπάω* ‘draw (out)’ [Klingenschmitt 1982: 132; LIV²: 575], which along with Ved. *-pipīte* ‘moves’, Hitt. *pipp(a)-* ‘id.’ may be derived from a PIE root *(s)*peh₂-* ‘in (heftige) Bewegung setzen’ [García Ramón 2011]. The Armenian verb would in that case reflect a secondary nasal-suffixed present: PIE *(s)*pi-(s)péh₂-* ~ *(s)*pi-(s)ph₂-*, aor. *(s)*péh₂-* ~ *(s)*ph₂-* → **pā-ne-*, **pā-* → *hanem*, aor. *hani*.

these verbs thus had to create entirely new aorists. For this purpose, they did not resort to the imperfect inherited from PIE as in the case of *berem*, *acem*, and *nstim*, perhaps because the formation had already been completely eliminated, as it was in most other IE branches. Instead, speakers formed a new past of repeated and habitual action with the originally optative suffix **-a-* (< PIE **-e-h₂-*), as described above: hence **woyd-ā-* ‘knew, would know’, **ak-ā-* ‘was saying, would say’, and similarly **worǵ-ey-ā-* ‘loved, would love’, **wesn-ey-ā-* ‘bought, would buy’ to the derived presents **worǵ-eye-*, **wesn-eye-*.

If the above analysis of the Armenian strong and weak aorists is correct, where did the **-c^h-* of the weak aorist marker **-a-c^h-* come from, and how did it spread? Despite repeated attempts, the absence of secure examples for obstruent + **s* > *-c^h-* remains an obstacle to connecting Arm. *-c^h-* with the PIE *s*-aorist⁷⁵. The only real possibility is to derive *-c^h-* from the PIE verbal suffix **-sk^é/o-*, which famously fulfills several functions: in addition to building presents to aoristic roots in the protolanguage (e.g. PIE **p_ṛsk^é/o-* < ***p_ṛk-sk^é/o-* ‘ask’, **g^wm-sk^é/o-* ‘step, go’) and inchoatives in *-ēscō* to Latin statives in *-eō* (e.g. *albēscō* ‘become white’, *senēscō* ‘become old’ to *albeō* ‘am white’, *seneō* ‘am old’), it productively forms derived imperfectives in Hittite (e.g. *azzikki/a-*, *anniski/a-* to *ēd-/ad-* ‘eat’, *aniya-* ‘work, treat; carry out, perform’)⁷⁶ and iterative imperfects in Ionic Greek (e.g. *ἔχσκε* ‘had, held’, *φιλέσκε* ‘loved’, *δόσκε* ‘gave’)⁷⁷. The latter have

⁷⁵ So [Pisani 1950a: 529 (1959b: 105), 1951: 66–67 (1978: 308–309); Klingenschmitt 1982: 286–287; Kortlandt 1987: 51, 1995: 15–16, 1996a: 40–43 (2003: 81, 108–109, 114–116)]; see the critical remarks in [Clackson 1994: 82–83; Viredaz 2015, § 1.4.2.]. See also fn. 77 below.

I should add that I am also not convinced by the various proposals put forth in the literature to derive the weak aorist and the subjunctive from a single source. On the prehistory of the Armenian subjunctive, see e.g. [Klingenschmitt 1982: 32–44; Lühr 1994] (with discussion of earlier hypotheses).

⁷⁶ See [Melchert 1998; Hoffner and Melchert 2008: 318–323].

⁷⁷ Cf. [Meillet 1903a: 85–86, 1936: 115; Pedersen 1905: 207], [Pisani 1959a: 177] (‘sostituzione di forme in *-sk-* a quelle sigmatiche dell’aoristo’), [Solta 1963: 118; Barton 1965: 74–75, 1990–1991: 47, fn. 63; Godel 1965: 37, 1969, 1975: 127; Watkins 1969: 57; Perel'muter 1977: 97; K. H. Schmidt 1980b: 45–46; Schmitt 1981: 145; Djahukian 1982: 190–191; Stempel

long been compared with the Armenian weak aorist suffix, no doubt under the influence of the widespread belief in an especially close relationship between Armenian and Greek, although Clackson [1994: 75–83] argues that the two formations are parallel but independent elaborations: note that Greek has generalized *-εσκ-* as the productive iterative formant, in contrast to Armenian **-ac^h-*, and that the few Armenian weak aorists to monosyllabic stems take the augment in the active 3 sg., e.g. *ebac* ‘opened’, *ekac* ‘stood’, *elic* ‘filled’, whereas the augment is regularly lacking in the Ionic iterative⁷⁸. Even if one prefers to interpret these facts in terms of contact and diffusion, Armenian must have gone farther than any variety of ancient Greek in generalizing **-sk^e/o-* from marking iterative-intensive imperfects to all imperfects, then in shifting these imperfects to aorist function⁷⁹.

1983: 62–63; de Lamberterie 1992: 270–271, 2005–2007: 51; Klein 2007: 1075; Meyer 2014: 389–390; Viredaz 2015, § 1.4.2]; for additional references, see [Clackson 1994: 215, n. 77]. On the Ionic type itself, see [Schwyzer 1939: 710–712]. The functional identity of Arm. aor. *-c’* < **-sk^e-* and the **-s-* of the classical sigmatic aorist does parallel other instances of **-s-* beside **-sk^e-* in IE verbal morphology [Watkins 1973: 70–1; Solta 1963: 118, 1984: 73–74, 1987: 632–634, 1990: 12 with refs.; Klein 2007: 1073, 1075], but this by itself tells us nothing about the path of grammaticalization of the suffix in Armenian.

The Slavic imperfect probably does not belong here, *pace* Karstien [1956a: 220 ff.], who derived OCS 1 sg. *-axŭ*, 3 *-aše* from **-ā-sk^e/o-* and compared the Armenian weak aorist in **-ac^h-*. Despite the criticism of Godel [1970: 149], the problem here is not so much semantic as formal: there are no good parallels for the alleged metathesis of PIE *sk^e* > **ks* > Proto-Slavic **x*. On the prehistory of the Slavic imperfect, see e.g. [Sadnik 1960] (followed by [Aitzetmüller 1991: 188–191]), [Vaillant 1966: 66–68; Kortlandt 1986].

⁷⁸ However, Clackson’s third reason for rejecting a historical connection between the Greek and Armenian formations, the supposed full-grade root of *elic* ‘filled’ < **pleh₁-sk^e/o-* vs. the zero-grade of *δόσκει* ‘gave’, *στάσκει* ‘stood’, *παρέβασκει* ‘went beside’ < **dh₃-sk^e/o-*, **sth₂-sk^e/o-*, **g^wh₂-sk^e/o-* [Clackson 1994: 82–3], is not valid, as *elic* is an Armenian-internal innovation (see above).

⁷⁹ The first step does however find an interesting parallel in the modern Greek dialects of northern Greece (Thessaly, Macedonia, Thrace),

8. From PIE to Armenian: the evolution of the weak aorist

On the basis of the analysis in § 7, we may reconstruct the following sequence of prehistoric morphological developments for Armenian, taking as examples **b^her-e-* ‘carry’, **woyd-e-* ‘know’, and **worǵ-eye-* ‘work, make’⁸⁰. In the first stage (a), thematic (including thematized) presents contrasted an unmarked imperfect, of PIE origin, and an iterative imperfect, characterized by the suffix **-sk^é/o-*. Next (b), the imperfect **eb^heret* spread to the aorist, eliminating whatever suppletive stem the language had inherited. At this point, derived present stems such as **worǵeye-* did not yet have grammaticalized aorists, continuing the situation in the protolanguage. Then, for reasons which can no longer be identified, **worǵeyet* ‘was making’ was replaced by originally optative **worǵeyāt*; to this new default imperfect was created a corresponding iterative imperfect with the suffix **-sk-*, hence **worǵeyāsket* (c). The new imperfect was extended to aorist function, becoming the functional equivalent of **eb^heret* ‘carried’. The same replacement may have affected the imperfect of ‘carry’ as well, producing **(e)b^herāt* and iterative **b^herāsket*; the aorist, however, remained unaltered. As for ‘know’, following its regularization as a thematic present **woydeti* (b), it too acquired an iterative imperfect **woydāsket* and unmarked imperfect **woydāt*, the latter also serving as aorist.

	(a)	(b)	(c)
Present	<i>*b^hereti</i>	> <i>*b^hereti</i>	> <i>*b^hereti</i>
Iter. impf.	<i>*b^heresket</i>	> <i>*b^heresket</i>	→ <i>*b^herāsket</i> (?)
Imperfect	<i>*eb^heret</i>	> <i>*eb^heret</i>	→ <i>*(e)b^herāt</i> (?)
Aorist	[<i>*h₁nek-</i>]	→ <i>*eb^heret</i>	> <i>*eb^heret</i>

Cyprus, and Cappadocia, which attest similar-looking formations in *-(1)σκον* ([Hatzidakis 1892: 416–417; Thumb 1910: 146 § 214.6 (1964: 153)]; cf. [Schwyzer 1939: 712]). Despite undeniable contact between Greek and Armenian speakers (e.g. in the Pontos region) since ancient times, I do not believe that this should be seen as anything more than coincidence; note in particular that Pontic Greek has unexpectedly grammaticalized *-σκουμαι* as a passive suffix in e.g. *μυρίσκουμαι*, *κρύφκουμαι* to *μυρίζω* ‘paint’, *κρύφτω* ‘hide’ [Hatzidakis 1892: 416–7; Thumb 1910: 126, § 199.4 (1964: 133)].

⁸⁰ See the brief chronology of K. H. Schmidt [1980b: 46], which however does not account for the contrast between the aorists of *berem* and *gitem*.

Present	[*wóyd- ~ *wid-] → *woydeti	> *woydeti
Iter. impf.	—	→ *woydāsket
Imperfect	—	→ *woydāt
Aorist	—	→ *woydāt

Present	*worǵeyeti	> *worǵeyeti	> *worǵeyeti
Iter. impf.	*worǵeyesket	> *worǵeyesket	→ *worǵeyāsket
Imperfect	*worǵeyet	> *worǵeyet	→ *worǵeyāt
Aorist	—	—	→ *worǵeyāt

After these developments, the contrast between the two past imperfective categories was lost; most probably, the unmarked imperfect and the iterative imperfect in **-c^h-* remained in competition for some time (d)⁸¹. The imperfects of ‘carry’, ‘know’, and ‘work’ thus became **berac^he* ~ **bera*, **ǵetac^he* ~ **ǵêta*, and **gorceyac^he* ~ **gorceya*, respectively. In ‘know’ and the majority type of ‘work’, where the imperfect and aorist were identical, the aorist naturally also took on the variants **gorceyac^he* ~ **gorceya*. Finally (e), the variation in the aorist was resolved in favor of the longer forms in **-ac^h-*, **-eyac^h-* > *-ac-*, *-eac-* ~ *-ec-*, whereas the imperfect was replaced once again by the attested formation in *-i/y-* (e.g. *gorcei*, 3 sg. *gorcêr* ‘used to make, was making’).

	(c)	(d)	(e)
Present	*bereyi	> *bereyi	> berê
Iter. impf.	*berac ^h e (?)	—	—
Imperfect	*bera (?)	→ *berac ^h e ~ *bera (?)	→ berêr
Aorist	*eberē	> *eberē	> eber

Present	*ǵêteyi	> *ǵêteyi	> ǵitê
Iter. impf.	*ǵêtac ^h e	—	—
Imperfect	*ǵêta	→ *ǵêtac ^h e ~ *ǵêta	→ ǵitêr
Aorist	*ǵêta	→ *ǵêtac ^h e ~ *ǵêta	> ǵitac ‘

⁸¹ For the sake of simplicity, I have assumed the relevant sound changes at stage (c), i.e. the Armenian consonant shift, monophthongization of diphthongs, **-sk-* > **-c^h-*, **w-* > **g-*, and lenition of intervocalic **t* and loss of word-final **-t*. On the other hand, apocope of final syllables and loss of intervocalic **y* are assigned to stage (e).

Present	*gorceyeyi	> *gorceyeyi	> gorcê
Iter. impf.	*gorceyac ^h e	—	—
Imperfect	*gorceya	→ *gorceyac ^h e ~ *gorceya	→ gorcêr
Aorist	*gorceya	→ *gorceyac ^h e ~ *gorceya	> gorceac ^h

As a final step, the now highly productive weak aorist marker *-c^h- was extended to root aorists ending in a vowel when they acquired regular (alpha)thematic inflection: hence PIE *pleh₁- > *li- → *li-c^h-e/a- in *lc* 'i' 'filled', *lc* 'ay' 'was filled' and PIE *wes- → *zge(h)- → *zge-c^h-a- in *zgec* 'ay' 'put on (clothing)', leaving only the relics *edi* (*ed*) 'put', *etu* (*et*) 'gave'.

9. Conclusion

The analysis proposed here not only accounts satisfactorily for the attested distribution of weak aorists in -ac^h and -eac^h, but also provides a plausible sequence of steps for the functional shift of PIE *-s^hk^e/_o- > Arm. -c^h- from marking iterative imperfects to derived aorist stems. Late retention of intervocalic *y, unlike *s, explains the lack of contraction in impf. > aor. *-ey-a-c^h- (to denominative and other derived presents in *-ey^e/_o-), which only later became the diphthong *-ea-c^h- and then -eac^h ~ -ec^h-. The first element of the suffix *-a-c^h- may be compared with the Latin imperfect and Balto-Slavic preterite in *-ā- and traced back to a PIE optative in *-eh₂-. The expansion of *-s^hk^e/_o- > *-c^h- in the imperfect > aorist was parallel to but independent of the Ionic type *ἔχεσκε*, *φίλεσκε* and led to the complete disappearance of the erstwhile imperfects in plain *-a-, leaving as the sole trace of the PIE imperfect such shifted aorists as 3 sg. *eber* 'carried', *nstaw* 'sat (down)', *eharc* 'asked'.

Bibliography

- Adams 1999 — D. Q. Adams. A Dictionary of Tocharian B. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 1999.
- Adams 2013 — D. Q. Adams. A Dictionary of Tocharian B. Revised and greatly enlarged. Amsterdam — New York: Rodopi, 2013.
- Aitzetmüller 1991 — R. Aitzetmüller. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. 2., verbesserte und erweiterte Auflage. Freiburg i. Br.: Weiher, 1991.
- Barton 1965 — Ch. Barton. A Re-examination of the Historical Morphology of the Old Armenian Verb with a Classification of Stems from the

- Point of View of Comparative Indo-European Linguistics. Doctoral dissertation. New York: New York University, 1965.
- Barton 1973–1974 — Ch. Barton. The Armenian strong aorist // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 10, 1973–1974. P. 27–38.
- Barton 1988 — Ch. Barton. PIE **sengʷ-* // Y. Arbeitman (ed.). *A Linguistic Happening in Memory of Ben Schwartz: Studies in Anatolian, Italic, and other Indo-European Languages*. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1988. P. 463–74.
- Barton 1989 — Ch. Barton. PIE. **mer-*, Arm. *meřanim* ‘die’ // *Indogermanische Forschungen* 94, 1989. P. 135–157.
- Barton 1990–1991 — Ch. Barton. On the denominal *a*-statives of Armenian // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 22, 1990–1991. P. 29–52.
- Beekes 2003 — R. S. P. Beekes. Historical phonology of Classical Armenian // Kortlandt 2003: 133–211.
- Beekes 2010 — R. S. P. Beekes. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden — Boston: Brill, 2010.
- Benveniste 1951 — É. Benveniste. Préterit et optatif en indo-européen // *Bulletin de la Société de Linguistique* 47, 1951. P. 11–20.
- Bolognesi 1949 — G. Bolognesi. Sulla flessione nominale armena di hayr “padre” mayr “madre” elbayr “fratello” // *Atti del Sodalizio Glottologico Milanese* I.2, 1949. P. 35–40.
- Bonfante 1942 — G. Bonfante. The Armenian aorist // *Journal of the American Oriental Society* 62/2, 1942. P. 102–105.
- Bonfante 1946 — G. Bonfante. Armenians and Phrygians // *Armenian Quarterly* 1, 1946. P. 82–97.
- Bonfante, Gelb 1944 — G. Bonfante, I. J. Gelb. The position of “Hieroglyphic Hittite” among the Indo-European languages // *Journal of the American Oriental Society* 64.4, 1944. P. 169–190.
- Brugmann 1904 — K. Brugmann. *Etymologische Miszellen* // *Indogermanische Forschungen* 16, 1904. P. 491–509.
- Brugmann 1913 — K. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Zweite Bearbeitung. Zweiter Band: Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch. Dritter Teil, Erste Lieferung. Straßburg: Trübner, 1913.
- Cheung 2007 — J. Cheung. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden — Boston: Brill, 2007.
- Clackson 1994 — J. Clackson. *The Linguistic Relationship between Armenian and Greek*. Oxford — Cambridge, MA: Blackwell, 1994.
- Clackson 1999–2000 — J. Clackson. Arm. *ariwn* ‘blood’ // *Annual of Armenian Linguistics* 20, 1999–2000. P. 27–45.

- Clackson 2004–2005 — J. Clackson. Review of Kortlandt 2003 // *Annual of Armenian Linguistics* 24–25, 2004–2005. P. 153–158.
- Couvreur 1947 — W. Couvreur. *Hoofdzaken van de tochaarse klank- en vormleer*. Leuven: Philologische Studiën, 1947.
- Cowgill 1960 — W. Cowgill. Greek *ou* and Armenian *oč'* // *Language* 36: 3, 1960. P. 347–50. (Reprinted in Cowgill 2006, 99–101.)
- Cowgill 2006 — W. Cowgill. *The Collected Writings of Warren Cowgill*. Edited with an Introduction by Jared Klein, with contributions by other former colleagues and students. Ann Arbor — New York: Beech Stave, 2006. P. 99–101.
- Djahukian 1982 — Г. Б. Джаукян. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд-во АН АССР, 1982. [G. B. Dzhaugian. *Sravnitel'naia grammatika armianskogo iazyka* [Comparative grammar of Armenian]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1982].
- Djahukian 1990 — G. B. Djahukian. Combinatory vowel changes in Armenian // *Annual of Armenian Linguistics* 11, 1990. P. 1–16.
- Dum-Tragut 2009 — J. Dum-Tragut. *Armenian (Modern Eastern Armenian)*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- EDAIL* — H. K. Martirosyan. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden — Boston: Brill, 2010.
- Evangelisti 1955 — E. Evangelisti. L'imperfetto armeno e l'uso preteritale dell'ottativo indoeuropeo. Arona: Paideia, 1955. (Reprinted in Evangelisti 1990: 69–92.)
- Evangelisti 1990 — E. Evangelisti. *Scritti tocarici e altri studi*. Brescia: Paideia, 1990.
- EWAia* — M. Mayrhofer. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. 3 Bände. Heidelberg: Winter, 1986–2001.
- Friedman 2002 — J. Friedman. IE “blood” and related matters // Paper read at the 14th UCLA Indo-European Conference, University of California, Los Angeles, 8–9 November, 2002. (http://www.pies.ucla.edu/WeCIEC/Friedman_J_2002.pdf)
- García Ramón 2011 — J. L. García Ramón. Idg. **(s)peh₂-* ‘in (heftige) Bewegung setzen, ziehen’: Ved. *pā* 3, heth. *pipp(a)^{-bbi}* und gr. *σάω*, arm. *hanem* // Krisch, Lindner (eds.) 2011: 134–148.
- Godel 1965 — R. Godel. Les origines de la conjugaison arménienne // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 2, 1965. P. 22–41. (Reprinted in Godel 1982b, 19–38.)
- Godel 1969 — R. Godel. Les aoristes arméniens en *-c'* // *Studia Classica et Orientalia Antonino Pagliaro Oblata*. Vol. 2. Rome: G. Bardi, 1969. P. 253–258. (Reprinted in Godel 1982b, 39–44.)

- Godel 1970 — R. Godel. Diachronic Armenian // Th. A. Sebeok (ed.). *Linguistics in South West Asia and North Africa*. The Hague: Mouton, 1970. P. 139–159.
- Godel 1975 — R. Godel. *An Introduction to the Study of Classical Armenian*. Wiesbaden: Reichert, 1975.
- Godel 1980 — R. Godel. Sur quelques subjonctifs arméniens // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 14, 1980. P. 11–20. (Reprinted in Godel 1982b, 81–90.)
- Godel 1982a — R. Godel. La position de l'arménien dans l'étude comparative des langues indo-européennes // Godel 1982b. P. 7–14.
- Godel 1982b — R. Godel. *Linguistique arménienne: études diachroniques*. Vaduz: Fondation des Frères Ghoukassiantz; Paris: Librairie H. Samuélian, 1982.
- Gorbachov 2007 — Y. Gorbachov. *Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic and Slavic*. Doctoral dissertation, Harvard University, 2007.
- Grammont 1918 — M. Grammont. Notes de phonétique générale. VI. Arménien classique // *Mémoires de la Société de Linguistique* 20, 1918. P. 213–259.
- Greppin 1983 — J. A. C. Greppin. An Etymological Dictionary of the Indo-European Components of Armenian // *Bazmavêp* 141, 1983. P. 1–4, 235–323.
- Greppin (ed.) 1980 — J. A. C. Greppin (ed.) *First International Conference on Armenian Linguistics: Proceedings, the University of Pennsylvania, Philadelphia, 11–14 July 1979*. Delmar, NY: Caravan Books, 1980.
- HAB — Hr. Ačaryan. *Hayeren armatakan bařaran*. 2 ed., 4 vols. Yerevan: Yerevan University Press, 1971–1979.
- Hackstein 1995 — O. Hackstein. *Untersuchungen zu den sigmatischen Präsensstambildungen des Tocharischen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995.
- Hamp 1969 — E. P. Hamp. Armenian *harb*, *hars*, *harc* // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 6, 1969. P. 15–17.
- Hamp 1970 — E. P. Hamp. Sanskrit *duhitá*, Armenian *dustr*, and IE internal schwa // *Journal of the American Oriental Society* 90/2, 1970. P. 228–31.
- Hamp 1976 — E. P. Hamp. **g^weiH_o-* “live” // A. Morpurgo Davies, W. Meid (eds.). *Studies in Greek, Italic, and Indo-European Linguistics Offered to Leonard R. Palmer on the Occasion of His Seventieth Birthday*, June 5, 1976. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1976. P. 87–91.

- Hamp 1983 — E. P. Hamp. *Philologica varia* // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 17, 1983. P. 5–12.
- Harðarson 1993 — J. A. Harðarson. *Studien zum urindogermanischen Wurzelaorist und dessen Vertretung im Indoiranischen und Griechischen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1993.
- Hatzidakis 1892 — G. N. Hatzidakis. *Einführung in die neugriechische Grammatik*. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1892. (Reprinted 1977, Hildesheim — New York: Olms.)
- Hoffner, Melchert 2008 — H. A. Hoffner, Jr., H. C. Melchert. *A Grammar of the Hittite Language. Part 1: Reference Grammar*. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2008.
- Holthausen 1927 — F. Holthausen. *Grammatisches Allerlei* // *Indogermanische Forschungen* 44, 1927. P. 191–192.
- Hübschmann 1877 — H. Hübschmann. *Armeniaca* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 23/4, 1877. P. 400–7. (Reprinted in Hübschmann 1976: 77–84.)
- Hübschmann 1883 — H. Hübschmann. *Armenische Studien. I*. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
- Hübschmann 1897 — H. Hübschmann. *Armenische Grammatik. I. Theil: Armenische Etymologie*. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1897.
- Hübschmann 1899 — H. Hübschmann. *Selbstanzeige von H. Hübschmann, Armenische Grammatik. I. Teil: Armenische Etymologie. II. Abteilung: Die syrischen und griechischen Lehnwörter im Altarmenischen und die echtarmenischen Wörter* // *Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Beiblatt zu den Indogermanischen Forschungen* 8, 1899. P. 41–50. (Reprinted in Hübschmann 1976: 325–334.)
- Hübschmann 1976 — R. Schmitt (ed.). *Heinrich Hübschmann. Kleine Schriften zum Armenischen*. Hildesheim — New York: Olms, 1976.
- IEW* — J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: Francke, 1959.
- Jasanoff 1979 — J. H. Jasanoff. *Notes on the Armenian personal endings* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 93, 1979. P. 133–149.
- Jasanoff 1983 — J. H. Jasanoff. *The IE “ā-preterite” and related forms* // *Indogermanische Forschungen* 88, 1983. P. 54–83.
- Jasanoff 1997 — J. H. Jasanoff. *Gathic Avestan cikōitərəš* // Lubotsky (ed.) 1997: 119–130.
- Jasanoff 2003 — J. H. Jasanoff. *Hittite and the Indo-European Verb*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Jasanoff 2012 — J. H. Jasanoff. *Long-vowel preterites in Indo-European* // H. C. Melchert (ed.). *The Indo-European Verb: Proceedings of the*

- Meeting of the Indogermanische Gesellschaft, University of California, Los Angeles, 13–15 September 2010. Wiesbaden: Reichert, 2012. P. 127–135.
- Jensen 1959 — H. Jensen. *Altarmenische Grammatik*. Heidelberg: Winter, 1959.
- Kapantsyan 1931–1933 — Гр. А. Капанцян. *Chetto-Armeniaca*. Сравнительно-лингвистическое исследование, выявляющее до 200 общих слов и форм. Эривань: Госиздат ССРА, 1931–1933. [Gr. A. Kapantsian. *Chetto-Armeniaca*. *Sravnitel'no-lingvisticheskoe issledovanie, vyivavliashchee do 200 obshchikh slov i form*. [Chetto-Armeniaca. Comparative linguistic research identifying up to 200 common words and forms]. Yerevan: Gosizdat SSRA, 1931–1933].
- Kapantsyan 1956 — Гр. А. Капанцян. Историко-лингвистические работы к начальной истории армян. Древняя Малая Азия. Ереван: Изд-во АН АССР, 1956. [Gr. A. Kapantsian. *Istoriko-lingvisticheskie raboty k nachal'noi istorii armian*. *Drevniaia Malaia Aziia* [Historical linguistic works on the early history of Armenians. Ancient Asia Minor]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1956].
- Karst 1901 — J. Karst. *Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen*. Straßburg: Trübner, 1901.
- Karstien 1956a — H. Karstien. Das slavische Imperfekt und der armenische *-ac'e-* Aorist. M. Woltner, H. Bräuer (ed.). *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1956. P. 211–229.
- Karstien 1956b — H. Karstien. Das slav. Imperfekt und seine idg. Verwandten // *Zeitschrift für slavische Philologie* 25/1, 1956. P. 67–112.
- Katz 2006 — J. T. Katz. The origin of the Greek pluperfect // *Die Sprache* 461, 2006. P. 1–37.
- Kerns 1939 — J. A. Kerns. The imperfect in Armenian and Irish // *Language* 15/1, 1939. P. 20–33.
- Kim 2016a — R. I. Kim. Studies in Armenian historical phonology (I): Aspiration and spirantization of PIE voiceless stops // A. M. Byrd, J. DeLisi, M. Wenthe (eds.). *Tavet Tat Satyam: Studies in Honor of Jared Klein on the Occasion of His Seventieth Birthday*. Ann Arbor — New York: Beech Stave, 2016. P. 151–167.
- Kim 2016b — R. I. Kim. Studies in Armenian historical phonology (II): early raising of mid vowels in Auslaut // *Indogermanische Forschungen* 121. P. 39–51.
- Kim 2018 — R. I. Kim. Greco-Armenian: the persistence of a myth // *Indogermanische Forschungen* 123. P. 247–271.

- Klein 2007 — J. Klein. Classical Armenian morphology // A. S. Kaye (ed.). *Morphologies of Asia and Africa*. 2 vols. Winona Lake: Eisenbrauns, 2007. P. 1051–1086.
- Klingenschmitt 1982 — G. Klingenschmitt. *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: Reichert, 1982.
- Kloekhorst 2008 — A. Kloekhorst. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden — Boston: Brill, 2008.
- Kocharov 2011 — P. Kocharov. On *ana*-presents of Armenian // Krisch, Lindner (eds.) 2011: 271–278.
- Kocharov 2017 — P. Kocharov. The etymology of Armenian *ənt'ērnuł* ‘to read’ // B. S. S. Hansen, A. Hyllested, A. R. Jørgensen, G. Kroonen, J. H. Larsson, B. N. Whitehead, Th. Olander, T. Søborg (eds.). *Usque ad Radices*. Indo-European Studies in Honour of Birgit Anette Olsen. Copenhagen: Museum Tusculanum, 2017. P. 401–413.
- Kölligan 2006 — D. Kölligan. Armenian *o(v)* // Oxford University Working Papers in Linguistics, Philology & Phonetics 11, 2006. P. 110–121.
- Kortlandt 1980 — F. H. H. Kortlandt. On the relative chronology of Armenian sound changes // Greppin (ed.) 1980: 97–106. (Reprinted in Kortlandt 2003: 26–33.)
- Kortlandt 1981 — F. H. H. Kortlandt. On the Armenian personal endings // *Annual of Armenian Linguistics* 2, 1981. P. 29–34. (Reprinted in Kortlandt 2003: 34–38.)
- Kortlandt 1983 — F. H. H. Kortlandt. Notes on Armenian historical phonology III: *h-* // *Studia Caucasica* 5, 1983. P. 9–16. (Reprinted in Kortlandt 2003: 39–44.)
- Kortlandt 1984 — F. H. H. Kortlandt. Proto-Armenian case endings // *Международный Симпозиум по армянскому языкознанию: Доклады*. Ереван: Изд-во АН АрмССР. [Mezhdunarodnyi Simpozium po armianskomu iazykoznaniiu: Doklady. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR]. (Reprinted in Kortlandt 2003: 45–51.)
- Kortlandt 1986 — F. H. H. Kortlandt. The origin of the Slavic imperfect // R. Olesch, H. Rothe (eds.). *Festschrift für Herbert Bräuer zum 65. Geburtstag am 14. April 1986*. Köln: Böhlau, 1986. P. 253–258.
- Kortlandt 1987 — F. H. H. Kortlandt. Notes on Armenian historical phonology V // *Studia Caucasica* 7, 1987. P. 61–65. (Reprinted in Kortlandt 2003: 75–78.)
- Kortlandt 1995 — F. H. H. Kortlandt. The sigmatic forms of the Armenian verb // *Annual of Armenian Linguistics* 16, 1995. P. 13–17. (Reprinted in Kortlandt 2003: 107–109.)
- Kortlandt 1996a — F. H. H. Kortlandt. The Proto-Armenian verbal system // D. Sakayan (ed.). *Proceedings of the 5th International Conference on Armenian Linguistics*, McGill University, Montreal, Quebec, Canada,

- May 1–5, 1995. Delmar, NY: Caravan Books, 1996. P. 35–43. (Reprinted in Kortlandt 2003: 110–116.)
- Kortlandt 1996b — F. H. H. Kortlandt. Arm. *całr* ‘laughter’ // Annual of Armenian Linguistics 17, 1996. P. 55–9. (Reprinted in Kortlandt 2003: 117–119.)
- Kortlandt 2001 — F. H. H. Kortlandt. Arm. *ariwn* ‘blood’ // Annual of Armenian Linguistics 21, 2001. P. 11–12. (Reprinted in Kortlandt 2003: 131–132.)
- Kortlandt 2003 — F. H. H. Kortlandt. Armeniaca. Comparative Notes. With an appendix on the historical phonology of Classical Armenian by Robert S. P. Beekes. Ann Arbor: Caravan Books, 2003.
- Krisch, Lindner (eds.) 2011 — Th. Krisch, Th. Lindner (eds.) unter redaktioneller Mitarbeit von M. Crombach und S. Niederreiter. Indogermanistik und Linguistik im Dialog. Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 27. September 2008 in Salzburg. Wiesbaden: Reichert, 2011.
- de Lamberterie 1978 — Ch. de Lamberterie. Armeniaca I–VIII: études lexicales // Bulletin de la Société de Linguistique 73, 1978. P. 243–285.
- de Lamberterie 1982a — Ch. de Lamberterie. Poids et force: reconstruction d’une racine indo-européenne // Revue des Études Arméniennes, nouvelle série 16, 1982. P. 21–55.
- de Lamberterie 1982b — Ch. de Lamberterie. Review of Schmitt 1981 // Bulletin de la Société de Linguistique 77/2, 1982. P. 80–84.
- de Lamberterie 1985a — Ch. de Lamberterie. Grammaire de l’arménien classique // École Pratique des Hautes Études. 4e section, sciences historiques et philologiques. Livret 2: Rapports sur les conférences des années 1981–1982 et 1982–1983. Paris: École Pratique des Hautes Études, 1985. P. 207–208.
- de Lamberterie 1985b — Ch. de Lamberterie. Review of Stempel 1983 // Bulletin de la Société de Linguistique 80/2, 1985. P. 129–132.
- de Lamberterie 1992 — Ch. de Lamberterie. Introduction à l’arménien classique // *LALIES* 10, 1992. P. 234–289.
- de Lamberterie 1994 — Ch. de Lamberterie. L’arménien // F. Bader (ed.). Langues indo-européennes. Paris: CNRS Éditions, 1994. P. 139–165.
- de Lamberterie 1999 — Ch. de Lamberterie. Diphtongues indo-européennes en arménien // Paper read at the Sixième Colloque international de linguistique arménienne, INALCO / Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 5–9 July, 1999.
- de Lamberterie 2005–2007 — Ch. de Lamberterie. L’augment dans le texte arménien de l’Évangile // Revue des Études Arméniennes, nouvelle série 30, 2005–2007. P. 31–57.

- de Lamberterie 2006 — Ch. de Lamberterie. Traces de la langue poétique indo-européenne dans le lexique arménien // G.-J. Pinault, D. Petit (éd.). La langue poétique indo-européenne. Actes du Colloque de travail de la Société des Études Indo-Européennes (Indogermanische Gesellschaft/Society for Indo-European Studies), Paris, 22–24 octobre 2003. Leuven — Paris: Peeters, 2006. 213–234.
- Leumann 1977 — M. Leumann. Lateinische Laut- und Formenlehre. Neuausgabe, 5. Auflage. München: Beck, 1977.
- Lindeman 1973–1974 — F. O. Lindeman. Note sur l'origine du verbe *linim*, aoriste *elē* en arménien classique // Revue des Études Arméniennes, nouvelle série 10, 1973–1974. P. 47–50.
- Lindeman 1974 — F. O. Lindeman. Note sur latin *aiō* // Bulletin de la Société de Linguistique 69, 1974. P. 155–157.
- Lindeman 1982 — F. O. Lindeman. The Triple Representation of Schwa in Greek and Some Related Problems of Indo-European Phonology. Oslo — Bergen — Tromsø: Universitetsforlaget, 1982.
- Lindeman 1985 — Armenian *cnaw* // Annual of Armenian Linguistics 6, 1985. P. 63–65.
- Lipp 2015 — R. Lipp. The word for wine in Anatolian, Greek, Armenian, Italic, Etruscan, Semitic and its Indo-European origin // Paper read at the conference “Hrozný and Hittite: The First Hundred Years,” Prague, 11–14 November 2015.
- LIV² — H. Rix et al. (eds.). Lexikon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von H. Rix und der Mitarbeit vieler anderer, bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Lubotsky (ed.) 1997 — A. Lubotsky (ed.). Sound Law and Analogy: Papers in Honor of Robert S.P. Beekes on the Occasion of His 60th Birthday. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 1997.
- Lühr 1994 — R. Lühr. Zum Konjunktivmorphem *-ic'-* im Armenischen // J. E. Rasmussen (ed.). In honorem Holger Pedersen: Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 25. bis 28. März 1993 in Kopenhagen. Wiesbaden: Reichert, 1994. P. 259–273.
- Mann 1968 — S. E. Mann. An Armenian Historical Grammar in Latin Characters. Morphology, Etymology, Old Texts. London: Luzac & Co., 1968.
- Mariès 1930 — L. Mariès. Sur la formation de l'aoriste et des subjonctifs en *-ç-* en arménien // Revue des Études Arméniennes 10/2, 1930. P. 167–182.
- Matzinger 2005 — J. Matzinger. Untersuchungen zum altarmenischen Nomen. Die Flexion des Substantivs. Dettelbach: J.H. Röhl, 2005.

- Meillet 1892 — A. Meillet. Notes de phonétique // Mémoires de la Société de Linguistique 7, 1892. P. 161–167. (Partially reprinted in Meillet 1977: 3–7.)
- Meillet 1894 — A. Meillet. Notes arméniennes // Mémoires de la Société de Linguistique 8, 1894. P. 153–165. (Reprinted in Meillet 1977: 8–20.)
- Meillet 1897 — A. Meillet. De indo-europaea radice **men-* “mente agitare”. Lutetiae-Parisiorum: E. Bouillon, 1897.
- Meillet 1900 — A. Meillet. Étymologies arméniennes // Mémoires de la Société de Linguistique 11, 390–401. (Reprinted in Meillet 1977: 57–68.)
- Meillet 1903a — A. Meillet. Esquisse d’une grammaire comparée de l’arménien classique. 1 éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitharistes, 1903.
- Meillet 1903b — A. Meillet. Observations sur la graphie de quelques anciens manuscrits de l’Évangile arménien // Journal Asiatique 10/2. P. 487–507. (Reprinted in Meillet 1977: 301–321.)
- Meillet 1910–1911 — A. Meillet. Deux notes sur des formes verbales indo-européennes // Mémoires de la Société de Linguistique 16. P. 239–246.
- Meillet 1913 — A. Meillet. Altarmenisches Elementarbuch. Heidelberg: Winter, 1913.
- Meillet 1916 — A. Meillet. Latin *pluit* et arménien *helum* // Mémoires de la Société de Linguistique 19, 1916. P. 178–180. (Reprinted in Meillet 1977: 162–164.)
- Meillet 1927 — A. Meillet. À propos de l’interrogatif et relatif *or* // Revue des Études Arméniennes 7/1, 1927. P. 1–3. (Reprinted in Meillet 1977: 240–242.)
- Meillet 1933 — A. Meillet. Sur le type lat. *ēgī*, *ēgīstī* // Bulletin de la Société de Linguistique 34, 1933. P. 127–130.
- Meillet 1936 — A. Meillet. Esquisse d’une grammaire comparée de l’arménien classique. 2 éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitharistes, 1936.
- Meillet 1977 — A. Meillet. Études de linguistique et de philologie arméniennes. Tome 2: Études linguistiques, avec un avant-propos de Michel Lejeune, augmentées d’une bibliographie avec un index linguistique et analytique par M. Mokri. Louvain: Imprimerie Orientaliste, 1977.
- Meiser 1998 — G. Meiser. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.
- Meiser 2003 — G. Meiser. Veni Vidi Vici. Die Vorgeschichte des lateinischen Perfektsystems. München: Beck, 2003.

- Melchert 1998 — H. C. Melchert. Aspects of verbal aspect in Hittite // S. Alp, A. Süel (eds.). Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirleri. Acts of the IIIrd International Congress of Hittitology, Çorum, September 16–22, 1996. Ankara: Uyum Ajans, 1998. P. 413–418.
- Meyer 2014 — R. Meyer. Remodelling the historical morphology of the Classical Armenian *-eal* participle // *Banber Matenadarani* 21, 2014. P. 385–398.
- Normier 1980 — R. Normier. Nochmals zu **sor-* // *Indogermanische Forschungen* 85, 1980. P. 43–80.
- Olsen 1985 — B. A. Olsen. On the development of Indo-European prothetic vowels in Classical Armenian // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 19. P. 5–17.
- Olsen 1999 — B. A. Olsen. The Noun in Biblical Armenian. Origin and Word-Formation, with Special Emphasis on the Indo-European Heritage. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1999. (Reprinted 2010.)
- Pedersen 1905 — H. Pedersen. Zur armenischen sprachgeschichte // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 38/2. P. 194–240. (Reprinted in Pedersen 1982: 56–102.)
- Pedersen 1906 — H. Pedersen. Armenisch und die nachbarsprachen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 39/3. P. 334–485. (Reprinted in Pedersen 1982: 112–263.)
- Pedersen 1982 — R. Schmitt (ed.). Holger Pedersen. Kleine Schriften zum Armenischen. Hildesheim — New York: Olms, 1982.
- Perel'muter 1977 — И. А. Перельмутер. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видовременные и залоговые категории. Л.: Наука, 1977. [I. A. Perel'muter. Obshcheindoeuropeiskii i grecheskii glagol. Vidovremennye i zalogovye kategorii [Proto-Indo-European and Greek verb. Categories of tense, aspect and voice]. Leningrad: Nauka, 1977].
- Peters 1997 — M. Peters. Der armenische Flexionstyp *gitem*, *gitac'i* und das ion.-att. Plusquamperfekt // Lubotsky (ed.) 1997: 209–217.
- Peyrot 2013 — M. Peyrot. The Tocharian Subjunctive: A Study in Syntax and Verbal Stem Formation. Leiden — Boston: Brill, 2013.
- Pisani 1932 — V. Pisani. Zum armenischen Personalpronomen // *Indogermanische Forschungen* 50, 1932. P. 23–32. (Reprinted in Pisani 1978: 357–366.)
- Pisani 1950a — V. Pisani. L'albanais et les autres langues indo-européennes // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves* 10, 1950. P. 519–538. (Reprinted in Pisani 1959b: 96–114.)
- Pisani 1950b — V. Pisani. Studi sulla fonetica dell'armeno (I) // *Ricerche Linguistiche* 1, 1950. P. 165–193. (Reprinted in Pisani 1978: 255–286.)

- Pisani 1951 — V. Pisani. Studi sulla fonetica dell'armeno (II) // Ricerche Linguistiche 2, 1951. P. 47–74. (Reprinted in Pisani 1978: 286–317.)
- Pisani 1952 — V. Pisani. Note linguistiche // Rivista degli Studi Orientali 27, 1952. P. 88–92.
- Pisani 1959a — V. Pisani. Obiter scripta // Paideia 14/3, 1959. P. 168–181.
- Pisani 1959b — V. Pisani. Saggi di linguistica storica: scritti scelti. Torino: Rosenberg & Sellier, 1959.
- Pisani 1966 — V. Pisani. Armenische Miszellen // Die Sprache 12, 1966. P. 227–236. (Reprinted in Pisani 1978: 335–348.)
- Pisani 1978 — V. Pisani. Mantissa. Brescia: Paideia, 1978.
- Praust 1996 — K. Praust. Armenisch *əmpem* “trinke” // Die Sprache 38, 1996. P. 184–200.
- Puhvel 1991 — J. Puhvel. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 3: Words beginning with H. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Ravnæs 1988 — E. Ravnæs. The prehistory of Armenian *ē* and *oy* // F. Thordarson (ed.). Studia Caucasologica I: Proceedings of the Third Caucasian Colloquium, Oslo, July 1986. Oslo: Norwegian University Press, 1988. P. 225–238.
- Ravnæs 1991 — E. Ravnæs. The Chronology of the Sound Changes from Proto-Indo-European to Classical Armenian. Ph.D. dissertation, University of Oslo, 1991.
- Sadnik 1960 — L. Sadnik. Das slavische Imperfekt (Ein Beitrag zur Erforschung des urslavischen Verbalsystems) // Die Welt der Slaven 5, 1960. P. 19–30.
- Saradževa 1980 — Л. А. Сараджева. Армяно-славянские лексико-грамматические параллели. Ереван: Изд-во АН АССР, 1980. [L. A. Saradzheva. Armiano-slavianskie leksiko-grammaticheskie paralleli [Armenian-Slavic lexicogrammatical parallels]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1980].
- Saradževa 1986 — Л. А. Сараджева. Армяно-славянские лексико-семантические параллели (сравнительно-историческое исследование генетически общей лексики). Ереван: Изд-во АН АССР, 1986. [L. A. Saradzheva. Armiano-slavianskie leksiko-semanticheskije paralleli (sravnitel'no-istoricheskoe isledovanie geneticheskii obshchei leksiki) [Armenian-Slavic semantic parallels (comparative historical studies of the inherited common lexicon)]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1986].
- Scheftelowitz 1905 — J. Scheftelowitz. Zur altarmenischen lautgeschichte (Fortsetzung) // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen 29, 1905. 13–71.
- Schindler 1966 — J. Schindler. Hethitisch *lišši* “Leber” // Die Sprache 12/1, 1966. P. 77–78.

- G. Schmidt 1973 — G. Schmidt. Die iranischen Wörter für “Tochter” und “Vater” und die Reflexe des interkonsonantischen *H* (ə) in den idg. Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 87/1. P. 36–83.
- K. H. Schmidt 1980a — K. H. Schmidt. Altarmenische Miszellen // Annual of Armenian Linguistics 1, 1980. P. 1–5.
- K. H. Schmidt 1980b — K. H. Schmidt. Armenian and Indo-European // Greppin (ed.) 1980: 35–58.
- K. H. Schmidt 1985 — K. H. Schmidt. Die indogermanischen Grundlagen des altarmenischen Verbums // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 98/2, 1985. P. 214–237.
- Schmitt 1972 — R. Schmitt. Die Erforschung des Klassisch-Armenischen seit Meillet (1936) // Kratylos 17, 1972. P. 1–68.
- Schmitt 1981 — R. Schmitt. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1981. (2., durchgesehene Auflage. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 2007.)
- Schrijver 1999 — P. Schrijver. Griechisch ᾔδῃ ‘wußte’ // Historische Sprachforschung 112/2, 1999. P. 264–272.
- Schwyzler 1939 — E. Schwyzler. Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. Erster Band: Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung, Flexion. München: Beck, 1939.
- Solta 1963 — G. R. Solta. Die armenische Sprache // B. Spuler (ed.), Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung: Der nahe und der mittlere Osten. Siebenter Band: Armenisch und kaukasische Sprachen. Leiden — Köln: Brill, 1963. P. 80–128.
- Solta 1974 — G. R. Solta. Zum Problem labialer Wurzelerweiterungen, bzw. labialer Suffixe in den indogermanischen Sprachen // Indogermanische Forschungen 79, 1974. P. 92–151.
- Solta 1984 — G. R. Solta. Review of Klingenschmitt 1982 // Kratylos 29, 1984. P. 59–74.
- Solta 1987 — G. R. Solta. Einige Bemerkungen zu den sigmatischen Formen im Altarmenischen // Handes Amsorya 101, 1987. P. 629–638.
- Solta 1990 — G. R. Solta. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Ein Überblick // E. M. Ruprechtsberger (ed.). Armenien: Frühzeit bis 1. Jahrtausend. Sprache, Kunst und Geschichte. Linz: Stadtmuseum Linz, 1990. P. 7–18.
- Sowa 2006 — W. Sowa. Greckie ἀρχήν, ἀμφὴν i ormiańskie awjik’ // A. Krasnowolska, K. Maciuszak, B. Mękarska (eds.). In the Orient Where the Gracious Light... Satura Orientalis in honorem Andrzej Pisowicz. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2006. P. 173–177.

- Stang 1942 — Ch. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo: Dybwad, 1942.
- Stempel 1983 — R. Stempel. Die infiniten Verbalformen des Armenischen. Frankfurt am Main — Bern — New York: Peter Lang, 1983.
- Stempel 1990 — R. Stempel. Die Entwicklung von auslautendem **m* und das Problem sekundärer *n*-Stämme im Armenischen // Indogermanische Forschungen 95, 1990. P. 38–62.
- Szemerényi 1960 — O. Szemerényi. Studies in the Indo-European System of Numerals. Heidelberg: Winter, 1960.
- Szemerényi 1966 — O. Szemerényi. Iranica II // Die Sprache 12, 1966. P. 190–226. (Reprinted in Szemerényi 1991: 1855–1891.)
- Szemerényi 1991 — O. Szemerényi. Scripta Minora: Selected Essays in Indo-European, Greek, and Latin. Volume IV: Indo-European Languages Other than Latin and Greek. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1991.
- Thumb 1910 — A. Thumb. Handbuch der neugriechischen Volkssprache. Grammatik, Texte, Glossar. Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage. Straßburg: Trübner, 1910.
- Thumb 1964 — A. Thumb. A Handbook of the Modern Greek Language. Grammar, Texts, Glossary. Tr. from the second improved and enlarged German edition by S. Angus. Chicago: Argonaut, 1964.
- Trubetzkoy 1926 — N. Trubetzkoy. Gedanken über den lateinischen *a*-Konjunktiv // Festschrift für Universitäts-Professor Hofrat Dr. Paul Kretschmer: Beiträge zur griechischen und lateinischen Sprachforschung. Wien — Leipzig — New York: Deutscher Verlag für Jugend und Volk, 1926. P. 267–274.
- Vaillant 1966 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Tome III: Le verbe. Paris: Klincksieck, 1966.
- Viredaz 2000 — R. Viredaz. *k'erb, jerb, χερσί* // Historische Sprachforschung 113, 2000. P. 290–307.
- Viredaz 2001–2002 — R. Viredaz. Contractions et place de l'accent en ancien arménien // Revue des Études Arméniennes, nouvelle série 28, 2001–2002. P. 1–11.
- Viredaz 2003 — R. Viredaz. The Great Armenian Puzzle is not thorny // Annual of Armenian Linguistics 22–23, 2003. P. 59–81.
- Viredaz 2004–2005 — R. Viredaz. Notes on Armenian historical phonology I // Annual of Armenian Linguistics 24–25, 2004–2005. P. 85–103.
- Viredaz 2005–2007 — R. Viredaz. Notes d'étymologie arménienne I // Revue des Études Arméniennes, nouvelle série 30, 2005–2007. P. 1–14.
- Viredaz 2008 — R. Viredaz. *erêc'*: deux problèmes de phonétique historique // Paper read at the 11e Conférence Générale de l'Association

- Internationale des Études Arméniennes, Paris, 9–12 September 2008. (<http://aiea2008paris.free.fr/papers/Viredaz.pdf>)
- Viredaz 2015 — R. Viredaz. Les désinences arméniennes de prétérit singulier actif // Handout of the paper presented at the Armenian Aorist Workshop, St. Petersburg, 14 May 2015.
- Watkins 1969 — C. Watkins. *Indogermanische Grammatik*. Band III, Teil 1: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg: Winter, 1969.
- Watkins 1973 — C. Watkins. Hittite and Indo-European studies: the denominative statives in *-ē-* // *Transactions of the Philological Society*, 1971. Oxford, Blackwell, 1973. P. 51–93.
- Weiss 2011 — M. Weiss. *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Second, corrected printing. Ann Arbor: Beech Stave, 2011.
- Weitenberg 1982 — J. J. S. Weitenberg. Remarks on the pronominal genitive in Classical Armenian // *Revue des Études Arméniennes*, nouvelle série 17, 1982. P. 113–121.
- Winter 1962 — W. Winter. Problems of Armenian phonology III // *Language* 38/3/1. P. 254–262. (Reprinted in Winter 2005: II, 554–562.)
- Winter 1966 — W. Winter. Traces of early dialectal diversity in Old Armenian // H. Birnbaum, J. Puhvel (eds.). *Ancient Indo-European Dialects*. Berkeley — Los Angeles: University of California Press, 1966. P. 201–211. (Reprinted in Winter 2005: II, 579–589.)
- Winter 1975 — W. Winter. Die Personalendungen des Imperfekts und Aorists im Armenischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 89/1, 1975. P. 110–122.
- Winter 2005 — O. Hackstein (ed.). Werner Winter. *Kleine Schriften — Selected Writings*. Festgabe aus Anlass des 80. Geburtstags. 2 Bände. Bremen: Hempen, 2005.
- Woodhouse 2015 — R. Woodhouse. Some observations on the putative dual reflexes of PIE **CRHC* in Greek and Armenian, Francis’ Law and Greek *αἰχμήν* ‘neck, etc.’ // *Studia Etymologica Cracoviensia* 20, 2015. P. 257–272.

P. A. Kocharov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg

**A NOTE ON THE ORIGIN OF THE OLD ARMENIAN
MEDIOPASSIVE ENDINGS¹**

1. Introduction

In Old Armenian, a series of mediopassive endings marks intransitive uses of verbs in the aorist indicative, aorist subjunctive, and imperative (e.g. aor. mp. *ber-ay* intr. ‘I was carried’ next to aor. act. *ber-i* tr. ‘I carried’), except for a few verbs that take the medioapssive endings in transitive contexts (e.g. *zgec* ‘-ay tr. ‘I put on’); see Table 1.

Table 1. The Old Armenian mediopassive inflections

Aorist indicative:	1 sg. -ay	2 sg. -ar	3 sg. -aw
	1 pl. -ak‘	2 pl. -ayk‘	3 pl. -an
Aorist subjunctive:	1 sg. -ayc‘	2 sg. -c‘is	3 sg. -c‘i
	1 pl. -c‘uk‘	2 pl. -jik‘	3 pl. -c‘in
Imperative:		2 sg. -Ø, -ir	
		2 pl. -aruk‘	

When compared to the aorist indicative active endings and the imperfect endings (labile), the aorist indicative mediopassive endings demonstrate a characteristic vowel -a-.

Table 2. The aorist and imperfect indicative endings

	Aor. act.	Aor. mp.	Imperf.
1 sg.	-i	-a[-]y	-i
2 sg.	-e[-]r	-a[-]r	-i[-]r
3 sg.	-Ø	-a[-]w	-yr
1 pl.	-ak‘	-ak‘	-ak‘
2 pl.	-êk‘ (*-e[-]yk‘)	-a[-]yk‘	-ik‘ (*-i[-]yk‘)
3 pl.	-in (*-e[-]n)	-a[-]n	-i[-]n

¹ The research has been supported by grant no. 17-04-00228 from the Russian Humanitarian Scientific Foundation.

The above-mentioned endings underwent much of analogical remaking, cf. the 1 pl. *-ak'* in all three paradigms. Yet, it is tempting to reconstruct the three-fold opposition of thematic vowels in the preterite most clearly seen in the 2 sg., 2 pl. (before PArm. **ei* > Arm. *ê*), and 3 pl. (before PArm. **e* > Arm. *i* in front of a nasal): aor. ind. act. **-e-*, aor. ind. mp. **-a-*, and imperf. lab. **-i-*. These thematic vowels occupy the same slot in the word template as thematic vowels of the present indicative tense (see Table 3).

Table 3. The present indicative endings of the *e-*, *a-*, and *i-*conjugations

	Pres. act.	Pres. lab.	Pres. mp.
1 sg.	<i>-e[-]m</i>	<i>-a[-]m</i>	<i>-i[-]m</i>
2 sg.	<i>-e[-]s</i>	<i>-a[-]s</i>	<i>-i[-]s</i>
3 sg.	<i>-ê (*-e[-]y)</i>	<i>-a[-]y</i>	<i>-i (*-i[-]y)</i>
1 pl.	<i>-e[-]mk'</i>	<i>-a[-]mk'</i>	<i>-i[-]mk'</i>
2 pl.	<i>-êk' (*-e[-]yk')</i>	<i>-a[-]yk'</i>	<i>-ik' (*-i[-]yk')</i>
3 pl.	<i>-e[-]n</i>	<i>-a[-]n</i>	<i>-i[-]n</i>

Scholars commonly agree that the thematic vowels of the present indicative tense continue the PIE verbal suffixes. In particular, the thematic vowel *-i-* of the marked mediopassive conjugation is derived, according to different views, from PIE **-eh₁-* or **-ie/o-* (see [Martirosyan prep. § 503.1] with further references). However, views diverge on whether the vowels of the preterite endings originated in the PIE suffixes or endings. In particular, the vowel *-a-* of the aorist indicative mediopassive endings, together with the 2 pl. mp. ipv. *-aruk'* (based on the 2 sg. mp. aor. ind. *-ar*) and the 1 sg. mp. aor. subj. *-ayc'* (based on the 1 sg. mp. aor. ind. *-ay*), can be explained as originating in root aorists from roots ending with a laryngeal (2.1), the PIE aorist endings (2.2), or the PIE suffix **-eh₂-* (2.3). In what follows, I will review these formal possibilities.

2. Hypothetical sources of Arm. mp. *-a-*

2.1. Athematic root aorist stems ending in laryngeals

The thematic vowel *-a-* of the mediopassive endings could theoretically result from the reanalysis of the morphemic boundary between the root and inflection in the Proto-Armenian mediopassive aorist forms that were derived from athematic root stems in a laryn-

geal. This hypothesis is supported by little evidence, in particular, by the mediopassive forms of Arm. *dnem* ‘put’, which can be derived from the respective forms of PIE **d^heh₁-* ‘put’: 3 sg. **h₁é-d^hh₁-to* > Arm. 3 sg. *edaw*; 3 pl. **h₁é-d^hh₁-nto* > Arm. 3 pl. *edan* [Klingenschmitt 1982: 9]². However, the reconstruction of the fore-mentioned 3 pl. form is dubious since it is not clear whether **h₁é-d^hh₁-nto* or **h₁é-d^hh₁-ento* would be correct³. If the genuine aor. mp. 3 pl. athematic ending was **-ento*, the etymological PArm. aor. mp. 3 pl. **-an* is expected only in root aorist stems ending with **h₂*, cf. the explanation of Gk. aor. act. 3 pl. *-av* as an outcome of **-h₂-ent*, e.g. in *ἔβαν* from PIE **h₁e-g^wh₂-ent* [Sihler 1995: 469]. However, I am not aware of such inherited verbs in Old Armenian⁴. The case of *dnem* evokes further concerns: the relation of the stem final act. sg. **-ē-* (PIE *d^heh₁-* > PArm. **dē-*) vs. act. pl. and mp. sg., pl. **-a-* (**d^hh₁-* > PArm. **da-*) should have been parallel in the present and aorist forms

² The vocalization of a laryngeal is expected in **-THT-* (T — any obstruent or fricative). The development of **-RHT-* (R — any resonant) is more controversial in view of PIE **(h₂)uelh₁-men-* > Arm. *gelmn* ‘wool’, PIE **h₂enHt-ih₂-* > Arm. *dr-and* ‘door frame’, etc. (cf. [EDAIL: 74, 204]). Such examples speak against other oft cited laryngeal sources of the mp. *-a-* like PIE **génh₁-to*, which perhaps would have yielded Arm. **cind* and not *cnaw* or **cinaw*. See [Kocharov 2018] with further references.

³ The amphikinetic ablaut paradigm is commonly reconstructed for the active voice of the root aorist: aor. 3 sg. **h₁é-g^wem-t* and 3 pl. **h₁é-g^wm-ent*, cf. [Meier-Brügger 2000: 161; Tichy 2006]. A different ablaut grade is reconstructed for mp. 3 pl. on the basis of the Indo-Iranian evidence: PIE **h₁é-g^wm-nto* > Skt. *á-gm-ata* [Gōto 2013: 109]. The Sanskrit injunctive mp. 3 pl. in *-anta* (cf. Skt. *gm-anta*) may be an Indic innovation and not a trace of PIE **-ento*, as suggested by OAv. *vī-šii-ātā* ‘they distinguished’ [*Ibid.*: 90]. However, the opposite view is still widely spread in the scholarship (see [Harðarson 1993: 50f.]), according to which the PIE root aorist followed the amphikinetic pattern in both voices and originally had the mp. 3 pl. **-ento*. Whithin this view, the regular Indo-Iranian outcome **-anta* was preserved in the injunctive and analogically replaced in the indicative by **-ata* from PIE **-nto* in acrostatic root aorists or suffixed aorist stems (e.g. PIE **génh₁-* ‘give birth’ → aor. mp. 3 pl. **h₁e-génh₁-nto*, see § 2.2).

⁴ Neither is there evidence for the thematic aorists, derived from roots ending in **h₂*, which could, in theory, become the source of aor. mp. *-a-*.

of this athematic verb. The analogical spread of the aor. mp. **-a-* would be motivated if (1) its source was limited to the singular forms (with no contrast in the laryngeal vocalization between the singular and plural forms of the aorist indicative), and (2) the spread took place after the replacement of the reduplicated present stem PArm. **d^(h)e-d^(h)ē-* (cf. Gk. *τίθημι*, Skt. *dádhāti*; LIV²: 136–138) by PArm. **d^(h)ē-ne-* (Arm. *dne-*), which would isolate the contrast act. **-ē-* vs. mp. **-a-* in the singular forms of the root aorist. One wonders how this chronology correlates with the vocalization of syllabic resonants in **-pto*, see § 2.2.

Finally, although Arm. *dnem* is a frequent verb, its mediopassive forms, expressing the passive diathesis of the basically agentive transitive verb (act. ‘place (smth.)’ → pass. ‘be placed by smb.’), seem to be an insufficient source of a productive marker of the passive, reflexive, and anticausative diatheses. I could find no clear parallel for the development of the generic intransitivizing marker, that would cover the reflexive, anticausative, and passive meanings, on the basis of the older passive marker (see [Haspelmath 1987: 37–39] with a similar negative statement). Therefore, a more substantial source must be identified for the mediopassive *-a-*.

2.2. The PIE endings

The aor. mp. *-a-* is often considered a result of analogical spread of PArm. **-a-*, which developed in some of the inherited aorist endings due to the regular vocalization of syllabic resonants (see [Sihler 1995: 458–470; Fortson 2004: 85f.; Beekes 2011: 263f., 268–270] on the reconstruction of the PIE endings discussed below).

Before the Proto-Armenian apocope, there seems to be no sufficient material for the grammaticalization of **-a-* from endings, because PIE vocalized resonants must have yielded the rise of **-a-* in parallel forms (1 sg. and 3 pl.) of the active and mediopassive voices (cf. [Viredaz 2003] on the vocalization of the word final syllabic resonants); see Table 4 below.

Table 4. The present indicative of the *e*-, *a*-, and *i*-conjugations

The aorist indicative active		The aorist indicative mediopassive	
PIE	PArm.	PIE	PArm.
1 sg. <i>*-m̃</i>	<i>*-an</i>	<i>*-h₂(e)⁵</i> , <i>*-m̃h₂</i>	<i>*-a</i> , <i>*-an</i>
2 sg. <i>*-s</i>		<i>*-th₂e</i>	
3 sg. <i>*-t</i>		<i>*-to</i>	
1 pl. <i>*-me-</i>		<i>*-med^hh₂</i>	
2 pl. <i>*-te-</i>		<i>*-d^hwe</i>	
3 pl. <i>*-nt</i> (<i>*-ent</i>)	<i>*-an</i> (<i>*-in</i>)	<i>*-nto</i>	<i>*-anto</i>

After the apocope, the aor. mp. 3 pl. would remain the only ending with **-a-*, thus providing material for the grammaticalization of **-a-* as a marker of the mediopassive voice. This possibility, evoked as early as [Kieckers 1915] has become widespread in the present-day scholarship ([Klingenschmitt 1982: 9; Olsen 2017: 443; Martirosyan prep. § M 507.2c; Viredaz, § 13.2, this volume]). Leaving aside the issue of validity of 3 pl. form as a source of the paradigmatic analogy and the lack of typological parallels for such analogical expansion [Schmidt 1990: 41], we will now turn to the question of the morphological types of the aorist, in which **-nto* would be an expected allomorph.

As noticed in fn. 2, the reconstruction of the athematic mediopassive ending **-nto* is insecure in the amphikinetic root aorists where **-ento* might have been the correct form. However, PIE **-nto* can be plausibly reconstructed for other morphological types that had a tonic stem in the mediopassive plural forms. Such are the reduplicative and root (acrostatic) imperfects and aorists, as well as sigmatic aorists, e.g. PIE imperf. mp. 3 pl. **h₁e-d^he-d^hh₁-nto* > Skt. *adadhata* ‘they were being put’, **h₁e-h₁e-h₁s-nto* > Skt. *āsata* and Gk. *ἤατο* ‘they were sitting’. The acrostatic root and sigmatic aorists were perhaps marginal types in the core PIE (see [Harðarson 1993;

⁵ See [Harðarson 1993: 51] on the early replacement of the PIE aor. mp. 1 sg. **-mo* by the perf. 1 sg. **-h₂e*. The ending **-mh₂* is reconstructed in [Beekes 2011: 269] for the proto-form of Gk. pres. mp. 1 sg. **-mai*, aor. mp. 1 sg. **-mām*, as a replacement of the older **-h₂* corroborated by Skt. *-i*. If **-mh₂* developed in the common source of Greek and Armenian, its expected Proto-Armenian outcome would be **-an*.

Drinka 1995; Kümmel 1998] among others), and one may doubt their productivity in early Proto-Armenian (before **ṛ* > **aR*). Additional research is required to prove that there was a functional link between these morphological types of the aorist to the mediopassive voice, which could be responsible for the rise of the productive Old Armenian mediopassive marker *-a-* out of the 3 pl. form.

It should be pointed out that the Greek 3 pl. *-ato* is attested in very few indicative forms⁶ but is regular in the optative, perfect, and pluperfect [Rix 1976: 248; Sihler 1995: 480]. This peculiarity opens a possibility to derive the Old Armenian mediopassive voice *-a-* from the perfect tense forms (predominantly intransitive) and not the aorist. This scenario would make sense only if (1) there were mediopassive forms of the perfect at the earliest stages of Proto-Armenian; and (2) the elimination of the perfect and its merger with the aorist had not yet been over by the time of the Proto-Armenian apocope (e.g. when 3 pl. **-an* became a markedly mediopassive ending opposed to the 3 pl. active ending **-en* or **-in*).

A salient illustration of caveats related to attempts to justify **-nto* as the source of the spread of *-a-*, is provided by Arm. *cnanim* ‘be born’. Arm. *cnan* can be explained by a seemingly rather straightforward mediopassive acrostatic athematic root aorist form PIE mp. 3 pl. **h₁e-ǵenh₃-nto*. However, the existence of such verb, with a mediopassive athematic root aorist can be objected. PIE **ǵenh₁-* ‘come to being’ had the reduplicative present **ǵi-ǵenh₁-/*ǵi-ǵnh₁-* (Gk. γίγνομαι, Lat. *gignō*), and its punctive construal could be expressed by the perfect tense forms with the stem **ǵe-ǵonh₁-/*ǵe-ǵnh₁-* (Gk. γέγονα, Skt. *jajāna*) and the resultative meaning ‘be born’. Altogether, the aorist stem with the full grade is attested in Gk. *ἔγενετο* and Arm. *cinaw*, both mediopassive. It is not clear whether the Greco-Armenian corresponddence reflects the dialectal PIE athematic or thematic stem⁷; one may tentatively assume a change from PIE **h₁e-*

⁶ The athematic mp. 3 pl. could be analogically adjusted to the 3 sg., cf. imperf. mp. 3 pl. ἐτίθεντο (instead of *ἐτίθατο < **h₁e-d^hi-d^hh₁-nto*) next to 3 sg. ἐτίθετο < **h₁e-d^hi-d^hh₁-to*. This case demonstrates that the 3 pl. was not the source of paradigmatic leveling of the vocalism of the endings.

⁷ Toch. B *kantär* ‘come about’ is a hapax, found in a corrupted context, and is unreliable (see Peyrot 2013: 397f., 731).

ǵnh₁-to (acrokinetic athematic) to dialectal PIE **h₁e-ǵenh₁-to* or **h₁e-ǵenh₁-e-to* (acrostatic thematic), which occurred in the common source of the Greek and Armenian branches. Given that the underlying verb does not have a static meaning, there seems to be no sufficient reason to align the source of *ǵyeveto* with the acrostatic stative of the type Skt. *śáye* ‘lie’ < PIE **k₁ei-*.

In the mediopassive forms, the full-grade of the root is expected in the paradigm of the sigmatic aorist, thus, PIE aor. mp. 3 pl. **CeC-s-ŋto* > post-apocope PArm. **CeC^(s)-an*. This possibility may be illustrated by Arm. pres. *zgenum* ‘clothe oneself’, aor. *zgec’ay*, which must be derived from dialectal PIE pres. **ues-nu-* : aor. **ues-s-* act. ‘dress smb.’, mp. ‘dress oneself’. The expected mediopassive aorist form of this verb (the reflexive version of the underling derived ditransitive **n(e)u-*verb), would be **h₁e-ues-s-ŋto*, whence (with an analogical extension of *-c’-*) *z-gec’-an*. Likewise, aor. *meṛan* of *meṛanim* ‘die’ can be directly derived from PArm. **mer-s-ŋto*. Another possible example is Arm. pres. *ənt’ernum* ‘read (aloud)’, aor. *ənt’erc’ay*, if from PIE pres. **terK-nu-*, aor. **terK-s-* [Kocharov 2017]. The expected aor. mp. 3 pl. would be **h₁e-terK-s-ŋto* > **(e)t’erc’-an*, whence **ənd-t’erc’-an* > *ənt’erc’-an*. However, the traces of the sigmatic aorist are rather scanty (cf. *anic-anem* ‘curse’, *hec-anim* ‘mount’, etc.), and often controversial (cf. *aṛnum* ‘take’⁸, *suz-anim* ‘hide’, etc.; cf. Kortlandt, this volume). One of the most reliable verbs, *luc’-anem* ‘kindle’, aor. *luc’i*, from aor. **leuk-s-*, is a lexicalized causative and has no mediopassive forms, so that it can hardly be taken as the source of **-s-ŋto* > mp. **(s)an* → mp. *-a-*.

Perhaps, a more productive source of the post-apocope mp. 3 pl. **-an* were anticausatives in **-eh₁(-)-s-* commonly reconstructed as the source of the Old Armenian *i*-aorist, cf. dial. PIE **ǵnh₃-éh₁(-)-s-ŋto* > Arm. *canean* ‘they recognized’. Even if the **i*-aorist is an innovation in the paradigm of *čanač’em*, the source of such innovation was perhaps bound to the mediopassive voice and the atonic 3 pl. **-ŋto*.

⁸ In particular, the persistence of *-ř-* in aor. *aṛ-i* (*aṛ-num* ‘take’), as opposed to *-r-* in *yare-ay* (*yaṛ-nem* ‘rise’), does not prove its sigmatic origin, since *yare-ay* is not a root aorist and does not provide the same proportion for the analogical spread of the root shape as *aṛ-i*.

The only objection here is that the Old Armenian *i*-aorist can be alternatively derived from the stative-inchoative suffix **-eh₁-* (which could have turned into a resultative/perfect marker in the common source of Greek and Armenian, wherefrom the Greek passive aorist in *-η-*), in which case one would expect PIE **-eh₁-nto* > PArm. **-ēnto*.

2.3. The suffix **-eh₂-*

Meillet [1910–1911] pointed out that the *-a-* of the mediopassive endings goes back to a stem, which was originally not marked for the mediopassive voice, cf. aor. mp. *luay* tr. ‘hear’ next to pres. act. *lsem* and aor. subj. act. *luic’ē*. The best formal match is found in the Latin imperfects in *-ā-* and *-bā-* that go back to intransitive preterite stems in **-eh₂-* (*erāt* < Plt. **h₁es-eh₂-t*) and **b^huH-eh₂-* ‘was’ respectively (cf. Osc. 3 pl. *fufans*) [Meiser 1998: 197; Weiss 2009: 414]. This formation has long been compared to the Balto-Slavic preterites in **-ā-*, intransitive agentives in Greek, and Old Armenian aor. mp. *-a-*; cf. Lat. *cēlāre* intr. ‘to jump’, Gk. *πηδᾶν* intr. ‘jump’, Latv. *lēkāju* intr. ‘to jump about’ [Sihler 1995: 505], Arm. *mnam* intr. ‘remain’ < PArm. **mVn-eh₂-(ie/o-)* < PIE **men-* intr. ‘remain’ [LIV²: 437]⁹.

Despite the above-cited possibilities to explain mp. *-a-* starting from the PIE mediopassive endings, the derivation from PIE **eh₂-*

⁹ Meillet claimed that the PIE denominal **-e-ie-* and **-ā-ie-* (**-eh₂-ie-*) formations were generalized independently in separate Indo-European branches [Meillet 1977: 73–74]. Furthermore, Meillet noticed that, while the **-e-ie-* and **-ā-ie-* were used to derive inchoative and factitive denominal verbs respectively in the majority of branches, the situation is reverse in Old Armenian, where *e*-stems, from PArm. **-e-ie-*, characterize transitive verbs (e.g. *berem* tr. ‘carry’), while the *a*-stems, from PArm. **-ā-ie-*, are mostly found in intransitive verbs (e.g. *mnam* intr. ‘remain’). In fact, the situation may prove to be more complicated. In Greek, both primary and denominal verbs in *-aω* demonstrate a variety of syntactic properties including non-agentive intransitives, agentive intransitives, as well as ambitransitive verbs [Tucker 1990: 203–275]. Correspondences like Arm. *orsam* ambitr. ‘chase’ < PArm. **pork-ā-ye/o-* (cf. Arm. *ors* ‘chase’ < PArm. **pork-e/o-s*) next to Lat. *procāre* ambitr. ‘ask for (in marriage)’ < Plt. **prok-ā-ye/o-* (cf. Lat. *procus* ‘pretendent’ < Plt. **prok-o-*) [de Lamberterie 1994: 139, fn. 135] may be explained by the atelic Aktionsart rather than the argument structure of these verbs.

stems remains a valid option. This possibility has the advantage of being based on a productive morphological marker. In particular, it has the priority even over the solution based on **-eh₁(-)-s-ḡto > -ean*, since the suffix **-eh₂-* is not limited to the 3 pl. This type of stem was perhaps more productive in the Proto-Armenian verbal morphology than the acrostatic root and sigmatic aorists taken together. It is often associated with the imperfective morphology and intransitivity. Thus, many frequent primary verbs of the *a*-conjugation are agentive intransitives (*gam* intr. ‘come’, *gnam* intr. ‘go’, *ert’am* intr. ‘march’), while derived verbs of the *a*-conjugation include productive derivational model for anticausatives (*spitakanam* intr. ‘become white’). Given that the dial. PIE imperfect merged with the aorist in Proto-Armenian before the rise of the new imperfect, it is likely that at least some of the inherited imperfect forms in **-eh₂-* were retained by the preterite (the later aorist), cf.:

1 sg. act. <i>*-eh₂-m > *-ām</i>	mp. <i>*-eh₂-(m)h₂ > *-ā(m)</i>
2 sg. act. <i>*-eh₂-s > *-ās</i>	mp. <i>*-eh₂-so > *-āso</i>
3 sg. act. <i>*-eh₂-t *-āt</i>	mp. <i>*-eh₂-to > *-āto</i>

The lability of the present tense of the *a*-conjugation supports the hypothesis that the **-eh₂-* suffix was no longer associated with the transitivity morphology in Proto-Armenian. The fact, that the secondary aorists *gnac’i* (pres. *gnam* intr. ‘go’), *kac’i* (pres. *kam* intr. ‘stand’), aor. *mnac’i* (pres. *mnam* intr. ‘remain’) received the active voice while being intransitive must be explained as an idiosyncratic morphosyntactic feature of verbs of motion and position, which may well be archaic, cf. PIE **h₁ei-mi* ‘go’. Such verbs could contribute to the reanalysis of **-a-* as a marker of intransitivity before the apocope.

Following the apocope, the markedly mp. 2 sg. **-a(h)* and 3 sg. **-aw* would remain a readily available sources of analogical spread. It should be stressed that, unlike the 3 pl., the 3 sg. often becomes the source of analogy in a verbal paradigm (a generalization known as Watkins’s Law, cf. [Watkins 1962: 93 ff.]).

The argument, that **-eh₂-* cannot explain the stem forming *-a-* and the inflectional *-a-* at the same time in *-ac’ay*, is not valid, since it disregards the work of analogy. When reconstructed without a full account of analogy, aor. act. 3 sg. *-eac’* must be derived from **-e(ie)-eh₂-sk-et*, with at least two instantiations of the PIE thematic vowel **-e/o-*,

yielding a suffix and part of inflection at the same time. Once the *-a*-series of intransitive (mediopassive) endings had spread from the inherited **eh₂*-imperfects to the root aorists and the inherited **eh₂-s*-aorists were recharacterized by **-c'*-, there was enough room for the analogical formation of 3 sg. **-ac'* *-aw*.

3. Conclusions

The hypothesis that Old Armenian mediopassive *-a-* goes back to PIE aor. mp. 3 pl. **-ŋto* remains problematic given that traces of the acrostatic root, reduplicative, and sigmatic aorists left only residual traces in Old Armenian and the productivity of these types can be objected for Proto-Armenian.

In my opinion, the imperfect forms, derived from the verbal stems in **-eh₂-* or **-eh₂-ie/o-*, represent a more probable source for the grammaticalization of the mediopassive inflection. There is suggestive evidence that these stems were well established in the Proto-Armenian verbal system and that many of such stems had lexicalized intransitivity. Formally, they provide an impeccable source of mp. *-a-* across the preterite paradigm before the Proto-Armenian apocope and in the 3sg. following the apocope.

Bibliography

- Beekes 2011 — R. Beekes; revised and corrected by Michiel de Vaan. Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. 2nd ed. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Drinka 1995 — B. Drinka. The Sigmatic Aorist in Indo-European: Evidence for the Space-Time Hypothesis. Washington, DC: Institute for the Study of Man, 1995.
- Fortson 2004 — B. Fortson. Indo-European Language and Culture. An Introduction. Malden, MA: Blackwell, 2004.
- Gotō 2013 — T. Gotō. Old Indo-Aryan Morphology and its Indo-Iranian Background. In co-operation with J. S. Klein and V. Sadovski. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2013.
- Haspelmath 1987 — M. Haspelmath. Transitivity alternations of the anticausative type // Institut für Linguistik (Köln). Abteilung Allgemeine Sprachwissenschaft: Arbeitspapier; N.F., Nr. 5, 1987.
- Harðarson 1993 — J. Harðarson. Studien zum urindogermanischen Wurzelaorist und dessen Vertretung im Indoiranischen und Griechischen. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1993.

- Kieckers 1915 — E. Kieckers. Armenisches // Indogermanische Forschungen 35, 1915. P. 108–114.
- Klingenschmitt 1982 — G. Klingenschmitt. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden: Reichert, 1982.
- Kocharov 2017 — P. Kocharov. The etymology of Armenian *ənt'ernul* 'to read' // B. S. S. Hansen, A. Hyllested, A. R. Jørgensen, G. Kroonen, J. H. Larsson, B. N. Whitehead, Th. Olander, T. Søborg (eds.). *Usque ad Radices. Indo-European Studies in Honour of Birgit Anette Olsen*. Copenhagen: Museum Tusculanum, 2017. P. 401–413.
- Kocharov 2018 — P. Kocharov. A comment on the vocalization of word initial and medial laryngeals in Armenian // L. van Beek et al. (eds.), *Farnah: Indo-Iranian and Indo-European Studies in Honor of Sasha Lubotsky*. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2018: 123–136.
- Kümmel 1998 — M. Kümmel. Wurzelpresens neben Wurzelarist im Indogermanischen // *Historische Sprachforschung* 111, 1998. P. 191–208.
- Kuryłowicz 1964 — J. Kuryłowicz. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg: Winter, 1964.
- de Lamberterie 1994 — Ch. de Lamberterie. L'arménien // F. Bader (ed.). *Langues indo-européennes*. Paris: CNRS Editions, 1994. P. 137–164.
- LIV² — H. Rix et al. (eds.). *Lexikon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammgebildungen*. Unter Leitung von H. Rix und der Mitarbeit vieler anderer, bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Martirosyan prep. — H. Martirosyan. Armenian Historical Phonology and Morphology. In preparation.
- Meier-Brügger 2000 — M. Meier-Brügger. *Indogermanische Sprachwissenschaft*. 7 Aufl. Berlin — New York: de Gruyter, 2000.
- Meillet 1910–1911 — A. Meillet. *Emploi des formes personnelles des verbes* // *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 16, 1910–1911. P. 92–131.
- Meiser 1998 — G. Meiser. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.
- Olsen 2017 — B. A. Olsen. Armenian // M. Kapović (ed.). *The Indo-European Languages*. 2nd ed. London — New York: Routledge, 2017. P. 422–451.
- Peyrot 2013 — M. Peyrot. *The Tocharian Subjunctive. A Study in Syntax and Verbal Stem Formation*. Leiden, Boston: Brill, 2013.
- Rix 1976 — H. Rix. *Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976.

- Schmidt 1990 — K. H. Schmidt. The Indo-European basis of Proto-Armenian: Principles of reconstruction // *Annual of Armenian Linguistics* 11, 1990. P. 33–48.
- Sihler 1995 — A. Sihler. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York — Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Tichy 2006 — E. Tichy. *A Survey of Proto-Indo-European*. Bremen: Hempen, 2006.
- Tucker 1990 — E. Tucker. Tucker 1990 — E. Tucker. *The Creation of Morphological Regularity: Early Greek Verbs in -éō, -áō, -óō, -úō and -iō*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.
- Viredaz 2003 — R. Viredaz. Sur le traitement arménien des sonantes voyelles // A. Donabédian, A. Ouzounian (eds.). *Actes du Sixième Colloque international de Linguistique arménienne: INALCO, Académie des inscriptions et belles-lettres, 5–9 juillet 1999 (Slovo 26–27, 2001–2002)*, Paris: INALCO, 2003. P. 24–36.
- Watkins 1962 — C. Watkins. *Indo-European Origins of the Celtic Verb*. Dublin: Dublin Institute for Advances Studies, 1962.
- Weiss 2009 — M. Weiss. *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor — New York: Beech Stave Press, 2009.

F. Kortlandt

Leiden University

THE DEVELOPMENT OF THE SIGMATIC AORIST IN ARMENIAN

If sigmatic stems were productive in Proto-Armenian and they spread to the inherited root aorists, why so many root aorists remained intact? Here I will try to answer this question, which Petr Kocharov put before me. The essential point is that there were two periods of expansion of the sigmatic aorist, viz. before and after the loss of intervocalic $*h < *s$.

At an early stage, nasal infixation in present stems was productive in Armenian, as is especially clear from *əmpem* ‘drink’ < $*pimbe-$, where the nasal was infixed in the reduplication syllable, cf. Vedic *pība-*, Latin *bibō*. Nasal infixation explains the preservation of $*-s-$ in *lsem* ‘hear’ < $*klunse-$, which points to a sigmatic aorist *luay* < $*kleus-$ replacing the original root aorist reflected in Greek *ἐκλυνον* and Vedic *áśravam* (cf. [Kortlandt 2003: 80]). Another example of nasal infixation before $*-s-$ is found in *busanim* ‘grow’, aorist *busay*, which shows a conflation of the sigmatic aorist stem $*b^hous-$ < $*b^heH_3us-$ and the derived present stem $*b^huns-$, Greek *φύομαι* (cf. [Kortlandt 2003: 130]). It follows that the sigmatic aorist was productive before the rise of nasal infixation in these present stems.

It is difficult to establish the early distribution of the sigmatic aorist because intervocalic $*-h-$ from $*-s-$ was lost before the rise of new $*h < *p$ at stage 12 of my chronology (*ibid.*, p. 29) and final syllables were lost as a result of the apocope at stage 16 (*ibid.*, p. 31). The latter development affected stem-final vowels before nonsyllabic endings, in particular 2 sg. $*-s$ and 3 sg. $*-t$, but also 1 sg. $*-m$ and 3 pl. $*-nt$ because these had not yet been syllabified when $*h < *s$ was lost (cf. stage 14 of *ibid.*, pp. 30, 35). The problem did not arise in the middle paradigm, where all endings were syllabic. The thematic 1 sg. endings $*-ō$ and $*-om$ had merged into $*-u$ before the loss of intervocalic $*h < *s$ (*ibid.*, p. 29) and I assume that this ending spread to the athematic aorist before the apocope (*ibid.*, p. 36) while the 2 sg.

form adopted the middle ending **-ro* (*ibid.*, p. 37). This leads us to the following reconstruction of the aorists *eki* ‘came’ and *edi* ‘put’:

- 1 sg. *eki* < **ekiu* < **eg^wem-om*
- 2 sg. *ekir* < **ekiro* < **eg^wem-ro*
- 3 sg. *ekn* < **ekin* < **eg^wem-t*
- 1 pl. *ekak*‘ < **ekamuh* < **eg^wm-mom-s*
- 2 pl. *ekik*‘ < **ekiyeh* < **eg^wem-te-s*
- 3 pl. *ekin* < **ekiin* < **eg^wem-ent*

- 1 sg. *edi* < **ediu* < **ed^hē-om*
- 2 sg. *edir* < **ediro* < **ed^hē-ro*
- 3 sg. *ed* < **edi* < **ed^hē-t*
- 1 pl. *edak*‘ < **edamuh* < **ed^hh₁-mom-s*
- 2 pl. *edik*‘ < **ediyeh* < **ed^hē-te-s*
- 3 pl. *edin* < **ediin* < **ed^hē-ent*

Note that **m* was lost before **u* in the 1 pl. ending **-mu* < **-mom* replacing **-mo* (cf. *ibid.*, pp. 35, 49]). The preservation of the zero grade in the 1 pl. form prevented the merger with the 2 pl. ending *-ik*‘ after the apocope, while its replacement by the full grade root vowel in both 1 pl. **etak*‘ and 2 pl. **etayk*‘ yielded *tuak*‘ and *etuk*‘ ‘gave’.

Armenian presents in *-em* and *-am* continue Indo-European thematic stems in **-e/o-*, **-eie/o-* and **-āie/o-*, e.g. *acem* ‘bring’, *berem* ‘carry’, *lizem* ‘lick’, Greek *ἄγω*, *φέρω*, *λείγω*, *gorcem* ‘work’ < **uorǵeie-*, *orogem* ‘irrigate’ < **sroueie-*, *orsam* ‘hunt’ < **porkāie-*, *eṛam* ‘boil’ < **ersāie-*, Latin *errāre* (cf. [Godel 1975: 123]), also *goč’em* ‘call’ < **uok^wie-*, *ĵnĵem* ‘wipe’ < **g^{wh}enie-*, Greek *θείνω*. Armenian presents in *-im* reflect Indo-European athematic *i*-presents such as Latin *capiō* ‘take’, *orior* ‘arise’, *morior* ‘die’, *reminīscor* ‘remember’, Old Irish *gaibim* ‘take’, *do-moiniur* ‘think’, Greek *μαίνομαι* ‘rage’, aor. *ἐμάνην*, Vedic *mányate* ‘thinks’, *mriyáte* ‘dies’ (cf. [Meillet 1936: 107f.; Kortlandt 2007: 134–137]). The *ē*-aorist of these verbs supplied the Armenian paradigm in *-eay* < **-ēs-*, e.g. *yareay* ‘rose’, *caneay* ‘knew’, pointing to an early expansion of the sigmatic aorist. Other instances of an early sigmatic aorist are *erduay* ‘swore’ < **d^hreus-* (cf. [Pedersen 1906: 355]) like *luay* ‘heard’ < **kleus-* and *elē* ‘became’ < **ekleis-*, Vedic *ásret* < **ekleit* (cf. [Kortlandt 2003: 80]).

The paradigm of *elē* can be reconstructed as follows:

- 1 sg. *elē* < **lei-u* < **leis-om*
- 2 sg. *eler* < **lei-ro* < **leis-ro*
- 3 sg. *elew* < **lei-w* < **leis-to*
- 1 pl. *eleak* < **ele(i)amuh* < **leis-mom-s*
- 2 pl. *elēk* < **ele(i)yeh* < **leis-te-s*
- 3 pl. *elen* < **ele(i)an* < **leis-nt*

The velar *-l-* developed from word-final **-l* after the apocope. It follows that the middle ending *-w* < **-to* (cf. *ibid.*, p. 37) had not yet been added at that stage. When intervocalic **-i-* was lost after the loss of **s* and the syllabification (my stage 14) and merger of the original zero grade endings **-m* and **-nt* into **-an*, it was evidently restored in the 1 sg. form before the addition of the new ending **-u* < **-om*, which took place before the apocope (my stage 16, cf. *ibid.*, p. 31). The paradigm cannot directly continue the original root aorist attested in Vedic because this would not explain the *e*-vocalism: we would rather expect *i*-vocalism, as in the other root aorists and in the imperfect. Moreover, the addition of *-w* < **-to* in the 3 sg. form points to a sigmatic aorist because it appears that all verbs with a vocalic stem adopted the middle endings in the sigmatic aorist. This development was motivated by the apocope of the final syllable in the singular, as in **el* < **ekleist*, the syllabification and merger of the 1 sg. and 3 pl. endings **-m* and **-nt* into **-an*, and the vocalization of the laryngeals as *-a-* in *sef*-roots. I therefore withdraw my earlier view (*ibid.*, pp. 79–82, 114f.) that there were sigmatic forms in the paradigms of *edi* ‘put’, *etu* ‘gave’, *aṛi* ‘took’ and *jeṛay* ‘got warm’. The stem-final consonant of the latter two verbs can easily have been taken from the nasal presents.

After consonantal stems, the **-s-* of the sigmatic aorist was preserved and merged with the preceding consonant, mostly into a dental affricate (cf. [Pedersen 1905: 206, 1906: 423–427; Kortlandt 2003: 80, 115], e.g. *anicanem* ‘curse’ (Gr. *ὀνειδος*), *xacanem* ‘bite’ (Ved. *khāda-*), *hecanim* ‘mount’ (Gr. *ἔζομαι*), *mucanem* ‘introduce’ (cf. *mtanem* ‘enter’), *eluzanem* ‘extract’ (Gr. *ἐλέβσομαι*), *suzanem* ‘plunge’ (Gr. *κεῖθω*), *heljanem* ‘suffocate’ (cf. *xeld*), *anc’anem* ‘pass’ (Gr. *ἄντομαι*), *luc’anem* ‘light’ (cf. *loys*), *lucanem* ‘untie’ (Goth. *-lūkan*), *ənkluzanem* ‘submerge’ (cf. *ənklnum*), *korusanem* ‘lose’ (cf.

kornč'im), also *meṛanim* 'die', aor. *meṛay* < *-rs-, *stelcanem* 'create', 3 sg. *estelc* < *-ls- (Gr. *στέλλω*), with loss of *-l- in *ənkenum* 'throw', *ənkec'i*, *ənkec'* (Gr. *βάλλω*, cf. *ibid.*, p. 81, n. 1). The new sigmatic aorist marker -c'- subsequently spread to vocalic stems, e.g. *lc'i* 'filled', *kec'i* 'lived', *atec'i* 'hated', *luac'i* 'washed', perfects *gitac'i* 'knew', *asac'i* 'said', and eventually to thematic verbs, e.g. *lizec'i* 'licked', *gorcec'i* 'worked', *mnac'i* 'remained', *yusac'ay* 'hoped'. The same development took place in Greek, e.g. *ἔσχισα* 'split' < *-ds-, also *ἔσχισσα*, Doric *καθίζας* 'seated', 3 sg. *ἔπαιζε* 'played' with -ξ- for -σ- (cf. [Chantraine 1967: 180]).

Original root aorists were preserved in *eki* 'came', *edi* 'put', *etu* 'gave', *keray* 'ate', *arbi* 'drank', *č'ogay* 'went', *kalay* 'got' (cf. [Pedersen 1905: 203]), which have suppletive presents, and in *ari* 'took', *barji* 'lifted', *darjay* 'turned', *ankay* 'fell', probably thematized in *lk'i* 'left', *gti* 'found', with reduplication in *arari* 'made', like Gr. *ἔλιπον*, *εἶδον*, *ἤραρον*. Thematic aorists from original imperfects are represented in *harc'i* 'asked' < **prk'-ske-*, *aci* 'brought', *beri* 'carried', *nstay* 'sat down', *lizi* 'licked' beside more recent *lizec'i*. In the case of *harkanem* 'strike', aor. *hari*, I assume that the sigmatic aorist marker -c'- was suppressed in order to avoid homonymy with the verb *harc'anem* 'ask', aor. *harc'i* [Kortlandt 2003: 116].

Bibliography

- Chantraine 1967 — P. Chantraine. *Morphologie historique du grec*. Paris: Klincksieck, 1967.
- Godel 1975 — R. Godel. *An Introduction to the Study of Classical Armenian*. Wiesbaden: Reichert, 1975.
- Kortlandt 2003 — F. Kortlandt. *Armeniaca. Comparative Notes*. With an appendix on the historical phonology of Classical Armenian by Robert S. P. Beekes. Ann Arbor: Caravan Books, 2003.
- Kortlandt 2007 — F. Kortlandt. *Italo-Celtic origins and prehistoric development of the Irish language*. Amsterdam: Rodopi, 2007.
- Meillet 1936 — A. Meillet. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2 éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitaristes, 1936.
- Pedersen 1905 — H. Pedersen. *Zur armenischen sprachgeschichte // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 38/2. P. 194–240.
- Pedersen 1906 — H. Pedersen. *Armenisch und die nachbarsprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 39, 1906. P. 334–485.

H. Martirosyan

Leiden University

THE DEVELOPMENT OF THE CLASSICAL ARMENIAN AORIST IN MODERN DIALECTS

This paper aims to present a sketch on the development of the Classical Armenian aorist in the dialects with particular attention on Hamšen, Aramo, and other peripheral dialects, as well as some related issues, such as the aorist augment *e-* and the vowel *-a-* of the first person plural endings in the aorist and imperfect paradigms¹.

1. Classical Armenian aorist

The active endings are: *-i*, *-er*, zero, *-ak'*, *-ē/ik'*, *-in*; 3 sg. augment *e-* when the stem is monosyllabic.

Table 1. The aorist paradigms of Classical Armenian

	<i>lam</i> 'to weep, cry'	<i>berem</i> 'to bring'	<i>sirem</i> 'to love'	<i>t'olum</i> 'to let, leave'
1 sg.	<i>lac'i</i>	<i>beri</i>	<i>sirec'i</i>	<i>t'oli</i>
2 sg.	<i>lac'er</i>	<i>berer</i>	<i>sirec'er</i>	<i>t'oter</i>
3 sg.	<i>e-lac'</i>	<i>e-ber</i>	<i>sireac'</i>	<i>e-t'oł</i>
1 pl.	<i>lac'ak'</i>	<i>berak'</i>	<i>sirec'ak'</i>	<i>t'ołak'</i>
2 pl.	<i>lac'ē/ik'</i>	<i>berēk'/ik'</i>	<i>sirec'ē/ik'</i>	<i>t'ołē/ik'</i>
3 pl.	<i>lac'in</i>	<i>berin</i>	<i>sirec'in</i>	<i>t'ołin</i>

2. Spread of *e-*

In a number of inscriptions one observes a spread of *e-*: 3 pl. *e-t'olin* (Vayoc' Jor, the village of T'erp', 1264 CE) instead of *t'olin* (CARm. *t'olum* 'to let, leave', cf. 3 sg. *e-t'oł*); 3 pl. *e-barj-in* in Ani instead of *barjin* (CARm. *bařnam* < **barj-nam* 'to lift, raise', cf. 3 sg. *e-barj*), etc. This is observable even in *c'*-forms the corresponding Classical paradigms of which never had an *e-*. Here are examples from

¹ I am greatly indebted to Kate Bellamy for checking my English. I am also indebted to Rémy Viredaz, Nikolai Kazansky, and Petr Kocharov for making a few corrections.

the Lori and Tavuš regions, the 13th century: *ē-gnec* 'I bought' (Sanahin and Enok'avan); *e/ē-grec* 'they wrote' (Ōjun and Makaravank'). One also finds examples that combine the Middle Armenian forms with Classical ones, such as *e-tui* (vs. CArm. *etu* and MArm. *tu-i*), the 1 sg.aor. of *tam* 'to give' (Ani, Makaravank', etc.; the 11th century onwards); cf. 1 pl. *e-tua(n)k* vs. CArm. and MArm. *tuak* '.

S. Avagyan [1986: 134–142] discusses the material and concludes that the vowel *e-* of these forms is due to insufficient grammar skills of the authors of these inscriptions. However, there is dialectal evidence pointing to the fact that at least in some cases we may be dealing with really existent forms. In § 6, the examples of *etui* and *etuak* ' will be discussed in greater detail.

3. First person plural imperfect

The Classical Armenian 1 pl. imperfect ending is characterized by the presence of a vowel *-a-*; thus, for example, in the *e*-conjugation we have the following set of endings: *-ēi*, *-ēir*, *-ēr*, *-ēak* ' , *-ēik* ' , *-ēin*. In Modern Armenian and most of dialects, this *-a-* has been analogically eliminated, but some dialects have preserved it intact. In the Tables 2–3, I present the Classical imperfect paradigm of the verb *utem* 'to eat' and its corresponding tense forms (imperfect or past subjunctive) in the dialects of Akn [Ačaryan 1911: 223] (cf. *ibid.*, p. 227 on Sebastia), Hamšen [Ačaryan 1947: 136, 139], and SEA. I also include two paradigms from the region of Dersim, *grem* 'to write' in Xarberd/Erznka, and *k'ašem* 'to pull, drag' in Č'mškacag [Bałramyan 1960: 22, 30]; the latter preserves the *-a-* intact whereas the former is innovative. Interestingly, the forms that are characterized by the archaic *-a-* show innovations too; in Hamšen we see analogical insertion of *-i/y-*, whereas the others have the innovative nasal.

Table 2. The imperfect paradigm of the verb 'to eat' in Classical Armenian, the dialects of Akn, Hamšen, and Standard Eastern Armenian

	CArm.	Akn	Hamšen	SEA
1 sg.	<i>utēi</i>	<i>g-üdei</i>	<i>g-udeyə</i>	<i>k-utei</i>
2 sg.	<i>utēir</i>	<i>g-üdeir</i>	<i>g-udeyd(ə)</i>	<i>k-uteir</i>
3 sg.	<i>utēr</i>	<i>g-üder</i>	<i>g-uder</i>	<i>k-uter</i>
1 pl.	<i>utēak</i> '	<i>g-üdeank</i> '	<i>g-udayk</i> ' ə	<i>k-uteink</i> '
2 pl.	<i>utēik</i> '	<i>g-üdeik</i> '	<i>g-udeyk</i> ' ə	<i>k-uteik</i> '
3 pl.	<i>utēin</i>	<i>g-üdein</i>	<i>g-udeynə</i>	<i>k-utein</i>

Table 3. The imperfect paradigm of the verbs ‘to pull’ in the dialect of Č‘mškacag and ‘to write’ in the dialect of Xarberd/Erznka

	Č‘mškacag	Xarberd/Erznka
1 sg.	<i>gə k‘ašei</i>	<i>gə g‘ərei</i>
2 sg.	<i>gə k‘ašeir</i>	<i>gə g‘əreir</i>
3 sg.	<i>gə k‘ašer</i>	<i>gə g‘ərer</i>
1 pl.	<i>gə k‘ašeank‘</i>	<i>gə g‘əreink‘^y</i>
2 pl.	<i>gə k‘ašeik‘</i>	<i>gə g‘əreik‘^y</i>
3 pl.	<i>gə k‘ašein</i>	<i>gə g‘ərein</i>

4. First person plural aorist and the *e-* augment

As we have seen in Section 1, the same 1 pl. *-a-* is seen in the aorist of Classical Armenian. Here again, some dialects preserve it intact, cf. e.g. the paradigms of *xalam* ‘to play’ and *sirem* ‘to love’ in Hamšen [Ačaryan 1947: 128, 131].

Table 4. The aorist paradigm of the verbs *xalam* ‘to play’ and *sirem* ‘to love’ in Classical Armenian

	<i>xalam</i> ‘to play’	<i>sirem</i> ‘to love’
1 sg.	<i>xalac‘i</i>	<i>sirec‘i</i>
2 sg.	<i>xalac‘ir</i>	<i>sirec‘ir</i>
3 sg.	<i>xalac‘</i>	<i>sirec‘</i>
1 pl.	<i>xalac‘ak‘</i>	<i>sirec‘ak‘</i>
2 pl.	<i>xalac‘ik‘</i>	<i>sirec‘ik‘</i>
3 pl.	<i>xalac‘in</i>	<i>sirec‘in</i>

In old monosyllabic aorist forms of this dialect we find yet another archaism, the augment *e*⁻². Here is the example of *banam*, aor. stem *bac‘-* ‘to open’ [Ačaryan 1947: 135].

Table 5. The aorist paradigm of the verbs ‘to open’ in Classical Armenian and the Hamšen dialect

	CArm. act.	CArm. med.	Hamšen
1 sg.	<i>bac‘i</i>	<i>bac‘ay</i>	<i>pac‘i</i>
2 sg.	<i>bac‘er</i>	<i>bac‘ar</i>	<i>pac‘ir</i>
3 sg.	<i>e-bac‘</i>	<i>bac‘aw</i>	<i>pac‘aw, e-pac‘</i>

² For a discussion of this Hamšen archaism, see [Vaux 2007: 265–266]. It is also present in a neighboring dialect of Xotorjūr [Kostandyan 1985: 60].

	CArm. act.	CArm. med.	Hamšen
1 pl.	<i>bac'ak'</i>	<i>bac'ak'</i>	<i>pac'ak'</i>
2 pl.	<i>bac'ēk', -ik'</i>	<i>bac'ayk'</i>	<i>pac'ik'</i>
3 pl.	<i>bac'in</i>	<i>bac'an</i>	<i>pac'in</i>

5. Hamšen *asuš*, aor. stem *ast-* 'to say'

CArm. *asem* 'to say, tell, speak' displays aorist forms based on *ast-* in Hamšen. According to Ačaryan [1947: 134–135], the *-t-* after *-s-* is an epenthesis of a phonetic nature, cf. *almas* 'diamond' > *almost*, *t'asel* 'to puff' > *t'astuš*, etc. This explanation is not entirely satisfactory because: 1) it is not clear why the *-t-* is only found in the aorist; 2) we expect to see the reflexes of the aoristic *c'-*. I therefore propose the following solution.

In Classical Armenian, the aorist stem of this verb is *asac'-*. This subtype displays both non-syncopated and syncopated aorist forms in Hamšen, namely *xalac'i* and *xalc'i* (see [Ačaryan 1947: 130–131]). It seems therefore likely that Hamšen *asti* etc. derive from the syncopated forms **asc'i* etc.; the development **asc'i* > *asti* is probably due to dissimilation, which may have been triggered or reinforced by the aforementioned *-(s)t-* epenthesis. For the inclusion of the 3 sg. aor. med. into the main paradigm, compare the aforementioned *pac'aw* alongside *ε-pac'* (cf. MArm. 1sg. *gtay* vs. CArm. 1sg. *gti* 'I found', see Karst 1901: 327).

In the Table 6, I have combined the Classical and Hamšen paradigms with that of Šamaxi/K^yärk^yänj, an easternmost dialect (on which see [Bałramyan 1964: 166]):

Table 6. The aorist paradigm of the verbs 'to say' in Classical Armenian and the dialects of Hamšen and Šamaxi/K^yärk^yänj

	CArm.	Syncope	Hamšen	Šamaxi
1 sg.	<i>asac'i</i>	<i>*asc'i</i>	<i>as-t-i</i>	<i>asc'i, assi</i>
2 sg.	<i>asac'er</i>	<i>*asc'er</i>	<i>as-t-ir</i>	<i>asc'ir, assir</i>
3 sg.	<i>asac'</i>	<i>*as(a)c'-aw</i> (med.)	<i>as-t-av</i>	<i>asec', aseç</i>
1 pl.	<i>asac'ak'</i>	<i>*asc'ak'</i>	<i>as-t-ak'</i>	<i>asc'ink', assink'</i>
2 pl.	<i>asac'ēk', -ik'</i>	<i>*asc'ēk', -ik'</i>	<i>as-t-ik'</i>	<i>asc'ik', assik'</i>
3 pl.	<i>asac'in</i>	<i>*asc'in</i>	<i>as-t-in</i>	<i>asc'in, assin</i>

6. The aorist forms of *tam* ‘to give’ in Aramo and other dialects

In Classical Armenian, the irregular verb *tam* ‘to give’ is characterized by the *e*-augment throughout the paradigm except for 1 pl. and the absence of the vowel *i/e/ē* in 1 sg., 2 sg., 2 pl., and 3 pl. In Middle Armenian (see Karst 1901: 333), dialects and modern Armenian one finds analogical developments:

- 1) the root **tu* is recovered in the 3 sg. form: *et* → *etu*;
- 2) the augment *e-* is eliminated from the paradigm but in some dialects it is preserved in the 3 sg. form;
- 3) the regular endings are added to this new basis: *etu* → *tu-i*, *etur* → *tu-i-r*, etc.

The vowel *-a-* in 1 pl. forms and the augment *e-* are both present in the Aramo dialect, where, for example, *advunk*‘ reflects **e-tuank*‘ and stands for the CArm. *tuak*‘, 1 pl. aorist of the verb *tam* ‘to give’. In what follows I shall discuss this remarkable case in more detail since it simultaneously represents an illustrative combination of archaisms and innovations.

The Classical Armenian aorist forms *etu*, *etur*, and *et*, have been replaced in Aramo by *advā*, *advēy*, and *ida* respectively. Łaribyan [1958: 47] (cf. *ibid.*, pp. 19, 21) derives 3 sg. aorist *ida* from **etu* (for the vocalic reflections, cf. *ere/ikun* ‘evening’ > *irgäun*, *kātu* ‘cat’ > *gada*, *heru* ‘last year’ > *hira*, *heru* ‘far’ > *hər̥ra*, etc.) but gives no explanations for the other forms. The Classical 3 sg. form *et* was thus replaced by **etu*, and all the other personal forms, as we shall see, have been reshaped by attaching the regular set of aorist endings to this base **etu*.

The 1 sg. aor. form *advā* may reflect **etu-i*, in which the ending *-i* is taken from the Classical aorist ending *-i*. The vocalic developments are regular: 1) *e* > *ə*-, cf. *ezr* ‘edge’ > *əzzīr(ä)*, *erek* ‘three’ > *ərk*‘, *erkir* ‘earth’ > *ərgayr*; 2) word-final *-i* > *-a*, cf. *agi* ‘tail’ > *akka*, *aygi* ‘garden’ > *akka*, *oski* ‘gold’ > *aska*, etc. (see [Łaribyan 1958: 19, 20]). The existence of such an analogical form is confirmed by some inscriptional evidence from the 11th century onwards, *ētvī* (Ani, 1058 CE) and *ētui* (Makaravank’)³.

³ See [Örbeli et. al. (eds.) 1960: 13, Nr 51; Avagyan 1986: 136–137].

The 2 sg. aor. form *ədvēy* in all probability reflects an analogical **etu-er*, with the CArm. 2 sg. aor. ending *-er* (cf. *gišer* ‘night’ > *kišēyr*, *ver* ‘up, above’ > *veyr*, etc.). As to the alternation *-ēy* vs. *-ē(y)r*, compare the 1 sg. pres. perf. forms: affirmative *ədver im* vs. negative *č’am idvey*. See below on the contrast between the archaic *-er* in Aramo and Svedia on the one hand and the innovative *-ir* (seen in Middle and Modern Armenian) in Zeyt’un on the other hand.

The 1 pl. aor. form *ədvunk’* reflects **e-tuank’* according to regular sound laws (cf. *aprank’* > *abrunk’*, *p’orjank’* > *p’ərc’unk’*), and 2 pl. and 3 pl. forms derive from **etu-ik’* and **etu-in* respectively (cf. *cic* > *jäyj*, *hing* > *häyng*), analogically acquiring thus the corresponding Classical endings *-ik’* and *-in*. The existence of 3 pl. aor. **etuank’* is confirmed by, for example, an inscription from the Šxmurat monastery (Tavuš, the village of Całkavan) in 1248 CE, which has the form *ētvank’*; cf. three earlier attestations (12th and early 13th centuries) from the same regions with no nasal — *etuak’*, *ētuak’*, and *ētvak’* [Avagyan 1986: 136].

In the tables below, I have combined these paradigms with those of Middle Armenian [Karst 1901: 333 (= 2002: 315–316); Ant’osyan 1975: 213; Hovsep’yan 1997: 68–69], Modern Western and Eastern Armenian [Ant’osyan 1975: 214], and the following dialects:

1) Western grouping: Svedia in Syria [Ačařyan 2003: 494, 498], Zeyt’un in Cilicia [Ačařyan 2003: 243], Hamšen in the North-Western intergroup [Ačařyan 1947: 137], Muš in the South-Central group [Bałdasaryan-T’ap’alc’yan 1958: 169] and neighboring Sasun [Petoyan 1954: 59], Polis/Constantinople [Ačařyan 1941: 149], Moks [Muradyan 1982: 173]; cf. Šatax, see [Muradyan 1962: 148], 1 sg. *təvi*, Van [Ačařyan 1952: 173];

2) Eastern grouping: Marała [Ačařean 1926: 262], Agulis [Ačařean 1935: 260], Šamaxi [Bałramyan 1964: 129, 162, 167], Křzen [Bałramyan 1961: 151], Hadrut’ [Połosyan 1965: 212], Ararat/Lori [Asatryan 1968: 141]. Brief outlines of individual dialects and dialectal maps can be found in [Martirosyan 2013].

Table 7. The paradigm of the verb ‘to give’ in Classical Armenian, the dialect of Amaro, inscriptions, and the Modern Armenian

	CArm.	Aramo	Proto-Aramo	Inscriptions (11th cent. +)
1 sg.	<i>etu</i>	<i>ədva</i>	<i>*etu-i</i>	<i>ēvi</i> , <i>ēui</i>
2 sg.	<i>etur</i>	<i>ədvey</i>	<i>*etu-e(r)</i>	
3 sg.	<i>et</i>	<i>ida</i>	<i>*etu</i>	

The development of the Classical Armenian aorist in Modern dialects

	CArm.	Aramo	Proto-Aramo	Inscriptions (11th cent. +)
1 pl.	<i>tuak</i> [‘]	<i>ədvunk</i> [‘]	<i>*etua(n)k</i> [‘]	<i>e/ētuak</i> [‘] , <i>ētvank</i> [‘]
2 pl.	<i>etuk</i> [‘]	<i>ədväk</i> [‘]	<i>*etu-ik</i> [‘]	
3 pl.	<i>etun</i>	<i>ədväyn</i> ⁴	<i>*etu-in</i>	

	MArm.	SWA	SEA
1 sg.	<i>tu-i</i>	<i>tu-i</i>	<i>tv(ec[‘])i</i>
2 sg.	<i>tu-ir</i>	<i>tu-ir</i>	<i>tv(ec[‘])ir</i>
3 sg.	<i>etu-r, eret, tu-aw</i>	<i>tu-aw</i>	<i>tvec</i> [‘]
1 pl.	<i>tuak</i> [‘]	<i>tu-ink</i> [‘]	<i>tv(ec[‘])ink</i> [‘]
2 pl.	<i>tuik</i> [‘]	<i>tu-ik</i> [‘]	<i>tv(ec[‘])ik</i> [‘]
3 pl.	<i>tuin</i>	<i>tu-in</i>	<i>tv(ec[‘])in</i>

Table 8. The paradigm of the verb ‘to give’
in the Western grouping of the dialects

	Svedia	Pr.-Sved.	Zeyt[‘]un	Pr.- Zeyt[‘].	Hamšen
1 sg.	<i>dva</i>	<i>*tu-i</i>	<i>dəvə</i>	<i>*tu-i</i>	<i>dvi</i>
2 sg.	<i>dvir</i>	<i>*tu-er</i>	<i>dəvəy</i>	<i>*tu-ir</i>	<i>dvir</i>
3 sg.	<i>i-dör</i>	<i>*e-tu-r</i>	<i>dəvəv</i>	<i>*tu-aw</i>	<i>dvav, erəd</i>
1 pl.	<i>dvunk</i> [‘]	<i>*tu-ank</i> [‘]	<i>dəvənk</i> [‘]	<i>*tu-ank</i> [‘]	<i>dvak</i> [‘]
2 pl.	<i>dväk</i> [‘]	<i>*tu-ik</i> [‘]	<i>dəvək</i> [‘]	<i>*tu-ik</i> [‘]	<i>dvik</i> [‘]
3 pl.	<i>dvən</i>	<i>*tu-in</i>	<i>dəvən</i>	<i>*tu-in</i>	<i>dvin</i>

	Muš	Sasun	Polis	Moks	Van
1 sg.	<i>təv(ec[‘])i</i>	<i>dväc[‘]ə</i>	<i>duvi</i>	<i>təvə</i>	<i>tv(ic[‘])i</i>
2 sg.	<i>təv(ec[‘])ir</i>	<i>dväc[‘]ər</i>	<i>duvir</i>	<i>təvir</i>	<i>tv(ic[‘])ir</i>
3 sg.	<i>təvēc[‘]</i>	<i>dvəc[‘]</i>	<i>duvav</i>	<i>i-tu</i>	<i>tvec[‘], i-tu(r)</i>
1 pl.	<i>təv(ec[‘])ink</i> [‘]	<i>dväc[‘]ək[‘] (!)</i>	<i>duvink</i> [‘]	<i>təvink</i> ^{‘y}	<i>tv(ic[‘])ink</i> ^{‘y}
2 pl.	<i>təv(ec[‘])ik</i> [‘]	<i>dväc[‘]ək[‘]</i>	<i>duvik</i> [‘]	<i>təvik</i> ^{‘y}	<i>tv(ic[‘])ik</i> ^{‘y}
3 pl.	<i>təv(ec[‘])in</i>	<i>dväc[‘]ən</i>	<i>duvin</i>	<i>təvin</i>	<i>tv(ic[‘])in</i>

Table 9. The paradigm of the verb ‘to give’
in the Eastern grouping of the dialects

	Marala	Agulis	Šamaxi
1 sg.	<i>tuv/řum</i>	<i>tvəm</i>	<i>tur/vi</i>
2 sg.	<i>tuv/řir</i>	<i>tvəs</i>	<i>tur/vir</i>
3 sg.	<i>tuv/řic</i> [‘]	–	<i>u-tur, tur/vav</i>

⁴ Printed as *ənväyn* in [Laribyan 1958: 47]; probably a misprint.

	Marala	Agulis	Šamaxi
1 pl.	<i>tuv/ʀunkʻ</i>	<i>tvəkʻ</i>	<i>turinkʻ</i>
2 pl.	<i>tuv/ʀukʻ</i>	<i>tvəkʻ</i>	<i>turikʻ</i>
3 pl.	<i>tuv/ʀun</i>	<i>tven</i>	<i>turin</i>

	Kʀzen	Hadrutʻ	Loʀi
1 sg.	<i>tə/uvi</i>	<i>tuve</i>	<i>təvi</i>
2 sg.	<i>tə/uvir</i>	<i>tuver</i>	<i>təvir</i>
3 sg.	<i>ə-ret, təvucʻ</i>	<i>tu/əvav</i>	<i>təvucʻ</i>
1 pl.	<i>tə/uvinkʻ</i>	<i>tuvekʻ^y</i>	<i>təvinkʻ</i>
2 pl.	<i>tə/uvikʻ</i>	<i>tuvekʻ^y</i>	<i>təvikʻ</i>
3 pl.	<i>tə/uvin</i>	<i>tuven</i>	<i>təvin</i>

Notes:

1) For Zeytʻun *dəvə* < **tui*, cf. *nəvəg* < *nuik* ‘arum lily’ [Ačaryan 2003: 60, 331].

2) All the phonological developments of the vowel *i* in 1 sg. (*-i* > *-a*), 2 pl. (*-ikʻ* > *-äkʻ*) and 3 pl. (*-in* > *-en*) are regular in Svedia. As for 2 sg. *dvir*, it goes back to **tu-er* rather than **tu-ir*, cf. *gišer* ‘night’ > *gʻišir*, *siserʻn* ‘chick-pea’ > *sisirʻ* on the one hand, and *karmir* ‘red’ > *gʻärmer*, *moxir* ‘ash’ > *mäxxer* on the other. For the material, see [Ačaryan 2003: 370–374, 377–383].

3) Agulis has no 3 sg. aor. in general [Ačarean 1935: 267]. According to Ačaryan [1935: 145–146, 243], Agulis 1 pl. aor. *-Vkʻ* comes from *-Vnkʻ* through the loss of the nasal. This is not necessarily the case.

7. Conclusion

Various analogical developments have taken place in dialects; some peripheral dialects preserve archaic features. One finds more than one line of developments from Classical Armenian to modern dialects (not always through Middle Armenian). Inscriptions from North-East of historical Armenia in the 11th century onwards deviate from Middle Armenian but correspond to a dialectal development in Aramo (Syria), the farthest and most isolated dialect in the South-West corner.

Abbreviations

CArm. — Classical Armenian; MArm. — Middle Armenian; SEA — Standard Eastern Armenian; SWA — Standard Western Armenian.

Bibliography

- Ačařyan 1911 — Hr. H. Ačařyan. Hay barbařagitut'iwn: uruagic ew dasawo-
rut'iwn hay barbařneri (barbařagitakan k'artēsov) // Эминский этно-
графический сборник. Т. 8. М.: Лазаревский Институт Восточных
языков, 1911.
- Ačařyan 1913 — Hr. H. Ačařyan. Hayerēn gawařakan bařaran // Эминский
этнографический сборник. Т. 9. Тифлис: Лазаревский Институт
Восточных языков, 1913.
- Ačařyan 1926 — Hr. H. Ačařyan. K'nnut'iwn Marařayi barbaři. Yerevan:
EPH hratarakč'ut'yun, 1926.
- Ačařyan 1935 — Hr. H. Ačařyan. K'nnut'iwn Agulisi barbaři. Yerevan:
Pethrat, 1935.
- Ačařyan 1941 — Hr. H. Ačařyan. K'nnut'yun Polsahay barbaři // Gitakan
ařxatut'yunner 19, 1941. P. 19–250.
- Ačařyan 1947 — Hr. H. Ačařyan. K'nnut'yun Hamřeni barbaři. Yerevan:
HSSR GA hratarakč'ut'yun, 1947.
- Ačařyan 1952 — Hr. H. Ačařyan. K'nnut'yun Vani barbaři. Yerevan: EPH
hratarakč'ut'yun, 1952.
- Ačařyan 2003 — Hr. H. Ačařyan. K'nnut'yun Kilikiayi barbaři. Yerevan:
EPH hratarakč'ut'yun, 2003.
- Ant'osyan 1975 — S. M. Ant'osyan. Xonarhman hamakargi zargac'man
ənt'ac'k'ə // L. S. Hovsep'yan (ed.), Hayoc' lezvi patmakan
k'erakanut'yun. Vol. 2. Yerevan: HSSH GA hratarakč'ut'yun.
P. 159–377.
- Asatryan 1968 — M. E. Asatryan. Lofu xosvack'ə. Yerevan: EPH hratarak-
č'ut'yun, 1968.
- Avagyan 1986 — S. A. Avagyan. Vimagrakan prptumner. Yerevan: EPH
hratarakč'ut'yun, 1986.
- Baldasaryan-T'ap'alč'yan 1958 — S. H. Baldasaryan-T'ap'alč'yan. Mřo bar-
bař. Yerevan: HSSR GA hratarakč'ut'yun, 1958.
- Bařamyan 1960 — R. H. Bařamyan. Dersimi barbařayin k'artezə. Yerevan:
HSSR GA hratarakč'ut'yun, 1960.
- Bařamyan 1961 — R. H. Bařamyan. Křzeni barbařə. Yerevan: HSSR GA
hratarakč'ut'yun, 1961.
- Bařamyan 1964 — R. H. Bařamyan. řamaxii barbařə. Yerevan: HSSH GA
hratarakč'ut'yun, 1964.
- Hovsep'yan 1997 — L. S. Hovsep'yan. řG dari hayeren jeřagreri hiřataka-
runneri lezun. Yerevan: Van Aryan, 1997.
- Karst 1901 — J. Karst. Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen.
Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1901.

- Karst 2002 — J. Karst. Kilikyan hayereni patmakan k'erakanut'yun (Modern Armenian translation from Karst 1901 by D. Alivnyak). Yerevan: EPH hratarakč'ut'yun, 2002.
- Kostandyan 1985 — D. M. Kostandyan. Xotrjuri barbařayin yurahatkut'yunneri lezvaařxarhagrakan bnut'agirə // H. D. Muradyan (ed.). Hayereni barbařagitakan atlas: usumnasirut'yunner ew nyut'er. Vol. 2. Yerevan: HSSH GA hratarakč'ut'yun, 1985. P. 46–68.
- Łaribyan 1958 — A. S. Łaribyan. Hayereni norahayt barbařneri mi nor xumb. Erevan: HSSR GA hratarakč'ut'yun, 1958.
- Martirosyan 2013 — Г. К. Мартиросян. Армянские диалекты: характеристика отдельных диалектов // Ю. Б. Коряков, А. А. Кибрик. (ред.). Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М.: Academia, 2013. С. 334–385. [H. Martirosyan. Armianskie dialekty: kharakteristika otdel'nykh dialektov // Iu. B. Koriakov, A. A. Kibrik. (ed.). Iazyki mira. Reliktovye indoev-ropeiskie iazyki Perednei i Tsentral'noi Azii [Languages of the World: Relict Indo-European Languages of Western and Central Asia]. M: Academia, 2013: P. 334–385].
- Muradyan 1962 — M. H. Muradyan. Šataxi barbařə. Yerevan: EPH hratarakč'ut'yun, 1962.
- Muradyan 1982 — M. H. Muradyan. Urvagic Moksi barbaři // H. D. Muradyan (ed.). Hayereni barbařagitakan atlas: usumnasirut'yunner ew nyut'er. Vol. 1. Yerevan: HSSH GA hratarakč'ut'yun, 1982. P. 108–183.
- Örbeli et. al. (eds.) 1960–... — H. Örbeli, S. G. Barxudaryan et al. (eds.). Divan hay vimagrut'yan. Yerevan: HSSR GA hratarakč'ut'yun, 1960–...
- Petoyan 1954 — V. A. Petoyan. Sasuni barbařə. Yerevan: HSSH GA hratarakč'ut'yun, 1954.
- Połosyan 1965 — A. M. Połosyan. Hadrut'i barbařə. Yerevan: HSSH GA hratarakč'ut'yun, 1965.
- Vaux 2007 — B. Vaux. Homshetsma: the language of the Armenians of Hamshen // H. H. Simonian (ed.). The Hemshin: history, society and identity in the Highlands of Northeast Turkey. London — New York: Routledge, 2007. P. 257–278.

R. Viredaz

Genève

LES DÉSINENCES ARMÉNIENNES D'AORISTE ET D'IMPARFAIT

PLAN. 1. Origines des aoristes arméniens. 2. Réfections des aoristes thématiques. 3. Réfections des aoristes athématiques (1 sg.). 4. Réfections des aoristes athématiques (2–3 sg.). 5. Prétérits athématiques en slave : la flexion semi-sigmatique. 6. Aoristes sigmatiques ou sigmatisés en arménien. 7. Naissance de la flexion semi-sigmatique. 8. Origine des imparfaits arméniens. 9. La question des isoglosses arméno-slaves. 10. L'imparfait arménien du verbe 'être'. 11. êr 'était'. 12. L'imparfait arménien des autres verbes. 13. Autres désinences de passé. 14. Réductions phonétiques dues à la fréquence. 15. Conclusion.

Notre propos sera d'esquisser une reconstruction diachronique des systèmes de désinences de l'aoriste et de l'imparfait arméniens. L'entreprise portera principalement sur l'aoriste singulier actif, mais abordera aussi les sujets connexes¹.

1. Origines des aoristes arméniens

Les aoristes arméniens [Klingenschmitt 1982: 266–287]² remontent à des aoristes (1.1) et à des imparfaits (1.2–3) indo-euro-

¹ Je remercie Eugen Hill, Oliver Plötz, Petr Kocharov, pour leurs remarques sur la première version de cet article (2015) ; Nikolai Kazansky, Hrach Martirosyan et Petr Kocharov pour leurs commentaires à la nouvelle version (2016).

² Les aoristes arméniens seront généralement cités à la troisième personne, plus directement comparable à l'indo-européen. Les imparfaits le seront à la première personne, pour la même raison. Les présents le seront à la première aussi, selon l'usage. — L'augment indo-européen, qui n'était pas obligatoire (cf. [Lamberterie 2005–2007: 46], avec références), sera, en général, noté ou non selon qu'il a subsisté ou non dans la forme arménienne. — Même en arménien classique, on observe encore quelques cas d'omission de l'augment [Lamberterie 2007] ; cf. aussi n. 4 et 2.1.1 fin. — Comme chez [Clackson 1994],

péens. Comme en slave, ce glissement des imparfaits hérités en aoristes va de pair avec l'apparition d'un nouvel imparfait (sl. *nesěaxъ*, 5.3, arm. *berēi*, 12)³.

1.1. Anciens aoristes

1.1.1. *Aoristes radicaux thématiques*. Comme en grec, la classe des aoristes radicaux thématiques ou thématisés est particulièrement nombreuse. Exemples : indo-européen dialectal **e-widet* > *egit* 'a trouvé', **e-lik^wet* 'a laissé' > (*e*)*lik⁴*, **e-srb^het* 'a avalé' > *arb* 'a bu', **e-dek₁et⁵* 'a reçu, perçu' > *etes* 'a vu' (plus anciennement athématiques selon [LIV²: 665 s., 406 s., 587, 109 s.] ; autre avis [Jasanoff 2003: 230 s., n. 4].

1.1.2. *Aoristes athématiques radicaux*. Sur racine en voyelle :

- a) **e-dōt* 'a donné' > *et*, **e-d^hēt* 'a posé' > *ed*
- b) **e-g₁nōt* (?) 'a (re)connu' → *caneaw⁶*
- c) **e-g^werat* 'a avalé' > *eker* 'a mangé'
- d) **e-melat* 'a manqué' → *melaw* 'a péché' (**ll* d'après *melk⁷* 'péché' ← **molnā*, [Viredaz, à paraître, § 5]).

Sur racine en sonante : **e-mert* → *meraw* 'est mort' (6.4.2).

les prototypes indo-européens seront généralement cités sous la forme qu'ils ont prise *après* l'élimination des laryngales (dans le dialecte indo-européen dont est issu l'arménien). — Le signe † marque des formes fausses mentionnées *argumenti causa*.

³ Cf. [Meillet 1903: 84 s., 1936: 114; Brugmann 1916: 502; Meillet, Vaillant 1934: 272]. — Une innovation comparable s'observe exceptionnellement en grec pour *ἐφην* 'dis' et partiellement pour *ἦν* 'étais', qui n'avaient pas d'aoriste hérité [Clackson 1994: 78]. — En revanche, l'exemple allégué par Meillet [1936: 114], est sans doute illusoire : gr. *ἐγένητο* doit représenter **g₁nh₁-e/o-* (13.2.2.1 et n. 191).

⁴ La forme à augment n'est pas attestée pour ce verbe [Martirosyan 2010: 310], mais *lik⁸* indicatif ne l'est presque pas non plus (Martirosyan, *loc. cit.*, ne cite qu'un exemple du 12e siècle).

⁵ Nous notons **k₁* la "palatale" et **k₂* la "vélaire pure" de l'indo-européen, cf. [Viredaz 2008: 2].

⁶ Discussion : [Klingenschmitt 1982: 283 s.]. Le thème de présent-imparfait **g₁nēs-* < **g₁nēh₃-s-* soutenu par [Jasanoff 1988] est un mirage selon [Kloekhorst 2008: 435 s.] *Non liquet*.

Type mixte : **e-g^wēm*, **e-g^went* 'suis venu, est venu' (< **h₁é-g^wem-m*, **h₁é-g^wem-t*) > *eki*, *ekn* (3.2.1, 4.1, 4.2.1).

Sur racine en occlusive : p.-ê. **aneid^t* → *anêc* 'a maudit' (6.5.3).

1.1.3. *Aoristes sigmatiques*. Cf. [Pedersen 1982: 68, 201–204 (1905, 1906); Kortlandt 2003: 79–82, 105 s., 114–116 (1987, 1994, 1996)], et ci-après 6.2–3.

Sur racine en voyelle ou sonante : pas d'exemples connus.

Sur racine en occlusive : causatifs peut-être dialectaux en indo-européen (6.2) : p. ex. **e-leukst* → *eloyc* 'a allumé' (cf. [Kortlandt 2003: 80–81], mieux que [Klingenschmitt 1982: 194] suivi avec réserve par [LIV²]) ; **eleud^hst* 'a fait venir' → *-eloyz*.

Après voyelle suffixale : **ptak₂ēst* → *t'ak'eaw* 's'est caché' (6.3, fin).

1.2. Anciens imparfaits

Thématiques :

a) **e-b^heret* 'portait' > *eber* 'a porté', **ag₁et* 'menait' > *ac* 'a mené'⁷.

b) **e-prk₁sk₁et* 'demandait' > *eharc* 'a demandé, interrogé'⁸.

c) **ni-sisdet* 'était assis' → *nstaw* 's'est assis'.

d) **sroweyet* 'faisait couler' > *ařog* 'a arrosé', **ouk₂eyeto* 'se faisait enseigner' → *usaw* 'a appris' [Viredaz 2001–2002: 5 s.]⁹ ; ajouter **k₁oneyeto* 'était élevé' → *snaw* 's'est nourri, a été élevé'.

Athématiques asigmatiques : pas d'exemples sûrs.

⁷ Ces deux verbes sont, avec *hanem* 'faire sortir, ôter, extraire, présenter' et *nstim* 's'asseoir', les seuls verbes arméniens dont les thèmes de présent et d'aoriste soient identiques. Les racines i.-e. **b^her-* et peut-être **ag₁-* ne formaient pas d'aoriste en indo-européen. En revanche, *hanem* semble représenter un présent suffixé **pā-ne-* apparenté au grec *σπάω* 'tirer' et dérivé d'un aoriste radical, [LIV²: 575]. À côté du présent **ni-sisde-*, l'arménien conserve un aoriste **sed-s-* dans une signification spécialisée (6.2.2).

⁸ Le synonyme i.-e. **aisk₁e-* est traité différemment : arm. *hayc'em*, *hayc'eac*, probablement dénominatif comme en germanique.

⁹ Dans cet article, corriger la note 25 (première ligne), et tenir compte des aoristes sigmatiques (ci-dessous 6.5).

Note : la phonétique seule ne permet pas de savoir si *edêz* ‘a entassé’, *eboyc*, par exemple, remontent à des aoristes **e-d^heig^h₁-s-*, **e-b^heug-s-* ou à des imparfaits **e-d^heig^h₁-e-* ou **d^hoig^h₁-eye-*, **b^houg₂-eye-* (6.5.1).

1.3. Anciens duratifs suffixés

1.3.1. *Distribution*. Un grand nombre d’aoristes arméniens sont suffixés en *-c’*, *-ac’* ou, le plus souvent, *-eac’* (cf. [Schmitt 1981: 145–147; Clackson 1994: 80 s.] :

a) *-c’* : *e-kac’* ‘s’est tenu debout’ (*kam*), *mnac’* ‘est resté’ (*mnam*), *e-keac’* ‘a vécu’ (*keam*) ; en face d’un présent suffixé : *elic’* ‘a rempli’ (*lnum*), *zgec’aw* ‘s’est vêtu’ (*zgenum*)¹⁰, *luac’* ‘a lavé’ (*luanam*) ;

b) *-ac’* : *asac’* ‘a dit’ (*asem*), *gitac’* ‘a su’ (*gitem*), *karac’* ‘a pu’ (*karem*), *mart’ac’* ‘a pu’ (*mart’em*) (liste exhaustive)¹¹ ;

c) *-eac’* : *ačeac’* ‘a crû’ (*ačem*), *sireac’* ‘a aimé’ (*sirem*), *gorceac’* ‘a fait’ (*gorcem*).

1.3.2. Origines

1.3.2.1. Le *-c’* remonte certainement au suffixe duratif, habituel ou itératif i.-e. **-sk₁e-*¹² (cf. [Clackson 1994: 75–83, 215, n. 77])¹³.

¹⁰ Malgré le néologisme *astuacazgeac’* ‘vêtu de Dieu’ (Agathange), *zgec’aw* n’est pas un ancien **zgeac’aw*, car **e.a* ne se contracte pas en *ea* mais en *a* ; seul **i.a* se contracte en la diphtongue *ea*.

¹¹ On a parfois écrit que ces présents continuent tous quatre d’anciens parfaits (ainsi [Clackson 1994: 81 s.], avec références), mais ce n’est certain que pour *gitem* (3 sg. **woide*), tandis que *mart’em* est dénominatif [Klingenschmitt 1982: 139] et qu’*asem* et *karem* n’ont pas non plus le degré **o*. — *merk* ‘nu’ forme les dénominatifs *merkanam*, *merkac’aw* et *merkem*, *merkac’*, *merkeac’*.

¹² Sur la fonction du suffixe en grec, voir aussi [Ruipérez 1982: 155–160] ; en anatolien, [Kloekhorst 2008: 767–769] ; [Hoffner, Melchert 2008: 318–323].

¹³ Nous ne pouvons suivre les avis différents de Klingenschmitt [1982: 287] : voir Viredaz [à paraître, n. 6] et de Kortlandt [2003: 108 s., 115 s.] : le processus invoqué n’est pas impossible en soi, mais il est moins probable que l’extension de *-c’e-* < **-sk₁e-* ; le parallèle grec cité est erroné, ne tenant pas compte des dialectes doriens, où **ts* > *σσ* tandis que les aoristes ont *σ* simple après voyelle. (Produits de **ts* : [Lejeune 1972: 102 s. ; Schwyzler 1939: 317–322]. Aoristes en *σ* après voyelle : crétois : [Bile 1988: 130, 220].

1.3.2.2. Le *a* des aoristes en *-(e)ac'* rappelle des formations en **ā* ou **ǣ* de plusieurs langues européennes, qui ne sont cependant pas homogènes.

En latin, *eram* < **es-ā-* 'étais' est le seul imparfait en *-ā-* ancien. Il n'a pas existé d'imparfaits **fu-ā-*, **leg-ā-*, **kap-y-ā-*, puisque lat. *fuam*, *legam*, *capiam* sont des subjonctifs présents. Il n'a pas existé d'imparfait i.-e. **b^hweh₂-* puisque la racine est aoristique¹⁴. L'imparfait *amābam*, *monēbam* ne pourra donc être qu'analogique du futur *amābo*, *monēbō*¹⁵ (d'après **esō* : **esām*), et *legēbam* de *monēbam*. En sabellique, la seule forme d'imparfait connue est l'osque *fufans* 'étaient', peut-être le terme ultime de la même extension du suffixe **-f(u)ā-*. Or ce latin **es-ā-* ne semble pas avoir de correspondants extérieurs (cf. arm. *ei*, sl. *běxъ*). Le celtique n'avait pas d'imparfaits en **-ā-*¹⁶.

Le balte et le slave ont des prétérits en **-ā-*, type peut-être issu en tout ou partie de **-ā-s-* (cf. 5.1, 7.1.1) et sans lien avec le subjonctif italo-celtique en **-ā-* [Oettinger 1984: 198 s.]. Les exemples communs au balte et au slave sont étonnamment rares ; citons du moins lit. *sùko* (*sùkti* 'tourner'), *kāvo* (*káuti* 'frapper'), v. sl. *sъka* (*sъkati* 'enrouler'), *kova* (*kovati* 'forger') [Fraenkel 1950: 301]. [Hackstein 2002: 273–275], envisage une double origine : d'une part, le suffixe **-eh₁-* (ou plutôt **-eh₁-s-*¹⁷) après racine set en **h₂*¹⁸ (en

En béotien, **ts* > *ττ*, tandis que l'aoriste sigmatique a *σ* après voyelle longue, *σσ* analogique après voyelle brève [Blümel 1982: 133, 191].)

¹⁴ De plus, sa forme était vraisemblablement **b^heu_h-* (gr. *φῶ-* < **b^huh₁-* ; voir aussi [Kümmel 2007: 334 s., n. 272]). Les exemples de **b^hwā-*, **b^hwō-* invoqués par [LIV²: 99, n. 1] ne sont pas probants. Ainsi, alb. *botë* 'monde' doit être un ancien nom de la 'lumière', racine **b^hā-* [Mann 1950: 380] : cf. slave *svěťb* 'lumière, monde' et sous son influence roumain *lume* 'monde', hongrois *világ* 'monde'.

¹⁵ Et non l'inverse comme proposé par Meiser [1998: 200].

¹⁶ Le gallois *oedd* ne représente pas **es-ā-* mais **es-ē-*, [Schumacher 2004: 316 s.]. Tout en admettant (à tort) **b^hweh₂-* pour forme indo-européenne de la racine (p. 245), Schumacher [2004] n'y voit pas la source du vieil irlandais *ba* 'fut' (origine incertaine, peut-être un parfait analogique celt. **āse*, p. 255).

¹⁷ L'existence d'un suffixe verbal **-eh₁-* est en effet contestée : pour [Jasanoff 2002–2003: 161–167], le type fientif ou passif *ἐμάρην* 'fut pris de

slave aussi $*h_3$) ; d'autre part, des dénominatifs en $*-eh_2-$ (aoriste $-eh_2-s-$). Cependant les racines terminées en $*-Ch_2-$ n'étaient qu'une minorité, et dans les dénominatifs l'élément $*-\bar{a}-$ figurait aussi au présent (*dēlajō*, *dēlax̣* 'faire').

Dans les prétérits tokhariens en $\bar{a}$, cette voyelle représente la laryngale finale de racines *seṭ*, p. ex. B *śala* 'apporta' < $*k_1elh_1-t$ [Oettinger 1984: 191, 196 s.; Hackstein 1995: 16, n. 3] ; car i.-e. $*\bar{a} >$ tokh. B *o*, A *a*, p. ex. [Oettinger 1984: 192; Hackstein 2002: 267 s., n. 12]). Les racines *seṭ* forment en arménien des aoristes comme *eker*, *cnaw*, *melaw*, *keac* ' (a mangé, est né, a péché, a vécu)', mais elles constituent une base trop étroite pour l'extension de $-ac$ et surtout de $-eac$ en arménien.

Seuls donc les prétérits balto-slaves en $*-\bar{a}-$ (anciens imparfaits en $*-\bar{a}-$ ou anciens aoristes en $*-\bar{a}-s-$?), du type sl. *sъpa* 'a dormi', sont peut-être comparables au *a* des aoristes arméniens en $-(e)ac$; mais leur origine est obscure, et apparemment sans lien avec le latin *eram* 'étais' au vu de v. sl. *běxъ*, arm. *ei* 'étais' (3.1.1, 5.2, 10).

1.3.2.3. L'origine de $-eac$ est obscure également. Il se pourrait que ce suffixe soit apparu en face des présents en $*-eye-$ (*gorceac* 'travailla, agit' < $*worg_1-ey-\bar{a}-$; pour le traitement phonétique, cf. *keam* 'je vis' < $*g^weya-mi$ < $*g^weih_3-$?) et se soit étendu aux dépens de $-ac$ après la confusion de $*-eye-$ (*gorcem*) avec $-e-$ (*ep'em*).

rage, de folie' est une innovation exclusivement grecque, tandis que le type statif du balto-slave $*minē$ (slave *mъně* 'a pensé', lit. *minėjau* 'a mentionné, s'est souvenu'), de fonction différente (*ibid.*, p. 130), représente $*m̃j_1-ē-s-$ (*ibid.*, p. 150 ; les prétérits lituaniens en $-ē$ mentionnés par Jasanoff [2002–2003: 165]⁷¹ n'ont rien de statif et demandent une autre explication encore). L'hypothèse de Hackstein devra alors être, soit abandonnée, soit modifiée ($*-eh_1-s-$ après racine *seṭ* en $*h_2$; mais les aoristes slaves en *a* à valeur stative sont une minorité). — Sur les aoristes grecs en $-\eta-$, voir encore [García Ramón 2014].

¹⁸ Ceci n'est pas nécessairement contredit par *zbrēti* 'mûrir', racine $*g_1erh_2-$: il se peut que $*ē$ ait été restitué quand sa fonction était conservée, mais $*\bar{a}$ maintenu dans le cas contraire. — Les reconstructions v. sl. *brati* 'se battre' < $*b^hrh_2-eh_1-$, v. sl. *klati* 'poignarder' < $*k_lh_2-eh_1-$ [Hackstein 2002: 274] sont erronées (cf. russe *borót'sja*, *kolót'*, lituanien *bárti*, *kálti*).

L'hypothèse n'est possible que si *a* remonte à une marque d'imparfait et non d'aoriste, et si **-eya-* est bien devenu phonétiquement **-ia-* (> diphthongue *ea*).

2. Réfections des aoristes thématiques

L'évolution du singulier thématique est assez simple.

2.1. Chute des consonnes finales et remédiation

2.1.1. *Processus*. Le paradigme hérité **e-lik^wom*, **e-lik^wes*, **e-lik^wet* ('je laissai, tu laissas, il laissa') a subi une première atteinte quand l'arménien a perdu la plupart des consonnes finales¹⁹ : **elik'o*, **elik'e*, **elik'e*.

Cette homophonie a été résolue par l'addition du pronom personnel i.-e. **tu* > arm. *du* [Viredaz 2004–2005: 89 s.]²⁰ : 1 **elik'o*, 2 **lik'e-du*, 3 **elik'e* (> classique 2 *lk'er*, 3 *elik'*). Comparer la même addition en allemand (v. h. all. *gibis/gibist* 'tu donnes', moderne *gibst*), où pourtant elle n'est pas motivée par un conflit homophonique²¹. L'usage du pronom personnel sujet enclitique est courant en arménien [Meillet 1910–1911: 93 s.]. (Voir aussi 11.2.1.)

On remarque que l'addition de **-du*, réinterprété comme désinence, a entraîné le cas échéant la suppression de l'augment puisque celui-ci n'était admis que si la forme verbale ne dépassait pas deux syllabes (avant la chute des voyelles posttoniques).

¹⁹ Nous admettons arbitrairement ici que cette chute est postérieure à la mutation consonantique. Cela n'a pas d'incidence sur le processus. — La chute de la nasale finale est antérieure à **oN* > **uN* (aucun neutre thématique n'est devenu thème en *u*, 3.3.1) et à **R* > *aR* (ci-après 3.1.1). — Les trois innovations que sont la chute respective de (**-m* >) **-n*, de (**-s* >) **-h* et de **-t* ne sont pas nécessairement contemporaines, mais cette différence n'a pas non plus d'incidence ici.

²⁰ Pedersen [1982: 94–96 (1905)], pensait à l'addition du pronom personnel **du* à la désinence de parfait 3 sg. **-e*. Seule l'addition à une forme de 2 sg. est possible.

²¹ Exemples italiens : vénitien *parlé-u*, poschiavino *čamá-f*; milanais *troávə-t*, *dizévo-f*; bergamasque *portésse-f*, sicilien *cantásti-vu*, 'parlez, appelez, trouvais, disiez, portâtes, chantâtes', pour éviter des homophonies ou des désinences trop peu marquées, [Rohlf 1968: 254, 290, 316 s.].

2.1.2. Phonétique

2.1.2.1. *du*. La sonorisation de l'initiale dans le pronom personnel arm. *du* < **t'u* < i.-e. **tũ* est liée à sa fréquence d'emploi élevée (cf. anglais *thou*, langues scandinaves *du*, ossète *dy/du*, et ci-dessous 14.1). Schmitt [1981: 116 s.] pense à une variante de sandhi, mais c'est improbable au vu du parallèle germanique. Si l'on considère la liste des mots anglais où *p* initial est devenu *ð*, on remarque que la plupart sont souvent initiaux de phrase ou de syntagme ; seul *thou* peut être enclitique, mais en contexte non sonorisant (*art thou*, *dost thou*).

2.1.2.2. *Lénition récente* **d* > *r* après voyelle. Le passage récent de **d* (ou éventuellement **ð*) postvocalique à *r* en arménien n'est pas limité aux emprunts iraniens et araméens [Viredaz 2004–2005: 85–93]. Il concerne aussi i.-e. **d^h*, qui devient *d* à l'initiale [Schmitt 1981: 60 s.] mais *r* après voyelle :

- a) *-a-ruk*‘, désinence 2 pl. de l'aoriste médio-passif < i.-e. **-d^huwe* ([Jasanoff 1979: 144 s.] et ci-dessous 13.2.3) ;
- b) p.-ê. *ayrem* ‘brûler’, grec αἶθω (*ibid.*, p. 145)²² ;
- c) p.-ê. *-r* de certain impératifs aoristes < **-d^hi* (*ibid.*, p. 145 s.) ;
- d) *gerem* ‘emmener captif’ [Praust 2005] ;
- e) p.-ê. *ur* ‘où’ < **k^wud^he*, car l'ancienneté indo-européenne de l'indo-iranien *kútra* ou du lituanien *kuĩ* n'est pas garantie [Viredaz 2004–2005: 85 s.]).

Il se peut en outre que certains *r* suffixaux (noms d'action, ordinaux) résultent de l'extension analogique après voyelle de suffixes **-di-*, **-do-* issus d'i.-e. **-ti-*, **-to-* après *r*, *l* (*ibid.*, p. 90–92).

Nous pensons donc qu'il faut poser en arménien même une lénition de **d* postvocalique (de toute origine) en *r*, à une date

²² Le doute tient aux mots *awd* ‘chaussure’ et *awd* ‘air’, qui, bien qu'ils n'aient pas de correspondants exacts dans d'autres langues, donnent à penser que le traitement **d* > *r* n'a pas lieu après *aw* et ne devrait donc pas non plus avoir lieu après *ay* ([Martirosyan 2010: s. vv.], et [Martirosyan, en préparation, § P 232.2b]). Après **ey*, **ow*, on n'a pas d'exemples hérités, mais le traitement *r* est attesté par les emprunts iraniens, comme *vêr* ‘blessure’, *aroyr* ‘laiton’ (emprunté, comme tous les autres noms de métaux). Arm. *vayr* ‘champ, sol, lieu’ est peu probant, l'étymologie iranienne **wāida-* [Olsen 1999: 908] n'étant pas sûre.

postérieure à l'afflux des emprunts iraniens, ce qui rendra compte à la fois des exemples ci-dessus comme *-a-ruk'*, *gerem* où $r < i$ -e. $*d^h$, des exemples innombrables où r répond à un $*d$ postvocalique du vieil iranien, et de la désinence 2 sg. *-r* < $*-du$ selon 2.1.1²³.

2.1.2.3. **bere-du* vs. **bere(ð)i*. Pourquoi le produit est-il **bere-du* > *berer*, et non $\dagger *bereðu$ > $\dagger berew$, avec lénition intervocalique ancienne²⁴ comme au présent **bereði* > *berê*? On peut songer à diverses explications :

a) $*d$ traité (temporairement) comme initial de mot (cf. *mard-d* 'l'homme', [Viredaz 2004–2005: 92 s.]). Improbable, car **bere-du* est traité comme un seul mot pour l'accent.

b) Univerbation postérieure à la phonologisation de la différence entre les produits conditionnés $*-ð$ - et d - de la lénition (au plus tard lors de la chute de $*ð$ intervocalique). Spécieux, car

²³ D'autres explications de la désinence 2 sg. *-r* ont été proposées (voir [Viredaz 2004–2005: 89, n. 27]), mais ne nous paraissent pas préférables. — En dernier lieu, Plötz (à paraître, § 2) part d'une désinence moyenne $*-th_2a$ (ou $*-th_2ās$), mais le dossier en faveur de $*th_2$ ou $*t^h$ intervocaliques > r est insuffisant. Au contraire, tous les exemples connus de sourde aspirée indo-européenne ont en arménien p , t' , x insensibles aux lénitions [Meillet 1936: 35 s.], même si l'on n'a pas d'exemple de $*t^h$ entre voyelles. (Pour $*t^h$ après sonante, écarter l'exemple *hun* qui représente un i.-e. $*pont$ - différent de véd. *pánthāḥ* < $*pont-eh_2$ -.) — Oliver Plötz nous signale par ailleurs qu'arm. *dašxuran* 'bol' est d'étymologie trop incertaine (cf. m. pers. *šādurwan* 'bassin, étang, plateforme') pour que l'on puisse en tirer argument comme nous le faisons en [Viredaz 2004–2005: 86 s.].

²⁴ Il y a lieu de distinguer plusieurs lénitions successives [Viredaz 2004–2005: 96–99] :

– lénition précoce ([Viredaz 2004–2005] : early lenition) : désocclusion quasi générale de $*c' < i$ -e. $*k_l$;

– lénition ancienne ([Viredaz 2004–2005] : main lenition) : désocclusion et/ou sonorisation conditionnelles des autres sourdes aspirées issues des sourdes simples indo-européennes ;

– lénition récente ou tardive ([Viredaz 2004–2005] : late lenition) : désocclusion des occlusives sonores arméniennes autres que g (issues principalement des sonores aspirées indo-européennes et, par emprunt, des sonores du vieil iranien).

l'univerbation s'est faite progressivement (l'addition du pronom étant sporadiquement possible dès l'indo-européen).

c) Restauration de **bereðu* ou **bereu* en **bere-du* au moment de ladite phonologisation. Douteux, cette restauration n'étant guère motivée.

d) Univerbation antérieure à la chute de **h* (< **s*) final : **berēh-du* : **berēdi* > **beredu* : **berei* ; c'est-à-dire que l'addition de **du* serait déjà antérieure à la confusion entre 2 sg. **berēh* et 3 sg. **bere* et motivée par leur paronymie et non par leur homonymie. Douteux, car l'explication que nous serons amenés à retenir pour *ēr* 'était' (11) implique que l'initiale **d* de l'enclitique n'est pas liée à un **h* final précédent.

e) **ð* intervocalique était déjà tombé (p. ex. dans **b^hereti* > **berēdi* > **berēi* [*berēyi*]) au moment où le pronom **du* est devenu obligatoire à 2 sg. Surprenant, mais possible. (Il s'agit d'une variante de la solution *b*, écartée un peu hâtivement.) L'homophonie de 2 sg. et 3 sg., nous l'avons noté, suppose la chute de l'occlusive finale dans **e-b^heret* > **e-bere*, mais aussi la chute de la consonne finale dans **e-b^heres* > **e-bereh* > **e-bere*, qui peut être plus récente. Le fait que **b^heres-tu* ait été possible dès l'indo-européen, et que le groupe *st* soit conservé en arménien, ne constitue pas une objection décisive : d'une part, la conservation de **st* à l'intérieur de mot n'exclut pas un traitement **berēh-t'u* en sandhi, où **s* > **h* servirait à marquer la limite de mots ; d'autre part, tant que l'addition du pronom personnel était facultative, le produit isolé de **b^heres* (donc **bere*) et le produit isolé de **tu* (donc **du*) pouvaient être restaurés dans le groupe forme verbale + pronom personnel.

En conclusion, nous retiendrons la solution *e*. (La seconde par ordre de probabilité serait *a*.)

2.1.3. *Chronologie relative*. Nous ne connaissons pas la chronologie relative de la chute de **-t* et de **-h* (< **-s*), dont le cumul a provoqué l'homophonie en question. Nous ne savons pas non plus combien de temps a pu s'écouler entre **-s* > **-h* et **-h* > Ø, ni entre l'apparition de l'homophonie et son élimination par l'ajout devenu obligatoire du pronom **du*.

2.1.4. *Comparaison avec le slave*

a) En vieux slave, l'homophonie de 2 et 3 sg. à l'aoriste et à l'imparfait n'a pas été réparée (à part l'exception *c* ci-après) : *nesъ*,

nese, nese 'j'ai, tu as, il a porté'. Elle a même été étendue à des thèmes où elle n'était pas phonétiquement régulière (*daxb, da, da* 'j'ai, tu as, il a donné', au lieu du traitement régulier 2 sg. **dās* > **dy* : le besoin de reconnaître le thème a primé sur celui de différencier les personnes).

b) Dans les langues slaves modernes, il est vrai, à l'exception partielle du slave méridional, tant l'aoriste que l'imparfait ont cédé la place depuis lors à un tour périphrastique impliquant le participe passé actif en *-l-* [Townsend-Janda 1996: 213–215, 218, 221–223]. Mais le développement de ce prétérît nouveau est sans doute spontané et non lié au handicap homophonique des anciens²⁵.

c) À une partie des aoristes monosyllabiques, cependant, le slave a ajouté (temporairement) les enclitiques 2 sg. **tu* > v. sl. *-tb*, 3 sg. **tas* > v. sl. *-tb* (n. 65).

2.2. Chute des voyelles posttoniques et remédiation

2.2.1. Plus tard, quand l'arménien a perdu les voyelles posttoniques²⁶, le paradigme a connu une nouvelle homophonie : *elík'o*, **lik'édu*, **elík'e* > **elík'*, **lik'éd*, **elík'*.

La solution a consisté alors dans l'addition d'une désinence *-í*, **lik'í* (classique *lk'i*), « d'origine inconnue » pour [Meillet 1936: 124], et diversement expliquée par d'autres :

a) Barton [1974: 30 s., 34] : indo-européen (dialectal) *b^herēsom* comparable aux aoristes slaves *vbďěxъ* 'j'ai vu' ← **wid-ē-*. Mais il est peu économique de supposer un paradigme supplétif (ou deux paradigmes) dès l'indo-européen dialectal pour expliquer arm. *beri* : *eber*.

²⁵ D'une part, en effet, le nouveau prétérît s'est répandu aussi bien en slave occidental et méridional, où le participe est accompagné du verbe 'être', qui distingue les trois personnes, qu'en slave oriental, où la copule est zéro et ignore donc la distinction des trois personnes (raison probable pour laquelle ces langues ont accru l'emploi du pronom personnel sujet, mais à tous les temps). D'autre part, le renouvellement de l'expression du passé (ou du futur, etc.) est chose fréquente dans les langues du monde et ne semble pas nécessiter de déclencheur précis.

²⁶ Pendant l'époque parthe, car la vague principale des emprunts iraniens est antérieure à la chute des voyelles posttoniques, [Meillet 1936: 23; Olsen 1999: 858–861] ; cf. [Martirosyan, en préparation, § M 102].

b) Winter [1975: 120] : emprunt de la désinence d'imparfait ; le motif de l'innovation n'est pas précisé.

c) Jasanoff [1979: 142 s.] : analogie de l'imparfait du verbe 'être' (prés. *em* : impf. **i*), permettant d'éviter l'homophonie entre 1 sg. et 3 sg. ; le mode d'action de l'analogie n'est pas précisé. À l'époque considérée (après la chute des voyelles posttoniques), l'imparfait 'il était' devait être **ei* (10.3) et non **i*, mais cela n'affaiblit peut-être pas l'hypothèse.

d) Schmitt [1981: 149] : l'évolution phonétique régulière aurait amené la confusion des désinences de 1–2 sg. avec 3 sg. ; pour éviter cela, elles en ont été différenciées à nouveau, par l'addition de *-i* à 1 sg. (« vielleicht vom Impf. ? ») et de *-r* à 2 sg. C'est donc à peu près l'explication de Winter ou de Jasanoff. C'est aussi à peu près l'explication que nous retiendrons pour 1 sg. Pour 2 sg., en revanche, voir 2.1, car il faut tenir compte que dans les finales **-om*, **-es*, **-et*, la consonne a dû d'abord tomber seule, et la voyelle plus tard.

e) Kortlandt [2003: 36 (1981)] : analogie de 1 sg. *edí* et d'autres aoristes athématiques en **-i-* : après l'apocope (3 sg. **édi* > *éd*), le *i* de 1 sg. a été réinterprété comme désinentiel et s'est étendu aux thématiques. Mais si l'on tient compte que *eki* : *ekn* n'a pas dû être un modèle important à cause de sa 3 sg. aberrante *ekn*, et que trois autres types d'aoristes invoqués par Kortlandt ne sont pas attestés en arménien, il ne reste comme modèle possible que le seul verbe *edi* : *ed*, ce qui n'est guère suffisant.

f) Klingenschmitt [1982: 15 s.] : l'absence d'aoriste hérité a conduit à utiliser les formes d'imparfait, 1 sg. **bería*, 3 sg. **béri*, etc., *vel simm*. (elles-mêmes analogiques de **ía*, **í* 'étais, était'). Mais cette explication ferait attendre la même innovation à toutes les personnes.

2.2.2. Dans la ligne de Schmitt, et partiellement de Klingenschmitt (2.2.1), nous proposons l'explication suivante : la désinence *-í* qui a servi à éviter l'homophonie (2.2.1, début) est empruntée à l'imparfait, sous la forme qu'il avait alors, tandis que les imparfaits classiques *berei*, *lk'anei* seront des réfections de **beri*, **lk'ani* (12.2)²⁷.

²⁷ Hypothèse brièvement proposée dans notre article [Viredaz 2003: 25, n. 7], mais sans mention de sources.

Dans le détail, cet emprunt de désinence doit être posé en deux étapes :

a) Dans le cas de *beri*, *aci*, *hani* (les trois seuls verbes dont les thèmes de présent et d'aoriste soient identiques, 1.2)²⁸, il s'agira de supplétion : forme d'imparfait arménien employée en fonction d'aoriste²⁹ ;

b) Dans le cas des autres verbes, il s'agira d'emprunt de la désinence : aoriste **lik'í* par analogie du nouvel aoriste *berí*. L'analogie résultera de la proportion suivante :

3 sg. *ebér* : 1 sg. nouvelle (supplétive) *berí* ::

3 sg. *elík'* : => 1 sg. nouvelle (analogique) **lik'í*³⁰.

2.3. Résumé

<i>*e-lik^wom</i>	<i>*e-lik^wes</i>	<i>*e-lik^wet</i>
<i>*e-lik'o</i>	<i>*e-lik'e</i>	<i>*e-lik'e</i> ! 2 = 3
<i>*e-lik'o</i>	<i>*e-lik'e du^a</i>	<i>*e-lik'e</i> ^a pronom personnel sujet
<i>*e-lík'o</i>	<i>*lik'édu</i>	<i>*e-lík'e</i>
<i>*e-lík'</i>	<i>*lik'éd</i>	<i>*e-lík'</i> ! 1 = 3
<i>*lik'í^b</i>	<i>*lik'éd</i>	<i>*e-lík'</i> ^b désinence d'imparfait
<i>lk'i</i>	<i>lk'er</i>	<i>e-lik'</i>

Dans les deux cas d'homophonie, la forme de 3 sg. a été conservée et la forme concurrente, refaite (ce qui est conforme à ce qu'on attend : fréquence plus élevée de la 3e personne, cf. 14.4).

Le pluriel sera traité brièvement plus loin (13.1).

²⁸ On ne sait pas si cette liste comportait encore d'autres verbes à l'époque considérée (peu ancienne).

²⁹ Supplétion peut-être catalysée par l'analogie, car 3 sg. imparf. devait être à cette époque **ber*, **ac* (< **béri*, **áci*, cf. [Klingenschmitt 1982: 15, § 3.8:2] ; sans augment, cf. [Praust 2003: 129] : impf. 3 sg. **bér* : 1 sg. **berí* :: aor. 3 sg. *ebér* : => 1 sg. *berí* (avec suppression automatique de l'augment à cause du nombre des syllabes).

³⁰ Compte tenu de la période de transition pendant laquelle les formes ancienne et nouvelle ont dû coexister, il n'est pas impossible que les formes anciennes de 1 sg. aient aussi joué un rôle dans l'analogie : 3 sg. *ebér* : 1 sg. ancienne **ebér* : 1 sg. nouvelle (supplétive) *berí* :: 3 sg. *elík'* : 1 sg. ancienne **elík'* : => 1 sg. nouvelle (analogique) **lik'í*.

3. Réfections des aoristes athématiques : 1 sg.

Les prétérits athématiques ont subi des réfections importantes (3–4, 6–7, 10–12), en partie partagées avec le slave (5, 9).

3.1. Absence de -n

3.1.1. *L'hypothèse de Bonfante.* Le traitement des nasales finales indo-européennes en arménien suit une règle originale : **-m*, **-n* postvocaliques tombent, tandis que **-m*, **-n* syllabiques deviennent -n [Meillet 1902, 1936: 56]³¹. Cette loi n'a rien de contradictoire, mais signifie seulement que la vocalisation des sonantes syllabiques (**R̥ > *aR*) a lieu relativement tard en arménien (après la chute des consonnes finales)³².

Les exceptions à la règle de Meillet sont peu nombreuses. L'une d'elles serait l'absence totale de traces de la désinence indo-européenne athématique **-m* à la première personne des prétérits arméniens, notamment dans *ei* 'j'étais', qui, à part l'addition de *e-*, doit continuer i.-e. **ēs̄m*.

Cette exception disparaît, comme l'a vu Bonfante [1942: 102 s.], si l'on admet que **-m* a d'abord été remplacé par **-om* en arménien comme en slave : v. sl. *věs̄b* 'je conduisis' < **wēd^h-som* ← **-s-m*.

Aux exemples *edi*, *etu* de Bonfante, on ajoutera l'imparfait arm. *ei* (10), v. sl. *běxb* (5.2) 'j'étais' < **ēs-om* pour **ēs-m*.

3.1.2. *Hypothèses concurrentes.* Pour Jasanoff [1979: 141], une fois **ēs̄m* devenu phonétiquement **ían*, il serait « assez naturel » que la désinence **-an* [ou plutôt son produit ultérieur **-n*] ait été remplacée par zéro sur le modèle des produits de **-om* thématique et de **ed^hēm*, **edōm*, où la nasale tombait régulièrement. Mais ce remplacement n'est

³¹ Suivi notamment par [Bonfante 1942: 103; Schmitt 1981: 53, 111; Kortlandt 2003: 29 (1980); Beekes 2003: 166–168]. Autres avis : p. ex. [Klingenschmitt 1982: 28 s.] (variantes de sandhi); [Godel 1982: 69] (1972) (différence entre **m* et **n*); [Olsen 1999: 794] (nasale conservée après **i*, **u*). Discussion : [Viredaz 2003: 24–28] (supériorité de la règle de Meillet en termes de simplicité, de vraisemblance et de pouvoir explicatif).

³² [Viredaz 2003: 27 s.]. Cette chronologie est confirmée par le fait que d'autres innovations encore précèdent **R̥ > *aR*, telle la métathèse **ary > ayR*, [Viredaz 2003: 29–31].

pas vraisemblable, car contraire au sens normal de l'analogie : d'une part, le verbe 'être', de par sa fréquence, est d'ordinaire la source et non la cible des actions analogiques (cf. 14.4) ; d'autre part, c'est plus souvent la désinence explicite qui s'étend aux dépens de la désinence zéro que l'inverse (cf. [Mańczak 1958: 321–323]). En note, Jasanoff mentionne comme autre possibilité la solution de Bonfante, qu'il adoptera plus tard [Jasanoff 2003: 143, n. 27].

Pour Kortlandt [2003: 36] (1981), la désinence athématique 1 sg. **-n* < **-n̄* a été « éliminée » parce qu'elle se confondait avec 3 pl. **-n* < **-n̄t*. Par ce terme, l'auteur n'entend sans doute pas ici une chute phonétique (irrégulière), mais une substitution de désinence (zéro rempaçant **-n*) : il s'agit donc d'une variante de l'hypothèse de Jasanoff. Ailleurs, cependant, Kortlandt soutient les hypothèses, différentes, de Bonfante (3.2.1, 3.1.1 n. 31-32).

Invoquer l'analogie de la désinence primaire (i.-e. **-ō* > arm. **zéro*³³) ne vaudrait pas mieux : d'une part, les langues indo-européennes ont tendu à étendre l'opposition entre désinences primaires et désinences secondaires plutôt qu'à la réduire³⁴ (sauf le baltique, qui l'a entièrement éliminée, et le latin, qui l'a cependant conservée à 1 sg.) ; d'autre part, l'objection ci-dessus relative au remplacement par une désinence zéro s'appliquerait aussi.

Phonétiquement, la désinence zéro arménienne pourrait être le produit d'un **-a* emprunté au parfait. Mais un remplacement de la désinence d'aoriste par celle de parfait ne semble connu ailleurs qu'en cas de syncrétisme des deux jeux de désinences (latin *dīxī* < **deīksai* ← **deīksm̄*), ce qui ne semble pas être le cas en arménien. Quant à l'hypothèse d'un parfait i.-e. **ēsa*, **ēst^ha*, **ēse*, c'est un mirage (5.3.1.5).

Le slave *-b* autoriserait aussi des restitutions **-u*, **-um*, mais cette option n'est pas possible pour l'arménien, car **ēsu(m)* 'j'étais' deviendrait **īu* > **īw* (cf. **g₁^hiōm* > **jīun* > *jīwn* 'neige') et non **i* qui

³³ La désinence *-em* (analogique de *em* 'je suis') n'est probablement apparue que tardivement, après que la chute des voyelles posttoniques eut réduit à zéro la désinence héritée **-ō* > arm. **-u*. La désinence héritée se trouve encore au subjonctif aoriste, moins exposé à l'analogie du présent *em* : 1 sg. *tac* 'je donnerai', 1 pl. *tac* 'uk' < **da-sk₁-ō*, **da-sk₁-omes*.

³⁴ Cf. ci-dessous 13.1.1 pour 1–2 pl.

est supposé par l'arménien classique *ei*. En slave aussi, la probabilité que 1 sg. -*ь* représente un traitement phonétique $*\eta > *um$ ou une désinence indo-européenne en $*u$ est voisine de zéro, tant le dossier est mince en faveur de l'une ou de l'autre hypothèse.

Nous ne voyons donc pas de raison d'écarter l'explication de Bonfante, et la suite de l'étude ne fait que confirmer cette conclusion (3.2, 7.2.4, 7.4).

3.2. *edi, etu*

3.2.1. *L'hypothèse de Bonfante.* Les formes 1 sg. *edi* 'posai', *etu* 'donnai' présentent une syllabe de plus que le produit attendu de leurs antécédents indo-européens $*e-d^h\bar{e}m$, $*e-d\bar{o}m$, cf. 3 sg. *ed*, *et* < $*e-d^h\bar{e}t$, $*e-d\bar{o}t$.

L'explication remonte également à [Bonfante 1942: 102 s.], largement suivi depuis lors [Godel 1982: 25, n. 17 (1965); Schmitt 1981: 54, 154, 156; Kortlandt 2003: 79 (1987), 114 (1996)], [Barton 1989: 146] avec références, [de Lamberterie 2007: 34, n. 8] : à la lumière du slave, où v. sl. *děxъ* 'j'ai fait', *daxъ* 'j'ai donné' < $*d^h\bar{e}som$, $*d\bar{o}som$ ³⁵ s'opposent à 2-3 sg. *dě* < $*d^h\bar{e}s$, $*d^h\bar{e}t$ et *da* < $*d\bar{o}s$, $*d\bar{o}t$, on posera de même arm. *edi*, *etu* < $*e-d^h\bar{e}som$, $*e-d\bar{o}som$.

Nous reviendrons plus en détail dans la suite sur les faits slaves (5) et sur l'origine de cette innovation (7).

Sur l'éventualité d'une réfection $*et\acute{u} \rightarrow *et\acute{u}y$ (> *etu*), voir 3.5.

I.-e. $*e-g^w\bar{e}m$ 'je suis venu' (< $*h_1e-g^wem-\eta$)³⁶ est devenu de même $*e-g^w\bar{e}som$ > *eki*, malgré la forme différente et remarquablement archaïque de 3 sg. *ekn* < $*e-g^went$ < $*h_1e-g^wem-t$.

3.2.2. *Hypothèses concurrentes.* L'interprétation de Bonfante est écartée par [Jasanoff 1979: 142, n. 21], au motif que $*ed^h\bar{e}som$

³⁵ En slave, un $*s$ initial de désinence ou de suffixe flexionnel a été remplacé après toute voyelle par *x/š* [Meillet, Vaillant 1934: 32 s., 250 s., 395 s.].

³⁶ Loi de Szemerényi-Stang, cf. [Meier-Brügger 2000: 89 s.]. — 1 sg. $*e-g^w\bar{e}m$ < $*h_1e-g^wem-m$ a déjà été supposé par plusieurs auteurs (ainsi, avec réserve, [Pinault 1989: 150]), mais à notre connaissance seulement pour expliquer le tokharien B *šem* 'vint' (< $*g^w\bar{e}m-et$ refait sur $*g^w\bar{e}m-om$) et éventuellement le latin *uēnit*. — La présence d'une ancienne laryngale initiale dans l'augment n'est pas démontrée : notre graphie $*h_1e-$ dans cet article est à comprendre comme une simplification de $*(h_1)e-$.

deviendrait $\dagger ed$, c'est-à-dire que la séquence $*\bar{e}so > *\bar{e}o$ devrait se contracter. Pourtant, Jasanoff ne suppose pas de contraction dans l'imparfait $*\bar{e}sm > *ian$ (état avant la chute des voyelles posttoniques) ou $*\bar{e}som > *i$ (état après celle-ci), (*ibid.*, p. 141, n. 17).

Jasanoff [1979, 142, n. 21], envisage sans la retenir une explication qui sera en revanche adoptée par Schmidt [1986: 33, n. 4]: $*d^h\bar{e}m$, $*e-d^h\bar{e}t$, $*d\bar{o}m$, $*e-d\bar{o}t > *di$, ed , $*tu$, et , puis généralisation de l'augment. (On pourrait aussi supposer une généralisation du thème $ed-$, $et-$.) Praust [2003: 130] soutient une thèse voisine, misant sur l'ancienne coexistence de formes avec et sans augment : contrairement à 3 sg. ed , $et < *ed^h\bar{e}t$, $*ed\bar{o}t$, les formes à augment 1 sg. $*ed$, $*et < *ed^h\bar{e}m$, $*ed\bar{o}m$ auraient emprunté le vocalisme de leurs pendants sans augment $*di$, $*tu < *d^h\bar{e}m$, $*d\bar{o}m$. Cependant les hypothèses de ce type sont *ad hoc* et invraisemblables, car il n'y a pas de raison que l'augment, dans un premier temps, se soit généralisé à la troisième et non à la première personne³⁷. (Voir aussi 7.4.)

Jasanoff, *loc. cit.*, interprète finalement edi comme une réfection analogique de $*ed (< *ed^h\bar{e}m$ ou $*ed^h\bar{e}som)$ (d'après $edir$) et etu comme analogique de edi . Cependant cette thèse a l'inconvénient de supposer que l'homophonie entre 1 sg. et 3 sg. a duré depuis la chute des consonnes finales ($*ed^h\bar{e}m$, $*ed^h\bar{e}t > *ed\bar{e}$) jusqu'après la chute des voyelles posttoniques (donc après les emprunts iraniens), durée trop longue pour être plausible.

Klingenschmitt [1982: 16], pense que $*ed^h\bar{e}m$, $*ed\bar{o}m > *edi$, $*etu$ ont été élargis en $*edii$, $*etui$, avec $*-i$ emprunté au type $beri$, puis contractés en $*ediy$, $*etuy$. La première étape est impossible sous cette forme, pour cause d'anachronisme. En effet, pour Klingenschmitt, qui n'accepte pas (ni ne mentionne) l'hypothèse de Bonfante, l'addition de $*-i$ à $*etu$ etc. se place *avant* la chute des voyelles de syllabe finale, puisqu'elle est censée expliquer la place de l'accent dans le résultat arménien historique $etú$ au lieu de $*étu > *et$ attendu phonétiquement. Or, à cette date, la voyelle finale de

³⁷ Chez Homère, on observe même que les 3 sg. $\beta\eta$, $\sigma\tau\eta$, $\delta\omega\kappa\epsilon(v)$, sont nettement plus fréquentes que les formes à l'augment correspondantes, ce qui n'est pas le cas aux autres personnes. Cette constatation ne s'applique cependant pas à d'autres verbes comme $\theta\eta\kappa\epsilon(v)$ (seulement un peu plus fréquent), $\tau\lambda\eta$, $\delta\bar{o}$, $\phi\eta$ (moins fréquents que les formes à augment).

l'imparfait 1 sg. n'était pas **-i*, puisque **beri*, **gorceac'i* (> *beri*, *gorcec'i*) sont les formes acquises après la chute des voyelles de syllabe finale. Avant cette chute, *beri* a dû être **berío* (notre hypothèse) ou **bería* (cf. **ía* 'j'étais' selon Klingenschmitt [1982: 15]). La réfection supposée devrait donc être **étu* → **(e)tuío* ou **(e)tuía*, ou plus plausiblement **etúo*, **etúa*, mais nous verrons que ces explications s'avèrent finalement moins probables que **edōm* → **edōsom* (7.1.5). La deuxième étape supposée par Klingenschmitt, **(e)tuí* > **etúy*, est difficile à concilier plausiblement avec l'absence de contraction dans les imparfaits (*berei*, *mnayi*, *lnui*), voire, s'il s'agit bien d'hiatus, dans *-awu-* (p. ex. *awurk'* 'jours' et non †*awrk'*).

3.3. Discussion phonétique

Les traitements phonétiques **e-d^hēsom*, **e-dōsom*, **e-g^wēsom*, **ēsom* > *edi*, *etu*, *eki*, *ei*, considérés comme allant de soi (à propos des deux premiers) par Bonfante et ses successeurs (3.2.1), posent à vrai dire deux problèmes phonétiques : celui du produit d'i.-e. **-om* et celui de l'absence de contraction.

3.3.1. **-om* > **-o*. L'explication de Bonfante, suivie ici, requiert que **-om* devienne **-o* en arménien, et non **-u* comme on le pense souvent ; autrement dit, que la chute de la nasale finale postvocalique soit antérieure à la fermeture de **e*, **o* devant nasale³⁸. En effet, **ēsom*, **e-d^hēsom*, **g^werasom* ont dû devenir **ío*, **edío*, **keráo*, car s'ils étaient devenus **íu*, **edíu*, **keráu*, les résultats classiques ne seraient pas *ei* (pour **i*), *edi*, *keray* mais †*eiw*, †*ediw*, †*keraw* (cf. **g₁^hiōm* > **jīun* > *jiwn* 'neige', déjà cité 3.1.2).

Peut-on trouver des arguments indépendants pour savoir si **-om* final est devenu **-o* ou **-u* en arménien (avant la chute des voyelles posttoniques) ?

Nous n'en connaissons qu'un, celui des neutres indo-européens en **-om*. Si la loi phonétique était **-om* > **-u*, ils se seraient retrouvés avec la finale **-u* au nominatif-accusatif singulier (en plus du datif et de l'ablatif, i.-e. **-ōī*, **-ōt*), raison certainement suffisante pour occasionner, ne serait-ce que chez une partie d'entre eux, une confusion avec les thèmes en *u*. Or il n'en est rien. Les thèmes en *o* arm. *arawr* 'charrue',

³⁸ La chute de la nasale finale postvocalique est antérieure aussi à la vocalisation des sonantes syllabiques (**-VN* > **-V* antérieur à **R* > **aR*, 3.1.1).

gin 'prix', *luc* 'joué', *het* 'trace', *mêj* 'milieu', *turk* 'pl. 'don', et peut-être *gorc* 'œuvre'³⁹, continuent les neutres i.-e. **aratrom*, **wesnom*, **yug₂om*, **pedom*, **med^hyom*, **dōrom*, **werg₁om*, tandis qu'aucune équation de mots à ma connaissance ne lie un thème arménien en *u* à un neutre indo-européen en **o*⁴⁰. Le contraste est total avec les noms en **-wi-*, certes peu nombreux, qui sont tous devenus des thèmes en *u* en arménien (**awi-* 'oiseau' > *haw*, *hawu* 'poule', **arewi-* '?' > *arew*, *arewu* 'soleil', p.-ê. **g^wow-* → **g^wow-i-* > *kov*, *kovu* 'vache', [Olsen 1999: 109 s.], sans doute parce qu'à une certaine date, **-wi* posttonique s'est assimilé en **-wu* en arménien (Schindler chez Olsen, *loc. cit.* ; on n'aperçoit pas d'objection ni de meilleure explication).

3.3.2. *La préposition *en*. Un autre argument semble certes aller en sens contraire : la préposition **en* > *i* 'dans'. Il reste à trouver comment résoudre la contradiction avec l'argument qui précède (en faveur de **-om* > **-o*). Une solution serait que la fermeture de **e* devant nasale soit plus ancienne que celle de **o*, mais cette dissymétrie n'est pas satisfaisante. Une autre serait que la chute de la nasale finale soit plus tardive dans les monosyllabes⁴¹. Il est vrai que leur **n* se serait alors confondu avec le produit d'i.-e. **-nt* et devait dès lors subsister. Cependant le proclitique **in* pourrait avoir

³⁹ *o* radical peut-être d'après *gorcem* < **worg₁-eye-* itératif, [Meillet 1922] (moins nettement [Meillet 1903: 77, 1936: 105]), cf. [EDAIL: 227]. Aucune trace d'un cognat **worg₁-o-* dans les autres langues. Aucun lien direct non plus entre arm. *gorcem* et gr. myc. *wo-ze-* /*worje-*/ < **wrg₁-ye-*.

⁴⁰ Nous ne parlons pas du masculin **awo-* 'grand-père, ancêtre, oncle' > arm. *haw*, qui admet les deux flexions en *o* et en *u*, la seconde sans doute suscitée analogiquement par le *w* final. De même, *inj*, *-u* 'léopard' sera analogue de *ariwc*, *-u* 'lion' (où la flexion en *u* est peut-être suscitée par la diphtongue en *w*).

⁴¹ On sait que la nasale finale latine est souvent conservée dans les langues romanes dans les monosyllabes [sauf après *a*] : *quem* > espagnol *quien* 'qui'. En arménien, on cite souvent à ce propos *k'an*, synonyme du latin *quam*, mais l'exemple n'est pas probant car il peut venir de **k^wāw₁nt* ([Szemerényi 1987, II: 764 s. (1956)] ; *-m* pour **-n* dans latin *tam*, *quam* d'après *tum*, *cum*). Dans les thèmes en *n* (*šin* 'chien', *tun* 'maison'), le maintien de la nasale finale est analogue (des thèmes en *r*) et n'est pas lié au monosyllabisme (cf. *anjn* 'personne').

généralisé ensuite une forme *i* apparue en sandhi devant *s* (avant le développement de la voyelle prothétique devant **sC-*), voire devant *h* (**in-hét* > **i-hét* > *yet* plutôt que **inét* > **net*).

Devant voyelle ou *h*, l'allomorphe *y-* < **i-* est bien implanté dès l'arménien classique. Mais il a peut-être existé aussi un allomorphe *n-* qui confirmerait la date récente de la chute du **n* dans **in*.

D'une part, en effet, on s'interroge sur l'origine de la préposition *n-/ən-* employée par l'école hellénisante pour traduire *êv*, *էջ*, *ἀπὸ* [Mercier 1978–1979: 64 s.]. Aucune des (autres) prépositions créées par l'école hellénisante n'étant empruntée au grec, se peut-il que (*ə*)*n-* soit une forme arménienne dialectale ? Cependant cette question ne devrait pas être examinée séparément de celle des nombreuses prépositions hellénisantes d'étymologie obscure.

D'autre part, on se demande si le préverbe *n-* des mots *nayim* 'regarder' < *hayim* 'id.', *niwt'em* 'préparer, machiner' < *hiwt'* 'matière', *nec'uk* 'soutien' ~ *yenum*, *yec'aw* 's'appuyer', représente i.-e. **ni-* [Meillet 1977: 62 s. (1900); de Lamberterie 2003: 249] ou peut-être **en-* [Dumézil 1977: 3 (1947); Klingenschmitt 1982: 250, n. 8]. Dumézil voit une préposition *n-* dans *nanir* 'vain' (Psaumes+) < *anir* 'inactif', et un préverbe **en-*, figé à date ancienne, dans *əmpem* 'boire' < **en-pibe-* ([Dumézil 1938] ; autres références et revue des opinions sur ce verbe chez [Martirosyan 2010: 277 s.]).

Dans le cas de *nayim*, beaucoup d'exemples bibliques semblent incompatibles avec **ni-* 'de haut en bas' (Jean 1:36) ou favorables à **en-* 'dans' (Luc 20:23), mais d'autres indiquent clairement **ni-* (Jean 8:6)⁴², comme si le composé avait une double origine ; il peut même signifier 'prêter l'oreille' (complément introduit par *i*) (Psaume 5:3)⁴³.

3.3.3. *Non-contraction*. Les reconstructions **ēsom* (imparfait) > *e-i* (3.1.1), **e-d^hēsom* (aoriste) > *edi* (3.2.1) impliquent que la séquence **ēo* (résultant de la chute de **s* intervocalique) ne se contracte pas, et donc

⁴² Voir [de Lamberterie 1986: 51 s.].

⁴³ Noter encore l'abréviation albanienne *ñn* 'éternel, éternité', que Gippert (in [Gippert et al., 2009]) rapproche de l'arm. *i yawitean*, dont elle supposerait une variante **n yawitean* (sans **i* initial à notre avis, vu la date probable de l'emprunt).

que la loi phonétique $*\bar{e} > i$ est antérieure aux contractions (anciennes)⁴⁴ : $*e-d^h\bar{e}m \rightarrow *e-d^h\bar{e}som > *e-d\bar{e}o > *e-d\bar{i}o > edi$. Dans ce cas, $*\bar{e}e$, $*\bar{o}o$, $*\bar{o}e$ deviendraient probablement de même $*ie$, $*uo$, $*ue$.

Il faudrait pouvoir confirmer cette règle ou cette chronologie par un exemple indépendant⁴⁵. On ne peut rien tirer de *dik* 'dieux' < $*d^h\bar{e}ses$, qui ne permet pas de savoir si la forme antérieure à la chute des voyelles posttoniques était $*d\bar{i}k$ (contracte) ou $*d\bar{i}ek$; ni de *li* 'plein', qui peut représenter $*pl\bar{e}yo-$ (grec $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omega\varsigma$) mais aussi $*pl\bar{e}to-$ (latin *plētus* 'rempli', albanais *plot* 'plein') : dans le second cas, il s'agira d'un hiatus récent, qui n'enseignera rien sur le traitement des hiatus anciens.

Le seul exemple que nous ayons relevé est lui-même incertain, c'est *ju* 'œuf', thème *juo-*, que l'on rattache généralement à l'i.-e. $*\bar{o}yo-$, cf. v. ir. $*\bar{a}ya-$, sl. $*jaje$, lat. *ovum* (v antih hiatus) ; variantes $*oyyo-$ dans germ. $*ajjan$, $*\bar{o}wiyo-/ * \bar{o}weyo-$ en grec (réfection sur $*ow\bar{i}- < *h_3w\bar{i}-$ 'oiseau' ?). Pour rendre compte de l'initiale *j-*, Pedersen admet une altération en $*y\bar{o}yo-$ [Pedersen 1982: 184] (1906), cf. [Martirosyan 2010: 439], mais $*y-$ deviendrait régulièrement $*j-$ [Meillet 1936: 52; Kölligan 2012]. Pour expliquer *j*, nous avons songé à une influence de *jag* 'oisillon' ou à une assimilation dans *ju acel* 'pondre' ; dans le premier cas, l'hypothèse de Pedersen pourrait même être superflue [Kölligan 2012: 141].

3.3.4. *Le i du présent médio-passif*. En revanche, l'hypothèse de non-contraction de $*\bar{e}o$ entrerait en conflit avec celle de Jasanoff [2003: 147], cf. [Jasanoff 1978: 18], reprise par Kocharov [2015], tirant d'i.-e. $*\bar{e}ye-$ le *-i-* du présent médio-passif arménien.

Pour résoudre cette contradiction, il ne suffirait pas de supposer une dissymétrie de traitement entre $*\bar{e}e$ et $*\bar{e}o$ (plausible en soi), ou une chute intervocalique plus ancienne pour $*y$ que pour $*h$ (chronologie à vrai dire peu plausible), car il faut tenir compte du fait

⁴⁴ Nous appelons contractions anciennes celles des hiatus nés de la chute de $*s$, $*y$, $*w$ et contractions récentes celles des hiatus nés de la chute de $*t$ indo-européen. Les hiatus récents ne se contractent pas s'ils ont lieu entre les deux dernières syllabes (à cause de l'accent pénultième), [Viredaz 2001–2002].

⁴⁵ Trois ou quatre exemples indépendants seraient suffisants pour fonder une loi phonétique, mais l'imparfait *ei* et les aoristes *edi*, *eki*, *etu* ne sont pas indépendants.

que **ee* n'est pas devenu simplement **ē* (> *i*), puisque **eye* aboutit à *e* (**ireyes* > **rek* > *erek* 'trois').

On pourrait certes admettre une réduction phonétique irrégulière (contraction précoce) dans le suffixe verbal **-ēe-*, contraction qui n'aurait pas affecté la désinence de mots plus courts comme **e-dēo*. On comparerait dans une certaine mesure les verbes slaves en *-aje-*, qui se contractent en *-a-* dans tout le slave occidental et méridional, alors que la contraction est plus limitée dans des mots comme v. sl. *zajęcb* 'lièvre', serbo-croate *zêc*, polonais *zajęc*, slovène *zajec*, ou v. sl. *pojasъ* 'ceinture', bulg. *pojas*, s.-cr. *pōjās* et *pās*, tch. slq. *pás*, pol. *pas*. Dans les verbes slaves en *-aje-*, la contraction peut être attribuée soit à la fréquence élevée du morphème *-aje-* (cf. 14.1), plus élevée que celle de mots normaux comme *zajęcb* ou *pojasъ*, soit à la longueur des mots que sont les formes verbales en *-aje-*, soit aux deux facteurs.

Cependant la difficulté de l'hypothèse *-i-* < **-ē-ye-* est moins phonétique que morphologique. En effet, les présents indo-européens en **-ē-ye-* [Jasanoff 1978: 17 s., 125, 2003: 146–151; Yakubovich 2014] sont formés sur la racine même, de sorte qu'ils rendent difficilement compte de la situation arménienne, où le passif en *-im* l'est sur le thème des présents en *-em*.

Le fait notable est que les désinences des présents en *-am* et *-um* sont communes à l'actif et au médio-passif (certainement par suite de la confusion phonétique entre **-ā-mi* et **-a-mai*, etc., [Klingenschmitt: 1982: 10 s.] et que seuls les indicatifs présents en *e* opposent un actif en *-em* et un médio-passif en *-im* (opposition ignorée à l'imparfait *-ei* et à l'infinitif *-el*). Les arguments distributionnels comme celui-ci sont à prendre au sérieux, car ils relèvent du principe « laisser parler les faits ». Il faut donc sans doute suivre Klingenschmitt [1982: 11] lorsqu'il tire le *i* médio-passif de 1 sg. *-im* < **-e-mai* ← **-o-mai*⁴⁶. L'hypothèse d'un stade **-o-mai* n'est même pas nécessaire : le grec *-ομαι* étant une réfection de **-ai* (véd. *-e*), il se pourrait qu'en arménien, **-ai* ait été

⁴⁶ Nous nous sommes demandé s'il fallait, au contraire, tirer par exemple *c'elum* 'se déchirer' directement de **skel-o-mai*. Cependant la plupart des présents en *-um* sont transitifs, ainsi *gelum*, *egel*, 'tordre', *gercum*, *egerc* 'raser'.

refait directement en *-*emai* (d'après 2–3 sg. *-*esoi*, *-*etoi*) au lieu de -ομαι comme en grec (d'après -ω, -ομεν, -όμεθα).

3.3.5. *Le type albewr* : *alber*. Un autre exemple de *-*ēe*-, réel celui-là, semble également contredire le témoignage de *-*edōsom* > *-*etō* > *etúo* > *etu*, *-*ōyom* > *-*ōo* > *úo* > *j-u* (3.3.3). Il s'agit du thème oblique des noms du type *albewr* 'source' < *-*b^hrēwōr* (grec φρέαρ < *-*b^hrēwr* < *-*b^hreh₁-wr*, cf. germ. **brunnōn* dérivé de l'allomorphe *-*b^hrūn*- < *-*b^hrh₁-un*-), gén. *alber* < *-*brēwero* < (comme si *-*b^hrē-wer-os*) ← *-*b^hrh₁-wen-s*.

Cependant, au lieu de penser que *-*ēe* (> *-*ee*) se contracte en *e*, on peut aussi poser *-*brēwero* > *-*briéro* et admettre, lorsque *-*i* n'est pas accentué, un traitement *-*ie* > *e* parallèle à *-*ia* > *ea*. Le cas de *diem* 'téter' < i.-e. **d^hē-ye-* n'y contrevient pas : il est comparable à celui de *ji*, *jioy* 'cheval' face à *hogi*, *hogwoy* 'esprit' : dans ces thèmes très courts, le *i* est conservé ou restauré de façon que le mot reste reconnaissable.

En conclusion, le traitement des hiatus anciens *-*ēe*, *-*ēo*, *-*ōo* est bien *-*ie*, *-*io*, *-*uo* sans contraction ; plus tard (chute des voyelles posttoniques), *-*io*, *-*úo* deviennent régulièrement *i*, *u* tandis que, plus tard encore (réduction des voyelles prétoniques), *-*ie* > *e* dans les mêmes conditions que *-*ia* > *ea*.

3.4. Origine de *keráy*

Après voyelle brève, l'évolution morphologique a dû être d'abord la même qu'après voyelle longue. En face de 3 sg. **h₁e-g^werh₃-t* 'il avala' > *-*e-g^werat* > *-*ekéra* > *eker* 'il mangea', on attend donc 1 sg. **h₁e-g^werh₃-m* > *-*e-g^weram* → *-*g^werasom* > *-*kerao*. Mais comment est-on passé de là à *keray* ? (Nous avons vu que l'explication de Klingenschmitt [1982: 16], *-*ekéra* → *-*kerai* > *keráy*, est impossible, 3.2.2.)

3.4.1. Dans un premier temps, ce *-*kerao* a dû se contracter, avant la fixation de l'accent sur la pénultième, en *-*e-kerō*⁴⁷ > *-*kéro* : cf.

⁴⁷ Nous admettons ici que *-*ao* se contractait en *-*o* et non en *-*a*. On ne dispose pas d'exemples en arménien (cf. [Schmitt 1981: 73 s.]), mais noter à titre de parallèle la règle du grec ancien αο > ω. — Si le produit de la contraction était *-*a*, il en résulterait d'emblée une homophonie avec 3 sg. *-*e-kerai* < *-*e-g^werat* et la suite de l'évolution serait différente.

**mēdesa* ‘pensées’ > grec hom. μήδεα, arm. **mētea* > **míta-k*’ > *mitk*’ ([Viredaz 2001–2002: 4], après Hamp), *tēweso-* > arm. **t’ēweo* > **t’íwo* > *t’íw* ‘nombre’ [Olsen 1999: 23]. Le même traitement est attendu pour les autres thèmes d’aoristes en *a* (indo-européen **CeRH-*), tels **cina-* ‘donner naissance’, **mela-* (1.1.2) ‘commettre une faute’.

Ensuite, le thème **kera-* a dû être restitué par analogie. Sur le modèle de **edío*, **etúo* (cf. 3.2.1), on attendrait **keráo*, mais celui-ci aurait sans doute donné à date historique †*keraw*, au vu de **e-d^hato* > **e-dađo* > **e-dáo* > **e-dáwo* > *edaw* ‘il s’est couché’⁴⁸.

3.4.2. Comme les modèles **edío* ‘j’ai posé’, **eío* ‘j’étais’ étaient sans doute prononcés **edíyo*, **eíyo* (puisque ils ne sont pas devenus †*edíw*, †*eíw*), une autre hypothèse sera que **e-kéro* ait été refait, sur leur modèle, en **keráyo*, qui expliquera directement *keray*.

Une objection se présente aussitôt, à savoir que le *[y] non phonémique de **edí[y]o*, **eí[y]o* ne devrait pas pouvoir susciter le *y phonémique de **keráyo*. Toutefois, c’est bien ce qui est arrivé pour *[w] en slave, où les imperfectifs en -*va-* sont sans doute analogiques de *byvati* ‘être’ < **būwā-* < racine **bū-* + suffixe *-*ā*⁴⁹.

Une réfection **ekéro* → **keráyo* d’après **edí(y)o*, **eí(y)o* semble donc possible.

3.4.3. Un problème semblable à celui de *keray* < **keráyo* se pose en sens contraire pour *elew* ‘il est devenu’ < **eléywo* < **e-kleito* (6.4.1), *ic’íw* ‘plût au ciel’ < **eyc’íwo* ‘que ce fût’ (13.3.1), où le choix de **w* pour combler l’hiatus n’est pas phonétique au vu d’exemples comme *hogi* ‘souffle’ < **ogío*⁵⁰.

Il semble donc qu’à partir des traitements phonétiques, qui ont dû être **á[w]o*⁵¹, **é[w]o*⁵², **í[y]o*, l’arménien ait développé une distinction

⁴⁸ -*w* < *-*to* : [Bugge 1892: 440 ; Klingenschmitt 1982: 21 ; Olsen 1999: 784], [Viredaz 2001–2002: 7] (avec références).

⁴⁹ Le verbe ‘être’ est une source plus probable que le verbe ‘donner’, d’autant plus que *davati* manque en vieux bulgare ancien (*dajati*).

⁵⁰ Le cas du génitif *hogwoy* [hogəwoy] < **ogióy* est différent par la place de l’accent et est lié au traitement phonétique **i* inaccentué > [ə].

⁵¹ Ci-dessus n. 48.

⁵² Ainsi *anjrew* ‘pluie’, s’il a le même suffixe que gr. ὑετός ‘id.’, [Olsen 1999: 423 s., 783], après Job.

entre les désinences 1 sg. act. **(y)o* (phonétiques : **fo* 'j'étais', **edio* 'j'ai posé', **eley.o* 'je suis devenu' ; analogique : **keráyo* 'j'ai mangé') et 3 sg. méd.-pass. **-wo* (phonétiques : **edáwo* 'on l'a couché', **cináwo* 'il est né', **keráwo* 'il a été mangé' ; analogiques : **eyc'íwo* 'que ce fût' > *ic'íw*, **eléywo* 'il est devenu' > *elew*).

Le **w* antih hiatus⁵³ se confondait avec *w* d'autres origines (*ew* 'et' < **éwi* < i.-e. **epi*), ce qui peut expliquer sa phonologisation. De son côté, le **y* antih hiatus de *keray* s'est confondu avec le produit de **yy* (gén. sg. **-osyo* > **-oyyo* > **-óyo* > *-oy* ; nom. pl. **g^wnayyes* (?) > *kanayk* 'femmes').

3.5. Généralisation de *-i*, *-y* ?

Dernière anomalie dans la marque de 1 sg. aoriste en arménien par rapport à l'indo-européen : la (quasi-)généralisation des finales non héritées *-i* (après consonne) et *-y* (après *a*). Contrairement à ce que pensaient Meillet [1936: 124 s.] ou Klingenschmitt [1982: 13–17], il s'avère que ce sont deux finales d'origine distincte.

Pour les aoristes des racines en consonne, l'explication du *-i* sera la même que dans l'aoriste thématique (**lik'í*, 2.2). Du reste, ces aoristes étaient sans doute réellement devenus thématiques au singulier (4.1, 4.2.2) :

**h₃neid-*, aoriste arm. 1 sg. **aneitsom*, 3 sg. **aneits*⁵⁴ → **anéycó*, **anéyc-e* > **anéyc*, **anéyc* (homophonie) → **aneyc-í*, **anéyc* > *anici*, *anêc*.

Après *a*, l'addition de *-y* doit résulter d'une autre innovation : **ekéro* → **kerá-yo* > *keray* (3.4.2)⁵⁵.

⁵³ Au sens de l'allemand *Hiatusstilger*, on emploie en français souvent *glide*, mais l'anglais *glide* signifie plutôt 'semi-voyelle' en général. Nous préférons dire *antih hiatus* : consonne (non phonémique, du moins à l'origine) qui s'insère pour combler un hiatus.

⁵⁴ L'assourdissement de l'occlusive dans **ds* > *c* n'est pas le fait de la mutation consonantique ; mais i.-e. **ds* s'assimile en **ts*, comme dans les langues sœurs, avant la mutation consonantique, laquelle produit **c'*, qui se désaspire ensuite par analogie du présent non sigmatique **aneyt-*, qui devait exister encore. Voir [Viredaz 2016–2017, § 5.3.2], sur la désaspiration analogique en arménien et plus généralement sur le phénomène d'analogie componentielle.

Après *i* et **ey*, il n'y pas d'opposition entre **y* et zéro : **edí[y]o*, **ekí[y]o*, **eléy[y]o* > *edi*, *eki*, *elê*.

Dans *elê* < **eléy*⁵⁶ 'je suis devenu' < i.-e. dial. **e-kleisom*, -y a dû être réinterprété comme désinentiel face à 3 sg. *elew* (phonétique pour **eleyw*), 2 sg. *eler* (analogique).

Après **u*, il n'est pas facile de savoir si **etuó* 'j'ai donné' (l'unique exemple) est devenu *etu* directement ou par l'intermédiaire d'une réfection **etuýo* > **etuy*. Si Klingenschmitt [1982: 16] suppose un stade **etuy*, **ediy*, contraction selon lui de **etui*, **edii*, c'est pour rendre compte de la place de l'accent, mais nous avons vu que cette hypothèse est inutile (3.2). La question est seulement de savoir si la pression des aoristes actifs comme **edí(y)o*, **eléy(y)o*, **kerá-yo*, **ciná-yo*, ou médio-passifs comme **edá-yo*, **diá-yo*, **tuá-yo*, et de l'imparfait **eí(y)o*, était suffisante pour changer l'unique **etu(w)o* en **etú-yo*. C'est probable (compte tenu du haut degré de régularisation de la flexion verbale arménienne : voir la flexion des présents *em*, *berem*, *berim*), mais invérifiable.

4. Réfections des aoristes athématiques : 2–3 sg.

4.1. Deuxième personne : -r

La désinence -r de deuxième personne s'explique comme dans la flexion thématique (2.1).

Après voyelle : **e-d^hēs*, **e-dōs*, **e-g^weras* > **edi*, **etu*, **ekera*, homophones des troisièmes personnes (4.2.1), d'où leur réfection en **edi-du*, **etu-du*, **kera-du* > *edir*, *etur*, *kerar*.

⁵⁵ Les deux finales -i et -y ne sont donc pas tout à fait indépendantes, puisque l'une continue en fin de compte le **í* de l'ancien imparfait **ío* **[íyo]* 'j'étais', tandis que l'autre continue le **[y]* antihiatus dégagé par **í* dans ce même **ío* et dans **edío*, **ekío*.

⁵⁶ La monophthongaison **ey* > *ê* est si récente que l'astérisque et la flèche de formules comme **berey* > *berê* ou *elê* < **eléy*, *êr* < **eyr* paraissent oiseux, et l'on pourrait aussi bien écrire *berey* = *berê* ou *elê* = *eléy*. Il nous semble même que la lettre Է, qui occupe la place de l'éta grec sans en continuer la forme, est un monogramme de **Էj*. Pour faciliter la lecture, nous n'irons cependant pas jusqu'à transcrire Է par *ey* dans cet article.

**e-g^wens* → *ekir* 'tu vins' a été refait sur 1 sg. **e-g^wēm* → *eki* (3.2.1) par nivellement analogique, à une date impossible à préciser, sans avoir jamais été homophone de 3 sg. **e-g^went* > *ekn*.

Après consonne : *anicer* 'tu as maudit' < **aneycē-du* suggère que l'ancien **h₃neid-(s)-s* > **aneits* a été thématisé de bonne heure en **anēyc-e*.

Au sujet de la chronologie, outre les incertitudes mentionnées en 2.1.3, nous ne savons pas à quel stade de l'évolution **edē* > **ede* > **edi* il faut placer la fixation de l'enclitique *-*du*.

4.2. Troisième personne

4.2.1. Après voyelle : **e-d^hēt*, **e-dōt*, **eg^werat* > **edi*, **etu*, **ekera* > *ed*, *et*, *eker*, sans réfections.

Cas particulier : **e-g^went* > *ekn* sans réfections (déjà cité 3.2.1, 4.1).

Après occlusive : par exemple **aneits(t)*, **e-leuks(t)* (chute ancienne de l'occlusive dans le groupe **st* final, 7.1.1.1) → *anêc* 'il a maudit', *eloyc* 'il a allumé'.

4.2.2. On peut se demander si **aneits(t)*, **e-leuks(t)* ne sont pas devenus directement *anêc*, *eloyc* par l'évolution phonétique, sans réfections morphologiques non plus. En effet, dans les mots terminés par une séquence occlusive + **s*, l'accent arménien, exceptionnellement, ne frappe pas la pénultième indo-européenne, mais la finale : **suwek₁s* > *vec* 'six', **kṛids* > *anic* 'lente', p.-ê. *arēugs* > *aṛewc* 'lion' [Viredaz 2011].

La réponse est néanmoins négative pour deux raisons. D'une part, 2 sg. -*er* (*anicer*) rend probable une thématisation à 2 sg. (4.1, fin) et donc aussi à 3 sg. : **anēyc* → **anēyce*. D'autre part, nous verrons que *-*st* final, après être devenu *-*s*, a été refait en *-*t* (7.1.1), si bien que 3 sg. **aneits*, **e-leuks* ont dû devenir **aneit.t*, **e-leukt* (même réfection qu'après voyelle)⁵⁷ ou **aneit*, **e-leuk* (si *-*t* tombait après toute consonne et non seulement après **s*).

4.2.3. La cause de cette thématisation étendue à 2–3 sg. ne peut guère avoir été la seule influence de 1 sg. **aneitsom* > **anēyco*. En

⁵⁷ L'arménien perd **s* entre occlusives, y compris dans **tst* : [Klingenschmitt 1982: 167].

effet, la troisième personne, du fait de sa fréquence supérieure, est plus souvent la source que la cible des nivellements analogiques (cf. 14.4) ; et de fait, après voyelle, 1 sg. **e-dōsom* > **e-túo* n'a pas entraîné de réfection de 3 sg. **e-dōt* > **étu* en †**e-dōset* ou †**etúe*.

Le grec présente lui aussi une thématisation de la troisième personne, **e-deikst* > **e-deiks* → ἔδειξε 'il montra', tandis que 1 sg. **e-deiksm̃* > ἔδειξα est resté athématique (entraînant 2 sg. ἔδειξας). L'innovation grecque 3 sg. **e-deiks* → **e-deikse* peut s'expliquer par la rencontre de deux facteurs : l'anomalie d'une finale -s (ailleurs marque de 2e personne) et l'influence du parfait (opposition 1 sg. -a : 3 sg. -e). L'emprunt de la désinence thématique n'est donc même pas un facteur nécessaire⁵⁸.

La situation était différente en arménien, où 1 sg. déjà thématisée a pu faciliter la thématisation, mais où 3 sg. **aneits*, **e-leuks*, s'il étaient déjà refaits en **aneit(t)*, **eleuk(t)*⁵⁹ (7.1.1, stade 2), pouvaient en revanche y faire obstacle. Néanmoins, en partie comme en grec, la cause principale de la thématisation arménienne dans le type 2–3 sg. **aneits*, **aneit(t)* → **aneitsets*, **aneitset* a dû être le manque de clarté de la forme athématique, au moins celle de 3 sg. **aneit(t)*, **e-leuk(t)*, par suite de la chute de **s* (la marque d'aoriste) entre occlusives⁶⁰.

⁵⁸ Comme souvent, le grec est cité ici à titre de comparaison typologique : nous ne parlons pas d'une innovation commune.

⁵⁹ Nous écrivons **e-leuks*, **e-leuk(t)*, mais entre-temps il faut compter avec les lois phonétiques **uk* > **uk'* et **k's* > **k'š* > **čš* > **tš*, **k't* > **čt*.

⁶⁰ Manque de clarté peut-être aussi à 2 sg. **aneits*, **e-leuks*, par suite de la chute de **s* final après voyelle, qui rendait anomal le **s* conservé des athématiques. Dans ce cas, notre graphie **aneitsets* ci-dessus sera elle aussi anachronique et devra être corrigée en **aneitse(h)*. La chronologie des changements phonétiques n'est pas connue avec précision.

5. Prétérits athématiques en slave : la flexion semi-sigmatique

5.1. Étendue du type

En slave, le paradigme semi-sigmatique⁶¹ (v. sl. *děxъ, dě, dě*, du. *děxově, děsta, děste*⁶², pl. *děxomъ, děste, děšę*) est commun (avec des variantes secondaires⁶³) à tous les prétérits athématiques⁶⁴ :

Aoristes radicaux en voyelle : *děxъ, dě* 'j'ai, tu as, il a posé' < **d^hē-* ; *daxъ, da* (et *dastъ*)⁶⁵ aor. de 'donner' < **dō-* ; *byxъ, by(stъ)* aor. de 'être' < **b^hū-* 'devenir'.

⁶¹ Ou simplement « sigmatique », si l'on estime que 3 sg. *dě, by, mñě* etc. remontent à des formes pré-slave **dēs, *būs, *minēs* (< **-s-t*) homophones de 2 sg. dès avant la chute générale des consonnes finales, ce qui est toutefois moins probable (voir aussi 7.1.4.1).

⁶² La désinence 3 du. admet les deux formes *-ta* et *-te*. Ici et dans la suite, nous ne citons conventionnellement que la première, quand nous n'omettons pas entièrement le duel.

⁶³ *-(s)ъ* ajouté à certains monosyllabes (n. 65) ; thématization du nouvel imparfait (5.3.1.3).

⁶⁴ Dans la liste ci-après, la restitution sigmatique ou asigmatique des aoristes indo-européens suit [*LIV*²].

⁶⁵ Les variantes en *-(s)ъ* résultent à notre avis de l'addition des enclitiques **tu* 'tu' (distinct de **tū* accentué > *ty*) et **tas* > **tā* *'il' < 'celui-là' (cf. vieux prussien *-ts*, [Trautmann 1910: 273 s.]), tentative de distinction des deux personnes (qui a échoué à son tour quand les deux finales se sont confondues phonétiquement en *-ъ*), mais aussi moyen d'élargir des formes verbales monosyllabiques. — Barton [1989: 139], après d'autres, pense à une voyelle *ъ* paragogique, mais le fait serait unique en slave, et rendrait mal compte de *-(s)ъ* à la deuxième personne. Pour celle-ci, Meillet [1905: 139 s.] pensait à la désinence de parfait **-t^ha* redéterminée par la désinence secondaire **-s*, mais cette double innovation morphologique n'aurait pas de parallèles probants, contrairement à l'addition du pronom personnel (n. 21). — Pas plus que les autres, notre hypothèse d'enclitiques **tu, *tos* ne rend compte directement de la distribution des trois allomorphes *-ъ, -stъ* et zéro après monosyllabe. Ceci réclamerait une étude particulière, à laquelle nous renonçons. Sur les conditions dans lesquelles les aoristes monosyllabiques ajoutent ou n'ajoutent pas *-(s)ъ*, voir l'hypothèse de Vaillant [1947b: 154]. La paradoxale raréfaction de *-(s)ъ* dans les manuscrits vieux slaves plus récents relève sans doute du nivellement analogique, favorisé par le recul des formes anciennes dans la langue parlée face au nouveau prétérit périphrastique en *l*. —

Aoristes suffixés en voyelle : *m̃nĕx̃b*, *m̃nĕ* aor. de ‘penser’ < **m̃n̥-ē-* (grec ἐμάνην ‘j’ai été fou’).

Aoristes radicaux en consonne :

a) racines en sonante : *jēs̃b*, *jē(t̃b)*, *-mrĕx̃b*, *-mrĕ(t̃b)* aor. de ‘prendre’, ‘mourir’ < **em-*, **mer-* ;

b) racines en occlusive : *bljus̃b*, *grēs̃b*, 1 sg. aor. de ‘être attentif’, ‘saisir’ < **b^heud^h-*, **g₂^hreb^hH-* (?) (2–3 sg. *bljude*, *grebe*, cf. ci-dessous *vede*) ;

Aoristes sigmatiques de verbes primaires :

a) après sonante : peut-être pas d’exemples ;

b) après occlusive : *vēs̃b* ‘j’ai conduit’ < **wēd^h-s-* et ‘j’ai transporté’ < **wēg^h-s-*, *tĕx̃b* ‘j’ai couru’ < **tĕk^w-s-*, *žax̃b* ‘j’ai brûlé’ < **d^hēg^w-s-* ; les formes attendues 2–3 sg. **vĕ*, **tĕ*, etc., trop peu transparentes, ont été suppléées par 2–3 sg. *vede*, *veze*, *teče*, *žeže* [Meillet, Vaillant 1934: 248 s., 252 s.]⁶⁶.

Aoristes sigmatiques de dénominatifs :

a) *dĕlax̃b*, *dĕla* < **-ā-s-* (présent *dĕlajō* ‘je fais’ ; cf. grec τιμάω, ἐτίμησα ‘honorer’, avec α bref au présent par analogie de -έω) ;

b) de là peut-être aussi les prétérits du type *s̃bpaax̃b*, *s̃bpa* (présent *s̃bpljō* ‘je dors’) (1.3.2.2).

Aoristes sigmatiques de verbes statifs : *b̃dĕx̃b*, *b̃dĕ* (présent v. sl. *b̃ždō* ‘je suis éveillé’) (cf. 6.3, type arm. *t’ak’eay*).

Watkins [1969: 219] veut expliquer par un pronom enclitique **tos* la désinence 3 sg. v. sl. *-tb* du *présent*, ce qui est certainement une erreur au vu du vieux russe *-tb* (et du même phénomène à 3 pl.). On préférera (s’inspirant de [Meillet, Vaillant 1934: 319 s.]) l’hypothèse d’une réduction phonétique irrégulière **-tb* /-t’ə/ > *-tb* /-tə/ due à la fréquence (cf. 14.1).

⁶⁶ a) Contrairement à l’affirmation de Meillet et Vaillant, les aoristes du type *vede* sont des formes nouvelles [Drinka 1995: 42, n. 89] créées sur le présent (d’après le type prés. *padō* : imparf. *padb* ‘tomber’).

b) Les prétérits lituaniens *nĕšĕ*, *vĕdĕ*, *vĕžĕ*, sans doute des réfections des cognats de v. sl. *nese*, *vede*, *veze* (cf. [Schmalstieg 1961: 95 s.]), montrent que l’innovation est déjà balto-slave — c’est-à-dire que le baltique aurait aussi connu autrefois l’aoriste sigmatique.

c) Le type plus récent *padox̃b*, *pade*, *pade*, *padoxom̃b*, *padoste*, *padošĕ*, est une réfection de *padb*, *pade*, *pade*, *padoxom̃b*, *padete*, *padō* (qui, lui, remonte à un imparfait thématique indo-européen, [Meillet, Vaillant 1934: 247–249], comme l’arménien *eber*, 1.2).

Imparfait du verbe 'être' : *běxɔ*, *bě* < **ēs*- (+ **b*-, 5.2).

En outre, l'imparfait nouveau en *-ěaxɔ*, *-aaxɔ* doit être issu d'un tour périphrastique à second membre **ēs*- 'étais, était' (5.3.1)⁶⁷, malgré sa flexion thématique à toutes les personnes, qui n'est peut-être pas originelle (5.3.1.3).

En résumé, tous les prétérits athématiques hérités, tant asigmatiques que sigmatiques, ont convergé dans la flexion semi-sigmatique du slave.

5.2. L'imparfait du verbe 'être'

5.2.1. *Slave*. Le verbe 'être' possède un imparfait *běxɔ*, *bě* [Vaillant 1966: 63, 65] ; fléchi comme un aoriste, 5.1), sans doute issu de **ēsom* (dialectal pour i.-e. **ēsŋ*, 3.1, 7.2), **ēs*, **ēst* (*b*- ajouté d'après l'aoriste *byxɔ*, *by* pour éviter des formes trop courtes, cf. allemand *bin*, *bist* et [LIV²: 242, n. 6–7] ; remplacement de **s* par **š*, comme s'il était suffixal, comme à l'aoriste, cf. n. 35)⁶⁸.

5.2.2. *Baltique*. Le vieux prussien a de même *be* 'il était' (à côté de *bei*, *bēi*)⁶⁹, où l'on ne connaît pas la quantité du *e*. La particule durative *be* du lituanien est peut-être le même mot. Vaillant [1947a; 1966: 65] remarque en effet que la construction vieux slave et vieux russe *bě* 'était' + participe présent devient en vieux russe tardif *bě* (particule) + indicatif aoriste ou imparfait, ce qui est comparable au tour lituanien *be* + indicatif (présent ou futur), participe ou gérondif. On ne sait pas si le baltique **be* avait originellement *e* bref (← i.-e. **ēst*) ou long (← **ēst* avec augment). Dans le second cas, la longue devait être circonflexe (cf. serbo-croate *dâ* 'donna(s)'), mais l'abrège-

⁶⁷ Cet imparfait slave n'est « nouveau » que par rapport à indo-européen. Dans l'évolution du slave commun aux langues modernes, il est au contraire en déclin (2.1.4 *b*), comme l'aoriste (issu de l'aoriste et de l'imparfait indo-européens), eux tous étant supplantés par le prétérît encore plus « nouveau » formé à l'aide du participe en *l*.

⁶⁸ D'autres interprétations de *běxɔ*, *bě* ont été proposées. Contre celle de Hill [2012: 26], notons que *bě* est un imparfait, et que la relation entre v. sl. *bi* et *bě* n'est pas vraiment parallèle à celle de *mōnitɔ*, *mōnēti* et *mōnē*.

⁶⁹ Ces derniers sont une réfection de *be* sur le modèle des prétérits réguliers en *-ai* < **-ājā* (cf. [Stang 1966: 375 s.]), tout comme le slavon *běaše*, *běaše* est une réfection de *bě*, *běše*.

ment serait attribuable au statut de mot accessoire (c'est-à-dire à la fréquence, cf. 14.1).

5.2.3. *Augment indo-européen*. Cet imparfait **ē*s- constitue l'unique cas d'augment en (balto-)slave⁷⁰, qui semble ainsi faire transition entre l'aire gréco-aryenne et l'européen occidental :

A. Anatolien : pas d'augment, mais des particules connectives initiales de phrase, dont *a-* en louvite cunéiforme et hiéroglyphique et en palaïte (perdue en hittite) [Rosenkranz 1978: 95], sans doute identique à l'augment non-anatolien [Watkins 1994: 17 s.] (1963), [de Lamberterie 2007: 32, n. 2] (avec références), probablement une ancienne particule démonstrative **h₁e-* *'ici' > *'alors'⁷¹.

B. Grec et indo-iranien :

— augment possible pour tous les verbes ;

— l'imparfait du verbe 'être' ne connaît pas de formes sans augment⁷².

⁷⁰ Vaillant [1966: 17 s., 551 s.], voit au contraire l'unique trace d'augment en slave dans l'accentuation de l'aoriste thématique. Cette interprétation n'est pas convaincante.

⁷¹ De même, l'équivalent hittite de louvite, palaïte *a-* est *nu-*, étymologiquement *'maintenant' > *'alors'. — Szemerényi [1996: 297, 299, nn. 10–14], cite diverses hypothèses sur l'origine de l'augment. — **h₁e* ne se préfixe pas seulement à des formes verbales, cf. gr. (έ)κεῖ 'ici', russe *eto* 'ceci' et p.-é. i.-e. **h₁e-n* *'dedans'.

⁷² Praust [2003] reformule cela en disant qu'il n'existe pas d'injonctif du verbe 'être', dont la fonction est exprimée par la phrase nominale. Nous ne pensons toutefois pas que cette observation *explique* l'augment obligatoire du verbe 'être'. Premièrement, la même particularité existe aussi en védique pour le verbe 'aller' (i.-e. **h₁ei-*). (En grec homérique, en revanche, quelques imparfaits en *ĩ-* sont attestés.) Secondement, la copule zéro ayant la fonction d'un présent (certes intemporel dans les langues indo-européennes anciennes), et ne s'employant pas en fonction d'imparfait, l'interprétation de Praust n'explique pas l'absence d'un imparfait sans augment (notamment en D ci-dessous).

Du reste, il ne nous semble pas justifié de distinguer un injonctif hors de l'indo-iranien. On le peut certes en vieil indien et vieil iranien, où l'injonctif imperfectif se présente à la fois comme un présent à désinences secondaires et un imparfait sans augment, et où l'aoriste sans augment peut avoir un sens présent (performatif : [Kiparsky 2005], exemples 6 a–b). Dans les premiers textes grecs, en revanche, il n'y a pas lieu de parler d'injonctif

C. Cas particuliers (arménien, phrygien, albanais) :

— Arménien⁷³ : augment limité aux formes verbales d'une ou deux syllabes (avant la chute des voyelles posttoniques) : *ed*, *eber* < **e* + **d^hēt*, **e* + **b^heret*⁷⁴.

Nous nous sommes demandé si l'arménien représentait une zone de transition entre les aires B et D en indo-européen. Mais il est plus probable qu'il s'agisse d'une innovation (abandon de l'augment pour les formes plus longues), comparable à celle du pâli [Wackernagel 1906: 156–172]. Cette omission ne fait pas difficulté puisque l'augment n'était initialement pas obligatoire. L'arménien comme le pâli auront étendu les conditions de la forme avec ou sans augment en fonction de critères formels.

À l'exception du verbe 'être' (3.1.1, 10), l'arménien a perdu l'augment temporel (*el* 'monta', [Meillet 1936: 124]).

— Faute d'exemples, on ne sait pas si le phrygien suit la règle grecque ou arménienne quant à la présence de l'augment⁷⁵.

mais seulement d'imparfaits et d'aoristes sans augment. De même, mutatis mutandis, pour l'arménien (où l'imparfait hérité s'est confondu dans sa fonction avec l'aoriste). L'omission de l'augment ne s'observe que dans certaines conditions (pour l'arménien : [de Lamberterie 2007]), dans lesquelles, cependant, la forme à augment serait correcte aussi. En indo-européen commun, les formes à désinences primaires sans augment étaient les formes ordinaires avant l'addition éventuelle des particules *-*i* (présent), *-*u* (quelques formes d'impératif), **h₁e-* (augment).

⁷³ Voir aussi 1.0 n. 2, 2.1.1 fin, 12.3.

⁷⁴ La formulation classique veut que l'augment arménien s'attache aux formes qui, sans cela, seraient monosyllabiques, donc *eber* 'il porta' au lieu de †*ber*, *ed* 'il posa' au lieu de †*di*. (Les formes qui « auraient été monosyllabiques » après la chute des finales « ont conservé l'augment », [Meillet 1936 : 123 s., 132 s.]). Cette présentation est anachronique, car le nombre des syllabes en arménien (après la chute des voyelles posttoniques) ne date sans doute que de l'époque parthe (cf. n. 26), tandis que la règle sur l'augment est certainement plus ancienne. — La ressemblance n'est que superficielle entre la règle arménienne et celle du grec moderne (ἐλέγα 'je disais' : λέγαμε 'nous disions'), due à la perte de l'augment classique en fonction de l'*accent*. L'arménien ne connaît pas de perte phonétique de *e* initial, quel que soit le nombre des syllabes.

— On ne le sait pas non plus pour l'albanais, où la seule trace d'augment est la spirantisation de **d* dans *dha-*, aoriste du verbe 'donner' [Orel 2000: 208]. Paradoxalement, l'imparfait de **es-* n'a pas d'augment en albanais : sg. 1 *isha*, *jeshë*, 2 *ishë*, *jeshë*, 3 *ish*, *ishte* (*ibid.*, p. 210)⁷⁶.

D. Slave et peut-être baltique : augment limité au verbe 'être'.

E. Européen occidental : pas d'augment⁷⁷.

5.3. Le nouvel imparfait slave

5.3.1. Second élément

5.3.1.1. À l'exception de *běxъ* 'étais', tous les imparfaits slaves comportent un suffixe apparent *-a-* après voyelle longue : v. sl. *nesěaxъ* 'je portais', *sěděaxъ* 'j'étais assis', *dělaaxъ* 'je faisais', et présentent une flexion entièrement thématique *-axъ*, *-aše*, *-aše*, *-axomъ*, *-ašete*, *-axъ* [Meillet, Vaillant 1934: 272].

5.3.1.2. Pour de nombreux auteurs, dont [Meillet, Vaillant 1934: 272–274; Meillet 1903: 95, 1936: 126 s.] (littérature chez [Arumaa 1985: 286–290]), auxquels se rallie Jasanoff [2003: 143, n. 27], ces formations sont issues d'anciennes périphrases et le second terme n'est autre que l'imparfait du verbe 'être' (avant qu'il ne reçoive son *b* initial). C'est-à-dire que des tours du type 'j'étais en train de courir' se seraient banalisés au sens d'un imparfait 'je courais', reléguant les anciens imparfaits tels que **b^heg^wom* 'je courais' à la fonction d'aoristes : *běgъ* 'j'ai couru'.

5.3.1.3. En apparence, la flexion thématique de l'imparfait slave s'oppose à son interprétation par une périphrase à verbe 'être'. Mais nous pensons plutôt que cette thématisation n'est qu'une innovation récente, due au fait que des imparfaits comme **dělaa*, **dělaaste*,

⁷⁵ Merci à Alexander Lubotsky et à Yaroslav Gorbachov, qui confirment ne pas avoir noté de formes verbales phrygiennes permettant de choisir entre les deux hypothèses (c. p. avril 2015).

⁷⁶ Plutôt que de chercher une explication en indo-européen, peut-être faut-il y voir une réfection récente (nivellement de l'alternance vocalique issue de **e/*ē*).

⁷⁷ En vieil irlandais, Praust [2003: 140] se demande si *-bíth* 'était' doit s'expliquer de manière comparable au vieux slave *bě*. La réponse est sans doute négative, car le thème *bí-* est aussi celui du présent (indicatif et impératif).

**znaa*, **znaaste*, n'étaient pas suffisamment distincts des aoristes *dēla*, *dēlaste*, *znaste*.

Il resterait à expliquer pourquoi c'est l'imparfait et non l'aoriste qui s'est différencié par thématization. Peut-être faut-il comprendre que la caractéristique « la forme d'imparfait est plus longue que celle d'aoriste » (**znaa* : *zna*) a été renforcée (« polarisation » ou « différenciation maxima », *znaaše* : *zna*).

Plus tard, -*šete* tend à être remplacé à nouveau par -*ste* (influence de *běste* + évitement de formes trop longues), et -*ěa*-, -*aa*- à se contracter en -*ě*-, -*a*- [Vaillant 1966: 64].

5.3.1.4. L'hiatus de *nesěaxb* etc. (anomal en phonétique slave) résulte de la chute d'un **j* (chute précoce due à la fréquence et à la longueur de ces formes, cf. ci-dessous 5.3.1.6 et 14.1) et *-*ja*- est issu de **jě*- = **jǣ*- < **ǣ*-.

Les dialectes européens de l'indo-européen récent n'admettent pas d'hiatus⁷⁸ (ainsi, tous les hiatus du grec sont issus de la chute de **h* (< **s*), **y* et plus tard **w* ; les exceptions postulées parfois sont plutôt des étymologies erronées ; les hiatus issus de la chute des laryngales sont contractés : **h₁e-h₁od-e* 'a mangé' > **ōde* → **edōde* → grec ἔδωδε). Dans le cas de l'i.-e. dialectal **nek'e* **ēsom*, on devra supposer que les deux éléments étaient séparables (ne serait-ce que par des enclitiques), ce qui permettait à l'hiatus éventuellement contracté en sandhi d'être restitué en tout temps. Beaucoup plus tard, le **j* prosthétique slave devant voyelle initiale a fait (temporairement) obstacle à la contraction⁷⁹.

5.3.1.5. Pour Kortlandt [1986] (après d'autres), le second élément est plutôt le *parfait* du verbe 'être', que l'on reconstruit parfois par comparaison de l'imparfait grec 1 sg. ἦα > ἦ → ἦν, 2 sg. ἦσθα, 3 sg. ion.-att. ἦεν (autres dialectes ἦς) et du vieil indien *ása*, *āsitha*, *ása*. Mais ce parfait **ōse* ou **ēse* est un mirage : le paradigme grec s'explique facilement par des réfections de **ēha*, **ēs*, **ēs* < **ēsṃ*,

⁷⁸ Au contraire de l'indo-iranien, où des hiatus comme ceux de **waata*- < **hwahata*- < **h₂weh₁nto*- 'vent' ont subsisté assez longtemps pour laisser des traces dans la scansion védique et avestique (cf. [Meier-Brügger 2000: 104 s.] § 323.1).

⁷⁹ Sur la contraction des finales d'imparfait dans les langues slaves, voir [Andersen 2014: 69–79].

**ēs*, **ēst* ([Praust 2003: 126 s.], et ci-après 7.1.3) ; le parfait *ása* est une innovation indo-iranienne [LIV²: 242, n. 14] (Kümmel)⁸⁰. D'ailleurs, il va de soi qu'un *imparfait* périphrastique sera formé avec l'*imparfait* de l'auxiliaire et non avec le parfait : l'hypothèse implicite de Kortlandt [1986] est celle d'un syncrétisme de l'imparfait (et de l'aoriste) avec le parfait, déjà acquis à l'époque de l'apparition du tour périphrastique, ce qui paraît hautement improbable.

5.3.1.6. Contre un second membre issu de **jax*/š- < i.-e. **ēs*- (5.3.1.4) (et en faveur d'i.-e. **ōs*-, 5.3.1.5), [Kortlandt 1986: 253 s.] fait valoir d'une part que la chute de **j* dans *-*ēja*- devrait produire *-*ěě*- et non -*ěa*-, d'autre part que le produit de la contraction dans les imparfaits v. pol. *wiedziech* 'conduisais', bas sorabe *plešeč* 'tressais' (v. sl. *veděaxъ*, *pletěaxъ*) n'est pas le même que dans un verbe comme pol. *siać*, b. sor. *saś* (v. sl. *sějati*).

Le premier argument est erroné : **jě* est réellement devenu **ja*⁸¹, si bien que la chute de **j* produisait ensuite *a*. La chute de **j* dans sl. **jazъ* 'je' (< **ējān* < **eg₁om*) a produit *azъ* en vieux bulgare et non †*ězъ*. La chute de **j* dans **je* initial a même produit *o*- en russe et non †*ě*- (v. sl. *jesenъ*, r. *ósen* 'automne').

Le second argument est intéressant, mais non décisif. La régularité phonétique est certes souhaitable, mais n'est qu'un critère parmi d'autres et non un critère absolu, au nom duquel on pourrait ignorer les arguments ci-dessus 5.3.1.5. Il n'y a rien d'étonnant à ce que la finale d'imparfait en *-*ējaxъ* soit traitée différemment, tant en vieux slave qu'en slave occidental, d'un verbe comme *sějati*. Nous avons vu un phénomène du même ordre en 3.3.4. En effet, l'imparfait slave a pu subir des réductions phonétiques irrégulières dues à la fréquence (cf. 14.1). C'est du reste ce qui s'est passé en français, où latin -*ēbat* > *-*ēbat* > ! *-*eat* > -*eiāt* > ! -*eit* > -*oit* > -*œ* (écrit -*oit*) > ! -*e* (écrit plus tard -*ait*). En slave occidental, donc, *sějati* se sera contracté plus tard que la finale d'imparfait -*ěj(a)-*, ce qui expliquera la différence de résultat.

⁸⁰ Innovation parallèle indépendante en celtique, n. 16.

⁸¹ À ceci près que les phonèmes traditionnellement transcrits *ě*, *a*, *e*, *o* étaient prononcés **ǣ*, **ā*, **æ*, **a*.

Noter qu'un second membre **ōse* devrait aussi devenir **-jaše* (cf. russe *jágoda* 'baie', *jásen'* 'frêne') et n'expliquerait donc pas l'absence de **j* dans v. sl. *-ěaše*, *-aaše*.

Une irrégularité d'une autre nature, rappelée par Kortlandt [1986: 253], est qu'au vieux slave *nesěaxъ* le vieux russe répond par *nesjaaxъ*. Il s'agit peut-être d'un nivellement analogique (*n'es'ěaxъ* → *n'es'aaxъ*) d'après les imparfaits en *-aaxъ*.

5.3.1.7. Pour de nombreux autres auteurs (voir [Arumaa 1985: 290–295]), l'élément *-a-x/š/s-* est suffixal dès l'origine. Cette thèse s'appuie notamment sur la comparaison de prétérits lituaniens tels que *minėjo*, *sėdėjo*, *žinójo* (de *menù*, *minėti* 'penser', *sėdžiu*, *sėdėti* 'je suis assis, être assis', *žinaũ*, *žinóti* 'je sais, savoir') avec les imparfaits *m̃nėaxъ*, *sėdėaxъ*, *znaaxъ*. Mais en lituanien ces prétérits en *-ėjo*, *-ójo* ont la même fonction que ceux en *-ė*, *-o* comme *vėdė*, *jùto* (de *vedũ*, *vėsti* 'conduire', *juntũ*, *jùsti* 'sentir'). L'interprétation suffixale n'expliquerait donc pas l'apparition de la distinction fonctionnelle entre aoriste et imparfait en slave.

5.3.2. *Premier élément.* La morphologie du premier élément reste difficile.

5.3.2.1. La théorie la plus séduisante est sans doute celle de Jasanoff [1978: 121–126; 2003], qui part de noms-racines à l'instrumental pour expliquer :

a) les adverbes védiques *gúhā* 'en cachette' (souvent prédicatif, soit seul, soit accompagné de *AS*, *BHAV[†]*, *CAR* pour signifier 'être caché, se cacher', ou de *DHĀ*, *KAR* pour signifier 'cacher'), *m̃śā* 'en vain' (prédicatif : 'être vain') [Jasanoff 1978: 122–124; 2003: 144 s.] ; le retrait d'accent accompagne l'adverbialisation ;

b) les verbes statifs en **-ē-* < **-eh₁-* (lituanien *gūžėti* 'être couvé'), par addition de suffixes dénominatifs verbaux (présent **-ye-*, aoriste **-s-*) ou nominaux (**-ti-*, **-to-*, **-nt-*) à de tels adverbes prédicatifs ([Jasanoff 2003: 145–150, 162 s.], conception remplaçant celle de [Jasanoff 1978: 124–126] ;

c) le premier membre des factitifs latins du type *calefaciō* 'chauffer' (passif *calefīō*), d'univerbation récente comme le prouveraient le *a* de *-faciō* ainsi que des exemples de tmèse et d'anastrophe comme *excande me fecerunt* (Varron) ou *facit are* (Lucrèce) ; abrègement dans *calě-* etc. par la loi des mots iambiques, et dans *ārě-* par analogie [Jasanoff 1978: 121 s., 2003: 143] ;

d) le premier membre des imparfaits et futurs latins, d'univerbation ancienne, et des imparfaits slaves [Jasanoff 1978: 121 s., 2003: 143, 149, 167]⁸².

5.3.2.2. Cette construction présente cependant des faiblesses :

a) La base est très étroite : le Rgveda ne connaît que deux de ces adverbes d'origine instrumentale, dont un seul est attesté en combinaison avec des verbes signifiant 'être' ou 'faire' ; et celui-ci, *gúhā*, représente une racine qui n'était peut-être que dialectale en indo-européen (indo-iranienne et balto-slave, quoique disparue en slave).

b) Les verbes statifs en *-āya-* du védique ne correspondent que rarement à des noms-racines ; parmi ceux étudiés par Yakubovich [2014], on ne peut en citer que trois : *śubháya-* (pour *-āya-*, attesté également) 'resplendir' : *śubh-* 'splendeur' ; *śucáya-* 'luire' (pour **-āya-*) : *śuc-* 'incandescence, flamme' ; *iśáya-* 'être fort' (pour **-āya-*) : *iś-* 'force, rafraîchissement, boisson' (encore les racines jumelles *śubh-* et *śuc-* sont-elles dialectales en indo-européen) ; ce point ne concerne cependant pas la question des imparfaits ;

c) L'appui apparemment le plus net à l'interprétation de Jasanoff pour les imparfaits latins et slaves, à savoir les juxtaposés du type *cale-faciō*, *cale-fiō*, est un mirage :

— s'il avait existé, en tant que mots distincts, des adverbes du type **calē*, il serait étrange qu'ils n'aient laissé aucune trace dans les langues sœurs ;

— contrairement aux imparfaits en *-bam*, les juxtaposés en *-faciō* ou *-fiō* sont étroitement limités lexicalement, puisqu'ils vont presque toujours de pair avec des dérivés en *-ēscō*.

Aussi Leumann [1959: 277–279] (1924), et [1977: 566], leur assigne-t-il l'origine suivante : réinterprétation d'inchoatifs comme *calēscit* 'se réchauffe' en *calē* '(e)scit 'warm wird es'⁸³, d'où création

⁸² Lühr [1999: 172–177] part elle aussi d'un syntagme *nom à l'instrumental + imparfait du verbe 'être'*, mais dans une fonction différente, expressive, p. ex. **vonja a* 'es war [voll] mit Duft' → 'es duftete' → 'er/sie duftete', ce qui paraît sémantiquement peu convaincant. — Sur l'imparfait latin, voir aussi ci-dessus 1.3.2.2.

⁸³ Il est vrai que l'élision inverse n'est attestée par écrit en latin que pour 3 sg. *est*, et indirectement par la métrique aussi pour 2 sg. *es* [Leumann 1977: 123 s.]. Cependant l'hypothèse d'une élision inverse égale-

de syntagmes analogues *cale-fit* → *cale-factus* → *calefaciō* ; dans d'autres cas, par la suite, d'après ces modèles, le juxtaposé en *-faciō* a pu être créé directement.

L'objection de Jasanoff [1978: 122] à ce sujet (*escit* ne signifiait pas 'devient') pèse peu face aux arguments comparatif (α) et surtout distributionnel (β). L'hypothèse selon laquelle *escit* 'sera' aurait aussi signifié *'devient', formulée par Leumann⁸⁴, n'est du reste pas nécessaire : une réinterprétation de *calēscit* 'se réchauffe' en *calē'scit* 'sera chaud' n'est pas impossible, et c'est même ce qui aura motivé la création de **calē fit* 'devient chaud' (qui exprimait mieux le sens voulu, dans l'esprit de ceux qui avaient compris *calēscit* comme *calē (e)scit*) (avec un adverbe *calē* terminé comme *bene*, *rectē*). Quant à l'abrègement iambique (**calē* > *cale*), voire analogique (**ārē* > *āre*), et aux cas de tmèse et d'anastrophe, ils signifient certes que le premier élément (**calē* etc.) a été senti comme un mot distinct, mais ceci est conforme au processus supposé par Leumann.

En conclusion, la théorie de Jasanoff reste une possibilité séduisante, la seule défendable à notre connaissance, mais il faut reconnaître qu'elle repose sur une base extrêmement étroite.

6. Aoristes sigmatiques ou sigmatisés en arménien

6.1. Sigmatisation à 1 sg.

En arménien comme en slave, la sigmatisation partielle *(*e*)*dōm* → *(*e*)*dōsom* n'est pas limitée à quelques verbes, mais a dû être commune à tous les prétérits asigmatiques athématiques.

En effet, cette hypothèse proposée par Bonfante [1942] pour les aoristes **d^hē-* 'poser' et **dō-* 'donner' (1 sg. *(*e*)*d^hēm*, *(*e*)*dōm* →

ment possible pour l'ancien *escit* 'sera' (à toutes les personnes), notamment après *ē*, ne semble pas excessive. Noter que Soubiran [1966: 179–184], pour qui il n'y a pas de solution de continuité entre élision, synalèphe et élision inverse, estime que cette dernière pourrait aussi avoir touché des mots grammaticaux, comme *iste*, *ille*, *in*, *et*.

⁸⁴ « nach Grammatikern = 'erit', wohl auch = 'fit' » [Leumann 1959: 279]. — En allemand familier, *wird* signifie aussi bien 'sera' que 'devient' : *Der Sommer wird heiß* 'L'été sera chaud' (article de journal paru au printemps). Peut-être cela a-t-il influencé le sentiment linguistique de Leumann.

slave et arménien $*(e)d^h\bar{e}som$, $*(e)d\bar{o}som$) et étendue pour l'arménien par [Barton 1989: 146–152] à d'autres aoristes radicaux ($*mer-$ 'mourir', $*sed-$'s'asseoir', $*h_3neid-$ ('blâmer' ?), $*g^werh_3-$ 'avalier', $*h_2er-$ 'ajuster', $*ser-$ 'attacher en file') doit certainement être généralisée. Autrement dit, en l'absence de preuve du contraire, nous supposons qu'en arménien, comme en slave (5), tous les prétérits athématiques asigmatiques ont subi la réfection de 1 sg. $-m/*-\eta$ ($*-m$ après voyelle, $*-\eta \rightarrow *-om$ après consonne, 7.2) en $*-som$ ⁸⁵.

Nous tentons ci-après (partie 6) de rassembler et de classer tous les exemples arméniens⁸⁶.

6.2. Aoristes sigmatiques causatifs

6.2.1. *Liste*. L'aoriste sigmatique peut avoir une fonction causative⁸⁷ non seulement en grec [Schwyzer 1939: 755 s.], [Chantraine 1958: 413–415, 1961: 181] (§ 206), mais aussi en arménien (et en tokharien) :

a) $-eloyz$ 'a fait sortir'⁸⁸ < $*eleud^h-s-$, grec dorien (crétois) $\epsilon\lambda\upsilon\sigma\alpha\iota$, $\eta\lambda\epsilon\upsilon\sigma\epsilon$ 'apporter, a apporté' ([Bile 1988: 253, 281, 384]; [Bile 1988: 248, n. 4] sur Hésychius $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\acute{\iota}\omega$ οἴσω), tokharien B *lyautsa* 'a chassé, exilé', causatif de $*(e)lud^h-e-$, grec $\eta\lambda\upsilon\theta\epsilon(v)$ 'est venu', tokh. A *luc*, B *lac* 'est sorti', v. irl. *luid* 'est allé', racine $*(e)leud^h-$ < $*h_1leud^h-$.

⁸⁵ Cette hypothèse ne s'applique naturellement pas aux aoristes qui s'étaient déjà thématisés auparavant au moins dialectalement, comme $*weid-$ $\rightarrow$ $*wid-e-$ > véd. *ávidat*, arm. *egit* 'a trouvé', gr. $\epsilon\acute{\iota}\delta\epsilon$ 'a vu' ; $*sed-$ $\rightarrow$ $*sed-e-$ > v. sl. *sěde* 's'est assis'.

⁸⁶ Pour la forme de l'aoriste indo-européen (radical athématique, radical thématique ou sigmatique athématique), nous suivons généralement [LIV²] (voir cependant 6.5.3). Les exemples arméniens d'aoristes sigmatiques ou sigmatisés sont empruntés à [Kortlandt 2003: 80, 114 s.] (1987, 1996), sauf *y-er* qui l'est à [Barton 1989: 150 s.]. — Les notations $*ds$, $*d^h s$ en indo-européen récent sont à comprendre comme $*ts$, et les produits arméniens respectifs *c*, *z* au lieu de $*c'$ résultent d'une désaspiration ou d'une sonorisation analogiques des formes apparentées non sigmatiques, souvent disparues depuis lors (cf. [Kortlandt 2003: 105 s., 115 s.] (1994, 1996), voir ci-dessus n. 54).

⁸⁷ Synonymes : *factive* ou, quand le verbe-base est intransitif, *transitive*. Nous ne faisons pas de distinction entre ces termes.

⁸⁸ Ce verbe n'existe que dans des composés et dérivés ; les préverbes en modifient le sens ; voir [Klingenschmitt 1982: 263; EDAIL: 248 s.].

L'interprétation de *-eloyz* comme causatif sigmatique résout la double objection phonétique et sémantique que l'on pouvait opposer au rattachement de *-eluzanem* à **h₁leud^h*- 'sortir, aller' ;

b) *emoyc* 'a fait entrer' < **e-(s)meud-s-*, causatif de *emut* 'est entré' < **e-(s)mud-e-* (étymologie inconnue) ; cf. [Pedersen 1982: 68] (1905), [Kortlandt 2003: 105] : « *emut* 'intravit' und *emoic* 'induxit' verhalten sich wohl zu einander wie gr. ἔβην und ἔβησα » ;

c) *eloyc* 'a allumé' < **leuk-s-*, tokh. A *lyokäs*, B *lyauksa* 'erleuchtete', cf. véd. *rócāti* 'brille', *rocáyati* 'fait briller', lat. *lūceō*, *lūxī* 'éclairer' (vieux latin seulement) et 'luire' (confusion entre essifs en **-ē-* et causatifs en **-eye-*, [Christol 1991]) ;

d) *esoyz* 'a plongé' (transitif) < **keud^h-s-*⁸⁹, cf. gr. κεύθω 'cacher'⁹⁰ ;

e) *eloyc* 'a délié' : probablement aoriste causatif **leug-s-* (la racine **leug-* a pris la place d'i.-e. **leu-*) ;

f) *ec'oyc* 'a montré' (le degré plein n'est pas compatible avec un suffixe **-sk₁e-*, [Klingenschmitt 1982: 228]) < **skeuk-s-* (sur **skeuk-*, élargissement ou variante de la racine **(s)k₂euh₁-* 'percevoir'⁹¹).

6.2.2. *hecaw*. À ces exemples il faut ajouter l'ancien actif dont dérive le médio-passif *hecaw* 'est allé à cheval' < **s'est assis* < i.-e. **sed-s-* [Kortlandt 2003: 80, 115].

L'aoriste athématique **sed-* 's'asseoir' (dont il y a trace en védique) a été thématisé indépendamment dans véd. *ásadat*, v. sl. *sědъ* et dans gr. ἔζετο (< augment + **sd-e-*), [LIV²: 513 s.] (Kümmel)⁹². Il est probable qu'en arménien aussi il serait devenu **sed-e-* ou **sd-e-*.

⁸⁹ Initiale peut-être **k₂*, mais devenue **k₁* par analogie de l'ancien intransitif **kud^h-e-*, [Viredaz 2008: 4].

⁹⁰ En grec, κύθε est transitif (*Od.* 3, 16) et ἔκευσε est rare [Chantraine 1968–1980, s. v. κεύθω].

⁹¹ Cf. [Klingenschmitt 1982: 229] (élargissement **-k-* comme une des solutions possibles), [LIV²: 561] (sur la racine).

⁹² **(e)sd-e-* plus probable que **se-sd-e-* (*ibid.*). — Ni le grec, ni l'arménien ne continuent un imparfait **sed-ye-*. D'une part, ἔζετο était un aoriste et non un imparfait [LIV²: 514, n. 4]. D'autre part, i.-e. **dy* devient sans doute arm. *č* et non *c* : cf. **d^hy > ĵ* et [EDAIL: 111 (**arič*), 640 s. (**uč*), 718 s.] ; tous les exemples apparents de **dy > c* s'expliquent aussi bien sinon

Le grec a aussi un aoriste sigmatique, actif εἶσε, ἔ(σ)σαι (courant) ‘faire asseoir, placer, installer’, médio-passif (plus rare) ἔ(σ)σασθαι, p. ex. ἐσάμενος (*Od.* 16, 443) ‘qu’on a fait asseoir’⁹³. Dans certains verbes, l’actif causatif est une rétroformation sur le médio-passif⁹⁴, mais pour ἔ(σ)σασθαι on voit que c’est bien le médio-passif qui est tiré de l’actif (ce qui est le cas normal)⁹⁵. La valeur causative de l’aoriste actif ἔ(σ)σαι est donc primaire et sera due à sa forme sigmatique.

C’est pourquoi nous supposons un aoriste causatif gréco-arménien **sed-s-* ‘faire asseoir’, dont arm. *hecaw* *‘s’est assis’ > ‘est allé à cheval’ sera le médio-passif. Pour ce détour sémantique, comparer l’allemand *sich setzen* ‘s’asseoir’, ou sur d’autres racines arm. *usaw* ‘a appris’, *snaw* ‘s’est nourri, a été nourri, élevé’, médio-passifs des causatifs **ouk-eye-t* ‘enseignait’, **k₁on-eye-t* ‘élevait’ (1.2).

Au plan sémantique, on peut se demander pourquoi c’est l’aoriste *hecaw* (d’où prés. *hecanim*) qui a pris le sens ‘aller à cheval’ et le présent *nstim* (aor. *nstaw*) qui a conservé le sens ‘s’asseoir, être assis’, plutôt que l’inverse. Nous n’avons pas de réponse, mais cette difficulté ne semble pas devoir remettre en cause l’étymologie de *hecaw*.

6.2.3. **ou*. Curieusement, les aoristes de forme **CeuT-s-* présentent en arménien le produit phonétique de **CouT-s-*, alors qu’on n’observe rien de tel pour **CeRT-s-*, **CeR-s-* ou **CeT-s-*⁹⁶ (6.2.2, 6.3–5).

mieux par **ds* : [Kortlandt 2003: 104–106] (1994) (aoristes), [*EDAIL*: 88 (*anic*), 469 (*mic*)].

⁹³ Bien entendu, arm. *-aw* n’est pas directement comparable au grec *-ατο* puisque l’*α* de l’aoriste sigmatique n’est pas hérité. Il s’agit d’innovations indépendantes (mais non parallèles puisque l’*α* arménien ne s’est généralisé qu’au médio-passif, 13.2.1).

⁹⁴ Citons véd. *skhálati*, *skhálate* ‘trébucher’, grec σφάλλομαι ‘id.’ → σφάλλω ‘faire tomber’; véd. *kṣáratī* ‘couler’, grec φθείρομαι ‘aller à sa perte’ → φθείρω ‘détruire’. Le phénomène est bien connu en grec et en latin, cf. [Deroy 1993: 93, 95 s., 100, n. 14, 101] (avec références).

⁹⁵ Au présent, on trouve à la fois ἵζω ‘s’asseoir’ (hérité, véd. *sídati*), ἵζομαι (passage au médio-passif à cause du sens) et ἵζω causatif ‘asseoir’ (rétroformation sur ἵζομαι).

⁹⁶ Question brièvement abordée dans notre exposé de 2011.

Curieusement aussi, la plupart des aoristes sigmatiques causatifs arméniens présentent cette même diphtongue **eu/*ou* radicale (ou suffixale dans le type productif en *-oyc'*, *-uc'e-*, présent *-uc'-ane-*, et dans ses concurrents plus rares *-oyz*, *-oys*).

6.3. Autres aoristes sigmatiques hérités

Transitifs et donc peut-être à ranger sous 6.2.1 :

a) *ergêc* 'a déchiré, percé' : peut-être de **wreid-s-*, cf. germanique **wreitō* 'entailler' ([Pokorny 1163 s.], après Frisk)⁹⁷ ;

b) peut-être *stelc* 'a formé, créé' < **stel-d-s-* ou **stel-g₁-s-*, cf. grec *στέλλω* 'préparer' [Klingenschmitt 1982: 227]⁹⁸ ;

c) peut-être *heljaw* 'a (été) étouffé (intransitif)' : la comparaison avec *xeld* 'corde (pour étrangler)'⁹⁹ ferait de *heljaw* le médio-passif d'un aoriste sigmatique causatif disparu, mais ne donne pas d'étymologie¹⁰⁰.

⁹⁷ Rapprochement écarté par [Seebold 1970: 566 s.] pour des raisons sémantiques (voir aussi *ibid.*, p. 31 au sujet du sigle mE), mais cette rigueur est peut-être excessive (cf. *c'tem* 'érafler', communément rattaché à **sk₁id-* 'casser, fendre', ou *k'erem* 'gratter' à *κείρω* 'couper'). — Plus que la différence de sens, ce sont l'instabilité sémantique et formelle que présentent souvent les verbes ayant ce genre de significations, et le fait que le rapprochement ne porte que sur deux langues, qui, augmentant les risques de ressemblance fortuite, rendent incertaine l'étymologie arm. *ergicanem* ~ germ. **wreitō*. — De plus, le germanique a peut-être deux racines différentes, **wreit-* 'entailler, graver, dessiner, écrire' et **reit-* 'déchirer', qui ne sont cependant distinguées dans aucune langue fille (**wr-* > *r-* en haut allemand et en nordique ; le bas allemand *writan* a les deux sens ; le néerlandais a *rijten* 'déchirer' mais *wrijten* y signifie 'tordre', germ. **wreip-* ; le vieil anglais a seulement *writan* 'graver, dessiner, écrire').

⁹⁸ Il est phonétiquement exclu de tirer *stelc* directement de **stel-s-* avec [Pedersen 1982: 205] (1906). On ne connaît pas d'exemples arméniens d'i.-e. **ls*, mais seuls seraient défendables **l* ou à la rigueur **lc'*, **lj*.

⁹⁹ Cf. [Kortlandt 2003: 80, 114] (1987, 1996), [EDAIL: 403]. La possibilité d'une altération irrégulière **h-* > *x-* resterait cependant à confirmer.

¹⁰⁰ L'étymologie différente de Klingenschmitt [1982: 252 s.], lit. *speĩgti* 'étouffer (plantes)' se heurte à la différence des gutturales. Les quelques exemples de **K₁* traité comme **K₂* en baltique donnés par [Stang 1966: 91–93], se trouvent tous dans des conditions particulières que l'on n'a pas dans balt.

Transitif mais non causatif : peut-être *exac* ‘a mordu’ < **k^{(w)h}ād-s-*, cf. védique *khādati* ‘il mastique, mange’ [Martirosyan 2010: 323 s.]¹⁰¹ ;

Autre après consonne : peut-être *macaw* (6.5.1).

Après voyelle (suffixale) : *-eay*, *-ear*, *-eaw* (p. ex. *t’ak’eaw* ‘s’est caché’, *ayteaw* ‘a enflé’, présents *t’ak’č’im*, *t’ak’num*, *aytnum*) < **-ē-s-*, slave *-ěxb*, *-ě*, *-ě* (5.1) [Kortlandt 2003: 114] (1996), cf. [Jasanoff 2003: 130, 150]. Si l’on suit la théorie de Jasanoff [2003: 130 s., 146–150, 162–165], ci-dessus 5.3.2.1 b), un adverbe **ptak₂ē* ‘en se terrant’¹⁰² (sémantiquement proche du véd. *gūhā* !) aura formé des présents **ptak₂ē-ye-*, **ptak₂ē-sk₁e-* (arm. *t’ak’č’im*, p.-ê. lat. *taceō*, *conticēscō*, v. h. all. *dagēn*)¹⁰³) et un aoriste **ptak₂ē-s-* (de forme active en indo-européen ; arm. *t’ak’eaw*). De même, *ayteaw* rappelle *ᾠδῆσε*. En revanche, *yareaw* ‘s’est levé’, impér. *ari*, présent *yaṛnem*, est de formation incertaine¹⁰⁴.

6.4. Aoristes anciennement asigmatiques

6.4.1. Sur racine en voyelle. 1 sg. *edi*, *etu*, *eki* (3.2), *keray* (3.4), *melay* (1.1.2), 3 sg. *ed*, *et*, *ekn*, *eker*, *melaw* (ce dernier passé à la flexion moyenne à cause du *-a-* ; *eker* a survécu à cette innovation à cause de sa fréquence élevée, cf. 14.4, mais aussi 13.2.2.1 ; les deux

spelg-. Dans les cas de sl. **čerda* ‘troupeau, file, ordre’, **korva* ‘vache’, lit. *keṛdžius* ‘berger’, *kārvė* ‘vache’, *pekūs* ‘bétail’, la sémantique commune invite à voir des emprunts à un dialecte kentum, malgré les arguments contraires de Stang, *loc. cit.*, et de [Derksen 2015, s. vv.].

¹⁰¹ Autre groupement dans [LIV²: 359 s.] (Kümmel). — L’iranien **xad-* ‘blesser’ relève d’une autre racine, [Cheung 2007: 439 s.] — Racine sans doute différente aussi dans lit. *kāndu*, v. sl. *kpsajō* ‘mordre’.

¹⁰² Verbe-base en grec *πτήσσω* ‘s’accroupir, se blottir’ (le plus souvent par peur, parfois pour une embuscade).

¹⁰³ En supposant une métaphore ‘se cacher’ (arménien) > *‘faire profil bas, rester discret/se faire discret’ > ‘se taire’ (germanique, latin).

¹⁰⁴ Présent sans doute **ar-new-e-* ← **h₃r-neu-* + préverbe arm. *i* ‘ex’, mais l’aoriste est susceptible d’interprétations diverses. Peut-être réfection récente de **aray*, comme le sont probablement *caneay* ‘ai (re)connu’, *y-anc’eay* ‘ai transgressé’. L’intransitif **arneue-* > *y-arne-* ‘se lever’ aura été très longtemps homonyme du transitif **k^wrnewe-* (?) > *aṛnem* ‘faire’ (pour la racine, voir [Viredaz 2005–2007: 3 s.]).

flexions ne diffèrent qu'à 3 sg.) ; *elê* 'suis devenu < **e-k₁lei-som* [Kortlandt 2003: 80, 114] (1987, 1996) ; étymologie de Godel [1982: 27] (1965) ; 3 sg. *elew* < **elêw*¹⁰⁵ ; 2 sg. *eler*, 3 pl. *elen* seront analogiques de *elew* (analogie facilitée par le fait que 1 sg. *elê*, 2 pl. *elêk* 'étaient compatibles avec un thème *ele-*).

6.4.2. *Sur racine en consonne*. *meṛaw* 'est mort : i.-e. **mer-m₁*, **mer-s*, **mer-t* > arménien et slave **mersom*, **mers*, **mert*, v. sl. *-mrěxb*, *-mrě* (cf. [Klingenschmitt 1982: 221; Barton 1989: 146]¹⁰⁶ ; arm. *ṛ* < **-rs-* entre voyelles ; passage à la diathèse moyenne à cause du sens et d'après l'antonyme *cnaw* 'naquit' (innovations semblables dans d'autres langues, [Barton 1989: 139–144]).

Quand l'occlusive est **g₁*, **g₁^h*, l'interprétation est ambiguë (6.5.1).

6.5. Exemples ambigus

6.5.1. *Après *g₁^h*. Après i.-e. **g₁^h*, la sigmatisation n'est pas visible phonétiquement et l'on peut tout au plus tenter de deviner d'après le sens du verbe et d'après les formations existant en indo-européen quelle a pu être celle de l'arménien :

a) *edêz* 'a entassé'¹⁰⁷, *elêz* 'a léché' : peut-être imparfaits **d^heig₁^h-e-* ou **d^hoig₁^h-eye-* et **leig₁^h-e-* plutôt qu'aoristes sigmatiques **d^heig₁^h-s-*, **leig₁^h-s-* ;

b) *eboyc* 'a nourri, élevé' : action qui dure, donc sans doute **b^houg-eye-* imparfait causatif plutôt que **b^heug-s-* aoriste causatif, de

¹⁰⁵ L'étymologie **k^wl-e-* de [Klingenschmitt 1982: 280 s.] ne rend pas compte du présent *linim*. — Cependant, **w* devant **o* pour combler l'hiatus n'est pas régulier après **i*, ni donc après **ey*, mais doit être analogique du **w* apparu dans la même désinence après **e*, *a* (3.4.3).

¹⁰⁶ L'autre scénario envisagé par Barton (*ibid.*, p. 145 s.), selon lequel le *ṛ* arménien se serait généralisé à partir de **meṛn*, **meṛ*, **meṛn* issus phonétiquement de **merm₁*, **mers*, **merm₁*, n'est pas possible. En effet, le traitement observé dans **dúran* > **dúrn* > *duṛn* 'porte' (où la chute du **a* date de la période parthe, cf. n. 26) est certainement postérieur à la disparition du thème d'aoriste radical **mer-* et aux réfections qui en ont fait **meṛ-*, *meṛa-*.

¹⁰⁷ Le sens de la racine arménienne est un de ceux de l'iranien **daiz-*, sans doute sous l'influence de ce dernier.

**b^hung₁*- (médio-passif) ‘profiter de’ ; seul le sens suggère une solution différente de *eloyc* (6.2.1) ;

c) *macaw* ‘a collé, coagulé’ : médio-passif d’un aoriste i.-e. **mag₁*-, **mag₁-s-* ou **mag₁-e-* (racine **mh₂g₁*- possible, cf. [Beekes 1988]) ;

d) *zercanem*, *zerc* ‘a délivré’ : actif probablement dérivé d’une des acceptions du moyen *zercanim*, *zercaw* ‘se sauver, être délivré, s’échapper, se détacher’, de sorte qu’il n’y aurait pas lieu de tirer *z-erc* d’un aoriste causatif sigmatique indo-européen¹⁰⁸. Étymologie : prob. cognat du v. i. *SARJ* (*sr̥ṣṭá-*) ‘lâcher, faire partir, envoyer’ [de Lamberterie 1980: 26]¹⁰⁹.

6.5.2. Après **r. ar* ‘a pris’ peut s’interpréter soit comme produit de **ar-s-*, i.-e. **h₂er-* athématique (cf. [Kortlandt 2003: 115; Barton 1989: 149]), soit comme réfection, d’après le présent *ar̥num* ~ gr. ἄρνουμαι ‘obtenir’, d’arm. **ar* < i.-e. dial. **ar-e-* thématisé comme le grec ἄρετο¹¹⁰ ; la flexion moyenne du grec doit être une innovation ([Barton 1989: 149, n. 46], contre [Klingenschmitt 1982: 248])¹¹¹.

¹⁰⁸ Certes, *usaw*, *snaw* (1.2), *hecaw* (6.2.2), *č’ogaw* (6.5.3) sont des médio-passifs d’anciens causatifs, mais les actifs correspondants ont disparu. Si *zercaw* avait suivi une évolution comparable, *zerc* serait soit primaire (et devrait donc avoir un sens plus large), soit aurait été perdu puis recréé (hypothèse peu économique).

¹⁰⁹ En revanche, nous ne pensons pas qu’arm. *ark* ‘jeta’ (*ibid.*) soit apparenté. — [*LIV*²: 528 s.] (Zehnder) rapproche avec réserve v. i. *SARJ* du crétois λαγαῖεν, λαγασαι ‘relâcher, libérer’ et du m. gall. *di-hol* ‘bannir’, *helyaf* ‘je chasse’. Cependant le verbe grec se rattache plutôt à λαγαρός ‘mou’, λήγω ‘se relâcher, cesser’ (degré zéro analogique comme dans ῥηγ-/ῥαγ- ‘briser’), latin *laxus*, *langueō*, anglais *slack*, etc., tandis que les mots gallois sont assez loin pour le sens.

¹¹⁰ Cf. *gaṛn*, *gaṛin* ‘agneau’, avec *r* apparu phonétiquement au nominatif-accusatif singulier (*gaṛn* < **garn* ~ gr. ἄρνῃ), puis étendu analogiquement au reste de la flexion. Si ce nivellement n’a pas lieu dans *duṛn*, *dran* ‘porte’ ou *leārn*, *lerin* ‘montagne’, ce sera à cause de l’alternance vocalique radicale.

¹¹¹ *Ar̥num*, *ar* est un des très rares verbes arméniens (non supplétifs) à conjuguer un présent hérité et un aoriste également hérité. — Un autre est peut-être *lk’anem*, (*e*)*lik* ‘laisser’. Si le suffixe **-ne-* est une thématisation de **-neh₂-*, c’est-à-dire issu de **-nh₂-e-*, la forme arménienne après consonne sera **-ane-* avec **a* “primaire” et *lk’anem* pourra être un présent en *-anem*

yer 'a enchâssé' : i.-e. **en* + **ser(-s)-* (étymologie : [HAB III: 396; Klingenschmitt 1982: 241 s.; Barton 1987, 1989: 150 s.]) ; présent *yerum* (*r* analogique pour **r*¹¹² ?). Aoriste indo-européen radical selon Barton, ll. cc. (verbe télique), sigmatique selon [LIV²: 534 s.] (Zehnder : grec -έρσαι, -εῖραι).

jeranim, *jeray* 'avoir la fièvre' et *jeṛnum*, *jeṛay* 'se chauffer, s'échauffer' résultent peut-être de la scission d'un ancien *jeṛnum*, *jeṛay* [Klingenschmitt 1982: 224, 248, 278], ce qui supposerait un imparfait i.-e. **g^{wh}er-e-to* devenu aoriste (cf. grec θέρομαι 'devenir chaud'), sur lequel le présent en *-nu-* serait une création arménienne. Toutefois, l'extension analogique de *r* ne se produit peut-être pas aussi facilement dans le verbe (cf. *yaṛnem*, *yareaw* 'se lever') que dans le nom (n. 110), et *jeray* ne semble pas attesté à date ancienne, si bien qu'une restitution **g^{wh}er-nu-* : **g^{wh}er-s-* est peut-être plus prudente [Kortlandt 2003: 115; Martirosyan 2010: 557].

6.5.3. *Autres. anêc* 'a maudi' < **aneid-s-*, racine i.-e. **h₃neid-*. Aoriste indo-européen radical selon [Barton 1989: 147], sigmatique selon [LIV²: 303] (Kümmel : avestique *nāist* ; avec réserves).

Dans *anêc* comme dans *yer* ci-dessus, l'aoriste apparemment sigmatique de l'arménien a peut-être été une des raisons pour lesquelles nos prédécesseurs, y compris [LIV²] que nous avons pris pour référence (n. 86), ont admis un aoriste sigmatique en indo-européen, hypothèse qui devrait donc être réévaluée.

anc 'a passé' : étymologie inconnue (malgré maintes tentatives¹¹³) ; *c* ' peut représenter **ts* ou **k₁s* mais aussi **tsk₁* ou **k₁sk₁*¹¹⁴.

čogaw 'est allé' ne peut pas s'expliquer par *čogan* < **k₂yew-nto* (ainsi [Klingenschmitt 1982: 117, 277]), car il n'y a pas lieu

prototypique < **lik^w-an-e-*, cf. grec λιμπάνω. Sinon, le traitement phonétique attendu sera à notre avis **lik^wne-* ou **lik^wne-* > **liγ(a)ne-* > †*liwne-* ou †*lene-* (cf. **yēk^w* → *leard* 'foie') et *lk'anem* sera tiré de l'aoriste.

¹¹² [N. d. c. : Non, cf. arm. mod. hert 'tour' < *sers-ti-.]

¹¹³ La nôtre ([Viredaz 2005–2007: 2 s.] : grec καθ-) est erronée également.

¹¹⁴ Nous ne citons pas **sk₁* seul, car il est probable qu'une nasale tombe devant **s* + occlusive, cf. *ekic* 'ekesc'e-, subj. aor. de *ekn* 'alla', s'il est une réfection de **kec* 'kece'- < **g^wem-sk₁e-*.

d'admettre une loi phonétique **-ew-* > **-ow-* en arménien¹¹⁵ (cf. *jew* 'forme', *tew* 'distance')¹¹⁶. Il résultera plutôt de l'addition du *-a-* médio-passif au produit soit de **k₂yeu-s-* 'a mis en mouvement' (aoriste sigmatique causatif, à ranger sous 6.2.1, cf. grec 1 sg. act. ἔσσευα, 3 sg. méd.-pass. σεύατο, et pour le vocalisme 6.2.3), soit de **k₂yow-eye-* 'mettait en mouvement' (imparfait causatif, à ranger sous 1.2, cf. grec prés. σοέω, σοέομαι). L'aspect ponctuel du sens 'mettre en mouvement' donne à penser que **k₂yeu-s-* était plus fréquent que **k₂yow-eye-* (ce que confirme le grec) : c'est donc plus probablement **k₂yeu-s-* que continuera *č'ogaw*.

busaw 'a poussé, est né, a crû' doit être le médio-passif d'un actif disparu qui remontera peut-être à **b^hou-k-eye-*, une formation inattendue sur i.-e. **b^heu₁-*.

Dans *zgenum*, *zgec'aw* 'se vêtir', grec hom. ἔννυμαι, ἔσσατο, il est possible que *c'* remplace par analogie un ancien **s* < **ss* (comparable à celui d'arm. *es* 'tu es' < **essi* ← i.-e. **esi* [< **h₁es-si*]). De même pour *yenum*, *yec'aw* 's'appuyer' (s'il vient d'i.-e. **ses-*, [Klingenschmitt 1982: 249 s.]). Peut-être même cette hypothèse pourrait-elle s'étendre à des verbes qui n'ont jamais eu **ss*, tels *lnum*, *elic* 'remplir', i.-e. **plē-*, voire à la majorité des aoristes en *-c'* puisque le suffixe **-sk₁e-* (1.3.2.1) n'a dû être hérité que dans un petit noyau initial. Negri [1976: 239 s.] suggère que le suffixe arménien issu de **-sk₁e-* s'est substitué au **s* de l'aoriste sigmatique après que celui-ci fut tombé entre voyelles.

6.6. Exemples d'autres origines (aoriste ou imparfait thématiques)

awc 'oignit' < aor. i.-e. **ang^w-e-* < **h₃ng^w-e-* ← **h₃eng^w-*, tandis qu'une sigmatisation aurait produit **h₃eng^w-s-* > **ong^w-s-* > †*unč vel sim.*¹¹⁷.

¹¹⁵ Comme le font [Klingenschmitt ll. cc.; Viredaz 2001–2002: 1–3], et d'autres.

¹¹⁶ En slave, certes, **ew* > **aw* > *ov* devant voyelle postérieure et reste *ev* devant voyelle antérieure. Mais cette différence est liée à la palatalisation de toutes les consonnes devant voyelle antérieure, une situation qui n'existe pas en arménien.

¹¹⁷ Face à **k₁s* > *c'*, le traitement arménien de **k₂s* est peut-être *č'*. À défaut d'exemples clairs en arménien même (où le rapprochement de *č'or* 'sec' et

terem, *tereac* ‘écorcher la peau, la rendre calleuse’ ne peut guère s’expliquer par un aoriste **eter* < **der-s-* ← i.-e. **der-* (ainsi [Barton 1989: 151]), car on attendrait alors un présent **teřanem*. Partir plutôt d’un présent i.-e. **ders-e-* avec de Lamberterie [1997: 74 s.].

7. Naissance de la flexion semi-sigmatique

7.1. Origine de la sigmatisation

7.1.1. *Le scénario slavo-arménien.* La sigmatisation partielle des aoristes radicaux en slave et en arménien (**dōm*, **dōs*, **dōt* → **dōsom*, **dōs*, **dōt*, 3.2, 5.1) est un des deux volets d’une innovation plus importante, l’autre volet étant la désigmatisation partielle des aoristes sigmatiques (et de l’imparfait du verbe ‘être’) : **-som*, **-s*, **-st* → **-som*, **-s*, **-t*¹¹⁸.

Cette désigmatisation de 3 sg. a un parallèle en vieil indien à l’aoriste sigmatique des racines *seṭ* (qui est toutefois rare) : i.-ir. **-isam*, **-is*, **-ist*¹¹⁹ → v. i. *-iṣam*, *-iṣ*, *-iṣt* (cf. [Renou 1952: 289 s.; Narten 1964: 53 s.]) et elle s’explique facilement comme contrecoup d’une réduction phonétique **-st* > **-s*, c’est-à-dire par restauration analogique de la distinction 2 sg. : 3 sg.

C’est pourquoi nous proposons le scénario suivant :

1. Réduction phonétique **-st* > **-s*, produisant, dans le paradigme sigmatique (aoristes sigmatiques et aoristes ou imparfaits radicaux de racines terminées en **s*, notamment l’imparfait du verbe ‘être’), une homophonie entre la troisième personne du singulier et la deuxième, où la simplification **-ss* > **-s* est déjà indo-européenne.

du postclassique *č’ir* ‘fruits secs’ avec gr. ξηρός ‘sec’ est peu sûr), noter les traitements respectifs de **k₁s* et de **k₂s*, **k^ws* en slave (*s* et *x/s*) et en nouristani (affriquée sifflante *č* et affriquée rétroflexe *ç* [Morgenstierne 1973: 339]).

¹¹⁸ Sur **-som* au lieu de **-sṃ*, voir 7.2-4. Sur les raisons de poser 3 sg. **-st* → **-t* plutôt que d’autres scénarios, voir 7.1.3-4.

¹¹⁹ La voyelle **i* (plus tard *i*) est le produit présumé de la vocalisation des laryngales en indo-iranien. Contrairement au *i* primaire, elle est allongée en indien en syllabe finale fermée [Jamison 1988: 220]. — Le traitement indien et iranien **s* > *(*)ṣ* n’est pas proto-indo-iranien après **i*, **i*, **u*, car le traitement nouristani est différent ([Morgenstierne 1973: 340], où *iṣ* en nouristani moderne représente **iṣ* d’époque moyen-indienne, tandis que *iṣ* résulte d’emprunts ; voir aussi n. 179).

Dans la suite, nous admettons que la chute de **t* final a été plus ancienne après **s* qu'après voyelle. Cette hypothèse peut s'appuyer sur l'exemple du védique, qui conserve *-t* après voyelle mais ne conserve pas **-st*. Elle n'est toutefois pas nécessaire pour l'explication des faits arméniens. Si on l'abandonne, il suffit de poser zéro au lieu de **t* final, à partir de ce stade 1, dans les discussions qui suivent.

2. Résolution de l'homophonie : face à 2 sg. **-s*, la finale 3 sg. **-s* du paradigme sigmatique est remplacée par **-t* sur le modèle du paradigme asigmatique. (Ce remplacement peut avoir été plus tardif pour l'imparfait **ēś* 'était' que pour les aoristes à suffixe **-s-*, pour des raisons de fréquence, cf. 14.4¹²⁰.)

3. L'identité partielle (2–3 sg.) qui en résulte entre les paradigmes sigmatique et asigmatique est étendue à tout le singulier : 1 sg. **-m* (après voyelle) et **-om* (après consonne, ancien **-m̃*, 7.2) sont remplacés par **-som*.

C'est-à-dire¹²¹ :

¹²⁰ C'est pourquoi nous ne prenons pas **ēś-* 'étais, était' comme exemple type du prétérit sigmatique, mais l'aoriste sigmatique de dénominatifs (slave *dělajō, dělaxъ* < **N-ā-ye/o-*, **N-ā-s-* ?), bien que ce type ait entièrement disparu en arménien (remplacé par *-a-c'-*). — En arménien, le présent *mnam* 'je reste' vient peut-être d'i.-e. **mēn-ā-ye-* ([Meillet 1936: 110; Klingenschmitt 1982: 91 s.]; la phonétique autoriserait également un vocalisme radical **e*, **o* ou **ō*), déverbatif, à l'aoriste peut-être **mēn-ā-s-*, dont *mnac* 'représentera' une réfection ultérieure. — Outre les aoristes sigmatiques et l'imparfait du verbe 'être', il y avait des aoristes et des imparfaits radicaux de racines terminées en **s*, mais leur sort n'est pas connu, soit que le verbe ait disparu en arménien, soit qu'il y soit devenu déponent (**h₂wes-* → *agaw* 'a passé la nuit').

¹²¹ Les innovations sont soulignées, à l'exception de **-m̃* → **-om*, dont la chronologie relative n'est pas exactement connue (probablement antérieure à la sigmatisation d'après 7.2.1). — Après l'innovation 1, il faut peut-être supposer aussi la chute ou l'absence de **t* final dans 3 sg. **mer*, **leuk*. La date relative de l'innovation phonétique **-m* > **-n* n'est pas connue ; nous avons gardé la graphie *m* pour faciliter la lecture. On connaît la différence de traitement entre i.-e. **-m*, **-n* (après voyelle) > arm. zéro (3.1.1) et i.-e. **-nt* > arm. *-n*.

<i>*dōm</i>	<i>*dōs</i>	<i>*dōt</i>	<i>*merm</i>	<i>*mers</i>	<i>*mert</i>
<i>*N-ās̄m</i>	<i>*N-ās</i>	<i>*N-āst</i>	<i>*leuksm</i>	<i>*leuks</i>	<i>*leukst</i>
↓ 1					
<i>*dōm</i>	<i>*dōs</i>	<i>*dōt</i>	<i>*merom</i>	<i>*mers</i>	<i>*mert</i>
<i>*N-āsom</i>	<i>*N-ās</i>	<i>*N-ā_s</i>	<i>*leuksom</i>	<i>*leuks</i>	<i>*leuks</i>
↓ 2					
<i>*dōm</i>	<i>*dōs</i>	<i>*dōt</i>	<i>*merom</i>	<i>*mers</i>	<i>*mert</i>
<i>*N-āsom</i>	<i>*N-ās</i>	<i>*N-ā_t</i>	<i>*leuksom</i>	<i>*leuks</i>	<i>*leukt</i>
↓ 3					
<i>*dōsom</i>	<i>*dōs</i>	<i>*dōt</i>	<i>*mersom</i>	<i>*mers</i>	<i>*mert</i>
<i>*N-āsom</i>	<i>*N-ās</i>	<i>*N-āt</i>	<i>*leuksom</i>	<i>*leuks</i>	<i>*leukt</i>

7.1.2. *L'allongement slave*. Dans cette restitution, nous avons négligé le fait que les aoristes slaves sigmatés secondairement (comme *mrěxъ*, i.-e. **mer-ṃ*) présentent le même degré long radical que les aoristes sigmatiques primaires (comme *věsъ*, i.-e. **wēd^h-s-ṃ*). Le fait est manifeste devant occlusive (*grěsъ* 'j'ai saisi' < **g₂^hrēb^h-s-*), mais restituable aussi pour les diphtongues et quasi-diphtongues (séquences voyelle + sonante devant consonne) de *bljusъ*, *cvisъ*, *mrěxъ*, dont le ton aigu attendu s'est étendu à l'infinitif pour certains d'entre eux (serbo-croate infinitif *mrijèti*, mais *bljūsti*).

Ce degré long peut être apparu secondairement lui aussi : après la sigmatation de **g^hreb^ha-m vel sim.*¹²² en **g^hrep-som* (d'après 2–3 sg. **g^hreps*, **g^hrept*), ou de **merom* en **mersom*, les aoristes du type **g^hrep-som*, **g^hreps*, **g^hrept* ou **mersom*, **mers̄*, **mert* (anciens aoristes radicaux) auront été "corrigés" en **g^hrēpsom* (...) **mērt* sur le modèle des anciens aoristes sigmatiques comme **tēksom* 'j'ai couru', **tēkš*, **tēkt*. La règle sur l'allongement ou non dans les aoristes semi-sigmatiques (selon que l'aoriste indo-européen était sigmatique ou radical) étant immotivée en synchronie, la langue a perdu cette distinction (au profit de la formation la mieux marquée morphologiquement, c'est-à-dire celle à allongement).

¹²² Racine *seṭ* (**g^hreb^hH-*) au vu de l'indo-iranien, védique *grbhñāti*, *āgrabhīt*. Occlusive labiale probablement aspirée au vu du *e* bref de v. sl. 2–3 sg. *grebe* (> **p* devant **s*, **t*).

On sait que le grec et l'arménien n'ont pas trace d'un degré long à l'aoriste sigmatique. L'absence d'allongement est donc normale aussi dans les aoristes radicaux (semi-)sigmatisés comme arm. *meṙay* ← **mer-s-om* 'je suis mort'. (Contrairement au grec, l'arménien conserve une voyelle longue devant sonante + consonne, cf. *urġu* 'beau-fils' tiré d'un dérivé à *vṙddhi* de *ordi* 'fils'.¹²³.)

Même dans l'ensemble d'isoglosses remarquable constitué par la semi-sigmatization, l'arménien et le slave présentent donc des différences. (Voir aussi 7.1.6.)

7.1.3. *L'homophonie 2–3 sg.* Une homophonie entre 2 et 3 sg. est sans conséquence dans les langues à pronom personnel sujet obligatoire (cf. allemand *du setzt, er setzt*), mais dans les langues indo-européennes anciennes elle n'était pas viable¹²⁴. Les solutions apportées ont été diverses.

En vieil indien, nous avons mentionné plus haut (7.1.1) l'aoriste sigmatique des racines *set* : i.-ir. **-tsam*, **-ts*, **-ist* > v. i. *-iṣam*, *-tṣ*, **-tṣ* → *-iṣam*, *-tṣh*, *-tṣ*.

À l'imparfait du verbe 'être', 3 sg. **ās* > **ās* > *āḥ* est encore attesté dans le Rgveda ([Renou 1952: 260]; sous sa forme de sandhi antévocalique *ā* ; paradoxalement, seulement dans le Livre X, plus récent). Mais les formes normales sont dès le védique *āsīh*, *āsīt*.

En grec, le même imparfait **ēs*, **ēs*, **ēs* > **ēha*, **ēs*, **ēs* a subi des réfections différentes : d'abord celle, panhellénique, de 2 sg. en *ῥσ-θα* par emprunt de la désinence de parfait (pour éviter l'homophonie avec 3 sg., [Negri 1976: 247 s.]), puis, en ionien-attique seulement, le remplacement de la forme anormale 3 sg. *ῥς* (conservée en éolien, dorien et arcadien) par l'ancien pluriel *ῥεν* (remplacé dans son ancienne fonction par la forme nouvelle *ῥσ-αν* → *ῥ-σαν*), ce qui est aussi l'origine du -v mobile de la désinence 3 sg. -ε à l'imparfait, à

¹²³ *ordi* < **portiyos* ; *urġu* (thème en *a*) peut-être de **urdiú* (pour le traitement du **i*, cf. *ġori* 'mulet' < **ġiorí*, [EDAIL: 560]).

¹²⁴ Ou du moins : on conçoit que l'homophonie ait été gênante et l'on constate qu'elle a été éliminée tant en arménien (2.1, 4.1) que dans les exemples ci-dessous, dans des délais à vrai dire difficiles à estimer. En revanche, nous avons vu qu'en slave, la même homophonie (2–3 sg. prétérit) n'a été éliminée (en quelque sorte involontairement) que dans une partie du domaine (2.1.4). Les raisons de cette différence nous sont inconnues.

l'aoriste et au parfait (tandis que dans $\tilde{\eta}\epsilon\nu$ lui-même le v reste fixe). À l'exception de ce $-v$, le résultat, en ionien-attique, simule un ancien parfait ($-\alpha$, $-\sigma\theta\alpha$, $-\epsilon$), mais il s'agit d'un mirage.

La semi-sigmatization a, elle aussi, un parallèle limité en védique, où des formes sigmatiques telles que 1 sg. $-i\check{s}am$, 2 du. $-i\check{s}tam$ ont été créées (remplaçant $-am$, $-tam$), sur la base de 2–3 sg. $-\tilde{i}h$, $-\tilde{i}t$ qui étaient communs à des aoristes radicaux et sigmatiques [Narten 1964: 53–59].

7.1.4. Scénarios concurrents (2–3 sg.)

7.1.4.1. Compte tenu de la chute des consonnes finales en slave (où da peut représenter $*d\dot{o}t$ ou $*d\ddot{o}s$, n. 61), voire de la forme messapienne $hipades$ 'ἀνέθηκε'¹²⁵, peut-on être sûr que 3 sg. $*-s-t$ sigmatique $> *-s$ est bien devenu $*-t$ asigmatique et que 3 sg. $*d\dot{o}t$ 'donna' $> v.$ sl. da , arm. et n'est pas devenu d'abord $*d\ddot{o}st$ ou $*d\ddot{o}s$? En effet, une réfection de 3 sg. $*d\dot{o}t$ en $*d\ddot{o}s$ sur le modèle de 3 sg. $*N-\ddot{a}s$ ¹²⁶ (au lieu de l'inverse supposé ci-dessus 7.1.1) rendrait aussi compte de la sigmatization de 1 sg. $*d\ddot{o}m$ en $*d\ddot{o}som$.

La réponse résulte d'un faisceau d'indices :

a) Dans notre hypothèse, 3 sg. $*-s-t > *-s \rightarrow *-t$ est le facteur clé de l'innovation $*d\ddot{o}m \rightarrow *d\ddot{o}som$. Parmi les autres scénarios concevables (maintien durable de $*-st$; maintien durable de l'homophonie 2–3 sg. $*-s$; deux paradigmes différents $*d\ddot{o}som$, $*d\ddot{o}s$, $*d\dot{o}t$ et $*m\ddot{e}n\ddot{a}som$, $*m\ddot{e}n\ddot{a}s$, $*m\ddot{e}n\ddot{a}s(t)$), aucun n'est vraiment plausible¹²⁷.

b) L'exemple unique ekn 'est venu' $< *eg^w ent$ montre qu'il n'y a pas eu de sigmatization de 3 sg. ($*e-d\dot{o}t \rightarrow \dagger *e-d\ddot{o}st > \dagger *e-d\ddot{o}s > et$), car un hypothétique $\dagger *eg^w enst > \dagger *eg^w ens$ aurait sans doute conservé

¹²⁵ Le $-s$ des 3 sg. messapienne $^+d\ddot{e}s$ et phrygienne $^+ed\ddot{a}es$ (d'autre structure) résulte vraisemblablement d'emprunts à l'aoriste sigmatique (avant ou après la réduction phonétique $*-st > -s$), car il s'agit de dialectes européens. La question des 3 sg. en $-s$ attestées en hittite et plus rarement en védique est différente.

¹²⁶ Nous ne disons pas que c'est ce qui s'est passé en messapien. Faute de connaître les autres personnes du paradigme, nous ne nous risquons pas plus loin que nous ne l'avons fait n. 125.

¹²⁷ On ne sait pas si 2 sg. était homophone de 3 sg. à l'aoriste en messapien et en phrygien. Si tel était le cas, ce premier indice tomberait.

son *s après nasale¹²⁸ (comme le montre, dans les noms, l'accusatif pluriel arménien en -s). Si elle avait existé, une sigmatisation de 3 sg. n'aurait pas eu de raison d'épargner le seul verbe 'aller'.

c) Le baltique *bē ou *be 'était', s'il est identique (à part peut-être l'augment) au vieux slave bě (5.2.2), suppose une ancienne 3 sg. *ēt > *ē et non *ēst > *ēs, car s final est conservé en baltique¹²⁹.

7.1.4.2. Le processus supposé ci-dessus 7.1.1 implique que la réduction phonétique *-st > *-s soit antérieure au traitement phonétique arménien *s > *h (qui a également lieu en finale post-vocalique ; *s final n'est pas tombé directement mais par l'intermédiaire de *h comme le montre le traitement différent -k' lorsqu'il était signe de pluriel, cf. [de Lamberterie 1979]). Cette chronologie ne se laisse pas démontrer directement, mais, dans l'hypothèse contraire, il n'y aurait jamais eu d'homophonie, dans le paradigme sigmatique après voyelle, entre 2 sg. *-h et 3 sg. *-s(t), et le processus que nous postulons n'aurait pas été amorcé. On se retrouverait donc sans explication plausible pour les 1 sg. athématiques *edi*, *etu*, *keray*, etc.

7.1.5. *Scénario concurrent (1 sg.)*. Puisque (presque ?) toutes les formes de 1 sg. aoriste sont directement ou indirectement analogiques de *ío 'j'étais' (2.2, 3.4.2, 3.5), n'est-il pas superflu de supposer une réfection telle que *e-dōm → *e-dōsom et ne suffit-il pas d'admettre que, plus tard, *e-di, *e-tu < *e-d^hēm, *e-dōm ont emprunté la désinence *-o de *ío < *ēsom (d'où *e-dío, *e-túo) pour se distinguer de 3 sg. *e-di, *e-tu < *e-d^hēt, *e-dōt ?

La réponse est à notre avis négative :

– Il n'est pas satisfaisant de supposer (sans nécessité) que l'aoriste ait emprunté une désinence à l'imparfait. Dans le scénario

¹²⁸ À moins que l'arménien ait perdu *s entre nasale et occlusive, comme le latin (*inquam*, *septentriō*), ce qui est douteux, cf. n. 114.

¹²⁹ Pour Klingenschmitt [1982: 15], l'ancien imparfait arménien *ēt pour *ēst est comparable au présent ē < *eti pour *esti. D'après ce qui précède, cela impliquerait sans doute que le présent est analogique de l'imparfait. Il nous semble plutôt que les deux innovations sont indépendantes et que la réfection du présent en arménien s'est produite après la disparition phonétique de *s devant voyelle ou m.

développé ci-dessus (3.2.1, 7.1.1), *-som s'explique à la fois à l'imparfait et à l'aoriste.

– Le *s supposé a certes disparu après voyelle, mais il en reste trace après consonne : $\dot{r} < *rs$ dans *meṛay* 'je suis mort' (cf. v. sl. *mrěxъ*). Il y a donc bien eu sigmatisation du paradigme (d'abord partielle). Parmi les anciens aoristes radicaux, *meṛay* est le seul exemple clair (6.4.2), mais il faut peut-être y ajouter une partie des exemples « ambigus » (6.5), tel *anêc* $< *aneid-s-$ $\leftarrow *h_3neid-$.

Pour d'autres scénarios concurrents, voir 3.2.2, 7.4.

7.1.6. *Le pluriel*. Au pluriel et au duel, nous l'avons vu (5.1) le slave a généralisé la flexion sigmatique : v. sl. *děxъ, dě, dě, du. děxově, děsta, děste*, pl. *děxomъ, děste, děšę*. Seul donc 3 sg. est resté ou devenu asigmatique. (2 sg. ne compte pas, la distinction entre sigmatique et asigmatique y étant neutralisée dès l'indo-européen). Qu'en est-il en arménien ?

7.1.6.1. Troisième personne

a) À première vue, 3 pl. *edin* 'ont posé', *etun* 'ont donné', *meṛan* 'sont morts', *keran* 'ont mangé', etc., s'expliquent directement par **e-d^hēsnt*, **e-dōsnt* [Bonfante 1942: 105], **mersnt*, **g^werasnt*, les premiers identiques au vieux slave *děšę, dašę, mrěšę*. Toutefois, une sigmatisation du pluriel est difficilement compatible avec 1 pl. *edak* (7.1.6.3).

b) Une solution de rechange sera donc de penser que *edin, etun, keran* etc. remplacent d'anciens **edn, *etn, *keṛn* $< *e-d^hent, *e-dont$ ($< *h_1e-d^hh_1-ent, *h_1e-dh_3-ent$), **e-g^werant* (vocalisme radical analogique du singulier), sur le modèle de 1 sg. *edi, etu, keray*, 2 sg. *edir, etur, kerar*, 2 pl. *edik* ('*etuyk*', *kerayk*'). Seul alors l'imparfait *ein* $\leftarrow *in$ s'expliquerait différemment (par **ēsent* directement ou éventuellement par **ēsnt*¹³⁰). L'évolution arménienne, au pluriel (conservation de **e-d^hent*), divergerait alors de celle du slave (réfection en **d^hēsnt*).

¹³⁰ En slave, *běšę* continue **ēsnt* et non directement **ēsent*, qui serait devenu †**ēsont* puisque le présent **sentī* est devenu **sotъ* (v. sl. *sotъ*, v. r. *subъ*). Cette innovation **ēsent* $\rightarrow$ **ēsnt* est normale au vu du grand nombre des aoristes sigmatiques en slave, suite à la sigmatisation systématique des aoristes asigmatiques athématiques. Si l'arménien n'a pas connu cette sigmatisation au pluriel, la désinence *-s-*nt* n'y était sans doute pas assez fréquente pour influencer sur **ēsent*.

7.1.6.2. *Deuxième personne*. 2 pl. *edik'*, *etuk'*, *ekik'*, *kerayk'*, *eik'* sont en apparence (à part le **-k'* final) les produits phonétiques de **e-d^hēte*, **e-dōte*, **e-g^wēte*, **g^werate*, avec généralisation du degré plein, et de *e* + **ēte*, comme si le **s* avait disparu devant **t*.

Ce problème rappelle celui des présents *ê* 'est', *êk'* 'êtes', *er* 'sois', en apparence issus de **eti*, **ete*, **ed^hi* pour **esti*, **este*, **esd^hi*, sauf que *ê*, *êk'* peuvent s'interpréter comme un emprunt des désinences thématiques. Quel qu'ait été le processus, le résultat arménien contrevient au sens normal de l'analogie (qui serait l'extension de l'allo-morphe le mieux caractérisé). Mais c'est aussi le cas du grec ἦτε 'vous étiez' pour ἦστε, d'après ἦμεν qui est le produit régulier de **ēs-men*. Il n'est cependant pas sûr que les formes arméniennes puissent s'expliquer par la même analogie que le grec ἦμεν¹³¹.

Le vocalisme est en général celui du singulier, comme si ces formes avaient été sigmatisées (*edik'*, avec **ē* comme le slave *děste*, contre i.-e. **d^hh₁-te*). Noter cependant *ekayk'* 'venez', avec augment, sans doute un ancien indicatif **'vous êtes venus'*, remplacé dans sa fonction primaire par la forme analogique *ekik'*. Mais *ekayk'* lui-même semble refait sur 1 pl. *ekak'* (7.1.6.3).

7.1.6.3. *Première personne*. 1 pl. *edak'*, *tuak'*, *ekak'*, *kerak'*, *eak'* sont difficiles également.

-ak' est vraisemblablement une altération de **-amk'* (13.1.1) < **-mes*, avec syllabicisation **m* → **ṃ*. Cette syllabicisation (ou épenthèse, si l'on écrit **^om*) était régulière sur racine en consonne, ainsi **aneid-s-mes* (6.5.3) > **aneid-s-ṃes* (cf. gr. *é-deiksmen* > ἐδείξαμεν), d'où *anicak'* (voir aussi 13.1.1). Elle a aussi pu s'étendre par analogie : **dōsmes* → **dōhṃeh* > **tuámk'* → *tuak'*, peut-être plus anciennement

¹³¹ C'est-à-dire par un ancien ***imek'* antérieur à la réfection en **iamek'*. En 10.1 nous avons supposé une réfection plus ancienne. Il se pourrait cependant que **iamek'* soit une réfection de **imek'* (n. 132) d'après les aoristes du type **anicamek'* discutés ci-dessous 13.1.1. Le verbe 'être' est généralement peu sujet aux influences analogiques externes, mais des exceptions sont possibles.

dans les aoristes qu'à l'imparfait du verbe 'être'¹³². Au présent, en revanche, **esmes* > *emk* 'sans passage par une syllabation **m̥*.

edak 'avons posé' < **edamk* se comprend mieux comme continuateur direct de **e-d^ha-mes* (< **h₁e-d^hh₁-me-*) [Plötz 2016: 250, n. 1], sans sigmatisation en †**d^hēsmes*. Entre les deux interprétations envisagées ci-dessus pour 3 pl. *edin* (7.1.6.1), il faudra donc choisir la seconde (qui nous paraissait la moins probable quand nous considérons 3 pl. isolément). Il est en effet difficile d'expliquer *edak* 'comme réfection analogique de **edeak*'. Au contraire, *tuak* ou **tuamk* 'avons donné' peut aussi être une réfection récente et avoir remplacé le produit de **dames* > **tamk* ou de **dames* → **dōmes* → **tu(m)k*.

Pour *ekak* 'sommes venus' < **ekamk*, on peut envisager **e-g^wm̥-mes* ou **e-g^wa-mes* (de la racine **g^weh₂-* qui, à l'aoriste, serait entrée en supplétion avec **g^wem-*, [LIV²: 205], Kümmel). L'arménien n'a toutefois aucune trace univoque de **g^weh₂-* dans son verbe 'venir', tandis que le singulier *eki*, *ekir*, *ekn* représente **g^wem-* (3.2.1, 4.1, 4.2.1). Même 2 pl. *ekayk* (7.1.6.2) ne prouve pas **g^wa-te* (**g^wh₂-te*), car il peut être refait sur 1 pl. *ekak*. Il est donc possible de tirer toute la flexion de l'aoriste *ekn* de la seule racine **g^wem-*. Du reste, **g^weh₂-* ayant donné le présent *kam* 'se tenir debout, rester, être', il est peu probable qu'il ait contribué aussi à l'aoriste *eki* 'venir'.

7.1.6.4. Conclusion

a) À cause de *edak* 'nous avons posé' et sans doute de *ekak* 'nous sommes venus', il n'est pas possible de poser en arménien une sigmatisation générale comme en slave, **d^hē-s-mos*, **d^hē-s-te*, **d^hē-s-nt* → *děxomъ*, *děste*, *deščę*. On doit au contraire tirer les formes arméniennes de **e-d^ha-mes*, **e-d^ha-te*, **e-d^h-ent* < **d^hh₁-me-*, **d^hh₁-te*, **d^hh₁-ent*, fidèles au paradigme indo-européen d'origine, et attribuer *edik*, *edin*, *tuak*, *etuk*, *etun* à des innovations relativement récentes et proprement arméniennes. Le paradigme **e-d^hēsom*, **e-d^hēt*, **e-d^hames* ainsi restitué pour l'ancêtre de l'arménien est typologiquement proche du grec ἔθηκα, ἔθηκα, ἔθεμεν.

¹³² Cf. gr. ἐτῆμισμεν, avec σ analogique, mais ἦμεν 'nous étions', donc de même éventuellement arm. **ēsmes* > **imek*, qui ne serait devenu qu'ensuite **iamek* > **iāmk* → **e-iāk* > *eak*, en dépit de la note 131.

b) La sigmatisation en arménien n'atteint pas non plus le médio-passif (*edaw* < **e-d^hato* < **d^hh₁-to*), ni l'impératif (si *lur* 'écoute' est identique au grec κλῦθι). Elle se limite donc à l'indicatif singulier actif – c'est-à-dire à 1 sg. **-som*, puisque 2 sg. **-s* puis 3 sg. **-t* étaient communs aux deux flexions sigmatique et asigmatique (7.1.1 : 2). L'arménien n'est donc pas allé au-delà des trois étapes décrites en 7.1.1 et n'a pas étendu la flexion sigmatique au pluriel comme le slave (qui a par ailleurs perdu le médio-passif).

c) À l'imparfait du verbe 'être', en revanche, le **s* est originel et il n'y a pas de raison que l'arménien l'ait écarté. Face au vieux slave *běxomъ*, *běste*, *běšę* ← i.-e. dial. **ěsmos*, **ěste*, **ěsent*, l'arménien *eak'*, *eik'*, *ein* continuera **ěsmes*, **ěste*, **ěsent* (10.1).

d) Dans les aoristes sigmatiques déjà indo-européens, de même, il est douteux que l'arménien ait éliminé le **-s-* au pluriel. On posera donc *t'ak'ean* < **ptak₂ē-s-nt* (avec passage à la flexion moyenne en arménien) (6.3 fin, 13.2.2.4 fin). Peut-être aussi *mnam* 'rester' représente-t-il **mēn-ā-ye-* et l'aoriste correspondant était-il **mēn-ā-s-*, mais ici l'arménien a *mnac'* avec un suffixe issu de **-sk₁e-*.

e) Les aoristes sigmatiques ou sigmatisés sur radical en consonne, tel **aneid-s-* 'maudire', ont généralisé la flexion (sigma)-thématique au singulier (comme si i.-e. **-s-om*, **-s-es*, **-s-et*, 4.1, 4.2.2) ; ils ont aussi maintenu ou étendu **s* à tout le pluriel (*anicak'*, *anicê/ik'*, *anicin* ; pour la thématisation ou non voir 13.1.2, 13.2.1.4). L'arménien diffère donc à la fois du slave, qui a ici la même flexion qu'après voyelle (**-s-om*, **-s*, **-t*, **-s-omos*, **-s-te*, **-s-nt*, 5.1), et du grec, qui a 2 sg. -σας.

f) Dans **dh₃-me-* → *tuak'* 'nous avons donné', l'ancienneté de la réfection du vocalisme radical n'est pas déterminable (au plus tôt **da-mes* → **dō-mes*, au plus tard **tak'* → **tu-ak'*).

7.1.7. Terminologie. Le terme "semi-sigmatique", employé ci-dessus (d'abord pour le slave, 5.1) pour la flexion du type *(*e*)*d^hēsom*, *(*e*)*d^hēs*, *(*e*)*d^hēt*, est donc peu heureux pour l'arménien, où la situation est différente : après voyelle, la seule forme sigmatique est 1 sg., et (hors du singulier actif) on ne peut donc pas supposer de confluence entre les anciennes flexions sigmatique et asigmatique comme en slave (7.1.6) ; après consonne, **-s-* est généralisé à toutes les personnes (singulier : 4 ; pluriel : 7.1.6.4.5).

7.2. L'innovation 1 sg. $*-\eta > *-om$

7.2.1. *Chronologie.* Des deux innovations slavo-arméniennes — formation du paradigme semi-sigmatique par confluence des types sigmatique et asigmatique à l'actif singulier, 7.1, et thématisation de la désinence athématique 1 sg. $*-\eta > *-om$, 7.2 — laquelle est la plus ancienne ? Autrement dit, faut-il supposer la chronologie A ou B ?

Étant donné que $*-\eta \rightarrow *-om$ n'est pas une loi phonétique, la substitution aurait été plus difficile dans le scénario B, qui comporte en première étape une augmentation notable de la fréquence de l'allomorphe $*-\bar{m}$ syllabique, et donc une meilleure implantation de celui-ci dans la mémoire des locuteurs, cf. 14.4. (Cette différence de fréquence relative aurait été mince si l'imparfait périphrastique à auxiliaire $*e\bar{s}m$, 5.3.1, commun aux deux scénarios, avait déjà acquis la fréquence qu'on lui connaît à date historique. Mais ce ne devait pas être le cas à l'époque considérée, encore proche de l'état indo-européen.)

En conséquence, nous retiendrons la chronologie A.

D'autre part, on ne sait pas si la thématisation de la désinence 1 sg. s'est produite avant ou après le traitement phonétique $*-m > *-n$ ($*-\eta \rightarrow *-om > *-on$ ou $*-\eta > *-n \rightarrow *-on$). Nous adoptons arbitrairement la première possibilité (graphies en $*-om$), essentiellement pour faciliter la lecture.

7.2.2. *Extension dialectale.* Pour Bonfante [1942: 102–104], l'innovation slavo-arménienne $*-\eta \rightarrow *-om$ est également indo-iranienne. Cette opinion n'est cependant pas fondée, car le traitement irrégulier indo-iranien $*-\eta > -am$ (face au traitement régulier $*-\eta > -a$ dans les numéraux *saptá, dásá*) n'est pas propre à la désinence verbale (1 sg. prétérit athématique après consonne) mais affecte aussi la désinence nominale (acc. sg. animé athématique après consonne : $*pód\bar{m} > pád\bar{am}$).

Bonfante [1932: 118] comparait également le type slave *daxъ, da* ou *běxъ, bě* aux aoristes sigmathématiques grecs *ἔπεσον* 'je suis tombé', *ἔχεσον* 'cacavi', et à d'autres qui sont propres à la langue

épique. Cependant ces derniers résultent d'une création artificielle des aèdes [Leumann 1959: 234–241 (1953); Risch 1974: 250] ; ἔπεισον (dorien ἔπετον) est un cas particulier (peut-être un ancien aoriste radical athématique **e-pet-η*, **e-pet-s*, **e-peťt* > **épeta*, **épes*, **épes*, [Morpurgo Davies 1987: 467, n. 16]¹³³ ; ἔχεσον (à côté de ἔχεσα) est peut-être imité de ἔπεισον [Schwyzer 1939: 746, n. 6]. Quoi qu'il en soit, ce type grec, confiné à quelques verbes et thématique à toutes les personnes, n'a guère de raison d'être comparé au type slavo-arménien **dōsom*, commun à tous les anciens athématiques mais dont la thématisation se limite à la première personne (du singulier en arménien, des trois nombres en slave, 7.2.3).

Il n'est pas possible non plus de comparer l'imparfait grec homérique ἔον¹³⁴.

Le latin *sum*, ancien *esom* (inscription de Garigliano), osque **súm**, *esum*, étant une forme de présent, représente une innovation distincte (sur laquelle voir en dernier lieu [Simon 2008]).

En baltique (perte des désinences secondaires de 1–2 sg.), en albanais (confusion en position finale entre **-Ń* > **-a* et **-oN* > **-aN* > **-a*) et sauf erreur en phrygien (limitations du corpus), il est impossible de dire si l'innovation **-η* → **-om* s'est produite ou non.

7.2.3. *Extension paradigmaticque*. En slave (5.1), la (semi-)thématisation touche uniquement la première personne des trois nombres,

¹³³ L'explication traditionnelle suivie par [LIV²: 477 s., n. 3] est moins convaincante.

¹³⁴ Il suffira ici de résumer Sommer [1977: 226–241]. ἔον n'est attesté que trois fois chez Homère, dans deux passages de l'Iliade où Nestor parle de sa jeunesse (*Il.* 11, 762: ὥς ἔον, εἴ ποτ' ἔον γε, μετ' ἀνδράσιν 'Voilà ce que j'étais parmi les hommes, si même je l'ai jamais été' et *Il.* 23, 643: ὥς ποτ' ἔον). Il ne s'agit donc pratiquement que d'une seule attestation. Deux autres exemples sont allégués en éolien, mais l'un (Sappho) résulte d'une coupe et d'une interprétation incertaines, et l'autre (Alcée) était peut-être en réalité un participe présent ; même s'ils étaient des formes de première personne d'imparfait, ils pourraient fort bien être empruntés à Homère. En conclusion, le quasi-hapax ἔον sera certainement une création artificielle des aèdes, sur la base du subjonctif ἔω, ἔη et de l'optatif ἔοι(ς) (lui-même artificiel et analogique, [Sommer 1977: 178–185]).

mais non la troisième personne du pluriel : sg. *děxɔ̃*, *dě*, *dě*, du. *děxově*, *děsta*, *děste*, pl. *děxomɔ̃*, *děste*, *děšə*.

Cette différence entre position devant **m*, **w* et position devant **n* (contrairement au paradigme thématique) est peut-être un signe que cette thématization partielle est antérieure au traitement final **-m* > **-n*. Mais on peut aussi l'interpréter en disant que l'analogie est restée cantonnée à la première personne (des trois nombres).

En arménien, contrairement au slave, il semble que la sigmatization soit limitée au singulier (7.1.6), et que la thématization de la première personne, elle aussi, soit limitée au singulier dans les aoristes sigmatiques ou sigmatisés (13.1.1) et à l'imparfait du verbe 'être' (7.1.6.3, 7.1.6.4.3).

7.2.4. *Pourquoi la thématization à 1 sg.* L'innovation slavo-arménienne 1 sg. **-ŋ* → **-om* s'explique sans doute par l'influence du pronom personnel **eg₁om* 'je'¹³⁵.

La finale **-om* est attestée dans ce pronom en indo-iranien (v. i. *ahám*, v. ir. **ad^ham*) et en slave (**jazɔ̃*), et elle est possible en arménien. Dans arm. *es*, en effet, *s* pour **c* attendu ne témoigne pas nécessairement d'un i.-e. **eg₁* à occlusive finale, mais peut aussi représenter une réduction phonétique due à la fréquence (cf. 14.1), comme dans *is* 'me' ~ *ēmeγe*, *asem* 'dire' < **ag₁-*, *z* < **zə* préposition).

La finale différente de gr. *ἐγώ*, lat. *egō*, a été influencée par la désinence verbale thématique primaire. Le grec *ἐγώ-ν* doit être une réanalyse de **ἐγών-η* [Schmidt 1978: 22 s.], et **ἐγών* le résultat d'une coexistence de **egom* et **egō*.

La forme brève **h₁eg₁* est conservée en vieil avestique *as*, balte **es¹³⁶*, hittite *uk* et p.-ê. germ. **ek* à côté de **eka* [Schmidt 1978: 25 s., 31 s.; de Vaan 2008: 187; Kloekhorst 2008: 112–115].

¹³⁵ Dans la version de mai 2015, nous évoquions plusieurs hypothèses, dont certaines seulement pour les réfuter. Mais celle-ci, à laquelle nous n'avons pensé que plus tard, rend inutile la discussion des autres.

¹³⁶ *ja* des langues slaves doit en revanche être une réduction de **jazɔ̃* (cf. [Derksen 2008: 31]). Comme le montre le balte, l'allongement de Winter n'aurait pas eu lieu devant une occlusive finale, position où les oppositions de voix devaient être neutralisées.

L'élément **-om* de **eg₁om* n'est pas considéré comme analogue de la désinence verbale thématique secondaire, mais comme une particule [Schmidt 1978: 37 s.]¹³⁷.

Phonétiquement, arm. *es* pourrait sans doute continuer i.-e. **eg₁*¹³⁸, mais dialectologiquement c'est peu probable, l'arménien n'étant ni un dialecte périphérique, ni en contact avec un dialecte qui continue **eg₁*. En revanche, de ce point de vue, *es* pourrait continuer **eg₁ō* comme en grec aussi bien que **eg₁om* comme en slave. La restitution **eg₁om* n'est donc pas démontrable pour l'ancêtre de l'arménien, mais elle ne fait pas difficulté et elle a l'avantage d'offrir la seule explication simple du remplacement de la désinence athématique **-m* par **-om*, qui donne à son tour la meilleure explication (2.2, 3), des formes de première personne de l'aoriste et de l'imparfait arméniens.

L'innovation **-m* → **-om* dans les prétérits athématiques arméno-slaves a certes dû être facilitée par l'existence de la désinence **-om* dans les thématiques, mais ce facteur n'aurait pas suffi à lui seul, car 2–3 sg. **-s*, **-t* ne sont pas devenus **-es*, **-et* (sauf dans les racines en consonne, en arménien, 4.1, 4.2.2).

Dans le nom, le slave et l'arménien conservent, comme les autres langues, la distinction entre acc. sg. athématique **-m*/**-m* et thématique **-om*. Cette différence entre le verbe et le nom va de soi si le remplacement **-m* → **-om* est dû à l'influence du pronom personnel.

7.3. Extension dialectale de la sigmatization

Le balte est souvent proche du slave, mais il ignore entièrement l'aoriste sigmatique ou semi-sigmatique. Inversement, il conserve le futur sigmatique, que le slave a perdu (seules traces, le

¹³⁷ **h₁eg₁* lui-même semble se composer de **h₁e-* identique au premier élément du thème oblique **h₁me-* (et au thème du déictique proche, [Schmidt 1978: 112]) et de **g₁*, vieux degré zéro de la particule connue aussi en grec ἔγωγε, ἐμέγε, arménien *is*, gotique *mik*, etc. (originellement propre à la première personne, *ibid.*, p. 60–62).

¹³⁸ Ce n'est pas certain, car, si l'arménien admet des affriquées en finale primaire (*vec* 'six' < **suwek₁s*, prob. *ayc* 'chèvre' < **aig₁s*, etc., ([Viredaz 2011], avec références), celles-ci résultent peut-être toujours d'un groupe occlusive + **s*.

slavon *byšęšteje/byšęšteje* 'futur, devant être' et le vieux tchèque *probyšúcný* 'utile'¹³⁹).

Il semble néanmoins avoir partagé, au prétérit, l'innovation 3 sg. **-st* > **-s* → **-t*, au vu de l'ancien **be* 'était' ← **e* < **et* (ou **ēt*) ← **est* (ou **ēst*) (5.2.2). Mais on ne sait pas s'il a connu ensuite la semi-sigmatization (des prétérits athématiques asigmatiques) comme le slave et l'arménien. Peut-être a-t-il au contraire généralisé le thème asigmatique apparu à 3 sg., ce qui expliquerait l'absence de l'aoriste sigmatique¹⁴⁰.

Au futur, en revanche, lit. *duōs* 'donnera', remonte à **dō-s* < **dō-s-t* athématique (p. ex. [Jasanoff 1978: 104 s.; Petit 2002: 260 s.]), sans réfection en *†*dōt*. Cela n'implique cependant pas qu'il en ait été de même à l'aoriste et à l'imparfait : au futur, dont il était la marque indispensable, *s* peut avoir été traité différemment.

En vieil indien, les finales 2–3 sg. *-īh*, *-īt*, héritées (imparfaits ou aoristes radicaux de racines *set*) ou analogiques (remédiant à la chute de **-s*, **-t* postconsonantiques) ont entraîné la création de formes 1 sg. en *-īm* ou *-iṣam* (remplaçant tous deux *-am*) et d'autres formes en *-iṣ-*, aboutissant à un nouveau type d'aoriste sigmatique, quoique sans degré long radical [Narten 1964: 53–59]. L'innovation est très partiellement parallèle à celle du slave et de l'arménien, mais indépendante¹⁴¹.

En albanais, les formes d'aoriste 1 sg. en *-shë* comme *dhashë* 'donnai' [Bonfante 1942: 102, n. 3] sont de formation récente, postérieure aux débuts de la littérature, et donc sans lien avec le slave *daxъ* [Klingenschmitt 2005: 220 (1981)].

¹³⁹ Cf. [Meillet, Vaillant 1934: 240 s., 334 s.; Vaillant 1966: 104; Jasanoff 1978: 105] ; autre suggestion Hollifield chez Jasanoff, *ibid.*, p. 107. — Voir aussi [Hill 2004] sur la double origine du futur baltique.

¹⁴⁰ Les prétérits du type lit. *vėdė* semblent être une trace indirecte de l'existence ancienne d'un aoriste sigmatique (2–3 sg. **wēs*), n. 66 *b*.

¹⁴¹ À part *ābhārṣam*, nous n'avons trouvé aucune trace des aoristes sigmatisés *ādāsam*, *ādāsam*, etc. (plus de sept selon lui) invoqués par Bonfante [1942: 103]. Les grammaires citées par lui ne les mentionnent pas. Dans le R̥gveda, l'aoriste de ces verbes n'a que de rares formes sigmatiques (voire aucune pour *JÑĀ*, *STHĀ*), et (à part *ābhārṣam*) ce n'est jamais à la première personne. Le sanskrit classique dit *adhām*, *adām*. Le pāli forme son prétérit sigmatique différemment : *-siṃ*, *-si*, *-si* ← *-sam*, *-sīh*, *-sīt*.

7.4. Une hypothèse inutile ?

Au lieu d'invoquer une désinence 1 sg. *-som, ne serait-il pas plus simple de voir dans *edi* 'j'ai posé', *etu* 'j'ai donné' des réfections de **dī*, **tu* qui continueraient directement i.-e. **d^hēm*, **dōm*, et n'auraient été refaits que tardivement, soit sur le modèle de 3 sg. *ed*, *et* < **ed^hēt*, **edōt*, soit même par interaction avec leur propre variante à augment **ed*, **et* < **ed^hēm*, **edōm* ?

Nous avons déjà mentionné (et brièvement réfuté) ce groupe d'hypothèses ci-dessus 3.2.2, mais pouvons maintenant y revenir plus en détail. Nous le ferons en répondant à cette affirmation de Praust [2003: 130, n. 35] : « The assumption of an inherited (partly) sigmatic aorist in Bonfante [1942] can neither be substantiated from Armenian itself nor from the Slavic, Albanian, or Indo-Iranian evidence adduced there ».

Il est vrai que :

- les faits albanais ne sont pas comparables (7.3) ;
- les faits indiens allégués par Bonfante sont erronés (n. 141) ;
- les faits slaves (5) ne prouvent pas, à eux seuls, l'existence de la même innovation en arménien ; au contraire, l'accord du slave et de l'arménien est surprenant (9.2) ; il n'est à vrai dire que partiel quant à la sigmatisation (7.1.6), mais il porte aussi sur d'autres points que celle-ci (9.1, 9.3) ;

- en arménien même, *keray* 'j'ai mangé' ne s'explique sans doute pas mieux par *(*e*)*g^werasom* (> **ekéro*, 3.4.1) que par *(*e*)*g^weram* (> **ekéra*) : une réfection analogique est de toute façon nécessaire.

Pour l'arménien, en revanche, l'hypothèse d'une désinence *-som (en indo-européen dialectal) est utile :

- pour expliquer les aoristes du type *edi*, *etu*, à cause du peu de vraisemblance des explication concurrentes (3.2.2) ;

- pour expliquer *meṙaw* 'il est mort' (6.4.2) et peut-être d'autres (6.5) aoristes de racines en consonne qui sont radicaux en indo-européen et sigmatiques en arménien ;

- pour expliquer l'absence de nasale finale dans l'imparfait *ei* ← **ēs_m* (3.1 ; dans ce cas, le **s* appartient à la racine).

L'hypothèse *-som a également l'avantage :

- d'expliquer simultanément plusieurs faits arméniens indépendants (ci-dessus) ;

- d'avoir des parallèles au moins partiels en slave et en indo-iranien, qui en attestent la vraisemblance (5.1, 7.1.3 fin) ;
- d'avoir une justification relativement simple (7.1.1, 7.2.4).

8. Origine des imparfaits arméniens

8.1. Les hypothèses

Sur l'origine des imparfaits arméniens, tels *ei* 'j'étais', *berēi* 'je portais', *lnui* 'je remplissais', plusieurs hypothèses sont en lice (cf. [Klingenschmitt 1982: 14–17]) :

a) Pour Meillet [1903: 95; 1936: 126 s.], *berēi* représente une formation comparable au slave *nesěaxъ* (5.3), comportant un prétérit du verbe 'être' et un premier membre dont la nature morphologique n'est pas précisée. Meillet pense à un parfait **ēsa* à cause de l'absence du *n* final que ferait attendre l'imparfait i.-e. **ēsṃ*, mais nous avons vu que ce parfait n'a pas existé (5.3.1.5) et que la finale arménienne s'explique plutôt par une réfection de **ēsṃ* en **ēsom* (3.1.1, 7.2.4). L'hiatus de *ei*, *berēi* n'a pas besoin d'être ancien (10.2, 12.2). Pour le premier membre (de *nesěaxъ*), nous misons sur l'hypothèse de Jasanoff (ci-dessus 5.3.2).

b) D'autres auteurs partent de l'optatif indo-européen (ainsi [Godel 1982: 30 (1965); Winter 1975], cf. [Schmitt 1981: 141]) : arm. *ei-* < i.-e. **es-ī-*, **es-yē-* ou ***es-iyē-*¹⁴². Une autre difficulté de l'explication par l'optatif tient au fait que l'optatif indo-européen a sans doute donné le subjonctif aoriste arménien 2 pl. en *-jik* 'exhortatif' ; [Schmitt 1981: 150 s.; Klingenschmitt 1982: 35–41]). Il est peu plausible en effet que la marque d'optatif ait abouti à deux fonctions si différentes. On pourrait cependant répondre que le suffixe verbal **-sk_l-* > *-c-* a acquis des fonctions encore plus diverses.

c) Jasanoff [1979: 138 s.] pense que *berēi*, nécessairement récent au vu de son hiatus, a été créé sur le modèle de *ei* 'étais' ←

¹⁴² **h_l* initial devant sonante devient **e-* en arménien (dans les conditions où il devient *ē-* en grec) : *inn* 'neuf', *im* 'mon', *erek* 'soir', *-eloyz* 'il a fait sortir'. Le traitement devant occlusive ou **s* n'est pas connu ; *atamn* 'dent' doit remonter à **édmōn* > **étmun* > **átmun* [Viredaz 2005–2007: 4–6] ; *ic'ê* 'sera', à notre avis **esk_le-* [Viredaz 2008: 8] < **h_ls-sk_le-*, pourrait avoir un degré plein analogique.

**ēs*m, où l'addition de *e-* est elle-même analogique (augment selon lui, mais voir ci-dessous 10.2).

d) Kortlandt [2003: 37 (1981)] pense que, 3 sg. exceptée, les formes d'imparfait ont été obtenues en ajoutant « simplement » les désinences d'aoriste athématique (en fait celles de *edi* ou *eki* seulement) au thème de présent. Cependant cette explication est morphologiquement arbitraire : ce n'est pas ainsi que fonctionne l'analogie dans les langues naturelles¹⁴³.

e) Klingenschmitt [1982: 15 s.] pense que l'opposition prés. **es-* : impf. **ēs-*, dans le verbe 'être', devenue *e-* : **i-*, s'est étendue aux autres verbes, prés. *bere-* : impf. **beri-*, avant d'aboutir, par réfections analogiques successives (n'impliquant pas l'augment mais les verbes en **-eye-* > **-ee-* > *-e-*), au système connu *berem* : *berei*. Nous ne répétons pas ici le détail de ces réfections, dont on pourrait d'ailleurs proposer des variantes (ne serait-ce que pour tenir compte de la loi phonétique sur le traitement de la nasale finale, 3.1.1, début).

8.2. Discussion

La plupart de ces hypothèses paraissent plausibles à première vue, éventuellement sous une forme modifiée. Pour choisir entre elles, il nous semble que l'on peut faire valoir les points ci-après.

8.2.1. Origine de *ei* 'étais'

a) L'explication par l'optatif (cf. 8.1 b) présente des difficultés importantes :

— La phonétique fait problème. Si l'on part du degré zéro **es-*, le produit devrait être contracte en arménien (**ey-*)¹⁴⁴. Si l'on part du degré plein **es-yē-*, certaines formes sont régulières¹⁴⁵, mais 1 sg.

¹⁴³ De plus, l'explication de Kortlandt pour le *-i* de l'aoriste (*ibid.*, p. 36) n'est pas acceptable (elle produirait **-iw*). Mais on pourrait corriger ce détail (en expliquant *edi* autrement) et garder le reste de l'explication.

¹⁴⁴ Comparer la contraction de **swesōr* 'sœur' > *k'oyr*.

¹⁴⁵ Au vu du génitif singulier thématique **osyo* > **oyyo* > **óyo* > *-oy*, on attend **esyē-* > **eyyē-* > **eyi-* = *ei-*, ce qui rendra compte de 2 pl. *eik'* (< **esyēte* analogique), de 3 sg. *ê-r* < **éi* < **esyēt*, voire de 2 sg. *eir* < **et-du* < **esyēs* d'après 4.1.

ei reste inexpliqué (**esyēm* deviendrait †*ē*). Si l'on part de **es-iyē-*, il en va peut-être de même (contraction du produit de **esi-*)¹⁴⁶.

— Le passage d'un potentiel (comme l'optatif indo-européen) à la fonction d'un imparfait est chose rare. À notre connaissance, il n'est signalé qu'en iranien ([Hoffmann 1976: 605–619], avec références, p. 605), et la formation de *ei* est antérieure aux contacts avec l'iranien.

b) L'explication par un ancien parfait **ēsa* (← **ōsa*) se heurte aux objections déjà mentionnées :

— Le passage de la fonction de parfait à celle d'imparfait est difficile à justifier.

— Le verbe **hes-* n'avait pas de parfait en indo-européen (5.3.1.5).

c) Les difficultés d'une explication par l'imparfait i.-e. **ēsṃ* sont surmontables :

— L'absence de la nasale finale s'explique par une innovation **-ṃ* → **-om* que l'on retrouve en slave (Bonfante, ci-dessus 3.1), elle-même explicable par l'influence du pronom personnel **eg₁om* (cette forme peut aussi avoir été celle de l'arménien, 7.2.4).

— Pour expliquer le *e* initial, il ne reste qu'à choisir entre le thème *e-* du présent [Klingenschmitt 1982: 17] et l'augment (Jasanoff, 8.1 c), ce que nous ferons en 10.2.

— La persistance d'un imparfait dans la fonction d'imparfait est a priori chose normale. Certes, elle l'est moins en arménien, où tous les autres imparfaits hérités sont devenus des aoristes. Mais l'exception du verbe 'être' s'expliquera sans doute pour la même raison qui fait que ce verbe n'avait pas d'aoriste en indo-européen.

En conclusion, étant donné la possibilité d'expliquer l'imparfait arménien *ei* par l'imparfait indo-européen (c), et les difficultés graves d'une explication par le parfait (b) ou par l'optatif (a), le choix est vite fait.

8.2.2. *Origine des autres imparfaits*

a) La formation d'imparfaits périphrastiques est plus fréquente dans les langues connues que le passage d'un potentiel à la fonction d'un imparfait (cf. 8.2.1 a, 8.2.2 c).

¹⁴⁶ On ne sait pas comment se serait contractée une séquence trivocalique **eii-* si elle avait existé : peut-être en **ei-* > **ey-*, ou peut-être en **eyi-* qui ne diffère pas du produit de **esyē-*, ci-dessus n. 145.

b) Le tour périphrastique est la seule des explications proposées en 8.1 qui dispose d'un appui comparatif, c'est-à-dire présente l'avantage (économie d'hypothèses) de faire de l'imparfait arménien une innovation partagée avec une autre langue indo-européenne (le slave).

c) Dans l'hypothèse de Jasanoff [1979] (ci-dessus 8.1 c), l'arménien aurait perdu d'abord la distinction entre imparfait et aoriste, puis créé un nouvel imparfait quasi *ex nihilo*. Mais une telle création analogique n'aurait guère eu de raison d'être, tandis que l'apparition de périphrases et leur incorporation progressive à la flexion sont choses courantes (*I am carrying, ga perem, berum em*)¹⁴⁷.

d) Les difficultés présentées par l'explication périphrastique nous paraissent résolubles (slave : 5.3.1), voire inexistantes (arménien : ci-dessous 12.2), quant au second élément. Pour le premier élément, on dispose de l'hypothèse de Jasanoff, qui n'est pas prouvée, mais semble possible (5.3.2).

En conclusion, différents critères concordent pour faire préférer l'explication périphrastique. La seule difficulté de celle-ci tient à l'identification du premier élément, insuffisamment démontrée, mais les explications concurrentes ne valent pas mieux : la création de l'imparfait par des processus entièrement analogiques plus ou moins ingénieux (8.1 c, e) n'est pas davantage démontrée, et une origine optative est improbable (8.2.2 a, 8.2.1 a).

9. La question des isoglosses arméno-slaves

9.1. Isoglosses non lexicales

Il est étrange que l'arménien et le slave marchent de concert sur tant de points concernant l'imparfait et l'aoriste et sur si peu ailleurs :

Imparfait et aoriste :

— semi-thématisation 1 sg. **-ŋt* → **-om* (3, 7.2.4) ;

— désigmatiation 3 sg. **-st* > **-s* → **-t* (7.1.1, 7.1.4.1) ;

— semi-sigmatiation **dōm*, **dont* → **dōsom*, **dont* (arménien, 7.1.6) → **dōsom*, **dōsnt* (slave, 5.1) ; autres différences : augment en arménien mais non en slave, degré long des aoristes sigmatiques en slave mais non en arménien (7.1.2) ;

¹⁴⁷ Comme nous l'avons déjà noté, Jasanoff [2003: 143, n. 27] se rallie à l'explication périphrastique.

— augment dans **ē*s- imparfait du verbe 'être' (5.2.1, 10.1 ; peut-être aussi baltique, 5.2.2 ; augment régulier en arménien et dans d'autres langues orientales, seul cas d'augment en (balto-)slave, 5.2.3)¹⁴⁸ ;

— imparfait périphrastique à second élément **ē*s- (5.3.1, 8.2.2, 12).

Autre faits de conjugaison :

— remplacement quasi systématique des présents infixés sur racine en occlusive par des présents en *-ne-* (aussi baltique)¹⁴⁹ ;

— participe passé actif en *-lb* (slave), *-eal* (arménien, aussi infinitif), une spécialisation de **-lo-* inconnue ailleurs ;

— peut-être imparfait en **-ā-* ou aoriste en **-ā-s-* (1.3.2.2–3, très incertain).

Autres faits grammaticaux :

— la répartition entre **k^wo-* animé et **k^wi-/k^we-* neutre [Meillet 1977: 94 (1901)] : aussi iranienne (sauf avestique)¹⁵⁰, peut-être phrygienne¹⁵¹ et peut-être albanaise¹⁵² ; l'iranien indique peut-être des développements parallèles ;

— éventuellement nom. sg. **tos* remplaçant **so* (n. 169), éventuellement son emploi enclitique facultatif après une forme verbale (11.2.1 et n. 65), aussi baltiques ; mais plutôt innovations parallèles indépendantes.

¹⁴⁸ Hors du verbe 'être', l'arménien ignore certes l'augment temporel, mais c'est sans doute une innovation postérieure à la perte des quantités vocaliques, c'est-à-dire à la confusion entre **ā* et **ā*. (L'augment temporel, c'est-à-dire l'allongement de **a*, **e*, **o* initiaux, devenait par l'évolution phonétique une alternance de timbre entre **e-*, **o-* et **i-*, **u-* [ou **ē-*, **ō-*, n. 167] dans le cas des voyelles moyennes, mais disparaissait purement et simplement dans le cas de **a*, et c'est cela qui a dû causer la perte de l'alternance pour **e-*, **o-* également.)

¹⁴⁹ [Barton 1974: 32–34].

¹⁵⁰ [Tedesco 1945: 128–131, 134–135].

¹⁵¹ Paradigme connu seulement partiellement : nom. sg. masc. κος, neutre κῑν, [Brixhe 1997: 65].

¹⁵² Interrogatifs nom. *kush*, acc. *kë* 'qui', *ç* 'quoi', *si* 'comment', [Demiraj 1993: 198–200].

Phonétique : i.-e. **kh* > *x* (exemples : [Meillet 1936: 35 s.], et p.-ê. *bax-* ci-dessous 9.3.1).

9.2. Interprétation

Pour chacun des traits communs morphologiques, on se demande naturellement s'il peut s'agir d'innovations indépendantes. C'est assurément possible dans une partie des cas (3 sg. **-st* > **-s* → **-t*). De plus, certaines innovations communes sont la conséquence d'autres (**-m* → **-som* conséquence de **-st* → **-t*, 7.1.1) et ne doivent donc pas être comptées séparément. D'autre part, plus on parvient à soutenir qu'une innovation est plausible, voire découle naturellement des conditions initiales, moins elle aura de poids en tant qu'isoglosse. Par ailleurs, des isoglosses imparfaites (arm. **dōsom* : **dōnt* / sl. **dōsom* : **dōsnt*, 7.1.6), ou non exclusives, auront bien entendu moins de poids également.

Cependant, même compte tenu de ces réserves, l'accumulation de faits communs dans la morphologie de l'imparfait et de l'aoriste paraît trop marquée pour que l'on puisse en rendre compte par la seule hypothèse d'innovations indépendantes.

Il faudrait donc plutôt penser à une période de contacts, éventuellement assez brève, pendant laquelle se seraient succédé un groupe d'innovations dans les formes verbales de passé.

L'existence de contacts entre le slave, étroitement lié au baltique, et l'arménien est inattendue, mais non impossible. Le territoire des Baltes était autrefois plus méridional qu'aujourd'hui (p. ex. [Mallory, Adams 1997: 48 s.]), et les contacts arméno-slaves pourraient avoir eu lieu à une époque où les Slaves se trouvaient au sud du Pripiat et les Arméniens près de l'embouchure du Danube¹⁵³.

C'est peut-être de cette même période de contacts que daterait le passage de l'arménien au groupe dialectal *satəm*. Toutefois, l'arménien est peut-être plus proche de l'albanais que du slave en tant que dialecte *satəm*, tandis que les innovations relatives au verbe ne le rapprochent que du slave (à l'exception possible de traits dont la présence en albanais ne serait plus reconnaissable).

¹⁵³ Simple supposition, sans tentative d'ajuster ces positions sur celles de cultures connues par l'archéologie.

Une autre doute provient du fait que l'identité slavo-arménienne a souvent été une hypothèse de notre part plutôt qu'une conclusion. Toutefois, il est légitime (économique) de préférer ramener les faits arméniens et slaves à une source commune puisqu'il s'agit de toute façon de langues apparentées (indo-européennes). D'autre part, lorsque c'est une erreur de postuler une innovation commune, on peut parfois s'en rendre compte en cours d'étude (hypothèse *edin* < **e-d^hēsnt* corrigée en **e-d^hent*, 7.1.6.1 et 7.1.6.3).

La prédominance, parmi les isoglosses grammaticales, des innovations concernant le verbe tient en partie au fait que, tant en arménien qu'en slave, la conjugaison a évolué plus rapidement que la déclinaison (sans doute à cause du nombre plus élevé de formes fléchies, qui limite les possibilités de mémorisation et favorise les re-créations analogiques)¹⁵⁴.

9.3. Isoglosses lexicales

Liste sans prétention à l'exhaustivité, constituée en partie d'après Solta [1960: 469–471] (en omettant les étymologies fausses ou incertaines¹⁵⁵) et Saradževa [1986] (qui cependant recense tous les points communs et non seulement ceux qui ont une signification dialectologique).

9.3.1. Arménien et slave

**inio-* vel *sim.* 'givre, gelée blanche' > slave **jinъjъ*, **jinъje*, arm. *eleamn* avec double suffixe **-ā-mṇ* (cf. lat. *aer-ā-men* = *aes* 'bronze'), dissimilation des nasales et loi d'Olsen **i-i* > **e-i* (rapprochement découvert par Martirosyan [2010: 252], mais nous

¹⁵⁴ Ce contraste entre conjugaison et déclinaison est net dans le passage de l'indo-européen au lituanien, au slave, à l'arménien, au latin, à l'irlandais, dans celui du grec ancien au grec moderne. Nous ne savons pas dans quelle mesure ce phénomène est général. Dans le passage du latin aux langues romanes, la déclinaison s'est effondrée, mais la conjugaison s'est profondément modifiée également. En hongrois, la déclinaison a beaucoup innové par rapport au finno-ougrien, en partie par multiplication du nombre des cas.

¹⁵⁵ Ainsi, nous ne trouvons pas trace du slave [*]*dъrměti* 'être triste' cité par [Solta 1960: 471].

modifions quelques détails ; lituanien dialectal *ýnis* emprunté au russe¹⁵⁶ ;

īstwo-*, **īstowo-* ‘vrai’ > arm. *isk* *‘vraiment’, *stoyg* ‘vrai’ (īstowwā* *‘vérité’) ; v. sl. *istb*¹⁵⁷, *istovb* ‘vrai’, cf. [Meillet 1977: 178 (1920)] (après d’autres)¹⁵⁸ ;

**tap-* > *t’at’awem* ‘tremper, plonger, baigner’, langues slaves *topiti* ‘plonger, noyer, inonder’ ([Meillet 1977: 29, n. 1 (1896)] ; pour le slave, [Derksen 2008: 496]) ;

baxem et *babaxem* ‘battre, frapper’, russe *báxnut’* ‘cogner’ (onomatopéiques) [Martirosyan 2010: 164; Martirosyan, en préparation : § P 404.1] ;

p.-ê. **eti* ‘au-delà’ > sl. *otb* ‘de (ablatif)’, arm. -ê marque de l’ablatif ;

p.-ê. *g₂ol-* > *kolr* ‘branche’, sl. **golbje* ‘branche sans feuilles’ (de *golb* ‘nu’)¹⁵⁹.

9.3.2. Arménien, slave et iranien

**ouk₂-eye-* *‘habiter’ > ‘enseigner’ ([Klingenschmitt 1982: 186 (n. 30)], ci-dessus 1.2 *usanim*) ; p.-ê. pan-indo-européen, cf. **unk-e-* ‘s’habiter’ > celt. ‘comprendre’ (cf. [LIV²: 244]).

9.3.2. Arménien, slave et grec

Pas d’exemples. C’est sans doute le signe que les contacts arméno-grecs et arméno-slaves sont de date différente.

9.3.3. Arménien, slave et baltique

**wek₂wero-* ‘soir’, sans *-s- (cf. Viredaz 2016–2017, s. v. *gišer*) ;

¹⁵⁶ À cause de la possibilité d’emprunts, le départ est parfois difficile entre isoglosses arméno-slaves et arméno-balto-slaves.

¹⁵⁷ **īstu-* (avec réfection), **īstwo-* (chute sporadique de **w* après consonne), ou **īsto-* (morphologiquement plus éloigné des mots arméniens). — Lette *īsts* ‘vrai’, lituanien *yščias* ‘clair’ : peut-être emprunts russes.

¹⁵⁸ Meillet rapproche à tort ces mots du grec *ἐτεός* ‘vrai’ (sans aspiration initiale, à l’exception d’une graphie dialectale hypercorrecte).

¹⁵⁹ Le rapprochement de Pedersen entre arm. *argand* ‘matrice’ et sl. **grqdb* ‘sein’ est un mirage : le second est un substitut récent de **pbrsb* dérivé de **grqdb*/**grudb* ‘motte, monticule’, cf. [EDAIL: 131; ESSJa, 7 (1980): 146–149].

erītā* (h₁rih₁t-* ou **h₁rHit-*)¹⁶⁰ > *eri* (*erwoy*, *erea-*) 'épaule (d'un animal)', **rīti-* (ou **rēiti-*) > langues slaves *ritъ* 'cul', 'sabot', **rēito/ā-* > lit. *rietas*, lett. *riēta* 'cuisse' ;

**g^{(w)h}elg₁^h* 'glande' [Solta 1960: 470] < *'boule' ;

p.-ê. **g^{(w)h}ōl-u-k^ho-*, *-*w-ā-*, 'tête' (*ibid.*) < *'boule' (autre possibilité : pré-b.-sl. **g₂ōlwā* sans aspiration < *'crâne', cf. [Derksen 2008: 176], et ancien arm. **gulúxo* *'boule' d'origine inconnue ou onomatopéique) ;

p.-ê. **g₁^hō* *'derrière, au-delà'¹⁶¹ > sl. *za* 'derrière, au-delà, après, pour, etc.', lit. oriental *až(ù)*, *ažuō* 'id.', arm. *z* [Meillet 1903: 17, 1936: 37; Pokorny 1959: 451; Klingenschmitt 1982: 292] ; nous renonçons à résumer les valeurs d'arm. *z* (voir [Künzle 1984, 2: 234–238]), qui à vrai dire ne semblent guère correspondre à celles du *za* slave ;

conservation jusqu'aujourd'hui de la valeur principale des cas indo-européens ([Meillet 1936: 97], archaïsme), d'autant plus remarquable que l'usure phonétique considérable de l'arménien a causé de nombreuses homophonies, auxquelles il n'a pas toujours été remédié, et que l'arménien a subi de fortes influences alloglottes, comme en témoigne son lexique.

9.3.4. Arménien et baltique

**swoiniā* 'sœur de la femme' > arm. *k'eni*, lit. *svainė* (cf. [Martirosyan 2010: 661], avec références ; [Olsen 1999: 803]) ;

**wordi-* 'grenouille' (cf. [Solta 1960: 469] ; [Martirosyan 2010: 227 s.], avec références) ;

**yūr-* 'eau' (*yūr* 'id.', lit. *jūra* 'mer'), peut-être de **ūr-* 'eau' influencé par **yūs-* 'bouillon, sauce'.

Ces trois derniers avaient sans doute une aire dialectale continue, donc au moins balto-slavo-arménienne, avant d'être perdus ou remplacés en slave ; mais il semble improbable qu'ils aient eu une grande extension.

Il en va autrement de **mes* 'nous', **yūs* 'vous' > arm. *mek'*, *duk'*, lit. *mės*, *jūs*, qui ont dû être autrefois communs à la plupart des

¹⁶⁰ Ou p.-ê. **h₁rh₁-it-*, littéralement *'aviron', par analogie de forme.

¹⁶¹ P.-ê. **g₁^hoh₁-eh₁*, instrumental d'un nom d'action **g₁^hoh₁-o-*, 'avec franchissement, mit Zurücklassung'. (Inversement, verbe dérivé de l'adverbe selon Vine [2008: 17–19], mais c'est oublier que l'adverbe est dialectal.)

dialectes européens et ne sont donc pas significatifs pour les relations arméno-slaves : i.-e. **wei* (i.-ir. **way-ám*), **weis* (hitt. *wēš*, germ. **wīz*), **wos* (tokh. *was/wes*), **wes* → **mes* (balt., arm. ; grec **ahmes* influencé par l'acc. **ahme*) → **mos* → **mōs* (slave *my*) → **nōs* (lat. *nōs*, alb. *ne* ; initiale imitée des cas obliques, tel l'acc. **nos* → **noms*) ; **mes* → celt. **nēs* (v. irl. *sní*)¹⁶².

Autre archaïsme : p.-ê. **eg₁^h*- (arm. *e_zr* 'bord', lit. *ežià* 'lisière' ; pour la morphologie, comparer *kolr*, **golbje* ci-dessus).

9.3.5 Arménien, balte et grec

jukn, *žuvīs*, *ιχθῦς* 'poisson' [Meillet 1936: 142] < **d^hg₁^huh₁- vel sim.*, sans doute un archaïsme indo-européen.

9.4. Interprétation

Comme on le voit dans des ouvrages d'ensemble tels ceux de [Porzig 1954] ou de [Solta 1960], les isoglosses lexicales ont la propriété qu'on peut en citer quelques-unes pour presque n'importe quel sous-ensemble de deux ou plusieurs branches de l'indo-européen. Cela tient au hasard des innovations et des rétentions et au nombre très élevé des mots du lexique (plusieurs milliers, surtout si l'on tient compte des variations dialectales). Il s'agit donc de savoir si le nombre des isoglosses lexicales slavo-arméniennes, exclusives ou non, dépasse le seul effet du hasard. Cette question dépasse le cadre de notre étude.

10. L'imparfait arménien du verbe 'être'

10.1. Le paradigme

À l'imparfait du verbe 'être' (8.2.1), l'arménien a ajouté un *e*-initial à toutes les formes héritées :

<i>e-i</i>	<i>e-ir</i>	<i>êr^a</i>	<i>e-ak^c</i>	<i>e-ik^c</i>	<i>e-in</i>
< <i>*íō</i>	<i>*í-du^b</i>	<i>*í^c</i>	<i>*iámek^{d ?}</i>	<i>*íek^{c ?}</i>	<i>*iín</i>
< <i>*ēsom^e</i>	<i>*ēs</i>	<i>*ēt^f</i>	<i>*ēsmes^{d ?}</i>	<i>*ēste^g</i>	<i>*ēsēnt^h</i>
< <i>*ēsṃ</i>	<i>*ēs</i>	<i>*ēst</i>	<i>*ēsmes</i>	<i>*ēste</i>	<i>*ēsēnt</i> .

a. 11 ; *b.* 4.1 ; *c.* 10.3, 11 ; *d.* 7.1.6.3, 7.2.3, 13.1.1 ; *e.* 3.1, 7.2.4 ; *f.* 7.1.1 ; *g.* un nivellement analogique ultérieur a introduit le produit

¹⁶² Formes en **m-* dues à l'influence de la désinence verbale **-mes*, **-mos* ; le double vocalisme **e/*o* reste à expliquer ; pronom **mos* issu de **mes* plutôt que de **wos*, sans quoi l'identité arméno-balte serait fortuite.

de **-te(s)* postvocalique, 7.1.6.2 ; *h.* éventuellement **ēsnt* > **ían*, mais voir n. 130.

10.2. Origine du *e-*

Pour Jasanoff [1979: 138 s.], cet *e-* additionnel est originellement l'augment, ajouté par analogie des verbes à initiale consonantique, comme plus tard dans *êac* pour *ac* 'conduisit', mais réinterprété ultérieurement comme le radical du verbe.

Cependant *êac* est postclassique, si bien qu'il se serait écoulé plusieurs siècles entre la généralisation de l'augment dans *ei* et son apparition dans d'autres prétérits monosyllabiques à voyelle initiale¹⁶³.

D'autre part, les imparfaits arméniens, même monosyllabiques, ne prennent pas l'augment (3 sg. *goyr*, *gayr*, *layr*, 12.3). Il n'est pas certain que l'augment des aoristes (devant consonne) ait pu servir de modèle à un imparfait étant donné le modèle contraire de ces trois verbes.

Il semble donc bien que l'addition *e-* ait été, dès le début, le thème verbal. Son modèle ne peut pas avoir été *berei*, qui n'existait pas encore (10.3). L'analogie sera donc partie des imparfaits répondant à des présents en *-am*, *-um*, tels que *layi* 'pleurais', *lnui* 'remplissais'¹⁶⁴, bien que ceux-ci ne représentent qu'une minorité des thèmes de présent.

10.3. Datation du *e-*

L'addition du *e-* est certainement antérieure à la chute des voyelles posttoniques. En effet, cela rendra compte du caractère monosyllabique de la troisième personne *êr* : **ío*, **ídu*, **í* → **e-ío*, **e-ídu*, **é-i* > *eí*, *eír*, **éy* (→ *ê-r*, 11). Dans l'hypothèse contraire, 1 sg. **ío* > **í* se serait confondu avec 3 sg. **í* > **í* et l'on devrait alors expliquer la différenciation apparue ensuite *ex nihilo* entre 3 sg. **éy* ou **éyr* et 1 sg. *eí* ou 2 sg. *eír*.

Compte tenu de cette datation, l'analogie des autres imparfaits (10.2, fin) consistera :

¹⁶³ Jasanoff est conscient de cette difficulté [1979: 139], mais n'apporte pas de réponse satisfaisante.

¹⁶⁴ Graphies *ayi* comme dans *Bet'sayida* [Klingenschmitt 1982: 17] et *ei* comme dans *hrei* 'juif' (génitif) < **hreayi* < **ihudiayí*.

a) dans la réfection de 1 sg. **ío* en **eío* sur la base du présent **émi*, selon le modèle de couples comme **minámi* ‘je reste’, **linúmi* ‘je remplis’ : **mina-ío* ‘je restais’, **linu-ío* ‘je remplissais’ (> *mnam*, *lnum*, *mnavi*, *lnui*),

b) dans l’accentuation 3 sg. **éi* (→ *ê-r*) sur le modèle de **láí*, **linúi* (> *lay-r*, *lnoy-r*)¹⁶⁵.

Les imparfaits des présents thématiques n’ont pas fait partie des modèles car, à cette époque, l’antécédent de 1 sg. *beréi* était encore **berío* sans *-e-* (*beréi* a remplacé **beri* seulement après la chute des voyelles posttoniques, 2.2.2).

Par ailleurs, l’addition de *e-* doit être postérieure aux contractions vocaliques, y compris aux contractions “récentes” (n. 44), sans quoi **eídu* se serait certainement contracté en **éydu* à l’époque où **maérek* ‘mères’ est devenu **márek*.

La chronologie sera donc :

1. Contractions récentes.
2. Réfection de l’imparfait **ío* ‘étais’ en **eío* (et de même à toutes les personnes) par l’analogie ci-dessus.
3. Chute des voyelles posttoniques.
4. Aoriste 1 sg. **ebér* remplacé par l’imparfait **berí* (2.2), et de même 3 pl. aor. **ebérn* par impf. **berín* (7.1.6.1 b).
5. Réfection de l’imparfait **berí* en *beréi* (et de même à toutes les personnes ; 3 sg. **ebér* refait en **beréy* ou **beréry*).

11. *êr* ‘était’

11.1. Le problème

La finale de l’imparfait 3 sg. *êr* n’est pas expliquée de façon satisfaisante.

Ce *-r* est propre à l’imparfait (il n’existe pas à l’aoriste), et dans toutes les conjugaisons il est ou a été la seule différence entre présent et imparfait à la troisième personne : présents *ê* ‘il est’, *berê* ‘il porte’,

¹⁶⁵ À première vue, l’accent **éi* semble prouver que l’addition de *e-* est antérieure à la fixation de l’accent sur la pénultième. Mais cela donnerait sans doute une date trop ancienne pour cette addition. En attribuant l’accent à l’analogie, on évite ce genre de conséquence. — Voir aussi plus loin 11.2.1 γ, étapes 5 et 7 (**í-do* → **éi-do*).

beri 'il est porté', *lay* 'il pleure', *lnu* 'il remplit' < **ey*, **berey*, **beriy*, *lay*, **lnuy*, imparfaits correspondants *êr*, *berêr*, *berêr*, *layr*, *lnoyr* < **eyr*, **bereyr*, **beriyr*, *layr*, **lnuyr*¹⁶⁶.

Il est donc possible que le *-r* ait été un moyen de parer à l'homophonie entre présent et imparfait à 3 sg. Cette homophonie supposée ne serait apparue dans le verbe 'être' qu'avec l'addition de **e-* devant les formes d'imparfait (**ío*, **í* → **eío*, **éi*, 10.3), et dans les autres verbes en *e* encore plus tard, avec la réfection de **berí*, **ebér* en *bereí*, **beréy*. Dans les verbes en *a*, *u* en revanche, cette homophonie serait sans doute plus ancienne que dans le verbe 'être', et serait apparue quand l'ancien **ē* est devenu *i* ou quand **ǵ* intervocalique est tombé (**mēnāyēti* : **mēnā ē(s)t* > **mēnāđi* : **mēnā ē* > **minai* : **minai*).

Une autre interprétation serait que l'addition de *-r* ait servi à éviter le mot trop court **i* 'était' < **ǵ*¹⁶⁷ < **ē* (< **ēt* ← **ēst*, 10.1). Dans ce cas, l'innovation pourrait être aussi ancienne que la chute des occlusives finales indo-européennes, ou du moins que la perte des quantités vocaliques.

Quant à l'origine de ce *-r*, elle a fait l'objet d'hypothèses diverses.

11.2. Hypothèses antérieures

11.2.1. *Pedersen*. Pour Pedersen [1982: 96 s. (1905)], *-r* représente un pronom enclitique de 3e personne, ajouté après l'apparition de l'homophonie entre 1 sg. et 3 sg., donc après la chute des voyelles posttoniques, c'est-à-dire sous la forme **-ǵ* (**-d* dans notre système)¹⁶⁸.

¹⁶⁶ On connaît la différence de traitement phonétique entre **-iy*, **-uy* > *-i*, *-u* (présents 3 sg. *beri*, *lnu* ci-dessus, autres mots comme *heru* 'l'an dernier', grec πέρυσσι), **-iyk*, **-uyk* > *-ik*, *-uk* (2 pl. *berik*, *lnuk*, *edik*, *etuk*), d'une part, et **-iyr*, **-uyr* > **-eyr*, *-oyr* (pas d'autres exemples que les imparfaits).

¹⁶⁷ La perte des quantités vocaliques est probablement plus ancienne que le passage de **ē*, **ō* à *i*, *u*, pour lequel un stade intermédiaire **ǵ*, **ǵ* fermés est à notre avis plus plausible que **ī*, **ū*.

¹⁶⁸ Quant à la différence de nombre de syllabes entre 2 *eir* et 3 *êr*, Pedersen l'attribue à l'analogie des aoristes du type *edi*, *edir*, *ed*.

a) Quand Klingenschmitt [1982: 22] estime que cette hypothèse se heurte aux lois phonétiques, il pense sans doute à une impossibilité de $*t > *ð > r$, objection déjà formulée pour la désinence 2 sg. (ibid., p. 18), mais que nous avons réfutée pour ce dernier cas ([Viredaz 2004–2005: 89 s.], cf. ci-dessus 2.1.2). Le pronom de 3 sg. a dû être $*do$ ¹⁶⁹, éventuellement au féminin $*da$ ¹⁷⁰, d'où en enclise après la chute des voyelles posttoniques $*d$ ($*ð$ pour Pedersen). Ce d est conservé en fonction d'article (*mard-d* 'l'homme'), sans lénition en r parce que, à cause de la place de l'accent, il était considéré comme initial de mot [Viredaz 2004–2005: 92 s.]. Ce dernier facteur peut fort bien ne pas s'être appliqué dans le cas de $\dagger *id$ 'il était'.

b) Il reste que l'explication de Pedersen n'est pas possible sans quelques changements.

Comme l'addition de $e-$ est antérieure à la chute des voyelles posttoniques (10.3), cette chute n'a pas provoqué d'homophonie entre 1 sg. $*eio > ei$ et 3 sg. $*ei > *éy$, mais elle en aurait provoqué une entre le présent 3 sg. $*ei$ et l'imparfait 3 sg. $\dagger *i \rightarrow \dagger *éi$, à laquelle on ne saurait avoir remédié par l'addition d'un pronom de 3e personne. Il faut donc penser que cette addition est plus ancienne et due à une autre cause, le caractère trop court de la forme $*i$ 'était'.

De fait, l'addition facultative de $*do$ enclitique 'il' est certainement aussi ancienne que celle de $*du$ 'tu', même si elle n'est devenue nécessaire et obligatoire que plus tard. Il s'agit en effet du même procédé. Le problème est alors de justifier la différence d'accentuation entre $*eidu > eir$ et $*éido > êr$.

c) On tentera donc le scénario suivant :

¹⁶⁹ Confluence entre i.-e. $*so$, $*tom$ masculins et $*tot$ neutre. Au nom. sg. masculin, lit. *tàs*, v. pr. *stas* < $*si-tas$, v. sl. *tb* et arm. *-d* pourraient remonter tous à un i.-e. dial. $*tos$ analogique de $*tom$ et $*tot$, mais il est plus probable que le nivellement se soit produit indépendamment plus tard, comme en germanique.

¹⁷⁰ La confusion des genres masculin et neutre en arménien date de la chute des consonnes finales ($*-os$, $*-om$, $*-ot > *-o$), tandis que la confusion des genres masculin(-neutre) et féminin doit dater de la chute des voyelles posttoniques (chute de $*-o$ et $*-a$, absence d'article proclitique pouvant préserver la distinction). — Dans l'enclitique, cependant, la perte de l'opposition de genre peut avoir été plus ancienne, cf. n. 171.

1. Addition facultative de **du* 'toi' et **do*, **da* 'lui, elle'¹⁷¹ aux formes verbales d'aoriste et d'imparfait ambiguës (p. ex. **ebere* 'tu étais, il était', 2.1.1)¹⁷².

Cette possibilité remonte sans doute déjà à l'indo-européen (cf. [Watkins 1969: 204, 210 s.]), mais aura pris plus d'importance en réaction à l'homophonie.

2. L'interlocuteur tend à attribuer aux formes entendues leur valeur la plus fréquente, en l'occurrence pour arm. **ebére*, **édi*, **í* etc. celle de troisième personne, d'où une plus grande nécessité du pronom à la deuxième personne.

3. **du* devient obligatoire à 2 sg. (2.1.1), ce qui entraîne la conservation de l'accent **eberé-du* et la réinterprétation de **du* comme désinence.

4. À 3 sg. au contraire, **ebére* reste la forme normale et finit par imposer analogiquement son accent dans le groupe d'enclise **eberé-do* → **ebére-do* (comme dans **mardó-do* 'cet homme' → **márdo-do*, classique *mard-d*).

5. Dans le verbe 'être', cependant, la forme 3 sg. **í* étant très courte¹⁷³, l'enclitique 3 sg. **-do* devient obligatoire également, ou du moins plus fréquent que dans les autres verbes. Cette innovation doit être supposée antérieure à 7, sans quoi l'on ne comprendrait pas qu'elle affecte l'imparfait †**éi* et non le présent **éi*.

¹⁷¹ Ou de **do* seulement. En effet, le vieux prussien *-ts* et le vieux slave *-tъ* (n. 65) ont généralisé la forme du masculin quel que soit le genre grammatical du sujet. Il en a donc probablement été de même en arménien, c'est-à-dire que (**tos* >) **-do* se sera généralisé aux dépens de (**tā* >) **-da*. Cette innovation peut s'être produite quand l'addition du pronom est devenue obligatoire (stades 5-6 ci-après pour l'arménien), par analogie des désinences héritées, mais elle peut même être apparue plus tôt, cf. anglais familier *you guys* 'vous (pl.)' employé indépendamment du sexe et de l'âge des personnes interpellées bien que le substantif *guys* reste perceptible.

¹⁷² En grec attique, ἦ 'j'étais' (< ἦα) n'a duré que quelques siècles avant d'être remplacé par ἦν (malgré l'homophonie de ἦν 'il était').

¹⁷³ La position des deux changements phonétiques **ē, *ō* > **e, *o* (n. 167) > *i, u* dans cette chronologie n'est pas déterminable (cf. 4.1, fin). Néanmoins, le résultat *i* a sans doute été atteint avant le stade 6 ci-après.

6. Dans les autres imparfaits arméniens, le facteur “mot court” n’existe pas (ou pas au même degré) et l’élargissement de la forme de 3 sg. doit être supposé analogue du verbe ‘être’. Cette extension analogique peut s’être produite soit d’emblée lors du stade 5, soit plus tard.

7. Réfection de l’imparfait du verbe ‘être’ **íto*, **ídu*, **i/ído* → **eío*, **eídu*, **éido*.

La finale **do* à 3 sg. devient alors obligatoire (si elle ne l’était pas déjà, cf. stade 5), pour éviter l’homophonie avec le présent **éi*. De ce fait, cette addition qui était une marque redondante de 3e personne devient une marque nécessaire d’imparfait.

Contrairement à ce qui s’est passé au stade 4, la différence d’accent entre 2 sg. **eídu* et 3 sg. **éido* ne s’expliquera pas par l’influence de la forme sans enclitique 3 sg. †**éi* (inexistante à l’imparfait, pour la raison qui vient d’être dite), mais par l’analogie des aoristes, p. ex. 2 sg. **berédu* : 3 sg. **ebére*/**ebéredo* ; 2 sg. **edídu*, 3 sg. **édi*/**édido*. Il faut supposer pour cela que l’enclitique **do* ait encore été en usage (facultativement) dans les verbes autres qu’‘être’.

8. Chute des voyelles posttoniques. Entre autres conséquences, l’enclitique **do* ‘il’, désormais réduit à **d*, sort de l’usage (remplacé si nécessaire par des pronoms accentués), sauf dans **éyd* ‘était’ (où il était déjà obligatoire, stade 5 ou 7).

9. **d* postvocalique > *r* (2.1.2.2).

La complexité de ce scénario ne plaide pas en sa faveur. Bien que chacune de ses étapes soit censée être plausible (certaines des hypothèses ne sont d’ailleurs pas nouvelles), leur grand nombre et la relative rigueur de la chronologie nécessaire sont un handicap.

11.2.2. *Meillet*. Dans les verbes thématiques (qui ont la même flexion que le verbe ‘être’), *Meillet* [1924: 193, 1936: 127] veut expliquer *berêr* par i.-e. *b^heretur*, cf. phryg. αββετορ. Mais c’est peu satisfaisant puisque *-*tor* est une désinence médio-passive ; c’est improbable puisque cela fait de *berêr* un corps étranger dans l’imparfait arm. *bere-i-*, et qu’un imparfait indo-européen devrait donner un aoriste en arménien (cf. partie 1) ; c’est même phonétiquement impossible, puisque, au vu de *edaw* ‘il s’est couché’ < **e-d^hato*, *-*eto-* en syllabes finales ne deviendrait pas **-éyo-*, mais **-éwo-* (3.4.1 et n. 48 ; *edaw* enseigne aussi que la désinence secondaire médio-passive dans l’ancêtre de l’arménien était *-*to* et non *-*tor* [Klingenschmitt 1982: 22]).

11.2.3. *Bader*. Pour Meillet [1903: 95], le *r* de la désinence *-yr* était une particule non précisée (**-ra* selon Bugge chez [Pedersen 1982: 96 (1905)], comme à 2 sg.

Bader [1976: 83] y voit la particule i.-e. **r* > grec ᾱρ(α), ῥα, lituanien *iř* (identifiée par Watkins [1969: 194–197] au *r* des désinences médio-passives d'autres langues). Cependant il est douteux que cette particule ait subsisté assez longtemps (jusqu'après la chute des occlusives finales, **ēst* → **ēt* > **ē*), et curieux que son usage se soit limité à 3 sg. imparfait (et à 2 sg. imparfait et aoriste, dans l'opinion des auteurs cités). Chez Homère, cette particule ne semble jamais s'employer après l'imparfait du verbe 'être'¹⁷⁴.

Les objections seraient les mêmes si l'on tentait de tirer *-r* d'un enclitique **ro* < i.-e. **pro*.

11.2.4. *Jasanoff*. Jasanoff [1977: 165 s., 1979: 137], modifie l'hypothèse de Meillet [1924], et pense que **-itor* (< **-ē-tor* ou **-iyetor*) a donné la désinence médio-passive postclassique *-iwr*, mais que *-ēr* est analogique du présent *-ê*, peut-être sur le modèle de 3 pl. actif *beren*, médio-passif **berenr* (← **b^herontor*)¹⁷⁵. La forme *ēr* 'était' et les imparfaits en *-ayr*, *-uyr*, *-oyr* ne sont pas mentionnés, mais seront à leur tour analogiques de *berēr*.

Cela signifie que l'arménien est placé dans le groupe des dialectes indo-européens à désinences moyennes **-tor*, **-ntor* sur la seule base de deux désinences dont l'une n'est pas héritée mais analogique (*-ēr*) et dont l'autre n'est peut-être pas héritée puisque postclassique (*-iwr*). On sait d'ailleurs que les désinences secondaires moyennes étaient **-to*, **-nto* sans **r* (*edaw*, *edan*, cf. 11.2.2).

11.2.5. *Klingenschmitt*. Klingenschmitt [1982: 22 s.] propose une série de réfections analogiques (où *-r* viendrait en fin de compte de 2 sg. *berir*), réfections souvent plausibles en elles-mêmes, mais

¹⁷⁴ D'après une consultation sommaire de [*Lfgre* 1: 1126–1164, s. v. ᾱρα (J. Grimm, H.W. Nordheider, H. Brandt)].

¹⁷⁵ C'est-à-dire que *-yr* serait par son origine une désinence médio-passive, comme *-w*, qui a néanmoins aussi été étendu à l'actif. Toutefois, cette dernière extension affecte uniquement les rares aoristes actifs en *-a-*, tandis que *-yr* s'est étendu à tous les imparfaits, quelle que soit leur voyelle prédésinentielle.

reposant sur trop de prémisses improbables¹⁷⁶ : homophonie entre les produits d'i.-e. *-toi et *-to résolue seulement après la chute des voyelles posttoniques, c'est-à-dire longtemps après son apparition ; restitution également très tardive du *s* à la deuxième personne du présent ; différence phonétique inexpliquée entre *beri < *-so(i) et *beriw < *-to(i).

11.2.6. *Olsen*. Reprenant une hypothèse de Pedersen et de Winter, selon laquelle, en conséquence de la loi dite RUKI, *s final deviendrait *r* après *i, *u en arménien (dans certaines conditions), Olsen [1989: 5–15] (spéc. p. 9) pense que 2 sg. *eir* et 3 sg. *êr* continuent i.-e. *ēs, *ēst (après quelques réfections, dont l'emprunt par 3 sg. de la désinence 2 sg. comme en nordique¹⁷⁷) ; 3 sg. *êr* représenterait le traitement régulier de *eir, tandis que 2 sg. *eir* résulterait d'une nouvelle réfection.

Il serait surprenant que la loi RUKI agisse seulement (ou encore) après l'innovation purement arménienne *ē, *ō > i, u. Toutefois, la date de cette dernière n'est pas connue exactement, et *is, *us > iš, *uš est postérieur au proto-indo-iranien (ci-après), de sorte que cette première difficulté pourrait être jugée non décisive.

La difficulté principale réside dans le fait que l'arménien n'a pas participé au changement *s > *š après *i, *u, comme le montre le contraste entre *nist* 'nid' < *nisdos, *nist* 'assieds-toi' < *ni-sisde, et *veštasān* < *suwek₁s-dek₁m¹⁷⁸. Le terme de « loi RUKI » recouvre en réalité deux lois au moins. Alors que *k₁s > *čš > *tš est commun à toutes les langues satəm, *is, *us > iš, *uš n'atteint pas le "second

¹⁷⁶ La prémisses principale, l'antériorité de *beriw* sur *beriy > berêr, est incertaine également, mais n'est pas impossible (13.3.1).

¹⁷⁷ La comparaison n'est pas pertinente avec l'innovation nordique, qui a été déclenchée par une circonstance particulière (confusion entre 2 sg. -z et 3 sg. -þ après *n* et *l*, auxquels ils s'assimilent, [Kuryłowicz 1945–1949: 32]). Dans le cas de 3 sg. i.-e. *ēst > *ēs, il s'agit d'une réduction phonétique probablement spontanée, sans influence de la 2e personne.

¹⁷⁸ Le *a* de *tasn* 'dix', qui n'est pas phonétique (cf. *mec* 'grand'), résultera d'une influence de l'iranien *dasa. La finale de -*tasān* (dans les composés de 'onze' à 'seize') est peut-être casuelle (cf. v. sl. ... *na desęte*).

cercle” constitué par le nouristani¹⁷⁹, le baltique¹⁸⁰ et l'arménien¹⁸¹ et représente une rephonologisation ultérieure¹⁸².

Il n'y a pas de raison de postuler en arménien un traitement RUKI limité à la fin de mot, d'autant moins qu'Olsen [1989: 15] place le stade final $*\check{z} > r/\text{zéro}$ après la chute des voyelles posttoniques, c'est-à-dire à une date où l'arménien possédait déjà, y compris en position finale, un phonème $\check{z}$, d'origine iranienne, qui n'est pas devenu r (*oyž* ‘pouvoir’, *yawêž* ‘éternel’). Tous les exemples de $-r < *s$ allégués par Olsen [1989: 6–14], peuvent, à notre avis, s'expliquer autrement ([Viredaz 2004–2005: 89–92]; pour *krkin* ‘double’: [Martirosyan 2010: 378 s.]).

11.2.8. *Plötz*. Plötz [2016] (§ 2.4), sans exclure l'idée d'Olsen (§ 2.5), ni celle d'une confusion de $*-st$ avec $*-s$ (n. 13), en propose néanmoins une troisième: sur l'impératif présent *er* ‘sois!’, pris comme thème, et pour éviter une forme trop courte, on aurait fait un imparfait 3 sg. $*er$, sur le modèle de *ber* ‘porte!’: *eber* ‘il a porté’, puis cet $*er$ serait devenu *êr* sous l'influence du présent *ê*.

¹⁷⁹ Cf. [Morgenstierne 1973: 340 s.]. La situation est compliquée par des emprunts nombreux au moyen indien (darde) et des innovations phonétiques de date moyen-indienne, notamment $*is > iś$ (*ibid.*). Voir aussi n. 119.

¹⁸⁰ En baltique, le changement $*s > š$ est constant après r [et $*k_l$], partiel après $i, u, *k_2, *k^w$, cf. [Stang 1966: 94–99, 13–16].

¹⁸¹ Nous ne connaissons pas d'autres exemples que *nist*, *nstem*. En effet, $*snusos > nu$ n'est pas décisif; $*rs > ř$ ne témoigne pas; les exemples de $*rs > řš$ sont des étymologies incertaines ou iraniennes; le dénominatif *t'aršamim*, variante du dénominatif *t'arāmim* ‘se faner, se flétrir’, aura subi l'influence de l'iranien $*tarš-$ ‘sécher’.

¹⁸² À l'exception de l'albanais, le “second cercle” coïncide avec celui des langues où $*k_l t > *čt$ n'est pas devenu $*št$ (ou du moins pas à date ancienne: baltique), ce qui confirme l'interprétation de Martinet [1955: 239] (c'est le passage de $*k_l t > *čt$ à $*št$ qui a entraîné la phonologisation des variantes « hautes » de $*s$ après $*i, *u$). — La date de $*rs > *rš$ en nouristani ($> *šš > š$) et en baltique (lit. *rš*) peut être “ancienne” (comme $*k_l s > *tš$) ou “récente” (comme $*us > *uš$). — Le traitement $*k_2 s, *k^w s > *kš$ semble “ancien” en nouristani, où le groupe devient $*ççh$ à date moyen-indienne (cf. [Morgenstierne 1973: 339]), mais “récent” en baltique, où il n'est que partiel à l'intérieur et n'affecte pas $*k^{(w)}s$ initial ($> sk$, [Stang 1966: 14, 95]). — En indien et en iranien au moins, $*s > *š$ aussi après $*iN, *uN$. En iranien, $*s > š$ même après p .

Toutefois, cette hypothèse paraît arbitraire et artificielle. Dans les cas connus, la réfection sur l'impératif produit tout un paradigme de présent ou/et d'aoriste, et non seulement une 3e personne : arménien classique *tar-a-* (aor.) 'mener', moyen arménien occidental *tir-/tər-* (aor.) 'poser' [Plötz 2016] (§ 2.4), grec ἔσθιω 'manger' (prés.). Par ailleurs, il est peu convaincant de voir un aoriste servir de modèle pour un imparfait (il est vrai que le verbe *e-* n'a pas d'aoriste), ou un impératif pour un indicatif (sauf dans des verbes à impératif très fréquent), ou encore de devoir supposer **er* → *êr* (**er* paraît viable). Noter que *er* n'est pas un impératif fréquent (condition en principe nécessaire pour être la source d'une action analogique, cf. 14.4) : en classique, il est confiné à la salutation *oġ er* 'porte-toi bien' (c.-à-d. 'continue à bien te porter', d'où le présent et non l'aoriste), tandis que 'sois' est ordinairement exprimé par *ler* 'deviens'.

11.2.9. *Une coïncidence.* L'arménien présente un autre cas de *êr* pour **ê* attendu : il s'agit des pronoms *êr*, *oyr* (génitif de l'interrogatif-indéfini neutre et animé) ← **k^wesyo*, **k^wosyo*, où *-r* a été ajouté d'après les possessifs *iwr* 'son' et accessoirement *mer*, *jer* 'notre, votre' pour éviter des mots trop courts. Néanmoins, il est improbable que **ey* → **eyr* 'était' soit analogique de **ey* → **eyr* 'quoi (gén.)', tant les fonctions sont différentes.

11.3. Conclusion

Tout considéré, le moins improbable sera peut-être une version modifiée de l'explication de Pedersen (11.2.1 c).

12. L'imparfait arménien des autres verbes

12.1. Paradigmes

En arménien (8), comme en slave (5.3), tous les imparfaits remontent à celui du verbe 'être', i.-e. **ēz-*, soit seul (sl. *běxъ*, 5.2, arm. *ei*, 'j'étais'), soit, pour tous les autres verbes, impliqué dans d'anciennes constructions périphrastiques (sl. *nesěaxъ*, arm. *berēi* 'je portais' < **j'étais en train de porter*) :

<i>em</i> 'je suis' :	<i>ei</i> ,	<i>eir</i> ,	<i>êr</i> 'j'étais, tu étais, il était'
<i>berem</i> 'je porte' :	<i>berēi</i> ,	<i>berēir</i> ,	<i>berêr</i>
<i>berim</i> 'je suis porté' :	<i>berēi</i> ,	<i>berēir</i> ,	<i>berêr</i> (plus tard aussi <i>beriwir</i>)
<i>lam</i> 'je pleure' :	<i>layi</i> ,	<i>layir</i> ,	<i>layr</i>
<i>lnum</i> 'je remplis' :	<i>lnui</i> ,	<i>lnuir</i> ,	<i>lnoyr</i> (< <i>*-uyr</i> , n. 166).

12.2. Hiatus

L'hiatus non seulement de *ei* (10), mais aussi de *berei*, ne saurait être ancien, notamment parce que le premier élément remonte probablement à **b^herē* avec finale longue (5.3.2), qui ne rend pas directement compte de *bere-*.

De fait, il y a une raison de penser que l'ancien imparfait était **beri*, utilisé comme aoriste à 1 sg. pour le motif indiqué plus haut (2.2) ; du moins, on ne voit pas comment expliquer autrement l'aoriste 1 sg. *beri*. La nouvelle forme *berei* sera analogique du verbe 'être' (imparfait *ei*, 10) et des thèmes en *a* et *u* (*layi*, *lnui*).

À vrai dire, l'hiatus dans *layi* 'pleurais', *mnayi* 'restais' n'est pas ancien non plus, car **āē* a dû se contracter sinon en indo-européen en **ā*, du moins en arménien en **ai* > **ay*. L'hiatus des imparfaits en *-ayi* aura été restitué par analogie de ceux en *-ui* comme *lnui*.

Quelle était la forme de 3 sg. quand 1 sg. était **berí* ? Comme 1 sg. **berí* < **berío* doit représenter une contraction de **b^herē ēsom* (ancienne, p. ex. **b^herēsom*, ou récente, p. ex. **beriio* > **berío*), 3 sg. a dû être de même **b^herē ēt* > (**b^herēt* ou **berii*) > **béri* > **bér*¹⁸³. Ce paradigme ne serait pas plus anomal qu'un aoriste comme *keray* : *eker*. Il impliquerait seulement une confusion (partielle et temporaire¹⁸⁴) de 3 sg. imparfait et aoriste dans les verbes à un seul thème *berem*, *acem*, *hanem*, *nstim*.

12.2. Absence d'augment

Les imparfaits arméniens, même monosyllabiques, ne prennent pas l'augment (3 sg. *goyr* 'était', *gayr* 'venait', *layr* 'pleurait', [Schmitt 1981: 141; Praust 2003: 129].

Cela signifie sans doute qu'à l'époque où la règle arménienne sur l'augment s'est fixée, les anciens imparfaits (comme **e-p_lk₁sket*, 1.2) n'étaient pas encore devenus des aoristes, et que les nouveaux

¹⁸³ Cf. [Klingenschmitt 1982: 15 s.] (dans le cadre d'un autre scénario), étapes 2–3.

¹⁸⁴ Aor. 1 **ebéro*, 3 **ebére*, impf. 1 **berío*, 3 **béri* (sans augment, 12.3) > **ebér*, *ebér*, **berí*, **bér* → *berí*, *ebér*, **berí*, **bér* → *berí*, *ebér*, *bereí*, *beréyr* (10.3, fin). L'homophonie en question se produisait lorsque l'aoriste était employé sans augment.

imparfaits (comme *layr*) étaient donc encore des périphrases (**klā ēt vel sim.*), avec augment (temporel) intérieur.

12.3. Note sur le subjonctif présent

En [Viredaz 2008: 8 s.], nous ne craignons pas de parler d'une « création analogique de tous les subjonctifs présents arméniens (...) par addition de **-yc'e-* au thème d'indicatif présent sur le modèle de **eyc'e-* ». Or cette hypothèse était identique à celle de Jasanoff [1979] pour l'indicatif imparfait (8.1 c), que nous avons récusée ci-dessus (8.2.2 γ) au profit de l'explication périphrastique du nouvel imparfait. Il sera certainement plus réaliste de tirer *beric'em* < **bereyc'ém*, *mnayc'em*, etc., d'anciennes périphrases comme **b^herē* **esk₁ō*, **mēnā* **esk₁ō*¹⁸⁵.

13. Autres désinences arméniennes de passé

13.1. Le pluriel

13.1.1. 1 pl. *-ak'*. On ne restitue pas de distinction entre désinences primaires et désinences secondaires aux deux premières personnes du pluriel en indo-européen : la plupart des langues d'Europe ne présentent pas de différence à ces personnes-là¹⁸⁶, tandis que les distinctions observées en anatolien, en indo-iranien et en tokharien ne concordent pas entre elles.

À la 1re personne du pluriel, l'arménien distingue néanmoins les trois formes *-mk'* (présent indicatif et subjonctif), *-ak'* (indicatif aoriste et imparfait) et *-uk'* (subjonctif aoriste). Cette dernière est probablement issue de **-omes* avec lénition de **m* au voisinage de **o* (cf. [Klingenschmitt 1982: 24–26])¹⁸⁷. La première est issue de **-mes*

¹⁸⁵ Ou par exemple **es-ī-sk₁ō* (cf. subj. aor. *arar-i-c'* 'je ferai') si l'on estime que **eyc'e-* ne peut pas venir de **esk₁e-*.

¹⁸⁶ Exceptions : le celtique (innovations) et l'albanais.

¹⁸⁷ On ne sait pas si la finale était **-mes* comme en grec dorien ou **-mos* comme en slave et en italo-celtique [Klingenschmitt 1982: 23 s.]. Nous choisissons arbitrairement l'une des deux (**-mes*) pour simplifier la rédaction. – À la deuxième personne, l'indo-européen n'avait pas de **-s* final (latin *-tis*, analogique, sauf à l'impératif, mais grec *-τε*, sanskrit *-tha*, *-ta*), et l'arménien *-yk'* d'après *-mk'* résultera d'une extension analogique en arménien même, comme dans les neutres pluriels ou duels tels que *cungk'* 'genoux' < **g₁onwa*, *ač'k'*

athématique, notamment dans *emk'* 'nous sommes' < **esmes*, dont *beremk'* 'nous portons' est analogique.

Notons que la disparition du **m* dans *-ak'* doit être postérieure à la chute des voyelles posttoniques, sans quoi la forme †*-*áek'* ou †*-*áok'* aurait développé un glide antihiatu et serait devenue arm. †-*ayk'* ou †-*awk'* [Viredaz 2001–2002: 7].

La désinence *-ak'* remplace en partie *-*uk'* (aoristes d'origine thématique comme *berak'*, *lk'ak'* ← **b^heromes*, **lik^womes*), en partie probablement *-*amk'* < **mes* < **mes* (aoristes d'origine athématique, imparfait du verbe 'être' et nouveaux imparfaits de tous les verbes). Il semble donc s'agir d'une contamination de ces deux formes. Il n'est pas courant qu'une contamination soit "soustractive" (suppression d'un phonème, en l'occurrence **m* dans *-*amk'*). Ici, cela s'expliquera peut-être par différenciation maximal du présent (qui généralisait *-mk'*).

La thématization de tout le singulier dans les aoristes sigmatiques ou sigmatisés après consonne (comme si i.-e. **aneid-s-om*, **-s-es*, **-s-et*, 4.2.2) peut faire penser que le pluriel a été thématized également (comme si i.-e. **aneid-s-omes*, **-s-ete*, **-s-ont*). Toutefois, la généralisation de la désinence 1 pl. *-ak'* à l'aoriste même à l'actif (*berak'*, *anicak'* ; aux autres personnes de l'aoriste, *-a-* est propre au médio-passif) plaide contre une thématization généralisée et pour un maintien de la forme athématique au moins devant sonante (comme si i.-e. **aneid-s-mes*), sans quoi l'évolution ultérieure aurait produit *-*uk'* dans tous les aoristes, et les imparfaits (en *-*iak'*) n'auraient pas suffi à instaurer *-ak'*.

13.1.2. 2 pl. *-êk'*, *-ik'*. À la 2e personne du pluriel, l'aoriste actif présente les deux formes *berêk'* et *berik'* [Schmitt 1981: 148]. La première est sans doute héritée (dans la flexion thématique : **b^herete*), la seconde refaite sur 3 pl. *berin* afin de (mieux) distinguer l'aoriste du présent.

De même, bien entendu, dans les anciens athématiques : *anicêk'*, *anicik'*, donc comme si i.-e. **aneid-s-ete*.

La façon peut-être la plus simple de rendre compte de la différence entre *berak'*, *anicak'* (13.1.1) et *berêk'*, *anicêk'*, est peut-être

'yeux' < **ak^wya* ; cette extension a pu se faire facilement au stade *-*h* de l'évolution *-*s* > *-*h* > *-k'*.

de penser que la thématization discutée sous 4.2.3, en tant que moyen d'éviter les réductions ou altérations phonétiques apparues dans les produits de **aneids*, **aneid(s)t*, **aneid(s)te*¹⁸⁸, s'est limitée à 2–3 sg. et 2 pl., tandis qu'elle était superflue devant sonante, soit dans les produits de **aneidsmes* et **aneidsnt*. Etant donné la date relativement récente de **R* > *aR* en arménien (3.1.1), il n'est pas sûr que **-a-* ait déjà existé dans (les antécédents de) **aneycámek**, **anéycan* au moment de cette thématization, mais cela ne nous semble pas empêcher cette hypothèse d'une thématization partielle. (Voir aussi 13.2.1.4.)

13.1.3. 3 pl. -in. 3 pl. aoriste *berin*, au lieu de la forme attendue phonétiquement **ebern* < **e-b^heront*, sera emprunté à l'ancien imparfait, comme l'a été 1 sg. *beri* (2.2), quoique pour une autre raison (normalisation du paradigme : généralisation de désinences accentuées pour 3 pl.).

13.2. L'aoriste médio-passif

13.2.1. Origine du *a*

a) À la suite de Klingenschmitt [1982: 9], nous adoptons l'hypothèse selon laquelle la marque *a* est apparue phonétiquement dans 3 pl. athém. *-an* < **-nto*, p. ex. **aneidsnt* > **anéycan* > **anéycn* (→ **aneycín* > *anicin*) 'ils ont maudit' : **aneidsnto* > **aneycáno* > **aneycán* (> *anican*) 'ils ont été maudits'.

Avant la chute des voyelles posttoniques, l'opposition de diathèse était marquée par la désinence, mais après cette chute, la distinction a été perdue dans plusieurs désinences de présent (1 sg. *-m* < i.-e. **-mī* et i.-e. dial. **-m-ai*, 3 pl. *-n* < **-nti* et **-ntoi*), et à l'aoriste le *a* de 3 pl. **aneycán* est devenu distinctif.

b) Cette réinterprétation du *a* a pu être facilitée par le modèle du verbe 'poser', isolé mais fréquent (cf. 14.4), qui opposait à l'aoriste un actif en *edi-* et un médio-passif en *eda-* (cf. Klingenschmitt, *loc. cit.* et ci-dessous 13.2.2.1).

c) Nous ne pouvons pas retenir l'explication différente de [Kocharov 2015]. Les prétérits balto-slaves en **ā* (1.3.2.2) ne manifestent pas d'affinité particulière avec la fonction médio-passive ou

¹⁸⁸ Cf. **widsti-* > **wit.ti-* > *giwt* ([EDAIL: 216, 723–725]; [Viredaz 2008: 10], § 4.3.1, d'après Winter).

même intransitive. Le passif présent arménien en *-i-* ne se laisse d'ailleurs pas davantage expliquer par un suffixe **-ē-* ou **-ē-ye-* (3.3.4).

d) L'explication de Klingenschmitt ne va certes pas de soi, car il faut tenir compte du reste du paradigme. Quel pouvait-il être ?

Au singulier actif, après consonne, les aoristes sigmatiques ou sigmatisés avaient sans doute la voyelle thématique **o/*e* (2 sg. *anicēr* < **aneid-s-es*, 4, 7.1.6.4.5).

Au pluriel médio-passif, il est crucial de supposer que l'aoriste sigmatique ou sigmatisé était resté athématique au moins devant sonante (cf. 13.1.2 pour l'actif), afin de pouvoir rendre compte du *a* médio-passif arménien par 3 pl. **-ŋto* (13.2.1.1). L'argument est fragile, mais on n'a guère d'autre choix pour expliquer ce *a* (13.2.1.3).

Pour 1 pl. et 2 pl. des anciens athématiques (désinences i.-e. **-med^ha*, **-d^huwe*), il y a lieu de faire la même hypothèse de thématisation partielle qu'à l'actif (désinences **-mes*, **-te*) (13.1.2), et c'est seulement après la réinterprétation de *a* comme marque de médio-passif (d'abord à 3 pl., 13.2.1.1) que l'on peut rendre compte de l'opposition act. *berêk* ' , *anicêk* ' : méd.-pass. *berayk* ' , *anicayk* '.

13.2.2. Analyse de quelques formes

13.2.2.1. Formes anciennes, asigmatiques

edaw, *edan* 'fut posé, furent posés' peuvent continuer directement i.-e. **e-d^hato* (n. 48), **e-d^hanto* < **h₁e-d^hh₁-to*, **h₁e-d^hh₁-ŋto* > grec ἔθετο, ἔθεντο (cf. [Klingenschmitt 1982: 9]); leur vocalisme s'oppose à celui de l'actif, qui est *edi-* à la plupart des personnes (classique *edi*, *edir*, *ed*, *edak* ' , *edik* ' , *edin*, [Schmitt 1981: 153]; au moment de la chute des voyelles posttoniques peut-être *edi*, **edid*, *ed*, **edamk* ' , **edayk* ' , **edn* ; singulier : 3–4 ; pluriel : 7.1.6).

eker (< **ekéra* < **e-g^werat* < **h₁e-g^werh₃-t*) 'mangea' et *keraw* (< **keráo* < **g^wera-* + **-to*) 'fut mangé', sont phonétiques, mais l'actif a aussi la forme *keraw* [Schmitt 1981: 155], analogue des autres personnes et des aoristes médio-passifs (le présent donnant l'exemple pour l'identité des désinences d'actif et de médio-passif)¹⁸⁹. Au pluriel, **e-g^werant* > **ekérn* (→ classique *keran* par analogie d'autres

¹⁸⁹ Dans la Bible, *keraw* est toujours actif (10 ex., toujours en emploi intransitif au sens 'il le(s) mangea, il en mangea'), en concurrence avec *eker* (72 ex., emplois divers : transitif ou intransitif, 'manger, dévorer, consumer').

personnes) et **g^weranto* > *keran*. Les formes *keraw*, *keran* n'ont sans doute pas contribué à la réinterprétation de **a* comme marque de médio-passif puisque **a* figurait aussi à l'actif (*keray*, *kerar*, *kerayk'*). C'est sans doute la fréquence du verbe (dès le plus jeune âge des enfants) qui a permis la conservation de l'archaïsme *eker*.

cnaw possède à la fois le sens actif 'a engendré, enfanté' et le sens passif 'est né'. – Au sens actif (à ranger sous 6.4.1), peut-être 1 sg. *cnay* < **cináyo* ← **g₁enasom* ← **g₁enam* < **g₁enh₁-η* s'explique-t-il comme *keray* (3.4), et 2 sg. *cnar* < **ciná-du* < **g₁enas* < **g₁enh₁-s* comme *kerar* (4.1). Cet aoriste radical **g₁enh₁-* est sans doute hérité, bien qu'il ait laissé peu de traces à l'actif dans les autres langues ([Harðarson 1993: 168]; [*LIV*²: 163 s.], Schirmer et Kümmel)¹⁹⁰. – Au sens passif, 3 sg. *cnaw* peut s'expliquer par **g₁enato* avec généralisation du degré plein de l'actif singulier [*LIV*²: 164, n. 4]; cette ancienneté n'est cependant pas garantie puisque *-a-* à l'aoriste moyen est régulier en synchronie. La formation est néanmoins différente du grec ἐγένετο, qui ne doit pas représenter **g₁enh₁-* ou **g₁enh₁-e-*, mais **g₁ñh₁-* (Harðarson et *LIV*², ll. cc.) ou plutôt **g₁ñh₁-e-* thématisé (car les aoristes **CRh₂-e-* et **CRh₃-e-* invitent à poser **CRh₁-e-* en grec plutôt que **CeRh₁-*, cf. [Beekes 1969: 216–218, 221–224] au sujet des types ἔτεμον, ἔμολον, parallèles à ἔθανον)¹⁹¹. – Au sens actif, 3 sg. *cnaw* peut s'expliquer par analogie comme *keraw* 'il a mangé' (ci-dessus), *melaw* 'il a péché': remplacement de **ecin* < **g₁enh₁-t*, **emel* ← **melh₁-t* par généralisation du thème *cna-*, *mela-*, avec oubli de la valeur médio-passive de *-w* par analogie des autres désinences verbales.

¹⁹⁰ L'analyse de [de Lamberterie 2003: 255 s.] comme aoriste sigma-tique **cina-h-* + *-a-* n'est pas possible, à cause du « + a » : l'arménien, nous l'avons vu, ne participe pas à l'élargissement grec par *a* de l'aoriste sigma-tique. (Quant au grec ἐγένετο < **gen-ha-*, sans doute tiré secondairement de l'aoriste radical ἐγένετο, il n'a pas de raison d'avoir remplacé un plus ancien **gene-ha-*.)

¹⁹¹ L'aoriste ἐγένετο n'est pas non plus identique à l'imparfait véd. *janata* (RV X, 123, 7), présent actif *jánati*, qui n'a pas de raison d'être autre chose qu'un degré plein **g₁enh₁-e-*.

13.2.2.2. *Mirages*

č'ogan 'allèrent' ne peut pas être †**k₂yew-ŋto* (ainsi [Klingenschmitt 1982: 277], mais **ew* ne devient pas **ow*, 6.5.3) ; ce sera donc un médio-passif récent de **k₂yew-s-* (plus probable que **k₂yow-eye-*, *ibid.*), malgré l'affaiblissement sémantique important qu'il faut supposer après la formation du médio-passif arménien en *a*¹⁹² ;

darjan 'se tournèrent' ne continue pas directement **d^hrg^h₁-ŋto* (ainsi [Klingenschmitt 1982: 9]) ; en effet, à l'exception du verbe très fréquent **d^hē-/d^ha-* (13.2.2.1), l'arménien ne conserve pas d'opposition vocalique radicale entre actif et médio-passif (cf. *cna-*, *ibid.*) ; le vocalisme radical zéro indique donc un aoriste thématique, **d^hrg^h₁-onto* (cf. 1.1.1), avec réfection ultérieure de la désinence.

luan 'ont entendu' ne continue probablement pas directement **k₁lunto* (ainsi [Klingenschmitt 1982: 157]), car l'emploi du moyen est une innovation arménienne. Le grec conserve la flexion athématique à l'impératif (κλῦθι, κλῦτε, cf. arm. *lur* au singulier), mais a thématisé l'indicatif (ἐκλυον), si bien que *luan* pourrait être formé comme *darjan*. Autre hypothèse encore chez [Kortlandt 2003: 114] (aor. **k₁lus-e-* → *lu-a-*, prés. **k₁luns-e-* > *ls-e-*). De même *erduan* 'ont juré', d'une racine **d^hru-* inconnue dans les autres langues.

13.2.2.3. *Formes anciennes, sigmatiques.* Dans quelques cas comme *luc'an* 'on les a allumés', *hecan* 'ils ont chevauché', č'ogan 'ils sont allés', la forme arménienne peut continuer directement un prototype indo-européen (récent)¹⁹³ comme **leuk₂-s-ŋto* 'on les a allumés', **sed-s-ŋto* 'on les a fait asseoir', **k₂yew-s-ŋto* 'on les a fait partir', formes qui devaient cependant être d'un usage plutôt rare (médio-passif du causatif, 6.2.1–2, 6.5.3).

13.2.2.4. *Formes sigmatiques ou sigmatisées récentes.* En revanche, d'autres aoristes médio-passifs comme *tuan*, *me'an*, *t'ak'ean*

¹⁹² Le sens i.-e. *'faire jaillir, chasser devant soi, lancer, mettre en mouvement rapide' a pu s'affaiblir en arménien en 'mettre en mouvement' avant la formation du médio-passif en *a*, mais l'affaiblissement ultérieur 'se mettre en route' > 'aller' s'est sans doute produit après cette formation.

¹⁹³ Une forme apparue en « indo-européen récent » est néanmoins « ancienne » (héritée) par opposition aux formes apparues au cours de l'histoire propre de l'arménien.

ne remontent pas à des prototypes indo-européens **dō-s-nto*, **mer-s-nto*, **ptak₂-ē-s-nto*, inexistants.

tuan ‘ont été donnés’ remonte à un aoriste radical de l’indo-européen, formation dont nous avons vu que la sigmatisation, après voyelle, n’atteint pas le médio-passif (13.2.2.1 ; ni le pluriel, 7.1.6).

meṛan ‘sont morts’ remonte également à un aoriste radical indo-européen, sigmatisé à toutes les personnes comme c’est la règle après consonne (4.2.2, 7.1.6.4.5), mais il avait initialement les désinences actives (6.4.2) ; on ne sait pas de quand date le passage à la flexion médio-passive.

t’ak’ean ‘se sont cachés’ remonte certes à un aoriste sigmatique, probablement **ptak₂-ē-s-*, mais ce type d’aoriste prenait les désinences actives (6.3).

13.2.3. -aruk’

2 pl. présente, outre la forme nouvelle *-a-yk’*, une variante *-a-ruk’* [Schmitt 1981: 148 s.], propre à l’aoriste, qui continue la désinence indo-européenne **-d^huwe* ([Jasanoff 1979: 144 s.], mieux que [Klingenschmitt 1982: 20]) < **-d^hh₂^uwe* (laryngale attestée par le hittite *-ttuma*, cf. [Melchert 1994: 76 s.] ; **-e* d’après le grec et le tokharien). La syllabation **-uw-* dans cette désinence, comme **-iy-* dans **k₁iyādiwi* ‘aujourd’hui’ (> *serk-*), est un archaïsme de l’arménien (contrairement à ce que nous écrivions inconsidérément en [Viredaz 2004–2005: 96]). Sur le traitement phonétique **d^h* intervocalique > arménien *r*, voir [Jasanoff 1979: 144–146], et ci-dessus 2.1.2.2.

13.3. L’imparfait médio-passif

13.3.1. À l’imparfait médio-passif, c’est 3 sg. *-iwr* qui est difficile.

Cette désinence est postclassique et présente l’avantage de distinguer les diathèses active (*berêr*) et médio-passive [Schmitt 1981: 140].

Il est donc vraisemblable qu’il s’agit d’une innovation tardive. De toute façon, une origine indo-européenne directe de *-iwr* (par une désinence en **-tor* ou en **-tr-*) n’est pas possible si l’imparfait arménien est issu d’une construction périphrastique à verbe ‘être’ (12).

Faute d’une explication interne, Klingenschmitt [1982: 22 s.], pense que *-iwr* est une forme ancienne malgré son absence dans la

« langue classique stricte », qui l'aurait perdue au profit de la réfection analogique **-iwr-* → **-iyr* (> **-eyr* > *-êr*), (*ibid.*, pp. 21–23). De même, Godel [1982: 75], envisage que les formes en *-iwr* aient été soit « évitées, pour des raisons inconnues, par les écrivains du “siècle d'or” », soit « étrangères à leur dialecte ».

Godel [1982: 74 s., 1975: 120, n. 120] verrait dans *-iwr* un élargissement de la désinence *-iw* dont on a une trace isolée dans le mot *ic'iw*, synonyme et peut-être plus exactement imparfait de *ic'ê* ‘plaise au ciel (que...)’, subjonctif du verbe ‘être’. Il resterait à éclaircir la nature de cet élargissement ainsi que la formation de *ic'iw* lui-même (pourquoi une désinence moyenne au verbe ‘être’ ? au futur grec ἔ(σ)σομαι, l'arménien répond par l'actif *ic'em* < **esk₁ō*).

13.3.2. Nous proposons la tentative suivante :

— *w* analogique : d'après *berar* ‘tu as été porté’ et *beraw* ‘il a été porté’, on aurait créé sur l'ancien **berir* ‘tu étais porté’ (et ‘tu portais’) un **beriw* ‘il était porté’ ; on admet ici que l'imparfait classique *berei* est une réfection de **beri*, postérieure à la chute des voyelles posttoniques (2.2.2, 12.2) ; la désinence de *ic'iw* serait analogique de ce **beriw* ;

— *r* analogique : d'après *berê* ‘il porte’ : *berêr* ‘il portait’, on aurait créé sur *beri* ‘il est porté’ un **berir* ‘il était porté’ ;

— La coexistence des formes (encore incorrectes et donc inconnues de la littérature) **beriw* et **berir* (ainsi que de la forme correcte **bereyr*) aurait produit par contamination une autre forme **beriw_r* ;

— Cette dernière, mieux marquée que **beriw* et **berir*, et ayant sur **bereyr* l'avantage de distinguer la diathèse, aurait gagné en fréquence aux dépens de ses concurrentes, jusqu'à acquérir le statut de forme correcte digne de la langue littéraire.

14. Réductions phonétiques dues à la fréquence

14.1. Nous avons parlé à plusieurs reprises de changements phonétiques irréguliers « dus à la fréquence », en reprenant une formule de Mańczak, qui a consacré de nombreuses publications à ce sujet (cf. [Mańczak 2008: 157–159])¹⁹⁴ : 2.1.2.2 (arm. *du*), 3.3.4 (sl. *-aje-*), 5.1 n. 65, fin (v. sl. *-tb* au présent), 5.2.2 fin (lit. *be*), 5.3.1:4 et 6 (imparfait slave et français), 7.2.4 (arm. *s* pour **c*)¹⁹⁵.

On a relevé depuis longtemps que des réductions phonétiques irrégulières apparaissent fréquemment dans des *terms of address*, des mots-outils, des suffixes, préfixes ou désinences, des numéraux, etc. Mańczak a montré (p. ex. [1969: 83–85, 1987: 9–12, 148–155]) que le fait n'est pas une question d'atonie ou de prononciation *allegro*, comme d'autres l'ont soutenu¹⁹⁶, mais bien de fréquence (en conjonction avec la longueur) : cf. [Mańczak 1987: 8–9, 2008: 20, 90].

14.2. Qui dit fréquence élevée dit faible apport d'information. Nous avons gardé l'expression « dû à la fréquence » sans chercher à déterminer si c'est directement la fréquence ou si c'est le faible contenu d'information qui incite les locuteurs à relâcher leur effort articulatoire ou à accélérer le débit.

14.3. Il existe un certain tabou, en reconstruction linguistique, sur les changements phonétiques irréguliers (dont les réductions dues à la fréquence sont un cas parmi d'autres). Cela se comprend, car sans le garde-fou des lois phonétiques, il est tentant de se laisser aller à n'importe quelles hypothèses irréflechies, qui se révéleront souvent

¹⁹⁴ Malheureusement, Mańczak attribue trop souvent à la fréquence des exemples qui s'expliquent mieux autrement. Néanmoins, il reste d'innombrables exemples probants.

¹⁹⁵ Dans la version présentée en mai 2015, cette liste était plus longue, mais nous avons abandonné certaines hypothèses.

¹⁹⁶ Pour récuser l'« absence de fonction » (*Funktionslosigkeit*) en tant que facteur de réductions irrégulières, Mańczak, *loc. cit.*, fait valoir que le *l* de *sculpture*, par exemple, subsiste bien qu'il ne soit pas nécessaire à la compréhension. Il nous semble que cet argument n'est pas pertinent et que la quasi-absence de fonction (liée du reste à une fréquence élevée, 14.2) peut être un facteur de réduction irrégulière d'une unité *morphologique* (lexème ou morphème).

fausses. Cependant, les langues réelles montrent bien que des changements irréguliers existent. Quant au problème de la non-réfutabilité, il se pose aussi pour les innovations analogiques et sémantiques, deux domaines qui ne font pourtant l'objet d'aucun tabou mais souvent au contraire d'une indulgence à notre avis excessive. Hors du domaine des lois phonétiques, la réponse consistera à éviter les deux attitudes extrêmes (tabou ou laisser-aller) et à rechercher systématiquement la réfutabilité, par exemple en essayant des explications alternatives ou en travaillant sur la typologie (nature, conditions) des diverses sortes d'innovations.

14.4. On connaît aussi le rôle de la fréquence dans l'analogie ([Mańczak 2005: 608], deuxième loi)¹⁹⁷ : la forme la plus fréquente est plus présente dans l'esprit des locuteurs, si bien qu'elle est plus stable en diachronie et est plus souvent le modèle que l'objet d'une innovation analogique. Nous avons utilisé cette règle à plusieurs occasions : 2.3, 3.1.2, 4.2.3, 6.4.1, 7.1.1:2, 7.2.1, 11.2.7. 13.2.1.2.

15. Conclusion

15.1. Nous avons dressé en divers endroits des chronologies relatives partielles, pour deux innovations (2.1.2.2, 3.1.1, 3.3.1, 3.3.3, 7.1.4.1, 7.2.1, 13.2.1.1) ou plusieurs (2.3, 3.3.5, 7.1.1, 10.3, 11.2.1 c).

L'idéal serait d'en édifier ici une synthèse, ne serait-ce que pour s'assurer de l'absence de contradictions ; mais cette synthèse comporterait trop d'incertitudes et d'indéterminations ; il faudrait pouvoir la présenter sous forme de graphe sagittal plutôt que de liste. Du moins ces chronologies partielles ne semblent-elles pas présenter de contradictions entre elles ni avec des faits connus.

¹⁹⁷ Cf. aussi [Mańczak 1958], hypothèses 1 et 3. Mańczak parle là de longueur et non de fréquence ; mais les mots ou désinences plus longs sont aussi, statistiquement, moins fréquents, et c'est sans doute la fréquence plutôt que la brièveté qui explique le sens de l'analogie. — Pour Kuryłowicz [1945–1949], ce sont d'autres facteurs que la fréquence qui sont déterminants, tels la sphère d'emploi (p. 23). Sur cette controverse, voir la discussion et la bibliographie d'Anttila [1977: 76–80].

15.2. Pour terminer, nous retiendrons deux observations principales¹⁹⁸ :

a) La formation des aoristes et imparfaits athématiques semble constituer un faisceau d'isoglosses reliant le slave à l'arménien, deux branches qui ne présentent pourtant pas beaucoup d'autres innovations communes exclusives (9).

b) Les réfections morphologiques, du moins celles que nous avons étudiées ici, servent souvent à éviter des homophonies produites par l'évolution phonétique.

Bibliographie

- Anttila 1977 — R. Anttila. *Analogy*. La Haye: Mouton, 1977.
- Andersen 2014 — H. Andersen. Early Vowel Contraction in Slavic: 1. *i*-Verbs. 2. The Imperfect. 3. The *vòlja/súša* Nouns // *Scando-Slavica* 60, 2014. P. 54–107.
- Arumaa 1985 — P. Arumaa. *Urslavische Grammatik*. III. *Formenlehre*. Heidelberg: Winter, 1985.
- Bader 1976 — F. Bader. Le présent du verbe 'être' en indo-européen // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 71, 1976. P. 17–111.
- Bammesberger (ed.) 1988 — A. Bammesberger (ed.). *Die Laryngaltheorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystem*. Heidelberg: Winter, 1988.
- Barton 1973–1974 — Ch. Barton. The Armenian strong aorist // *Revue des études arméniennes* 10, 1973–1974. P. 27–38.
- Barton 1987 — Ch. Barton. Greek *ἐῖπω*, Latin *serō*, Armenian *yerum* // *American Journal of Philology* 108, 1987. P. 672–674.
- Barton 1989 — Ch. Barton. PIE. **mer-*, Arm. *meṛanim* 'die' // *Indogermanische Forschungen* 94, 1989. P. 135–157.
- Beekes 1969 — R. S. P. Beekes. *The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek*. La Haye-Paris: Mouton, 1969.

¹⁹⁸ Voir aussi les remarques sur l'étymologie ou la formation de (y)arñem n. 104, -eluzanem 6.2.1, eki 3.2.1, ekesc'e- n. 114, eleamn 9.3.1, eri n. 160, z 7.2.4 et n. 161, zercanem 6.5.1, i-/y-/n- 3.3.2, kolr 9.3.1, heljnum 6.2.1 et n. 100, urjū n. 123, č'ogay 6.5.3, jur 9.3.4, snanim 1.2, tasn n. 178, sur le subjonctif en -yc'e- 12.4, le génitif alber 3.3.5, le traitement phonétique arménien de *-om 3.3.1, de *ēe, *ēo, *ōo 3.3.3, 3.3.5, sur gr. ἐτεός n. 158, l'augment 5.2.3, l'injonctif n. 72, l'imparfait latin en -bam 1.3.2.2, la finale 2-3 sg. aor. -(s)tb en slave 2.1.4 c et nn. 65, 171, la loi RUKI 11.2.6 et n. 119.

- Beekes 1988 — R. S. P. Beekes. PIE. *RHC-* in Greek and Other Languages // Indogermanische Forschungen 93, 1988. P. 22–45.
- Beekes 2003 — R. S. P. Beekes. Historical phonology of Classical Armenian // F. Kortlandt. *Armeniaca. Comparative Notes. With an appendix on the historical phonology of Classical Armenian* by Robert S. P. Beekes. Ann Arbor: Caravan Books, 2003. P. 133–211.
- Bile 1988 — M. Bile. *Le dialecte crétois ancien*. Paris: Geuthner, 1988.
- Blümel 1982 — W. Blümel. *Die aiolischen Dialekte*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982.
- Bonfante 1932 — G. Bonfante. Lat. *sum, es, est*, etc. // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 33, 1932. P. 111–129.
- Bonfante 1942 — G. Bonfante. The Armenian aorist // *Journal of the American Oriental Society* 62/2, 1942. P. 102–105.
- Brixhe 1997 — C. Brixhe. Les clitiques du néo-phrygien // R. Gusmani et al. (éd.). *Frigi e frigio*. Roma: CNR, 1997. P. 41–70.
- Brugmann 1916 — K. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Zweiter Band: *Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch*. Dritter Teil / Zweite Hälfte. Zweite Bearbeitung. Strassburg: Trübner, 1916.
- Bugge 1892 — S. Bugge. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache // *Indogermanische Forschungen* 1, 1892. P. 437–459.
- Chantraine 1958 — P. Chantraine. *Grammaire homérique*. Tome I: *Phonétique et morphologie*. 3e éd. Paris: Klincksieck, 1958.
- Chantraine 1961 — P. Chantraine. *Morphologie historique du grec*. 2e éd. Paris: Klincksieck, 1961.
- Chantraine 1968–1980 — P. Chantraine. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris: Klincksieck, 1968–1980.
- Cheung 2007 — J. Cheung. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden — Boston: Brill, 2007.
- Christol 1991 — A. Christol. Lexical consequences of a phonetic law (**eye > ē*) in Latin verbs // R. Coleman (ed.). *New Studies in Latin Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, 1991. P. 49–61.
- Clackson 1994 — J. Clackson. *The Linguistic Relationship between Armenian and Greek*. Oxford — Cambridge, MA: Blackwell, 1994.
- Demiraj 1993 — Sh. Demiraj. *Historische Grammatik der albanischen Sprache*. Wien: ÖAW, 1993.
- Derksen 2008 — R. Derksen. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- Derksen 2015 — R. Derksen. *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Leiden: Brill, 2015.
- Deroy 1993 — L. Deroy. Sur les verbes fréquentatifs et causatifs en indo-européen // B. Brogyanyi, R. Lipp (eds.). *Comparative-Historical*

- Linguistics Indo-European and Finno-Ugric Papers in Honor of Oswald Szemerényi, III. Amsterdam — Philadelphia: Benjamins, 1993. P. 91–101.
- Drinka 1995 — B. Drinka. The Sigmatic Aorist in Indo-European. Washington, D. C.: Institute for the Study of Man, 1995.
- Dumézil 1938 — G. Dumézil. Traitement de *m + p* en arménien // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris 39, 1938. P. 241–242.
- Dumézil 1977 — G. Dumézil. Quelques adjectifs négatifs de l'arménien // Vartan Matiossian (éd.). A long-lost contribution to Armenian linguistics by Georges Dumézil // Annual of Armenian Linguistics 18, 1977. P. 1–5.
- ESSJa — О. Н. Трубачев (ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–. [O. N. Trubachev (ed.). Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic inherited lexicon]. Moscow: Nauka, 1974–].
- Fraenkel 1950 — E. Fraenkel. Zum baltischen und slavischen Verbum // Zeitschrift für slavische Philologie 20, 1950. P. 236–320.
- García Ramón 2014 — J. L. García Ramón. From Aktionsart to aspect and voice: on the morphosyntax of the Greek aorists with -η- and -θη- // A. Bartolotta (ed.). The Greek verb: morphology, syntax, and semantics. Proceedings of the 8th International Meeting of Greek Linguistics (Agrigento, October 2009). Louvain-la-Neuve — Walpole MA: Peeters, 2014. P. 149–182.
- Gippert et al. 2009 — J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mount Sinai. 2 vols. Turnhout: Brepols, 2009.
- Godel 1975 — R. Godel. An Introduction to the Study of Classical Armenian. Wiesbaden: Reichert, 1975.
- Godel 1982 — R. Godel. Linguistique arménienne: études diachroniques. Vaduz: Fondation des Frères Ghoukassiantz; Paris: Librairie H. Samuélian, 1982.
- HAB — Hr. Ačāryan. Hayeren armatakan bařaran. 2nd ed., 4 vols. Yerevan: Yerevan University Press, 1971–1979.
- Hackstein 2002 — O. Hackstein. Die Sprachform der homerischen Epen. Wiesbaden: Reichert, 2002.
- Harðarson 1993 — J. A. Harðarson. Studien zum urindogermanischen Wurzelaorist und dessen Vertretung im Indoiranischen und Griechischen. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1993.
- Hill 2004 — E. Hill. Die sigmatischen Modus-Bildungen der indogermanischen Sprachen. Erste Abhandlung: Das baltische Futur und seine

- Verwandten // International Journal of Diachronic Linguistics and Linguistic Reconstruction 1, 2004. P. 69–171.
- Hill 2012 — E. Hill. Die Entwicklung von **u* vor unsilbischem **i* in den indogermanischen Sprachen Nord- und Mitteleuropas: Die Stammsuppletion bei *u*-Adjektiven und das Präsens von 'sein' // *NOWELE* 64/65, 2012. P. 5–36.
- Hoffmann 1976 — K. Hoffmann. Aufsätze zur Indo-Iranistik. II. Wiesbaden: Reichert, 1976.
- Hoffner, Melchert 2008 — H. A. Jr. Hoffner, H. C. Melchert. A Grammar of the Hittite Language. Part 1: Reference Grammar. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2008.
- Jamison 1988 — S. W. Jamison. The Quantity of the Outcome of Vocalized Laryngeals in Vedic // Bammesberger (ed.) 1988. P. 213–226.
- Jasanoff 1977 — J. H. Jasanoff. The *r*-endings of the IE Middle // *Sprache* 23, 1977. P. 159–170.
- Jasanoff 1978 — J. H. Jasanoff. Stative and Middle in Indo-European. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, 1978.
- Jasanoff 1979 — J. H. Jasanoff. Notes on the Armenian personal endings // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 93, 1979. P. 133–149.
- Jasanoff 1988 — J. H. Jasanoff. PIE **ǵnē-* 'recognize, know' // Bammesberger (ed.) 1988. P. 227–239.
- Jasanoff 2002–2003 — J. H. Jasanoff. "Stative" **-ē-* revisited // *Sprache* 43, 2002–2003. P. 127–170.
- Jasanoff 2003 — J. H. Jasanoff. Hittite and the Indo-European Verb. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Kiparsky 2005 — P. Kiparsky. The Vedic Injunctive: Historical and Synchronic Implications // R. Singh, T. Bhattacharya (eds.). The Yearbook of South Asian Languages and Linguistics. New Dehli — Thousand Oaks — London: Sage Publications. P. 219–235.
- Klingenschmitt 1982 — G. Klingenschmitt. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden: Reichert, 1982.
- Klingenschmitt 2005 — G. Klingenschmitt. Aufsätze zur Indogermanistik. Hamburg: Kovač, 2005.
- Kloekhorst 2008 — A. Kloekhorst. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden — Boston: Brill, 2008.
- Kocharov 2015 — P. Kocharov. The Armenian mediopassive aorist endings // Communication au Workshop on the Armenian Aorist, 14 mai 2015, Institute for Linguistic Studies, Saint-Petersbourg.
- Kölligan 2012 — D. Kölligan. Regular sound change and word-initial /i/ in Armenian // Ph. Probert, A. Willi. Laws and Rules in Indo-European: In Honour of John Penney. New York: OUP, 2012. P. 134–146.

- Kortlandt 1986 — F. H. H. Kortlandt. The origin of the Slavic imperfect // R. Olesch, H. Rothe (eds.). Festschrift für Herbert Bräuer zum 65. Geburtstag am 14. April 1986. Köln: Böhlau, 1986. P. 253–258.
- Kortlandt 2003 — F. H. H. Kortlandt. Armeniaca. Comparative Notes. With an appendix on the historical phonology of Classical Armenian by Robert S. P. Beekes. Ann Arbor: Caravan Books, 2003.
- Kümmel 2007 — M. J. Kümmel. Konsonantenwandel. Wiesbaden: Reichert, 2007.
- Künzle 1984 — B. O. Künzle (ed.). Das altarmenische Evangelium. L'Évangile arménien ancien. 2 Bde. Bern: Lang, 1984.
- Kuryłowicz 1945–1949 — J. Kuryłowicz. La nature des procès dits 'analogiques' // Acta Linguistica 5, 1945–1949. P. 15–37.
- de Lamberterie 1979 — Ch. de Lamberterie. Le signe du pluriel en arménien classique // Bulletin de la Société de Linguistique 74, 1979. P. 319–332.
- de Lamberterie 1980 — Ch. de Lamberterie. Échange de gutturales en arménien // Annual of Armenian Linguistics 1, 1980. P. 23–37.
- de Lamberterie 1986 — Ch. de Lamberterie. Deux isoglosses entre l'arménien et l'indo-iranien // M. Leroy, F. Mawet (eds.). La place de l'arménien dans les langues indo-européennes. Leuven: Peeters, 1986. P. 48–61.
- de Lamberterie 1997 — Ch. de Lamberterie. Compte rendu de l'ouvrage de J. Clackson, The Linguistic Relationship between Armenian and Greek, Oxford-Cambridge, 1994 // Kratylos 42, 1997. P. 71–78.
- de Lamberterie 2003 — Ch. de Lamberterie. Compte rendu de Olsen (1999) // Bulletin de la Société de Linguistique 98/2. P. 247–259.
- de Lamberterie 2005–2007 — Ch. de Lamberterie. L'augment dans le texte arménien de l'Évangile // Revue des Études Arméniennes 30, 2005–2007. P. 31–57.
- Lejeune 1972 — M. Lejeune. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris: Klincksieck, 1972.
- Leumann 1959 — M. Leumann. Kleine Schriften. Zürich — Stuttgart: Artemis, 1959.
- Leumann 1977 — M. Leumann. Lateinische Laut- und Formenlehre. Neuauflage, 5. Auflage. München: Beck, 1977.
- Lfgre — Lexikon des frühgriechischen Epos. 4 vols. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955–2010.
- LIV² — H. Rix et al. (eds.). Lexikon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von H. Rix und der Mitarbeit vieler anderer, bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Reichert, 2001.

- Lühr 1999 — R. Lühr. Das slavische Imperfekt. Chronologie einer Periphrase mit dem Instrumental // J. Habisreiter et al. (eds.). Gering und doch von Herzen. Festschrift Forssman. Wiesbaden: Reichert, 1999. P. 167–182.
- Mallory, Adams 1997 — J. P. Mallory, D. Q. Adams (eds.). Encyclopedia of Indo-European Culture. London — Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997.
- Mańczak 1958 — W. Mańczak. Tendances générales des changements analogiques // *Lingua* 7, 1958. P. 298–325, 387–420.
- Mańczak 1969 — W. Mańczak. Le développement phonétique des langues romanes et la fréquence. Cracovie: Uniwersytet Jagielloński, 1969.
- Mańczak 1985 — W. Mańczak. Frequenzbedingter unregelmäßiger Lautwandel in den germanischen Sprachen. Wrocław: Ossolineum, 1985.
- Mańczak 2005 — W. Mańczak. Diachronie: Grammatik // R. Köhler et al. (ed.). Quantitative Linguistik. Ein internationales Handbuch. Berlin: de Gruyter, 2005. P. 607–627.
- Mańczak 2008 — W. Mańczak. Linguistique générale et linguistique indo-européenne. Kraków: Akademia Umiejętności & Uniwersytet Jagielloński, 2008.
- Mann 1950 — S. E. Mann. The Indo-European Vowels in Albanian // *Language* 26, 1950. P. 379–388.
- Martinet 1955 — A. Martinet. Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique. Berne: Francke, 1955.
- Martirosyan 2010 — H. K. Martirosyan. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden — Boston: Brill, 2010.
- Martirosyan, en préparation — H. Martirosyan. Historical phonology and morphology of Classical Armenian // *Armenian Linguistics*. Leiden: Brill. (Version citée: 1.12.2016).
- Meier-Brügger 2000 — M. Meier-Brügger. Indogermanische Sprachwissenschaft. 7. Aufl. Berlin: De Gruyter, 2000.
- Meillet 1902 — A. Meillet. L'accusatif singulier de l'ancien arménien // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris* 12, 1902. P. 234–238 (= Meillet 1977: 95–99).
- Meillet 1903 — A. Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. 1re éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitharistes, 1903.
- Meillet 1905 — A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. II. Paris: Bouillon, 1905.
- Meillet 1910–1911 — A. Meillet. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien. IV // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris* 16, 1910–1911. P. 92–131.
- Meillet 1922 — A. Meillet. Les noms du type *բայրօր* // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris* 22, 1922. P. 203.

- Meillet 1924 — A. Meillet. Sur les désinences en *-r* // Bulletin de la Société de Linguistique 24, 1924. P. 189–194.
- Meillet 1936 — A. Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. 2 éd. Vienne: Imprimerie des PP. Mékhitharistes, 1936.
- Meillet 1977 — A. Meillet. Études de linguistique et de philologie arméniennes. Tome 2: Études linguistiques, avec un avant-propos de M. Lejeune, augmentées d'une bibliographie avec un index linguistique et analytique par M. Mokri. Louvain: Imprimerie Orientaliste, 1977.
- Meillet, Vaillant 1934 — A. Meillet, A. Vaillant. *Le slave commun*. 2 éd., Paris: Champion, 1934.
- Meiser 1998 — G. Meiser. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.
- Melchert 1994 — H. C. Melchert. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam: Rodopi, 1994.
- Mercier 1978–1979 — Ch. Mercier. L'École hellénistique dans la littérature arménienne // Revue des études arméniennes 13, 1978–1979. P. 59–75.
- Morgenstierne 1973 — Die Stellung der Kafirsprachen // G. Morgenstierne. Irano-Dardica. Wiesbaden: Reichert, 1973. P. 325–377.
- Morpurgo Davies 1987 — A. Morpurgo Davies. Gr. λεῦσσω and λευτο- : An Unsolved Problem // J. T. Killen et al. (eds.). Studies in Mycenaean and Classical Greek presented to John Chadwick (Minos 20–22). Salamanca: Universidad de Salamanca, 1987. P. 459–468.
- Narten 1964 — J. Narten. Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden: Reichert, 1964.
- Negri 1976 — M. Negri. Studi sul verbo greco II // Acme 29, 1976. P. 233–250.
- Oettinger 1984 — N. Oettinger. Zur Diskussion über den lateinischen *ā*-Konjunktiv // Glotta 62, 1984. P. 187–201.
- Olsen 1989 — B. A. Olsen. Three notes on Armenian historical phonology // Annual of Armenian Linguistics 10, 1989. P. 5–25.
- Olsen 1999 — B. A. Olsen. The Noun in Biblical Armenian. Origin and Word-Formation, with Special Emphasis on the Indo-European Heritage. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Orel 2000 — V. Orel. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Leiden: Brill, 2000.
- Pedersen 1905 — H. Pedersen. Zur armenischen sprachgeschichte // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 38/2. P. 194–240.
- Pedersen 1982 — R. Schmitt (ed.). Hölger Pedersen. Kleine Schriften zum Armenischen. Hildesheim — New York: Olms, 1982.

- Petit 2002 — D. Petit. Abrègement et métatonie dans le futur lituanien: pour une reformulation de la loi de Leskien // *Revue des études arméniennes* 97, 2002. P. 245–282.
- Pinault 1989 — G.-J. Pinault. Introduction au tokharien // *Lalies* 7, 1989. P. 5–224.
- Plötz 2016 — P. Oliver. Laryngeal aspiration and the weakening of dentals in Classical Armenian // *Indogermanische Forschungen* 121, 2016. P. 249–269.
- Pokorny 1959 — J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. I. Bern — München: Francke, 1959.
- Porzig 1954 — W. Porzig. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets*. Heidelberg: Winter, 1954.
- Praust 2003 — K. Praust. A missing link of PIE reconstruction: the injunctive of **H₁es-* 'to be' // *Proceedings of the 14th Annual UCLA Indo-European Conference (JIES Monograph 47)*, 2003. P. 112–144.
- Praust 2005 — K. Praust. Bedeutung und Vorgeschichte von armenisch *gerem* // *Die Sprache* 45, 2005. P. 134–159.
- Renou 1952 — L. Renou. *Grammaire de la langue védique*. Lyon-Paris: IAC, 1952.
- Risch 1974 — E. Risch. *Wortbildung der homerischen Sprache*. 2. Aufl. Berlin — New York: De Gruyter, 1974.
- Rohlfs 1968 — G. Rohlfs. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti: Morfologia*. Torino: Einaudi, 1968.
- Rosenkranz 1978 — B. Rosenkranz. *Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen*. La Haye: Mouton, 1978.
- Ruipérez 1982 — M. S. Ruipérez. *Structure du système des aspects et des temps du verbe en grec ancien (trad.)*. Paris: Belles-Lettres, 1982.
- Saradževa 1986 — Л. А. Сараджева. Армяно-славянские лексико-семантические параллели (сравнительно-историческое исследование генетически общей лексики). Ереван: Изд-во АН АССР, 1986. [L. A. Saradzheva. *Armiano-slavianskie leksiko-semanticheskie paralleli (sravnitel'no-istoricheskoe isledovanie geneticheski obshchei lek-siki)* [Armenian-Slavic semantic parallels (comparative historical studies of the inherited common lexicon)]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ASSR, 1986.]
- Schmalstieg 1961 — W. R. Schmalstieg. The Lithuanian Preterite in *-ė* // *Lingua* 10, 1961. P. 93–97.
- Schmidt 1978 — G. Schmidt. *Stammbildung und Flexion der indogermanischen Personalpronomina*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1978.
- Schmidt 1986 — G. Schmidt. Zum indogermanischen *s-Futur* // A. Etter (ed.). *o-o-pe-ro-si*. Festschrift Risch. Berlin — New York: De Gruyter, 1986. P. 33–59.

- Schmitt 1981 — R. Schmitt. Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1981. (2., durchgesehene Auflage. Innsbruck: Institut für Sprachen und Kulturen der Universität Innsbruck, 2007.)
- Schumacher 2004 — S. Schumacher. Die keltischen Primärverben: ein vergleichendes, etymologisches und morphologisches Lexikon. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen, 2004.
- Schwyzler 1939 — E. Schwyzler. Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. Erster Band: Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung, Flexion. München: Beck, 1939.
- Seebold 1970 — E. Seebold. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. La Haye — Paris: Mouton, 1970.
- Simon 2008 — Z. Simon. Zur Geschichte des lat. *sum* // Gh. Viré (ed.). Autour du lexique latin. Communications faites lors du XIIIe Colloque international de linguistique latine (Bruxelles, avril 2005). Bruxelles: Latomus, 2008. P. 267–281.
- Solta 1960 — G. R. Solta. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Vienne: Mékhitaristes, 1960.
- Sommer 1977 — F. Sommer. Schriften aus dem Nachlass (ed. B. Forssman). München: Kitzinger, 1977.
- Soubiran 1966 — J. Soubiran. L'élision dans la poésie latine. Paris, Klincksieck, 1966.
- Stang 1966 — Ch. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo: Universitetsforlaget, 1966.
- Szemerényi 1987 — O. Szemerényi. Scripta minora. II. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, 1987.
- Szemerényi 1996 — O. Szemerényi. Introduction to Indo-European linguistics. Oxford: University, 1996.
- Tedesco 1945 — P. Tedesco. Persian *čīz* and Sanskrit *kīm* // Language 21, 1945. P. 128–141.
- Townsend, Janda 1996 — Ch. E. Townsend, L. A. Janda. Common and Comparative Slavic Phonology and Inflection. Columbus, OH: Slavica, 1996.
- Trautmann 1910 — R. Trautmann. Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1910.
- Vaillant 1947a — A. Vaillant. Lituanien *be-*, slave *bě* // Revue des études slaves 23, 1947. P. 151–152.
- Vaillant 1947b — A. Vaillant. Vieux-slave *otŭvě* 'il répondit' // Revue des études slaves 23, 1947. P. 152–155.
- Vaillant 1966 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Tome III: Le verbe. Paris: Klincksieck, 1966.

- Vine 2008 — B. Vine. Back to the future: 'yesterday' (and 'tomorrow') in Indo-European // *Indo-European Studies Bulletin* 12/2. P. 13–23.
- Viredaz 2001–2002 — R. Viredaz. Contractions et place de l'accent en ancien arménien // *Revue des études arméniennes*, nouvelle série 28, 2001–2002. P. 1–11.
- Viredaz 2003 — R. Viredaz. Sur le traitement arménien des sonantes voyelles // A. Donabédian, A. Ouzounian (eds.). *Actes du Sixième Colloque international de Linguistique arménienne: INALCO, Académie des inscriptions et belles-lettres, 5–9 juillet 1999* (Slovo 26–27, 2001–2002), Paris: INALCO, 2003. P. 24–36.
- Viredaz 2004–2005 — R. Viredaz. Notes on Armenian historical phonology I // *Annual of Armenian Linguistics* 24–25, 2004–2005. P. 85–103.
- Viredaz 2005–2007 — R. Viredaz. Notes d'étymologie arménienne I // *Revue des études arméniennes*, nouvelle série 30, 2005–2007. P. 1–14.
- Viredaz 2008 — R. Viredaz. *erêc*': deux problèmes de phonétique historique // Communication à la 11e Conférence Générale de l'Association Internationale des Études Arméniennes, Paris, 9–12 September 2008. (<http://aiea2008paris.free.fr/papers/Viredaz.pdf>)
- Viredaz 2011 — R. Viredaz. Indo-European final **-Ts* and accent placement in Armenian // Communication à la 12e Conférence Générale de l'Association Internationale des Études Arméniennes (Budapest, octobre 2012), texte final en préparation.
- Viredaz 2015 — R. Viredaz. Les désinences arméniennes de prétérit singulier actif // Handout de la communication au *Workshop on the Armenian Aorist, 14 mai 2015, Institut de linguistique, Saint-Pétersbourg*. (Première version du présent article.)
- Viredaz 2016–2017 — R. Viredaz. Notes d'étymologie arménienne III // *Revue des études arméniennes*, nouvelle série 37, 2016–2017. P. 1–20.
- Viredaz, à paraître — R. Viredaz. Origine du type *canawt'*, *čanač'em* et questions connexes // IX Conference on Armenian Linguistics (Saint-Pétersbourg, novembre 2012).
- Wackernagel 1906 — J. Wackernagel. Wortumfang und Wortform // *Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*. P. 147–184 (= J. Wackernagel. *Kleine Schriften*. I², 1969, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. P. 148–185).
- Watkins 1969 — C. Watkins. *Indogermanische Grammatik*. Band III, Teil 1: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg: Winter, 1969.
- Watkins 1994 — C. Watkins. *Selected Writings*. Vol. 1. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, 1994.
- Winter 1975 — W. Winter. Die Personalendungen des Imperfekts und Aorists im Armenischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 89/1, 1975. P. 110–122.

Yakubovich 2014 — I. Yakubovich. Reflexes of Indo-European ‘*ē*-statives’ in Old Indic // Transactions of the Philological Society 112, 2014. P. 386–40

II. Varia

Ш. М. Аламшоев

ХГУ им. М. Назаршоева, Хорог

ИНОЯЗЫЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Целью данной статьи является выявление и анализ заимствованных фразеологизмов шугнанского языка с учетом их фонетических и лексических особенностей. Материалом исследования послужили более 7500 фразеологизмов, собранных автором (носителем исследуемого языка) в течение пяти лет на территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Дополнительным материалом послужили фразеологизмы, включенные в [Мирзоев, Карамова 2014], [Карамшоев 1988, 1991, 1999], [Аламшоев 2002, 2007] и в другие источники. Сбор материала проходил в кишлаках Шугнанского и Рошткалинского районов, а также в городе Хорог. Также фиксировались выражения, используемые в речи шугнанцами, прибывшими в Хорог из афганского Бадахшана.

Шугнанский язык входит в восточно-иранскую группу языков. На шугнанском языке общаются между собой представители памирских народностей, проживающие в Хороге — административном центре Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Для части из них родной язык — шугнанский, другие являются носителями других бесписьменных памирских языков. Баджувский вариант шугнанского языка, на котором говорят в селениях Верхнего и Нижнего Баджува Рушанского района Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, отличается некоторыми специфическими особенностями, отличия выявлены и в исчезнувшем барвазском диалекте шугнанского, который тщательно не исследовался.

Сравнительная изолированность Памира способствовала в прошлом сохранению нескольких памирских языков, в число которых входит шугнанский, но ни один из них не может претендовать на «чистоту» своего словарного состава. В основном заимствования в памирские языки пришли из персидско-таджикского, арабского и

русского языков, редко — из английского. Классический персидский язык (позднее — таджикский) с давних пор был средством устного и письменного общения памирцев. После Октябрьской революции таджикский стал официальным и государственным языком Таджикской ССР. В советское время вся политико-воспитательная и культурно-просветительская работа в Горно-Бадахшанской автономной области проводилась на таджикском языке. Повышению статуса памирских языков несколько способствовал Указ ЦИК СССР от 2 января 1925 года, в соответствии с которым Бадахшан был объявлен автономной областью (ГБАО).

В шугнанский язык основная масса заимствований проникла благодаря религиозному влиянию, торговым контактам и миграции. Влияние арабского языка, которое началось в XI веке (в связи с исламизацией), оставалось активным вплоть до вхождения Таджикистана в состав СССР (14 октября 1924). Арабизмы в шугнанском языке относительно хорошо исследованы [Давлатмирова 2004]. В XIII–XIX вв особенно интенсивно осуществлялись заимствования из тюркских языков, а начиная с 1883 года появляется пласт многочисленных заимствований из русского языка, выступающего и сейчас в качестве источника интернационализмов. С другой стороны, персидский (персидско-таджикский) был языком культуры всех народов, говорящих на восточно-иранских языках, это показывают как фольклорные, так и социально-бытовые и ритуальные тексты. На персидский и персидско-таджикский язык переводились и религиозные тексты. Русский и персидско-таджикский языки изменяют состав лексикона не только в шугнанском, но и во всех восточно-иранских языках. В целом процесс культурных влияний в шугнанском языке еще не исследован на должном уровне.

Шугнанский язык богат фразеологизмами, отражающими быт, нравы и жизнедеятельность шугнанцев. Фразеология шугнанского языка нуждается в документировании и тщательном исследовании.

Традиционные фразеологизмы употребляются в основном пожилыми людьми (старше 60 лет) и представителями далеких от города Хорога сел. На их речь почти не повлиял городской смешанный сленг, они используют фразеологизмы в их первоначальном виде и в привычном значении. Молодое поколение использует исконно шугнанские фразеологизмы достаточно редко и

не всегда правильно, в речи молодежи в основном функционируют заимствованные фразеологизмы, кальки или полукальки.

Процесс формирования новых фразеологизмов в шугнанском языке остается неизученным, в частности, из-за его бесписьменного характера. Количество новых фразеологизмов в шугнанском не очень велико, но эти фразеологизмы выполняют две важные функции: во-первых, способствуют сохранению некоторых понятий, отражающих важные события в жизни шугнанского этноса (например, *zarabin widow* 'всевидающий', букв. 'быть Зарубиным' произошло от фамилии известного востоковеда И. И. Зарубина, который жил на Памире и занимался исследованием памирских языков: по рассказам старожилов, он очень внимательно относился ко всему окружающему); во-вторых, они обогащают лексику заимствованиями. Это хорошо ощущается самими носителями шугнанского языка, которые выросли на Памире и живут там.

Если «...выделение слов, заимствованных из арабского (через таджикское посредство), русского и тюркских языков не требует особых усилий, то точное определение таджикского и вообще иранского лексического вклада в памирских языках представляет значительные трудности ввиду генетического родства таджикского (персидского) и памирских языков, с одной стороны, и исторической роли таджикского в условиях многоязычия Бадахшана, с другой» [Карамшоев 1972: 83].

По своему происхождению шугнанские фразеологические единицы можно подразделять на несколько групп, особенности которых рассматриваются ниже.

2. Общеиранские фразеологизмы

Общеиранские фразеологизмы встречаются почти во всех иранских языках. Такие «литературные» фразеологизмы зафиксированы и изучены в персидском [Рубинчик 1981, Пейсииков 1973, Голева 2006 и др.] и таджикском языке [Фозилов 1964; Маджидов 1966, 1982, 1995]. В каждом языке и диалекте общеиранские фразеологизмы имеют свои фонетические и в ряде случаев грамматические особенности.

В шугнанском языке общеиранские фразеологизмы демонстрируют регулярные фонетические соответствия с другими иранскими языками. Так, персидско-таджикскому [b] в ряде слов в

составе некоторых фразеологизмов в шугнанском соответствует [v]: *vud na vud* (ср. тадж. *bud na bud*) ‘было не было’ и др.; персидско-таджикскому [š] в шугнанском соответствует звук [x̌]: *xār-gaxtā* (ср. тадж. *šahr gašta*) ‘мудрый’, ‘объехавший мир’, букв. ‘объехавший города’ и т. д.

3. Исконно шугнанские фразеологизмы

К исконно шугнанским фразеологизмам относятся исторически сложившиеся фразеологизмы, существующие только в шугнанском или в языках шугнано-рушанской группе. Некоторые из них сохраняются лишь в составе поэм, народных сказок, шуток, свадебных и траурных песен, стихов и других фольклорных жанров, а также в речи носителей шугнанского языка в географически изолированных районах (Бартангском, Рошткалинском и Шугнанском). В этих местностях шугнанский язык вообще (это касается не только фразеологизмов) сохраняется лучше, чем в городе Хороге. Самое большое число исконно шугнанских фразеологизмов было собрано в Бартангской, Рушанской, Рошткалинской и в Шугнанской долинах. К ним относятся, например, такие как *čidūm xūz qatīr* (краткая форма *-ti*) ‘какими судьбами’, букв. ‘каким ветром’; *čemen wārven* ‘бесстыжий, нахальный’, букв. ‘глаза кипят’; *poḍand šil dīd* ‘сильно надоедать, досаждать’, букв. ‘колючка в ноге’.

В исконно шугнанских фразеологизмах мы часто встречаем архаические слова, не употребляющиеся в современном языке, или используемые в современной речи, но с другими лексическими значениями. В фразеологизмах они вступают в контакт с более употребительными шугнанскими словами: *be xēm xitêrzak* ‘бесстыжая’, букв. ‘беспокойная звезда’; *qīmb ar qūl* ‘исчезать навсегда’, букв. ‘камешки в озеро, пруд’ и др.

После распада СССР и гражданской войны в Таджикистане отмечено появление ряда новых фразеологизмов, отражающих переориентацию культурных контактов. На Памир стало приезжать много иностранных представителей международных организаций и просто туристов. Большинство из них были немцами, и выражение *as Čīn to Olmūn* (букв. *Германия*) появилось в этот период (во время существования Советского Союза употребляли не *Олмон*, а *Германия*, не *Чин*, а *Китай* или *Хитой*). Постепенно

понятие «иностранец» стало выражаться обобщенным словом *Олмон*, а понятие «множество» — *Чиной*.

4. Заимствованные (нео-)фразеологизмы

К этой группе относятся фразеологизмы, которые семантически и грамматически не меняются. Они вошли в шугнанский язык в «готовом» виде. Их конструкция остается неизменной, только фонетические особенности могут отличать их от фразеологизмов в языке-доноре (см. таблицу 1).

Таблица 1. Заимствованные (нео-)фразеологизмы

Шугнанский	Перевод	Язык-донор
<i>ar ċi bodo bod</i>	‘пусть будет все как есть (будет)’, букв. ‘то что есть будет’	персидско- таджикский
<i>terra incognita</i>	‘нечто неизвестное’, букв. ‘неизвестная земля’	латинский
<i>prāvaya rukā</i>	‘ближайший помощник’, букв. ‘правая рука’	русский

5. Фразеологические кальки

К этой группе относятся фразеологизмы, которые переводятся из других языков на шугнанский и имеют тождественную или сходную семантику в другом языке (см. таблицу 2).

Таблица 2. Фразеологические кальки

Шугнанский	Перевод	Язык-донор
<i>as aql begūnā sitow</i> букв. ‘не дружить с умом’	‘глупеть, терять способность здорово мыслить’	тадж. <i>Аз ақл бегона шудан</i> <i>шудан</i> заменяется на шугнанское <i>sitow</i> , <i>aql</i> из араб. <i>aql</i> ‘ум’
<i>pažar na-sudj</i>	‘успеется, нет никаких причин торопиться’, букв. ‘пожар не начался’	рус. <i>пожар</i>
<i>ačot xurd dēdow</i>	‘давать себе отчёт’	рус. <i>давать себе отчёт</i>

Н. М. Шанский применительно к аналогичным случаям заимствования фразеологизмов отмечал, что «значение, которое в данный момент является для него характерным, его состав и структура далеко не всегда совпадает с теми, которые были свойственны ему в момент появления в языковой системе» [Шанский 1996: 152].

6. Фразеологические полукальки

В фразеологических полукальках, калькируется структура иноязычного фразеологизма, при этом, часть лексики заимствуется из языка-донора и вступает в контакт с общеизвестными шугнанскими словами, в результате чего появляются новые устойчивые фразеологизмы. Встречается много таких фразеологизмов, пришедших из арабского, русского и других языков. В основном иноязычные слова в шугнанском контексте переосмысливаются и адаптируются (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Фразеологические полукальки

Шугнанский	Перевод	Язык-донор
<i>dīplamāt widow</i>	‘красиво обходиться с людьми’, букв. ‘быть дипломатом’	рус. <i>дипломат</i> (французский через русский)
<i>sāf at-sufrā</i>	‘дорожные съедобные продукты’, букв. ‘форма хлеба и дастархан’	ثفرة [sufrā] (араб. ‘дастархан’)

На Памире люди в основном смотрят российские телевизионные каналы, поэтому русские слова часто вытесняют шугнанские, что приводит к включению заимствованных лексических элементов в калькируемые фразеологизмы.

В составе фразеологических заимствований, калек и полукалек целесообразно обратить внимание на такие подтипы, которые могут быть выделены с учетом языка-источника.

6.1. Арабизмы

Шугнанские фразеологизмы арабского происхождения или же содержащие отдельные арабские слова: *as xu taraf fāmtat* ‘как будто все должны ему’, ‘все должны ему помогать, а он нет’,

букв. ‘не знает со своей стороны’ (от араб. طرف [taraf], ‘сторона’); *as ziryot yi barakat* ‘принести добро (воспитанные дети приносят добро (радость)’, букв. ‘от детей одна благодать’, (от араб. درية [diryatun]), ‘знакомство’, ‘знание’, ‘род’, ‘дети’); *waxt yanīmat* ‘время дорого’, букв. ‘время нужно’ (араб. وقت [waqt, waqat], ‘время’, ‘период’.

Арабские фразеологизмы не так часто заимствовались напрямую, первопричиной чего была изоляция памирских языковых территорий от внешнего мира. Большое количество слов и словосочетаний заимствовалось сначала через персидский литературный, позднее — через таджикский литературный язык. Ислам распространяется на Памире (в форме исмаилизма) сравнительно поздно. Миссионеры и халифы были персоязычными, и все общественно-религиозные мероприятия осуществлялись на персидско-таджикском языке (например, Носири Хусрав¹ свои проповеди совершал на фарси). Проблемы фонетической адаптации арабизмов детально рассматриваются в [Давлатмирова 2004]).

6.2. Тюркизмы

В составе шугнанского языка встречаются и фразеологизмы, содержащие заимствования тюркского происхождения. Их фонетические особенности незначительны: тюркский [ü] меняется на [i], [ū] или [w], а [γ] на [q]. Исконные тюркские слова во фразеологизмах шугнанского языка в большинстве случаев теряют первоначальное значение. (Более подробно о лексических заимствованиях см.: [Давлатмирова 2004]). Примеры: *siroq no-čīdow* ‘не признавать кого-то’ (т. *süroy* ‘искать’); *xu tuqum diga čīdow* ‘не признавать кого-то’ (т. *tüqum* ‘сбруи’); *wiloy vidow* ‘быть богатым’ (т. *üloy* ‘крупный скот, лошади’); *wilaw yatow* ‘много гостей, людей’ (т. *ülov* ‘лошади’); *usmā δēdow* ‘наряжаться’ (т.

¹ Носир Хусрав таджикский и персидский поэт философ, религиозный деятель, и автор многочисленных книг. В 1045-1052 годах совершил путешествие по Ближнему Востоку, паломничество в Мекку и Иерусалим. Несколько лет, провёл в Каире. По возвращении на родину проповедовал Исмаилизм в Хоросане, Нишапуре, Табаристане, а также в Балхе, откуда был изгнан. Остаток жизни провел в долине Йумгон в Бадахшане.

iisma ‘название растения’); *wilang wêxtow* ‘лениться’ (т. *üläng* ‘луг’); *qış widow* ‘быть гостем’ (т. *qış* ‘временное место жительства’). *qışloqi widow* ‘быть несовременным’ (т. *qishloq* ‘кишлак’).

6.3. Русизмы

Из русского языка в шугнанский заимствовано очень много слов. Многие из них зафиксированы в словарях Д. Карамшоева, М. Аламшоева, Ш. Мирзоева. В основном это общественно-политические термины, названия предприятий, учреждений, организаций и профессий, термины делопроизводства и юридические термины, названия орудий производства и термины, связанные с колхозным строительством (примеры см.: [Карамшоев 1972: 94–96]). Русские слова часто используются в обычном разговоре, особенно среди молодежи в г. Хороге. Люди, которые приходят из деревень Шугнанского, Рошткалинского и Рушанского районов, поначалу используют мало заимствованной лексики, позже, под влиянием носителей молодежного сленга, обогащают свою речь адаптированными заимствованиями. Молодые люди, говорящие на более чистом шугнанском языке, с точки зрения жителей Хорога и других районов считаются отсталыми. На примере, взятом из социальной сети, хорошо прослеживается процесс русификации (из 148 слов 29 русских)². Русские слова в составе

² Ср. текст (Шараф Ватаниев:) «*Мурд дис хахь интересно ям маш мардум чизард русите гап дьид. Неужели ху зивам дондард ринухъч чисто хугъноните гапдъед навардьям. Маш бояд категорически руси калимаен тар ху зив добавить макинам. Узта никогда ху зив наринесумат по возможности та кадимми гапен га изучатум. Маш бобенен йеда ху зивти гап дьодат руси калимаен абсолютно тар ви алалаш начуд. Дончат вадьен ху зив ценить чуд. Вадьен достойный одамен вад. Ат ям нур мардум дис хахь обрусевший судьч, элементарно простой помери калимаен нафамт. Можно подумать, маш никак бе руси зив набафам. Тар Москов ат Душанбе мис арчай гулла ца судьч бона макет ху зиве ринухъч. Арчирд надо цавед йута добиваться кихът. Уз икви одам уважатум йу арчо мис цасод конкретно ху зивте накли кихът. Йид нур рузанд конкретный проблемаят маш бояд по любому дам решатам. Особенно ям молодёжь бояд девенти диккат дьид. Дончат маш зиват маш культура в будущем мев мидьуст*». Источник: закрытая группа “па-

лексики и фразеологизмов шугнанского языка фонетически изменяются:

1) Палатальные согласные заменяются их твердыми коррелятами: *yī-či zašiřat čīdow* ‘поддерживать’, букв. ‘кого-то защищать сделать’.

2) Если русское слово имеет стечение двух согласных звуков, то в шугнанском добавляются гласные звуки, иногда гласный меняется на гласный другого качества: *fuk zilyũuniy sivet* ‘открыть путь’, букв. ‘всюду зелёный свет’.

3) Звук *ы* [y] заменяется на простой [i]: *obični kor* ‘обычная работа’, *večni ik dis-ga* ‘вечно, всегда так’ и др.

4) Звук [o] после мягких согласных меняется в русских заимствованиях на [ũ] (в редких случаях остаётся неизменным): *padyũm zēxtow* ‘достигать перевал’, букв. ‘взять перевал’.

7. Выводы

В шугнанском языке выявлено много фразеологизмов, которые постепенно выходят из употребления. В основном их можно встретить в речи жителей удаленных деревень Памира и людей старшего возраста. Фразеологизмы плохо усваиваются но-

мирские языки, Pamir(ian) languages” в Фейсбуке: Дата обращения: 13.03.2016.

‘Мне так интересно, почему наш народ говорит на русском языке. Неужели мы забыли свой язык, чтобы говорить на чистом шугнанском языке. Мы должны абсолютно исключить русские [заимствованные] слова из своего лексикона. Я никогда не забуду свой язык, а по возможности изучу архаические слова. Наши деды говорили на своем родном языке и абсолютно не употребляли русские слова. Они были достойные люди. Ценили свой язык. А нынешние люди стали совсем обрусевшими, даже не знают элементарные шугнанские слова. Можно подумать, что без иноязычных слов мы никак не можем. Те, которые выросли в Москве и Душанбе, не надо говорить, что вы не владеете языком. Кому надо, тот сможет добиться всего, что захочет. Я уважаю того человека, не важно где он живет, но правильно говорит на своем языке. Сегодня это конкретная проблема, и по-любому мы должны ее решать. Особенно это касается молодежи, они должны обращать внимания на это. Наш язык — наша будущая культура в их руках’.

выми поколениями. Одна из причин заключается в том, что модный хорогский сленг засоряет шугнанский язык. Старые люди умирают, и, как гласит позабытый шугнанский фразеологизм *tar qabār wev xu gatīr yosen* 'они все отвезут с собой в могилу'. Молодые люди не задумываются о том, что слова, ставшие архаизмами, невозможно уже вернуть, они исчезают навсегда. Вот некоторые из них: *ubolgat xu-rd vīdow* 'грешить, взять грех на душу', букв. 'принести себе жалкий', *caq tu yax* 'неуклюжая', букв. 'торчащая сестра', *sa meθ gad* 'в какой-то из дней, в один день', *xu aql-ard soyib sitow* 'вырасти, стать разумнее, взяться за ум', букв. 'стать хозяином своего ума', *ay-at tay* 'все ясно' и др.

Языковые единицы в бесписьменных языках более уязвимы. В письменном языке фразеологизмы обычно зафиксированы, а в бесписьменном, каковым является шугнанский язык, они исчезают бесследно, лишь некоторые сохраняются в географически изолированных местностях, в удаленных от г. Хорога сёлах.

По своему происхождению шугнанские фразеологизмы можно разделить на несколько групп: общеиранские фразеологизмы, собственно шугнанские фразеологизмы, заимствованные фразеологизмы, кальки, полукальки. Среди заимствованной лексики, употребляющейся в фразеологизмах, выделяются арабизмы, тюркизмы, русизмы.

Список условных сокращений

араб. — арабское заимствование; букв. — буквально;
рус. — русское заимствование; т. — тюркское заимствование;
тадж. — таджикское заимствование.

Литература

- Аламшоев 2002 — М. М. Аламшоев Отраслевой словарь шугнанского языка (животноводство). СПб.: Наука, 2002. [M. M. Alamshoev Otrasleyvoi slovar' shugnanskogo iazyka (zhivotnovodstvo) [A specialized dictionary of Shugni language (cattle-breeding)]. St. Petersburg: Nauka, 2002].
- Аламшоев 2007 — М. М. Аламшоев. Шугнанская животноводческая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Душанбе: Ин-т гуманитарных наук АН РТ, 2007. [M. M. Alamshoev. Shugnanskaia zhivotnovodcheskaia leksika v etno-

- lingvisticheskom i sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii [Shughni livestock vocabulary in ethno-linguistic and comparative-historical interpretation]. Dushanbe: Institut gumanitarnykh nauk AN RT, 2007].
- Аламшоев, Карамшоев 2000 — М. М. Аламшоев, Д. Карамшоев. *Xuḡnūni ziv* — грамматика шугнанского языка на шугнанском языке. Хорог: Памир, 2000 [M. M. Alamshoev, D. Karamshoev. *Khuḡnūni ziv* — grammatika shugnanskogo iazyka na shugnanskom iazyke [Shughni grammar in Shughni language]. Khorugh: Pamir, 2000].
- Голева 2006 — Г. С. Голева. Фразеологическая система современного персидского языка. М.: Муравей, 2006. [G. S. Goleva. *Frazeologicheskaia sistema sovremennogo persidskogo iazyka* [Phraseological system of the Modern Persian language]. Moscow: Muravei, 2006].
- Давлатмирова 2004 — М. Б Давлатмирова. Особенности арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы в сравнительно-сопоставительном освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2004. [M. B Davlatmirova. *Osobennosti arabских zaimstvovannykh slov v iazykakh shugnano-rushanskoi gruppy v sravnitel'no-sopostavitel'nom osveshchenii* [Features of Arabic borrowed words in the languages of the Shughnan-Rushan group in comparative interpretation]. PhD Thesis. Dushanbe: Tadzhiiskii gosudarstvennyi universitet, 2004].
- Карамшоев 1972 — Д. Карамшоев. О специфике заимствованных слов в памирских языках // *Забонҳои помирӣ ва фольклор*. Душанбе: Дониш, 1972. С. 83–97 [D. Karamshoev. *O spetsifike zaimstvovannykh slov v pamiirskikh iazykakh* [On the specificity of the borrowed words in Pamir languages] // *Zabonkhoi pomiri va fol'klor*. Dushanbe: Donish, 1972. S. 83–97].
- Карамшоев 1988, 1991, 1999 — Д. Карамшоев. Шугнано-русский словарь. М.: Наука, Т. 1, 1988; Т. 2, 1991; Т. 3, 1999. [D. Karamshoev. *Shugnano-russkii slovar'* [Sughni-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, Part 1, 1988; Part 2, 1991; Part 3, 1999].
- Маджидов 1966 — Х. Маджидов. Некоторые вопросы фразеологии современного таджикского языка // *Сборник работ аспирантов (Тадж. ун-т.)* 4, 1966. С. 75 – 91. [Kh. Madzhidov. *Nekotorye voprosy frazeologii sovremennogo tadjhikskogo iazyka* [Some issues of the modern Tajik phraseology] // *Sbornik rabot aspirantov (Tadzhikskii universitet)* 4, 1966. S. 75–91].
- Маджидов 1982 — Х. Маджидов. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1982. [H. Madzhidov. *Frazeologiiabi zaboni hozirai tojik* [Phraseological system of the modern Tajik language]. Dushanbe: Irfon, 1982].

- Маджидов 1995 — Х. Маджидов. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Душанбе: Таджик. гос. ун-т., 1995. [Kh. Madzhidov. Frazеologicheskаia sistema sovremennogo tаdzhikskogo literaturnogo iazyka [Phraseological system of the Modern Tajik language]. PhD Thesis. Dushanbe, Tаdzhikskii gosudarstvennyi universitet, 1995].
- Мирзоев, Карамова 2014 — Ш. Мирзоев, И. Карамова. Краткий словарь фразеологических единиц шугнанского языка и их эквиваленты в русском языке. Хоруг, 2014. [Sh. Mirzoev, I. Karamova. Kratkii slovar' frazeologicheskikh edinit' shughnanskogo iazyka i ikh ekvivalenty v russkom iazyke [The concise dictionary of Shughni phraseological units and their equivalents in the Russian language]. Khorugh, 2014].
- Пейсиков 1973 — Л. С. Пейсиков. Очерки по словообразованию персидского языка. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. [L. S. Peisikov. Ocherki po slovoobrazovaniuu persidskogo iazyka [Essays on phraseology of the Persian language]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1973].
- Рубинчик 1981 — Ю. А. Рубинчик. Основы фразеологии персидского языка. М.: Наука, 1981. [Yu. A. Rubinchik. Osnovy frazeologii persidskogo iazyka [The Outlines of the Persian phraseology]. Moscow: Nauka, 1981].
- Фозилов 1963, 1964 — М. Фозилов. Фарҳанги ибораҳои рехта. Душанбе: Дониш, Т. I, 1963; Т. II, 1964. [M. Fozilov. Farhangi iborahoi rekhta [Dictionary of the Idioms of the Modern Tajik language]. Dushanbe: Donish, T. I, 1963; T. II, 1964].
- Шанский 1996 — Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1996. [N. M. Shanskii. Frazeologiiа sovremennogo russkogo iazyka [Phraseology of the modern Russian language]. St. Petersburg: Specialnaya literatura, 1996].

В. А. Бондарь

СПбГУ, Санкт-Петербург

СЕМАНТИКА ПЕРФЕКТА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ

1. Вводные замечания

Перфект является одной из тех категорий, которые ставят перед исследователями трудноразрешимые вопросы. Считается, что перфект диахронически нестабилен и «...обнаруживает множество нетривиальных моделей постперфектного развития» [Плунгян 2016: 8]. При всем этом, однако, английский перфект выбивается из общей эволюционной картины: со среднеанглийского периода он проявляет относительную стабильность, постоянно находясь в функциональном противопоставлении с претеритом.

Как известно, в целом, в современном английском языке выделяются следующие значения презентного перфекта (подробнее см. в [Werner 2014; Davydova 2011; Comrie 1976]):

- (1) Результативное
I have completed my task.
‘Я **выполнил** свое задание’.
- (2) Экспериенциальное
I have never been to Japan.
‘Я **никогда не был** в Японии’.
- (3) Континуативное (универсальное)
He has been in London since yesterday.
‘Он **находится** в Лондоне **со вчерашнего дня**’.
- (4) Иммедиатное
I have just arrived.
‘Я **только что прибыл**’.
- (5) Новостное
The president has resigned.

‘Президент **подал в отставку**’.

Однако в американском варианте современного английского языка с такими темпоральными наречиями как, например, *already* ‘уже’, *yet* ‘уже’, *just* ‘только что’, *recently* ‘недавно’, *lately* ‘в последнее время’ вместо ожидаемого перфекта используется претерит:

(6) *I have already done it.*

‘Я уже сделал это’. (британский английский)

(7) *I already did it.*

‘Я уже сделал это’. (американский английский)

Как будет показано в работе, примеры типа (7) фиксируются и в британском английском, но как результат влияния американского варианта.

В целом, между двумя вариантами английского языка в области синтаксиса, как отмечает А. Д. Швейцер, «...наблюдаются различия как в дистрибуции (лексически обусловленной) конструкций в целом, так и их отдельных компонентов» [Швейцер 1971: 104]. Но констатация вариативности не решает главный вопрос: почему в контекстах аналогичных примеру (7) в американском английском, как правило, употребляется претерит? Этой теме и посвящена данная работа. Следуя за А. Д. Швейцером, который выделяет три уровня социальной оценки языковых форм с точки зрения их приемлемости для разговорной литературной речи («суперстандарт», «стандарт», «субстандарт») [Швейцер 1995: 15–16], для анализа мы выбрали те формы, которые являются стандартными для разговорного литературного языка и приемлемыми для неформального стандартного английского: письма и сериалы. Изменения, которые могут происходить в рамках неформального стандартного английского, будут неприемлемы для кодифицированного литературного языка («суперстандарта») и наоборот, диалектные и социально-стигматизированные формы «субстандарта» едва ли будут иметь шансы проникнуть в «стандарт».

Для выявления общих и отличительных черт в употреблении перфекта в британском и американском английском за отправную точку мы взяли письма Томаса Говарда графа Арундела (1586–1646) и Джона Чемберлена (1554?–1628). Ранние доступ-

ные нам письма на американском английском относятся к концу XVII в. Основная выборка включает переписку Джона Адамса (с 1762 по 1801 гг.), переписка семьи Стоунов (1818–1867 гг.), письма Марка Твена (1853–1866 гг.), послевоенная переписка Томаса Эндрюса Хендрикса (1871–1884 гг.). Таким образом, охваченным оказываются несколько столетий фактически с самого начала развития американского английского вплоть до XX в. Современное состояние изучаемого явления анализируется на материале диалогов из некоторых сериалов: для американского английского выбран сериал «Американская семейка» (*Modern Family*), датируемый 2009–2010 гг., для британского английского — «Моя семья» (*My family*), который создавался на протяжении десятилетия (2000–2011 гг.). Информация по определенным темпоральным наречиям в XX в. для американского английского получена из Корпуса исторического американского английского (*Corpus of Historical American English*). Для более детального представления картины диахронического развития перфекта с некоторыми наречиями использовалась выборка из текста позднесреднеанглийского периода: «Смерть Артура» Томаса Мэлори, который датируется 1470 годом (первопечатное издание Кэкстона — 1485 год). При этом в приводимых в статье примерах сохраняется правописание, которое было характерно для того периода и автора, из текстов (писем) которого они были взяты (например, *alredy* ‘уже’ в примере (12) из письма Дж. Чемберлена или *pocketts* ‘карманы’ в примере (18) из письма Дж. Адамса).

Основу анализируемой выборки составляют контексты, в которых фиксируется как презентный перфект, так и претерит со следующими наречиями: *already* ‘уже’, *yet* ‘уже’, *just* ‘только что’, *lately* ‘в последнее время’, *recently* ‘недавно’, *never* ‘никогда’, *ever* ‘когда-либо’, *once* ‘однажды, единожды’ и *since* ‘с тех пор’. Последний может функционировать как предлог и союз.

Важными для нашего анализа являются сами контексты, в которых фиксируется перфект и претерит. Так, известно, что в английском языке существует запрет на использование презентного перфекта в повествовательных контекстах, в которых, однако, может свободно употребляться претерит. Исходя из данного факта, при составлении выборки примеров мы принимали во внимание разграничение между каноническими и неканоническими видами

коммуникативных ситуаций, предложенное Е. В. Падучевой. Первый тип ситуаций — общение между говорящим и слушающим в речевом дискурсе, «когда говорящему обеспечен синхронный адресат, находящийся в том же месте и в зоне видимости», что позволяет говорящему выполнять всю совокупность возможных функций [Падучева 2001: 3–4]. Ярким примером неканонической ситуации является нарратив, в котором говорящий лишен всей полноты функций, характерных для говорящего в канонической ситуации, что влияет на составляющие элементы языка данных типов ситуаций, режим интерпретации, тип повествования.

Подобное разграничение ситуаций играет значимую роль и при определении временной локализации, в частности, для контекстов данной работы (ср., пример из Падучева 2010: 13 — *В мае 1962 года я уже приехал в Воронеж*, где точка отсчета синхронна состоянию, наступившему с 1962 года, и *Я уже приехал в Воронеж*, где точка отсчета синхронна моменту речи), что дает основания не включать в выборку примеры претеритов в нарративном контексте перечисления прошедших действий, не отражающих результативно-иммедиатные (синхронные моменту речи) события.

Поскольку наше исследование в значительной части относится к сфере диахронии, то примеры на синхроническом уровне, относящиеся к каноническим ситуациям, будут противопоставляться контекстам из неканонических ситуаций, представленных в письменных текстах. Но именно для того, чтобы избежать сравнения разноплановых ситуаций, что априори приведет к искажению результатов, для анализа контекстов на диахроническом уровне мы выбрали тот жанр, который максимально приближен к каноническим коммуникативным ситуациям, а именно, письма. В письмах автор как бы имитирует ситуацию общения с адресатом, обращается к своему собеседнику и проявляет себя в семантике дейксиса.

- (8) *My dear Portia...I don't know whether you **have yet heard of** our arrival.*

‘Моя дорогая Портия...Я не знаю, **слышала** ли ты **уже** о нашем приезде’. (Письмо Джона Адамса Эбигейл Адамс, Париж, 24 марта 1780).

- (9) *My dearest Friend, I have not yet seen the work from whence the inclosed extracts were made.*

‘Мой дорогой друг, я **еще не видел** работу, на основании которой были сделаны вложенные выдержки’. (Письмо Джона Адамса Эбигейл Адамс, Амстердам, 21 октября 1781).

В примерах (8) и (9) непосредственное обращение к адресату с указанием выполнения/невыполнения действия связано с точкой отсчета в момент речи: *have yet heard* и *I have not yet seen* моделируют в языковом плане речевой дискурс (каноническую ситуацию). Вышеприведенные примеры с точки зрения использования временных форм перфекта и/или претерита (в рамках временной локализации) ничем не отличаются от следующих примеров, взятых из современного сериала *Modern Family*:

- (10) *Well, I didn't turn the oven on yet.*

‘Ну, я **еще не включил** микроволновку’.

- (11) *Hi. Hey, uh, did you, uh, show her my gift yet?*

‘Привет. Послушай, эм, ты **уже**, эм, **показал** ей мой подарок?’

Таким образом, мы считаем вполне возможным сравнение употребления перфектных и претеритных форм в выбранных нами текстах писем (диахронический уровень) с использованием тех же временных форм в контекстах непосредственного речевого дискурса современных сериалов (синхронический уровень).

В данной работе для объяснения расхождения в употреблении перфекта между американским и британским вариантами на современном этапе их развития основное внимание будет сосредоточено на иммедиатном значении презентного перфекта. В диахронической перспективе приводятся данные по некоторым другим значениям, находящимся не в фокусе анализа нашего исследования (экспериментальное, континуативное значения).

2. Обзор предыдущих исследований

Как уже неоднократно отмечалось в различных исследованиях, несмотря на определенную стабильность, частотность употреблений перфекта в диахронической перспективе, в американском английском, падает [анализ работ см. в Elsness 1997: 251 et passim]. Естественно, в функциональном плане потенциаль-

ные лакуны заполняются претеритом, что в целом вырисовывается в тенденцию вытеснения (по крайней мере, в определенных контекстах) перфекта претеритом (в отличие от магистрального пути, представленного, например, немецким перфектом). Каким образом интерпретируют данную тенденцию?

Поскольку американский английский в своем развитии представляет собой некий скачок – отрыв от британского английского, логично предположить, что «наступление» претерита в перфектную сферу является отражением тех функциональных особенностей, которые были характерны для ранненовоанглийского. Иными словами особые характеристики функциональной дистрибуции между перфектом и претеритом законсервировались вследствие так называемого «колониального отставания» (*colonial lag*) американского английского. Однако данная гипотеза полностью опровергается в работах Й. Элснеса, в которых представлено, пожалуй, наиболее детальное исследование особенностей развития перфекта в американском английском [Elsness 1997; 2009]. На материале количественных данных автор убедительно показывает, что вплоть до XVIII в. перфект в американском английском развивался так же, как и в британском варианте. Спад частотности наблюдается позднее и не связан с консервацией архаичных функциональных характеристик в дистрибуции перфекта и претерита [Elsness 2009: 231, 235 et passim]. Причину функциональной экспансии претерита автор видит в редукции формальных и функционально-семантических различий между причастной формой перфекта и формой претерита: в речи использование сокращенных форм перфекта приводит к ослаблению вспомогательного глагола и формальному совпадению форм претерита и прошедшего причастия. Усиление процесса спада в частотности перфекта, фиксируемого в последние десятилетия в британском английском, связывается с влиянием американского варианта [Elsness 2009: 245]. Влияние форм регулярных глаголов на нерегулярные и аналогическое встраивание последних в разговорной речи по модели форм претерита вполне возможно, но, здесь возникает вопрос из сферы диахронии: почему процесс вытеснения перфекта претеритом в результативно-иммедиатных контекстах в американском английском происходит в начале XX в., если он мог протекать на протяжении всей его истории, начиная с

XVII в.? На этот вопрос выдвинутая Й. Элснессом гипотеза не сможет дать ответ.

Ставя под сомнение функциональное морфосинтаксическое объяснение, предложенное Й. Элснессом, М. Хундт и Н. Смит рассматривают вариативность претерита и перфекта в контекстах с темпоральными наречиями, сигнализирующими текущую релевантность, как один из примеров относительно стабильного сосуществования различных грамматикализационных слоев видовременной системы английского языка [Hundt, Smith 2009: 58]. Однако, как мы полагаем, при таком подходе за скобки выносятся механизмы пересечения или функционально-семантическая подвижность элементов (слоев) в рамках более крупной системы, такой как видовременная, что ослабляет объяснительную силу выдвинутого авторами предположения.

Иной подход к анализируемому явлению предпринят в работах С. Яо. Автор полагает, что в основе сокращения употребления перфекта лежит процесс ослабления ассоциации презентного перфекта с результативными контекстами и его дальнейшее усиление с нерезультативными контекстами «расширенного настоящего» [Yao 2014; 2015]. Тенденция к сокращению употребления перфекта с переходными глаголами, в семантике которых присутствует сема непосредственного результата, таких как *break*, *kill*, *lose*, *arrive*, связана с продолжающимся процессом грамматикализации перфекта, в ходе которой происходит функциональная реконфигурация [Yao 2014: 322–325]. При этом по-прежнему без объяснений остается вопрос, почему данный процесс возник именно в американском английском и именно на определенном этапе его развития.

3. Анализ данных

Для удобства анализа мы сначала рассмотрим употребление перфекта и претерита в британских письмах конца XVI – начала XVII вв. Затем проанализируем особенности распределение форм в американском английском. И, наконец, сравним употребление перфекта в современном британском и американском английском. Хотя презентный перфект и предпрошедшее время (*past perfect*) различаются по ряду признаков, в наш анализ мы также включили примеры с предпрошедшим временем, по-

скольку важным является наличие у них общих семантических и прагматических компонентов (завершенность, результативность и текущая релевантность).

Таблица 1. Дистрибуция перфекта и претерита в письмах XVI–XVII вв. (британский английский)

наречие/ автор	Арундел		Чемберлен	
	Количественные данные			
	Перфект	Претерит	Перфект	Претерит
<i>already</i> ‘уже’	4	0	6	2
<i>never</i> ‘никогда’	8	21	0	13
<i>ever</i> ‘когда-либо’	1	9	0	5
<i>yet</i> ‘уже’	—	—	12	0
<i>since</i> ‘с тех пор’	33	9	22	7
<i>once</i> ‘однажды’	—	—	1	3

Ряд наречий вследствие ограниченности корпуса для данного периода оказались недоступны, но будут рассмотрены в последующих периодах (например, *lately*, *recently*, *just*). Информация, представленная в Таблице 1, дает представление о дистрибуции перфекта и претерита с указанными наречиями. Важно отметить, что с *already* и *yet* используется перфект. Однако *already* не всегда сигнализирует завершенность и результативность действия: семантика наречия, указывающая на существование чего-либо до определенного момента в прошлом, естественным образом сочетается с претеритом таких глаголов состояния, как *be*, *exist*, *know* и др.

- (12) *He is so ill satisfied of some that **have** government there **alredy**, as namely of Sir Thomas Maria Wingfield and others, that it is thought he will make a cleane riddaunce, and displace most of them.*

‘Он настолько недоволен некоторыми, у которых **уже есть** там правительство, в частности, сэром Томасом Марией Уингфилдом и другими, что, как считают, он проведет хорошую чистку и заменит многих из них’. (Письма Чемберлена, стр. 36, письмо 14, 3 января 1598).

В таких контекстах претерит от данных глаголов с наречием описывает ситуацию существования в определенное прошлое

время. С наречиями, которые предполагают использование перфекта в экспериенциальном значении (*never* и *ever*), проявляется явная тенденция к употреблению претерита. С *since* в главном предложении преобладает перфект, как и в современном английском.

- (13) *⟨...⟩ and in all probabillity would have given as good an account of them selves as **ever** any army **did** ⟨...⟩.*

‘⟨...⟩ и со всей вероятностью проявила бы себя с хорошей стороны так, как ни одна армия этого **никогда не делала** ⟨...⟩.’ (Письма Арундела, стр. 468).

- (14) *We **have received** no word from you in England since we **came** thence ⟨...⟩.*

‘Мы не **получали** ни слова от вас в Англии с тех пор, как мы оттуда **прибыли** ⟨...⟩.’ (Письма Арундела, 1636, стр. 365).

Рассмотрим теперь данные дистрибуции перфекта и претерита в письмах, написанных на американском английском.

Таблица 2. Дистрибуция перфекта и претерита в американском английском (XVII–XIX вв.)

Наречие	Период / автор					
	XVII в.		XVIII в.		XIX в.	
	Сеуолл, Смит		Адамс		Твен, Хендрикс, Стоуны	
	Количественные данные					
	Перфект	Претерит	Перфект	Претерит	Перфект	Претерит
<i>already</i> ‘уже’	32	1	20	0	24	2
<i>never</i> ‘никогда’	1	1	28	112	51	84
<i>ever</i> ‘когда-либо’	0	2	18	92	28	75
<i>yet</i> ‘уже’	—	—	53	3	35	0
<i>just</i> ‘только что’	—	—	21	1	48	1
<i>since</i> ‘с тех пор’	4	0	101	12	96	3
<i>once</i> ‘однажды’	—	—	6	19	7	14
<i>recently</i> ‘недавно’	—	—	—	—	3	0
<i>lately</i> ‘в последнее время’	—	—	21	8	10	5

Как и в Таблице 1 вследствие ограниченности корпуса данные по некоторым наречиям отсутствуют, что, однако, не влияет, как мы увидим далее, на общую картину развития семантики перфекта. Сравнивая данные двух таблиц, можно сделать вывод, что на протяжении ряда столетий американский английский продолжает тенденции в дистрибуции перфекта и претерита характерные для ранненовоанглийского периода. Так, перфект имеет явное предпочтение перед претеритом с такими наречиями, как *already* и *yet*.

- (15) *My dear sister, I **have already written** two letters within the last two hours <...>.*

‘Моя дорогая сестра, я **уже написал** два письма в течение последних двух часов <...>.’ (Письма Твена, Филадельфия, 5 декабря 1853).

- (16) *I judge you **haven’t received** my new book **yet** — however, you will in a day or two.*

‘Я полагаю, ты **еще не получила** мою новую книгу, тем не менее, ты ее получишь через день или два.’ (Письма Твена, Хартфорд, 1881).

Примеры (15) и (16), в которых используется перфект, относятся к разным годам — 1853 и 1881 — и охватывают период в 30 лет.

С *since* также превалирует перфект.

- (17) *<...> and for John Stones part I **have not herd** from him but one time **since I left** him <...>.*

‘<...> и что касается Джона Стоуна, я **не получал новостей** от него, за исключением одного раза, **после того как я уехал** <...>.’ (Письма Стоунов, 20 августа 1826).

Примеры (15) и (16) демонстрируют тенденцию, которая остается общей для обоих вариантов английского языка вплоть до XX в.

Кроме того, мы полагаем, что американский английский сохраняет тенденцию в использовании претерита с *never* и *ever*, которая восходит к среднеанглийскому периоду. В качестве иллюстрации (Таблица 3) мы приводим данные из «Смерти Артура» Томаса Мэлори, в котором широко используется перфект, что

делает данный текст вполне репрезентативным для анализа особенностей употребления перфекта и сравнения его функциональных особенностей с претеритом.

Таблица 3. Дистрибуция перфекта и претерита с наречиями *never/ever* в тексте «Смерть Артура» (конец XV в.)

Наречия	Претерит (диалоги)	Претерит (повествование)	Перфект (диалоги)	Перфект (повествование) только past perfect
<i>ever</i> 'когда-либо'	166	80	1	1
<i>never</i> 'никогда'	121	47	4	1

Важным фактом, представленным в Таблице 3, является доминирование претерита с данными наречиями в канонических ситуациях (в диалогах), что разительно отличается от современного британского варианта:

- (18) *For he is one of the noblest knyghtes that **euer** I sawe in a felde handle a spere or a suerd.*

‘Поскольку он один из самых благородных рыцарей, которых я **когда-либо видел** на поле, дерущихся с копьём или мечом’. («Смерть Артура», стр. 748).

- (19) *Thenne said Balyn le Saueage what knyghte arte thou for or now I **found neuer** no knygt that matched me.*

‘Тогда сказал Балин Дикарь: «Что ты за рыцарь? Я **никогда не встречал** рыцаря равного мне’. («Смерть Артура», стр. 97).

В нашем материале вариативность употребления перфекта и претерита с данными двумя наречиями можно проследить в рамках писем одного автора. В качестве примера приведем использование двух временных форм с наречием *never* в письмах Дж. Адамса:

- (20) *I **never saw** Falmouth before with such lean expectations and empty pocketts.*

‘Я **никогда** ранее **не видел** Фалмут с таким скудными ожиданиями и пустыми карманами’. (Письма Адамса, Фалмут, 5 июля 1774).

- (21) *I have never seen it but judge Brown says, against the Name of Andrew Fanuil Phillips, is “Nothing” <...>.*

‘Я **никогда не видел** этого, но судья Браун утверждает, что напротив имени Эндрю Фануила Филлипса стоит «Ничто» <...>.’ (Письма Адамса, Фалмут, 7 июля 1774).

В практически идентичных контекстах с одной и той же глагольной лексемой используются, как мы видим, претерит и перфект. По всей видимости, наречие *never*, как и *before* не привязывается исключительно к претеритальной (прошедшее время) или перфектной (предшествование/антериорность) интерпретации, но совмещает в себе, по крайней мере, в современном английском, способность сочетаться с претеритом и перфектом [McCoard 1976: 138]. В современном британском с *before* в контексте примера (18) предпочтение отдается перфекту.

Анализируя дистрибуцию перфекта и претерита при употреблении с определенными наречиями в среднеанглийский период, Р. МакКоард отмечает, что некоторые наречия, которые имели временную закрепленность в этот период (*never* и *ever*), позднее показывают вариативность в употреблении [McCoard 1976: 245–252]. И хотя автор не исключает возможности влияния французского на особую функциональную демаркацию перфекта и претерита в целом и с данными наречиями в частности, последовательное употребление *never* и *ever*, приведенных в Таблице 3, с претеритом вплоть до XIX свидетельствует о внутриязыковых функциональных особенностях во взаимоотношениях двух категорий (перфекта и претерита). При этом, однако, следует отметить, что количественные данные употребления перфекта и претерита с данными наречиями в современных сериалах практически идентичны (см. данные в Таблице 7). Так, в британском английском с *ever* перфект используется в 71% случаев, а претерит — в 29%, в то время как в американском английском 68% и 32%. Для наречия *never* это распределение сложилось следующим образом: в британском 48% и 52%, в американском 42% и 58%. Несмотря на то, что правилом для британского с

данными наречиями остается употребление перфекта, а для американского — соответственно претерита, мы полагаем, что отсутствие явного предпочтения связано с влиянием американского на британский, что наиболее сильно прослеживается в разговорной речи.

Можно предположить, что выявленные особенности дистрибуции перфекта и претерита объясняются тем, что вплоть до приобретения страной независимости, язык в американских колониях испытывал большое влияние со стороны британского варианта, в котором к этому времени сложился общенациональный наддиалектный стандарт, так называемая экстрацентрическая модель в терминах А. Д. Швейцера, при котором эталоном литературного языка был Лондон [Швейцер 1995: 3–5, 12], оказывавший давление на американский английский.

Еще одним аргументом в пользу влияния британского английского в колониальный период на употребление перфекта является использование форм, которые в эпоху становления стандартного литературного языка в Британии считаются неграмматичными. Так, автор прескриптивной грамматики Р. Лаут осуждает смешение некоторых форм прошедшего и второго причастия при образовании перфекта и простого прошедшего, называя его «очень большим нарушением» (*a very great corruption*) и сожалеет о том, что не только в просторечье, но и в некоторых литературных образцах встречаются такие примеры, как *I have chose* ‘я выбрал’, *you have swam* ‘ты проплыл’, *I had drank* ‘я выпил’ наряду с *he begun* ‘я начал’, *he run* ‘он пробежал’ [Lowth 1794: 82–86]. Отсутствие закрепленной модели употребления перфекта в данной сфере находит отражение в аналогичных примерах в письмах Дж. Адамса:

- (22) *I have rode in the Coaches with Mr. Shaw over Grays Ferry and round by Hamiltons Woodlands over the Upper Ferry home, about ten miles Kiggin says.*

‘Я проехал в дилижансе с господином Шоу по Грейс Ферри и обратно около Гамильтон Вудлендс через Верхний Ферри домой, около десяти миль, как утверждает Киггин’. (Письма Адамса, Филадельфия, 25 декабря 1798).

- (23) *I have wrote several Letters, but whether they have reached you I know not.*

‘Я написал несколько писем, но не знаю, получила ли ты их’. (Письма Адамса, Филадельфия, 18 сентября, 1774).

При этом в ряде других контекстов и с перфектом и в других формах со вторым причастием от глаголов, приведенных в примерах (22) и (23) используются *written* и *ridden*.

Теперь рассмотрим данные по употреблению перфекта в письменных текстах XX в. Для этого воспользуемся Корпусом исторического американского английского, который включает более 400 миллионов слов в текстах, принадлежащих разным периодам, начиная от 1820-ых и заканчивая 2000-ыми. Произведения разделены по жанрам (беллетристика, журналы, газеты, научные книги), результаты по вхождениям выдаются по десятилетиям. В центре внимания теперь будут наречия, которые используются исключительно с имедиатным перфектом: *already*, *yet*, *just*. Основными временными точками будут 1900-е гг., 1950-е гг. и 2000-е гг. Количественные показатели употребления перфекта и претерита с данными наречиями в канонических речевых ситуациях (диалогах) представлены по десятилетиям и отражают примеры, которые выдает корпус по соответствующим запросам. Более подробно будет рассмотрены употребление с данными наречиями перфектных и претеритных форм глаголов *eat* и *do*.

Итак, для наречия *already* мы получили следующую статистику, представленную в Таблице 4.

Таблица 4. Дистрибуция перфекта и претерита с *already* ‘уже’ в американском английском (XX в.)

1900-е	1950-е	2000-е
Перфект — 103 (58,85%)	Перфект — 110 (62,15%)	Перфект — 77 (55,39%)
Претерит — 23 (13,16%)	Претерит — 19 (10,73%)	Претерит — 37 (26,63%)
Претерит (от глагола <i>be</i>) — 49 (28%)	Претерит (от глагола <i>be</i>) — 48 (27,12%)	Претерит (от глагола <i>be</i>) — 25 (17,98%)

Изначальный запрос на использование наречия *already* в корпусе *COHA* выдает следующие результаты: 1900-е — 5427, 1950-е — 7589, 2000-е — 9828. В результате анализа первых 300 вхождений на каждый период были отсеяны примеры с наречием в контекстах, не выражающих действие через претерит или перфект, такие как модальные глаголы, причастные обороты и т.п.: *and two angels straight from heaven could not have stirred my curiosity any more than already must have stirred his* 'и два ангела прямо с небес не могли взбудоражить мое любопытство больше, чем они, должно быть, взбудоражили его любопытство' (отсюда не одинаковое количество примеров: 175, 177 и 139). Однако получены данные, представленные в таблице 4, очевидным образом указывают на рост количества употреблений претерита с наречием *already* в 2000-е гг. При этом в начале века с претеритом употребляются в основном глаголы состояния, например, ментальной деятельности, такие как *know* 'знать', *love* 'любить', *hate* 'ненавидеть', *feel* 'чувствовать', *see* 'видеть', *look* 'смотреть'. Уже в середине века мы встречаем контексты, в которых используются глаголы процессной или начинательной семантики, например, *plunge* 'погружаться', *begin* 'начинаться', *revolve* 'вращаться', *warm* 'согревать', *mitigate* 'смягчать'. Данная тенденция усиливается в 2000-е, когда мы фиксируем употребление претерита с такими глаголами, как *get* 'получать', *do* 'делать', *call* 'звать', 'звонить', *win* 'побеждать', *come* 'приходить', *lose* 'терять', *agree* 'соглашаться', *tell* 'говорить', *say* 'сказать', *take* 'взять', *find* 'искать', *go* 'идти', *make* 'делать' и т.д. Таким образом, с наречием *already* по нашим данным тенденция к употреблению претерита зарождается в середине XX в. и усиливается в 2000-е. Это подтверждается и контекстами сочетания наречия с претеритами от глаголов *eat* 'есть' и *do* 'делать'. Так, вхождение *already ate* 'уже съел' в корпусе дал следующие результаты: 1 пример в 1940-е, 2 в 1970-е, 3 в 1980-е, 4 в 1990-е и 6 в 2000-е (здесь и далее данные по глаголам *eat* и *do* отражают полную выборку для соответствующего десятилетия). Для *already did* 'уже сделал' мы имеем следующую статистику: 3 примера в 1850-е, 2 в 1900-е, 2 в 1910-е, 1 в 1920-е, 2 в 1930-е, 2 в 1950-е, 12 в 1960-е, 5 в 1970-е, 11 в 1980-е, 12 в 1990-е и 22 в 2000-е. Эти данные наглядно демонстрируют тенденцию к употреблению претерита с наречием *already*, которая развивается во второй половине XX в. и усиливается в начале XXI в.

Рассмотрим данные употребления наречия *yet* с перфектом и претеритом.

Таблица 5. Дистрибуция перфекта и претерита с *yet* 'уже' в американском английском (XX в.)

1900-е	1950-е	2000-е
Перфект — 57 (81,43%)	Перфект — 48 (75%)	Перфект — 50 (67,56%)
Претерит — 1 (1,43%)	Претерит — 7 (10,94%)	Претерит — 8 (10,81%)
Претерит (от глагола <i>be</i>) — 12 (17,14%)	Претерит (от глагола <i>be</i>) — 9 (14,06%)	Претерит (от глагола <i>be</i>) — 16 (21,63%)

Изначальный запрос на использование наречия *yet* в корпусе *СОНА* выдает следующие результаты: 1900-е — 14837, 1950-е — 10215, 2000-е — 10926. В результате анализа первых 300 вхождений на каждый период были исключены контексты, в которых *yet* функционирует как союз 'однако, все же' или используется в безглагольных примерах типа *No, not ready yet* 'Нет, еще не готов'. Полученные данные представлены в таблице 5. С наречием *yet* более четко прослеживается тенденция, выявленная при анализе наречия *already*: со второй половины XX в. начинает использоваться претерит в контекстах, в которых ранее употреблялся исключительно перфект. Поскольку *yet* используется в отрицательных и вопросительных контекстах, количественные показатели по вхождениям сочетаний с *yet* в корпусе незначительны.

Наконец, рассмотрим дистрибуцию перфекта и претерита с наречием *just*.

Таблица 6. Дистрибуция перфекта и претерита с *just* 'только что' в американском английском (XX в.)

1900-е	1950-е	2000-е
Перфект — 19 (57,57%)	Перфект — 14 (70%)	Перфект — 10 (43,47%)
Претерит — 14 (42,43%)	Претерит — 5 (25%)	Претерит — 13 (56,53%)
Претерит (от глагола <i>be</i>) — 0 (0%)	Претерит (от глагола <i>be</i>) — 1 (5%)	Претерит (от глагола <i>be</i>) — 0 (0%)

Изначальный запрос на использование наречия *just* в корпусе *СОНА* выдает следующие результаты: 1900-е — 18481,

1950-е — 30073, 2000-е — 52834. В результате анализа первых 300 вхождений на каждый период были исключены контексты, в которых *just* функционирует как частица ‘вот, лишь’. Полученные данные представлены в таблице 6, где в употреблении претерита в середине XX в. прослеживается некий провал, которому предшествовал в начале столетия рост претеритальных контекстов, повторяющийся в 2000-е. Это несколько выбивается из общей картины. Однако, несмотря на то, что иногда довольно сложно различить контексты типа *I have just done* ‘Я только что сделал’ от таких примеров как *I just came to tell you* ‘Я лишь пришел сказать тебе’, где *just* функционирует как частица, наши данные по таким сочетаниям как *just ate* ‘только что съел’ и *just did* ‘только что сделал’ поддерживают общую тенденцию к увеличению примеров с анализируемыми наречиями и претеритальной формой глагола во второй половине XX в.: *just ate* в 1900-е фиксируется 3 раза, в то время как в 1960-е 6 раз, 1980-е 8 раз, 1990-е 16 раз и в 2000-е 10 раз; *just did* показывает еще более яркую статистику — от 9 примеров в 1900-е до 295 в 1990-е и 333 в 2000-е.

Обратимся теперь к данным по дистрибуции перфекта и претерита в текстах сериалов начала XXI в.

Таблица 7. Дистрибуции перфекта и претерита в британском и американском сериалах (XXI в.)

Наречие/Сериал	Моя семья (My Family) британский сериал		Американская семейка (Modern Family) американский сериал	
	Количественные данные			
	Перфект	Претерит	Перфект	Претерит
<i>already</i> ‘уже’	58	4	18	23
<i>never</i> ‘никогда’	112	122	39	54
<i>ever</i> ‘когда-либо’	79	32	45	21
<i>yet</i> ‘уже’	65	2	3	5
<i>just</i> ‘только что’	108	73	9	107
<i>since</i> ‘с тех пор’	65	2	41	2
<i>once</i> ‘однажды’	5	41	1	21
<i>recently</i> ‘недавно’	4	5	2	1
<i>lately</i> ‘в последнее время’	10	0	12	2

Следует отметить, что наши данные дистрибуции форм с наречиями *already*, *yet*, *just* коррелируют с результатами, полученными Й. Элснесом при опросе американских и британских студентов. Так, в контексте *Yes, John is here. I..... (see)....him* ‘Да, Джон здесь. Я...(видеть)...его’ по шкале от 1 (полностью неприемлемо) до 5 (абсолютно нормально) американские студенты поставили 3.4 балла для фразы *have just seen* ‘только что видел’ и 4.7 для *just saw*. У британских студентов эти баллы распределились следующим образом: 4.8 и 3.4 соответственно. Для вопросов *Have you told them the news yet?* ‘Ты уже им рассказал новости?’ и *Did you tell them the news yet?* были получены следующие результаты: американские студенты — 4.8 и 4.3, британские студенты — 4.9 и 1.9. Для наречия *already* (контексты — *Have you finished the book already?* ‘Ты уже закончил книгу?’ vs *Did you finish the book already?*) американские студенты — 4.6 и 4.1, британские студенты — 4.9 и 1.5 [Elsness 2009: 237]. С *just* разрыв в дистрибуции форм между американским и британским английским в тесте Й.Элснеса минимален, однако тенденция вполне очевидна: в американском с данным наречием прослеживается предпочтение претерита, в британском – перфекта. В нашей выборке (см. таблицу 7) данная тенденция проявляется еще более наглядно. С *already* и *yet* американский проявляет значительное отличие от британского.

С наречиями, с которыми используется экспериенциальный и континуативный перфект, количество примеров на употребление претерита в американском и британском незначительно: перфект явно преобладает (см., данные по наречиям *lately*, *since*). Исключением являются контексты с наречиями *never* и *ever*, которые в американском английском продолжают традицию, наблюдавшуюся в позднесреднеанглийском (преобладание претерита) и поддерживаемую, как видно из нашей выборки, на протяжении всей истории развития американского варианта английского языка. В британском английском претерит уступил место перфекту, хотя в последнее время наблюдается рост примеров с употреблением претерита, что мы объясняем американским влиянием.

4. Социолингвистическая ситуация в США

Одним из основных факторов, которые способствовали появлению расхождений в функциональной дистрибуции между перфектом и претеритом в американском английском в отличие от его британского варианта, как мы полагаем, явилась особая лингвистическая ситуация в США. Начиная с колониального периода, в Америку иммигрировали представители различных народностей, носители различных языков. При такой ситуации, когда английский становится вторым (изучаемым, L2) языком, неизбежно возникают процессы языковой интерференции. Прежде чем перейти к анализу этих процессов, остановимся на некоторых особенностях иммиграционного вопроса в США.

По официальным данным с 1820 по 2010 зафиксировано 2 пика иммиграционных волн: 1910–1920 гг. и 2000–2010 гг. Так, если в начале XIX в. общее количество мигрантов составляло 0.1 миллиона, то в период с 80-х XIX в. по 10–20-е XX в. их количество возрастает до 8.7 миллиона (в страну въезжало до полу-миллиона мигрантов в год), а с 80-х XX в. по 2000–2010-е — до 10.5 [Филиппенко 2015: 31, 171]. Соответственно с этим растет и процент мигрантов от населения США: 14.7 в 1910-е с последующим спадом до 4.7 в 1960–1970-е и резким ростом до 12.9 в 2000–2010-е [Филиппенко 2015: 172]. Попутно отметим, что рост иммиграции совпадает с увеличением частотности претерита в контекстах с наречиями *already*, *yet*, *just* (данные в таблицах 4–6).

Теперь обратимся к национальному составу иммиграции. Освоение Северной Америки в XVII–XVIII вв. велось французами, испанцами и англичанами [Филиппенко 2015: 17]. В дальнейшем в XIX в. резко увеличивается количество иммигрантов из Германии: с 1850 по 1930 гг. в США иммигрировали около 7 миллионов человек. В целом, около 50 миллионов в настоящее время входят в данную этническую группу, из них более миллиона владеют немецким языком. Иммиграционные потоки немецкоязычных иммигрантов в Америку, которые первоначально селились в штате Пенсильвания, были настолько сильны, что на определенном этапе немецкий стал одним из наиболее влиятельных языков в стране. По одной из легенд он мог даже приобрести статус официального языка США, если бы петиция с требованием опубликовать законы и на немецком языке, не была откло-

нена Палатой представителей при перевесе всего в один голос (легенда Муленберга). Немаловажную роль в истории США сыграли и выходцы из Голландии. Голландский язык был широко распространен в Америке во времена Революции, вплоть до середины XX в. широко использовался местный диалект, так называемый *Jersey Dutch*, на котором говорили в Нью-Джерси потомки голландских колонистов. Со второй половины XX в. растет число испаноязычных иммигрантов, в частности мексиканцев: от 5,8 миллионов в 1960-е до 50,5 в 2010-е, а также выходцев из Азии, в частности китайцев, вьетнамцев, корейцев: около 3,6 миллионов китайцев на 2006 год. В настоящее время в США из иностранных языков наиболее распространенными являются испанский, китайский, французский, немецкий. Таким образом, создается благоприятная ситуация для языковых контактов.

Как известно, при языковых контактах наиболее заметное влияние прослеживается на лексическом уровне: широкие пласты лексики в американском английском заимствованы из таких языков, как французский, немецкий, голландский [Швейцер 1995: 11–12]. Но и синтаксис американского английского не обошелся без заимствований. Так, предлог *by* во фразе *It's OK (alright, fine) by me* ‘я не против’, вместо ожидаемого *with*, заимствован из идиша, в частности, из песни “Bei mir bist du Schön” (‘Для меня ты красива’), которая звучала в одном из мюзиклов на Бродвее в 30-х годах прошлого столетия и пользовалась большой популярностью [Shapiro 2017: 303]. Еще один пример заимствования связан с немецким языком, из которого в американский английский пришло выражение с фразовым глаголом *sleep in* ‘отоспаться’, развитие которого невозможно объяснить с точки зрения синтаксиса и семантики английского языка. Предполагается, что на возникновение данного фразового глагола повлиял немецкий глагол *einschlaffen* ‘засыпать’, а именно калькирование немецкой приставки *ein* в результате дало послелог *in* [Shapiro 2017: 303].

Тем не менее, в нашем случае, как мы полагаем, речь должна идти не о простом синтаксическом заимствовании (калькировании), поскольку область изменений связана со сложными видо-временными отношениями в грамматически отличающихся друг от друга языках (группе языков). С нашей точки зрения, трансформации, происходящие с перфектом в американском англий-

ском, следует рассматривать как один из результатов языкового сдвига (*language shift*), следствием которого явилась субстратная интерференция (*substratum interference*) [ср. Thomason, Kaufman 1988: 38–39, 110 et passim]. Явления субстратной интерференции возникают в тех случаях, когда группа говорящих, изучающая целевой язык, не овладевает им в совершенстве. Иными словами, источником распространения языкового изменения являются различного рода ошибки при недостаточно совершенном овладении языком, которые в итоге воспринимаются носителями языка как языковые инновации. Субстратными языками являются обычно языки покоренных народов или тех групп, которые находятся в социополитическом подчинении, в частности, иммигрантов [Thomason, Kaufman 1988: 116]. Такого рода изменения в языке-реципиенте начинаются, как правило, не с лексики, но с фонетики и синтаксиса.

Немаловажным является и временной фактор. Так, при заимствовании необходимой предпосылкой структурных изменений является длительный, продолжительностью в несколько столетий контакт. При субстратных интерференционных изменениях нововведения в языке могут возникнуть в течение одного поколения, хотя проникновение контактных инноваций в язык монолингвальных носителей требует несколько более длительного времени [Thomason, Kaufman 1988: 41 et passim]. Именно по такому сценарию, как мы полагаем, и происходили изменения с перфектом в результативно-иммедиатных контекстах. Рассмотрим более детально, как субстратная интерференция могла привести к употреблению претерита в случаях, где на протяжении всей истории вплоть до XX в. в американском английском употреблялся перфект.

5. Английский язык как L2 и эволюция перфекта

Важным при анализе интерференционного воздействия родного языка (в нашем случае мы рассмотрим немецкий, французский и испанский как наиболее распространенные в количественном плане и влиятельные с социально-экономической точки зрения языки) на изучаемый является не механистическое сопоставление аналитических форм, образуемых с помощью посессивного глагола и второго причастия, а восприятие самой

категории перфекта. Процесс постоянных иммиграционных волн в США создавал обстановку, в которой вновь прибывшие иммигранты должны были изучать английский как второй язык. При этом естественным образом создавалась ситуация билингвизма. В подобных ситуациях изменения на уровне синтаксиса происходят не только в родном языке группы иммигрантов-билингвов, но и в изучаемом, в нашем случае, английском, на что указывали С. Томасон и Т. Кауфман, приводя примеры мигрантов-носителей языка идиш. Причем в английском языке, на котором говорила группа носителей идиша, структурные, т.е. синтаксические изменения были более радикальными, чем в идише, в котором сначала гораздо отчетливее проявлялись лексические изменения [Thomason, Kaufman 1988: 40].

Рассмотрим, каким образом мог происходить анализируемый языковой сдвиг в среде говорящих на немецком языке. Формально немецкий перфект совпадает с английским перфектом. На основе формального сходства можно было бы предположить, что изучающие будут переносить немецкий перфект на контексты в английском языке. Такой взгляд не кажется упрощенным, на что могут указывать результаты некоторых исследований. Так, в работе, посвященной переводу перфекта и претерита в английском и немецком языках, Дж. Цуг на примере обширной выборки примеров показывает, что в случае с переводом английского перфекта в более чем 73% используется немецкий перфект и лишь в 8% — претерит. Этому, в частности, способствуют контексты с прямой речью, в которых в немецком отдается предпочтение перфекту [Zug 2011: 90, 94, 112]. Однако, несмотря на возможность функционального пересечения конструкций в двух языках, на самом деле механистический перенос функционально-семантических характеристик немецкого перфекта, в значительной степени обладающего претеритальной семантикой, на английский перфект при изучении английского немецкими студентами не является доминирующим. Как отмечает С. Петреску в работе, посвященной трудностям в изучении английского презентного перфекта немецкоговорящими студентами, «...значения презентного перфекта представляют новизну для тех, у кого немецкий язык родной, в котором *Perfekt* выглядит идентичным, но не проявляет тонких ограничений презентного

перфекта». В частности, немецкий перфект отличается отсутствием связи с моментом говорения, отсутствием текущей релевантности, ограничениями в употреблении с неопределёнными и статальными глаголами и т.д. [Petrescu 2013: 10]. Отсюда в речи обучающихся английскому языку наблюдается преобладание претерита вместо ожидаемого презентного перфекта [Petrescu 2013: 8–9]. Таким образом, трудность при изучении презентного перфекта связана с тем, что английский перфект является комплексной категорией, проявляющейся на разных уровнях: структура, семантика, полисемия, частотность т.п.

Анализируя конкуренцию между формами презентного перфекта и претерита при изучении английского перфекта носителями немецкого языка в [Fuchs, Götz, Werner 2016] отмечается, что, во-первых, они довольно редко употребляют презентный перфект и, во-вторых, с наречиями *already*, *always*, *since* отдается предпочтение претериту [Fuchs, Götz, Werner 2016: 14–15, 17]. Данные факты авторы исследования объясняют полной блокировкой или отсрочкой (*delay*) в доступе к структурам родного языка [Fuchs, Götz, Werner 2016: 18]. Сам процесс интерпретируется в рамках так называемой гипотезы дефолтного прошедшего времени (*Default Past Tense Hypothesis*), согласно которой обучающиеся на ранних этапах пытаются маркировать отличительные характеристики прошедшего времени, скорее, чем аспектальные характеристики, и, следовательно, в употреблении полагаются на единый показатель прошедшего времени [Fuchs, Götz, Werner 2016: 4, 18–21] (о влиянии акциональных характеристик глагольной системы при изучении английского перфекта не носителями языка см. в [Davydova 2011: 308–30]).

Поскольку во французском языке существует время *passé composé*, формально (композиционно) совпадающее с английским перфектом, можно предположить, что благодаря позитивному влиянию L1, английский презентный перфект будет употребляться в претеритальных контекстах. Однако, как показано в работе С. Грейнджер на материале корпуса эссе, количество таких ошибок практически в два раза меньше, чем использование претерита вместо перфекта [Granger 1999: 195–196]. Таким образом, ожидается, что и носители французского при изучении

английского перфекта будут проявлять тенденции аналогичные тем, которые проявляются у носителей немецкого.

В таком случае возникает вопрос о закреплении и распространении претерита в анализируемых контекстах. Мы предполагаем, что по мере овладения перфектом носителями тех языков, в которых существует перфект, формально совпадающий с английским презентным перфектом, но семантически от него отличный, возникающие ошибки, а именно использование претерита, перекрещивается с некоторыми особенностями употребления перфекта в английском. В данном случае речь идет об использовании экспериенциального перфекта с наречиями *never/ever*, с которыми предпочитается претерит, что, как мы полагаем, усиливает функциональные позиции претерита и позволяет ему более свободно проникать в функциональную сферу презентного перфекта. Барьером, за который претерит на данный момент не переходит, выступает континуативный перфекта, особенно в конструкциях с *since*, где по нашим наблюдениям доминирует перфект. Континуативное значение в большей степени привязано к настоящему моменту (точке отсчета в момент говорения), что усиливает функциональные позиции перфекта. В то же время акциональные характеристики глаголов в претеритальной форме в результативных и иммедиатных контекстах особенно с предельными глаголами (глаголами совершения) являются достаточными маркерами для указания и выделения завершенного события. Эту же функцию могут выполнять и темпоральные наречия, которые семантически выражают результативность и завершенность события (*уже, только что* и т.д.). Данный процесс укладывается в рамки введенного У. Крофтом понятия *гипоанализа*. Суть его заключается в том, что присущие контексту свойства приписываются синтаксической единице, и тем самым данная синтаксическая единица приобретает новое значение или функцию [Croft 2000: 126–127]. Иными словами, частично значение иммедиатного презентного перфекта берут на себя акциональные характеристики глагола и лексическое окружение контекста (темпоральные наречия). Прагматические коннотации перфекта затухают, а сема результативности/завершенности действия, также присущая данному значению перфекта, выводится из контекста, в котором

употребляется претерит. В результате претерит в данном окружении частично выполняет функцию перфекта.

Несколько иначе обстоит дело с испанским языком. В целом, в данном языке результативно-иммедиатное значение также характерно для перфекта, а, следовательно, едва ли следует ожидать ошибок при изучении английского перфекта [Teran 2014: 13–15]. Тем не менее, в исследовании К. Г. Гарридо и К. Р. Ромеро показано, что при использовании английского презентного перфекта проявляются затруднения в понимании его временной и аспектуальной характеристики: вместо ожидаемого *I haven't written* используется *I didn't write* (не учитываются аспектуальные характеристики перфекта) и *I hadn't written* (не учитывается временные характеристики связи с моментом речи) [Garrido, Romero 2012: 291]. Однако стоит помнить о том, что большинство испаноговорящих иммигрантов в США являются выходцами из стран Латинской Америки, в частности Мексики. Для обозначения действий в результативно-иммедиатных контекстах в повседневной речи в испанском языке стран Латинской Америки, как правило, используется претерит. В Мексике в разговорной речи претерит используется для выражения всех завершенных IMMEDIATных событий [Butt, Benjamin 2004: 229–230]. Кроме того, в мексиканском испанском в IMMEDIATном значении перфект не используется с некоторыми наречиями, например, с наречием *ya* 'уже': вместо перфекта используется претерит. Однако у испано-английских билингвов, живущих в Канаде, как показывает исследование Дж. ЛаМонтань, определяющим может быть доминирующий язык, т.е. английский, который в таком случае влияет на употребление наречий в испанском у данных билингвов (LaMontagne 2011: 7).

Таким образом, в случае с носителями латиноамериканского испанского, особенно на первых этапах изучения английского, когда влияние испанского более значительно, можно говорить о языковом переносе (language transfer): на контексты, требующих использования перфекта в английском, носители испанского языка переносят характерный для таких контекстов в латиноамериканском испанском претерит (подробнее о языковом переносе см. в [Davydova 2011: 12–14]).

В целом, наши наблюдения подтверждают результаты исследования Ю. Давыдовой, проводимого на примере английско-

го, используемого в качестве второго языка (non-native varieties of English) [Davydova 2011]. Так, в работе отмечается, что в южно-африканском, а также сингапурском английском в контекстах, которые требуют использования результативного, имедиатного и экспериенциального перфекта, употребляется претерит: причем претерит превалирует в имедиатных контекстах, а в сингапурском английском претерит часто используется с такими наречиями как *just, never, already* [Davydova 2011: 223–256]. Что касается английского, изучаемого в Германии, претерит доминирует во всех контекстах, за исключением континуативного, что также подтверждает нашу гипотезу (ср., выше о закреплении и сохранении перфекта в континуативном значении) [Davydova 2011: 281–290].

Сохранение перфекта в американском английском в анализируемых контекстах, что видно из таблицы 7, а также теста Й. Элнесса, следует рассматривать как тенденцию к функциональному сближению форм перфекта и претерита. Однако анализ контекстов из сериала «Американская семейка» позволяет сделать вывод, что говорить о полном их смешении едва ли стоит: в ряде контекстов перфект используется для выделения важности совершенного действия для момента говорения, связь, которая отсутствует в семантике претерита.

Возьмем для сравнения следующие примеры:

- (24) – *We're getting our painting back. Go.*
 – *Me? No, no. **You've already done** a recon of the room. You need to do this.*
 ‘– Нам нужно вернуть нашу картину. Иди.
 –Я? Нет, нет. **Ты уже обследовал** эту комнату. Тебе нужно пойти’. (Modern Family, Season 6, Episode 14: Valentine’s Day 4: Twisted Sister).
- (25) – *Phil, I’m late for an appointment with a client. Can you do me a favor?*
 ‘– *If it's to put flowers in the bathroom, **I already did**.*
 – Фил, я опаздываю на встречу с клиентом. Можешь сделать мне одолжение?

– Если нужно поставить цветы в ванную комнату, то **я это уже сделал**'. (Modern Family, Season 7, Episode 13: Thunk in the Trunk).

Данные два примера (24) и (25) наиболее выпукло демонстрируют наш взгляд на функционально-прагматическую дифференциацию между перфектом и претеритом, употребляемых в идентичных языковых контекстах. Поскольку в сериале представлены персонажи, выходцы из других стран, в частности, София Мария Рамирез-Притчетт из Барранкильи, Колумбия, чтобы избежать влияния возможной имитации речи иммигранта (такая имитация проявляется, по крайней мере, на уровне интонации и лексики), мы выбрали реплики непосредственно американцев. В чем существенное отличие употребления перфекта в примере (24) от претерита в примере (25)? Решая, кто пойдет забирать картину, один из персонажей указывает на важность того, что его партнер уже был в комнате, а, следовательно, знает, где что лежит и ему легче будет справиться с ответственной миссией и не попасть в неловкую ситуацию. Перфект используется не просто для указания недавно совершенного события, но влечет за собой целый комплекс прагматических нюансов. Именно с этой целью он сознательно используется говорящим. Наоборот, в примере (25) жена просит мужа помочь ей с цветами, на что он отвечает ей простой констатацией результата действия, что цветы были заблаговременно поставлены в ванной комнате. Весь контекст указывает на то, что действие завершено (предельный глагол и темпоральное наречие) и не требует прагматического выделения его важности, последствий для момента речи и тому подобных инференций, которые может вызвать употребление перфекта. Проявляющийся здесь процесс гипоанализа наиболее отчетливо прослеживается с *предельными глаголами*, которые по своей семантике указывают на завершение действия. Употребление темпоральных наречий при этом усиливает сему завершенности. Аналогичные процессы протекают и в других грамматических временных формах: например, употребление настоящего времени для обозначения будущих событий в определенных контекстах (*The train for London leaves at 9:30* 'Поезд на Лондон отправится в 9:30'), в которых «...ожидается, что говорящие приписывают контекстуальное значение данной форме

сначала с глагольными классами, с которыми контекстуальное значение практически всегда ассоциируется с использованием этой формы» (т.е. с предельными глаголами) [Croft 2000: 128].

При этом в следующих двух идентичных контекстах наличие важности результата совершенного действия не столь очевидно:

- (26) – *Let's see you wiggle.*
– *I can't. I can't wiggle.*
– *Jay, I've already wiggled him.*
– *No, trust me, he can wiggle.*
‘– Давай, уступи нам.
– Я не могу. Я не могу уступить.
– Джей, Он **уже уступил** мне.
– Нет, поверь, он может уступить.
(Modern Family, Season 6, Episode 10: Haley's 21st Birthday)’.

- (27) – *What's that?*
– *Aah! Phil. Nothing. It's just a little gift I got Alex.*
– *We **already gave** her our present.*
‘– Что это?
– А-а! Фил! Ничего. Это небольшой подарок для Алекс.
– Но мы ведь **уже подарили** ей наш подарок.
(Modern Family, Season 6, Episode 24: American Skyper)’.

В (26) и (27) речь идет о завершившихся событиях: претериты (*wiggled*, *gave*) в контекстах с темпоральным наречием *already* создают ситуацию в которой констатируется завершенность, но при этом сами контексты не требуют выражения дополнительных прагматических оттенков в восприятии событий. Отсюда и отсутствие перфекта.

Таким образом, описанные изменения, возникающие в ходе освоения целевого языка иммигрантами из разных стран (прежде всего, Германии, Франции, Мексики), приводят к двоякому результату. С одной стороны, в анализируемых контекстах у претерита возникает функция, которая ранее выполнялась иммедиатным перфектом, что ведет к вытеснению последнего из соответствующих контекстов. С другой стороны, такая ситуация, в которой перфект и претерит находятся в отношениях варьирования не может не ослаблять функционально-прагматический потенциал,

по крайней мере, имедиатного перфекта, т.е. иными словами ведет к его депрагматикализации, уравнивая в функциональной сфере с претеритом. Суть данного процесса заключается в том, что в перфекте постепенно вымывается его прагматический компонент (текущая релевантность), а именно набор инференций, которые данная форма вызывает при употреблении в определенных контекстах. Описанные процессы, происходящие с перфектом в основном в результативно-имедиатных контекстах, протекают и в семантике новостного перфекта (перфекта, используемого в новостных сводках или описаниях чрезвычайных событий — полицейских рапортах), с той разницей, что последний проявляет тенденцию к употреблению в прошедших контекстах с наречиями точного прошедшего времени типа *yesterday*:

- (28) *At about 3.20 pm yesterday a man **has entered** the Eat-N-Run take away store on Golden Four Drive, Bilinga, armed with a rifle.*

‘Около 3.20 пополудни **вчера** человек, вооруженный ружьем, **вошел** в магазин Eat-N-Run по адресу Голден Фор Драйв, Билинга’. (пример взят из [Ritz 2010: 3406]).

В таких контекстах перфект проявляет претеритальную семантику. Как правило, однако, такое употребление перфекта ограничено специфическими жанрами, например, новостными сообщениями, полицейскими сводками или спортивными (чаще всего футбольными) комментариями (ср., например, [Schwenter 1994; Walker 2011; Ritz, Engel 2008]). Связь между данными процессами может проявляться в том, что исторически новостной перфект развивается из результативного значения [Carey 1994: 89–90, 103]. Тем не менее, в настоящее время перфект в исключительно результативных и имедиатных контекстах, насколько нам известно, не используется с наречиями точного прошедшего времени. Выдвинутое нами предположение о связи происходящих двух явлений в сфере употребления перфекта в американском английском (использование претерита в результативно-имедиатных контекстах и перфекта с наречиями точного прошедшего времени в новостных контекстах), несомненно, требует дальнейшего более детального исследования.

6. Выводы

В результате проведенного анализа мы выдвинули и обосновали гипотезу, в соответствии с которой в основе изменений в семантике перфекта в американском варианте английского языка лежат субстратные интерференционные процессы, имевшие и имеющие место при переходе на целевой язык больших масс иноязычных иммигрантов. При изучении английского языка вследствие несовершенного овладения им в рамках языкового сдвига происходит перенос особенностей родного языка на целевой язык. Прагматические инференции в результативно-иммедиатных контекстах становятся достаточно очевидными из контекста, а акциональные характеристики глагола помогают передавать завершенность. В результате такого процесса в контекстах с наречиями *already*, *just*, *yet*, начинает преобладать претерит. Варьирование перфектной и претеритальной форм в рамках результативно-иммедиатных контекстов, несмотря на сохранение между ними функциональных различий в ряде случаев, ведет к вымыванию у перфекта его прагматического компонента. Предполагается, что развитие претеритальной семантики в новостном перфекте может также быть следствием процесса ослабления прагматического компонента перфекта, употребляющегося в соответствующих контекстах. Однако такое предположение требует дальнейшего более детального исследования.

Литература

- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. [E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of the narrative]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010].
- Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания 3, 2011. С. 3–18. [E. V. Paducheva. Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiia govoriashchego [Egocentric valences and deconstruction of the speaker] // Voprosy iazykoznanii 3, 2011. P. 3–18].
- Плунгян 2016 — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира // Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова (ред.). Исследования

- по теории грамматики, вып. 7: Перфект и смежные категории. *Acta Linguistica Petropolitana* 18/2, 2016. С. 7–36. [V. A. Plungian. K tipologii perfekta v iazykakh mira [On typology of the perfect in languages of the world] // T. A. Maisak, V. A. Plungian, Ks. P. Semenova (eds.). *Issledovaniia po teorii grammatiki, vypusk 7: Perfekt i smezhnyie kategorii* // *Acta Linguistica Petropolitana* 18/2, 2016. P. 7–36].
- Филиппенко 2015 — А. А. Филиппенко. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990–2015 гг.: Дис. ... кандидата исторических наук. М.: МГИМО МИД России, 2015. [A. A. Filippenko. *Problemy immigratsionnoi politiki SShA v period 1990–2015 gg.* [Issues of immigration policy of the USA during the period from 1990 to 2015]. PhD Thesis. Moscow, MSIIR MFA of Russia, 2015].
- Швейцер 1971 — А. Д. Швейцер. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высшая школа, 1971. [A. D. Shveitser. *Literaturnyi angliiskii iazyk v SShA i Anglii* [Literary English in USA and England]. Moscow: Vysshiaa shkola, 1971].
- Швейцер 1995 — А. Д. Швейцер. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус // Вопросы языкознания 6, 1995. С. 3–16. [A. D. Shveitser. *Amerikanskii variant literaturnogo angliiskogo iazyka: puti formirovaniia i sovremennyi status* [American variant of literary English: ways of formation and contemporary status] // *Voprosy iazykoznanii* 6, 1995. P. 3–16].
- Butt, Benjamin 2004 — J. Butt, C. Benjamin. *A New Reference Grammar of Modern Spanish*. London/New York: Routledge, 2004.
- Carey 1994 — K. Carey. *Pragmatics, Subjectivity and the Grammaticalization of the English Perfect*. PhD dissertation. University of California at San Diego, 1994.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Croft 2000 — W. Croft. *Explaining Language Change: An Evolutionary Approach*. Pearson Education, 2000.
- Davydova 2011 — J. Davydova. *The Present Perfect in Non-native Varieties of English*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Elsness 1997 — J. Elsness. *The Perfect and the Preterite in Contemporary and Earlier English*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Elsness 2009 — J. Elsness. The present perfect and the preterite, In Günter Rohdenburg & Julia Schlüter (ed.). *One Language, Two Grammars? Differences between British and American English*. Cambridge University Press. P. 228–245.
- Fuchs, Götz, Werner 2016 — R. Fuchs, S. Götz, V. Werner. The present perfect in learner Englishes: A corpus-based case study on L1 German intermediate and advanced speech and writing. In: Valentin Werner,

- Elena Seoane & Cristina Suárez-Gómez (eds). *Re-Assessing the Present Perfect*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2016.
- Garrido, Romero 2012 — C. G. Garrido, C. R. Romero. Errors in the use of English tenses. *Íkala, revista de lenguaje y cultura*, 17, 3. P. 285–296.
- Hundt, Smith 2009 — M. Hundt, N. Smith. The present perfect in British and American English: has there been a change, recently? *ICAME Journal* 33. P. 45–63.
- LaMontagne 2011 — J. M. LaMontagne. Acquisition of the Spanish present perfect by Spanish-English bilinguals. *Actes du congrès de l'Association canadienne de linguistique 2011. Proceedings of the 2011 Annual Conference of the Canadian Linguistic Association*. P. 1–15.
- Lowth 1794 — R. Lowth. *A Short Introduction to English Grammar*. Basil: J.J. Tournesin, 1794.
- McCoard 1976 — R. W. McCoard. *Tense Choice and Pragmatic Inferences: A Study of Preterit/Perfect Oppositions in English*. PhD Dissertation. University of California, Los Angeles, 1976.
- Petrescu 2013 — S. Petrescu. The difficulty of Present Perfect for German L1 speakers and implications for teaching. URL: http://www.academia.edu/4745703/Difficulties_of_English_Present_Perfect_for_German_L1_Speakers_-_Implications_for_Teaching (дата обращения: 24.03.2018).
- Ritz 2010 — M. E. A. Ritz. The perfect crime? Illicit uses of the present perfect in Australian police media releases // *Journal of Pragmatics* 42, 12, 2010. P. 3400–3417.
- Ritz, Engel 2008 — M.-E. A. Ritz, D. M. Engel. 'Vivid narrative use' and the meaning of the present perfect in spoken Australian English // *Linguistics* 46, 1, 2008. P. 131–160.
- Schwenter 1994 — S. A. Schwenter. 'Hot news' and the grammaticalization of perfects // *Linguistics* 32, 6, 1994. P. 995–1028.
- Shapiro 2017 — M. Shapiro. *The Speaking Self: Language Lore and English Usage*. Springer, 2017.
- Teran 2014 — V. Teran. *Telicity and the Developmental Acquisition of the English Present Perfect by 11 Spanish Speakers*. A Master thesis. The Graduate School Southern Illinois University Carbondale, 2014.
- Thomason, Kaufman 1988 — S. G. Thomason, T. Kaufman. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Walker 2011 — J. Walker. The emergence of the narrative present perfect in British English: Reality or illusion? // *Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik* 53, 2, 2011. P. 71–87.
- Werner 2014 — V. Werner. *The Present Perfect in World Englishes: Charting. Unity and Diversity*. Bamberg: University of Bamberg Press, 2014.

- Yao 2014 — X. Yao. Developments in the Use of the English Present Perfect: 1750-Present. *Journal of English Linguistics*, 42, 4, P. 307–329.
- Yao 2015 — X. Yao. The present perfect and the preterite in Australian English. In Peter Collins (ed.), *Grammatical Change in English World-Wide. Studies in Corpus Linguistics*, 67. P. 247–268.
- Zug 2011 — J. Zug. The use of the preterite and the present perfect in English and German. A contrastive analysis. A Maser thesis. Universitetet i Oslo, 2011.

Источники

- Adams Family Papers. An Electronic Archive. All Letters from John to Abigail (767 files).URL: https://www.masshist.org/digitaladams/archive/browse/letters_JA.php (дата обращения: 17.01.2017).
- Corpus of Historical American English (COHA). <http://corpus.byu.edu/coha/> (дата обращения: 12.02.2017)
- Letters of Samuel Lee and Samuel Sewall relating to New England and the Indians. George Lyman Kittredge. Cambridge: John Wilson and Son, 1912.
- Letters written by John Chamberlain during the reign of Queen Elizabeth. Sarah Williams (ed.). Westminster: J.B. Nichols and Sons. 1861.
- Life and Correspondence of the Rev. William Smith, D.D. Horace Wemyss Smith (ed.). Philadelphia: Ferguson Bros. and Co., 1880.
- Malory, Thomas. *Le Morte Darthur*. H. Oskar Sommer (ed). London: David Nutt, in the Strand, 1889.
- Mowry, Duane. 1909. Political letters of the post-bellum days: From the Doolittle Correspondence with Thomas A. Hendricks. *The Indiana Quarterly Magazine of History*. Vol. 5, No. 4, P. 171-180.
- My Family. British TV series. Seasons 1–11. URL: <https://www.opensubtitles.org/en/ssearch/sublanguageid-all/idmovie-61829> (дата обращения: 09.01.2017).
- Modern Family. American TV series. Seasons 1–8. URL: <https://www.opensubtitles.org/en/ssearch/sublanguageid-all/idmovie-51427> (дата обращения: 10.01.2017).
- Stone Family Papers. URL: <https://archive.org/details/StoneFamilyPapers> (дата обращения: 19.01.2017).
- The Letters of Mark Twain, Volume 1, 1853-1866. David Widger (ed.). 2004. URL: <http://www.dominiopublico.gov.br/download/texto/gu003193.pdf> (дата обращения 15.01.2017).
- The Life, Correspondence and Collections of Thomas Howard Earl of Arundel. Mary F.S. Hervey (ed.). Cambridge: At the University Press, 1921.

Ю. А. Дзиццойты

ЮОГУ им. А. А. Тибилова, Цхинвал

АРХАИЗМЫ В ТОПОНИМИИ ОСЕТИИ: НАЗВАНИЯ ПАСТБИЩ

1.1. В настоящей статье рассматриваются пять географических терминов, значение или происхождение которых недостаточно ясны. Они принадлежат скотоводческой лексике и в прошлом, как мы полагаем, были не только составной частью соответствующих онимов, но и самостоятельными апеллятивами, обозначающими различные виды пастбищ.

1.2. Скотоводство у осетин в этнографическом плане хорошо изучено [Калоев 1993]. Достаточно подробно описаны, в частности, пастбищное хозяйство и связанная с ним терминология [Абаев 1949: 56–59; Калоев 1993: 97–129; Калоев 2015: 164–174; Магомедов 2011: 64–80; Гамкрелидзе 1980; Цховребов 1986]. Однако, как видно из данных топонимии, терминов, обозначающих пастбища, в прошлом было больше.

1.3. В осетинском языке имеются следующие термины, обозначающие пастбища, стоянки, загоны: *daræn(tæ)* ‘стойбище’, *æmdaræn* ‘место совместной стоянки пастухов’, *ærnæg* ‘общий выгон’, *xiz* ‘пастбище, выгон’, *xizæn(wat)* || *xeznæ* ‘пастбище’, *xizændon* ‘выгон’, *fosxizæn* ‘общий выгон’, *qomxizæn* ‘пастбище крупного рогатого скота’, *qomlæwwæntæ* ‘стоянка крупного рогатого скота’, *ræzdaræn*, *læzdaræn* ‘место, где держат молодняк’, *særvæt* ‘выгон’¹. В топонимии Осетии представлены и другие

¹ В топонимии Осетии находим еще термины *badæn* ‘место временного содержания скота’ [Цагаева 1975: 355, 365], *ræz* ‘место, где держат молодняк, немолочный скот’ [ТЮО, I: 135], не отраженные в этнографической литературе, хотя первый из них зафиксирован в одном из словарей [ИЭД, II: 21].

Русское диалектное *баз* || *базок* ‘загон, скотный двор’ возводят к древнеиранскому **ира-аза-* ‘загон’ [Трубачев 1986: 570–571]. Поскольку др.-иран. **ира-* в осетинском языке регулярно отражается в виде *ba-* [Абаев 1958: 231; Чёнг 2008: 119], полагаем, что источником русского

термины скотоводства, не отраженные словарями осетинского языка, к рассмотрению которых мы переходим.

2. Осет. (ирон.) *cyrt*, (диг.) *cirt*, (кудар.) *šyrt* ‘памятник’².

2.1. В Северной Осетии зафиксированы следующие топонимы: *Agojy cyrt* ‘Надгробие Аго’ — пастбище [Цагаева 1975: 529], *Aslæmyrzæjy cyrt* ‘Памятник Асламурза’ — одинокое надгробие [Там же: 547], *Ældarrezæn cirtzævæn* ‘Надгробие того места, где дрожал князь’ — место с несколькими крупными валунами [Там же: 379], *Bagkajy cyrt* ‘Надгробие Багка’ — пахотное поле [Там же: 443], *Bebajy cyrt* ‘Надгробие Беба’ — одинокий надгробный памятник [Там же: 492], *Bezyry cyrt* ‘Памятник Безира’ — одинокий памятник в поле [Там же: 492], *Bibojy cyrt* ‘Памятник Бибо’ — луг [Там же: 26], *Bic’ury cyrt* ‘Надгробие Бицира’ — пахотное поле [Там же: 530], *Cællagty cyrt* ‘Надгробие Цаллаговых’ — пашня с одиноким надгробием [Там же: 177], *Ceqojy cyrty rağ* ‘Хребет с надгробием Цеко’ — пастбище [Там же: 108], *Cirtzævænti budur* ‘Поле с надгробиями’ — покосный участок [Там же: 486], *Cirti ġærong* ‘Лощина с захоронением’ — луг с древним могильником [Там же: 375], *Cirti rağ* ‘Возвышение с надгробием’ — пастбище [Там же: 375], *Cirti xonsar* ‘Солнечная сторона с захоронениями’ — пашня [Там же: 375–376], *Cirttæ* ‘Могилы’ — пашня [Там же: 376], *Cirttægtæ* ‘Надгробные памятники’ — пашня с несколькими длинными вертикальными камнями на меже [Там же: 376], *Cyppar cyrty* ‘Четыре памятника’ — пастбище с четырьмя памятниками [Там же: 546], *Cyrt* ‘Надгробие’ — святилище возле одинокого надгробия [Там же: 289], *Cyrty byntæ* ‘Ниже надгробия’ — пашня [Там же: 276], *Cyrty cægat* ‘К северу от надгробия’ — участок леса [Там же: 528], *Cyrty fars* ‘Склон с надгробием’ — пашня [Там же: 178], *Cyrty farsy хвум* ‘Пашня на склоне с надгро-

слова стало несохранившееся в осетинском языке сарматское или аланское **baz(æ)* || **bazæg* ‘загон’. Не исключено, что это слово отложилось в топониме *Baz-an-a* (название луга), о котором см. [Цагаева 1975: 79].

² Соответственно и в приводимых ниже примерах все топонимы с индикатором *cyrt* являются иронскими, топонимы на *cirt* — дигорскими, а топонимы на *šyrt* — кударскими.

бием' — пашня [Там же: 276], *Cyrty fæz* 'Поляна с надгробием' — луг [Там же: 108], *Cyrty obaw* 'Курган с надгробием' — курган [Там же: 513], *Cyrty rağ* 'Хребет с надгробием' — пастбище [Там же: 108], пашня на холме [Там же: 178], развалины селения на пригорке [Там же: 193], пастбищный хребет [Там же: 276], *Cyrty sær* 'Выше надгробия / Выше захоронения' — утес [Там же: 12], *Cyrty sær(tæ)* — пастбище и луг [Там же: 50], *Cyrty særy fændag* 'Дорога выше надгробия' [Там же: 193], *Cyrtytæ* 'Надгробия' — пастбища [Там же: 178], *Cyrty wælvæz* 'Плато с надгробием' — луг [Там же: 276], *Cyrty xussar* 'Южный склон с надгробием' — пастбище [Там же: 276], *Čysyt'ijy cyrt* 'Надгробие Чысыти' — пастбище с одиноким надгробием [Там же: 278], *Žadijy cyrt* 'Надгробие Дзади' — пастбище с одиноким надгробием [Там же: 234–235], *Žilakki cirt* 'Надгробие Дзилакка' — весенние пастбища [Там же: 338], *Fæscyrt* 'Позади надгробия' — пашня [Там же: 170], покосный участок [Там же: 478], *Fætæn cyrt* 'Широкое надгробие' — пашня, где когда-то было надгробие [Там же: 170], *Gagkajy cyrt* 'Памятник Гагка' — пашня [Там же: 81], *Gæžynaty cyrtytæ* 'Памятники Гаджиновых' — несколько памятников [Там же: 548], *Gosaty cyrtytæ* 'Памятники рода Госа' — пастбище [Там же: 532], *Gosæzijy cyrt* 'Надгробие Госази' — гора [Там же: 403], *Gwymyžijy cyrt* 'Надгробие Гумудзи' — пастбище [Там же: 230], *Gwyrzijy cyrty fars* 'Возле памятника Гурдзи' — родник на пахотных полях [Там же: 408], *Idæzy cyrt* || *Ik'aju cyrt* 'Надгробие Ика' — дорога для перевозки сена [Там же: 115], *Kwuzu cyrt* 'Собачье надгробие' — луг и пастбище [Там же: 241], *K'æjyn cyrt* 'Надгробие из шифера' — пастбище [Там же: 89], *Mataj cirtzævæn* 'Надгробие Мамае' — надгробный памятник у дороги [Там же: 385], *Sidæjy cyrt* 'Надгробие вдовы', или 'Надгробие Сиды' — пастбище с одиночным надгробным памятником [Там же: 87], *Tegkojy cyrty wælbyl* 'Выше надгробия Тегко' — пахотное поле [Там же: 474], *Tetajy cyrt* 'Памятник Тета' — пахотное поле [Там же: 541], *Χæmicati cirtzævæntæ* 'Надгробия Хамицаевых' — надгробные памятники у дороги [Там же: 391], *Χwyrjaty cyrtytæ* 'Надгробия Хуриевых' — надгробные памятники у дороги [Там же: 118], *Zylyn cyrt* 'Кривое надгробие' — пастбище [Там же: 536].

2.2. Аналогичные топонимы известны и в Центральной Осетии: *Cyrty fætæn* ‘Равнина с надгробием’ — луг с одиноким надгробием [ТЮ: 588], *Cyrty swar* ‘Источник у надгробия’ — минеральный источник возле одинокого надгробия [Там же: 552], *Cyrtyxox* ‘Гора с надгробием’ — гора [Там же: 544], *Cyrty xussar* ‘Южный склон с надгробием’ — пашня с одиноким надгробием [Там же: 588], *Cyrty zængtæ* ‘Полосы у надгробия’ — пастбищные полосы с одиноким надгробием [Там же: 588], *Fæscyrttæ* ‘Позади надгробий’ — луг [Там же: 582], *Fæscyrtytæ* ‘id.’ — пашня позади нескольких надгробий [Там же: 582], *Glaxaju cyrtytæ* ‘Памятники, поставленные Глаха’ — пастбище с надгробиями [Там же: 560], *Qomgæsy cyrt* ‘Надгробие пастуха’ — луг с одиноким надгробием [Там же: 586].

2.3. В Южной Осетии находим: *Cyrt* ‘Памятник’ — название склепа [ТЮО, III: 304]³, *Cyrty byn* ‘Ниже памятника’ — лес [ТЮО, I: 102] и пашня [Там же: 252], *Cyrty rağ* ‘Холм с памятником’ — луг [Там же: 126], *Cyrty sær* ‘Выше памятника’ — луг [Там же: 126], *Cyrty zæng* ‘Пригорок с памятником’ — пригорок [ТЮО, III: 167], *Daëllag cyrtyvæz* ‘Поляна нижнего памятника’ — луг [ТЮО, I: 114], *Daëllag kwyžy šyrt* ‘Нижний памятник собаки’ — скала [Там же: 421], *Noraju cyrt* ‘Памятник Норе’ — (?) [Там же: 192], *Waëllag cyrtyvæz* ‘Поляна верхнего памятника’ — луг [Там же: 123], *Šyrtu rağ* ‘Хребет у памятника’ — луг [Там же: 262], луг [Там же: 473], *Šyrtu sær* ‘Выше памятника’ — пашня [Там же: 253], *Šyrtytæ* ‘Памятники’ — пастбище [Там же: 372], *Šyrtu žyqqytæ* ‘Овражки у памятника’ — луг [Там же: 262], *Waëllag kwyžy šyrt* ‘Верхний памятник собаки’ — скала [Там же: 424], *Zacaju cyrt* ‘Памятник Заца’ — гора [ТЮО, II: 365].

2.4.1. Среди топонимов с индикатором *cyrt* || *cirt* || *šyrt* имеется 25 названий, прикрепленных к различным надгробиям — стеле, надмогильному камню, кургану, склепу. Но 15 других топонимов прикреплены к пастбищам, 16 — к пашням, 15 — к лугам / покосным участкам, 7 — к горам / скалам / утесам, 2 — к

³ В настоящей статье цитируются как изданные тома «Топонимии Южной Осетии» [ТЮО, I, II], так и готовящийся к изданию третий том, страницы в котором указываются по рукописи.

лесам и по одному — к развалинам села, к дороге и урочищу. Т.е. надгробия в этом списке представлены в меньшинстве, составляя чуть больше 30%. Около 60% топонимов, несмотря на наличие в них анализируемого индикатора, не имеют отношения к надгробиям. Более того, те из них, которые, по определению А. Д. Цагаевой, являются названиями одиноких надгробий, расположенных на пастбищах, пашнях и лугах, в действительности таковыми могут и не быть. Перевод А. Д. Цагаевой основан, надо полагать, на общем значении термина *cyrt*, а также на информации местных жителей о наличии на соответствующем географическом объекте некоего *cyrt*'а в виде камня или сланцевой плиты. Однако, не слишком ли много «одиноких надгробий» на высокогорных лугах и пастбищах, заведомо не пригодных для захоронения, при полном отсутствии информации о захоронениях под ними? Неясен ни выбор места захоронения, ни одинокий характер самих «захоронений»⁴.

С другой стороны, название скал *Dællag kwyžy šyrt* 'Нижний памятник собаке' и *Wællag kwyžy šyrt* 'Верхний памятник собаке' подозрительно уже в силу своей странной семантики: в Осетии никогда не ставили памятников собакам. Конечно, можно предположить здесь переосмысление исходного названия: в осетинской антропонимии весьма многочисленны мужские имена собственные, являющиеся производными от апеллятива *kwyž* 'собака'. Обычно эти имена состоят из апеллятива *kwyž* + суффикс. Но в топонимии Северной Осетии находим случай неоформленного антропонима — *Kwyžy kærstytae* 'Покосы Кудза', где *kwyž* 'собака' — возможно, личное имя [Цагаева 1975: 241]. Ср. также топоним *Kwyžy cyrt* в Северной Осетии. Однако и при таком допущении остается неясным, почему у предполагаемого **Kwyž*'а было два памятника (и, соответственно — две могилы?): «верхний» и «нижний»?

⁴ В Осетии существовала практика ставить памятные камни (*cyrttae*) в честь павших в бою людей на обочине оживленной дороги [Алборов 2005: 152; Чочиев 1985: 100–101], вдали от места их гибели и захоронения, там, где об их подвиге могло узнать большее количество людей. Но горные тропы не пригодны для этих целей.

Но что самое главное, прикрепление термина *šyrt* к скале, заведомо непригодной для захоронения, подсказывает, что под рассматриваемым топонимом скрывается не «надгробие», а какой-то другой объект, по форме похожий на надгробие, но отличающийся от него по функции⁵.

2.4.2. Невозможность видеть под каждым *cyrt*-ом надгробие в свое время подтолкнула нас к поискам иного понимания и иной этимологии для этого слова. Мы обратили внимание на созвучное слово в тюркских языках: балкаро-карачаевское *sərt* ‘возвышенность; пастбище’ [ТЮО, I: 421], огузское *sirt* ‘нагорная долина; ручей в горах’ и т.п. [ТЮО, II: 365]. Тогда мы еще не знали о таком ныне практически полностью утраченном значении осетинского *cyrt*, как ‘каменный столб, служащий указателем границ; межевой знак’, хотя сами отмечали данное значение в связи с другим географическим объектом (подробнее — ниже) [Дзиццойты 2017b: 258–266].

Поиски исходного значения рассматриваемого слова привели нас к автобиографической повести осетинского писателя Gabuty Xazbi, родившегося в высокогорном селении Дзауского района Южной Осетии. Описывая свое детство, автор в числе прочего поведал читателю об одом любопытном *cyrt*-е, похожем на каменный столб (*dury cæžynzaw*), увиденном им на гребне горного хребта (*raŋu c’urpyl*) недалеко от родного аула. Не зная о назначении этого камня, много лет спустя Gabuty Xazbi обратился за разъяснениями к своему старшему коллеге, который сообщил, что «это один из пастушеских *cyrt*-ов, указывающих на границы пастбищ» (*wyj, dam, fijiawtty cyrtytæj u, sæ særvætty arængæron ævdisæg*) [Габуты 2010: 108]. Т.е. пастухи, избегая пастбы не на своем участке, устанавливали на границах пастбищных угодий вертикальные камни, которые и назывались *cyrt*-ами⁶.

⁵ Как это видно из этнографической литературы, в высокогорной зоне Осетии на неудобных для вспашки и соответственно захоронения участках земли в прошлом строились наземные и полуподземные склепы [Дзаттиаты 2005: 47–48].

⁶ Этнографы отмечают, что у осетин «каждое селение зорко следило за сохранностью границ собственных пастбищ» [Чиковани 1979: 70]. То же самое практиковалось у многих других народов. На Русском Севере,

2.4.3. Ни в осетинских словарях, ни в этнографической литературе по осетинам такое значение слова *cyrt* нам не встречалось⁷. Не знали его и наши предшественники по изучению топонимии Осетии, иначе не стали бы переводить все объекты, нареченные этим словом, как ‘надгробие’, ‘памятник’.

Значение ‘указатель’ для слова *cyrt* зафиксировано и в языке нартовского эпоса, где *k'æjyn cyrt* ‘сланцевый цирт’ — это указатель пути, возле которого в качестве охранника стоит *fændažy bardwag* ‘покровитель дороги’ [НК, VI: 130]⁸. В комментарии к данному тексту сказано, что *cyrt* в горах Осетии — это ‘указатель дороги (*fændagamonæn nysan*) в виде каменной кладки (*durty amassag*)’. Такие цирты строились вдоль горных дорог, чтобы путник не сбился с пути в зимнее время или во время тумана [НК, VI: 479–480].

Значение ‘указатель’, судя по этимологии, было у слова *cyrt* исходным. Напомним, что В. Ф. Миллер возвел осет. *cyrt* к древнеиранскому **čīθra-* ‘знак’ [Миллер 1882: 55] и эта этимология принята всеми исследователями [Абаев 1958: 325–326; ЭСИЯ, II: 258; Боголюбов 2012: 84, 85; Чёнг 2008: 54]. В качестве семантической параллели можно указать на древнегреческое *σημα* ‘знак’ > ‘могила; надгробный памятник’ [Buck 1949: 914]. А если учесть, что др.-иран. **čitra-* || **čīθra-* является производным от глагола **kait-* : *čit-*, **čait-* ‘показывать(ся); быть / делать заметным; блестеть; светиться’ [ЭСИЯ, IV: 186], то становится ясным привлечение к сопоставлению с осетинским *cyrt*, помимо

например, общество следило «за порядком междеревенского (межобщинного) землепользования: границами участков выпаса скота, его прогона к местам пастбы, огораживанием угодий и т. п.» [Финченко 1993: 245].

⁷ Ср. в этнографической литературе: «Участки [пахотной земли. — Ю. Д.] ограничивали друг от друга межевыми камнями — *дур барæггæнан* и оставляли посредине необработанную узкую пограничную полосу — *шихшани барæггæнан* [= *се 'хсæны барæггæнан*. — Ю. Д.]. Иногда в значении границы между участками выступали террасы сапп» [Гамкрелидзе 1980: 61].

⁸ В типологическом плане ср. в пантеоне древнеримской мифологии божество «Термин», охранявшее т.н. «термы», т.е. пограничные камни, столбы, борозды и пр., считавшиеся священными.

авестийского *čīdra-* ‘очевидный, явный, видимый’, ‘лицо; облик’, ‘демонстрация, показ’, парфянского *čīhrag* ‘форма, вид, образ’, хотаносакского *cira-* ‘видимый’ и т.п. [ЭСИЯ, II: 257–258], еще и афганского (пушту) *cəlay* (< **čīta-ka-*) ‘колонна, столб; пирамида, обелиск; горка камней на могиле; памятник; межевой знак; вышка, шалаш; кольцо, перстень’ и белуджского *čēdag* ‘каменный столб, размечающий дорогу’ [ЭСИЯ, IV: 186].

Для нашей темы особенно показательны значения афганского слова. Следует при этом учесть, что и у осетин ‘памятник’ первоначально представлял собой обычный камень или кучу камней на могиле⁹. Вот что сказано об этом в этнографической литературе: «Иногда над могилой выстраивали “цырт” в виде усеченной четырехгранной пирамидки. В некоторых местах у изголовья укреплялась сланцевая плита¹⁰ примитивно-антропоморфного типа. Более состоятельные устанавливали на могиле плиту — стелу с символическим изображением покойника, эпитафией и пр. В более позднее время на могиле ставили тесаный из камня памятник также с эпитафией, рисунками и пр.» [Дзаттиаты 2005: 49–50].

2.4.4. С другой стороны, как об этом свидетельствует археологический материал из высокогорного селения Едыс (Дзауский район), на могилах в качестве памятника часто ставили речной булыжник: «При снятии верхнего слоя очень часто обнаруживались речные булыжники продолговатой формы <...> Обычное расположение их — между могилами в вертикальном по-

⁹ В стихотворении осетинского поэта И. Дзанайты (1896–1947) находим следующую строку: *Cyrtaen un æz durtae hæszynæn!* «Для (возведения) ему памятника я буду таскать камни!» [Нигер, I: 331]. Отсюда видно, что в горах Осетии примитивный надмогильный памятник еще в недавнем прошлом представлял собой кучу камней. Об этом же говорит заимствованное из аланского языка сванское *čirt* ‘куча камней’ [Абаев 1958: 326]. Ср. также топоним *Nygænæn durtae* ‘Погребальные камни’ — название пашни [Цагаева 1975: 249]. Крайне интересно, что и некоторые святилища в горной Осетии представляют собой кучу / навал камней.

¹⁰ Для такого рода памятников существует специальное название *k’æjyn cyrt* ‘сланцевый памятник’ [Нартæ 1975: 43].

ложении, что позволяет предположить их использование в качестве ориентиров: они должны были указывать на границы могил, дабы при последующих захоронениях могилы не подвергались разрушению. Обычно это гладкие черные камни — голыши, иногда с включением кварцев — “дзæнхъа”» [Дзаттиаты 2002: 56–57].

К этому описанию следует добавить наши полевые наблюдения, сделанные в высокогорном селении Бадзыгат (Дзауский район). На прилегающем к селению кладбище нет ни одного памятника в современном понимании этого слова. У изголовья каждого захоронения стоит всаженный в землю речной голыш овальной формы размером до 50 см., который брали в местной речке. На голышах нет ни надписей, ни изображений, они давно затянuty дерном, и в целом кладбище мало чем отличается от обычного луга. О месте захоронения жители села знают по устной традиции¹¹. По сообщению местных жителей, незадолго до нашей поездки (лето 1978 г.) старейший житель села, наметив место для своего погребения, загодя посадил у изголовья белый речной голыш. Именно такие памятники-указатели и были замечены со временем памятниками современного типа. Неудивительно, что синонимами слова *cyrt* ‘памятник’ в осетинском языке являются *dur* ‘камень’, *mardy dur* ‘камень, (предназначенный для) покойника’, *ingæny dur* ‘надгробный камень; надгробная плита’, букв. «камень, (стоящий) на могиле», «tombstone»¹².

Таким образом, современное значение ‘надгробный камень, могила, памятник’ [Миллер 1934: 1686; Абаев 1958: 325] у слова *cyrt* развилось из более раннего значения ‘знак / указатель’, другая линия развития которого привела к значению ‘пограничный знак’, ‘межевой указатель’, ‘указатель дороги’. Именно последнее значение и сохранились в топонимии Осетии, подтверждая и без того хорошо известную славу топонимии как хранительницы древней лексики, а также архаичных форм и значений. Но дело этим не ограничивается.

¹¹ В настоящее время селение Бадзыгат обезлюдело.

¹² Ср. топоним *Ingæni dor* ‘Могильный камень’ в Дигории [Цагаева 1975: 383]. Камень, стоящий вертикально (осет. *qildur*), в прошлом служил межевым знаком, указателем границы пашни (*xwuty awæzamonæg*) [ИÆ: 74].

2.4.5. В записанном нами предании о каменных столбах, *сurt*'ах, посаженных по четырем углам селения Лац (осет. Лæс), говорится, что легендарные герои-нартты заставили великанов поставить эти столбы для разграничения мира людей (= мира героев-нартов) и мира великанов. Мифологическая основа данного предания совершенно прозрачна: освоенное, упорядоченное пространство (Космос), населенное нартами, отделено от неосвоенного пространства (Хаоса), населенного силами зла и смерти, воображаемыми границами, тянущимися от одного камня-*сurt*'а к другому. Селение Лац считается культовым центром Куртатинского ущелья Северной Осетии, а рядом с *сurt*'ами, по сообщению информантов, в прошлом стояла вооруженная охрана. У каждого *сurt*'а свое название, под ними, согласно информантам, нет захоронений [Дзицойты 2017b: 205–206, 258–266]. Таким образом, перед нами еще одна линия семантической эволюции исходного древнеиранского значения: от 'знака' — к 'указателю границ освоенного мира'. Последнее значение перекликается с тем, которое отмечено для приведенных выше топонимов¹³: и тут и там речь идет об указателе границ — в одном случае мифических границ между мирами, а в другом — границ между пастушескими угодьями.

2.4.6. Таким образом, в топонимии Осетии выявлен семантический архаизм — *сurt* 'межевой знак', 'указатель границ (угодий, территорий)'.

3. Осет. (ирон., кудар.) *kært* 'скотный двор', 'огороженное пастбище'.

3.1. Судя по словарям осетинского языка, слово *kært* имеет два лексических значения — 'двор' и 'усадыба' [Миллер 1929: 681; ИУД: 256; ИÆД, II: 412; Абаев 1958: 586]. В этнографической литературе зафиксированы еще и значения 'скотный двор', 'загон' [Калоев 1993: 120–121], 'загон для скота' [Цховребов 1986: 74], 'огороженное место', 'летняя стоянка скота' [Гамкрелидзе 1980: 47, 54]. В топонимии Осетии нами зафиксировано также значение 'огороженное пастбище'. Обратимся к соответствующему мате-

¹³ Заметим, что названия *сurt*'ов селения Лац также являются топонимами, хотя и не нашли отражения в словаре А. Д. Цагаевой.

риалу, сохранив для североосетинской топонимии значения, которыми их снабдила А. Д. Цагаева.

3.2.1. В Северной Осетии: *Bagajy kærtwat* ‘Место двора Бага’ — пастбище [Цагаева 1975: 25], *Kærtytæ* ‘Дворы’, ‘Огороженные места’ — «место временного содержания скота, обнесенное каменным забором» [Там же: 32], *Ræġawdaræny kært* ‘Двор тех мест, где временно содержали стадо’, ‘Ограждение для содержания стада’ — участки для летнего содержания скота [Там же: 93], *Dælkært* ‘За двором / Ниже двора’ — дорога [Там же: 113], *Kærtyty kom* ‘Дворов ущелье’ — пастбище [Там же: 122], *Duryn kærtytæ* ‘Каменные дворы’ — пастбище [Там же: 152], *Kærtwat* ‘Место двора’ — луг [Там же: 154], *Kærtytæ* ‘Дворы; Огороженные места’ — «места временного содержания скота в горах» [Там же: 154], *Ræbyny kært* ‘Двор у подножия’ — пастбище [Там же: 159], *Duryn kært* ‘Каменный двор’, ‘Каменная ограда’ — «место временного содержания скота, обнесенное каменной оградой» [Там же: 233], *Kært* ‘Двор’, ‘Загородка’ — луг [Там же: 240], *Kærty kom* ‘Ущелье с двором’ — луг, «здесь много участков для летнего содержания скота были огорожены каменными заборами» [Там же: 240], *Kærty komu cægat* ‘Несолнечная, северная сторона от ущелья с двором’ — луг [Там же: 240], *Fæskært* ‘Позади двора’ — луг [Там же: 266].

3.2.2. Любопытно отметить, что ни в Дигории, ни в равнинной Северной Осетии индикатор *kært* не встречается. В топонимии Дигории огороженные пастбища носят названия, производные от слова *kaw* ‘плетеный забор; плетень’, ср. название пастбища (диг.) *Kawi æfcæg* ‘Плетневый перевал’ [Цагаева 1975: 341].

3.3. В Центральной Осетии зафиксирован всего один топоним на интересующий нас индикатор: *Kærtaw* ‘Похожий на двор’ — пастбище [ТТУ: 566]. В этом регионе, как и в нагорной Северной Осетии, места содержания скота обычно именуются *daræn(tæ)*.

3.4.1. В Южной Осетии топонимов на *kært* намного больше и, что самое главное, в говорах Южной Осетии зафиксировано апеллятивное значение этого термина — ‘огороженное пастбище’ [Дзицойты 2008: 129–130]. Это же значение отмечено З. Д. Цховребовой — ‘место, где держали скот на специально огороженных участках’ [ТЮО, III: 314]. Ср.: *Dællag kærtyty swadon*

‘Родник у нижнего огороженного пастбища’ [Там же: 33], *Galty kærtytæ* ‘Огороженное пастбище для быков / волов’ — лес [ТЮО, I: 232], *Galty kærtytu kom* ‘Ущелье с огороженным пастбищем для быков’ — ущелье [Там же: 198], *Gyc’yl kærtytæ* ‘Небольшое огороженное пастбище’ — стойбище пастухов [ТЮО, III: 80], *Kærtaxoxy žwar* ‘Святилище (у) горы с огороженным пастбищем’ — святилище [ТЮО, I: 507], *Kærtwat* ‘Огороженное пастбище’ — пашня [Там же: 105], пастбище [Там же: 265], *Kærtwaty swadon* ‘Родник (у места), где было огороженное пастбище’ — родник [ТЮО, II: 547], *Kærtwættæ* ‘Места, огороженные для скота’ — лес [ТЮО, I: 343], пастбище [Там же: 368], летняя стоянка пастухов [Там же: 372], *Kærtytæ* ‘Место, огороженное для скота’ — луг [Там же: 117, 256, 463], пастбище [ТЮО, I: 129, 477; ТЮО, II: 430], стойбище [ТЮО, II: 439; ТЮО, III: 81], лес [ТЮО, III: 46, 188], пахотная земля [ТЮО, I: 452], ущелье [ТЮО, III: 314], *Kærtytu adag* ‘Овраг (у) огороженного пастбища’ — овраг [ТЮО, I: 413], *Kærtytu зуqq* ‘Овраг (у) огороженного пастбища’ — лес [ТЮО, III: 188], *Kærtytu k’æzæxtæ* ‘Скалы (у) огороженного пастбища’ — скала [Там же: 324], *Kærtytu lænčytæ* ‘Лощины у огороженных пастбищ’ — лес [Там же: 351], *Kærtytu rağ* ‘Хребет с огороженными пастбищами’ — гора [ТЮО, II: 365], *Kærtytu swadon* ‘Родник (у) огороженного пастбища’ — родник [ТЮО, III: 34], *Kærtytu ugærdæn* ‘Луг (возле) огороженного пастбища’ — луг [ТЮО, I: 117], *Kærtytu xussar* ‘Южный склон (у) огороженного пастбища’ — лес [ТЮО, III: 351], *Kærtytu xwymtæ* ‘Пашни (возле) огороженных пастбищ’ — пашня [ТЮО, I: 452], *Milaty kærtytæ* ‘Огороженные пастбища Милаевых’ — луг [ТЮО, III: 378], *Murasty kærtytæ* ‘Огороженные пастбища Мурасовых’ — пастбище [ТЮО, I: 130], *Qomty kært* ‘Место, огороженное для скота’ — лес [ТЮО, I: 102], *Styr kærtytæ* ‘Большое огороженное пастбище’ — пастбище [ТЮО, III: 83].

3.4.2. Как видно из приведенного материала, а также из прямых указаний информантов, *kært* — это пастбище в горах, за пределами села, обнесенное по всему периметру заграждениями из жердей, препятствующими скоту разбредаться и/или травить покосные участки, которые в большинстве случаев расположены рядом. Заборы в обычном понимании этого слова в горах встре-

чаются намного реже. Не встретились нам и плетневые ограды, о которых нам известно со слов старожилов¹⁴.

3.4.3. В Южной Осетии существуют всего несколько топонимов, в которых индикатор *kært* означает не ‘огороженное пастбище’, а ‘загон для скота’. Разница между ними заключается в том, что, последний тип *kært*, в отличие от первого, находился не за селом, а в самом селе и часто прилегал непосредственно к дому или оборонительной башне [ТЮО, I: 509]. Один из таких *kært*’ов стал производящей основой ойконима *Kærtytæ* ‘Загон для скота’, имеющего и второе, грузинское, название *Nabak’evi* — букв. ‘место, где был загон’ < *bak’i* ‘загон для скота’ [ТЮО, II: 135].

3.4.4. Еще один югоосетинский топоним содержит индикатор *kært* в значении ‘двор’. Это явно поздний по времени образования топоним — *Argwany kært* ‘Церковный двор’, ‘Двор, прилегающий к церкви’ — название территории, прилегающей к одной из церквей города Цхинвал, в прошлом обнесенной каменной оградой [ТЮО, II: 281]. Т.е. значение, которое зафиксировано в словарях осетинского языка как основное, в топонимии Осетии, можно сказать, не представлено вовсе. А значения, несомненно, существующие в говорах Южной Осетии и отразившиеся в топонимии Осетии, словарями не зафиксированы. Однако есть у рассматриваемого слова и другие значения, зафиксированные нами во время экспедиций. Одно из них — ‘поляна посреди леса’, толкуемое информантом с помощью осетинского слова *ærduz* ‘поляна’ (Дзымырское ущелье Южной Осетии), а другое — ‘селение, поселение’ (осет. *qæw*), записанное в Северной Осетии (селение Лæц).

Что касается первого из этих значений, то вспомним, что часть топонимов с индикатором *kært* — это названия различных участков леса. Очевидно, на этих участках когда-то были пригодные для выпаса поляны, которые со временем затянулись лесом. В иных же случаях *kært* — это поляна посреди леса,

¹⁴ Ср. топонимы *Kawdwær* ‘Ворота плетня’ — пастбище в Северной Осетии [Цагаева 1975: 32], *Kawbyd* ‘Обнесенный плетнем’ — пашня [Там же: 239], *Kawgaron* ‘Возле плетня’ — пашня [Там же], *Kawi æfcaæg* ‘Плетневый перевал’ — пастбище [Там же: 341].

используемая в качестве пастбища. Их отличие от обычных пастбищ в том, что они не обнесены заграждениями или забором.

3.4.5. Таким образом, мы вправе предполагать следующие лексические значения у слова *kært*: 1. огороженное пастбище в горах (вдали от села); 2. поляна посреди леса, используемая в качестве пастбища; 3. загон (в селе); 4. двор; 5. усадьба; 6. селение, поселение. Первые три значения являются наиболее древними. Это видно не только из анализа топонимии Осетии, но и из этимологических соответствий к осетинскому слову.

3.4.6. Установлены следующие параллели осетинского *kært*: ханты *karta* || *karda*, манси *karda* ‘двор; круг’, венг. *kert* ‘огражденное место’, ‘сад’, коми *karta* ‘загон для скота’, ‘дом, двор’, мордовское *kardā* || *kardō* ‘хлев’, *kaldas* ‘двор’, финское *kartano* ‘двор, усадьба; дом’, чеченское *kert*, ингушское *kärt* ‘изгородь’, ‘забор’, грузинское (диал.) *karta* || *kalt’a* ‘огороженное место для скота’¹⁵, мегрельское *karta* id., чувашское *karta* ‘изгородь, ограда’, ‘скотный двор, хлев’, ‘огород’, ‘круг’, татар. *kirtä* ‘ограда; препятствие’, *kärtä* ‘ограждение, двор; жердь (для ограды), граница’, башкир. *kärtä* ‘изгородь, ограда; хлев’ [Миллер 1962: 22; Абаев 1958: 587; Егоров 1964: 91; Гамкрелидзе 1980: 47–48; ЭСТЯ, I: 422–423; ср. КЭСК: 117–118], русск. (диал., из чуваш.) *kálda* || *káldas* || *káldus* ‘скотный двор, загон’, *kárda* ‘задний двор, загон для скота’ [Фасмер 1986: 166, 196–197], абхаз. *ag^wara* || *ag^warta* ‘ограда’, ‘огороженный кругом двор, усадьба’ [Инал-Ипа 2002: 174] и пр.

В. И. Абаев [1958: 587] резонно отклонил предлагавшуюся некоторыми учеными иранскую этимологию. По мнению В. Г. Егорова, в чувашском языке *karta* этимологизируется из глагола *kar* ‘загораживать, отгораживать’ + суфф. *-ta*, а в финно-угорские и кавказские языки это слово проникло из древне-

¹⁵ Ср. топоним *Kartiaj* в Хевском ущелье Восточной Грузии [Итонишвили 1971: 15]. В грузинском языке существует и другой созвучный термин — *kardagi* ‘селение; имение; дача’, ‘покосный или пахотный участок’, который М. К. Андроникашвили возводит к среднеперсидскому *kartak* || *kart* ‘участок (земли); кусок’ и далее к др.-иран. **krt-* ‘резать’, куда относит и осет. *kærdæg* ‘трава’, но не осет. *kært* [Андроникашвили 1966: 390–391].

булгарского языка, причем, в кавказские — через аланское посредство [Егоров 1964: 91].

Как бы то ни было, в осетинском слово *kært* не оригинально, о чем свидетельствует и его отсутствие в дигорском диалекте. Судя по приведенным параллелям, значение ‘загон для скота’ у осетинского слова исходное, а значение ‘огороженное пастбище’ — вторичное. Достаточно древним представляется и значение ‘двор’, зафиксированное во многих других языках, предполагающее перенос значения ‘загон для скота’ > ‘скотный двор’ > ‘двор вообще’.

Надежно зафиксированное в ряде языков значение ‘круг’ позволяет соотнести ‘загон для скота’ с одной этнографической особенностью скотоводов-кочевников. Вот что пишет автор IV века н. э. Аммиан Марцеллин (Деяния, XXXI, 2, 18) об аланах: «Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному». Эти сведения можно дополнить следующим описанием из осетинского (нартовского) эпоса: «Я ездил с товарищами на двенадцати арбах, и на ночлег остановились на берегу моря, арбы расставили мы вокруг себя, для обороны от нападения» [ПНТО, I: 17]. В примечании к данному тексту говорится: «Для предприятия мер к защите, арбы расставляются вокруг скотины и людей» [Там же: 21]. В языке осетинского эпоса существует даже специальный термин для обозначения такого вагенбурга — *wærdun buræw*, букв. ‘ограждение (*buræw*) из повозок (*wærdun*)’. Как видим, у Марцеллина и в нартовском эпосе речь идет об оборонительном заграждении, сделанном в виде круга. Как это видно из другого фольклорного текста, пространство внутри этого круга и называлось *kært*. Речь идет об историческом предании «*Kwyrttaty kadæg*» («Сказание о куртатинцах»)¹⁶, описывающем столкновение между осетинами и кабардинцами в далеком прошлом. Перед лицом смертельной опасности куртатинцы *sæ wærdættæ ærzdtoj, kært ærkodtoj, sæ fos astæwæj fækodtoj, sæxwydtæg dær bacydysty astæwmæ* ‘расставили свои арбы по кругу, сделав внутри *kært*, загнали туда скот, и

¹⁶ Куртатинцы — жители Куртатинского ущелья Северной Осетии.

сами расположились внутри»; и только так они смогли противостоять превосходящим силам противника [ИАС, I: 605].

Надо полагать, что в прошлом *wardun buraw* и *kaert* находились в отношениях семантической соотнесенности, т.к. пространство внутри каждого *wardun buraw* называлось *kaert*, хотя не каждый *kaert* представлял собой пространство, заключенное внутри *wardun buraw*. Эта соотнесенность была перенесена и на новые реалии — реалии оседлого скотоводства. Вот свидетельство современного этнографа об осетинах: «Двор был отделен от усадьбы плетеным или деревянным забором (быру)» [Калоев 1971: 156]. И далее: «В конце XIX в. во многих равнинных селах [Осетии. — Ю. Д.] весь двор и усадьбу стали обносить высоким забором из булыжников, скрепленных известковым раствором (дурын быру)» [Там же: 156–157]. Т.е. термины *byru* || *buraw* и *kaert* из скотоводческого быта перешли в оседло-земледельческий, приобретая дополнительные значения. В современном осетинском языке *buraw* || *byru* — это ‘каменная ограда; крепостная стена; вал; ров’ [Абаев 1958: 282; ИÆД, II: 159; Чочиев 1985: 13–14]¹⁷, а также — ‘забор, плетень’ [ИУД: 194]. А термин *kaert* в большинстве говоров сохранил значение ‘двор’, утратив такие, как ‘огороженное пастбище’ и ‘загон для скота’. Последние два значения сохранились только в топонимии, а также в говорах Южной Осетии.

4. Осет. (ирон., кудар.) *sirnad* ‘огороженное пастбище’.

4.1.1. В топонимии Северной Осетии: *Sirnad* ‘Сирова до-рога’ — пастбище [Цагаева 1975: 39], пашня [Там же: 95], развалины селения [Там же: 285], *Siry зуqq* ‘Сирова впадина’ — пастбище [Там же: 161], *Sirnady qugom* ‘Пашня селения Сирнад’ — пашня [Там же: 255], *Sirnaedy хwymtæ* ‘Пашни Сирнад’ — пашня [Там же: 255], *Wælsirtæ* ‘Выше сиров’, ‘Выше того места, где сираки’ — пашня [Там же: 264].

4.1.2. В топонимии Центральной Осетии: *Sirnaedytæ* ‘Дороги сиров’ — пашня и луг [ТТУ: 575].

¹⁷ Значение ‘ров’ представлено и в топонимии Северной Осетии: топоним *Buraw* — это «ров, служивший границей между селами Дзагеппарз и Чикола» [Цагаева 1975: 492].

4.1.3. В Южной Осетии и на этот раз топонимов на *sirnad* больше, а в чисанском говоре сохранилось его апеллятивное значение: *Ættag sirnad* ‘Внешний / дальний *сирнад*’ — лес [ТЮО, I: 231], *Sirnad* — пашня [ТЮО, I: 248; ТЮО, III: 198], пастбище [ТЮО, I: 267], луг [Там же: 467], огород, а в прошлом гумно [ТЮО, II: 528], *Sirnady хуымтæ* ‘Пашня *сирнад*’ — пашня [ТЮО, I: 248], *Sirnædtæ* (форма мн.ч. к *Sirnad*) — пашня [ТЮО, I: 350; ТЮО, II: 408, 569], пастбище [ТЮО, II: 434], *Sirnædy хуымтæ* ‘Пашни *сирнад*’ — пашня [ТЮО, I: 107], *Siry зуqq* — урочище [Там же: 192].

4.2. А. Д. Цагаева делит слово на *sir-* и *-nad*, видя во втором компоненте осет. (диг.) *nad* ‘дорога’, а в первом — этноним *sirak*, т.е. название одного из сарматских племен [Цагаева 1975: 264; ТТУ: 575]. Между тем, среди приведенных топонимов нет ни одного дромонима: 11 топонимов на основу *sir(nad)* прикреплены к пашням, 5 — к пастбищам, 2 — к лугам, а по одному — к лесу, огороду / гумну, развалинам села и урочищу. Это означает, что в компоненте *-nad* следует видеть не дигорское *nad* ‘дорога’, а иронское и кударское *nad* ‘утрамбованный’. Справедливость этого вывода особенно хорошо видна на примере топонима *Sirnad* — названия гумна, т.к. гумна в старой Осетии представляли собой ровные, тщательно утрамбованные участки земли, иногда покрытые сверху тонким слоем говяжьего навоза или известкового раствора. Но что самое главное, апеллятив *sirnad* сохранился в южных говорах осетинского языка, и означает ‘часть пастбища, выделенная под пашню и огороженная переносным плетневым забором’. Делалось это с целью унавоживания земли, а по мере получения земель нужного количество удобрений, забор перемещали на другое место [Дзицойты 2008: 157; ТЮО, I: 350]¹⁸. Приблизительно такое же толкование находим у

¹⁸ В этнографической литературе об осетинах описаны случаи выделения пашни под пастбище: «пахотные участки использовались в определенные периоды как пастбища, поэтому в одном из углов пашни часто отводили участок для скота» [Гамкрелидзе 1980: 48]. Думается, что и здесь речь идет о рассматриваемом нами *sirnad*. Использование пашенных земель для пастбы скота практиковалось во многих других регионах [Финченко 1993: 244].

З.Д. Цховребовой, но не к апеллятиву, а к топониму *Sirmædtæ*: «Там держали скот, периодически меняя [место], дабы удобрить [землю]» [ТЮО, II: 434–435].

Учитывая сказанное, мы предложили возвести компонент *sir-* к др.-иран. **śaiθra-* ‘обитель’, ‘место’ от **śai-* ‘жить, обитать’ + суфф. *-θra-*. Ср. др.-иран. **xšaθra-* > осет. *æxsar* ‘боевая доблесть; сила’ [Абаев 1989: 224–225; Боголюбов 2012: 84–85]. Древнеиранский глагол **śai-* ‘жить, обитать’ оставил след и в осет. апеллятиве *sux* || *sinx* ‘квартал (часть аула)’ [Абаев 1979: 215], а также в следующих топонимах Осетии: *Se-ğaw-wat*, *Se-don-gon* [Дзиццойты 2017а: 137].

Таким образом, апеллятив *sirnad* в архаизирующем переводе означает ‘утоптанное/утрамбованное место’ [Дзиццойты 2008: 157].

5. Топонимия Осетии позволяет восстановить еще два термина, в прошлом использовавшихся в значении ‘пастбище’.

5.1. Топоним *Ræğawzævæn* в Северной Осетии переводят как ‘Место возвращения стада’ — от *ræğaw* ‘стадо’ + *cævæn* «предмет для удара»; «место поворота» [Цагаева 1975: 251]. Данное толкование не представляется нам убедительным как из-за отсутствия у слова *cævæn* значения ‘место поворота’, так и в связи со странной семантикой для названия пастбища — «место, где бьют (стадо)». Но если учесть, что осет. *cævyn* ‘бить, ударять’, производным от которого и является *cævæn*, восходит к др.-иран. **čar(a)-* ‘хватать, собирать, брать; щупать’, ‘щипать, ущипнуть’ [ЭСИЯ, II: 221–222], то значение топонима можно понять как «место сбора стада», что лучше соответствует географической реалии. В качестве семантической параллели приведем название пастбища *Æmbyrды fæz*, букв. ‘Поляна собрания’ в том же регионе — от *æmbyrd* ‘собранный; собрание; место сбора’ [Цагаева 1975: 145]. Т.е. в топониме *Ræğawzævæn* сохранилось исходное, прямое значение соответствующего иранского глагола, тогда как значение ‘бить, ударять’, не поддерживаемое ни одним из иранских языков, является инновацией, возникшей на осетинской почве. Это позволяет реконструировать осет. *cævæn* *‘место сбора стада’ > *‘пастбище’.

5.2. В топонимии Осетии представлена основа *car-*, не имеющая удовлетворительной этимологии. Ближайшее по форме слово *car* ‘потолок’ не подходит сюда по своей семантике, ср.:

Cara xosdon ‘Место сена (в/на) *cara*’ — участок леса [Цагаева 1975: 143], *Cargas* — пашня [Там же: 274], *Cardon* ‘Место, (где есть) *car*’ — луг [Там же: 176], *Carojnatæ* — гора с пастбищными и покосными участками [Там же: 305], луг и пастбище [Там же: 374].

Первый из этих топонимов оформлен распространенным осет. суффиксом *-a*. Словообразовательная структура второго топонима намного сложнее. По отделении топоформанта *-as* приходим к форме **carg-*, компонент *-g-* в которой, по аналогии со словом *marg* ‘яд’ [Абаев 1973: 72–73], может быть признан непродуктивным суффиксом, восходящим к др.-иран. суффиксу **-k-*. Следы этого суффикса В. И. Абаев видит также в словах *ravg* ‘удобный случай’ [Там же: 352–353], *rong* ‘медовый хмельной напиток’ [Там же: 421–422] и т.п. Третий топоним, по справедливому мнению А. Д. Цагаевой (см. выше), содержит продуктивные осет. суффиксы — *-ojnæ* и *-tæ*. Точнее — три суффикса: *-ojnæ* + *-a-* + *-tæ*, что и дало в результате стяжения финаль *-ojnatæ*.

Оставшуюся без объяснения часть *car-* вряд ли можно отделить от др.-иран. **čar-* ‘передвигаться, двигаться; кочевать; перемещаться; пасти скот, пастись; заселять, жить’, к которому восходит осет. *cæryn* ‘жить’ [Абаев 1958: 303; ЭСИЯ, II: 227–228], **caryn* ‘оживлять’ [Абаев 1958: 291], ‘спасать; выручать’. Последняя форма, как и топооснова *car-*, предполагает высокую ступень корневой гласной, которую находим в др.-иран. каузативе **čāraja-*, а также в некоторых производных формах: **ni-čārana-*, **uaha-čārana-* [ЭСИЯ, II: 230]. Осет. **carojnæ* восходит к др.-иран. *čārān-ja-* и может означать ‘пастбище’. О непродуктивном суффиксе *-oj* || *-ojnæ* < др.-иран. **-āna* + **-jā* см. [Чёнг 2008: 188–189]. Осет. **carg-* (< др.-иран. **čār(a)-ka-*) и *Car-a* (< др.-иран. **čāraja-* + суфф. **-ā*) первоначально также могли означать ‘пастбище’.

6. Подведем итоги. Как показал анализ, топонимия Осетии является хранилищем древней лексики, а также древних значений некоторых осетинских слов. Часть из рассмотренных нами терминов сохранилась и в качестве индикаторов в топонимии Осетии, и в качестве апеллятивов в говорах осетинского языка. Эти слова позволяют утверждать, что скотоводческая терминология осетинского языка в прошлом была богаче и разнообразнее. А если учесть еще и те названия для ‘стойбищ’, ‘пастбищ’ и ‘выгонов’, о

которых речь шла во вводной части, то их общее количество довольно значительно. Сейчас трудно судить как о диалектной и хронологической стратификации этой лексики, так и о семантических различиях между соответствующими терминами, однако можно предположить, что они были довольно близки, что и привело к утрате многих из них.

Список условных сокращений

абхаз. — абхазский; башкир. — башкирский; венг. — венгерский; диал. — диалект; диг. — дигорский (диалект осетинского языка); др.-иран. — древнеиранский (язык-основа); ирон. — иронский (диалект осетинского языка); кудар. — кударский (диалект осетинского языка); осет. — осетинский; русск. — русский; татар. — татарский; чуваш. — чувашский.

Литература

- Абаев 1949 — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949 [V. I. Abaev. Osetinskii iazyk i fol'klor [Ossetian Language and Folklore]. T. I. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949].
- Абаев 1958 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1958 [V. I. Abaev. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka [Historical Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. I. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958].
- Абаев 1979 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л.: Наука, 1979 [V. I. Abaev. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka [Historical Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. III. Leningrad: Nauka, 1979].
- Абаев 1989 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1979 [V. I. Abaev. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka [Historical Etymological Dictionary of the Ossetic Language]. T. IV. Leningrad: Nauka, 1989].
- Алборов 2005 — Б. А. Алборов. Некоторые вопросы осетинской филологии. Книга вторая. Владикавказ: Ир, 2005. [B. A. Alborov. Nekotorye voprosy osetinskoi filologii. Kniga vtoraia [Some Issues on Ossetian Philology]. Kniga vtoraia. Vladikavkaz: Ir, 2005].
- Андроникашвили 1966 — М. К. Андроникашвили. Наркъвевеби иранул-картули енобриви уртиертобидан. Т. I. Тбилиси: Изд-во Тбилисского

- университета, 1966. [M. K. Andronik"ashvili. Nark"vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Studies in Iranian-Georgian Linguistic Contacts]. T. I. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1966].
- Боголюбов 2012 — М. Н. Боголюбов. Труды по иранскому языкознанию: избранное. М.: Восточная литература, 2012. [M. N. Bogoliubov. Trudy po iranskomu iazykoznaniiu: izbrannoe [Selected Writings on Iranian Linguistics]. M.: Vostochnaia literature, 2012].
- Гамкрелидзе 1980 — Б. В. Гамкрелидзе. Система скотоводства в горной Осетии // Кавказский этнографический сборник. Т. V, вып. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1980. С. 7–91. [B. V. Gamkrelidze. Sistema skotovodstva v gornoi Osetii [Cattle-raising in Highland Ossetia] // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. T. V, vypusk 3. Tbilisi: Mecniereba, 1980. S. 7–91].
- Дзаттиаты 2002 — Р. Г. Дзаттиаты. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. [R. G. Dzattiaty. Kul'tura pozdne-srednevekovoi Osetii [A Culture of the Late Middle Ages of Ossetia]. Vladikavkaz: Ir, 2002].
- Дзаттиаты 2005 — Р. Г. Дзаттиаты. Традиционные погребальные обряды осетин. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2005. [R. G. Dzattiaty. Traditsionnye pogrebal'nye obriady osetin [Traditional Funeral Ceremonies of Ossetians]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriatie im. V. Gassieva, 2005].
- Дзиццойты 2008 — Ю. А. Дзиццойты. Чысайнаг ныхасæздæхты цыбыр афыст. Цхинвал: «Южная Алания», 2008 [Yu. A. Dzitstsoity. Chysainag nyhasæzdækhty tsybyr afyst [Study in Chisan Dialect of Ossetian Language]. Tskhinvali: «Iuzhnaia Alanii», 2008].
- Дзиццойты 2017а — Ю. А. Дзиццойты. Дигорско-кударские изоглоссы в топонимии Южной Осетии // Известия СОИГСИ 25 (64), 2017. С. 134–145 [Yu. A. Dzitstsoity. Digorsko-kudarskie izoglossy v toponimii Iuzhnoi Osetii [Digor-Kudarian Isoglosses in Toponymy of South Ossetia] // Izvestiia SOIGSI 25 (64), 2017. S. 134–145].
- Дзиццойты 2017б — Ю. А. Дзиццойты. Вопросы осетинской филологии. Т. I. Цхинвал: Республика, 2017. [Yu. A. Dzitstsoity. Voprosy osetinskoi filologii [Issues on Ossetian Philology]. T. I. Tskhinvali: Respublika, 2017].
- Егоров 1964 — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. [V. G. Egorov. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka [An Etymological Dictionary of Chuvash Language]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964].

- Инал-Ипа 2002 — Ш. Д. Инал-Ипа. Антропонимия абхазов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. [Sh. D. Inal-Ipa. Antroponimii abkhazov [Abkhazian Anthroponymy]. Maikop: GURIPP «Adugeia», 2002].
- Итонишвили 1971 — В. Д. Итонишвили. Хевис т'оп'онимик'а Тбилиси: Мецниереба, 1971. [V. D. Itonishvili. Xevis t'op'onimik'a [Toponymy of Khevis Gorge]. Tbilisi: Mecniereba, 1971].
- Калоев 1971 — Б. А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1971. [B. A. Kaloev. Osetiny. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Ossetians. A Historical-Ethnographic Research]. Moscow: Nauka, 1971].
- Калоев 1993 — Б. А. Калоев. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1993. [B. A. Kaloev. Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza: S drevneishikh vremen do nachala XX veka [Cattle-raising of Peoples of North Caucasus: From Antiquity to the beginning of XX century]. Moscow: Nauka, 1993].
- Калоев 2015 — Б. А. Калоев. Осетины: историко-этнографическое исследование. 5-е изд., стереотипное. М.: Наука, 2015. [B. A. Kaloev. Osetiny: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Ossetians: A Historical-Ethnographic Research]. 5-e izdaniie, stereotipnoe. Moscow: Nauka, 2015].
- КЭСК — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. Переиздание с дополнением. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. [V. I. Lytkin, E. S. Guliaev. Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka [A Concise Etymological Dictionary of Komi Language]. Pereizdanie s dopolneniem. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1999].
- Миллер 1962 — В. Ф. Миллер. Язык осетин / Пер. с нем. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. [V. F. Miller. Iazyk osetin [Ossetian Language] / Perevod s nemetskogo. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962].
- Миллер 1882 — В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. Ч. II. М.: УЗ Императорского Московского университета, 1882 [V. F. Miller. Osetinskie etiudy [Ossetian Studies]. Ch. II. Moscow: UZ Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1882].
- Никонов 1965 — В. А. Никонов. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965 [V. A. Nikonov. Vvedenie v toponimiku [Introduction into Toponymy]. Moscow: Nauka, 1965].
- Трубачев 1986 — О. Н. Трубачев. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. С. 563–573 [O. N. Trubachev. Posleslovie ko vtoromu izdaniuu «Etimologicheskogo slovaria russkogo iazyka» M. Fasmera [Afterword to the

- second edition of M. Vasmer's "Etymological Dictionary of Russian Language"] // Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka / Perevod s nemetskogo i dopolneniia O. N. Trubacheva. Moscow: Progress, 1986. S. 563–573].
- Фасмер 1986 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1986. [M. Fasmer. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [M. Vasmer. Etymological Dictionary of Russian Language]. Т. II / Perevod s nemetskogo. Moscow: Progress, 1986].
- Финченко 1993 — А. Е. Финченко. Пастбищное хозяйство и типы выпаса скота на Русском Севере (вторая половина XIX — начало XX в.) // Этносы и этнические процессы. М.: Наука, 1993. С. 244–253 [A. E. Finchenko. Pastbishchnoe khoziaistvo i tipy vypasa skota na Russkom Severe (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.) [Cattle-raising farm and Cattle Pasture Types in the Russian North (The second half of XIX — beginning of XX century)] // Etnosy i etnicheskie protsessy. Moscow: Nauka, 1993. S. 244–253].
- Цховребов 1986 — В. К. Цховребов. Скотоводческая терминология в осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1986. [V. K. Tskhovrebov. Skotovodcheskaia terminologiia v osetinskom iazyke [Cattle-raising Terminology in Ossetian Language]. Tbilisi: Metsniereba, 1986].
- Чёнг 2008 — Дж. Чёнг. Очерки исторического развития осетинского вокализма / Пер. с англ. Владикавказ — Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2008. [Dzh. Cheng. Ocherki istoricheskogo razvitiia osetinskogo vokalizma [Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism] / Vladikavkaz — Tskhinvali: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriatie im. V. Gassiev, 2008].
- Чиковани 1979 — Г. Д. Чиковани. Осетинский ныхас // Кавказский этнографический сборник. Т. V, вып. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 29–107. [G. D. Chikovani. Osetinskii nykhas [Ossetian Nikhas] // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Т. V, vypusk 2. Tbilisi: Metsniereba, 1979. S. 29–107].
- Чочиев 1985 — А. Р. Чочиев. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвал: Ирыстон, 1985. [A. R. Chochiev. Ocherki istorii sotsial'noi kul'tury osetin [Issues on the History of Social Culture of Ossetians]. Tskhinvali: Iryston, 1985].
- ЭСИЯ (II) — В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. II. М.: Восточная литература, 2003. [V. S. Rastorgueva i D. I. Edel'man. Etimologicheskii slovar' iran-skikh iazykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Т. II. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003].

- ЭСИЯ (IV) — Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. IV. М.: Восточная литература, 2011. [D. I. Edel'man. Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Т. IV. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011].
- ЭСТЯ (I) — Р. Г. Ахметьянов. Этимологический словарь татарского языка. Т. I. Казань: Магариф — Вакыт, 2015. [R. G. Akhmet'ianov. Etimologicheskii slovar' tatarskogo iazyka [Etymological Dictionary of the Tatar Language]. Т. I. Kazan': Magarif — Vakyt, 2015].

Источники

- Габуты 2010 — Х. С. Габуты. Дæлзæхх Иры фæндыр. Цхинвал: Республика, 2010. [X. S. Gabuty. Dælzæxx Iry' fændy'r [The Lyre of Ossetian Dungeon]. Tskhinvali: Respublika, 2010].
- ИАС (I) — Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. I. Орджоникидзе: Севгосиз, 1961. [Iron adæmy' sfældy'stad [Ossetic Folklore]. Т. I. Ordzhonikidze: Sevgosiz, 1961].
- ИÆ — Ирон æмбисæндтæ. Орджоникидзе: Ир, 1976. [Iron æmbisændtæ [Ossetian Proverbs]. Ordzhonikidze: Ir, 1976].
- ИÆД (II) — Ирон æвзаджы æмбарынгæнæн дзырдует / Толковый словарь осетинского языка. Т. II. М.: Наука, 2010. [Iron ævzadzhy æmbarýngænæn dzyrduat / Tolkovyí slovar' osetinskogo iazyka [Explanatory Dictionary of Ossetian Language]. Т. II. Moscow: Nauka, 2010].
- ИУД — Ирон-уырыссаг дзырдует / Осетинско-русский словарь. 3-ар баххæстгонд рауагъд. Орджоникидзе: Ир, 1970. [Iron-uy'ry'ssag dzy'rduat / Osetinsko-russkii slovar' [Ossetian-Russian Dictionary]. 3-ag baxxæstgond rauag"d. Ordzhonikidze: Ir, 1970].
- Миллер 1929 — В. Ф. Миллер. Осетинско-руско-немецкий словарь. Т. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. [V. F. Miller. Osetinsko-russko-nemetskii slovar' [Ossetian-Russian-German Dictionary]. Т. II. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1929].
- Миллер 1934 — В. Ф. Миллер. Осетинско-руско-немецкий словарь. Т. III. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. [V. F. Miller. Osetinsko-russko-nemetskii slovar' [Ossetian-Russian-German Dictionary]. Т. III. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1934].
- Нартæ 1975 — Нартæ. Цхинвал: Ирыстон, 1975. [Nartæ [Narta Tales]. Tskhinvali: Iryston, 1975].
- Нигер (I) — Нигер. Уацмысты æххæст æмбырдгонд æртæ томæй. Т. I. Орджоникидзе: Ир, 1966. [Niger. Uacmysty æxxæst æmbyrdgond ærtæ tomæi [Full Collected Works]. Т. I. Ordzhonikidze: Ir, 1966].

- НК (VI) — Нарты кадджытæ: Ирон адамы эпос. Т. VI. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2011. [Narty kaddzhytæ: Iron adamy epos [Narta Tales: Epics of Ossetian people]. Т. VI. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2011].
- ПНТО (I) — Памятники народного творчества осетин. Вып. I. Владикавказ: Ир, 1925. [Pamiatniki narodnogo tvorchestva osetin [Ossetian Folklore Monuments]. Vypusk I. Vladikavkaz: Ir, 1925].
- ТТУ — А. Д. Цагаева, А. И. Абаев. Топонимия Трусовского ущелья // Отчий край: Трусовское ущелье. Кудское ущелье. Кобийская котловина. Владикавказ: Проект-Пресс, 2008. С. 525–600 [A. D. Tsagaeva, A. I. Abaev. Toponimii Trusovskogo ushel'ia [Toponymy of Tyrsy gorge] // Otchii kraj: Trusovskoe ushel'ie. Kudskoe ushel'ie. Kobiiskaia kotlovina. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2008. S. 525–600].
- ТЮО (I–III) — З. Д. Цховребова, Ю. А. Дзиццойты. Топонимия Южной Осетии. Т. I (2013), Т. II (2015), Т. III (в производстве). М.: Наука [Z. D. Tskhovrebova, Ju. A. Dzitstsoity. Toponimii Iuzhnoi Osetii [Toponymy of South Ossetia]. Т. I (2013), Т. II (2015), Т. III (v proizvodstve). Moscow: Nauka].
- Цагаева 1975 — А. Д. Цагаева. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе: Ир, 1975. [A. D. Tsagaeva. Toponimii Severnoi Osetii [Toponymy of North Ossetia]. Ch. II. Ordzhonikidze: Ir, 1975].
- Buck 1949 — C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1949.

В. В. Козак

ИЛИ РАН / БАН, Санкт-Петербург

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГЛАГОЛИЧЕСКОМ УСТАВЕ ВРБНИКА XVI В.¹

1. Введение

1.1. Языковые контакты и теория лексического заимствования

Чрезвычайное многообразие языков и культур неизбежно ставит вопросы о моделях, механизмах и последствиях лингвистического сосуществования в рамках одного человеческого сообщества. Поиск ответов на эти вопросы является важнейшей составляющей понимания лингвистических и общественных процессов в прошлом и настоящем, а также прогнозирования и решения социальных и языковых проблем в будущем (языкового изменения и планирования, обучения, власти, миграции, статуса культурных меньшинств и т. д.), ср. [Appel, Muysken 2005: 1, 4].

Несмотря на наличие типологии контактных ситуаций [Thomason 2005: 344], на современном этапе теория языковых контактов, к сожалению, еще не может представить положений, имеющих прогнозирующую силу. Общепризнанными являются лишь несколько наиболее общих утверждений. Первое из них гласит, что широко распространенное в сообществе многоязычие неизбежно провоцирует языковые изменения. При этом модели, механизмы и последствия этих изменений варьируют от одного конкретного случая к другому. Согласно второму положению, социологические факторы контакта имеют большее значение, чем собственно лингвистические, что делает необходимым предварительный социолингвистический анализ изучаемого сообщества, включающий выделение отдельных языковых коллективов и описание существующих между ними отношений.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Языковой контакт может быть причиной возникновения инноваций на разных уровнях языка. В этом случае обычно говорят о контактно или интерференционно обусловленном языковом изменении (лексическом, грамматическом, фонетическом и т. д.). Одним из самых очевидных типов контактно обусловленного изменения является лексическое заимствование. Изучение лексических заимствований — один из ключевых аспектов понимания происходящих в многоязычном сообществе процессов [Appel, Muysken 2005: 153–154].

В значительной мере важнейшие положения теории лексического заимствования были сформулированы еще в XIX в., а затем уточнялись в работах лингвистов XX в. [Пауль 1960 (1880¹): 459–473; Блумфилд 1968 (1933¹): 487–544; Naugen 1950; Weinreich 1953; Hockett 1958: 402–416]. В первое десятилетие XXI в. появились новые обобщающие работы о языковых контактах и лексических заимствованиях, обогащенные данными типологии и корпусных исследований, см., например, [Appel, Muysken 2005; Haspelmath, Tadmor 2009; Matras 2009].

Согласно концепции С. Томасон и Т. Кауфмана [Thomason, Kaufman 1988], в которой «все контактные ситуации сводятся к двум типам: сохранение языка и языковой сдвиг» [Русаков 2007: 80], — лексическая интерференция характерна в первую очередь для ситуации сохранения языка.

В целом анализ лексических заимствований включает следующие основные задачи, ср. [Соболев 2001: 60]:

- 1) реконструировать экстралингвистические условия заимствования (определить тип контактной ситуации);
- 2) на основании сравнительно-исторического и этимологического анализа выделить заимствованные лексемы;
- 3) установить грамматическую характеристику заимствований, определить степень их фонетической и грамматической адаптации;
- 4) с максимально возможной точностью установить язык(и)-донор(ы) (а также возможные языки-посредники), лексему-источник, место и время заимствования;
- 5) установить ареал распространения заимствования;

б) охарактеризовать функционально-семантическую сферу бытования заимствования (в т. ч. устный или письменный характер, соотношенность с высокой или бытовой культурой).

Решение этих задач позволит внести весомый вклад в описание того или иного случая языкового контакта и существования данного многоязычного сообщества и приблизит лингвистику к формулировке прогностических положений.

В настоящей статье на основании этимологического, семантического, грамматического и количественного анализа лексических заимствований в глаголическом Уставе Врбника с острова Крк (XVI в.) предпринята попытка доказать тезис о том, что язык памятника вопреки социально-лингвистическому доминированию латинско-романского суперстрата (латинский язык и венецианский диалект итальянского языка) и наличию стабильного романского субстрата (вельотский диалект далматинского языка) демонстрирует *значительную устойчивость* к проникновению лексических заимствований.

1.2. Языковая ситуация и языковые контакты в Далмации и на острове Крк в XVI в.

Славяно-романские языковые контакты в Далмации и Истрии в Средние века и Раннее Новое время отличаются своеобразием. Далмация — приморская область на северо-западе Балканского полуострова, представляющая собой узкий пояс побережья Адриатического моря с прилегающими Далматинскими островами [Григорьев 1960: 517]. В широком историко-географическом понимании Далмация простирается от полуострова Истрия и Кварнерского залива до устья реки Дрин, ср. [Соболев 2013: 144]. Население истрийско-далматинского ареала на протяжении тысяч лет характеризовалось лингвистической гетерогенностью и многоязычием. В Средние века и Новое время далматинское многоязычие в основном складывалось за счет сосуществования чакавских славянских и далматинских, итальянских и балканских романских диалектов, а также за счет бытования целого ряда письменных языков: латинского, венецианского,

литературного итальянского (тосканского), церковнославянского и хорватского чакавского².

В перспективе изучения и реконструкции славяно-романских языковых контактов в Истрии и Далмации — полное описание сохранившихся источников (не только славянских, но и латинских и романских) с тщательной лингвистической, литературоведческой, социологической, региональной и хронологической дифференциацией материала.

В этой связи особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение славяно-романских языковых контактов на острове Крк в силу уникального сочетания культурно-исторических факторов: длительного (до XIX в.) существования далматинского субстрата; богатейшей письменной (в первую очередь глаголической) традиции; длительного политического влияния Венеции; разнообразия занятий местного населения; культурной, политической и социальной противопоставленности романского города и славянского села; ключевого влияния церкви; общинной организации и существования многочисленных церковно-приходских братств (см., например, [Strčić 1988]). Наличие этих факторов дает возможность рассматривать культуру острова Крк как репрезентанта культуры всей Далмации, сконцентрированной на небольшой территории. Детальный анализ славяно-романских языковых контактов на острове Крк, таким образом, может стать ключом к пониманию процессов и последствий славяно-романских языковых контактов всего истрийско-далматинского региона.

С точки зрения типологии языковых контактов, положение дел на острове Крк в указанный период сочетает сразу две модели контактной ситуации: соприкосновение ареалов и колониальную экспансию [Appel, Muysken 2005: 5–6]. Остров Крк находится на линии соприкосновения ареалов романского и славянского диалектного континуума. При этом социолингвистический статус разных частей романского компонента был неодинаков. Так, далматинский романский язык, представленный вельютским диалектом, по отношению к славянским чакавским диалектам

² А также таких гибридных идиомов, как церковнославянско-чакавский (подробнее см. в [Mihaljević 2011]).

Крка являлся субстратом. Постепенный переход носителей далматинского языка на итальянский и чакавский хорватский языки, частично засвидетельствованный в памятниках письменности [Frančić 2009: 237–240], окончательно завершился на Крке лишь в конце XIX в. Принципиально иным статусом на острове Крк обладал венецианский диалект, который, будучи престижным языком колониальной экспансии, играл роль суперстрата. Нельзя не отметить также распространенное представление об общей рецептивности славянских языков Балканского полуострова, которые в ситуации языкового контакта «больше менялись, чем были источником контактного изменения» [Русаков 2007: 79].

Особая сложность анализа славяно-романского контакта на острове Крк состоит в том, что его многоязычное сообщество существовало в достаточно отдаленном прошлом и оставило по себе лишь ограниченные языковые данные. Реконструкция языковой ситуации и механизмов взаимодействия языков и культур в таком случае должна осуществляться путем применения к ней специфических методов.

1.3. Устав Врбника

Устав Врбника (хорв. *Vrbnički / Vrbanski / Krčki statut*, итал. *Statuto di Verbenico*) — важнейший славянский памятник права острова Крк. Он представляет собой собрание законодательных и административных актов, принятых в городе Врбник на острове Крк в XIV–XVI вв. Основной корпус законов был скомпилирован в 1388 г. Впоследствии на протяжении XV–XVI вв. в него вносились дополнения. До наших дней Устав дошел в единственном списке XVI в., хранящемся в Собрании рукописей и старых книг Национальной и университетской библиотеки в Загребе (шифр R 4003)³.

Текст написан преимущественно глаголицей (уставом и скорописью) на чакавском литературном языке. Отдельные части Устава написаны латиницей (скорописью) на латинском и итальянском языках. В настоящей статье анализируется апелля-

³ Снимки всей рукописи опубликованы на сайте Национальной и университетской библиотеки в Загребе: <http://db.nsk.hr/HeritageDetails.aspx?id=905> [01.12.2017].

тивная лексика глаголической части. Описание всех языковых частей памятника — задача будущих исследований.

Транслитерация Устава латиницей и его перевод были два раза опубликованы Л. Маргетичем и П. Стрчицем [Margetić, Strčić 1988; Margetić 2012: 393–571]. Исчерпывающего филологического и лингвистического исследования памятника не предпринималось. Словарь памятника не составлялся.

1.4. Методика исследования

Методика настоящего исследования состоит из нескольких составляющих, среди которых этимологический, семантический, грамматический и квантитативный анализ.

Этимологическая стратификация лексического состава глаголического Устава Врбника направлена на то, чтобы выделить в нем слой исконной лексики, восходящей к праславянскому языку, и слой заимствований. К исконным единицам относятся рефлексy праславянских основ и их славянские дериваты. Этимологический анализ был осуществлен на основании данных этимологических и диалектных словарей. В первую очередь интерес представляют заимствования из латинского и романских языков. В соответствии с существующей традицией, для обозначения таких заимствований мы используем термин «романизм» [Galović 2013: 159]. К романизмам относятся и элементы собственно латинского и романского происхождения, и иноязычные элементы, вошедшие в славянский язык через латинско-романское посредство [Gačić 1979: 4]. Центральной проблемой изучения славяно-романских языковых контактов в Далмации является стратификация романизмов. В целом они подразделяются на две основные группы: старшие романизмы (восходящие к латинскому и далматинскому языкам) и младшие (восходящие к венецианскому, триестскому и итальянскому литературному языкам/диалектам) [Galović 2013: 160; ср. Tekavčić 1976: 37]. Решение поставленной задачи вносит вклад в реконструкцию процессов культурного, этнического и языкового (в аспектах многоязычия, языковых контактов и переключения кодов) взаимодействия славяноязычных и романоязычных групп населения истрийско-далматинского региона.

Следующий исследовательский шаг состоит в решении вопросов о семантической характеристике заимствований. С какими сферами человеческой деятельности связаны заимствованные лексемы? Язык каких социальных практик наиболее (или наименее) подвержен лексическому заимствованию? Для получения ответа на эти вопросы лексика памятника была классифицирована в соответствии с системой функционально-семантических полей, основанной на классификации понятий. Систематизацией понятий и выражающих их языковых элементов занимается идеографика [Морковкин 1970: 142; ср. Езолка 1972: 155–156]⁴. В основе идеографического метода — «синтез теории семантического поля с принципами ономастического подхода к изучению лексики» [Камалова 2015: 65]. Наиболее универсальная на данный момент классификация понятий появилась в 1952 г. (второе издание — в 1963 г.) в работе Р. Халлига и В. фон Вартбургa [Begriffssystem]. Ее авторы, опираясь на идеи Гумбольдта и Соссюра [Езолка 1972: 162], попытались создать универсальную систему понятий, опирающуюся на обыденный и научный языки. В качестве единиц этой системы выступают лексемы французского языка. Классификация состоит из трех основных разделов: «Вселенная» (фр. *L'Univers*), «Человек» (фр. *L'Homme*) и «Человек и вселенная» (фр. *L'Homme et l'univers*). Каждый раздел имеет иерархически организованные подгруппы, например,

1) человек:

- 1.1) человек как физическое существо;
- 1.2) душа и интеллект;
- 1.3) человек как социальное существо;
- 1.4) социальная организация:
 - 1.4.1) общины;
 - 1.4.2) государство;

⁴ Ср.: «Если тематический словарь ориентирован на мир вещей, семантический — на мир слов и их значений, то идеографический — на мир идей, знаний о мире, на способ когнитивной обработки информации» [Камалова 2015: 63].

- 1.4.2.1) основные элементы государства (фр. *les facteurs constitutifs*);
- 1.4.2.2) политические режимы;
- 1.4.2.3) поддержание порядка;
- 1.4.2.4) полиция;
- 1.4.2.5) жандармерия и т. д.

Стремление понятийной системы Халлига–Вартбурга к универсальности, несмотря на существующую критику, делают ее наиболее глубокой и удобной на сегодняшний день классификацией понятий культуры [Казанскене, Казанский 1986: 18–19]. Принимая во внимание критику функционально-семантических классификаций, автор настоящего исследования отдает себе отчет в невозможности на данный момент строгого и объективного тематического членения лексического фонда изучаемых памятников. Как справедливо отмечает Ю. Н. Караулов, классификации такого типа в идеографических словарях на определенном уровне обобщения всегда опираются на «концептуальную модель мира» его составителя, т. е. в конечном итоге несут философско-идеологический характер [Караулов 1976: 263, 266]. Более того, методы, применяемые в семантике, практически всегда в той или иной мере опираются на интуицию [Васильев 1990: 22]. Тем не менее, как показывает практика, отсутствие строгих механизмов формирования функционально-семантических полей⁵ не является препятствием для успешной работы исследователей и получения результатов, позволяющих глубже понять исследуемую культуру. Во-первых, методологическая субъективность в таких случаях компенсируется большим объемом материала (ср. корпусные исследования) или его исчерпывающим изучением в рамках того или иного памятника, типа памятников, ареала, социального страта или периода. В настоящей работе исчерпывающе описывается фонд апеллятивной лексики глаголического Устава Врбника. Во-вторых, классификационная модель Халлига и Вартбурга, при всей критике, достаточно объективно отражает традиционный центральноевропейский взгляд на

⁵ Или в других терминологических системах — «тематических групп».

инвентарь и иерархию элементов центральноевропейской культуры, к которой, в общем, принадлежит и культура острова Крк. Все эти соображения позволяют воспринимать полученные в ходе работы качественные и количественные данные как достаточно объективные.

При анализе заимствований учитывается их частеречная принадлежность и грамматическая адаптация, обусловленная внутренней относительной когерентностью системы языка-реципиента [Appel, Muysken 2005: 172; Haspelmath 2009: 42–43; Matras 2009: 148–149]. Неоднократно делались попытки установить иерархию частотности заимствования разных частей речи. Общий полученный вывод постулирует, что, так как заимствование обычно связано с референтной функцией языка, чаще заимствуются существительные и знаменательные части речи вообще⁶ [Appel, Muysken 2005: 172]. В связи с разной степенью адаптированности заимствования можно выделить неадаптированные заимствования («варваризмы», ср. нем. *Fremdwörter*) и адаптированные заимствования (ср. нем. *Lehnwörter*) [Haspelmath 2009: 42–43].

Полученные результаты подвергаются количественному анализу. Квантитативный (количественный) подход к изучению заимствований развивается с конца 80-х гг. в связи с появлением лингвистических корпусов. Среди пионерских работ этого направления — [Poplack et al. 1988], основанная на анализе англо-французского корпуса региона городов Оттава и Гатино. В исследовании была подтверждена свойственная европейским языкам частеречная иерархия заимствования, а также установлена общая низкая доля заимствований (менее 1%) в материалах корпуса.

2. Анализ апеллятивной лексики Устава Врбника

В соответствии с понятийной классификацией Халлига и Вартбурга, апеллятивная лексика Устава Врбника была распределена между функционально-семантическими классами «Все-ленная», «Человек» и «Человек и вселенная».

⁶ Критическую оценку этого вывода см., например, в [Matras 2009: 154].

В силу ограниченного объема публикации в качестве иллюстративного материала будут представлены только примеры наиболее показательных функционально-семантических полей, демонстрирующие особенности анализа материала. Функционально-семантическое поле организовано в виде последовательности словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. Каждая статья состоит из заголовка статьи, перевода, списка примеров с указанием страниц (по [Margetić 2012: 393–571]), этимологического комментария и ссылки на классификацию Халлига и Вартбурга. Если лексема из памятника не находит в классификации прямого соответствия (как, например, *ênсь* и *agneau* ‘ягненок’), ссылка дается на более общее понятие (ср. *drobь* ‘внутренности домашнего животного’ и *élever du bétail* ‘разводить скот’).

При написании заглавного слова статьи применяется нормализованное правописание⁷. На месте прасл. *ѣ пишется *ê*, на месте редуцированных — *ь*, носовых — *e* и *u*, сочетания *tj — *ĉ*. Сочетания [je], [ja] и [ju] записываются соответственно как *e*, *ê* и *û*. Слогообразующие сонанты не выделяются (ср. *drьmунь*, *prьžunь* и т. п.).

В примерах в соответствии с принципами издания Л. Маргетича знак «’» используется и для обозначения графемы *ь*, и для обозначения паерка.

Заемствованные единицы выделены подчеркиванием, их формы глоссированы в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования⁸.

2.1. «Вселенная»: Животные [Begriffssystem: 123–128]

1. **ДРОБЬ** ‘внутренности домашнего животного’: *d’rob’* 52, *droba* 52; ср. прасл. *drobь [ESSYA 5: 119–120; ERHSJ 1: 441–442]; ср. *élever du bétail* ‘разводить скот’ [Begriffssystem: 175].

2. **ÊНЬСЬ** ‘ягненок’: *ê[n]ci* 35, *ên’ca* 6, *ên’ci* 34, 34, *ênca* 6, *êncem’* 34; ср. прасл. *агньсь [ESSYA 1: 57; ERHSJ 1: 746]; ср. *agneau* ‘ягненок’ [Begriffssystem: 176].

⁷ Ср. аналогичные правила в [SJS: XXXVI–XXXVII].

⁸ <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> [01.12.2017].

3. **GARA** ‘разновидность морской рыбы’: *gar*_{GEN.PL} 26 (1 употребление); ср. лат. *gerres* ‘разновидность морской рыбы’, далм. *giara* ‘разновидность морской рыбы’ [ERHSJ 1: 551–552]; ср. *poisson* ‘рыба’ [Begriffssystem: 127].

4. **НОВОТЬНИЦА** ‘осьминог’: *hobotnic* 26; ср. прасл. **hobotъ* [ESSYA 8: 46–47; ERHSJ 1: 675; Vinja 2: 41]; ср. *mollusque* ‘моллюск’ [Begriffssystem: 127].

5. **КАМЕНИЦА** ‘устрица’: *kamenic* 26; ср. прасл. **kamu*, **kamene* [ESSYA 9: 137–140; ERHSJ 2: 26–27]; ср. *mollusque* ‘моллюск’ [Begriffssystem: 127].

6. **КОБИЛА** ‘кобыла’: *kob[i]l’e* 6, *kobil’e* 6, *kobila* 51, *kobilu* 5, 5; ср. прасл. **kobyła* [ESSYA 10: 93–98]; ср. *cheval* ‘конь’ [Begriffssystem: 175].

7. **КОКОШЬ** ‘курица’: *kokoš* 6, *kokoš’* 6; ср. прасл. **kočošъ* [ESSYA 10: 115–116; ERHSJ 2: 121]; ср. *poule* ‘курица’ [Begriffssystem: 177].

8. **КОНЬ** ‘конь’: *kona* 4, 4; ср. прасл. **конь* [ESSYA 10: 197–198; ERHSJ 2: 142–144]; ср. *cheval* ‘конь’ [Begriffssystem: 175].

9. **КОСТЁНЬ** ‘костистый’: *kostena* 26, 26; ср. прасл. **kostěнь* [ESSYA 11: 155; ERHSJ 2: 163–164]; ср. *os* ‘кость’ [Begriffssystem: 123].

10. **КОЗА** ‘коза’: *koz[u]* 6, *koz’* 6, 46, 50, *kozê* 50, *kozi* 34, *kozu* 6; ср. прасл. **koza* [ESSYA 12: 19–21; ERHSJ 2: 173–174]; ср. *chèvre* ‘коза’ [Begriffssystem: 176].

11. **КОЗИ** ‘козий’: *koz’e* 6, 52, *koz’ega* 43, *koz’ja* 52; ср. прасл. **koza* [ESSYA 12: 19–21; ERHSJ 2: 173–174]; ср. *chèvre* ‘коза’ [Begriffssystem: 176].

12. **КОЗЫЛІЧЬ** ‘козленок’: *koz’liča* 6, *koz’liči* 34; ср. прасл. **kozyliťъ* [ESSYA 12: 31; ERHSJ 2: 173–174]; ср. *chevreau* ‘козленок’ [Begriffssystem: 176].

13. **КРАВА** ‘корова’: *k’ravu* 5, 5; ср. прасл. **korva* [ESSYA 11: 106–112; ERHSJ 2: 183–184]; ср. *vache* ‘корова’ [Begriffssystem: 175].

14. **КРАВИ** ‘коровий’: *k’ravee* 6, *kr[a]v’e* 6; ср. прасл. **корвьъ* [ESSYA 11: 119; ERHSJ 2: 183–184]; ; ср. *vache* ‘корова’ [Begriffssystem: 175].

15. **ЛИГНЬ** ‘кальмар или каракатица’: *Ligan*_{GEN.PL} 26 (1 употребление); ср. лат. *lolligo* ‘каракатица, сепия’, итал. *lolligine*

[ERHSJ 2: 294; Vinja 2: 18]; ср. *mollusque* ‘моллюск’ [Begriffssystem: 127].

16. **MENULA** ‘разновидность морской рыбы’: *menul*_{GEN.PL} 26 (1 употребление); ср. венец. *menola* ‘разновидность морской рыбы’ [ERHSJ 2: 373; Vinja 2: 190]; ср. *poisson* ‘рыба’ [Begriffssystem: 127].

17. **NOSЬ** ‘нос, голова (рыбы)’: *nosa* 26; ср. прасл. **nosъ* [ESSYA 25: 212–216]; ср. *tête* ‘голова’ [Begriffssystem: 123].

18. **OLIGA** ‘разновидность морской рыбы’: *olig*_{GEN.PL} 26 (1 употребление); ср. лат. *lolligo* ‘каракатица, сепия’, итал. *lolligine* [ERHSJ 2: 294; Vinja 2: 37]; ср. *poisson* ‘рыба’ [Begriffssystem: 127].

19. **ONUKLE** ‘годовалый детеныш домашнего скота’: *on[u]k[l]a*_{ACC.PL} 6, *onuk’le*_{NOM.SG} 6 (2 употребления); ср. лат. *annulus* ‘годовалый детеныш домашнего скота’ [ERHSJ 2: 558]; ср. *bétail* ‘скотина’ [Begriffssystem: 175].

20. **ОСЬЛЬ** ‘осел’: *o’sla* 5, *os’la* 5; ср. прасл. **осьль* [ESSYA 36: 90–92; ERHSJ 2: 569]; ср. *âne* ‘осел’ [Begriffssystem: 194].

21. **ОСЬЛИКА** ‘ослица’: *os’licu* 5; ср. прасл. **oslica* [ESSYA 36: 88; ERHSJ 2: 569]; ср. *âne* ‘осел’ [Begriffssystem: 194].

22. **ОШЬЛИ** ‘осла_{GEN}’: *oš’le* 5, *oš’le* 5; ср. прасл. **осьль[ъ]* [ESSYA 36: 94; ERHSJ 2: 569]; ср. *âne* ‘осел’ [Begriffssystem: 194].

23. **ОВАНЬ** ‘баран’: *ov’na* 43, *ov’ni* 44, 44, 44; ср. прасл. **овъ* [ERHSJ 2: 579]; ср. *bélier* ‘баран’ [Begriffssystem: 175].

24. **ОВЬСА** ‘овца’: *ov[a]c’* 8, *ov’ca* 10, *ov’cam’* 35, *ov’cu* 6, *ovac’* 50, *ovc’ê* 50, *ovcu* 6, 10; ср. прасл. **овъ* [ERHSJ 2: 579]; ср. *mouton* ‘овца’ [Begriffssystem: 175].

25. **ОВЬСІ** ‘овечий’: *ov’č’e* 6, 43, *ov’če* 6, 52, *ov’čega* 52; ср. прасл. **овъ* [ERHSJ 2: 579]; ср. *mouton* ‘овца’ [Begriffssystem: 175].

26. **ОЗИМЬКЬ** ‘родившийся зимой детеныш’: *ozim’kom’* 52; ср. прасл. **zima* [HER: 696–697; ERHSJ 3: 655]; ср. *élever du bétail* ‘разводить скот’ [Begriffssystem: 175].

27. **ОЗИМЬСЕ** ‘родившийся зимой детеныш’: *oz[i]mč[e]* 6, *ozim’če* 5, 5, 6; ср. прасл. **zima* [HER: 696–697; ERHSJ 3: 655]; ср. *élever du bétail* ‘разводить скот’ [Begriffssystem: 175].

28. **РЬСЬ** ‘пес’: *p’s* 58, *p’si* 58; ср. прасл. **рьсь* [ERHSJ 2: 611–612]; ср. *chien* ‘собака’ [Begriffssystem: 176].

29. **PĚTENЬ** ‘петух’: *pet[e]ha* 6, *peteha* 6; ср. прасл. **pěti* [ERHSJ 2: 671–672]; ср. *coq* ‘петух’ [Begriffssystem: 177].

30. **PRAZY** ‘баран’: *praza* 43, 52, *prazi* 43, 44, 44; ср. прасл. **rogъ* [ERHSJ 3: 27]; ср. *bélier* ‘баран’ [Begriffssystem: 175].

31. **РЕРЬ** ‘хвост (рыбы)’: *repa* 26; ср. прасл. **гѣрь* [ERHSJ 3: 128–129]; ср. *queue* ‘хвост’ [Begriffssystem: 123].

32. **RIBA** ‘рыба’: *rib* 26, 26, *riba* 26, 26, *ribe* 31; ср. прасл. **ryba* [ERHSJ 3: 136]; ср. *poisson* ‘рыба’ [Begriffssystem: 127].

33. **SAMЬСЬ** ‘самец’: *sam’ca* 5; ср. прасл. **самъ* [HER: 539]; ср. *mâle* ‘самец’ [Begriffssystem: 123].

34. **SAMICA** ‘самка’: *sam[i]ce* 5; ср. прасл. **самъ* [HER: 539]; ср. *femelle* ‘самка’ [Begriffssystem: 123].

35. **SIPA** ‘каракатица’: *sip*_{GEN.PL} 26 (1 употребление); ср. лат. *sepia* ‘сепия, каракатица’ [OLD: 1738; Vinja 3: 162]; ср. *mollusque* ‘моллюск’ [Begriffssystem: 127].

36. **SKORЬČEVINЬ** ‘оскопленный баран’: *s’kop’čevina* 43; ср. прасл. **skopiti* [HER: 609]; ср. *bélier* ‘баран’ [Begriffssystem: 175].

37. **ŪNЬСЬ** ‘теленка’: *ūn’ca* 5, 5; ср. прасл. **junакъ* [HER: 303–304]; ср. *veau* ‘теленка’ [Begriffssystem: 175].

38. **VOLOVINA** ‘разновидность морской рыбы’: *Volovini* 26; вероятно, ср. прасл. **volъ* [HER: 678]; ср. *poisson* ‘рыба’ [Begriffssystem: 127].

39. **VOLЬ** ‘вол, бык’: *vola* 5, 5; ср. прасл. **volъ* [HER: 678]; ср. *boeuf* ‘бык’ [Begriffssystem: 175].

40. **ŽIVINA** ‘животное’: *živina* 23, 24, 35, 50, 50–51, 51, *živine* 21, *živini* 43, 52, *živinu* 20, 20, *živinu* 22, *živ[i]na* 23, 23; ср. прасл. **živъ* [HER: 710–711]; ср. *élever du bétail* ‘разводить скот’ [Begriffssystem: 175].

41. **ŽRĚВЬСЬ** ‘жеребец’: *ž’rêb’ca* 5, *žrêb’ca* 5, *žreb’cem’* 51–52; ср. прасл. **žerbę* [HER: 705–706]; ср. *cheval* ‘конь’ [Begriffssystem: 175].

Из 7 обнаруженных заимствований 6 относятся к романизмам (*gara*, *menula*, *oliga*, *sipa* ‘разновидности морской рыбы’, *ligьнь* ‘кальмар или каракатица’, *onukle* ‘годовалый детеныш домашнего скота’) и 1 — к грецизмам византийского периода (*дрътинь* ‘лес в частном владении’). В качестве языка-донора в случае романизмов выступает далматинский субстрат. В таком случае эти лексемы принадлежат к старшим романизмам. Гре-

цизм *дръгътиль* мог возникнуть в период политического влияния Византии (до XII в.).

Таблица 1. Семантическое распределение заимствованных лексем в функционально-тематическом классе «Вселенная»

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Небо и атмосферные явления	1	0	0%
Земля	12	0	0%
Растения	4	1	25%
Животные	41	6	15%
Всего	58	7	12%

2.2. «Человек»

Функционально-тематический класс «Человек» делится на четыре подкласса: «Человек как физическое существо» (фр. *l'homme, être physique*), «Душа и интеллект» (фр. *l'âme et l'intellect*), «Человек как социальное существо» (фр. *l'homme, être social*) и «Социальная организация» (фр. *l'organisation sociale*). Эти подклассы в силу обширности материала будут сначала рассмотрены по отдельности. Затем будут представлены обобщенные данные по классу «Человек».

2.2.1. Человек как физическое существо: Питание [Begriffssystem: 140–142].

1. **HLĚBЬ** ‘хлеб’: *hleba* 57; ср. прасл. *xlěbъ [ESSYA 8: 27–28; ERHSJ 1: 673–674]; ср. *pain* ‘хлеб’ [Begriffssystem: 141].

2. **HRANA** ‘пища’: *hranu* 48; ср. прасл. *xorna [ESSYA 8: 76–77; ERHSJ 1: 684]; ср. *repas* ‘пища’ [Begriffssystem: 141].

3. **HRANITI** ‘кормить’: *hraniti* 47, 48; ср. прасл. *xorniti [ESSYA 8: 78–79; ERHSJ 1: 684]; ср. *repas* ‘пища’ [Begriffssystem: 141].

4. **MESO** ‘мясо’: *mesa* 43, 43, *meso* 31; ср. прасл. *męso [ESSYA 19: 7–11; ERHSJ 2: 410]; ср. *viande* ‘мясо’ [Begriffssystem: 141].

5. **SIRЬ** ‘сыр’: *sira* 57; ср. прасл. *syгь [HER: 549]; ср. *fromage* ‘сыр’ [Begriffssystem: 141].

6. **ULЬE** ‘масло’: *ul'e*_{ACC.SG} 57 (1 употребление); ср. лат. *oleum* ‘масло’ > балканором. [HER: 653]; ср. *huile* ‘масло’ [Begriffssystem: 142].

7. **VINO** ‘вино’: *vina* 57, 57, *vino* 31; ср. прасл. **vino* [HER: 671]; ср. *vin* ‘вино’ [Begriffssystem: 142].

8. **ŽIRЬ** ‘жир’: *žir* 57; ср. прасл. **žirь* [HER: 710]; ср. *graisse* ‘жир, сало’ [Begriffssystem: 141].

Таблица 2. Семантическое распределение заимствований в функционально-тематическом подклассе «Человек как физическое существо»

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Пол	4	0	0%
Части тела	4	0	0%
Органы и их функционирование	1	0	0%
Чувства и деятельность органов чувств	1	0	0%
Движения и положения	43	0	0%
Здоровье и болезнь	3	0	0%
Человеческая жизнь в целом	7	0	0%
Питание	8	1	13%
Одежда	3	1	33%
Всего	74	2	3%

Оба обнаруженных заимствования (*ulьe* ‘масло’, *berita* ‘берет’) относятся к романизмам. Языком-донором лексемы *ulьe* (старший романизм) выступает латинский язык или балканороманский субстрат, тогда как лингвоидом-донором лексемы *berita* (младший романизм) — романский (итальянско-венетский) суперстрат.

2.2.2. Душа и интеллект: Мораль/la morale [Begriffssystem: 165–167].

1. **ČISTO** ‘честно’⁹: *čisto* 30; ср. прасл. *čistъ [ESSYA 4: 121–122; ERHSJ 1: 328–329]; ср. *honnête* ‘честный’ [Begriffssystem: 165].

2. **DOSTOINI** ‘достойный’: *dostoini* 32; ср. прасл. *stati, *stajati [ERHSJ 3: 329]; ср. *honorable* ‘уважаемый’ [Begriffssystem: 167].

3. **GLAŠЬ** ‘репутация’¹⁰: *gl[a]sa* 4, 9; ср. прасл. *golsъ [ESSYA 6: 219–220]; ср. *réputation* ‘репутация’ [Begriffssystem: 167].

4. **НИМЪВЕНЬ** ‘нечестный’: *hi[m]beno* 31; ср. прасл. *хунити [ESSYA 8: 157–158; ERHSJ 1: 667]; ср. *malhonnête* ‘нечестный’ [Begriffssystem: 165].

5. **ІМЕНІТЬ** ‘достойный’: *imenitih* 22; ср. прасл. *jъmenitъ [ESSYA 8: 225; ERHSJ 1: 718]; ср. *honorable* ‘уважаемый’ [Begriffssystem: 167].

6. **KRIVЬ** ‘дурной’: *k’rivi* 1; ср. прасл. *krivъ [ESSYA 12: 171–174; ERHSJ 2: 200–201]; ср. *méchant* ‘дурной’ [Begriffssystem: 165].

7. **MILOSTЬ** ‘милость, милосердие’: *milos’ti* 20, 20, *milost* 27, *milosti* 26, 30; ср. прасл. *milostъ [ESSYA 19: 39–40; ERHSJ 2: 426–428]; ср. *bienveillance* ‘благожелательность, милость, милосердие’ [Begriffssystem: 165].

8. **MILOSTIVЬ** ‘милостивый’: *milostivi* 32, *milostivim* 27, *milostivomu* 30; ср. прасл. *milostivъ [ESSYA 19: 38–39; ERHSJ 2: 426–428]; ср. *bienveillant* ‘милостивый’ [Begriffssystem: 165].

9. **НЕРОЌЪТЕНІ** ‘бранный’: *neroč’tenu* 14, *neroštene* 31; ср. прасл. *перошътенъ [ESSYA 24: 190; ERHSJ 1: 329–330]; ср. *injure* ‘оскорбление’ [Begriffssystem: 165].

10. **ОРЬСОВАТИ** ‘обругать, выбранить’: *op’soval* 18; ср. прасл. *обръсовати [ESSYA 29: 58; ERHSJ 2: 611–612]; ср. *injurier* ‘злословить, оскорблять’ [Begriffssystem: 165].

11. **РОЌЪТЕНІЕ** ‘уважение, почет’: *počtenji* 27, 30; ср. прасл. *рошътенъ [ERHSJ 1: 329–330]; ср. *respect* ‘уважение’ [Begriffssystem: 167].

⁹ <...> činiti nih’ ofici pravo i čisto <...> 30 ‘выполнять свою работу верно и честно’.

¹⁰ <...> žene ot dob’ra gl(a)sa <...> 4 ‘женщины с хорошей репутацией’.

12. **POČYTOVANI** ‘уважать’: *poč'tovani* 45, 47, *poč'tovanoga* 22, *poštovani* 42; ср. прасл. *počytovati [ERHSJ 1: 329–330]; ср. *respect* ‘уважение’ [Begriffssystem: 167].

13. **РЬSOVATI** ‘обругать, выбранить’: *p'sov[al]* 14, *p'sova[la]* 13, *psovala* 14, *psovali* 30; ср. прасл. *рьсовати [ERHSJ 2: 611–612]; ср. *injurier* ‘злословить, оскорблять’ [Begriffssystem: 165].

14. **SKUŽA** ‘извинение, оправдание’: *s'kužu*_{ACC.SG} 44 (1 употребление); ср. итал. *scusa* ‘извинение’ [Begriffssystem: 166].

15. **SLAVŬNI** ‘славный’: *s'lav'noga* 21; ср. прасл. *slava [HER: 558]; ср. *honorable* ‘уважаемый’ [Begriffssystem: 167].

16. **SVĚTLI** ‘светлый; здесь: славный, достойный’: *svitle* 27, *svitloga* 27, 28; ср. прасл. *světlъ [ESRYA 3: 576]; ср. *honorable* ‘уважаемый’ [Begriffssystem: 167].

17. **VĚRYNI** ‘верный’: *ver'nih* 1, 1; ср. прасл. *věra [HER: 673–674]; ср. *fidèle* ‘верный’ [Begriffssystem: 166].

18. **ZYLO** ‘зло’: *zlo* 19; ср. прасл. *zъlo [HER: 692]; ср. *mal* ‘зло’ [Begriffssystem: 165].

Таблица 3. Семантическое распределение заимствований в функционально-тематическом подклассе «Душа и интеллект»

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Общее: ум, мудрость, способности	1	0	0%
Память	3	0	0%
Мысль	16	0	0%
Чувства	7	0	0%
Воля	81	8	10%
Мораль	18	1	6%
Всего	126	9	7%

Из 9 обнаруженных заимствований 8 относятся к романизмам (*fatiga* ‘труд, работа’, *kuntentati* ‘согласиться’, *licenciê* ‘одобрение, разрешение’, *mandatъ* ‘приказание’, *obliganъ* ‘обязан’, *računъ* ‘способ’, *termenivati/terminati* ‘решить, постановить’, *skuža* ‘извинение, оправдание’) и 1 — к германизмам (*škoda* ‘ущерб’). В качестве лингвоида-донора романизмов выступает итальянско-венецианский суперстрат и латинский язык деловой и судебной

письменности. Таким образом, данные лексемы могут быть отнесены к младшим романизмам.

2.2.3. *Человек как социальное существо: Коммерция и финансы*
[Begriffssystem: 186–187].

1. **BAGATINĚ** ‘денежная единица’: *bagatini*_{NOM.PL} 26 (1 употребление); ср. итал. *bagattino* ‘денежная единица’ [ERHSJ 1: 89]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

2. **ВЕСЬ** ‘денежная единица’: *beč*_{NOM.SG} 26 (1 употребление); ср. итал. *bezzo* ‘денежная единица’ [ERHSJ 1: 130]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

3. **BIRĚ** ‘налог, выплачиваемый священнику’: *biri*_{GEN.PL} 68 (1 употребление); ср. венг. *bér* ‘налог, выплачиваемый священнику’ [ERHSJ 1: 155, 201–202]; по другой точке зрения, османизм или же отглагольное производное из прасл. *birati [ESSYA 2: 98–99; Benkő: 97]; ср. *payement* [Begriffssystem: 187].

4. **СЫЛЕЗЬ** ‘денежная единица’: *cez*’*l[e]za* 10, *c[e]ll[e]z* 14, 14, 23, *c[e]ll[e]z*’ 12, 15, *c[e]zl[e]z*’ 13, *c[e]zl[e]za* 9, *c[e]zl[e]zi* 11, *c[e]zl[ez]’* 13, *c[e]zl[eza]* 11, 12, *c[e]zl[ezi]* 11, 11, *c[ele]z*’ 12, *c’leza* 44, 46, *c’lezi* 33, 44, *clezi* 50; ср. прасл. *stylędzь [ERHSJ 1: 270]; ср. *payement* [Begriffssystem: 187].

5. **DUKAT** ‘денежная единица’: *dukat*’_{GEN.PL} 18 (1 употребление); ср. лат. *ducatus* ‘денежная единица’ [ERHSJ 1: 463]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

6. **LIBRA** ‘денежная единица’: *l[i]b[a]r*_{GEN.PL} 5, 15, 28, 29, 31, *l[i]b[a]r*’_{GEN.PL} 5, 5, 5, 5, 6, 6, 6, 10, 10, 10, 11, 11, 11, 15, 20, 23, 25, 26, 53, *l[i]br*’_{GEN.PL} 5, *l’[i]b[a]r*_{GEN.PL} 47, *l’[i]b[a]r*’_{GEN.PL} 52, *libri*_{NOM.PL} 26 (29 употреблений); ср. итал. *libbra* ‘денежная единица’, лат. *libra* ‘денежная единица’ [ERHSJ 2: 293]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

7. **LIBRICA** ‘денежная единица’: *libr[i]ca*_{NOM.SG} 26, 26, *libr[i]ce*_{NOM.PL} 26, 26, *libr[i]ci*_{NOM.PL} 26, *librica*_{NOM.SG} 43, *librice*_{NOM.PL} 26, *librici*_{NOM.PL} 26 (8 употреблений); ср. итал. *libbra*, лат. *libra* [ERHSJ 2: 293]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

8. **ОДЬКУРЬ** ‘выкуп, покупка’: *od’kupi* 44; ср. прасл. *отъкупъ [ESSYA 37: 100–101]; ср. *acheter* ‘покупать’ [Begriffssystem: 187].

9. **ODЪKUPITI** ‘выкупить, купить’: *odkupi* 50, *odkupit* 45, *otkupiti* 45; ср. прасл. *otъkupiti [ESSYA 37: 97–99; ERHSJ 2: 239]; ср. *acheter* ‘покупать’ [Begriffssystem: 187].

10. **PĚNEŽЬ** ‘денежная единица’: *piniz* 29, *pinizi* 31; ср. прасл. *pěněžь [ERHSJ 2: 670]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

11. **PLAČA** ‘плата’: *plaču* 31; ср. прасл. *platiti [ERHSJ 2: 678–679]; ср. *payer* ‘платить’ [Begriffssystem: 187].

12. **PLAČATI** ‘платить’: *plača* 16, 20, 23, 50, 50, *plačat* 24, *plačau* 52; ср. прасл. *platiti [ERHSJ 2: 678–679]; ср. *payer* ‘платить’ [Begriffssystem: 187].

13. **PLATITI** ‘платить’: *platil* 11, *p’lati* 47, 58, *p’latit* 46, *p’latit* 6, *plačena* 24, *plat’it* 13, *plati* 5, 6, 6, 6, 10, 11, 11, 11, 11, 12, 12, 12, 13, 13, 13, 14, 14, 15, 15, 15, 15, 23, 23, 24, 25, 25, 33, 44, 44, 50, *platit* 28, 42, *platit* 4–5, 6, 18, 25, *platiti* 8, 8, 10, 10, 16, 28, *platiti* 46; ср. прасл. *platiti [ERHSJ 2: 678–679]; ср. *payer* ‘платить’ [Begriffssystem: 187].

14. **POTEČI** ‘стоять’: *poteže* 26; ср. прасл. *potęgti (?) [ERHSJ 3: 449–451]; ср. *coûter* ‘стоять’ [Begriffssystem: 187].

15. **PRODAĚ** ‘продажа’: *prodaū* 43; ср. прасл. *dati [HER: 189–190]; ср. *vendre* ‘продать’ [Begriffssystem: 186].

16. **PRODATI** ‘продать’: *prodati* 29; ср. прасл. *dati [HER: 189–190]; ср. *vendre* ‘продать’ [Begriffssystem: 186].

17. **PRODAVATI** ‘продавать’: *prodaval* 31, *prodavali* 31, *prodavat* 26; ср. прасл. *dati [HER: 189–190]; ср. *vendre* ‘продать’ [Begriffssystem: 186].

18. **SOLDINЬ** ‘денежная единица’: *so[ldin]_{NOM.SG}* 26, 26, 26, 26, 26, 26, 26, *so[ldini]_{GEN.PL}* 6, 6, 6, 11, 11, 11, 20, 20, 25, 36, 36, 49, 50, 51, 58, *sol’din_{NOM.SG}* 52 (23 употребления); ср. итал. *soldo* ‘денежная единица’ [BIRS: 846]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

19. **VRĚDЬNI** ‘стоящий, имеющий стоимость’: *v’rêd’no* 10; ср. прасл. *verdьнь [HER: 684–685]; ср. *coûter* ‘стоять’ [Begriffssystem: 187].

20. **VRNIZЬ** ‘денежная единица’: *vrniz_{GEN.PL}* 43, *vrniz’_{GEN.PL}* 44, *vrnizi_{GEN.PL}* 43 (3 употребления); ср. итал. *veronese* ‘веронский’ [ERHSJ 3: 629]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

21. **ZLATI** ‘денежная единица’: *zl[a]t[i]h* 18, 18, *zl[a]t[i]h* 18; ср. прасл. *zolto [HER: 697]; ср. *argent* ‘деньги’ [Begriffssystem: 187].

Таблица 4. Семантическое распределение заимствований в функционально-тематическом подклассе «Человек как социальное существо»

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Структура общества	19	1	5%
Язык	28	8	29%
Связи в обществе	11	3	27%
Сельское хозяйство, животноводство, садоводство	67	3	4%
Занятия и профессии	12	1	8%
Коммерция и финансы	21	7	33%
Собственность	15	3	20%
Жилище, дом	14	1	7%
Транспорт, передвижение	14	3	21%
Всего	201	29¹¹	14%

Из 29 обнаруженных заимствований 22 относятся к романизмам (*bergamina* ‘пергамент’, *bumbažinь* ‘бумага’, *kapitulь* ‘глава’, *prezentati* ‘представлять’, *škuriti* ‘утратить силу, быть отмененным (о документе)’, *štatutь* ‘статут’, *urdinь* ‘приказ (документ)’, *vizitanie* ‘визитация (ревизия и инспекция имущества)’, *zarь* ‘азартная игра’, *mošunь* ‘загон’, *onukle* ‘годовалый детеныш домашнего скота’, *trata* ‘разновидность рыболовной сети’, *bagatinь*, *bečь*, *dukatь*, *libra*, *soldinь*, *vrnizь* ‘денежные единицы’, *intrada* ‘доход, заработок’, *tištamentь* ‘завещание’, *polača* ‘здание’, *toverna* ‘товерна, трактир’), 6 — к грецизмам (*drьtunь* ‘лес в частном владении’, *golič* ‘крупное весельное судно’, *komarda* ‘сарай’, *harta¹* ‘бумага, лист’, *harta²* ‘игральная карта’, *navkirь* ‘лодочник’) и 1, возможно, — к унгаризмам (*birь* ‘налог, выплачиваемый священнику’). В качестве лингвоида-донора романизмов семантических групп «Язык», «Общественные связи», «Коммерция и финансы», «Собственность»,

¹¹ Лексема *tištamenatь* входит в две подгруппы. Существительные *libra* и *librica* рассматриваются нами как одно заимствование, существующее в нескольких словообразовательных вариантах.

«Жилище и дом» и «Транспорт» выступает итальянско-венецианский суперстрат и латинский язык деловой и судебной письменности. Таким образом, данные лексемы могут быть отнесены к младшим романизмам. К старшим романизмам принадлежат термины сельского хозяйства *mošupъ* и *onukle*, а также, возможно, лексема *trata*. Грецизмы могли проникнуть в чакавский язык Устава как непосредственно из греческого языка в период политического влияния Византии, так и через латинско-романский субстрат. В последнем случае они также являются старшими романизмами.

2.2.4. Социальная организация: Верования, религия [Begriffssystem: 211–214].

1. **АМЕНЬ** ‘аминь’: *am[e]nъ* 1, 21, *amen* 42 (3 употребления); ср. лат. *amen* — интернациональная лексема древнееврейского происхождения [ERHSJ 1: 34–35], ср. *prière* ‘молитва’ [Begriffssystem: 213].

2. **БЛАГЪДНИ** ‘праздничный’: *bla[g]dani* 31; ср. прасл. **bolgъ* и **днь* [ESSYA 2: 174; ESSYA 5: 213–214; ERHSJ 1: 166–168, 379–381]; ср. *fête* ‘праздник’ [Begriffssystem: 214].

3. **БЛАЖЕНИ** ‘блаженный’: *blaženu* 30, *blažene* 42; ср. прасл. **bolžiti* [ESSYA 2: 184–185; ERHSJ 1: 166–168]; ср. *saint* ‘святой’ [Begriffssystem: 212].

4. **БОГЪ** ‘Бог’: *boga* 30; ср. прасл. **bogъ* [ESSYA 2: 161–163; ERHSJ 1: 178–181]; ср. *Dieu* ‘Бог’ [Begriffssystem: 212].

5. **БОЖИ** ‘божий’: *bož'ih* 1, *božie* 1, *b[o]žih* 21, *božie* 21, 42; ср. прасл. **božьjъ* [ESSYA 2: 228–229; ERHSJ 1: 178–181]; ср. *Dieu* ‘Бог’ [Begriffssystem: 212].

6. **БРАШЇСНА** ‘братство’: *braščini* 42; ср. прасл. **bratъčina* (?) [ESSYA 3: 9; ERHSJ 1: 199–201]; ср. *confrérie* ‘братство’ [Begriffssystem: 212].

7. **БРАТИЕ** ‘братство, братия’: *brate* 42, *bratê* 42; ср. прасл. **bratъja* [ESSYA 3: 9–10; ERHSJ 1: 199–201]; ср. *confrérie* ‘братство’ [Begriffssystem: 212].

8. **СРЪКИ** ‘церковь’: *c'rik'vu* 43, *crikvu* 44, *crikvi* 47; ср. прасл. **сърку* [ESSYA 3: 198–199; ERHSJ 1: 275]; ср. *église* ‘церковь’ [Begriffssystem: 212].

9. **ДЕВА** ‘дева’: *dive* 42, *divu* 30; ср. прасл. **děva* [ESSYA 5: 17–18; ERHSJ 1: 415–416]; ср. *saint* ‘святой’ [Begriffssystem: 212].

10. **ДУХОВЬНИ** ‘духовный’: *duhov’noga* 22; ср. прасл. **duxovъ* [ESSYA 5: 152–153]; ср. *prêtre* ‘священник’ [Begriffssystem: 212].

11. **МЬША**, **МИСА** ‘месса’: *maše*_{GEN.SG} 44, *mise*_{GEN.SG} 47 (2 употребления); ср. лат. *missa* ‘месса’ [ERHSJ 2: 430–431]; ср. *messe* ‘месса’ [Begriffssystem: 213].

12. **ОПАТЬ** ‘аббат’: *opata*_{GEN.SG} 22 (1 употребление); ср. др.-в.-нем. *abbat* ‘аббат’, разг. лат. *abbate* ‘аббат’ [ERHSJ 2: 559–560]; ср. *abbé* ‘аббат’ [Begriffssystem: 212].

13. **ОПАТИЁ** ‘аббатство’: *opatii*_{LOC.SG} 21 (1 употребление); ср. др.-в.-нем. *abbat* ‘аббат’, разг. лат. *abbate* ‘аббат’ [ERHSJ 2: 559–560]; ср. *abbé* ‘аббат’ [Begriffssystem: 212].

14. **ПЛОВАНЬ** ‘священник, настоятель прихода’: *plovan*_{NOM.SG} 33, 50 (2 употребления); ср. фриул. *plevan*, лат. *plebanus*; возможно, лексема была заимствована из романских диалектов Далмации [ERHSJ 2: 689]; ср. *prêtre* ‘священник’ [Begriffssystem: 212].

15. **РОРЬ** ‘священник’: *por*’ 21, 62, *pora* 9, 10, 16, *porot* 42; ср. прасл. **поръ* [ERHSJ 3: 8–9]; ср. *prêtre* ‘священник’ [Begriffssystem: 212].

16. **ПОРОВЬСКИ** ‘священника_{GEN}’: *popovske* 57, 57; ср. прасл. **поръ* [ERHSJ 3: 8–9]; ср. *prêtre* ‘священник’ [Begriffssystem: 212].

17. **ПОРОВЕНІЕ** ‘рождество’: *poroenê* 42; ср. прасл. **roditi* [HER: 518–519; ERHSJ 3: 151–153]; ср. *naissance* ‘рождение’ [Begriffssystem: 139].

18. **ПРЬВЬДЬ** ‘священник’: *pr’v’d’*_{NOM.SG} 45 (1 употребление); ср. фриул. *prevede*, лат. *praebiter*, греч. *πρεσβύτερος* [ERHSJ 3: 61]; ср. *prêtre* ‘священник’ [Begriffssystem: 212].

19. **SVETI** ‘святой’: *s[ve]t[a]go* 56, *s[ve]t[i]m*’ 45, *s[ve]te* 21, 42, *s[veta]go* 22, *svetih*’ 31, *svetoga* 42, 42, 42; ср. **svęty* [ESRYA 3: 585]; ср. *saint* ‘святой’ [Begriffssystem: 212].

20. **ЖАКАНЬ** ‘дьякон’: *žak’na*_{ACC.SG} 10, 16, *žak’na*_{GEN.SG} 16, *žaknom*_{INS.SG} 42 (4 употребления); из греч. *διάκονος* > лат. *diaconus* [ERHSJ 3: 670]; ср. *prêtre* ‘священник’ [Begriffssystem: 212].

Таблица 5. Семантическое распределение заимствований в функционально-тематическом подклассе «Человек как социальное существо»

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Общины	9	3	33%
Государство	41	12	29%
Судебная система	71	18	25%
Национальная оборона	1	0	0%
Верования, религия	20	6	30%
Всего	142	39	27%

Из 39 обнаруженных заимствований 38 относятся к романизмам (*busovičъ* ‘глашатай’, *komunъski* ‘общественный’, *placa* ‘площадь’, *civilъ* ‘гражданин’, *ingaričъ* ‘барщина’, *kancilarъ* ‘секретарь, писарь’, *kasati* ‘отстранить’, *kaštelyъ* ‘община (административная единица)’, *komunъ* ‘общественная трудовая повинность’, *liganca* ‘обязанность, штраф’, *notarъ* ‘писарь, секретарь’, *oficiělъ* ‘чиновник’, *oficiē/oficii* ‘служебное помещение, служба’, *providurъ* ‘проведитор (венецианский чиновник)’, *računъ* ‘вид, класс’, *apelaciunъ* ‘апелляционная жалоба’, *apelati* ‘подавать апелляционную жалобу’, *banžani* ‘преступник’, *berlina* ‘колодки’, *denunciēti* ‘доносить’, *denunciē* ‘донос’, *falъ* ‘обман’, *frušati* ‘бичевать’, *karmenalbъ* ‘преступление’, *kaštigati* ‘наказать’, *pena* ‘штраф’, *provati* ‘доказать’, *prъžunъ* ‘тюрьма’, *publikati* ‘обнародовать, опубликовать’, *sentenciē* ‘вердикт’, *sentenciivati* ‘вынести вердикт’, *zaminati* ‘допрашивать’, *amenъ* ‘аминь’, *opatъ* ‘аббат’, *oratiē* ‘аббатство’, *plovанъ* ‘настоятель, приходской священник’, *prъvъndъ* ‘священник или диакон’, *žakanъ* ‘дьякон’), 1 — к германизмам (*permanъ* ‘судебный служащий’). В качестве лингвоида-донора большинства романизмов выступает итальянско-венецианский суперстрат и латинский язык деловой и судебной письменности. Таким образом, данные лексемы могут быть отнесены к младшим романизмам. Старшими романизмами, вероятно, могут быть церковные термины, заимствованные в более

ранний период из латинско-далматинского субстрата, а также лексема *kaštelj* ‘община (административная единица)’.

2.2.5. Человек: обобщение.

Таблица 6. Семантическое распределение заимствований в функционально-тематическом классе «Человек»

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Человек как физическое существо	74	2	3%
Душа и интеллект	126	9	7%
Человек как социальное существо	201	29	14%
Социальная организация	142	39	27%
Всего	543	79	15%

Из 79 обнаруженных заимствований 70 относятся к романизмам, 6 — к грецизмам, 2 — к германизмам, 1 — к унгаризмам.

2.3. «Человек и вселенная»: Время [Begriffssystem: 224–226]

1. **ДЪНЬ** ‘день’: *d[a]n* 20, 45, 46, 47, 47, 51, 68, *d[a]n’* 4, 10, 24, 45, 50, *d’n* 43, *d’ne* 25, *d’ni* 13, 43, 43, 43, 43, 44, *dan* 20, 31, 36, 42, *dan’* 1, *dni* 50, 50, 50; *дѣнь [ESSYA 5: 213–214; ERHSJ 1: 379–381]; ср. *jour* ‘день’ [Begriffssystem: 224].

2. **ДЕЦЕМБЬРЬ** ‘декабрь’: *decem’bra*_{GEN.SG} 20, *decembra*_{GEN.SG} 47 (2 употребления); ср. лат. *december* ‘декабрь’ [ERHSJ 1: 388]; ср. *décembre* ‘декабрь’ [Begriffssystem: 225].

3. **ДОКЛѢ** ‘до тех пор пока; до каких пор’: *doklê* 4, *dokle* 46, 46, 46, 48, *dokli* 42, *dokli* 49; ср. прасл. *do ko lě [ESSYA 5: 58]; ср. *quand* ‘когда’ [Begriffssystem: 225].

4. **ДУРАТИ** ‘длиться’: *durat*_{INF} 36 (1 употребление); ср. лат. и итал. *durare* ‘длиться’ [ERHSJ 1: 461]; ср. *durer* ‘длиться’ [Begriffssystem: 225].

5. **ЕНВАРЬ** ‘январь’: *en’v[a]ra*_{GEN.SG} 20 (1 употребление); ср. лат. *januarius*, *jenuarius* ‘январь’ [ERHSJ 1: 754]; ср. *janvier* ‘январь’ [Begriffssystem: 225].

6. **IŮNŮ** ‘июнь’: *ijuna*_{GEN.SG} 1, *iūna*_{GEN.SG} 42, 44 (3 употребления); ср. лат. *Junius* ‘июнь’ [ERHSJ 1: 786]; ср. *juin* ‘июнь’ [Begriffssystem: 225].

7. **КЪДА** ‘когда’: *k[a]da* 25, *ka[d]* 35, *kada* 2, 2, 8, 9, 27, 34, 35, 44, 58, *kadi* 49, 56; ср. прасл. *къда, *къде [ESSYA 13: 173, 175]; ср. *quand* ‘когда’ [Begriffssystem: 225].

8. **KUŠTĪŮNŮ** ‘конфликт, проблема’: *kuštijun*_{ACC.SG} 31 (1 употребление); ср. итал. *questione* ‘вопрос, дело, проблема’ [ERHSJ 1: 252–253]; ср. *incident* ‘происшествие’ [Begriffssystem: 226].

9. **LĚTO** ‘год’: *let* 1, 42, *let[o]* 68, *let’* 21, 29, *leta* 42, *leto* 23; ср. *lĕto [ESSYA 15: 8–12; ERHSJ 2: 336–337]; ср. *année* ‘год’ [Begriffssystem: 225].

10. **MAI** ‘май’: *maĕ*_{GEN.SG} 43, *mai*_{ACC.SG} 35, *maja*_{GEN.SG} 68 (3 употребления); ср. лат. *Maius*, греч. *μαῖος* ‘май’ [ERHSJ 2: 349]; ср. *mai* ‘май’ [Begriffssystem: 225].

11. **MARŮŮ** ‘март’: *marĉa*_{GEN.SG} 43 (1 употребление); ср. лат. *martius*, греч. *μάρτιος* ‘март’ [ERHSJ 2: 375–376]; ср. *mars* ‘март’ [Begriffssystem: 225].

12. **MĚSEŮ** ‘месяц’: *m[e]s[e]ca* 1, 21, 43, 50, *mes[e]ca* 45, *mesec* 46, *mesec’* 35, *meseca* 43, 43, 47, *misec* 26, *miseca* 42, 44, 45, 47; ср. прасл. *mĕsĕŝ [ESSYA 18: 191–194; ERHSJ 2: 437–438]; ср. *mois* ‘месяц’ [Begriffssystem: 225].

13. **NAPRĚDŮ** ‘вперед’: *naprid’* 23, *naprida* 33, 33, 49, 51, 53, 68; ср. прасл. *perdŭ [ERHSJ 3: 32–33]; ср. *désormais* ‘теперь, отныне’ [Begriffssystem: 226].

14. **NEDĚLĚ** ‘воскресение’: *nedilŭ* 44; ср. прасл. *neděl’a [ESSYA 24: 115–117; ERHSJ 1: 412–413]; ср. *dimanche* ‘воскресение’ [Begriffssystem: 225].

15. **NOVEMBŮRŮ** ‘ноябрь’: *novem’bra*_{GEN.SG} 45, *novembra*_{GEN.SG} 51 (2 употребления); ср. лат. *november* ‘ноябрь’ [ERHSJ 2: 527]; ср. *novembre* ‘ноябрь’ [Begriffssystem: 225].

16. **NIGDARE** ‘никогда’: *nigdar’* 52; ср. прасл. *nikogŭda, *nikŭda [ESSYA 25: 115–116, 117]; ср. *quand* ‘когда’ [Begriffssystem: 225].

17. **NINĚ** ‘сейчас’: *nina* 48; ср. прасл. *ninĕ, ср. *nynĕ/*nĕnĕ [ESSYA 25: 120; ESSYA 26: 57–60]; ср. *maintenant* ‘сейчас’ [Begriffssystem: 226].

18. **НОЇЬ** ‘ночь’: *noči* 25; ср. прасл. *nokt’ [ESSYA 25: 175–177]; ср. *nuît* ‘ночь’ [Begriffssystem: 224].

19. **NOVI** ‘новый’: *novim* 22; ср. прасл. повъ [ESSYA 26: 9–13; ERHSJ 2: 525–526]; ср. *nouveau* ‘новый’ [Begriffssystem: 226].

20. **ОКТОБЬРЬ** ‘октябрь’: *okt[o]bra*_{GEN.SG} 21, *oktebra*_{GEN.SG} 43, *otebra*_{GEN.SG} 45 (3 употребления); ср. лат. *october*, итал. *ottobre* ‘октябрь’ [ERHSJ 2: 552]; ср. *octobre* ‘октябрь’ [Begriffssystem: 225].

21. **PERVARЬ** ‘февраль’: *pervara*_{GEN.SG} 46 (1 употребление); ср. лат. *februarius*, *febrarius*, греч. *φεβράριος*, *φεβρι[ο]ς* ‘февраль’ [ERHSJ 1: 508–509]; ср. *février* ‘февраль’ [Begriffssystem: 225].

22. **POTLĚ** ‘после, снова’: *pot’lě* 23; ср. др.-русс. и слав. *толи* ‘потом’ [ESRYA 4: 70]; ср. *ensuite* ‘потом’ [Begriffssystem: 225].

23. **POTOMЬ** ‘потом’: *potom* 17; ср. прасл. *тъ [HER: 617]; ср. *ensuite* ‘потом’ [Begriffssystem: 225].

24. **СЬДА** ‘сейчас’: *s’da* 18, *sada* 49; ср. прасл. *съда, *съгода [HER: 537–538]; ср. *maintenant* ‘сейчас’ [Begriffssystem: 226].

25. **СЕКТЕБЬРЬ** ‘сентябрь’: *sektebra*_{GEN.SG} 50 (1 употребление); ср. лат. *september* ‘сентябрь’ [ERHSJ 3: 222–223]; ср. *septembre* ‘сентябрь’ [Begriffssystem: 225].

26. **СЪТВАРЬ** ‘происшествие’: *s’tvari* 18, *stvari* 18, 29; ср. прасл. *tvoriti [HER: 646]; ср. *incident* ‘происшествие’ [Begriffssystem: 226].

27. **ТАДА** ‘тогда’: *tada* 2, 3, 35, 43, 47; ср. прасл. *to, *къда [ESRYA 4: 68–69]; ср. *quand* ‘когда’ [Begriffssystem: 225].

28. **ТЕЇИ** ‘идти (о времени)’: *tekučih* 1; ср. прасл. *tekti [HER: 622]; ср. *temps* ‘время’ [Begriffssystem: 224].

29. **ТРАТЬ** ‘раз, случай’: *trat* 23, *trat* 27, *trat* 8; ср., вероятно, прасл. *kortъ [HER: 345]; ср. *événement* ‘событие’ [Begriffssystem: 226].

30. **TUDIE** ‘тотчас’: *tud’e* 24, *tudije* 27; ср. прасл. *tudjъ [HER: 643]; ср. *quand* ‘когда’ [Begriffssystem: 225].

31. **ВЪЗЬДА** ‘всегда’: *v’zda* 4, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 23, 24, *vaz’da* 49, *vazda* 33, 49; ср. прасл. *въxogda или *въxoda [ESRYA 1: 362–363]; ср. *toujours* ‘всегда’ [Begriffssystem: 225].

32. **VIŠE** ‘выше; здесь: раньше’: *više* 22, *više* 29, *više* 44; ср. прасл. *vysokъ [HER: 672]; ср. *avant* ‘раньше’ [Begriffssystem: 225].

33. **VĚŤBYNI** ‘вечный’: *več’nim* 22; ср. прасл. *věкъ [HER: 669]; ср. *éternel* ‘вечный’ [Begriffssystem: 225].

34. **VĚKY** ‘век’: *viki* 68; ср. прасл. *věкъ [HER: 669]; ср. *siècle* ‘век’ [Begriffssystem: 225].

35. **VRĚME** ‘время’: *v’rime* 21, *vrime* 46, 68; ср. прасл. *vertmę [HER: 685]; ср. *temps* ‘время’ [Begriffssystem: 224].

36. **ZYDATI** ‘происходить, совершаться’: *z’da* 4, *z’dan* 8; ср. прасл. *zydati [ERHSJ IV: 653–654]; ср. *se passer* ‘происходить’ [Begriffssystem: 226].

37. **ZYGODITI** ‘случиться’: *z’godila* 19; ср. прасл. *goditi [HER: 236]; ср. *se passer* ‘происходить’ [Begriffssystem: 226].

Таблица 7. Семантическое распределение заимствований в функционально-тематическом классе «Человек и вселенная»

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Существование	4	1	25%
Качества и состояния	6	0	0%
Отношение, порядок, ценность	25	1	4%
Число и количество	23	3	13%
Пространство	22	0	0%
Время	37	11	30%
Движение	2	0	0%
Изменение	4	0	0%
Всего	123	16	13%

Все 16¹² обнаруженных заимствований относятся к романизмам (*mankati/pomankati* ‘не хватать, отсутствовать’, *štimatei* ‘оценить’, *duplo* ‘двойное количество’, *minuti* ‘меньше’, *suma* ‘сумма’, *decembarь*, *envarь*, *iŭnь*, *mai*, *taračь*, *novembarь*, *oktobarь*, *pervarь*, *sektebarь* ‘названия месяцев’, *durati* ‘длиться’, *kušitiŭnь* ‘конфликт,

¹² Глаголы *mankati* и *pomankati* рассматриваются нами как одно заимствование, существующее в нескольких словообразовательных вариантах.

проблема'). Названия месяцев, восходящие к латинскому языку, могли быть заимствованы как непосредственно из балканской латыни, так и посредством романских диалектов и греческого языка. Эти лексемы относятся к старшим романизмам. Прочие романизмы функционально-семантического класса «Человек и вселенная» связаны с итальянско-венецианским суперстратом и латинским языком деловой и судебной письменности и являются, таким образом, младшими романизмами.

3. Выводы

3.1. Количественные обобщения

Семантическое распределение заимствований в апеллятивной лексике Устава Врбника представлено в следующих двух таблицах. В Таблице 8 отражено соотношение заимствованных и исконных лексем по трём основным понятийным категориям классификации Халлига и Вартбурга. В более пространной Таблице 9 — по подгруппам, причём учитываются только основные подгруппы, содержащие более десяти лексических единиц.

Таблица 8. Семантическое распределение заимствований в апеллятивной лексике Устава Врбника по трем основным понятийным категориям классификации Халлига и Вартбурга.

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Вселенная	58	7	12%
Человек	543	79	15%
Человек и вселенная	123	16	13%
Всего			13%

Таблица 9. Семантическое распределение заимствований в апеллятивной лексике Устава Врбника по основным подгруппам

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Коммерция и финансы	21	7	33%
Верования, религия	20	6	30%
Время	37	11	30%

Лексические заимствования в глаголическом уставе Врбника

Язык	28	8	29%
Государство	41	12	29%
Связи в обществе	11	3	27%
Судебная система	71	18	25%
Транспорт, передвижение	14	3	21%
Собственность	15	3	20%
Животные	41	6	15%
Число и количество	23	3	13%
Воля	81	8	10%
Занятия и профессии	12	1	8%
Жилище, дом	14	1	7%
Мораль	18	1	6%
Структура общества	19	1	5%
Сельское хозяйство, животноводство, садоводство	67	3	4%
Отношение, порядок, ценность	25	1	4%
Земля	12	0	0%
Движения и положения	43	0	0%
Мысль	16	0	0%
Пространство	22	0	0%

Среди приблизительно 724 знаменательных лексем Устава Врбника было обнаружено 101 заимствование. Большинство заимствований (91 лексема, т. е. 90%) — романизмы. Старшие романизмы были отмечены в семантических полях названий морских животных, продуктов питания и с/х производства, терминов сельского хозяйства, церкви, государства и названий месяцев. Старшие романизмы составляют 26% всех романизмов и 24% всех заимствований. Младшие романизмы, связанные с итальянско-венетским суперстратом и латинским языком официальной письменности и представляющие собой в основном терминологию из правовых документов, составляют 74% всех романизмов и 66% заимствований. Они содержатся в полях «Во-

ля», «Мораль», «Язык», «Общественные связи», «Коммерция и финансы», «Собственность», «Жилище и дом», «Транспорт/передвижение», «Общины», «Государство», «Судебная система», а также среди отвлеченных понятий класса «Человек и вселенная». В небольшом числе (7 лексем, или 7% заимствований) в тексте Устава встречаются грецизмы (*drъmъnъ* 'лес в частном владении', *goliê* 'крупное весельное судно', *ingariê* 'барщина', *komarda* 'сарай', *harta*¹ 'бумага, лист', *harta*² 'игральная карта' и *navkirъ* 'лодочник'), попавшие в язык памятника или напрямую из греческого языка в период политического влияния Византии (до XII в.), или через латинско-романское посредничество. В единичном количестве были также отмечены германизмы (*škoda* 'ущерб', *permanъ* 'судебный служащий') и, возможно, унгаризм (*birъ* 'налог, выплачиваемый священнику').

Всего апеллятивная лексика Устава Врбника насчитывает 358 словоупотреблений заимствованных лексем, что составляет примерно 7% всех словоупотреблений памятника (по приблизительным подсчетам около 5265). Таким образом, общее соотношение количества заимствованных единиц в языке памятника и количества их употреблений в тексте составляет 1 к 3,5.

Большая часть лексических заимствований (62 единицы, или 61%) употребляется в тексте Устава по 1 разу, 14 заимствований — по 2 раза, 9 — по 3 и лишь отдельные лексемы — больше 3 раз: 4 раза — *kuntentati* 'согласиться', *žakanъ* 'дьякон', 5 раз — *duplo* 'двойное количество', 6 — *obliganъ* 'обязан', *štaturъ* 'статут', 7 — *urdinъ* 'приказ (документ)', 8 — *drъmъnъ* 'лес в частном владении', 9 — *kaštelъ* 'община (административная единица)', 10 — *oficiê/oficii* 'служебное помещение, служба', *provati* 'доказать', 15 — *providurъ* 'проведитор (венецианский чиновник)', 17 — *škoda* 'ущерб', 23 — *soldinъ* 'денежная единица', 35 — *pena* 'штраф', 37 — *libra/librica* 'денежная единица' или 'мера веса', 47 — *kapitulъ* 'глава'.

Основная часть частотных заимствований относится к младшим романизмам (*kapitulъ* 'глава', *libra/librica* 'денежная единица' или 'мера веса', *pena* 'штраф', *soldinъ* 'денежная единица', *providurъ* 'проведитор (венецианский чиновник)', *oficiê/oficii* 'служебное помещение, служба', *provati* 'доказать', *urdinъ* 'приказ (документ)', *obliganъ* 'обязан', *štaturъ* 'статут', *duplo* 'двойное

количество' и *kuntentati* 'согласиться'). Также в этот список попало несколько старших романизмов (*kaštelъ* 'община (административная единица)', *žakanъ* 'дьякон'), германизм (*škoda* 'ущерб') и грецизм (*drъmъnъ* 'лес в частном владении').

Если обратиться к существующей типологической иерархии семантических полей, проницаемых для заимствований [Tadmor 2009: 64], можно провести определенные параллели (см. Таблицу 10).

Таблица 10. Соотношение проницаемости семантических полей в [Tadmor 2009] и Уставе Врбника

	[Tadmor 2009: 64]	Устав Врбника
Religion and belief	41,2%	30%
Clothing and grooming	38,6%	—
The house	37,2%	7%
Law (ср. «Судебная система»)	34,3%	25%
Social and political relations (ср. «Государство», «Связи в обществе» и «Структура общества»)	31%	20%
Agriculture and vegetation	30%	4%
Food and drink	29,3%	—
Warfare and hunting	27,9%	—
Possession	27,1%	20%
Animals	25,5%	15%
Cognition (ср. «Мысль»)	24,2%	0%
Basic actions and technology	23,8%	—
Time	23,2%	30%
Speech and language	22,3%	29%
Quantity	20,5%	13%
Emotions and values (ср. «Отношение, порядок, ценность», «Мораль»)	19,9%	5%
The physical world (ср. «Земля»)	19,8%	0%
Motion (ср. «Движения и положения»)	17,3%	0%

Kinship	15%	—
The body	14,2%	—
Spatial relations	14%	0%
Sense perception	11%	—
All words	24,2%	13–14%

Приведенные параллели, конечно, носят условный и субъективный характер. Во-первых, инвентарь элементов в соответствующих семантических полях [Begriffssystem] и [Tadmor 2009] отличается. Во-вторых, доля заимствований в семантических полях отдельного памятника не может быть механически спроецирована на язык в целом. К сожалению, обобщающие данные такого рода по языку чакавской письменности (как и по письменностям иных зон выраженного контакта) еще не созданы, поэтому сопоставительные данные приводятся здесь не в качестве вывода исследования, а в качестве начальных наблюдений и приглашения к новым исследованиям.

В целом функционально-семантические поля Устава Врбника демонстрируют меньший (в некоторых случаях значительно меньший) процент заимствований на фоне данных в [Tadmor 2009]. Значительно ниже и общий процент заимствований (13–14% против 24,2%). Исключениями являются поля «Время» и «Язык». Функционально-семантическое поле «Время» имеет высокий показатель заимствований за счет названий месяцев, «Речь и язык» — за счет названий документов и канцелярских терминов.

Достаточно высок процент заимствований в функционально-семантических полях «Коммерция и финансы» (33%), «Транспорт, передвижение» (21%) и «Воля» (10%), не имеющих хотя бы приблизительных соответствий в иерархии Хаспельмата и Тадмора. Поле «Коммерция и финансы» характеризуется прежде всего многочисленными заимствованиями названий денежных единиц, поле «Воля» — терминами долженствования и волеизъявления, поле «Транспорт, передвижение» — лексемами *goliê* ‘крупное весельное судно’, *navkirь* ‘лодочник’ и *toverna* ‘товерна, трактир’.

3.2. Морфология заимствований

Большая часть заимствованных лексем (81, или 80%) относится к именам существительным, 17 (17%) — к глаголам, 2 (2%) — к прилагательным, 1 (1%) — к наречиям. Все лексемы полностью адаптированы.

Имена существительные. В силу языковых изменений, произошедших в сербохорватском языке, в основе классификации типов склонения имен существительных лежит не характер праславянской основы, а категория рода. При этом словоизменительные отличия у твердых и мягких¹³ основ сохраняются (ср. [Leskien 1914: 333–334]).

Имена существительные женского рода. Все заимствования женского рода изменяются по типу, восходящему к прасл. склонению основ на *-(^o)ā.

Таблица 11. Твердый подтип склонения имен существительных женского рода

	Sg.	Pl.
Nom.	-a (<i>pena, škoda</i>)	-i (<i>libri</i>)
Gen.	-e (<i>fatige, pene, škode</i>) -i (<i>har'ti, peni, sumi</i>)	-ø ¹⁴ (<i>gar, libar', menul, olig, sip</i>)
Dat.		
Acc.	-u (<i>ber'gaminu, beritu, berlinu, har'tu, intradu, penu, škodu, tovernu</i>)	-e (<i>trate</i>) -i (<i>harti</i>)
Ins.		
Loc.	-ê = -i ¹⁵ (<i>komar'dê, š'kodi</i>)	

¹³ К мягким относятся основы с исходом на /j/, /c/, /č/, /č/, /d/, /l', /n', /š/, /št/, /ž/, /žd/ и /r/ < *rj (ср. [Leskien 1914: 333]). При этом в глаголических памятниках обычно графически не различаются /n/ и /n', /l/ и /l' (ср., например, *sinь* /sin/ 'сын' и *конь* /kon'/ 'конь'). В таких случаях характер основы определяется на основании этимологических данных, форм косвенных падежей или соответствий в современных диалектах.

¹⁴ Нулевое окончание графически может быть ничем не выражено или выражено графемой -ь или паерком.

Таблица 12. Мягкий подтип склонения имен существительных женского рода

	Sg.	Pl.
Nom.	<i>-a (librica, sentenciê [-ja])</i>	<i>-e (librice) -i (librici)</i>
Gen.	<i>-e (golie, ingarie, sen'ten'cie)</i>	
Dat.		
Acc.	<i>-u (ligan'cu, of[fi]ciu, s'kužu)</i>	
Ins.	<i>-u (licen'ciû)</i>	
Loc.	<i>-i (d[en]unciji, polači, placi)</i>	

В формах GEN.SG (-e/-i), NOM.PL (-e/-i) и ACC.PL (-e/-i) наблюдается морфологическая дублетность, вызванная процессом обобщения праславянского склонения основ на *-(')ã по мягкому или твердому типу в западноюжнославянских диалектах¹⁶ [Leskien 1914: 333]. Это явление отмечается и в других глаголических памятниках Далмации (см., например, [Козак 2017: 337]).

Мужской род. Большинство заимствований мужского рода изменяется по типу, восходящему к прасл. склонению основ на *-(')ǫ.

Таблица 13. Твердый подтип склонения имен существительных мужского рода

	Sg.	Pl.
Nom.	<i>-ø (apelaciûn, drmun', fal', kapitul', nav'kir', plovàn', pr'v'd', providur', sol'din, štatut', urdin)</i>	<i>-i (bagatini, tištamenti, urdini)</i>

¹⁵ В современных экавско-икавских говорах острова Крк в морфемах и в абсолютном конце слова рефлекс *ě исключительно икавский [Lukežić, Turk, 1998: 24–25].

¹⁶ Примечательно, однако, что современные говоры Врбника различают окончания *-e* и *-i* в соответствующих основах [Lukežić, Turk 1998: 156].

Gen.	<i>-a (bun'bažina, decem'bra, en'v[a]ra, iûna, karmenala, kaš'tela, komuna, novembra, oktebra, pervara, providura, računa, sektebra, statuta, zara)</i>	<i>-ø (civil, dukat', kaš'tel', vrniz) -i (biri, soldini, vrnizi) -ovъ (urdinov, kaštelov)</i>
Dat.	<i>-u (providuru)</i>	
Acc.	<i>-ø¹⁷ (apelaciûn, kaš'tel', kuštijun, pržun', š'tatut')</i>	<i>-i (d'r'muni, mandati, per'mani, urdini)</i>
Ins.	<i>-омъ (providurom')</i>	
Loc.	<i>-ê = -i (kaš'teli, mošuni, offi]ci[a]li, providuri, računê) -u (ur'dinu, kancilaru)</i>	<i>-ihъ (dr'munih')</i>

Таблица 14. Мягкий подтип склонения имен существительных мужского рода

	Sg.	Pl.
Nom.	<i>-ø (beč, notar')</i>	
Gen.	<i>-a (oficiê, maê, marča)</i>	<i>-ø (ligan)</i>
Dat.		
Acc.	<i>-ø (uficii)</i>	<i>-e (oficje)</i>
Ins.		
Loc.	<i>-i (busoviči, oficiji)</i>	

В формах LOC.SG и GEN.PL у некоторых лексем употребляются флексии, восходящие к прасл. склонению основ на *-ÿ и *-î. Эти формы, однако, употребляются непоследовательно: ср. *vrnizi*, но *vrniz* 'денежная единица'; *kaštelov*, но *kaš'tel* 'община (административная единица)'. Подобные колебания отмечаются как в чакавских глаголических текстах, так и в современных диалектах (ср. [Lisac 2009: 26; Козак 2017: 338]).

Средний род. Немногочисленные заимствованные существительные среднего рода демонстрируют, в частности, то же колебание в формах LOC.SG (*-i/-u*), что и лексемы мужского рода.

¹⁷ Среди примеров представлены только неодушевленные имена существительные.

Таблица 15. Твердый подтип склонения имен существительных среднего рода

	Sg.
Loc.	-u (<i>duplu</i>)

Таблица 16. Мягкий подтип склонения имен существительных среднего рода

	Sg.	Pl.
Nom.	-e (<i>onuk'le</i>)	
Gen.		
Dat.		
Acc.	-e (<i>ul'e</i>)	-a (<i>on[u]k[l]a</i>)
Ins.		
Loc.	-i (<i>vižitani</i>)	

В целом о заимствованных именах существительных можно сказать, что они демонстрируют не только грамматическую адаптацию к славянской системе именного словоизменения, но и ту же морфологическую вариативность, что и исконные лексемы.

Имена прилагательные. Среди обнаруженных заимствований два являются именами прилагательными, согласующимися по категориям рода, падежа и числа: *komunsk-oi*_{F.LOC.SG} ‘общественный’, *banžan-ih*_{ACC.PL} ‘преступник’, буквально — ‘изгнанный, преступный’.

Глаголы. Словоизменение заимствованных глаголов в языке Устава Врбника зависит от типа спряжения лексемы-источника в языке-доноре. В большинстве случаев исторически это первое спряжение латинского языка (-āre). Соответственно, заимствованные глаголы изменяются по типу, восходящему к прасл. глагольным основам инфинитива на *-a- и презенса на *-aje-.

Суффикс инфинитива фигурирует в двух видах: -ti (*denunciēti* ‘доносить’, *provati* ‘доказать’, *zaminati* ‘допрашивать’, *štimatei* ‘оценить’) и -tь (*prezen'tat* ‘представлять’, *apelat* ‘подавать апелляционную жалобу’, *durat* ‘длиться’).

Вариативность в глагольных формах наблюдается в 3 sg. настоящего времени: ср. форму с флексией -tь (*kuntenta-t* ‘согласиться’) и формы без нее (*pot[a]n'ka-ø* ‘не хватать, отсутствовать’, *š'tima-ø* ‘оценить’) (ср. примеры аналогичных колебаний в [Козак 2017: 338]).

Таблица 17. Формы настоящего времени

3 sg.	3 pl.
-ть (<i>kuntentat</i>)	-и (<i>senticijavaû</i>)
-ø (<i>pom[a]n'ka, š'tima</i>)	

В тексте засвидетельствованы также формы аориста (*kuntenta-ø* ‘согласиться’, *term[e]niva-ø*, *termina-še* ‘решить, постановить’) и причастий (*f'ruš'ta-n-* ‘бичевать’, *kasa-n-*, *kasa-n-i* ‘отстранить’, *kaš'tiga-n-i* ‘наказать’, *kun'tenta-l-i*, *kunten'ta-l-o* ‘согласиться’, *manka-l-o* ‘не хватать, отсутствовать’, *obliga-n-i*, *obliga-n-ø* ‘обязать’, *prova-l-*, *prova-ûc-i*, *prova-v'š-i* ‘доказать’, *pu[b]lika-n-a* ‘обнародовать, опубликовать’).

Единственным заимствованным глаголом, принадлежащим к иному типу спряжения, является глагол *škuriti* ‘утратить силу, быть отмененным (о документе)’, лексема-источник которого (итал. *scurire* ‘делать тёмным, затемнять’) характеризуется типом словоизменения, восходящим к латинскому четвертому спряжению (*-īre*): *škuri*_{PRS/IMP,3SG-}.

Словообразовательные элементы. Некоторые заимствованные лексемы характеризуются наличием славянских словообразовательных аффиксов: префикса *po-* (*pomankati* ‘не хватать, отсутствовать’), суффикса существительных *-ic-* (*librica* ‘мера веса’) и суффикса глагольного имперфектива *-iva-* (*terminivati* ‘решить, постановить’, *senticiivati* ‘вынести вердикт’).

3.3. Теоретические обобщения

Славяно-романский языковой контакт острова Крк Средних веков и Раннего Нового времени осуществлялся в условиях чакавско-далматинского пограничья, с одной стороны, и венецианской колониальной экспансии, с другой. Изучение лексических заимствований в тексте Устава Врбника позволяет оценить соотношение этих факторов и характер их влияния на язык административных и судебных глаголических памятников XIV–XVI вв.

Основной источник контактно обусловленных лексических инноваций — итальянско-венецианский суперстрат (67% заимствований и 75% романизмов). Значительную роль играют также следы латинско-далматинского субстрата (23% заимствований) и греческого языка (7%).

Итальянско-венецианское языковое влияние затрагивает в первую очередь сферы жизни общества и функционирования социальных институтов (лексика финансов, канцелярского языка и деловой письменности, государства, общественных отношений, суда, собственности и нек. др.). Латинско-далматинский слой оставил след в терминологии религии, времени, названий морской фауны и сельского хозяйства.

Хронологически влияние латинско-далматинского субстрата является более древним (старшие романизмы) и функционально может быть соотнесено с бытовыми контактами автохтонного романского и пришлого славянского населения. Итальянско-венецианский слой (младшие романизмы) исторически может быть связан с борьбой Венеции за контроль над островом, увенчавшейся успехом во второй половине XV в. Будучи связанными со сферой делового и административного языка, младшие заимствования занимают промежуточное положение между бытовой и высокой культурами.

Все рассмотренные заимствования демонстрируют признаки фонетической и грамматической адаптации, что говорит об их интегрированности в систему языка. Большая часть заимствованных лексем, как это чаще всего бывает, — имена существительные. На втором месте, вопреки существующим типологическим иерархиям, находятся не прилагательные, а глаголы (ср. [Appel, Muysken 2005: 171]). Случаи переключения кодов в тексте Устава нами отмечены не были.

Несмотря на многовековой далматинский субстрат и политически доминирующее положение венецианского диалекта, язык памятника демонстрирует достаточно высокую устойчивость к появлению заимствований (13–14% лексем на фоне средних 24,2% в [Tadmor 2009]). Причем устойчивость к заимствованиям просматривается не только на уровне всей лексики в целом, но и в большинстве функционально-семантических полей.

Сквозь призму полученных выводов можно с известной осторожностью попробовать взглянуть на славяно-романский языковой контакт, в условиях которого глаголическая письменность существовала. Невысокий уровень лексической интерференции и крайне низкий уровень структурной интерференции, в соответствии с классификацией контактных ситуаций С. Томасон

и Т. Кауфмана, характеризуют славяно-романское взаимодействие в сфере функционирования глаголической письменности как незначительное культурное влияние [Thomason, Kaufman 1988: 77–78]. Это обстоятельство подтверждает тезис об общей противопоставленности романской и славянской письменных культур [Corin 1991: 181] и гипотезу о статусе глаголической письменности как культурного «антибалканизма» [Соболев 2011: 187].

Уточнение и коррекция полученных выводов будут возможны по мере привлечения к анализу других памятников острова Крк (не только славянских, но и латинских и романских) с перспективой составления соответствующего корпуса текстов.

Список условных сокращений

ACC — винительный падеж; ACT — действительный залог; AOR — аорист; DAT — дательный падеж; F — женский род; GEN — родительный падеж; INS — творительный падеж; LOC — местный падеж; M — мужской род; N — средний род; NOM — именительный падеж; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Блумфилд 1968 — Л. Блумфилд. Язык. М.: Изд-во «Прогресс», 1968. [L. Bloomfield. Iazyk [Language]. Moscow: Izdatel'stvo «Progress», 1968].
- Васильев 1990 — Л. М. Васильев. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. [L. M. Vasil'ev. Sovremennaja lingvisticheskaia semantika [Modern linguistic semantics]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1990].
- Григорьев 1960 — А. А. Григорьев (гл. ред.). Краткая географическая энциклопедия. Т. I. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1960. [A. A. Grigor'ev (ed.). Kratkaia geograficheskaja entsiklopediia [Brief encyclopedia of geography]. T. I. Moscow: Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo «Sovetskaia entsiklopediia», 1968].
- Езолка 1972 — И. А. Езолка. О теоретических основах идеологического словаря // Г. В. Валимова (ред.). Филологические этюды. Серия «Языкознание». Вып. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1972. С. 154–166. [I. A. Ezolka. O teoreticheskikh

- osnovah ideologicheskogo slovaria [On the theoretical foundations of the ideographical dictionary] // G. V. Valimova (ed.). *Filologicheskie etiudy. Seriya «Iazykoznanie». Vypusk 1.* Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1972].
- Казанскене, Казанский 1986 — В. П. Казанскене, Н. Н. Казанский. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л.: Наука, 1986. [V. P. Kazanskene, N. N. Kazanskii. *Predmetno-poniatiinyi slovar' grecheskogo iazyka. Krito-mikenskii period* [Ideographical dictionary of the Greek language. Aegean period]. Leningrad: Nauka, 1986].
- Камалова 2015 — А. А. Камалова. О класификационной базе системной лексикографии // А. А. Камалова. *Русская лексикография вчера, сегодня, завтра.* Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej UWM w Olsztynie, 2015. С. 58–72. [A. A. Kamalova. *O klasifikatsionnoi baze sistemnoi leksikografii* [About the classification base of unalphabetical dictionary] // A. A. Kamalova (ed.). *Russkaia leksikografii vchera, segodnia, zavtra.* Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej UWM w Olsztynie, 2015. P. 58–72].
- Караулов 1976 — Ю. Н. Караулов. *Общая и русская идеография.* М.: Наука, 1976. [Iu. N. Karaulov. *Obshchaia i russkaia ideografia* [General and russian ideography]. Moscow: Nauka, 1976].
- Козак 2017 — В. В. Козак. Чакавские и церковнославянские элементы в языке буллы Григория XI ордену паулинов [V. V. Kozak. *Chakavskie i tserkovnoslavianskie elementy v iazyke bully Grigoriia XI ordenu paulinov* [Chakavian and Church Slavonic elements in the language of the bull of Pope Gregory XI to the Order of Saint Paul the First Hermit]] // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), volume 122. Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2017).* Eds. Sergey Monakhov, Irina Vasilyeva, Maria Khokhlova. Atlantis Press, 2017. P. 336–339.
- Морковкин 1970 — В. В. Морковкин. *Идеографические словари.* М.: Изд-во МГУ, 1970. [V. V. Morkovkin. *Ideograficheskie slovori* [Ideographical dictionaries]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1970].
- Пауль 1960 — Г. Пауль. *Принципы истории языка.* М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. [H. Paul. *Printsipy istorii iazyka* [Principles of the History of Language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1960].
- Русаков 2007 — А. Ю. Русаков. *Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия* // Вяч. Вс. Иванов (ред.). *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола.* М.: Пробел-2000, 2007. С. 77–89. [A. Iu. Rusakov.

- Slavianskie iazyki na Balkanakh: aspekty kontaktnogo vzaimodeistviia [Slavic languages on the Balkans: Aspects of contact-induced development] // Viach. Vs. Ivanov (ed.). Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavianskikh iazykov. Materialy kruglogo stola. Moscow: Probel-2000, 2007. P. 77–89].
- Соболев 2001 — А. Н. Соболев. Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении // Вопросы языкознания 2, 2001. С. 59–93. [A. N. Sobolev. Balkanskaia leksika v areal'nom i areal'no-tipologicheskom osveshchenii [Balkan lexics in the light of linguistic geography and areal typology]. Voprosy iazykoznanii 2, 2001. P. 59–93].
- Соболев 2011 — А. Н. Соболев. Антибалканизмы // Јужнословенски филолог LXVII, 2011. С. 185–195. [A. N. Sobolev. Antibalkanizmy [Antibalkanisms] // Južnoslovenski filolog LXVII, 2011. P. 185–195].
- Соболев 2013 — А. Н. Соболев. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Т. I. Homo balcanicus и его пространство. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013. [A. N. Sobolev. Osnovy lingvokulturnoi antropogeografii Balkanskogo poluostrava [Elements of the Linguocultural Anthropogeography of the Balkan Peninsula]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2013].
- Appel, Muysken 2005 — R. Appel, P. Muysken. Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005.
- Begriffssystem — R. Hallig, W. von Wartburg. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1963.
- Benkö — L. Benkö (Hrsg.). Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
- BIRS — Г. Ф. Зорько, Б. Н. Майзель, Н. А. Скворцова. Большой итальянско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. [G. F. Zor'ko, B. N. Maizel', N. A. Skvortsova. Bol'shoi ital'iansko-russkii slovar' [Big Italian-Russian dictionary]. Moscow, 2002].
- BIsRS — Б. П. Нарумов (ред.). Большой испанско-русский словарь. М.: Русский язык, 1999. [B. P. Narumov (ed.). Bol'shoi ispansko-russkii slovar' [Big Spanish-Russian dictionary]. Moscow, 1999].
- Blaise 1975 — A. Blaise. Dictionnaire latin-français des auteurs du moyen-âge. Turnhout: Typographi Brepols editores pontificii, 1975.
- Corin 1991 — A. R. Corin. Variation and Norm in Croatian Church Slavonic // Slovo, 41–43, 1991. Str. 155–196.
- ERHSJ — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1. Zagreb: JAZU, 1971. Knj. 2. Zagreb: JAZU, 1972. Knj. 3. Zagreb: JAZU, 1973.

- ESSJ — F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977. Knj. 2. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1982. Knj. 3. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1995. Knj. 4. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2005. Knj. 5. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2007.
- ESSYA — О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев (ред.). Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–. [O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev (ed.). *Etimologičeskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksičeskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic inherited lexicon]. Vol. 1–37. Moscow: Nauka, 1974–].
- ESRYA — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1964. Т. 2. М.: Прогресс, 1967. Т. 3. М.: Прогресс, 1971. Т. 4. М.: Прогресс, 1973. [M. Vasmer. *Etimologičeskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of Russian language]. Vol. I–IV. Moscow: Progress, 1964–1973].
- Frančić 2009 — A. Frančić. Onomastička svjedočenja o hrvatskome jeziku // Damjanović S. (ur.). *Povijest hrvatskoga jezika*. 1. knjiga: srednji vijek. Zagreb: Društvo za promicanje hrvatske kulture i znanosti CROATICA, 2009. Str. 221–259.
- Haspelmath, Tadmor 2009 — M. Haspelmath, U. Tadmor. The Loanwords Typology project and the World Loanword Database // M. Haspelmath (ed.), U. Tadmor (ed.). *Loanwords in the World's Languages: a Comparative Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. P. 1–34.
- Haugen 1950 — E. Haugen. The Analysis of Linguistic Borrowing // *Language* 26, 2, 1950. P. 210–231.
- HER — A. Gluhak. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: August Cesarec, 1993.
- HJP — Hrvatski jezični portal. — <http://hjp.znanje.hr> (02.11.17).
- Hockett 1958 — C. F. Hockett. *A Course in Modern Linguistics*. New Dehli, Calcutta, Bombay: Oxford & IBH Publishing CO, 1958.
- Leskien 1914 — A. Leskien. *Grammatik der Serbo-Kroatischen Sprache*. 1. Teil: Lautlehre, Stammbildung, Formenlehre. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1914.
- Ligorio 2014 — O. Ligorio. Problem leksičke stratifikacije u Adriaticistici. Doktorski rad. Zadar, 2014.
- Lisac 2009 — J. Lisac. *Hrvatska dijalektologija 2. Čakavsko narječje*. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga, 2009.
- Lukežić, Turk 1998 — I. Lukežić, M. Turk. *Govori otoka Krka*. Rijeka: Libellus, 1998.
- Matras 2009 — Y. Matras. *Language Contact*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2009.
- OLD — Oxford Latin Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1968.

- SJS — J. Kurz (red.). Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vyd. 1. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1958.
- Strčić 1988 — P. Strčić. Prilog za sintezu povijesti otoka Krka (s izborom literature) // Arhivski vjesnik 31/32, 1988. Str. 31–52.
- Tadmor 2009 — U. Tadmor. Loanwords in the world's languages: Findings and results // M. Haspelmath (ed.), U. Tadmor (ed.). Loanwords in the World's Languages: a Comparative Handbook. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. P. 55–75.
- Thomason 2005 — S. Thomason. Language Change and Language Contact // K. Brown (ed.). Encyclopedia of Language & Linguistics. Vol. 6. Amsterdam et al.: Elsevier, 2005. P. 339–346.
- Thomason, Kaufman 1988 — S. G. Thomason, T. Kaufman. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley (CA): University of California Press, 1992.
- Vinja — V. Vinja. Jadranske etimologije. Jadranske dopune Skokovu etimologijskom rječniku. Knj. 1. Zagreb: HAZU — Školska knjiga, 1998. Knj. 2. Zagreb: HAZU — Školska knjiga, 2003. Knj. 3. Zagreb: HAZU — Školska knjiga, 2004.
- Weinreich 1953 — U. Weinreich. Languages in Contact: Findings and Problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.

Источники

- Margetić 2012 — L. Margetić (ured.). Srednjovjekovni zakoni i opći akti na kvarneru. Zagreb, Rijeka: Nakladni zavod Globus, Naklada Kvarner, Pravni fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2012.
- Margetić, Strčić 1988 — L. Margetić, P. Strčić. (ured.). Krčki (Vrbanski) statut iz 1388. // Krčki zbornik. Sv. 10. Posebno izdanje 12. Krk: Povijesno društvo otoka Krka, 1988.

А. В. Котова

СПбГАВМ, Санкт-Петербург

VENERES CUPIDINESQUE (CATUL. 3. 1)

Понимание интонации играет значимую роль в правильной интерпретации текста. Особенно это касается поэзии: настроение любого лирического стихотворения представляет собой сложный, богатый нюансами комплекс. И если современниками легко и естественно воспринимаются лексико-стилистические эмоциональные «подсказки», а также отсылки к тем или иным текстам и событиям, то потомкам многое остается непонятным.

В большой степени это касается иронии. Ни у одного из римских поэтов филологи не усматривали ее так часто, как у Катулла. Многие его стихотворения до сих пор являются предметом споров.

При отсутствии внешних свидетельств (речей, писем и т. д.) определить интонацию стихотворения можно проведя стилистический анализ текста, выявив частотность употребления значимых слов и выражений, осмыслив их значения и коннотации.

Спорным с точки зрения настроения является *carm.* 3 Катулла — стихотворение на смерть птенчика. В научной литературе эти стихи характеризуются как пародия на плач [Пиотровский 1929: 140; Forsyth 1986: 110–111; Шервинский, Гаспаров 1986: 214; Амелин 2005: 154], ироническая стилизация [Doering 1834: 3; Goold 1969: 200; Walters 1976; Thomson 2003: 207], любовная лирика [Fordyce 1961: 92; Quinn 1973: 96; Johnson 2003: 32]. Одним из аргументов, при помощи которых исследователи постулируют иронический или пародийный характер *carm.* 3, является обращение *Veneres Cupidinesque* (*carm.* 3. 1): по мнению Филлиса Янга Форсайта, «Венеры и Купидоны» подчеркивают «пародийно-героический тон» всего стихотворения [Forsyth 1986: 111]. В данной статье проанализируем существующие трактовки использования множественного числа в выражении *Veneres Cupidinesque* (*carm.* 3. 1) и взвесим различные варианты понимания этого места. Особое внимание будет уделено языковому узусу.

Представление о множественности Купидонов, восходящее к эллинистическому искусству с его Эротами [Schwyzer 1903: 28; Rosenmeyer 1951], весьма распространено в римской литературе¹ [Furtwängler 1886: 1365–1368; Wlosok 1975: 165]; напротив, множественность Венер представляет особый интерес. Комментаторы и исследователи Катулла приводят различные объяснения.

1. Философская аллюзия

Кеннет Квинн предлагает понимать Veneres в Catul. 3. 1 как отсылку к известной речи Павсания в «Пире» Платона (180 d — 182 a). Павсаний со всей серьезностью отстаивает идею о том, что существуют две Афродиты, у каждой из которых есть свой Эрот. Одна — Афродита Пандемос, а другая — более древнее и более почитаемое божество Афродита Урания [Quinn 1973: 97]. В интерпретации Платона Афродита Урания покровительствует любви к юношам, а более низменная Афродита Пандемос — любви к женщинам, так что любой намек на эту теорию в катулловских стихах был бы неуместен. Поэтому, на наш взгляд, Катулл в стихах о птенчике не делал отсылки к каким-либо философским концепциям — всерьез или в пародийном ключе.

Другой пассаж, который приводится в параллель к carm. 3. 1 в подтверждение ученой аллюзии у Катулла, — это Cic. N. D. 3. 59, где упоминаются четыре Венеры [Ellis 1876: 7]:

- (1) *Venus prima Caelo et Die nata, cuius Eli delubrum vidimus; altera spuma procreata, ex qua et Mercurio Cupidinem secundum natum accepiamus; tertia Iove nata et Diona, quae nupsit Volcano, sed ex ea et Marte natus Anteros dicitur; quarta Syria Cyproque concepta, quae Astarte vocatur, quam Adonidi nudissime proditum est.*

‘Первая Венера, чей храм мы видели в Элиде, была рождена Днем от Неба. Вторая — родилась из пены морской; от нее и Меркурия, как мы полагаем, родился второй Купидон. Третья, которая вышла замуж за Вулкана, была рождена Юпитером и Дионой; но от нее и Марса, говорят, родился Антэрос.

¹ Thesaurus Linguae Latinae. Onomasticon Vol. 2. Col. 749. Ll. 50 sqq.

Четвертая, которую называют Астартой, была зачата Сирией от Кипра; она, как передают, вышла замуж за Адониса².

Сходный перечень четырех Венер есть в «Назидательной книге» Ампелия — мифолого-историческом компендиуме IV в. н. э. (9. 9)³. Не вдаваясь в философскую подоплеку этого рассуждения, которая пытается разграничить противоречащие друг другу мифологические представления об Афродите-Венере, заметим, что у Цицерона (и у Ампелия) *Veneres* перечисляются вместе с целым рядом других богов, число которых также приумножено: Юпитеров три, Солнц пять, Вулканов пять, Аполлонов четыре, Вакхов пять и т. д. Таким образом, Цицерон никак не акцентирует множественность Венер — их много, но много не только их.

2. «Общее место» александрийской поэзии

Квинн в своем комментарии отражает и другую версию: идея о существовании нескольких Афродит стала будто бы общим местом александрийской поэтической мифологии [Quinn 1973: 97]. В качестве аргумента приводится фрагмент Каллимаха, который в издании Рудольфа Пфайффера выглядит следующим образом (fr. 200 a):

- (2) Τὰς Ἀφροδίτας — ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία —
ἡ Καστινίτις τῷ φρονεῖν ὑπερφέρει
πάσας,
ὅτι μόνῃ παραδέχεται τὴν τῶν ὕδν θυσίαν.
‘Всех Афродит — ибо эта богиня не одна — превосходит
мудростью Кастниетида, так как она единственная
принимает в жертву свиней’.

Фактически, однако, от ямба Каллимаха сохранился только первый стих, так как строки 2–4 представляют собой попытку

² Здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора статьи.

³ Ампелий не зависит от цicerоновского трактата напрямую: совпадения между двумя текстами традиционно объясняются тем, что оба автора пользовались недошедшими до нас трудами александрийских мифологов [Немировский 2002: 166–167].

издателя восстановить текст с опорой на пересказ Страбона⁴ (9. 5. 437–438 C):

- (3) Καλλίμαχος μὲν οὖν φησιν ἐν τοῖς Ἰάμβοις τὰς Ἀφροδίτας (ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία) τὴν Καστινήτιν ὑπερβάλλεσθαι πάσας τῷ φρονεῖν, ὅτι μόνῃ παραδέχεται τὴν τῶν ὧν θυσίαν.

‘Итак, Каллимах говорит в «Ямбах»: всех Афродит (ибо эта богиня не одна) Кастниетида превосходит мудростью, так как она единственная принимает в жертву свиней’.

К фрагменту 200 а примыкает fr. 200 b Pfeiffer, дошедший в составе схолия к ст. 873 «Птиц» Аристофана, где рассматривается эпитет Артемиды Коленида (Κολαινίς). Согласно схолиасту, о Колениде Каллимах говорит следующее:

- (4) τὴν ὠγαμέμνων, ὥς ὁ μῦθος, εἴσατο,
τῇ καὶ λίπουρα καὶ μονῶπα θύεται.

‘Как говорят, Агамемнон установил ее культ; в жертву ей приносят бесхвостых и одноглазых’.

Кроме ямбических фрагментов сохранилась папирусная диегега к ним (Dieg. 8. 41 — 9. 11 Pfeiffer); именно из нее следует, что «Τὰς Ἀφροδίτας — ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία (...)» — начальный стих Десятого ямба:

- (5) Τὰς Ἀφροδίτας — ἡ θεὸς γὰρ οὐ μία· Ἐν Ἀσπένδῳ τῆς Παμφυλίας τῇ Καστνίῃ Ἀφροδίτῃ ὅς ἱεουργεῖται ἐντεῦθεν· Μόψος ἀρχηγὸς τῶν Παμφυλίων ἐπὶ θήραν ἐξιὼν εὔξατο αὐτῇ εὐβολήσας ὃ ἂν λάβοι πρῶτον καλλιερήσειν. καὶ δὴ θηράσας κάπρον ἐτέλεσε τὴν ἐπαγγελίαν. ἀφ’ οὗ καὶ Παμφύλιοι μέχρι νῦν τοῦτο ποιοῦσιν· εἰ μὴ γὰρ ἦδετο ἡ θεὸς, οὐκ ἂν ὁ Μόψος ἐκυνήγησεν τοῦτο. ἐπαινεῖ δὲ καὶ τὴν Ἐρετριέων Ἀρτεμιν, ὅτι πᾶν τὸ θυόμενον οὐκ ἀποσεῖται.

‘Всех Афродит — ибо эта богиня не одна. В Аспенде, что в Памфилии, Афродите Кастнии приносится в жертву свинья; Мопс, глава памфилийцев, отправляясь на охоту, помолился ей, сделав удачный бросок костями, о том, что принесет в

⁴ Другие попытки восстановить текст фрагмента представлены в книге: [Kerkhecker 1999: 208].

жертву то животное, которое поймает первым. И вот, поймав кабана, он выполнил обещание. С того времени и по сей день памфилийцы делают так; ибо если бы богиню это не радовало, Мопс бы не выследил его. Также он [Каллимах] восхваляет Артемиду эретрийцев, так как она не отвергает ничего из того, что приносят ей в жертву⁵.

Итак, в Десятом ямбе Каллимаха приводились истоки культа Афродиты Кастнии в памфилийском городе Аспенде и объяснение (αἴτιον) того, что в рамках этого культа ей приносились в жертву свиньи. Также в нем упоминалось, что Артемиде Эретрии принимала любую жертву (можно предположить, что и в этом случае Каллимах приводил αἴτιον, но диегеза его не сохранила) [Kerkhecker 1999: 207; cf. 211].

Арнд Керкхекер в монографии о «Ямбах» Каллимаха рассуждает о сохранившихся фрагментах и диегезе. Согласно убедительной реконструкции Керкхекера, истории о приношениях Афродите Кастнии и Артемиде Эретрии связаны с необычными вариантами отправления культов в памфилийском Аспенде и на Евбее — как правило, Афродите не приносили в жертву свиней⁵, а κόλον (т. е. толстая кишка; с этим словом связывают этимологию Колениды) не годилась в качестве жертвоприношения.

В сохранившемся первом стихе ямба эпитет богини *Кастниетида* не назван (он восстанавливается из пассажа Страбона). Что касается слов «ибо эта богиня не одна», Керкхекер выдвигает предположение: может быть, Каллимах имеет в виду не *Афродиту Кастнийскую*, а *Афродит Кастнийских*? Дело в том, что в Аспенде культ Афродиты был как бы «сдвоенным»: в соответствующем святилище почитались *Афродиты*, что подтверждается археологическими и эпиграфическими свидетельствами [Kerkhecker 1999: 210–211].

Опираясь на эту теорию, мы можем утверждать, что фрагмент Каллимаха, на который ссылается Квинт в подтверждение того, что представление о множественности Афродит было «общим местом александрийской поэтической мифологии», пред-

⁵ Ср. Ath. 3. 49. Подробнее о культе Афродиты см.: [Pirenne-Delforge 1994].

ставляет собой ученое описание конкретного культа; для объяснения катулловского *Veneres* это не дает ничего.

Наконец, Артур Пиз в комментарии к «*De natura deorum*» Цицерона приводит еще одно свидетельство «эллинистического представления о множественности Афродит (Венер)», цитируя два слова из любовной эпиграммы AP 5. 95: Παφίαι δύο [Pease 1958: 1125]. В таком виде цитата выглядит правдоподобной; впечатление, однако, меняется, если взглянуть на эпиграмму целиком:

- (6) Τέσσαρες αἱ Χάριτες, Παφίαι δύο καὶ δέκα Μοῦσαι.
Δερκυλὶς ἐν πάσαις· Μοῦσα, Χάρις, Παφίη.
‘Харит — четыре, Афродит — две и Муз — десять!
Деркилида среди всех: она и Муза, и Харита, и Афродита’.

Таким образом, этот дистих не только не подтверждает тезис Пиза (и Квинна), но и прямо опровергает его: ведь если бы представление о множественности Афродит-Венер действительно входило в число поэтических клише, галантная шутка эпиграмматиста не удалась бы.

3. Обобщающее множественное число

Согласно Эллису, множественное число от *Venus* может означать «Венера и ее свита»: катулловские *Венеры* сочетают в себе Киприду и Харит [Ellis 1876: 7]. Это толкование, которое поддерживает целый ряд ученых [Simpson 1879: 72; Baehrens 1885: 82; Schuster 1954: 141; Albrecht 2001: 9], находит опору во влиятельных рассуждениях Якоба Вакернагеля об особенностях употребления множественного числа в классических языках. Вакернагель выделил и описал особую функцию *pluralis* от имен собственных, обозначающую множество людей, которые или носят такое же имя, или каким-то образом могут быть сравнены с носителем этого имени. В этом случае имя собственное становится нарицательным⁶.

⁶ К примеру, место из Марциала «*sint Maecenates, non deerunt, Flacce, Marones*» (8. 56. 5) Вакернагель переводит как «*Leute wie Maecenas, wie Virgil*» [Wackernagel 1950: 91].

Однако понимать под катулловским *Veneres* «Венеры и подобных ей» кажется по меньшей мере странным. Кто эти «подобные»? В римском пантеоне таких нет — Венера одна. Если же думать, что *Венеры* — это «Венера и ее свита», то возникает противоречие: в эту свиту в первую очередь входит Купидон, который у Катулла уже назван отдельно⁷.

4. Эллиптическое множественное число

Согласно иному толкованию, популярному у историков языка, *Veneres Cupidinesque* является примером эллиптического множественного числа; в этом случае оно будет означать «*Venus et Cupido*». Сторонники этой интерпретации, на наш взгляд, совершают ошибку, вырывая выражение из контекста катулловских стихов и рассматривая его так, как если бы оно было обычным языковым явлением, а не элементом художественного целого.

Так, в статье Эдуарда Швицера выделяются три типа эллиптического дуалиса:

1) одиночный эллиптический дуалис (напр., *Αἴαντε* = Аякс и Тевкр, *Castores* = Кастор и Поллукс; впервые это явление обнаружил Вакернагель у Гомера [Wackernagel 1969]⁸);

2) эллиптический дуалис с пояснением в единственном числе (*Αἴαντε Τεύκρος τε* = Аякс и Тевкр);

3) эллиптический дуалис с пояснением в дуалисе; здесь единственным примером приводится *Catul. 3. 1* [Schwyzer 1903: 29–31].

⁷ В личной беседе Н. А. Алмазова обратила наше внимание на названия произведений древнеаттической комедии вроде «*Ἀρχιλόχου*» Кратина или «*Ἠσιόδου*» Телеклида. Традиционная точка зрения понимает их как «Истории об Архилохе, Гесиоде и пр.»; однако издатели PCG склоняются в пользу обобщенного множественного числа: «*Κλεοβουλῖνα*» подразумевают Клеобулину и хор, состоящий из женщин ее окружения, «*Ὀδυσσεΐς*» — Одиссея и хор его спутников, «*Ἀρχιλόχου*» — Архилоха и хор его приверженцев. С другой стороны, в драмах, названных по имени *богов* (случай, наиболее близкий нашему) — «*Διόνυσου*», «*Πλούτου*», «*Χεῖρωνες*» — хор прямо состоял из одинаковых Дионисов, Плутосов и Хиронов [Kassel, Austin 1983: 121].

⁸ О латинских сочетаниях такого рода см.: [Hofmann 1972: 19].

В качестве дополнения к работе Швицера М. Силаши год спустя опубликовал заметку, в которой собрал примеры «третьего типа эллиптического дуалиса» в финно-угорских языках: мансийский и остяцкий языки в подобных конструкциях используют двойственное число, а утратившие дуалис мордовский и венгерский — множественное. Сложнее обстоит дело с латинскими параллелями, которые приводит венгерский ученый. В качестве таковых предлагаются Verg. A. 2. 579:

(7) *coniugiumque, domumque, patres natosque videbit*

(«patres natosque» Силаши переводит как «своего отца и своего ребенка») и Tac. Ann. 1. 10. 3:

(8) *Lollianas Varianasque clades, interfectos Romae Varrones, Egnatios, Iullos,*

где имеется в виду поражение *одного* Лоллия, *одного* Вария и др. [Szilasi 1904–1905]⁹. Оба эти примера нельзя назвать убедительными. Не касаясь трудного вопроса о том, кому принадлежат стихи Verg. A. 2. 567–588¹⁰, отметим, что современные издатели по большей части принимают гуманистическую конъектуру одной из рукописей XV в. *coniugiumque domumque patris natosque videbit*. Как замечает Роланд Остин, чтение *patris* превращает строку в триколон (муж — дом отца — дети); кроме того, при членении «*coniugiumque domumque | patres natosque*» сказуемое *videbit* оказывается ритмически отрезано от первой части перечисления [Austin 1964: 224]. К этому можно добавить, что и по смыслу «дети» ближе к мужу, а при чтении *patres* «*patresque natosque*» оказываются в слишком тесной связи. Кроме того, совершенно необязательно понимать *natos* эллиптически как

⁹ Также и Ф. Бадер полагает, что множественное число в *Veneres Cupidinesque* приближается к двойственному: латынь из-за утраты *dualis* «трансформировала» это выражение в *pluralis* [Bader 1962: 340]. Как видим, у Бадер не имеющее аналогов катулловское словосочетание не только становится ходовой идиомой, но и относится к глубокой древности.

¹⁰ По Девтеро-Сервию, эти стихи были исключены из «Энеиды» Варием и Туккой; мнения ученых Нового времени по поводу этих стихов расходятся.

«один ребенок». Во-первых, *natos* здесь может быть употреблено в юридически-терминологическом значении «потомство»¹¹; во-вторых, речь может идти о будущих детях, которых произведет на свет Елена, благополучно возвратившись домой. В качестве параллели сошлемся на Verg. A. 10. 531–532, где Эней отвечает Магу, только что (ст. 525) упомянувшему о своем *единственном* сыне: «argenti atque auri memoras quae multa talenta / *gnatis* parce tuis»¹².

Что касается тацитовского места, обобщающее употребление *pluralis* кажется здесь очевидным: в упрек Августу ставятся преступления, *подобные* убийству Варрона, Эгнация и других [Furneaux 1896: 196; Goodyear 1972: 163].

Таким образом, «третий случай эллиптического дуалиса» по Швицеру не засвидетельствован для латинского языка нигде, кроме катулловского выражения — которое явно не может служить показательным примером. Что касается возможности увидеть эллиптический дуалис в *Veneres* (без *Cupidines*; «первый случай» по Швицеру) [Friedrich 1908: 89], то ее закономерно отвергает Вильгельм Кроль: подобно *Castores* = *Castor et Pollux*, *Cereres* = *Ceres et Proserpina* и др., *Veneres* в этом случае должны были бы означать стандартную пару «Венера — Амур», и тогда *Cupidines* не могли бы стоять рядом [Kroll 1929: 5].

5. Аттракция числа

Другим объяснением употребления *pluralis* от *Venus* служит теория аттракции числа, где аттрагентом является форма *Cupidines*¹³. Так, Ф. Э. Бренк полагает, что множественное число

¹¹ Ср., например, Gel. 2. 13. 1: *antiqui oratores historiaeque aut carminum scriptores etiam unum filium filiamve liberos multitudinis numero appellarunt*; Serv. ad A. 10. 532: *liberos etiam unum dicimus filium*.

¹² Сервий понимает это *gnatos* в «терминологическом» смысле, а современный комментатор С. Харрисон — в проспективном [Harrison 1991: 206].

¹³ При аттракции числа «*Veneres Cupidinesque*» означает «Венера и Купидоны», так как *Venus* только внешне принимает форму *pluralis*, не меняя при этом значение. Этот случай нужно отличать от эллиптического множественного числа, где «*Veneres Cupidinesque*» означает «Венера и Купидон».

Veneres появилось по ассимиляции с Cupidines для гармоничности [Brenk 1980: 714]. Эллис также говорит о симметрии, которую придает выражению эта форма («возможно, первый набросок сочетания был Venus Cupidinesque») [Ellis 1876: 7]; аналогичной точки зрения придерживается Мёррилл [Merrill 1893: 6]. Кролль, один из сторонников этого объяснения, приводит похожий случай употребления множественного числа у Плавта (Aul. 451):

- (9) *Ite sane nunc intro omnes, et coqui et tibicinae.*
 ‘Идите все сейчас же внутрь, повара и флейтистки’.

При этом имеются в виду несколько поваров, но только одна флейтистка [Kroll 1929: 5–6]. Между тем, как подчеркивали А. Ризе [Riese 1884: 6], Ф. Слотти [Slotty 1905: 6–7] и Г. Фридрих [Friedrich 1908: 89], аттракция такого рода несовместима с именами собственными.

6. Наричательное значение

Объяснить употребление множественного числа можно, считая, что выражение Veneres Cupidinesque имеет нарицательное значение. Фордайс находит это весьма вероятным: Венера и Купидон являются олицетворениями сил любви; с характерной гиперболизацией Катулл применяет форму множественного числа, включив сюда все силы Очарования и Страсти [Fordyce 1961: 93]. Мёррилл считает использование здесь множественного числа скорее итогом, вытекающим из концепции характера Венеры и характера Лесбии: в образе Венеры были собраны все изящество и очарование разума и тела — Лесбия была умна и прекрасна собой, поэтому она обладала «всеми Венерами» (ср. сarm. 86. 6); и Катулл призывает всех, кто, имея схожие качества (*quantum est hominum venustiorum*¹⁴), мог бы разделить ее утрату [Merrill 1893: 6]. Слотти, хотя и считает, что Veneres — это все богини, к которым применим эпитет *venustissimae* (особенно Грации), также отмечает нарицательную природу *Венер* [Slotty 1905: 7]; Беренс говорит о том же в связи с Cupidines [Baehrens 1885: 82]. Также

¹⁴ Р. Сигер отмечает связь Veneres с прилагательным *venustus* у Катуллы [Seager 1974].

эту точку зрения разделяют Ризе [Riese 1884: 6], Лёфштедт [Löfstedt 1942: 71–72], Гулд [Goold 1983: 236], Томсон [Thomson 2003: 208] и другие ученые.

Что касается употребления множественного числа от *Venus* в римской литературе, оно засвидетельствовано только в формах *Veneres* (10 раз) и *Venerum* (1 раз); *dativus* и *ablativus pluralis*, в которых три кратких слога идут подряд, закономерно не используются.

Впервые это множественное число встречается в «Стихе» Плавта (ст. 278), где раб, приносящий хозяйке радостную весть, говорит:

- (10) *Amoenitates omnium venerum et venustatum affero.*
 ‘Я несу сладости всяческих прелестей и радостей’.

Это отчетливый пример абстрактного значения слова.

В *carm.* 86. 6 Катулл, сравнивая некую Квинтию с Лесбией, говорит, что его возлюбленная «*omnibus una omnis surripuit veneres*». Кролль [Kroll 1929: 260] и Фордайс [Fordyce 1961: 380] приводят к этому месту параллель из *Nonn. D.* 16. 45:

- (11) *παρθενικῇ γὰρ κάλλος ὅλον σύλησεν Ὀλύμπιον.*
 ‘Ибо девушка обокрала весь храм Зевса-Олимпийца в отношении [своей] красоты’.

Кролль также оспаривает идею Г. Узенера: по мнению последнего, *Veneres* в *Catul.* 86. 6 и 3. 1 — не метонимия, а следы типично римского религиозного представления о том, что у каждого человека есть свой гений, у всякой женщины вместо гения — Юнона; Узенер помещает в этот контекст и Венеру — получается, что сколько женщин, столько и Венер [Usener 1896: 298]. По мнению Кролля, ни эта искусственная конструкция, ни даже галантный мотив похвалы даме как «четвертой Харите» тут ни при чем. Мы в полной мере разделяем точку зрения Кролля, согласно которой «*omnibus una omnis surripuit veneres*» (*Catul.* 86. 6) означает «она одна украла у всех все [их] венеры», т. е. обаяние [Kroll 1929: 260].

Нарицательными являются *veneres* у Проперция (2. 10. 7):

- (12) *Aetas prima canat veneres, extrema tumultus.*
 ‘Пусть молодой возраст воспекает любовные сюжеты, а поздний — смятение войны’,

у Ювенала (13. 34):

- (13) *Nescis, / quas habeat veneres aliena pecunia?*
 ‘Ты что, не знаешь, какая прелесть в чужих деньгах?’

и у Квинтилиана (10. 1. 79):

- (14) *Omnes dicendi veneres.*
 ‘Все улады речи’.

Таким образом, *venus* (как изначально нарицательное обозначение)¹⁵ нередко используется в литературе во множественном числе.

Сочетание *Veneres Cupidinesque* встречается у Марциала в эпиграмме 11. 13¹⁶ о миме Парисе, убитом по приказу Домициана и похороненном на Фламиниевой дороге (стт. 3–7):

- (15) *Urbis deliciae salesque Nili,
 ars et gratia, lusus et voluptas,
 Romani decus et dolor theatri
 atque omnes Veneres Cupidinesque
 hoc sunt condita, quo Paris, sepulchro.*
 ‘Наслажденья столицы и шутки Нила, изысканность, прелесть, забавы и удовольствие, красота и горе римской сцены и все Венеры и Купидоны похоронены в одной с Парисом могиле’.

Выражение *Veneres Cupidinesque* стоит здесь в одном ряду с абстрактными существительными и, по-видимому, само является абстракцией со значением «очарование и притягательность».

Однако такая интерпретация *pluralis* в Catul. 3. 1 вызвала возражения Г. Д. Джослина; он (будучи сторонником обобщающего множественного числа) опирается на своего рода закономерность: у Катуллы *homo* обозначает людей в противоположность богам (в то время как *vir* всегда указывает на мужчину) [Jocelyn 1980: 435–

¹⁵ Словарь Эрну и Мейе возводит Венеру к абстрактному *venus*, отмечая, что для слова на *-us*, *-eris* такая персонификация уникальна [Ernout, Meillet 1967: 721–722].

¹⁶ *Veneres Cupidinesque* здесь является аллюзией на Катуллу [Henriksen 2012: 62].

437]. Таким образом, по мысли Джослина, выбор слова *homo* в *carm.* 3. 2 должен означать, что «Венеры и Купидоны» — это не абстрактные качества, а полноценные божества.

Действительно, у Катулла в значительном большинстве случаев слова *homo* и *vir* так и используются. Однако есть исключение: в монологе покинутой Тезеем Ариадны (*Catul.* 64. 192) *facta virum* означает преступления людей вообще¹⁷ [Friedrich 1908: 361; Kroll 1929: 170; Konstan 1977: 79; Albrecht 2001: 123]. Для Катулла это выражение имеет эпический колорит; оно использовано в контексте довольно общего рассуждения Ариадны, и понимание под *facta virum* «проступков мужчин» в смысле «супругов», на наш взгляд, резко сузило бы характер ее монолога.

Тем не менее, предложение Джослина кажется вероятным: поэт выстраивает оппозицию, призывая *всех* оплакивать птенчика — и божеств, ценящих изящество, и красивых, изящных людей.

7. Просодическое обоснование множественного числа

Другое объяснение множественного числа в *Catul.* 3. 1 — требование метрики: *Venus Cupidoque* (○ — ○ — — ×) не может закрывать одиннадцатисложник, а *Veneres Cupidinesque* (○ ○ — ○ — ○ — ×) подходит идеально. И, на наш взгляд, такая мотивировка является в данном случае решающей.

Аналогичным представляется второй случай употребления *Veneres Cupidinesque* у Катулла — *carm.* 13. 12. В дружески-шутливом приглашении на обед, обращенном к другу Фабулле, Катулл обещает дать ему благовоние,

- (16) *quod meae puellae / donarunt Veneres Cupidinesque.*
 ‘которое моей девушке подарили Венеры с Купидонами’.

¹⁷ В этом значении сочетание *facta virum* встречается у Лукреция (5. 328), причем в том же месте стиха. В таком же смысле *facta virum* продолжает бытовать в гекзаметрической поэзии эпохи империи: *Sil.* 5. 424; 10. 496; *Stat. Silv.* 1. 2. 97; *V. Fl.* 1. 12. Отметим, что есть исследователи, которые понимают под *facta virum* у Катулла проступки мужей, т. е. измены [Baehrens 1885: 413; Ellis 1876: 315; Helm 1963: 105].

И здесь предполагаются именно Венера и Купидон, которые преподнесли возлюбленной поэта вполне конкретное благоволение.

В Catul. 36. 3 в конце гексасиллабического стиха встречается сочетание *Veneri Cupidinique* — те же имена божеств, только в единственном числе. По значению *Veneri Cupidinique* не отличается от предыдущих двух примеров — здесь также имеются ввиду настоящие Венера и Купидон. Это подтверждает довод о том, что множественное число в Catul. 3. 1 и 13. 12 не имеет специфического значения и вызван *metri causa*: использование этого устойчивого сочетания в *nominativus* и *vocativus* оказывается возможным только во множественном числе.

Аллюзии на стихи Катулла есть у Марциала. Отметим, что «“Птенчик” / птенчик Катулла» неоднократно упоминается этим поэтом (например, 1. 7. 3–5; 109. 1; 4. 14. 14; 7. 14. 4; 11. 6. 16; 14. 77). В одних случаях слово *passer* обозначает птичку, в других — диптих Catul. 2 и 3, который Марциал объединяет единым заглавием. В 9. 11 имеет место отсылка к *Veneres Cupidinesque* Катулла: речь идет о юноше Эарине, его «весеннее» имя, состоящее только из кратких слогов, не вписывается в стихотворный размер и потому побуждает поэта к череде перифраз. Одна из них гласит (стт. 5–9):

(17) *Nomen <...> / quod si Parrhasia sones in aula, / respondent Veneres Cupidinesque.*

‘Имя, которому, если выкрикнешь его в паррасийских чертогах, вторят Венеры с Купидонами’.

И здесь, вероятно, тоже имеются в виду божества, а именно настенные росписи или скульптуры, изображающие Венеру и Амуров.

Подводя итог, отметим, что несмотря на традицию использовать форму *Veneres* в абстрактном значении, стихи Катулла (*carm.* 3. 1 и 13. 12) и реминисценция у Марциала (9. 11) стоят особняком: во всех этих случаях, как и в Catul. 36. 3, имеются ввиду божества, а не обозначение изящества, красоты и т. д. На основании анализа возможных объяснений *Veneres Cupidinesque* у Катулла (*carm.* 3. 1) мы приходим к выводу о том, что в данном случае *pluralis* не несет специфического значения и не добавляет стихам иронического / пародийного оттенка. Выражением

Veneres Cupidinesque обозначаются божества Венера и Купидон, а множественное число определяется исключительно метрическими соображениями.

Литература

- Амелин 2005 — Катулл. Лирика / Пер. с лат. М. Амелина. М.: Время, 2005. [Catullus. Lirika [Lyric Poetry] / Trans. from Latin by M. Amelin. Moscow: Vremia, 2005].
- Немировский 2002 — Луций Ампелий. Памятная книжка / Изд. подгот. А. И. Немировский. СПб.: Алетейя, 2002. [Lucius Ampelius. Pamiatnaia knzhitsa [Liber memorialis] / Ed. A. I. Nemirovskii. St. Petersburg: Aleteia, 2002].
- Пиотровский 1929 — Катулл. Книга лирики / Пер., вступ. ст. и прим. А. И. Пиотровского. Л.: Academia, 1929. [Catullus. Kniga Liriki [Book of Lyric Poetry] / Transl., Intro. and Notes by A. I. Piotrovskii. Leningrad: Academia, 1929].
- Шервинский, Гаспаров 1986 — Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подгот. С. В. Шервинский, М. Л. Гаспаров; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. [Gaius Valerius Catullus Veronensis. Kniga stikhotvorenii [Book of Poems] / Ed. by S. V. Shervinskii, M. L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1986].
- Albrecht 2001 — C. Valerius Catullus. Sämtliche Gedichte / Übers. und hrsg. von M. von Albrecht. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2001.
- Austin 1964 — P. Vergili Maronis Aeneidos liber secundus / With a comm. by R. G. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1964.
- Bader 1962 — F. Bader. La formation des composés nominaux du latin. Paris: Belles Lettres, 1962.
- Baehrens 1885 — Catulli Veronensis Liber / Rec. Aem. Baehrens. Vol. 2. Lipsiae: Teubner, 1885.
- Brenk 1980 — F. E. Brenk. Non primus pipiabat: Echoes of Sappho in Catullus' Passer Poems // Latomus 39, 1980. P. 702–716.
- Doering 1834 — C. Valerii Catulli Veronensis Carmina / Ann. perpet. ill. F. G. Doering. Altonae: Sumtibus I. F. Hammerichii, 1834.
- Ellis 1876 — R. Ellis. A Commentary on Catullus. London: Macmillan and CO., 1876.
- Ernout, Meillet 1967 — A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. 4 éd. Paris: C. Klincksieck, 1967.
- Fordyce 1961 — C. J. Fordyce. Catullus: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 1961.
- Forsyth 1986 — P. Y. Forsyth. The Poems of Catullus. Boston: University Press of America, 1986.

- Friedrich 1908 — Catulli Veronensis Liber / Erkl. von G. Friedrich. Leipzig: Berlin: Teubner, 1908.
- Furneaux 1896 — The Annals of Tacitus / Ed. with introd. and notes by H. Furneaux. Vol. 1: Books I–VI. 2 ed. Oxford: Clarendon Press, 1896.
- Furtwängler 1886 — A. Furtwängler. Eros // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W. H. Roscher. Bd 1, 1. Leipzig: Teubner, 1886. Sp. 1339–1372.
- Goodyear 1972 — Tacitus. The Annals. Books 1–6 / Ed. with a comm. by F. R. D. Goodyear. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1972.
- Goold 1969 — G. P. Goold. Catullus 3. 16 // Phoenix 23, 1969. P. 186–203.
- Goold 1983 — Catullus / Ed. with introd., transl., and notes by G. P. Goold. London: Duckworth, 1983.
- Harrison 1991 — Vergil. Aeneid 10 / With introd., transl. and comm. by S. J. Harrison. Oxford: Clarendon Press, 1991.
- Helm 1963 — Catull. Gedichte / Hrsg. von R. Helm. Berlin: Akademie-Verlag, 1963.
- Henriksén 2012 — Henriksén Ch. A Commentary on Martial, Epigrams, Book 9. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Hofmann 1972 — J. B. Hofmann. Lateinische Syntax und Stylistik / Neubearb. von A. Szantyr. München: C. H. Beck, 1972.
- Jocelyn 1980 — H. D. Jocelyn. On Some Unnecessarily Indecent Interpretations of Catullus 2 and 3 // The American Journal of Philology 101, 1980. P. 421–441.
- Johnson 2003 — M. Johnson. Catullus 2b: The Development of a Relationship in the Passer Trilogy // The Classical Journal 99, 2003. P. 11–34.
- Kassel, Austin 1983 — Poetae comici Graeci / Ed. R. Kassel et C. Austin. Vol. 4. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1983.
- Kerkhecker 1999 — A. Kerkhecker. Callimachus' Book of Iambi. Oxford: Clarendon Press, 1999.
- Konstan 1977 — D. Konstan. Catullus' Indictment of Rome: The Meaning of Catullus 64. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1977.
- Kroll 1929 — C. Valerius Catullus / Hrsg. und erkl. von W. Kroll. 2. Aufl. Leipzig; Berlin: Teubner, 1929.
- Löfstedt 1942 — E. Löfstedt. Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins. 2. Aufl. Bd 1. Lund: C. W. K. Gleerup, 1942.
- Merrill 1893 — Catullus / Ed. E. T. Merrill. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1893.
- Pease 1958 — M. Tulli Ciceronis De natura deorum libri III. Vol. 2 / Ed. by A. S. Pease. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958.
- Pirenne-Delforge 1994 — V. Pirenne-Delforge. L'Aphrodite grecque. Liège: Presses universitaires de Liège, 1994.

- Quinn 1973 — Catullus. The Poems / Ed. with rev. text, and comm. by K. Quinn. London: Macmillan Classical Series, 1973.
- Riese 1884 — Catullus. Gedichte / Hrsg. und erkl. von A. Riese. Leipzig: Kessinger Publ., 1884.
- Rosenmeyer 1951 — T. G. Rosenmeyer. Eros: Erotos // Phoenix 5, 1951. P. 11–22.
- Schuster 1954 — Catulli Veronensis Liber / Rec. M. Schuster. Lipsiae: Teubner, 1954.
- Schwyzer 1903 — E. Schwyzler. Varia zur griechischen und lateinischen Grammatik // Indogermanische Forschungen 14, 1903. S. 24–31.
- Seager 1974 — Seager R. «Venustus, Lepidus, Bellus, Salsus»: Notes on the Language of Catullus // Latomus 33, 1974. P. 891–894.
- Simpson 1879 — Catullus. Select Poems / Ed. F. P. Simpson. London: Macmillan, 1879.
- Slotty 1905 — F. Slotty. De numeri pluralis usu Catulliano: Diss. inaug. Ienae: Typis G. Neuenhahni, 1905.
- Szilasi 1904–1905 — M. Szilasi. Veneres Cupidinesque // Indogermanische Forschungen 17, 1904–1905. S. 442–443.
- Thesaurus Linguae Latinae. T. 1–. Lipsiae: Teubner, 1900–.
- Thomson 2003 — Catullus / Ed. with a text. and interpret. comm. by D. F. S. Thomson. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2003.
- Usener 1896 — H. Usener. Götternamen: Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Bonn: F. Cohen, 1896.
- Wackernagel 1950 — J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch. 1. Reihe. 2. Aufl. Basel: Birkhäuser, 1950.
- Wackernagel 1969 — J. Wackernagel. Zum homerischen dual (1877) // Wackernagel J. Kleine Schriften. 2. Aufl. Bd 1. Göteborg: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. S. 538–546.
- Walters 1976 — K. R. Walters. Catullan Echoes in the Second Century A. D.: CEL 1512 // Classical World 69, 1976. P. 353–359.
- Wlosok 1975 — A. Wlosok. Amor and Cupid // Harvard Studies in Classical Philology 79, 1975. P. 165–179.

В. М. Круглов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ОБ ИЗДАНИИ НЕИЗВЕСТНЫХ СТРАНИЦ
АКАДЕМИЧЕСКОГО «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
(1930–1936): ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИВНЫХ
МАТЕРИАЛОВ, ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ,
ПРОБНЫЙ ФРАГМЕНТ**

**§ 1. Последний этап работы над академическим «Словарем
русского языка» 1891–1937 гг. и значение
публикуемых материалов**

Работа над академическим «Словарем русского языка» 1891–1937 гг., который обычно называют «Словарем Грота-Шахматова» (далее — Словарь), длилась почти полвека. Последний период его истории начался в 1928 г., когда на общем собрании Академии наук было принято решение «приступить к переизданию вышедших частей» в связи с переходом на принципы реформированной орфографии [Державин, Обнорский 1932: 26]. К этому времени Словарь был составлен примерно на четверть, причем его первая часть (А–Д), опубликованная под редакцией Я. К. Грота, представляла собой нормативный справочник, ориентированный на лексику литературного языка, а вторая, под редакцией А. А. Шахматова, — словарь-тезаурус, охватывающий уже весь словарный состав, включая диалектные и просторечные элементы.

По числу толковых словарей русского языка, подготовленных Академией наук с конца XVIII века, новый этап в истории Словаря было решено назвать «седьмым предприятием по лексикологическому изучению русского языка» и «седьмым изданием» академического словаря [Там же]. С 1929 по 1937 г. в новой орфографии было напечатано 22 выпуска на буквы А, Д, И, Л, М, Н, О; при этом ни одна из них не была доведена до конца. На титульных листах первых двух тетрадей (О — Обезоруживать, 1929; Обезоруживать — Обкататься, 1930) какая-либо информация о переиздании отсутствовала. В более поздних выпусках обнару-

живаются разные подзаголовки: «второе издание» (1930–1932); «новое, переработанное и дополненное издание» (1932); «новое издание» (1933); «седьмое издание» (1934–1937). В первой половине 1930-х гг. научное редактирование Словаря осуществляли Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, С. И. Ожегов, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, И. А. Фалев [Цейтлин 1957: 105–108] (подробные библиографические сведения см. [Круглов и др. 2015: 422–431]).

Основным источником, позволяющим судить о принципах составления и структуре Словаря в первой половине 1930-х гг., остаются опубликованные выпуски. Дело в том, что работе над «седьмым изданием» не предшествовало составление программы, проекта и пробных словарных статей. Его теоретическим основам были посвящены лишь две лаконичные инструкции для внутреннего пользования, изданные уже накануне закрытия, — «Инструкция для редакторов» [Обнорский 1936] и «Инструкция для выборщиков» [Истрина, Фалев 1936].

В этой связи особого внимания заслуживают хранящиеся в архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН отпечатанные типографским способом корректурные экземпляры Словаря, которые были подготовлены к печати в первой половине 1930-х гг., но так и не были изданы. Экземпляры интересны тем, что содержат исправления и комментарии редакторов, касающиеся самых разных вопросов — от состава словника и структуры словарной статьи до техники показа системы значений и правил подачи иллюстративного материала, и, таким образом, являются ценными источниками не только по истории словарного состава русского языка первой трети XX в., но и по истории и теории русской академической лексикографии [Круглов 2015].

§ 2. Общая характеристика публикуемых материалов

2. 0. Вводные замечания: термины «отрезок» и «архивный экземпляр»

Интересующий нас архивный материал представляет собой стопки переплетенных сложенных пополам листов шириной примерно 35,5 см и высотой примерно 25,5 см, на каждом из которых типографским способом в левой части разворота отпечатан

один столбец текста. У некоторых листов отсутствует правая половина, и тогда они имеют размер 18 x 25,5 см. На первом листе каждого экземпляра типографским способом указаны его номер и границы. Например: «П (2) форма. Гадать — Газета». В границах «формы» листы имеют арабскую фолиацию, которая помещается над столбцами. Объем каждой «формы» составляет от 15 до 23 листов. В комментариях редакторов «формы» иногда называются «гранками».

Прежде чем приступить к подробной характеристике материала, необходимо уделить внимание используемой терминологии и отметить, что ниже будут употребляться термины «отрезок» и «архивный экземпляр». Первый отсылает непосредственно к тексту словаря и указывает на один из его фрагментов. Например, сочетание «отрезок *Гадать — Газета*» указывает на фрагмент текста, начинающийся со статьи *Гадать* и заканчивающийся статьей *Газета*. Термин «архивный экземпляр» отсылает к типографским копиям отрезка, каждая из которых содержит уникальные исправления и маргиналии редакторов, и указывает только на одну из них. Таким образом, применительно к одному отрезку можно говорить об одном или нескольких экземплярах, которыми он представлен в архиве.

2. 1. Количество экземпляров одного отрезка

В нашем случае речь идет о 23 отрезках на буквы Г, Е, И, Л, М. Это следующие отрезки: *Г — Гадательствовать, Гадать — Газета, Газетёнка — Газопотребный, Газопровод — Гаксодиевый, Гал — Галдун, Галё — Галлеров, Галлея — Галуха, Галуша — Гамать, Гамаша — Гамыла, Ганабобель — Гапынка, Гар — Гарезничать, Е — Еврит, Европеец — Египетка, Ежели — Езда, Ездава — Экзамент, Экзарх — Елкасик, Идеализм — Идезия, Идеишка — Идефикс, Лес — Лесотасочный, Лодковидный — Ложжить, Ложный — Локомобильность, Махинный — Мачта, Мачтап — Машинотракторный*.

В тех случаях, когда несколько экземпляров одного отрезка отражают последовательные этапы редактирования, границы этого отрезка от экземпляра к экземпляру могут меняться. В нашем материале имеется всего один такой случай: более ранний экземпляр № 26 имеет границы *Идеализатор — Идеже*, а более поздний № 25 — от *Идеализм* до *Идезия*. С изменением границ

отрезка в процессе редактирования связано, по-видимому, и то обстоятельство, что сведения на титульном листе экземпляра № 19 (*Гар — Гarezнуть*) не совпадают с границами представленного в нем печатного текста (*Гар — Гarezничать*).

Можно заметить, что первые 11 отрезков представляют собой законченную часть словаря без лакун (*Г — Гarezничать*), а остальные — лишь небольшие разрозненные фрагменты на разные буквы.

Большая часть отрезков (всего 15) представлена одним экземпляром, 7 отрезков — двумя, 1 — четырьмя. В последнем случае один экземпляр из четырех (№ 4) содержит не редактуру, а этимологические справки и, строго говоря, представляет собой дополнительные листы к отрезку *Г — Гадательствовать*, однако, принимая во внимание полноту данного экземпляра (в нем отсутствует лишь один лист из семнадцати), а также то обстоятельство, что только в нем представлен печатный вариант одного из более ранних этапов редактирования отрезка, изымать этот экземпляр из общего списка представляется нецелесообразным.

2. 2. Лакуны и дополнительные листы

Отдельными листами с этимологическими справками снабжен также отрезок *Гадать — Газета* (экз. № 5 и № 6). К отрезку *Галё — Галлеров* (экз. № 12) имеется приложение другого рода, которое представляет собой две копии одной страницы, причем на каждой из них имеются идентичные рукописные пометки и комментарии.

В некоторых экземплярах отсутствуют отдельные листы. В № 2 отсутствует л. 2; в № 3 — лл. 10–18; в № 6 — л. 1; в № 8 — лл. 7–17; в № 16 — лл. 10–13; в № 21 — л. 1; в № 31 — 3, 10, 15 и след. В тех случаях, когда отрезок представлен более чем одним архивным экземпляром, это обстоятельство для издания текста словаря не является существенным, однако в тех случаях, когда отрезок представлен одним экземпляром (как в случае с № 21 и № 31), при публикации неизбежно останутся лакуны.

Также имеет смысл отметить, что в № 11 и № 12 особым образом пронумерованы последний и предпоследний листы: им присвоен один номер — «17» и «17*».

2. 3. Датировка

На первом листе большинства экземпляров проставлены даты. Это пометки двух типов. Во-первых, это может быть штамп, указывающий на дату начала редактирования (или, возможно, получения отпечатанных копий отрезка из типографии), и, во-вторых, — дата окончания редактирования, написанная от руки.

В некоторых экземплярах какие-либо даты отсутствуют, как, например, в №№ 6, 11, 13, 15, 21, 25, 30, 31 и 33. В первых четырех случаях речь идет об отрезках, представленных двумя и более экземплярами, содержащими параллельное редактирование, поэтому примерные даты легко восстанавливаются. Так, редакторскую работу над №№ 6, 11, 13, 15 можно отнести к первой половине 1936 г.

Также легко датируется № 21 (*Европеец — Египетка*), у которого отсутствует титульный лист. Если принять во внимание, что редактирование № 20 (*Е — Еврит*) М. Карпинский закончил 5 апреля 1936 г., то примерно к этому же времени относится и работа с № 21.

Что касается № 25 (*Идеализм — Идеже*), то нужно, во-первых, учесть, что следующий этап редактирования соответствующего фрагмента текста относится к январю-февралю 1935 г., а также вспомнить о том, что первый выпуск словаря, напечатанный в «новой орфографии», увидел свет в конце 1929 г. Все это с достаточной долей уверенности позволяет датировать № 25 1930–1934 гг.

№№ 30–31 (*Махинный — Машинотракторный*), с которыми работал И. А. Фалев, также, по всей видимости, относятся к 1935–1936 гг., если принять во внимание, что предыдущий выпуск на букву М (*Маслоглазый — Махатъ*), подготовленный С. П. Обнорским и И. А. Фалевым, был напечатан в 1936 г. и что перед этим И. А. Фалев подготовил три выпуска на букву А, которые были изданы соответственно в 1932, 1933 и 1935 гг.

Используя сведения о хронологии издания отдельных выпусков, можно установить примерное время редактирования и экземпляра № 33 (*Ложный — Локомобильность*). Если принять во внимание, что первые три выпуска на начало буквы Л (*Л — Лисичий*) были изданы соответственно в 1915, 1927 и 1928 гг., а

с 1930 г. материалы на *Л* стали переиздаваться в «новой» орфографии (1930, 1932, 1934 и 1935 гг.), то время работы над № 33 следует отнести к 1929–1930 гг. Если же учесть, что один из непосредственно предшествующих этому фрагменту отрезков (№ 32, *Лодководный — Ложжить*) датирован январем 1930 г., то и № 33 можно также датировать началом 1930 г.

2. 4. Атрибуция

Атрибуция большинства рассматриваемых экземпляров не вызывает затруднений, так как на титульных листах отредактированных форм было принято делать пометки двух типов. Во-первых, указывать, кому из редакторов предназначается экземпляр (ср., например, в № 15: «Евгении Самсоновне <Истриной. — В. К.>»), и, во-вторых, подписывать титульный лист по окончании редактирования (ср., например, в № 20: «5 апр. 1936. М. Карпинский»).

Можно с уверенностью сказать, что №№ 1, 5, 8, 11, 13, 15 редактировала Е. С. Истрина; №№ 3, 7, 9, 10, 12, 14, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24 — С. П. Обнорский; № 20 — М. Карпинский; № 31 — И. А. Фалев; № 4 — И. Крачковский. В № 6 и № 21, у которых отсутствуют титульные листы, ясно читается почерк С. П. Обнорского; в № 30, титульный лист которого не подписан, — почерки И. А. Фалева и С. П. Обнорского. Экземпляр № 28 никаких исправлений не содержит.

2. 5. Соотношение экземпляров одного отрезка: последовательное и параллельное редактирование

Как уже отмечалось выше, в восьми случаях один отрезок представлен более чем одним экземпляром. В пяти случаях (это №№ 5–6, 7–8, 11–12, 13–14, 15–16) речь идет о параллельном редактировании разными редакторами одного и того же текста; в двух (№№ 25–26, 27–28) — о последовательном редактировании, то есть о разных этапах работы над текстом. Отрезок *Г* — *Гадательствовать* (№№ 1, 2, 3) представлен экземплярами, содержащими и последовательное, и параллельное редактирование.

Следует отметить, что во всех трех случаях последовательного редактирования имеются лакуны одного типа: в нашем распоряжении отсутствует тот экземпляр, с которого делался

типографский набор более позднего варианта. Последнее означает, что при публикации текста возникает необходимость описывать разночтения окончательного варианта более раннего экземпляра (с учетом внесенных в него исправлений) с печатным текстом более позднего варианта.

2. 6. Понятие «основного экземпляра» в случае параллельного редактирования

Очевидно, что в случаях последовательного редактирования того или иного отрезка выбор основного экземпляра, который должен быть положен в основу публикации, не представляет затруднений. Окончательным вариантом текста признается наиболее поздний печатный вариант с учетом всех внесенных в него рукописных исправлений.

Что касается случаев параллельного редактирования, то здесь понятие «основного экземпляра» носит в значительной степени условный характер и вводится для того, чтобы представить в распоряжение читателя текст словаря, а не его разрозненные фрагменты, поместив, разумеется, в примечания сведения о редактировании всех отрезков.

В наших материалах параллельное редактирование одного текста представлено в отрезках на букву *Г*, с которыми работали Е. С. Истрина и С. П. Обнорский. В качестве основных экземпляров здесь были условно выбраны те, что редактировались Е. С. Истриной, так как для ее манеры редактирования характерно стремление к более существенной переработке текста, включающей в себя не только небольшие формальные уточнения, но и в отдельных случаях — существенную переработку словарных статей с изменением их структуры, уточнение содержания дефиниций, обновление иллюстративного материала, и, кроме того, стремление прокомментировать сделанные исправления и дать им обоснование со ссылкой на принятые в словаре правила.

В одном случае, правда, пришлось сделать исключение: экземпляр № 7, отредактированный С. П. Обнорским, считается основным по отношению к № 8, отредактированному Е. С. Истриной, так как в последнем отсутствует 11 листов из 17-ти.

2. 7. Степень завершенности текста: «материалы для словаря» и «словарь»

Одним из основных вопросов, возникающих при характеристике рассматриваемых фрагментов, является вопрос о том, насколько законченным можно считать представленный в них текст словаря. Иными словами, с чем мы имеем дело: с материалами для словаря, или со словарем? Ответить на этот вопрос односложно не представляется возможным ввиду неоднородности анализируемого материала.

В большинстве случаев речь, бесспорно, идет о тексте словаря в его окончательном виде, о чем свидетельствует, во-первых, количество и характер вносимых исправлений, и, во-вторых, то обстоятельство, что с этим текстом работали опытные редакторы, которые в конце 1920-х – первой половине 1930 гг. подготовили к изданию по нескольку выпусков. Это Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, И. А. Фалев.

Материалами для словаря следует признать текст, представленный в №№ 20, 25–26, 30. Текст, содержащийся в № 20 и подготовленный М. Карпинским, с некоторой натяжкой можно было бы признать вариантом, близким к окончательному тексту, если бы не одно обстоятельство: существенная часть данного отрезка была утеряна. Речь идет о карточках, на которых был помещен новый вариант словарной статьи *Е* («1. В азбучном порядке шестая буква...»). (Ср. напротив этой статьи запись на полях: «Вместо зачеркнутого карточки 1–24»).

Особой характеристики заслуживают экземпляры № 32 и № 33, напечатанные еще «в старой орфографии». В них содержится текст словаря, однако той его части, которая относится не к «седьмому изданию», а к «Словарю Шахматова».

§ 3. Перечень архивных экземпляров

Список корректурных экземпляров толкового академического «Словаря русского языка», которые были подготовлены к печати в первой половине 1930-х гг. и в настоящее время хранятся в архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН, был ранее опубликован в специальной статье [Круглов 2015: 231–235]. Ниже этот список приводится в исправленном и дополненном варианте с сохранением нумерации. В период времени,

прошедший с момента публикации, в архиве были обнаружены новые материалы (в частности, вторая часть № 18 (лл. 6–9) и дополнительные листы к № 6 и № 12), уточнены некоторые лакуны и датировки, установлена принадлежность отдельных почерков в неавторизованных корректурах.

№ 1. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 1–18. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: синими чернилами — «27. II. 36. Е. Истрина», простым карандашом — «19. III. Е. Истрина». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

№ 2. 16 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 1–17. Л. 2 отсутствует. На первом листе в левом верхнем углу имеется неразборчивая подпись, выполненная синими чернилами, и дата «21 окт. 1935 г.», справа вверху — надпись красным карандашом «Пометки Истр. и Черныш. 1935»; справа внизу — штамп «13 АВГ 1935». Немногочисленные исправления и маргиналии синими и красными чернилами, а также простым карандашом.

№ 3. 9 л. 25,5 x 18 см. Последние листы отсутствуют. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 1–9. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорский. 28 фев 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 4. 5 л. 35,5 x 25,5 см. Первый и последние листы отсутствуют. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 2–6. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись простым карандашом «И. Крачковский. 4/III 935». Немногочисленные исправления и маргиналии простым карандашом (этимологические справки).

№ 5. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **II (2) форма. Гадать — Газета.** Стб. 1–18. На первом листе в верхнем левом углу имеется надпись синими чернилами «Е. Истрина 14. IV. 36». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами и простым карандашом.

№ 6. 23 л. 25,5 x 18 см. Без титульного листа. **(II (2) форма. Гадать — Газета).** Стб. 2–18. Немногочисленные исправления и маргиналии простым карандашом и синими чернилами. Почерк С. П. Обнорского.

Дополнительные листы к №№ 5–6:

а) 3 л. 35,5 x 25,5 см. Стб. 4, 15, 16. На полях этимологические справки. Почерк И. Крачковского.

б) 3 л. 25,5 x 18 см. Стб. 13, 14, 15. На каждом листе подпись: «Л. Берг». Немногочисленные маргиналии черными чернилами.

№ 7. 17 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **III (3) форма. Газетёнка — Газопотребный.** Стб. 1–17. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синими чернилами «С. Обнорск. 11 фев. 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 8. 6 л. 35,5 x 25,5 см. Последние 11 листов отсутствуют. Заглавие: **III (3) форма. Газетёнка — Газопотребный.** Стб. 1–6. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синими чернилами «Е. Истрина. 7. II. 936». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом и синими чернилами.

№ 9. 14 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **IV (4) ф. Газопровод — Гаксодиевый.** Стб. 1–14. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «С. П. Обнорскому», синими чернилами — «С. Обнорск. 11 февр. 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 10. 16 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **V (5) ф. Гал — Галдун.** Стб. 1–16. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорск. 11 апр. 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 11. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Два последних листа пронумерованы как «17» и «17*». Заглавие: **VI (6) ф. Галё — Галлеров.** Стб. 1–18. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись простым карандашом: «Евгении Самсоновне». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

№ 12. 18 л. 25,5 x 18 см. Два последних листа пронумерованы как «17» и «17*». Заглавие: **VI (6) ф. Галё — Галлеров.** Стб. 1–18. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись красным карандашом: «С. Обнорск. 16. VI. 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии красным карандашом.

Дополнительные листы к № 12:

а) 1 л. 25,5 x 18 см. Стб. 2. Почерком С. П. Обнорского точ-

но воспроизведены исправления и маргиналии, имеющиеся на л. 2 основного экземпляра.

№ 13. 20 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **VII (7) ф. Галлея — Галуха.** Стб. 1–20. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись простым карандашом: «Евгении Самсоновне» и «Е. Истр.». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

№ 14. 20 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **VII (7) ф. Галлея — Галуха.** Стб. 1–20. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: красным карандашом: 11. VI. 36. простым карандашом — «Сергею Петровичу», перьевой ручкой — «С. Обнорск. 18. VI. 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 15. 15 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **VIII (8) ф. Галуша — Гамать.** Стб. 1–15. На первом листе в верхнем левом углу имеется надписи простым карандашом: «Евгении Самсоновне» и «Е. Истр.». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

№ 16. 11 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **VIII (8) ф. Галуша — Гамать.** Стб. 1–15. Лл. 10–13 отсутствуют. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: красным карандашом — «11. VI. 36», простым карандашом — «Сергею Петровичу», перьевой ручкой — «С. Обнорск. 18. VI. 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами и простым карандашом.

№ 17. 13 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **IX (9) ф. Гамаша — Гамыла.** Стб. 1–13. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорск. 18 июня 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 18. 9 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **X (10) ф. Ганабобель — Гапонка.** Отрезок заканчивается словарной статьей **Гапынка**; статья **Гапонка** в отрезке отсутствует. Стб. 1–9. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорск. 18 июня 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 19. 12 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **XI (11) ф. Гар —**

Гарезнуть. Стб. 1–12. Отрезок заканчивается словарной статьей **Гарезничать**, расположенной в середине столбца. В верхней части первого листа в центре имеется надпись синими чернилами «5/IV» и штамп «16 АПР 1936»; в левом верхнем углу — надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорск. 18 июня 1936». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 20. 17 л. 35,5 × 25,5 см. заглавие: **I (1) ф. Е — еврит.** Стб. 1–17. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: перьевой ручкой — «М. Карпинский» и штамп «15 ЯНВ 1936». Слева в центре имеются надписи синими чернилами: «Еще корректуру», «60 экзempl.», «5 апр. 1936. М. Карпинский», а также штамп «ЕЩЕ КОПП. 7/10». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами. В левой верхней части л. 1 напротив статьи «Е» также имеется надпись простым карандашом: «Вместо зачеркнутого карточки 1–24». Карточки не сохранились.

№ 21. 13 л. 35,5 × 25,5 см. Л. 1 отсутствует. Печатное заглавие отсутствует. Начинается с середины статьи **Европеец**, заканчивается статьей **Египетка**. Немногочисленные исправления карандашом. Почерк С. П. Обнорского.

№ 22. 17 л. 35,5 × 25,5 см. Заглавие: **VIII (8) ф. Ежели — езда.** Стб. 1–17. На первом листе справа сверху имеется штамп «3 МАЯ 1936» и надпись синими чернилами «С. Обнорск. 9 окт. 1936». Немногочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

№ 23. 17 л. 35,5 × 25,5 см. Заглавие: **IX (9) Ф. Ездава — экзамент.** Стб. 1–17. В верхней части первого листа имеется штамп «3 МАЯ 1936», а также надписи синими чернилами: «3/V, 1–17 гр.» и почерком С. П. Обнорского: «С. Обнорский, 9 окт. 1936». Небольшие исправления и маргиналии простым карандашом.

№ 24. 19 л. 35,5 × 25,5 см. Заглавие: **X (10) ф. Екзарх — елкасик.** Стб. 1–19. В верхней части первого листа имеется штамп «16 МАЯ 1936», а также надписи: простым карандашом — «16/V» и синими чернилами почерком С. П. Обнорского — «С. Обнорский, 9 окт. 1936». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

№ 25. 7 л. 35,5 × 25,5 см. Заглавие: **X (10) ф. Идеализм —**

Идеже. Стб. 1–7. Слово **Идеже** в заглавии зачеркнуто и от руки исправлено на **Идезия** (словарная статья **Идезия** добавлена от руки в конце отрезка). На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синим карандашом «Еще корр. Ляпунов. 10 экз.». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами. Неустановленный почерк.

№ 26. 9 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **X (10) ф. Идеализатор — Идеже.** Стб. 1–9. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись красным карандашом «Читал Н. Державин» и штамп «19 ЯНВ 1935». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами и красным карандашом. Неустановленный почерк, а также пометки Н. С. Державина.

№ 27. 8 л. 35,5 x 25,5 см. Печатное заглавие отсутствует. Вместо него имеется запись: «**XI (11) ф. Идеишка — Идефикс**» (статья **Идефикс** добавлена от руки в конце отрезка). Стб. 9–17. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: синими чернилами — «14. II. 33 г.», синим карандашом — «Еще корр. Ляпунов. 10 экз.». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 28. 14 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **XI (11) ф. Идеишка — Идефикс.** Стб. 1–14. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: красным карандашом — «Еще оттиснуть 15 экз. 11/II 36 г.», синим карандашом — «тиснуть 15 экз. 13/II» и штамп «25 ДЕК 1935». Исправления и маргиналии в тексте отсутствуют.

№ 29. 19 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **IV (4) ф. Лес – лесотасочный.** Стб. 1–19. На первом листе в левой верхней части штамп «4 НОЯ 1934». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 30. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **XXIII (10) ф. Махинный — Мачта.** Стб. 1–18. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синим карандашом: «Ляпунов». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами. Почерки С. П. Обнорского и И. А. Фалева.

№ 31. 12 л. 35,5 x 25,5 см. Лл. 3, 10, а также последние листы (после л. 14) отсутствуют (отрезок заканчивается статьей **Машинный**; ее окончание также отсутствует). Заглавие: **XXIV (24) ф. Мачтап — машинотракторный.** Стб. 1–2, 4–9, 11–14.

На первом листе в левом верхнем углу надпись синими чернилами: «И. Фалев». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

№ 32. 6 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **XIV (14) ф. Лодковидный — ложжить.** Стб. 1–6. Последние листы отсутствуют. Отрезок заканчивается словарной статьей **Лодырь.** На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись: «Е. С. Истриной. 7. I. 30». Немногочисленные исправления и маргиналии черными чернилами.

№ 33. 16 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **XVI (16) ф. Ложный — Локомобильность.** Стб. 1–16. Немногочисленные исправления и маргиналии зелеными, синими и красными чернилами. Почерк С. П. Обнорского.

§ 4. Правила публикации

Издание данных материалов преследует две цели: во-первых, предоставить в распоряжение исследователей неопубликованные фрагменты толкового академического «Словаря русского языка» в том виде, в каком они были подготовлены к печати в первой половине 1930-х гг., и, во-вторых, зафиксировать все случаи редакторской правки, содержащейся во всех архивных экземплярах.

1. Исходя из этого во всех случаях (в том числе и тогда, когда речь идет о параллельной работе разных редакторов над одним фрагментом текста), для публикации выбирается только один основной экземпляр, который воспроизводится с учетом внесенной в него редакторской правки в качестве окончательного варианта. Например, в основу публикации отрезка *Г — Гадать* положен экземпляр № 1, отредактированный Е. С. Истриной, поэтому правка, имеющаяся в экземпляре № 3 и принадлежащая С. П. Обнорскому (в частности, предложенный им новый вариант дефиниции слова *Габинет* «О правительственном учреждении (времени Анны Иоанновны)», а также замена при этом слове пометы «*Стар.*» на «*Устар.*») при реконструкции окончательного варианта текста не учитывается и выносится в примечания.

В окончательный вариант публикуемого текста вносятся только те редакторские пометки из основного экземпляра, которые однозначно являются исправлениями и не содержат общих

указаний или вопросительных интонаций. Например, помещенное на полях замечание к иллюстративному материалу статьи *Машина* (№ 31, стб. 7) — «Количество примеров и их порядок», а также вопрос напротив дефиниции одного из специальных употреблений того же слова — «Зачем два раза определять одно и то же разными словами?» — при реконструкции окончательного текста не учитываются, а выносятся в примечания.

В некоторых случаях текст других экземпляров того же отрезка может также публиковаться полностью в качестве справочного материала в конце соответствующего параграфа. Это, как правило, относится к случаям более ранних по отношению к основному экземпляру печатных вариантов словаря.

2. Никакие дополнения и исправления в текст словаря при публикации не вносятся. Передаются все особенности текста, включая шрифтовые выделения — полужирный шрифт, курсив и разрядку. Исключение составляют:

а) случаи явных опечаток (каждый такой случай отражается в подстраничном примечании, начинающемся с сочетания «В ориг: ...» и содержащем указание на первоначальный вариант);

б) текст экземпляров № 32 и № 33, где старая орфография заменяется на новую в соответствии с принципами «седьмого издания»; в соответствии с теми же принципами в иллюстративном материале, взятом из источников XVIII в., «старая орфография» сохраняется. Заголовочные слова в данных отрезках представляются в алфавитном порядке заново (например, *Лодѣ*, следовавшее за *Лодчонка*, исправляется на *Лод* и помещается в начало отрезка).

3. В примечаниях к публикуемому тексту отражаются все случаи редактирования, содержащиеся во всех имеющихся экземплярах. Исключение составляют исправления и комментарии редакторов, касающиеся:

а) орфографии, пунктуации, переноса слов и расстановки пробелов;

б) шрифтовых выделений, не связанных со структурой словарной статьи;

в) шифров источников.

Эти исправления в примечаниях не учитываются.

В тексте примечания обязательно указывается, к какому

конкретно экземпляру относится обсуждаемое исправление или комментарий, или какому редактору они принадлежат.

Все имеющиеся в экземплярах рукописные пометки в примечаниях помещаются в кавычки, а содержащийся в них текст словаря снабжается соответствующими шрифтовыми выделениями (полужирным шрифтом, курсивом и разрядкой) вне зависимости от того, подчеркнуты ли соответствующие фрагменты пунктиром, сплошной или волнистой чертой. Ср., например, примечания издателей к статьям *Гарантировать* (1) и *Гарбейтель* (2):

¹ Первоначально было: «...(франц. *garantir*). Сов. и несов., *перех.*».

² Помета «*Стар.*» исправлена на «*Устар.*».

Добавления и пояснения, сделанные при публикации, заключаются в ломаные скобки. Ср., например, примечания к статьям *Гарамбкаться* (1) и *Гарангировать* (2):

¹ На полях вопрос: «где<?>».

² На полях вопрос к дефиниции: «Встр.<етилось> у Г.<ерцена><?>».

4. При публикации в тексте указываются границы листов (столбцов) соответствующих архивных экземпляров. Начало каждого листа отмечается полужирным шрифтом прямо в тексте словаря: в квадратных скобках приводится номер столбца (например, [стб. 5:]). Начало первого листа в тексте не указывается.

5. Каждому публикуемому отрезку предпосылается преамбула. В ней дается краткая характеристика экземпляров данного отрезка, а также сведения о том, какой экземпляр положен в основу публикации и каким образом в примечаниях отражается информация о содержании редакторской правки разных экземпляров.

§ 5. Пробный фрагмент: *Гар* — *Гарезничать*

Фрагмент представлен одним архивным экземпляром № 19, который датируется серединой 1936 г. и содержит многочисленные исправления и замечания С. П. Обнорского.

№ 19. 12 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **XI (11) ф. Гар — Гарезнуть.** Стб. 1–12. Отрезок заканчивается словарной статьей **Гарезничать**, расположенной в середине столбца. В верхней части первого листа в центре имеется надпись синими чернилами «5/IV» и штамп «16 АПР 1936»; в левом верхнем углу — надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими

чернилами — «С. Обнорск. 18 июня 1936». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

1. Гар, а, м. То же, что горение (Д.).

2. Гар, а, м. (Франц. gare). Пристань; вокзал. (Шерамур) *иногда что-то зарабатывал, нося что-то в гаре*. Леск. Шерамур (II, 503).

Гарабаушка, и, ж. Обл. Гриб, растущий подле дороги. Калуж. (2 Доп.).

Гара́бить, блю, бишь, несов., перех. Обл. Забирать к себе, хватать руками. Верхот., Охан. р. (Миртов).

Гара́ж, гаража́ и гаража, м. (Франц. garage). Помещение для автомобилей, обычно соединяемое с мастерской и складами запасных частей (МСЭ). *Шоффер озабоченно вбежал в гараж и остановился. Два автомобиля стояли под чехлами, а Ласточки не было*. Газ. Свет 3 марта 1911, № 59. *Гаражи должны быть предназначены не только для местных нужд, но и для любого проезжающего автомобиля*. Лихачев, Изв. ЦИК 20 мая 1934.

Клянусь! красавицы (машины „Мерседес“) такой не знали стены гаража.

Кирсанов, Автомобильный роман
(Слово предоставляется Кирсанову)

И посмотрев на часы — не время ль
Ради солидарности кончить врать —
Он (зам. дир. Пушторга) вызовет из гаража авто
И сделает ручкой: „Пока! Я в Кремль“.

Сельвинск., Пушторг, II, 37

В сложении гара́ж-колосс. Встретилось у Маяковского.

Тысяча машинных малышей
спит в объятиях
гаража-колосса.

Маяк., Венера... и В. Полонский (VI, 9).

Гара́жестро́ение, нье, я, ср. Строение гаражей. *Развитие гаражестроения*¹. Изв. ЦИК 23 дек. 1932.

Гара́жник, а, м. Уменьш. от сл. гараж. *Страсть к моторам ... затащила его (мальчика) в Москву на ученическую службу в ... кооперативном гаражике*. Кригер, Изв. ЦИК 24 февр. 1933.

Гара́жный, ая, ое. Относящийся к гаражу, гаражам. *Техн. Гаражные бензинохранилища. Госплан СССР утвердил план капиталовложений на расширение автобусного сообщения, грузового автотранспортного и гаражного строительства*. Правда 18 февр. 1932.

Гара́здый. См. Гора́здый.

Гараки́ри. См. Хараки́ри.

Гара́маться, аюсь, аешься, несов. Обл. Цепляться. Западн., Пермск. г. (Д.).

Гара́мбкаться, аюсь, аешься, несов. Обл. То же, что гарамкаться². (Миртов).

Гара́мкаться, аюсь, аешься, несов. Обл. Карабкаться, влезать. Олон. (Кулик.), Тобол. г. (прогр. № 21), Шадр. (Миртов).

Гаранги́ровать, рую, ешь, несов., перех. (Франц. *garagner*). Обращаться с речью, произносить речь как бы перед собранием³. *Усевшись покойно на кушетке, Ледрю-Роллен начал меня «гарангировать»*. Герцен, Былое и думы, ч. V, гл. 2.

Гарано́к, нка́, м. Обл. Гренок. Жиздр. (2 Доп.).

Гаранс. (Франц. *garance*, марена). То же, что гарансе. *Техн. и хим.* В сложении. Гара́нс-ла́к — то же, что крапп-лак (Техн. энц.).

Гарансе́ и гарансэ́⁴, нескл. (От франц. *garance*, марена). Краситель, добываемый путем перегрева [стб. 2:] с серной кислотой из остатков использованного на крашение краппа и употр. на крашение (ТЭ)

Гаранси́н, а, м. (Франц. *garancine*). *Хим. и техн.* Растительный красильный аппарат, получаемый при кипячении краппа, молодого корня марены (БСЭ; ТЭ). *Здесь* (на химическом

¹ Цитата сокращена при редактировании. Было: «(Автодором) осуществлены ... мероприятия в борьбе ... за развитие гаражестроения».

² На полях вопрос: «где<?>».

³ На полях вопрос к дефиниции: «Встр.<етилось> у Г.<ерцена>?».

⁴ На полях вопрос: «Откуда такое произношение?».

заводе Лепешкиных) *приготавливают из русской, т.-е. Закавказской марены, крап и даже гарансин*. Небольсин, Рассказы проезжего⁵. В сложении. Гарансин-карийн (Техн. энц.).

Гаранси́нный, ая, ое. Относящийся к гарансину, имеющий цвет гарансина. *Текстил*. Гаранси́нная барка — прибор для крашения ткани жгутом, состоящий из ящика с двумя валами (Кратк. техн. слов.).

Гара́нсовый, ая, ое. (От франц. *garance*, марена). Относящийся к гарансу, цвета его. *Техн*. Гара́нсовый лак — то же, что крапп-лак (ТЭ).

Гара́нт⁶, а, м. (Франц. *garant*). 1. Поручитель. *Соединившіяся для защищенія утѣсненныхъ Императорскихъ земель державы ... приняли оружіе .., чтобъ исполнить свои обязательства яко союзники, яко гаранты Вестфальскаго мира*. Москов. Ведом. 1758 г., № 48. *Я покорно прошу ваше превосходительство быть гарантом бескорыстных моих сантиментов*. Письма М. Л. Воронцова к И. И. Шувалову (Русск. Архив 1864 г., с. 369). Совет Лиги наций ... в этом договоре выступает как верховный гарант и арбитр. Изв. ЦИК 24 янв. 1925.⁷ *Итальянская дипломатия пыталась в той или иной форме добиться роли главного гаранта независимости Австрии, что обеспечило бы ей решающее влияние в Австрии*. Изв. ЦИК 2 окт. 1934.

2. *Устар*⁸. Порука, поручительство («Разные письм. материи», журн. М. Комарова, Москва 1791).

Гара́нтизм, а, м. (Франц. *garantisme*). На языке школы Фурье система промышленных гарантий, которая должна следовать за анархией производства и предшествовать окончательной организации общества. *В начале нашего века мы были слиш-*

⁵ Здесь вычеркнуты две пометы и цитата: «*Бот. и техн. Крапп, Rad[ix] Lizari s. Erythradani s Raji, краска — продукт растения Rubio tinctorum L., сем. маренных, Rubiaceae* (Анненк. 302)».

⁶ При редактировании была изменена структура статьи Гарант. Значению «поручитель» и оттенку «порука, поручительство» был придан статус самостоятельных значений. Ср. цифры «1» и «2» на полях.

⁷ Здесь была вычеркнута цитата «*Поручительство кредитоспособных германских гарантов*. Изв. ЦИК 1925, № 253».

⁸ Помета «*Устар.*» исправлена на «*Устар.*».

ком под влиянием западно-либеральных идей гарантнизма. Герцен, Русские немцы, 5 (X, 120).

Гарантийный, ая, ое. Обеспеченный гарантией, ручательством. Было создано специальное гарантийной объединение для укрепления кредитоспособности Гольддисконтбанка (золотого учетного банка). Гнедин, Изв. ЦИК 10 сент. 1931. Полит. Гарантийный договор, пакт и под. (Барту) будет стремиться к осуществлению советско-польского гарантийного пакта. Изв. ЦИК 29 апр. 1934. Мы вместе с Францией, а также с Чехословакией решили, что значительным фактором обеспечения мира не только на Востоке Европы, как принято думать, но и во всей Европе является осуществление так называемого восточного гарантийного пакта. Правда 5 янв. 1935.

Техн. Гарантийные показатели. Гарантийных своих показателей котлы не достигли в силу того, что топки при форсированной работе сильно илакуются, илак приходится подрубать вручную. Ковельман и Балашков, Техника 3 марта 1933.

Торг. Гарантийный вексель, капитал, кредит и под. Гарантийные письма (Слов. торг. пром.). [стб. 3:] Не лучше ли печатать хоть еженедельно «гарантийные письма» банков и другие документы о военных поставках и о ценах по этим поставкам, чем ораторствовать о «сломленности сопротивления капиталистов». Ленин, Эпидемия доверчивости (XX, 512).

Гарантирование, я, ср. Действие по знач. глаг. гарантировать⁹. От кого же могут требовать рабочие гарантирования неприкосновенности личности и свободы союзов? Ленин, Предисл. к брошюре «Майские дни в Харькове» (IV, 50). В виду¹⁰ превосходного выполнения Советским Союзом своих обязательств по кредитам есть «мало оснований» для высоких ставок, взимаемых департаментом экспортных кредитов за гарантирование советских заказов. Правда 6 янв. 1935.

⁹ «Действие по значению гл. гарантировать» исправлено на «Действие по знач. глаг. гарантировать».

¹⁰ В ориг. раздельно.

Гаранти́ровать, рую, руешь и **гарантирова́ть**, рую, ру́ешь, *сов. и несов., перех.* (Франц. *garantir*)¹¹. Обеспечивать что-либо, поручаться за кого-либо; дать залог (Д.; Слов. Акад. 1891). *У нас есть испытанное средство помпадуров. Это средство: повышения, перемещения и увольнения, которые очень достаточно гарантируют нас.* Салт. Помпадуры и помпадурши, XII (Ш, 261). *Мы, видите ли, хотим гарантировать себя от ошибок, которых, вы знаете, у нас многонько таки.* М. Горький, О чиже, кот. лгал (I, 47). *Гаранти́ровать* кого-либо, от чего-либо. *Смешение пород гарантирует нас от повального повреждения всех дерев в насаждении.* Яшнов, Кр. к. лесовед. 48. *Пока война (на польском фронте) не кончена полной победой, мы должны гарантировать себя от таких ошибок и глупостей, которые мы делали пять лет.* Ленин, Речь... 12 VI 1920 (XXV, 299). *Сила не гарантирует, конечно, от страданий.* Луначарский, критич. этюды, X. *От уклона в эту сторону (рационализма) мы гарантированы, наш мужик — мистик (слова студента).* М. Горький, Жизнь К. Самгина, II, 100. *Можно ли считать эти противоречия (противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной социализма и странами капитализма) вполне преодолимыми для одной страны? Нет, нельзя. Ибо усилий одной страны, если даже эта страна является страной диктатуры, недостаточно для того, чтобы полностью гарантировать ее от опасности интервенции.* Сталин. Вопр. лен. 124. *Такая система работы (самостоятельное заключение договоров с поставщиками о снабжении завода) не может быть одобрена, но во всяком случае она до известной степени гарантировала завод от систематических перебоев.* Газ. Кр. Треугольник 2 марта 1932. *Гаранти́ровать* что-либо — обещать выполнение чего-либо.

Я гарантирую рост Пушторга

При ликвидации тлей изнутри (из доклада директора
треста).

Сельвинск., Пушторг I (с. 28).

¹¹ Первоначально было: «... (франц. *garantir*). *Сов. и несов., перех.*».

Гаранти́ровать кому-либо что-либо. (Серебряков:) *Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода.* Чех. Леший, д. III, 10. *При развитии собственных запасов в частновладельческих имениях у владельцев является потребность гарантировать себе добывание рабочих в нужное время.* Ленин, Развитие капит. в России, III, 3 (III, 146). *Устав нашей партии гарантирует каждому возможность обратиться к съезду.* Ленин, О созыве III парт. съезда (VII, 137). Гаранти́рованный и гарантиро́ванный, ая, ое, прич. прош. страд¹². [стб. 4:] *Торг. и эконом. Гарантиро́ванные акции, бумаги, займы и под. Государство предоставляет гарантию определенного дохода на акционерный капитал; акции такой компании становятся гарантированными.* Чупров, Полит. экономия, 181. В иной (устар.) форме: гварантиро́вать (см. это слово).

Гаранти́роваться и гарантиро́ваться, и́руюсь и иру́юсь, и́руешься и иру́ешься, несов¹³. Обеспечиваться. *Рабочим и служащим, командируемым по делам службы, гарантируется на все время командировки сохранение места и среднего заработка.* Кодекс законов о труде РСФСР, ст. 81. *Гарантировалась, таким образом, лишь традиционная норма жалованья, не принимая, стало быть, в расчет падения цены денег (в 1610 году).* Покровский, Русская ист. II, 61. || Страд. глаг. гарантировать¹⁴.

Гаранти́я, и, ж. (Франц. *garantie*). Ручательство, поручительство, обеспечение. (Д.; Слов. Акад. 1891). *Перед лицом все возрастающей агрессивности некоторых государств мы должны иметь реальные гарантии самозащиты.* Изв. ЦИК 23 февр.

¹² Грамматическая характеристика «прич. прош. страд.» добавлена вместо последующего вычеркнутого фрагмента: «гаранти́рован и гарантиро́ван, и́рована и иро́вана, и́ровано и иро́вано. В знач. прилагательного».

¹³ Варианты «**гарантиро́ваться**, ... и́руюсь, ... иру́ешься» добавлены при редактировании.

¹⁴ Окончание статьи, начиная со знака оттенка, добавлено при редактировании.

1935¹⁵. *Никому не удалось бы так хорошо вывести на чистую воду меньшевиков, как этому рабочему-меньшевику. Он понял, что без гарантий разлагольствование об автономии и самодеятельности пролетариата остается пошлым фразерством.* Ленин, Соловья баснями не кормят (VII, 52).

Мы обращаемся к Вам ... с гарантией
Полной выгоды наших услуг (из деловой переписки
Пушторга).
Сельвинск., Пушторг. IV (с. 54)¹⁶.

Быть, являться, служить и под. гарант́ией чего-либо. *Советская делегация знает, что высшей гарант́ией мира явится только полное торжество социалистических принципов, которое устраним причины, порождающие вооруженные конфликты.* Литвинов, Известия ЦИК, 12 февраля 1932. *Гарант́ией целостности внутренней изоляции трансформатора должно быть перекрытие на втулке...* Соц. реконстр. и наука 1933, V 132. *Газета пишет, что эти искренние слова выявляют характер внешней политики СССР, которая является солидной гарант́ией мира и безопасности.* Изв. ЦИК, 17 апр. 1934 г. *Ленинизм ... будет гарант́ией нашей победы не только внутри страны, но и в ми-*

¹⁵ Первоначально цитата иллюстрировала устойчивую сочетаемость «Гарант́ии реальные, действительные», которая в словарной статье следовала за сочетанием «Гарант́ии политические» и была вычеркнута.

¹⁶ Первоначально цитаты «Никому не удалось...» и «Мы обращаемся...» иллюстрировали устойчивую сочетаемость «Без гарант́ий, с гарант́ией и под. — будучи обеспечены, не обеспечены гарант́ией, гарант́иями», которая была вычеркнута.

Названные цитаты и следующие за ними разделы «Быть, являться, служить и под. гарант́ией чего-либо» и «Просить, добиваться, требовать и под. гарант́ий» до цитаты из Плеханова «*Им пришлось...*» первоначально следовали за разделом «Гарант́ия против чего-либо», и затем были перенесены редактором в начало статьи.

ровом масштабе. Киров (Ст. О. XVI С. ВКП(б) 159–160)¹⁷. В сущности тех начал, на которых основан быт Русаковых, нет никаких гарантий благосостояния. Добролюб. Темное царство, III (IV, 164). Он (царь) обещает — только обещает — всяческие реформы совершенно второстепенного характера. Никаких гарантий осуществления этих реформ, разумеется, не дается. Ленин, Самодержавие и пролетариат (VII, 26). Просить, добиваться, требовать и под. гаран тий. Им (парламентам) пришлось, таким образом, добиваться гарантий, которых добивались еще гугеноты в царствование Генриха IV. Плех. Ст. против П. Струве (XI, 175). Гаран тия успеха и под. Надо и поскорее (созвать Учредительное Собрание). Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление силы Советов Р., С., Кр. и пр. Деп.; организация и вооружение рабочих масс — единственная гарантия. Ленин, Полит. партии в России и задачи пролетариата, 9, (XX, 138–139). Нигде в России нет и не может быть — и никогда не бывало в революционные моменты подобного рода — «гарантий правильности», все это понимают. Ленин, Украина и пораж. правящих партий Р. (XX, 540)¹⁸. Прав. Гаран тии конституционные. Гаран тии международные. Гаран тии в трудовом праве. Экон. Гаран тии железнодорожные. Гаран тии страховые. Гаран тия личности — обеспечивающая неприкосновенность, свободу личности. Оппозиция есть гарантия личности против посягательств большинства или силы. Писарев, Схоластика XIX века, (I, 383). Гаран тия вольности, освобождения и под. Новгородцы внесли в свой политический строй два важные начала, ставшие гарантиями их вольности. Ключевский, курс русск. ист. II, 72. Только самый полный и самый тесный союз (польского пролетариата) с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей данной политической борьбы против самодержавия, только

¹⁷ Здесь вычеркнуто указание на устойчивую сочетаемость: «Нет, не дается и под. гаран тии, гаран тий чего-либо».

¹⁸ Первоначально сочетание «Гаран тия успеха и под.» вместе с сопутствующим иллюстративным материалом следовало за разделом словарной статьи «Гаран тия вольности, освобождения и под.» (после цитаты «Только самый полный...»).

такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения. Ленин, Нац. вопр. в наш. прогр. (V, 343). Гаран́тия за что-либо. *Что касается собственно до «плана» (займа у Хохлаковой), то было все то же самое, что и прежде, то есть предложение прав своих на Чермашню... как благородную гарантию за долг.* Дост. Бр. Карамазовы, кн. VIII, гл. 3. Гаран́тия от чего-либо. *Гарантия от реставрации в настоящем смысле слова может быть лишь одна; социалистический переворот на Западе.* Ленин, К итогам съезда, 1906 (IX, 238). *Полная гарантия от интервенции, а значит, и окончательная победа социализма возможна, ввиду этого, лишь в международном масштабе, лишь в результате совместных усилий пролетариев ряда стран, или — еще лучше лишь [стб. 5:] в результате победы пролетариев нескольких стран.* Сталин, Вопр. лен. 124–125. Гаран́тия против чего-либо. *Заключенные пакты ненападения усиливают вину нападающего, но все же не могут считаться абсолютной гарантией против нападения, не могут считаться средством исключаящим войну.* Литвинов, Изв. ЦИК 12 февраля 1932.

Гаранто́ль, я, м. Общее название для черных изоляционных лаков, производимых в Германии (ТЭ I, 175).

Гаранька, и, ж. Доревол. «Гаранька» (так называли крестьяне гарантию земской железной дороги) тоже почти целиком легла на их выносливые плечи. Дмитриев, В разн. стороны, 110.

Гараню́к, а, м. Обл. Какое-то прозвище. Значение не известно. Новгор., Черепов. (прогр. № 9)¹⁹.

Гарáпник, а, м. То же, что арапник. *Закрычав на(чальник): «а и де гарáпник!»* Бонч-Бруевич. Матер. раск. и сект. III, 27²⁰.

Гарáс, а, м.²¹ Мелкая венгерская монета, достоинством около 3 1/2 коп. (Слов. Коммерч.).

¹⁹ Напротив словарной статьи на полях вопрос: «Надо ли<?>».

²⁰ Напротив словарной статьи на полях вопрос: «Надо ли: украинск.<?>».

²¹ Здесь вставлены круглые скобки как указание на необходимость этимологической справки.

Гарáсить²², ишь, несов., **гарáснуть**, ну, нешь, сов.²³, *перех.* Ударять кого-либо, чем либо. *Гарась яго байдом.* Калуж. г. (Д.; Бум. Срезн.).

Гарáф, а, м.²⁴ Арабская монета, достоинством в 1 руб. 33 коп. (Слов. Коммерч.).

1. Гáрба²⁵, ы, и²⁶ *мн.* гáрбы, гарб, *ж.* Сети. *Рыбаки выезжали в старину на ладьях с гарбами в Ладожское озеро.* Ладож. (Копаневич).

2. Гáрба, ы, *ж.*²⁷ То же, что арба. *При скирдовании* (в колхозах Павловского района, Сев. Кавказ) *бывают большие простои тягла, когда гарба [стб. 6:] ожидает, пока сложат хлеб, а на степи ее вновь наполнят.* Бровцын, Изв. ЦИК 22 февр. 1932. *Чтобы устранить простои, были введены запасные гарбы, которые наполнялись хлебом в то время, когда другие уже с хлебом пошли на ток.* Там же. Дон. (Левочкин).

Гарбаву́шки, шек, *мн.* Обл. Говорушки. Калуж. (2 Доп.).

Гáрбедж, а, м. (Англ. garbage и garbige). Остатки, отходы кухонь и столовых (очистки и обрезы овощей, фруктов, мяса и под.). (С.-Х. слов.). *Буденновцы дерутся не только за сено, силос, гарбедж, но и за коня, верблюда, мула.* М. Горький, Правда 28 мая 1932. *На гарбедже мы можем прокормить столько свиней, чтобы получать ежегодно до ста тысяч тонн мяса.* Там же.

Гарбédжный, ая, ое. Относящийся к гарбеджу²⁸.

Гарбейтель, я, м.²⁹ *Устар.*³⁰ Ряд строгих полицейских приказов предписывал носить пудру, косичку или гарбейтель. Пыляев, Старый Петербург. 34

²² Здесь зачеркнуто указание на форму 1 л. ед. числа — «ю» и на полях отмечено: «2 л. ед.».

²³ «Сов.» подчеркнуто двумя чертами и на полях отмечено: «=однокр».

²⁴ Здесь вставлены круглые скобки как указание на необходимость этимологической справки.

²⁵ Редактор изменил порядок следования омонимов. Первоначально: «1. **Гарба** — в значении «арба»».

²⁶ Союз «и» добавлен редактором.

²⁷ На полях вопрос: «Простореч. и обл.?».

²⁸ На полях вопрос: «Источник<?>».

Гарбелáж³¹, а, м. (Франц. garbelage). Пошлина во Франции на товары, вывозимые на Восток (Сенигов, Слов.)³².

Гáрбий, ия, м. Название юго-западного ветра у Азовских рыбаков (Кобякин, Слов.).

Гарбýлло (Ср. испан. garbillo). Сорт растительного волокна, употр. в бумажной промышленности. То же, что альфа, испанская трава³³, ложный конский волос (ТЭ I, 486).

<1.>³⁴ **Гáрбить**, блю, бишь, несев., перех. Обл. Хватать. *Снопы бросают на оденье, их там и гáрбят*. Покров. (2 Доп.).

2. Гарбítь, блю, бишь, несев., перех. Обл. Бить по спине. Козлов. (АГО. XL, II).

Гáрбуз и **гарбýз**, а, м. (Белор. и укр. гарбúз, тыква). Обл. 1.³⁵ Тыква (АГО. XLV, 4). Брян. (Тихан.), Брян., Карач., Труб. (АГО, XXVII, 18), Дмитриев. Курск. г. (прогр. № 236: гарбузы), Жиздр. (АГО. XV, 18), Калужск. г. (Тр. М. Д. К. X, 74), Курск. г. (Халанск.), Льгов. (прогр. № 76, гарбýз), Обоян. (Машкин: гарбýс). Виды тыквы: тыква кухонная, кабан, Cucurbita maxima; тыква фигурная, С. melopero, тыква настоящая, С. перо. Курск. г., Смол. г., Южн. (Д.; Анненк. 116).³⁶ Дыня, тыква. Псков., Смол. (Копаневич). Рыл., Судж. (Дмитрюков), Судж. (Курск. Г. В. 1853, № 42 с. 412). 2.³⁷ Арбуз. Дон. (О. В. 1874 № 89; прогр. № 7 и 11: гáрбуз; Соловьев), Епиф. (АГО. XLII, 36). Переносно в выражении. *Поднести гарбуз* — отказать

²⁹ На полях скобки, указывающие на необходимость этимологической справки.

³⁰ Помета «Стар.» исправлена на «Устар.». На полях вопрос: «Значение<?>».

³¹ В ориг. нарушен алфавитный порядок следования словарных статей: статья **Гарбелаж** следует за статьей **Гарбеджний**.

³² Первоначально было: «Пошлина на товары во Франции, вывозимые на Восток».

³³ Здесь зачеркнут союз «и» и поставлена запятая.

³⁴ В ориг. цифра «1» при омониме отсутствует.

³⁵ «Обл. 1.» добавлено при редактировании.

³⁶ Раздел «Виды тыквы...» перенесен из конца словарной статьи.

³⁷ Здесь вычеркнута помета «Обл.».

в сватовстве (Слов. Акад. 1891)³⁸. *Бот.* В видовых названиях растений из сем. тыквенных: арбуз обыкновенный, *Cucumis citrullus*, и некоторые сорта дынь, *C. mello*³⁹. Южн. (Анненк. 114).

Гарбу́зиха. См. Арбу́зиха.

Гарбу́зица. См. Арбу́зица.

Гарбузла́й, я, м. *Обл.* Необыкновенно большой арбуз. Дон. (О. В. 1874, № 89, Миртов).

Гарбу́зный, ая, ое. *Обл.*⁴⁰ 1. Относящийся к гарбузу, гарбузам в 1-м знач.⁴¹ *Гарбузная каша.* Курск. Халанск. 2. То же, что арбузный.⁴²

Гарбузня́, и, жс. Кушанье из арбуза. Жиздр. (2 Доп.).

Гарбу́н, а, м. *Обл.* Женское платье без рукавов. Каин. (прогр. № 116).

Гарбу́нский, ая, ое. *Обл.* Гамбургский. Га́рбунские сапоги. Боровск. (В. Черныш.). **[стб. 7:]**

Га́рва, ы, жс. (Др. русск. *ГАРЬВА*). *Рыбол.* *Обл.* Ставная сеть на семгу. Тайник, пятистенная клеть на семгу. Арханг. (Д.). Система сетей, употр. на севере для ловли семги (Энци. Слов. Бр. Эфр.). *Гарва* — это обычная ставная сеть и отличается от последней только установкой. Жилинский, Морские рыбн. промыслы, 96. *Употребляемые в разных районах СССР ставные сети носят самые разнообразные названия: ставушки, завески, гарвы...* Тидеман, Рыболовство и мор. звер. пром., 111. *Лов рыбы (в Онежском районе) производится ... гарвами.* Там же, 143. *Гарвы — особые сети, употребляющиеся исключительно для лова лососи.* Рыбн. хозяйство Карелии, 69.

Гарва́рдский⁴³, ая, ое. (От собств. имени Harvard College — университет в г. Кембридже). *Астрон.* Гарвардская классификация звезд. *Эконом.* Гарвардская школа.

³⁸ Здесь вычеркнута цифра «1.».

³⁹ На полях вопрос: «1?».

⁴⁰ Помета «Обл.» добавлена при редактировании.

⁴¹ «В 1-м знач.» добавлено при редактировании.

⁴² Первоначально было: «2. См. Арбу́зный». На полях вопрос: «Источник<?>».

⁴³ На полях вопрос: «удар.?».

Гарвейро́вание, нье⁴⁴, я, ср. (От имени Garvey). *Техн.* Закалка поверхности сталеникелевых броневых плит для повышения сопротивления пробиванию (БСЭ).

Га́рвиз, а, м. *Обл.* Рыба *Salmo Thymallus*⁴⁵; то же, что гарьюз, иначе — хариус. Арханг. г. (Д.; Г. В. 1847, № 6). || Род пеструшки, форели. Оренб. г. (Д.).

Гарви́стать, аю, аешь⁴⁶ и **Гарвиста́ть**, а́ю, ишь,⁴⁷ *несов., неперех.* *Обл.* Шляться, слоняться, шататься. Арханг.-Кем. (Д.).

Гарга́ни́то, *нескл. Минер.* Жильная порода, состоящая из авгита, роговой обманки и калиевого полевого шпата (Лев.-Лессинг, Слов.).

Гарга́ри́зма, ы, ж. (Греч. γαργαρίσμα). *Медиц.* Полоскание горла и состав для него (Таубер, Слов.). С иным (*устар.*) напис. гарга́ри́сма (Д.).

Гаргата́ть. *Обл.* Громко говорить, болтать. Смол. (Копаневич).

Гаргате́ть. *Обл.* Греметь. Дон. (Левочкин).

Гаргату́ха, и, ж. *Обл.* Много и громко болтающая особа, чаще — вздорная. Смол. (Копаневич)⁴⁸.

Гаргура́н, а, м. Ткань⁴⁹ (Хомутов).

Га́рда, ы, ж. (Франц. garde). 1. *Устар.* Стража, охрана. *Кавалерь гарды. Тьлохранитель.* И то, и сію. 1769 г. 26 нед.

2. Металлическая дужка, прикрепленная к рукоятке холодного оружия (сабли, шашки и под.) для предохранения от ранений кисти руки (Энци. Слов. Бр.-Эфр.)⁵⁰.

Гарда́йничать, аю, аешь, *несов., неперех*⁵¹. *Обл.* Не заниматься как следует делом, лениться. Тульск. г. (АГО. XLII, 51).

⁴⁴ Первоначально: «Гарвейро́вание и гарвейро́ва́нье».

⁴⁵ Первоначально: «Salmothymallus». На полях вопрос: «не два слова?».

⁴⁶ Добавлено при редактировании: «аю, аешь».

⁴⁷ На полях: «-ае?».

⁴⁸ Напротив статей **Гаргата́ть**, **Гаргате́ть**, **Гаргату́ха** на полях вопрос: «Нет ли в материалах лексики на Горг-<?>».

⁴⁹ На полях вопрос: «Вид ткани?».

⁵⁰ Напротив этого значения на полях вопрос: «Во 2 значении то же <нрзб.> <?>».

Гарда́л, а, м. *Обл.* Горчица. Дон. (Д.; Донск. О. В. 1874, № 89; Левочкин; Соловьев; прогр. № 7), Хопер. окр. (АГО. XII, 5).

Гарда́н, а и у, м. *Обл.* Горчица, горичный куст, горичное семя. Терск. (Караул.).

Гарда́нный, ая, ое. Относящийся к гардану. *Гарданное масло* — горичное. Терск. (Караул.)

Гардга́утный, ая, ое. Относящийся к гаргауту, гаргаутам.⁵²

Гардевинд, а, м. (Голл. gardewind). *Морск.*⁵³ *Устар.* Выражение, употр. прежде и означавшее — одерживать к ветру (Вахтин).

Гардека́утный, ая, ое.⁵⁴ То же, что гарткоутный, гардкотный. *Лет 15 тому назад (1845 г.) по Волге грабежи были весьма значительны, не смотря на устройство уничтоженного лет 10 тому назад (в 1850 г.) гардекаутного экипажа, которого назначение было защищать суда от нападения разбойников.* Опис. Симбир. губ., Б-180.

Гардекот́ный, ая, ое.⁵⁵ То же, что гардкотный. [стб. 8:] *Морск.*⁵⁶ Гардекотные команды — отряды, охранявшие морское побережье в старой Франции. (Энци. Сл. Бр. Эфр.).

Гарде́ль, и,⁵⁷ ж. (Голл. kardeel). 1.⁵⁸ *Морск. и волж.*⁵⁹ Снасть для подъема нижних рей или гафеля (Вахтин; Д.; Слов. Акад. 1891). *Нижний конец гафеля (тот, где усы) поднимается гарделью.* Людевиг, Парус. спорт, 22. В сложении. Гафель-гарде́ль, грота-гарде́ль, фо́ка-гарде́ль (Вахтин). *Гафель-гардель — снасть, которая поднимает гафель с той точки, где он упирается в мачту.* Людевиг, Парус. спорт, 225.

⁵¹ «Неперех.» добавлено при редактировании.

⁵² На полях замечание: «Этих слов в Словаре нет. Источник».

⁵³ Помета «Морех.» исправлена на «Морск.».

⁵⁴ На полях вопрос: «Устар.?».

⁵⁵ На полях вопрос: «Устар.?».

⁵⁶ Помета «Морех.» исправлена на «Морск.».

⁵⁷ Здесь вычеркнуто: «мн. гарде́ли».

⁵⁸ Цифра «1.» добавлена при редактировании.

⁵⁹ На полях вопрос к «волж.»: «речн.?».

2. *Лесов*. Вица для связывания плотов.⁶⁰ Верева, скрученная из виц.⁶¹ Канат для привязывания плотов к берегу или пристани (Западн. Верева).

Гардельный, ая, ое. Относящийся к гардели, гарделям (Д.).

Гардель-реп. *Морск*.⁶² *Устар*. То же, что гардель (Вахтин).⁶³

Гардемарин, а, м. (Франц. *gardemarine*). *Морск*. *Доревол*. Унтер-офицерский чин морских кадет (Д.). || Промежуточный, между унтер-офицерским и офицерским, чин морских кадетов⁶⁴ перед производством их в мичманы (Слов. Акад. 1891). || Звание воспитанника мореходной школы (БСЭ). *В своих «гардемари-нах», учившихся за границей, Петр скоро разочаровался, и в конце царствования за границу более уже не посылали*. Покровский, Русская ист. III, 5. *Отряд гардемаринов, с белыми кортиками, в золоте пуговиц, высадился, чтобы найти двухнедельный приют в просторных владениях Ярошевского*. Лидин, Великий или Тихий, IV.

Гардемаринов, а, о. Принадлежащий гардемарину⁶⁵. (Слов. Акад. 1847).

Гардемаринский, ая, ое. Относящийся к гардемарину, гардемаринам.⁶⁶ (Акад. Слов. 1847). *В гардемаринской роте, где были большею частью юноши и молодые люди, уже брившие усы, отношения между дежурными офицерами и гардемаринами являлись ... в виде вооруженного нейтралитета*. Станюк. Маленьк. моряки, X (I, 624–25). *В гардемаринской каюте мгновенно наступила тишина*. Станюк. Беспокойн. адмирал, V (XII, 23).

⁶⁰ Здесь вычеркнут знак оттенка («||»). Стоявшее перед ним указание «Западн.» перенесено в конец статьи в скобки.

⁶¹ Здесь вычеркнут знак оттенка («||»).

⁶² Помета «*Морех.*» исправлена на «*Морск.*».

⁶³ К дефиниции на полях знак вопроса: «=?».

⁶⁴ На полях вопрос к форме «кадетов»: «-тов?». Здесь же стрелка, отсылающая к форме «кадет» в дефиниции значения.

⁶⁵ «Относящийся к гардемарину» исправлено на «Принадлежащий гардемарину».

⁶⁶ «То же, что гардемарин» исправлено на «Относящийся к гардемарину, гардемаринам».

Гарденáпель, я, м. — Гроденапл⁶⁷. Пермск. г. (Луканин).

Гардénия, и, ж. *Бот.* Род растений *Gardenia* из сем. мареновых; виды: *g. florida*, *g. radicans*⁶⁸, с белыми или желтыми цветами⁶⁹. (Энци. С.-Х., VIII, 305; БСЭ). *Красивый певец был во фраке с широким вырезом и с красной гарденией в петличке.* Куприн, Карниз, 258.

Гарденпóн, а, м. *Садов.* Разновидность аптекарской груши с тающей или полутающей мякотью неправильной бугорчатой формы (Энци. С.-Х. VII, 583).

Гардерóб, а, м. (Франц. *garde-rôbe*). 1. Шкаф для хранения одежды. (Купавина:) *Вот тебе ключ от гардероба, выбирай, что хочешь.* Остр. Волки и овцы, д. II, явл. 8. *Возьми, мой дорогой, ключи, поезжай домой и возьми там в гардеробе мое розовое платье.* Чех. Попрыгуня, III. *У меня в гардеробе есть шарфы, оставшиеся от прошлого года, можно и их пустить в дело (подарить школе)*⁷⁰. Чех. Письмо к сестре, 25 ноября 1897 (V, 116)⁷¹.

⁷² 2. Помещение, комната для хранения одежды, преимущественно верхней, при учреждениях, предприятиях, учебных заведениях, в театрах и под.; в стар. быту — в богатых помещичьих [стб. 9:] домах и под. (Прельщалова Мотыгину:) *Войдите въ гардеробъ; Марина вамъ сыщеть оружiе, драгунскую шляпу, а есть ли надобно и мундиръ...* Свадьба Волдырева, явл. X (Росс. Феатр, XLII, 139). (Имп. Елизавета) *оставила после себя в гардеробе слишком 15 000 платьев.* Ключевский, Курс русск. ист. IV, 454. || *Устар.* Каретные сундуки (Д.; Слов. Акад. 1891).

3. *Собир.* Носильное платье кого-либо (Д.; Слов. Акад. 1891). *Гардероб Раскольникова дошел до такого расстройтва, что превратился в лохмотья, в которых «иной, даже и при-*

⁶⁷ К «Гроденаплъ» на полях знак вопроса: «?».

⁶⁸ Первоначально без сокращения: «*gardenia florida* и *gardenia radicans*».

⁶⁹ Здесь вычеркнуто: «Родина — Азия и Африка».

⁷⁰ «Подарить бедным мальчикам и девочкам Талезской школы» исправлено на «подарить школе».

⁷¹ Здесь вычеркнуто: «Дон. (Соловьев)».

⁷² В ориг. материалы к значениям «1.» и «2.» представлены в одном абзаце.

вычный человек, по словам Достоевского, посовестился бы днем выходить на улицу». Писарев, *Борьба за жизнь*, I (VI, 285). Вообще, знаешь, следовало бы мне свой гардероб отремонтировать. Чех. После бенефиса. Вместе с городским гардеробом Ониська привезла с собою легкость городских нравов. Куприн, *Лесная глушь* (I, 219). Его (приказ «Большой Казны») отнюдь не следует смешивать с приказом «Казенным», который заведовал царским гардеробом — а в то же время ведал и некоторых торговых посадских людей... Покровский, *Русская ист.* II, 120. || Театральный гардероб — реквизит сцены.

Везде подмостки, маскарады,

Все театральный гардероб.

Вяземск. Plutôt être que paraître⁷³ (XI, 36).

Устар. Род. ед. гардеробу. (Графиня Лизе:) Поди кь Аксиньг; все черное платье, ленты и приборы моего гардеробу, кь твоимъ услугамъ... Мнимые вдовцы, д. 1, явл. 5 (Росс. Феатр, XLIII, 21).

4. *Устар.* Отхожее место, уборная (Д.; Слов. Акад.).

Гардероба, ы, жс. То же, что гардероб в 3-ем знач. *Вся его гардероба* (два сюртука, два жилета и вероятно двое штанов, с большою трубкой в кармане)⁷⁴ *всегда на нем.* Жук. Письма. Переносно. О произведениях. *Вы зовете на свой театр и меня — рад бы выступить⁷⁵ перед зрителей вместе с вами, но мне показаться не с чем. Моя авторская гардероба вся истрачена и лоскутка даже от старых костюмов моих нет в запасе, а новых шить, по крайней мере теперь некогда.* Жук. Письмо В. В. Измайлову, 1827 (VI, 515–16).

Гардеробец, бца, м. Уменьш. от сл. гардероб во всех значениях. *Гардеробцу вам купил, шляпку сделал; от вас комиссия* (из письма Макара Девушкина Вариньке) *подчас выходит какая-нибудь, я и комиссию...* Дост. Бедные люди (I, 59).

⁷³ В ориг. опечатка: «Plutôt tête...».

⁷⁴ Напротив уточняющей ремарки на полях знак вопроса: «?».

⁷⁵ В ориг.: «вступить».

Гардеробка, и, ж. *Простореч.*⁷⁶ То же, что гардероб во 2-ом знач.⁷⁷ *Отсутствие обеденного перерыва* (в центральной намазочной на галошном заводе) объясняется тем, что у них с гардеробкой большая неувязка. Приходит смена на работу — нужно стоять полчаса в очереди, чтобы сдать на хранение свою одежду. Газ. Кр. Треугольник 1 марта 1932. Гардеробки хотя и расширены, но все же еще не удовлетворяют рабочих. Там же, 26 мая 1932.

Гардеробмейстер, а, м. *Устар.* То же, что гардеробщик (Слов. Акад. 1847 г.; Д.). || *Доревол.* Придворный чиновник, заведывавший царским гардеробом (Слов. Акад. 1891).

Гардеробмейстерский, ая, ое. *Устар.* Относящийся к гардеробмейстеру, принадлежащий ему (Слов. Акад. 1847).

Гардеробная⁷⁸, ой, ж. То же, что гардероб во 2-ом знач. *Вдруг за стеной кабинета, в гардеробной, кто-то застонал.* Лажечник. Лед. дом. ч. II, 102. *Размер гардеробной в 4 кв(адратных) саж(ени) более чем достаточен.* Энци. С.-Х. II, 1281. *Ставился вопрос о приведении в порядок гардеробной как для первой, так и для второй вальцовок.* Газ. Кр. Треугольник 3 июня 1932⁷⁹.

Гардеробный, ая, ое. Относящийся к гардеробу. *Вдоль стен (залы) стояли сплошные гардеробные шкафы с нашим платьем и бельем.* Буслаев, Мои восп. 7. *Мастерские палаты, государева и царицына, заведывали собственно постельным и [стб. 10:] гардеробным обиходом царского дворца.* Бусл. Соч. I, 421. *Отец протопоп ... взял ее (трость Ахиллы) и запер ключем в свой гардеробный шкаф.* Леск. Соборяне, ч. I, гл. 2 (I, 19). *Гардеробный шкаф предназначается для хранения платья.* Акимов, Технол. дер. 177. *Гардеробное платье — носильное. Выставка показалась ему (автору) ... чем-то в роде гардеробного состязания, где все дело состоит только в решении вопроса, чьи*

⁷⁶ Помета «Простореч.» добавлена при редактировании.

⁷⁷ «1. Уменьш. от сл. гардероб во 2-ом знач. 2. То же, что гардероб.» исправлено на: «То же, что гардероб во 2-ом знач.».

⁷⁸ Изменен порядок следования словарных статей: первоначально словарная статья **Гардеробная** следовала за статьей **Гардеробный**.

⁷⁹ Вычеркнуто начало цитаты. Первоначально: «Сколько раз ставился вопрос...».

*фасоны лучше и богаче. Стасов, Наша этнограф. выставка, I (III, 937)⁸⁰. Во всех законных случаях правительство Кантона (Швейцарии) вовсе не было слабо, несмотря на отсутствие гардеробной важности, лампасов, плюмажей, швейцаров с булавой, вахмистров с усами и прочих шалостей и ненужностей монархической *mise en scène*. Герцен, Былое и думы, XXXIX (II, 112).*

Гардеробчик, а, м. Уменьш. от сл. гардероб. *Еще надо (мне) комодец, стол, гардеробчик.* Невежин, Грехи смысла, 99.

Гардеробщик, а, м. Хранитель, смотритель за гардеробом (Д.; Слов. Акад.). *Гардеробщик выдавал казенным (казеннокоштным ученикам) белье.* Помял. Очерки бursы, II (II, 68).

Гардеробщиков, а, о. Принадлежащий гардеробщику⁸¹ (Д.; Слов. Акад.).

Гардеробщица, ы, ж. Женск. род от сл. гардеробщик (Д.; Слов. Акад.).

Гардеробщицын, а, о. Принадлежащий гардеробщице⁸². (Слов. Акад. 1847).

Гардеров, а, о. (От имени немецк. ученого Harder). *Анат. Гардерова железа — железа мигательной перепонки, одна из придаточных желез зрительного снаряда у позвоночных* (Энци. Сл. Бр. Эфр. VIII).

Гардина, ы, ж. (Нем. Gardine⁸³, кот. от итал. cortina)⁸⁴. Оконная занавеска из легкой материи (Д.⁸⁵; МСЭ). *Обивали мебель, развешивали гардины, чистили старинное бабушкино серебро.* Салт. Пошехонск. старина, XXIX (XII, 477). *Дело проис-*

⁸⁰ Здесь вычеркнуто указание на переносное употребление слова в составе устойчивого сочетания: «Переносно. Гардеробная важность — показная ливрейная важность»; напротив следующей цитаты («Во всех законных случаях...») на полях имеется примечание: «Здесь прямое значение — важный со стороны гардероба».

⁸¹ «Относящийся к гардеробщику, принадлежащий ему» исправлено на «Принадлежащий гардеробщику».

⁸² Вычеркнута вторая часть дефиниции: «...относящийся к ней».

⁸³ В ориг. на месте немецкого этимона оставлен пробел.

⁸⁴ Здесь вычеркнута дефиниция: «Занавес, занавеска на окно (Д.; Слов. Акад. 1891)».

⁸⁵ «Д.» добавлено на полях.

ходит в великолепной герцогской спальне, с дорогим ковром на полу и дорогими штофными гардинами. Стасов, Выставка в Акад. Худож. II (I, отд. II, 306). Повешены гардины, снята кисея с картин. Чех. Раз в год. В большом, неукрашенном гардинами окне, проплывали стремительные октябрьские облака. Лебедев, Наши достижения 1934 XI, 77. Гардины, торы ... оплачиваются пошлинами, установленными по статьям тарифа. Ахилло, Сборн. тамож. тар. на 1925 г. 153.

Прозрачную решеткой окружен,
Как клетка, между них (колонн) висел балкон,
И над дверьми стеклянными в порядке
Виднелися гардин прозрачных складки.

Лерм. Сашка, LVI.

Ах, давно ли у тебя я,
Так беспечно, так лениво,
Все на свете забывая,
Был покорен молчаливо?
А теперь — зачем в углу том,
За широкою гардиной,
Вон — вон тот, что смотрит плутом;
С черной мордю козлиной?

Фет, Друг мой, я сегодня болен (I, 273).

Комкая корку рукой, мандарина
Холодящие дольки глотать, торопясь
В опоясанный люстрой, позади, за гардиной,
Зал, испариной вальса запахший опять.

Пастернак, Заместительница (Две книги, 51)

Гарди́нка, и, ж. Уменьш. от сл. гардина⁸⁶. (Д.). *Комната была просторная и светлая; на окнах красные ситцевые гардинки. Куприн, Ночлег (I, 194).*

Гарди́нный, ая, ое. Относящийся к гардине, гардинам (Д.; Слов. Акад. 1891). *Тюль ... бумажный гардинный узорчатый.*

⁸⁶ Вторая часть дефиниции вычеркнута: «Занавеска, занавесочка».

Ахилло, Сборн. тамож. тар. 149. *На фабрике ежемесячно скоплется много дорогих отходов гардинной ткани, кружев, тесемки и т. д.* Изв. ЦИК 10 авг. 1932.

Гардирон, а, м. Обл.⁸⁷ Разнищасная наша дочка раждина, у такога гардирона ўлюбилаь. Смол. (Добров. Э. С. IV, 432).

Гардистонйт, а, м. Минер. Разновидность галмея, тетрагональной системы ($ZuCa_2Si_2O_7$); образует белые, с стекляннным блеском зерна в месторождениях марганцевых руд близ Франклина в Нью-Джерсей (Лебедев).

Гардкот, а, м. (Франц. *gardescôte*). Морск. Прежде так назывались прибрежные сторожевые суда (Вахтин). *При императоре Павле Петровиче учреждены были на Волге гардкоты, вооруженные суда, для охранения судоходства от разбоев.* Кашин, Новый список биогр. Радищева (Чтения М. О. И. и Др. 1912, II, смесь). *В сентябре 1824 г. Император Александр I совершил свое плавание из Симбирска в Ставрополь и Самару на казенном гардкоте.* Богуславск. Волга, как путь сообщ.

Гардкотный, ая, ое. Относящийся к гардкоту. *Уничтожен гардкотный экипаж, не приносивший более пользы Волге, как пути сообщения, а занимавшийся только поимкою беспаспортных.* Богуславск. Волга, как путь сообщ.

Гардкóутный, ая, ое. То же, что гардкотный. *Нападения на купцов и на купеческие караваны (на Волге) вследствие учреждения флотилии, называющейся гардкоутною командой, были уже не в такой степени сильны, как это прежде водилось.* Небольсин, Рассказы проезжего, 156⁸⁸.

Гард-мобíль, я, м. (Франц. *garde-mobile*). Солдат подвижной гвардии. *Хулиганы ... расстреливали рабочих в качестве гард-мобилей.* Луначарский, Критич. этюды, VI.

Гардовíна, ы, ж. Бот. Растение *Viburnum lantana* L., сем. жимолостевых (Анненк. 378); иначе — гардовое дерево, черная калина (Слов. Акад. 1891).

⁸⁷ На полях вопрос: «Историч.?»

⁸⁸ На полях ремарка: «— Ср. -ау-».

Гардо́вый, ая, ое. *Бот.* Гардо́вое дерево — то же, что гардовина.⁸⁹ (Слов. Акад. 1891).

Гардун, а, м. *Зоол.* То же, что стеллион⁹⁰.

Гарды, гард, *мн.* (Укр. гард, ср. польск. *obl. gard*). Перегородки, устраиваемые в реке из дерева или камней для ловли рыбы в низовьях Буга, Днепра, Днестра и Дуная (БСЭ).

Га́рдый, ая, ое. *Обл.* (Польск. *gardy*). Гарный, в знач. гордый.⁹¹ Южн., Западн. (Д.).

Гаре⁹². Беседная игра. Черепов. (Герасимов, Ж. С. 1899).

Гаревайт, а, м. *Минер.* Разновидность порфиоровидного перидотита, содержащая вкрапленники диопсида в мелкозернистой основной массе, состоящей из пироксена, олевина, магнетита или бронзита (Лев.-Лессинг, Слов.).

Га́рево, а, *ср.* То же, что гарь (Д.).

Гаревóй, а́я, о́е. *Обл.*⁹³ Пучеглазый (бранно). Тотем. (Дилакт.). *Гаревóй сын. [стб. 12:]*

Га́ревый, а́я, о́е. *Обл.* *Гаревая земля* — негодная, невыкорчеванная. Нердв. з.⁹⁴ (Миртов).

Гаре́за, ы, м. и ж. *Обл.* Баловник, баловница, шалун, шалунья. Псков., Смол. (Копаневич). *Куды, гареза, полез?* Смол. (Копаневич).

Гаре́зать, аю, аешь, *несов. неперех.* (Белор. гарэзаць). *Обл.* Проказить, шалить, баловаться. *Не гарезай.* Ельн. (Тр. М. Д. К. II, 87). *Чаго гарезишь?*⁹⁵ Псков., Смол. г. (Копаневич). Шутить. *Ты, пан, не гарезай.* Смол. г. (Г. В. 1853, № 46, с. 368).

⁸⁹ «Гардовина, черная калина» исправлено на «то же, что гардовина».

⁹⁰ На полях напротив дефиниции знак вопроса и замечание: «? Надо истолковать иначе, т. к. этого слова в Словаре еще нет. Источник».

⁹¹ Дефиниция подчеркнута и на полях ремарка: «Надо дать простое и прямое определение».

⁹² На полях вопрос: «нескл.?».

⁹³ Помета «Обл.» добавлена при редактировании.

⁹⁴ На полях вопрос: «Уральск.?».

⁹⁵ На полях напротив формы «гарезишь» замечание: «Так? Тогда это иное образование».

Гарéзливый, ая, ое. *Обл.* Шаловливый, проказливый. Смол. (Копаневич).

Гарéзник, а, м. *Обл.* Шалун, проказник, повеса. Смол., Псков. (Копаневич).

Гарéзница, ы, ж. *Обл.* Женск. род от сл. гарезник. Смол. (Копаневич).

Гарéзничать, аю, аешь. *Обл.* То же, что гарезить⁹⁶. Псков., Смол. (Копаневич).

Литература

Державин, Обнорский 1932 — Н. С. Державин, С. П. Обнорский.

История и техника издания Словаря русского языка Академии наук СССР // Вестник АН СССР 7, 1932. С. 13–26. [N. S. Derzhavin, S. P. Obnorskii. Istoriia i tekhnika izdaniia Slovaria russkogo iazyka Akademii nauk SSSR [History and Technology of Edition of the Russian Language Dictionary in the USSR Academy of Sciences] // Vestnik AN SSSR 7, 1932. P. 13–26].

Истрин 1927 — В. М. Истрин. Работа над словарем русского языка в Академии Наук // Известия АН СССР (VI серия) 21, 18, 1927. С. 1661–1673. [V. M. Istrin. Rabota nad slovarem russkogo iazyka v Akademii Nauk [Working on the Russian Language Dictionary in the Academy of Sciences] // Izvestiia AN SSSR (VI seriia) 21, 18, 1927. P. 1661–1673].

Истрина, Фалев 1936 — Е. С. Истрина, И. А. Фалев. Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [E. S. Istrina, I. A. Falev. Slovar' russkogo iazyka. Instruksiiia dlia vyborshchikov [Dictionary of russian language. Instructions how to select citations]. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936].

Круглов 2015 — В. М. Круглов. Неизвестные страницы толкового академического «Словаря русского языка» 1930-х гг.: описание архивных материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН // Русский язык в научном освещении 29, 1, 2015. С. 228–241. [V. M. Kruglov. Neizvestnye stranitsy tolkovogo akademicheskogo «Slovaria russkogo iazyka» 1930-kh gg.: opisaniie arkhivnykh materialov Bol'shoi slovarnoi kartoteki ILI RAN [Unknown pages of the explanatory academic “Dictionary of Russian language” from the 1930s: description of the archival materials from the Large Dictionary

⁹⁶ На полях ремарка: «Такого глагола выше не дано».

- Card-Catalogue of Institute for Linguistic Studies of RAS] // *Russkii iazyk v nauchnom osveschenii* 29, 1, 2015. P. 228–241].
- Круглов и др. 2015 — В. М. Круглов, В. В. Истратий, Д. Р. Гамирова, Е. Д. Каплан. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Под общей редакцией В. М. Круглова. СПб.: Нестор-История, 2015. [V. M. Kruglov (ed.-in-chief), V. V. Istratii, D. R. Gamirova, E. D. Kaplan. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovoriakh russkogo iazyka* [Usage Labels in Academic Explanatory Dictionaries of Russian Language (1786–2015)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2015].
- Обнорский 1936 — С. П. Обнорский. Словарь русского языка. Инструкция для редакторов. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [S. P. Obnorskii. *Slovar' russkogo iazyka. Instruktiiia dlia redaktorov* [Dictionary of russian language. Instructions for editors]. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936].
- Цейтлин 1958 — Р. М. Цейтлин. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. [R. M. Tseitlin. *Kratkii ocherk istorii russkoi leksikografii (slovari russkogo iazyka)* [A brief history of Russian lexicography (Russian language dictionaries)]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1958].

А. М. Певнов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ОРОКОВ И ОРОЧЕЙ НА САХАЛИНЕ¹

Ороки — крайне малочисленный народ, живущий только на Сахалине. Отсутствие ороков на континенте может свидетельствовать о том, что их этногенез происходил на Сахалине. Традиционным занятием ороков является оленеводство в сочетании с рыболовством и охотой, в том числе и на морских животных. Ороки живут в основном в посёлке Вал (Ногликский район, северо-восточное побережье Сахалина) и в городе Поронайске (восток центральной части Сахалина). Согласно переписи населения 2002 года, ороков насчитывалось 346 человек. Перепись 2010 г. зафиксировала 295 ороков, в т.ч. 259 на Сахалине. Орокский язык представлен двумя диалектами — северным и южным (об их различиях см. [Ikegami 2001: 247–283]). Диалекты эти довольно близки друг другу, во всяком случае, диалектные различия не препятствуют взаимопониманию. В настоящее время орокский язык знают лишь несколько пожилых людей.

Орочи к концу XIX в. расселялись на территории, имевшей следующие границы: «на востоке — берег Татарского пролива, на юге — бассейн р. Ботчи /бэчи/, на севере — залив Де-Кастри, на западе — истоки рек, впадающих в Татарский пролив. На северо-западе граница пересекала Сихотэ-Алинь и захватывала долину впадающей в Амур р. Хунгари до пункта, отстоящего километров на шестьдесят от ее устья» [Орочские сказки и мифы 1966: 6]. Согласно подсчётам В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой, в 1959 г. орочей было 477 человек. Сколько их сейчас, сказать трудно; данные переписей, как известно, не вполне надёжны в этом

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект «Исторические контакты исчезающего орокского языка», тип проекта: «а(ф)», номер проекта: 16-04-50123.

отношении. «Согласно опубликованным данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., их (орочей. — А. П.) насчитывается 782 чел. В действительности же их значительно меньше. В эту цифру включены, по всей вероятности, сахалинские ороки...» [Орочские сказки и мифы 1966: 5]. Как пишут В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева, «... есть основания думать, что в более отдаленные времена число орочей было более значительным. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор воспоминания о целом ряде уже исчезнувших родов, среди которых были и довольно многочисленные, о переселениях в другие места больших групп орочей, об опустошительных эпидемиях, наводнениях и войнах, что не могло не повлиять на численность этой народности» [Орочские сказки и мифы 1966: 6]. Что касается хозяйственной деятельности орочей, то её «исконными компонентами следует считать охоту на пушного и мясного зверя, в том числе морского, и рыболовство, прежде всего речное» [Аврорин, Лебедева 1978: 6].

В настоящее время на орочском языке уже, по-видимому, не говорят. Вот последняя имеющаяся у меня информация об этом языке: «Редакторы сборника побывали вместе с Еленой Всеволодовной (Перехвальской. — А. П.) у орочей Советской Гавани в 2010 году. Мы уже не нашли там ни одного человека, который бы говорил по-орочски не только связными текстами, но даже отдельными фразами. В местном доме культуры мы все наблюдали выразительную картину, как несколько представительниц этнической группы орочей, собравшись вместе, пытаются вспомнить по-орочски счет до десяти. Про соседние поселки, упоминаемые в настоящем очерке, нам сказали, что там тоже не осталось никого, кто бы говорил по-орочски. По-видимому, орочский язык к настоящему моменту можно считать исчезнувшим» [Баранова, Маслинский 2014: 11] (примечание редакторов сборника — В. Ф. Выдрина и Н. В. Кузнецовой).

Оба фонетически близких этнонима (ороки², орочи), возможно, имеют общее происхождение, однако и тот, и другой

² Этноним «ороки», бывший до определённого времени общепринятым в лингвистике и этнографии, используется в данной статье по двум причинам: во-первых, в научных работах крайне нежелательно

являются экзоэтнонимами. Ороки в настоящее время предпочитают называть себя *уилта* ~ *улта*³; очевидно, это относительно старое самоназвание народа или какой-то его группы. Ороческая народность «в качестве самоназвания давно уже, по-видимому, не менее ста лет, употребляет слово *орочи*: ед. число /орочи́/, мн. число /орочисá/. Как наименование народности в обиход науки его ввел французский мореплаватель Жан Франсуа Лаперуз, который во время своей трагически закончившейся кругосветной экспедиции посетил в 1787 г. залив Де-Кастри и встретил там людей, назвавших себя *ороча*. Были ли это современные нам орочи, или какое-то иное племя, остается невыясненным» [Ороческие сказки и мифы 1966: 7].

«обновлять» названия народов и языков, а во-вторых, термин «уильта» («уйльта», «ульта») не очень пригоден для образования необходимых в письменной и устной речи форм («уильтинский», «уильтский», «уильты?»).

³ Все примеры в статье даны в транскрипции, принятой в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (см. «Алфавитный перечень знаков транскрипции, принятых в словаре», а также «Транскрипцию фонем и отдельных звукосокращений» тунгусо-маньчжурских языков [ССТМЯ 1975: XVI–XXII]). При этом необходимо отметить, что в статье не указываются варианты фонем, обусловленные действием закона сингармонизма (правда, негидальское *и* относительно более низкого подъёма в первом слоге слов с «а-гармонией» я обозначаю графемой *e*, например: *елавун* (а не *йлавун*, как должно бы быть в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков»)).

Если слово (словосочетание) приводится по опубликованной работе, то сначала даётся транскрипция оригинала, но без диакритических знаков, а в скобках указывается несколько упрощённая транскрипция «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (это касается только тунгусо-маньчжурских языков, айнское и нивхские слова даны лишь в транскрипции оригинала). Если транскрипция какого-либо слова кириллицей или латиницей в опубликованной работе (диакритика при этом игнорируется) может быть транслитерирована «один к одному» при помощи используемой мной в статье упрощённой транскрипции «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (например: *-wип* (-вун)), то, естественно, нет никакой необходимости в транслитерации.

Орокский и ороцкий относятся к тунгусо-маньчжурской языковой семье. В плане генетической классификации ороцкий ближе всего к удэгейскому; оба языка с точки зрения исторической фонетики и отчасти лексики имеют значительное сходство с негидальским, эвенским, эвенкийским и солонским. Возможно, предок ороцкого языка был субстратом для негидальского. Контакты обусловили схождения ороцкого и удэгейского с нанайским, ульчским и орокским; правда, начало таких контактов относится к весьма далёкому времени, когда ещё, вероятно, существовали ороцко-удэгейский и нанайско-ульчско-орокский праязыки.

Орокский и ульчский языки исторически имеют между собой больше общего, чем каждый из них с нанайскими идиомами. Можно даже сказать, что орокский язык исторически представляет собой ульчский с немалым количеством существенных инноваций на всех уровнях. Однако при наличии очевидных и ярких инноваций орокский язык сохранил весьма архаичные особенности, утраченные его ближайшими родственниками — ульчским и нанайским.

Что касается ороцко-удэгейского генетического кластера, то ороцкий язык в некоторых отношениях архаичнее удэгейского: говоря упрощённо, удэгейский в историческом плане можно рассматривать как совокупность «ороцкоподобных» идиомов с инновационными чертами, особенно в исторической фонетике.

Если отвлечься от сравнительно позднего влияния эвенкийских сахалинских диалектов на орокский язык, то изоглоссы, связывающие орокский язык с некоторыми другими тунгусо-маньчжурскими, скорее всего появились в то время, когда предок ороцкого находился ещё на континенте. Удалось, однако, обнаружить немногочисленные языковые свидетельства контактов ороков с ороцами, причём одно из них определённо указывает на то, что контакты происходили не на континенте, а на Сахалине, точнее — в долине реки Поронай, то есть в центральной части острова. Таким образом, есть основания полагать, что орочи не просто

бывали на Сахалине⁴, но и оставили там в языке ороков некоторые следы. Выявлению этих следов и посвящена данная статья.

⁴ Приведу самое начало ороцкого текста «Предание рода Бисанка»: «Когда-то Бисанки своего рода не имели. По преданию, Бисанки — это люди, переехавшие с Сахалина. Когда Бисанки жили еще на Сахалине, неизвестно, кем они были — айнами или орочами» [Ороцкие сказки и мифы 1966: 179]. А вот предание ороцкого рода Бэсэ целиком: «Поехали двое людей охотиться в море на двух морских челноках. Опустился густой туман. Потеряли они направление и заблудились. Решили: «Поедем к берегу, домой! Наш дом вон там должен быть». Едут, едут, а земли не видно. Растерялись они: «С голоду умрем». Однако едут дальше. Отдохнут, едут, отдохнут, едут... Вот-вот конец им приходит. Но тут туман поредел. Смотрят — вблизи земля. Посмотрели на берег — там люди, много людей. Повернули к берегу, к людям. А речи их понять не могут. Вытянули люди их челноки на берег. «Сейчас прикончат», — совсем расстроились те двое. Но их взяли под руки и подняли. Встали они, вылезли из челноков. Видно, что их жалеют. Взяли их за руки и быстро повели к себе домой. В доме они сели на пол. Им принесли пищи, и они стали есть. Голодные, они ели с опаской. От пищи они поправились. Дали им девушек в жены. Стали там жить. Пожили с местными людьми и овладели их языком. А это были айны. Как-то говорят: «Мы поедем к себе домой». А их отговаривают: «Не уезжайте, живите у нас!». Остались жить у них, стали их свойственниками, а потом у них и дети появились. Так там и жили. Потом, спустя несколько лет, они умерли. После них люди рождались, умирали. Сменилось несколько поколений. Рождались и их потомки. Вот они жили и решили: «Поедем-ка мы к себе на родину, на реку Ботчи, поплывем на шхуне с парусом». Вот и поплыли. «Давайте причалим к берегу!» А там живут удэгейцы. «Какого вы рода-племени?» — спрашивают. «Мы из родов Суландига и Камидига». «А наш род Бэсэ здесь живет?» Удэгейцы отвечают: «Рода Бэсэ уже нет». «Даже и женщин не осталось?» «Среди Идинков есть только один человек — сын женщины из рода Бэсэ, зовут его Сабага». Люди из рода Бэсэ говорят: «На земле айнов наших сородичей человек сорок». Немножко пожили здесь и уехали обратно» [Ороцкие сказки и мифы 1966: 182–183]. Очевидно, в этом предании говорится о Сахалине, вряд ли о Хоккайдо — до этого острова существенно дальше, и вряд ли бы два заблудившихся в морском тумане ороча доплыли до него в своих челноках.

Первой отметила возможность «наибольшей близости» орокского языка, в частности, с ороческим Т. И. Петрова: «... хотя язык ороков (ульта) и имеет ряд черт, присущих языкам северной группы, все же по основным ведущим формам он должен быть отнесен к южной группе, внутри которой наибольшую близость его можно констатировать с языками нанайским, ульчским и, возможно, ороческим» [Петрова 1967: 125]. Однако такая возможность не была проиллюстрирована какими-либо примерами. Впрочем, один весьма любопытный факт Т. И. Петрова приводит в этой работе, но связывает его не с ороческим, а с «северной группой тунгусо-маньчжурских языков». Речь идёт об орокском слове *иллав* ‘стружки, надеваемые шаманом’. Т. И. Петрова относит это слово к «группе существительных с омертвевшим суффиксом -в, -у», причём к «именам существительным, выявляющим конечный н». И далее: «Суффикс -в ... можно считать восходящим к суффиксу -вун, с помощью которого в северной группе тунгусо-маньчжурских языков образуются имена существительные от глагольных основ» [Петрова 1967: 25–26].

Через несколько лет аналогичную идею о том, что в составе слов, обозначающих ритуальные стружки в ороческом и орокском языках, можно исторически выделить суффикс -вун (-wun) с орудийным значением, высказал Дз. Икэгами, предложив весьма оригинальную этимологию. Первоначально статья Дз. Икэгами «Заметки о происхождении айнского слова *inaw* — об этимологии слова *illau* языка уильта» была опубликована на японском языке в 1980 г. [Ikegami 1980: 393–402]. Впоследствии статья эта была переиздана, приведу цитату из резюме на английском языке: «Айнское слово *inaw* означает ‘ритуальное подношение, жертвоприношение (offering) в форме палки (wooden staff) с прикреплёнными к ней стружками’. Это слово имеет сходство с нивхскими словами *inau* и *pau*, с орокским (в оригинале здесь и дальше *uilta*. — А. П.) *illau* и с ороческим *ilau*. Считается, что по происхождению это одно и то же слово. Орокское слово *illau* (= *illaun*-) восходит, вероятно, к **ilawun*. Эта форма образована от глагольной основы **ila-* и образующего имена существительные суффикса **-wun* с инструментальным значением. По-видимому, это реконструируемое слово превратилось в *illau(n-)* в результате утраты звука **w* и последующего компенсаторного удвоения

звука **l*. Ороческое слово *ilau* также происходит от **ilawun*, в котором звуки **w* и **n* были опущены. Суффикс *-*wun* восходит к праформе *-*pin*, сохранившейся в орокском -*pu(n-)*. Следовательно, орокское слово *illau(n-)*, восходящее к **ilawun* с суффиксом *-*wun*, является заимствованием, вероятно, из орочского (подчёркнуто мной. — А. П.) или иного тунгусо-маньчжурского (в оригинале «тунгусского». — А. П.) языка, связанного с ороческим близким родством» [Ikegami 2004: 219].

И далее, «основываясь на значениях маньчжурской глагольной основы *ila-* и её дериватов», Дз. Икэгами высказывает предположение о том, что эта основа с присоединённым к ней суффиксом *-*wun* означает или «палка, которая производит (puts forth) цветы, на которой расцветают цветы», или «палка, которую мужчины строгают». Таким образом, Дз. Икэгами предполагает, что айнское слово *inaw*, а также нивхское *inau* ~ *nai* имеют тунгусо-маньчжурское происхождение; при этом подчёркивается, что при заимствовании в айнский язык звук *l* был заменён на *n*, потому что в айнском *l* отсутствует.

Гипотеза Дз. Икэгами (точнее, Т. И. Петровой и Дз. Икэгами) весьма интересна, причём не только для лингвистов. Мне кажется, есть ещё над чем подумать в плане внутренней формы рассматриваемых слов, обозначающих столь важный культовый предмет.

Хотел бы в этой связи отметить, что в ороческом языке (а также в некоторых других тунгусо-маньчжурских) есть глагол *ила-* ‘зажигать, разжигать, разводить (огонь); сжигать’ [Аврорин, Лебедева 1978: 187]. В прошлом в этом языке функционировал аффикс *-*вун* с орудийным значением, при помощи него, например, было образовано от глагольной основы *игди-* ‘расчёсывать волосы, причёсывать, причёсываться’ слово *игду(н)* ‘гребень, расчёска’ (**игди-вун* > **игдиун* > *игду(н)*). В результате присоединения к основе *ила-* ‘зажигать, разжигать, разводить (огонь); сжигать’ орудийного суффикса *-*вун* должно было образоваться слово **илавун* > **илаун* > *илау(н)* ‘то, чем зажигают; то, чем разводят огонь’. Действительно — ведь именно при помощи стружек разводят огонь, в частности, когда отсыревают дрова. Однако и такое толкование имеет слабую сторону: неясно, могло ли быто-

вое, не связанное с культом значение ('зажигать, разводить огонь') превратиться в значение, связанное с шаманским ритуалом.

Впрочем, есть и иной факт — в какой-то степени он подтверждает семантическую сторону этимологии Дз. Икэгами. В маньчжурском языке имеется слово *илгари* ~ *илхари* 'бумажные разноцветные полоски в виде лент, привешиваемые на ивовые ветви, которые ставятся во время молитвы и призывания духов у шаманов, а также на могилах и перед кумирами' [Захаров 1875: 107, 108]. Здесь же И. Захаров приводит словосочетание *илгари тэбумби* 'водружать, втыкать, ставить ивовую ветвь с разноцветными бумажками'. И сам маньчжурский культовый предмет, и действие, совершаемое при помощи него, весьма напоминают манипуляции с инау, производимые орочами, нивхами, ороками и айнами. Маньчжурское *илгари* ~ *илхари* является суффиксальным производным от *илха* 'цветок, цветы', которое в свою очередь образовалось при помощи известного суффикса *-ха* от глагольной основы *ила-* 'расцветать, цвести'; основа эта общетунгусо-маньчжурская, восходит к **к^hила-* и представлена в том числе и в ороческом языке, но только в виде производного слова *илакта* 'цветок'.

Кстати, слово *елавун*, означающее 'ритуальные стружки', мы с М. М. Хасановой записали во время экспедиции в 1982 г. в низовья Амура к негидальцам. Одна из наших информанток — Мария Абрамовна Семёнова (родилась в деревне Усть-Амгунь, уже не существующей больше семидесяти лет) — сообщила нам, что шаман привязывал *елавун* на голову, шею, запястья, пояс, колени; *елавун* бывают длинные и короткие, зажигать *елавун* нельзя. Вот приведённый М. А. Семёновой фразовый пример на негидальском языке со словом *елавун*: *атпугдижи кувајан елавунма* 'специальным ножом (*атпугди*) с кривым лезвием делает (букв. строгаёт) ритуальные стружки (*елавун*)'. Надо сказать, что это слово отсутствует как в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ 1975], так и в работе В. И. Цинциус [Цинциус 1982]. Следует отметить, что это негидальское слово мы слышали от носителя усть-амгуньского (хэденского) идиома, который совершенно не был описан, хотя и отличается от других негидальских идиомов в некоторых отношениях весьма существенно. Думаю, что усть-амгуньский (хэденский) идиом мог в большей степени, чем другие территориальные

варианты негидальского языка сохранить особенности, обусловленные субстратным влиянием предка ороцкого языка, на котором несколько столетий назад, по-видимому, говорили в низовьях реки Амур, а также в нижнем течении реки Амгунь. Первым высказал идею о том, что когда-то негидальцы и орочи были соседями, российский востоковед П. Шмидт [Schmidt 1923: 4–5].

Таким образом, слова *илау*, *елаун* и *иллау* представлены лишь в трёх тунгусо-маньчжурских языках — в ороцком, негидальском и орокском соответственно. Существенно, что аналогичные слова не засвидетельствованы ни в удэгейском языке — генетически самом близком к ороцкому, ни в ульчском — ближайшем родственнике орокского.

Несколько странной кажется мне идея о возможности заимствования айнами исключительно важного в их культуре слова *inaw* из языка орочей, в культуре которых ритуальные стружки *илау* не были объектом первостепенной значимости (об айнских ритуальных стружках см., например, работу Л. Я. Штернберга «Кульст инау у племени айну», опубликованную в посмертно изданной книге [Штернберг 1933: 611–634]).

Что касается нивхского *инау* (*нау*) ‘заструганная с одного конца палочка (принадлежность религиозного культа)’ [Нивхско-русский словарь 1970: 93–94, 206], то оно было, по-моему, заимствовано из айнского — ведь если бы это слово пришло из какого-нибудь тунгусо-маньчжурского языка, то в нивхском было бы не *инау* (*нау*), а *илау* (*лау*). Интересно, что в нивхском представлен вариант без начального узкого гласного (*нау*)⁵.

⁵ Могу привести несколько примеров отпадения в анлауте нивхских слов узких гласных *у* и *и*: ср. нивх. *рақ* ‘крупа’ и маньчж. *ира* ‘просо’ (сегмент *-қ* вряд ли является нивхским словообразовательным суффиксом; возможно, он указывает на некий маньчжурский диалектный словообразовательный суффикс, ср. маньчж. сибин. *јиргэ* ‘просо’ [ССТМЯ 1975: 324] < **ирага*?); нивх. *рал* ‘лягушка’ и орок. *удала* ‘лягушка’; нивх. *тятя-дь* (амурский идиом), *тятя-нд* (восточносахалинский идиом) ‘женский музыкальный инструмент, состоящий из сухого бревна лиственницы, подвешенного на козлах, и деревянной палки-колотушки (ритмичными ударами колотушек несколько женщин выбивают монотонно и протяжно такт в тот момент, когда на

Думаю, что в любом случае Дз. Икэгами был прав — орокское слово *иллау* заимствовано из ороцкого, в котором соответствующий культовый предмет называется *илау*. Из ороцкого же языка пришло в негидальский (по крайней мере, в усть-амгуньский идиом) слово *елавун*, сохранившее исходную форму с орудийным суффиксом.

Приведённое лексическое соответствие между орокским и ороцким языками нельзя считать эксклюзивной изоглоссой (т.е. изоглоссой, связывающей только два языка) из-за наличия соответствия в негидальском.

Не является эксклюзивной также следующая изоглосса (хотя заимствование из ороцкого в орокский весьма вероятно): орок. *хэwэ́сй*- ‘звать’ [Ikegami 1997: 238] // ороц. *хэвэ́ти*- ‘звать, позвать, созвать, пригласить’ [Авrorин, Лебедева 1978: 250] (ранняя запись этого ороцкого глагола весьма необычна: *хывади* ‘зову’ [Протоdjяконов 1888: 16]) // удэг. *хэути*- ‘кричать’. В [ССТМЯ 1977: 464] орокский глагол *хэвэ́тчи*- ~ *хэвэ́чи*- ‘1) кричать; 2) звать’ ошибочно включён в словарную статью «ЭРЙ-кричать» (в статье приведена тунгусо-маньчжурская праязыковая реконструкция **хэ́рй*- ‘кричать, звать’, которая по формальным причинам никак не могла дать в орокском языке *хэвэ́тчи*- ~ *хэвэ́чи*-). Кроме того, в [ССТМЯ 1975: 484] приведено как не имеющее соответствий удэгейское (хорский и анюйский говоры)

медвежьём празднике голову убитого медведя водворяют на родовую нарту)’ [Нивхско-русский словарь 1970: 375] и ороц. *у́жа́зиуки* ‘ударный деревянный музыкальный инструмент (представляет собой длинный круглый брус из высушенного дерева с вырезанным на одном конце изображением головы медведя; брус подвешен с обоих концов на веревках к наклонно воткнутому в землю палкам; ударами по брусу двумя небольшими палочками выбивают дробь в различном ритме, подражая стуку птичьих клювов, ударам ножа при крошении мяса или рыбы, стуку посуды о стол при еде и т.п.; игра на этом инструменте, сопровождаемая пением, являлась обязательным элементом ритуала медвежьего праздника)’, *у́жа́зи*- ‘играть на музыкальном инструменте у́жа́зиуки’ [Авrorин, Лебедева 1978: 238]; нивх. *Ла* ‘Амур’ и маньчж. *ула* ‘большая река’ (река меньших размеров называлась по-маньчжурски общетунгусо-маньчжурским словом *бира*).

хэути- ‘кричать’, на самом же деле этот удэгейский глагол связан по происхождению и с ороческим *хэвэти-* ‘звать, позвать, созвать, пригласить’, и с орокским *хэвэчи-* ‘звать’. М. Д. Симонов и В. Т. Кялундзюга дают в своём словаре несколько иное звучание и значение удэгейского глагола: *хэүти-* ‘кричать’, при этом глагольная основа *хэүтиси-* переведена не только как ‘кричать’ (с пометой «длит.»), но и как ‘звать’ (кого-либо) [Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка 1999: 1047–1049]. Примечательно, что в словаре Е. Р. Шнейдера рассматриваемый глагол приведён не совсем так, как в словаре М. Д. Симонова и В. Т. Кялундзюги: *хэүти-* (с последующими суффиксами) [Шнейдер 1936: 80]. Графемой *ү* в удэгейском глаголе *хэүти-* обозначен гласный, именуемый М. Д. Симоновым «интенсивным резким»; Е. Р. Шнейдер называл такой гласный «аспирированным» и обозначал его как *a^h*. Однако если бы на самом деле в удэгейском глаголе со значением ‘кричать’ был «аспирированный», или «интенсивный резкий» гласный, то глагол этот следовало бы возводить к **хэсүти-*, что противоречит данным как ороческого, так и орокского языков: в соответствующих глаголах нет интервокального звука *с*.

Необходимо иметь в виду, что сегмент *-ти-* (*-чи-*) не является в рассматриваемой глагольной основе удэгейского, ороческого и орокского языков показателем «вида длительности» (термин В. А. Аврорина), так как, например, в ороческом таким показателем выступает *-чи-* [Аврорин, Лебедева 1968: 202], но в интересующей нас ороческой основе мы видим *-ти-* (*хэвэти-*). Таким образом, представленный в ороческом, удэгейском и орокском языках глагол со значением ‘звать, кричать’, во-первых, не имеет соответствий в других тунгусо-маньчжурских языках, а во-вторых, морфологически нечленим как в современном состоянии этих языков, так и в историческом плане. По моим наблюдениям, в тунгусо-маньчжурских языках не бывает незаимствованных исторически нечленимых морфем, состоящих из трёх слогов и более. Следовательно, орок. *хэвэчи-* ‘звать’, ороч. *хэвэти-* ‘звать, позвать, созвать, пригласить’ и удэг. *хэүти-* ‘кричать’ представляют собой заимствования из неизвестного нам языка (по крайней мере в нивхском и в айнском никаких соответствий мне найти не удалось). Думаю, вряд ли орокский язык заимствовал

глагол *хэвэчи* - 'звать' самостоятельно, независимо от ороцкого и удэгейского. Скорее всего, орокский заимствовал в данном случае из ороцкого, хотя в принципе нельзя исключить заимствование и в противоположном направлении.

К числу эксклюзивных орокско-орочских изоглосс относятся, например, название домашнего оленя (орок. *улā* 'домашний олень' и ороч. *улā* 'домашний олень'), а также название древесного гриба (орок. *дудакта* ~ *жу́закта* 'гриб (растущий на дубе)' и ороч. *дудакта* 'гриб (съедобный, растущий на тальнике)' (сравнение приведено в [ССТМЯ 1975: 219]). Что касается названия домашнего оленя в орокском и орочском языках (*улā*), то оно стоит в тунгусо-маньчжурских языках совершенно обособленно. Для тунгусо-маньчжурского праязыка название домашнего оленя реконструируется как **орон* (эвенк. *орон*; эвен. *орън*, *одна* ~ *ор* ~ *орна*, *оран*, *орон*; нег. *ојон*; удэг. *оло* ~ *оро*; ульч. *оро(н-)*; нан. *орō*; маньчж. *орон буху*; впрочем, среди этих вариантов есть заимствования: удэг. *оло* ~ *оро*, а также маньчж. *орон* в словосочетании *орон буху* являются, скорее всего, заимствованиями из эвенкийского). Орочи не занимались оленеводством, поэтому весьма вероятно, что наличие в их языке названия домашнего оленя, полностью совпадающего с орокским, свидетельствует о заимствовании орочами слова *улā* из языка ороков — истинных оленеводов с многовековым опытом, о чём свидетельствуют некоторые орокские оленеводческие термины.

Все приведённые соответствия появились в результате заимствования, причём если можно с высокой степенью вероятности сказать, из какого языка в какой пришло чужое слово, то никак нельзя определить, где были заимствованы эти слова — на континенте или на Сахалине.

Единственную пока возможность локализовать контакт между орокским и орочским языками даёт предлагаемая ниже этимология орокского названия реки Поронай (впадает в Охотское море, в залив Терпения; течёт с севера на юг, длина 350 км).

Орокское название реки Поронай (*Caḡḡi Cū* ~ *Caḡḡi Cū un'un'u*⁶ ~ *Dāju Caḡḡi Cū* (*Sagji Suu* ~ *Sagji Suu unini* ~ *Daaji Sagji Suu*)) [Ikegami 1997: 194]) возникло под влиянием орочей, о чём свидетельствуют следующие факты: 1) слово *caḡḡi* в орокском языке означает 'старый (только о человеке)', в то время как в ороческом семантика соответствующего слова *cāḡdi* несколько иная: '1) большой (по размеру, по значению), великий; 2) большой (по возрасту), старый' [Аврорин, Лебедева 1978: 220]; 2) из всех тунгусо-маньчжурских языков значение 'большой' у слова *caḡdi* (*caḡdi*, *cāḡdi*, *caḡḡi*, *haḡdi* и т.д.) отмечается только в ороческом и в генетически ему наиболее близком удэгейском (при этом в последнем отсутствует значение 'старый', для нанайского же слова *caḡḡi* значение 'большой, главный' указано наряду со значением 'старый, пожилой', вероятно, ошибочно — во всяком случае, в словаре [Оненко 1980: 350] оно отсутствует)⁷; 3) для ороков, мне думается, употребление слова *caḡḡi* в гидрониме *Caḡḡi Cū* (*Caḡḡi Cū un'un'u*, *Dāju Caḡḡi Cū*) было весьма странным, так как это слово означает не просто 'старый', а старый, как уже было сказано, только по отношению к человеку; с целью устранения такого недоразумения ороки в одном из вариантов названия реки Поронай добавили, судя по материалам Дз. Икэгами, слово *dāju* 'большой' (*Dāju Caḡḡi Cū* (*Daaji Sagji Suu*)) [Ikegami 1997: 194]).

Орочи, называвшие Поронай большой рекой (а на Сахалине более крупной реки нет), по-видимому, знали, как эту реку называют айны, жившие в её бассейне к приходу орочей; *poro* на айнском языке (диалект Сару) означает 'быть, стать большим', а *paу* — 'болото, небольшая река, ручей' [Tamura 1998: 406, 544]

⁶ Слово *un'u* означает в орокском языке 'река', словоформа *un'un'u* включает показатель притяжания 3-го лица единственного числа *-n'u*; таким образом, гидронимическое словосочетание *Caḡḡi Cū un'un'u* представляет собой изафетную конструкцию, в которой определением является словосочетание *Caḡḡi Cū* с давно уже ставшим непонятным для ороков значением.

⁷ Интересно, что русское слово *старый* этимологически связано с древнеисландским *stórr* 'большой, сильный, важный, мужественный' [Фасмер 1971 (III): 747].

(возможно, в сахалинском айнском значение второго компонента рассматриваемого гидронима было несколько иным). Итак, в образовании орокского составного гидронима *Сагџи Сѹ* ~ *Сагџи Сѹ ун'ин'и* ~ *Дѣџи Сагџи Сѹ* принимали участие носители трёх языков: айнского, ороцкого и орокского (перечислены в хронологической последовательности).

По-нивхски (в восточносахалинском нивхском) река Поронай называется *Плыи* [Нивхско-русский словарь 1970: 263]. Очевидно, это *Плы* и 'река Плы', причём весьма вероятно, что *Плы* восходит к качественному глаголу *пил-* 'быть большим', точнее, к его атрибутивной форме *пила* (**пила* и > *Плыи*). Таким образом, первоначальным значением нивхского гидронима *Плыи* вполне могло быть 'большая река'. Ср. исходное значение заимствованного из айнского языка гидронима Поронай ('большая река'). В словаре языка уилта, составленном Дз. Икэгами, также есть точное смысловое соответствие айнскому и нивхскому названию реки Поронай: *Дѣџи ун'и* (*Daaʒi uni*; информант *Jauriŋəni*) [Ikegami 1997: 220]. Кстати, это уже четвёртый орокский вариант названия реки Поронай (*Сагџи Сѹ*, *Сагџи Сѹ ун'ин'и*, *Дѣџи Сагџи Сѹ*, *Дѣџи ун'и*). Впрочем, в «Словаре языка уилта» Х. Магаты есть ещё и пятый вариант: *џѹ ѹніні* 'река Поронай' [Magata 1981: 196].

Любопытно, что название реки Поронай не заимствовалось материально ни айнами, ни нивхами, ни ороцами (вероятно, некогда «растворившимися» среди ороков или других народов Сахалина): на языках этих народов река Поронай называлась описательно — «большая река» (по-орочски: «большая северная река»). Иначе говоря, этот гидроним безусловно заимствовался, но не материально, а структурно, то есть калькировался. И только у ороков, с их пятью вариантами названия этой реки, представлено и материальное заимствование (*Сагџи Сѹ*, *Сагџи Сѹ ун'ин'и*, *Дѣџи Сагџи Сѹ*, *џѹ ѹніні*: заимствованы предположительно из ороцкого слова *сагџи* и *сѹ* (*џѹ*)), и структурное (*Дѣџи ун'и* — букв. большая река). Впрочем, русские пошли по пути материального заимствования названия реки Поронай из языка айнов.

Явное преобладание калькирования названия реки Поронай свидетельствует о былом двуязычии или даже многоязычии населения острова Сахалин.

Особый интерес представляет слово *Сӯ* в орокском составном гидрониме *Сагži Сӯ ~ Сагži Сӯ ун'ин'и ~ Дәји Сагži Сӯ*. Слово это имеется также в словосочетании *Сӯ нән'и (Suu naani)* 'южная сторона (Сахалина)' [Ikegami 1997: 194] (*нән'и* земля-POSS.3SG. — *А. П.*); соответствующая основа выступает в слове *сӯ-н'н'ē-н'и* 'человек (люди) юга (Сахалина)', которое является антонимом слова *доро-н'н'ē-н'и* 'человек (люди) севера (Сахалина)'⁸. Л. В. Озолия переводит орокское *сӯ* как 'Южный Сахалин' [Озолия 2001: 316-317].

Орокская основа *сӯ-* 'юг' вполне может восходить к **суку-* (с «а-гармонией» гласных), ср. орок. *бā-* 'найти' < **бака-*, *лō-* 'повесить' < **локо-* (в эвенкийском, например, им соответствуют *бака-* и *локо-* с аналогичными значениями).

Орокскую реконструированную форму **суку-* предлагаю сравнить с ороц. *сукула(н)* (хадинский диалект), *сакула(н)* (тумнинский диалект) '1) север; 2) северный' [Аврорин, Лебедева 1978: 221, 225], *сукулā чилауаин'и*⁹ (хадинский диалект), 'северо-восточный ветер, приносящий шторм' [Аврорин, Лебедева 1978: 225]. Ср. также удэг. *сууаланžани* (самаргинский говор) 'север' [ССТМЯ 1977: 118]; *сугала*, *сугаланза-ни* 'север' («форма из записей речи удыхейцев с р. Самарги») [Кормушин 1998: 288].

В ороцком языке антонимом слова *сукула(н)* '1) север; 2) северный' выступает *пунэлэ(н)* '1) юг; 2) южный (о ветре)' [Аврорин, Лебедева 1978: 218, 219], а наряду со словосочетанием *сукулā чилауаин'и* 'северо-восточный ветер, приносящий шторм' есть также изафетное словосочетание *пунэлэ чилауаин'и* 'юго-восточный ветер (предвещает штормовую погоду)' [Аврорин,

⁸ Орок. *доро* 'север', например, в словосочетании *доро нән'и (Doro naani)* 'северная земля (северный Сахалин)' [Ikegami 1997: 48], можно сравнить с нивх. *Тро* 'Тро (восточное побережье Сахалина)' (нивхское слово приводится по [Нивхско-русский словарь 1970: 361]).

⁹ Ср. ороц. *чилауаи* с орок. *čilaŋai* 'северо-восточный ветер' [Ikegami 2002: 290], улч. *чилаи* в словосочетании *чилаи хэдуни* 'назв. северного ветра (дует правее őти)' [Суник 1985: 258], нивх. *ч'лаи* (амурский диалект (идиом. — *А. П.*)) 'боковой ветер' [Нивхско-русский словарь 1970: 448].

Лебедева 1978: 218]¹⁰ (ср. ульч. *пунэлэ* в словосочетании *пунэлэ хэдуни* ‘южный ветер’ [Суник 1985: 226]). При сопоставлении имеющихся в этих словосочетаниях слов *сукулā* и *пунэлэ* вычленяется общий для них сегмент *-лā/-лэ*, служивший словообразовательным суффиксом; таким образом, производящей основой является **суку-*, причём основа эта имела значение ‘север’, а производящая основа **пунэ-* означала ‘юг’.

Интересующий нас корень со значением ‘север’ представлен в ороцком и удэгейском языках в трёх вариантах, которые не удастся возвести к общей для них праформе: *сауку-* (хадинский ороцкий), *суку-* (тумнинский ороцкий), *сууа-* (самаргинский удэгейский). Невозможность реконструировать архетип при очевидном сходстве формы и тождественности семантики свидетельствует о том, что варианты корня *сауку-*, *суку-*, *сууа-* были заимствованы. Судя по тому, что словоформа *сууаланžани*¹¹ зафиксирована только у самаргинских удэгейцев, живущих относительно близко к орочам, в удэгейский язык рассматриваемое название севера могло заимствоваться из того же неизвестного языка, из которого были заимствованы ороцкие варианты *сауку-* и *суку-*.

Естественно возникает вопрос: можем ли мы сравнивать орокскую и ороцкую основы, если они имеют диаметрально противоположные значения?

Думаю, что такое «антонимическое соответствие» вполне допустимо. Ср., например, в эвенкийском: «Забайкальские эвенки называли страны света и по склонам больших хребтов, например *алга*, *анта* (южный склон) — юг, а некоторые из тунгирских эвенков этим словом называли север. Словом *босо*, *босого* (северный склон) забайкальцы называли север, а некоторые из верхнеленских — юг» [Василевич 1969: 184]. Приведу ещё пример: эвенк. *босоуо* (подкаменно-тунгусские, баргузинский, сахалинские говоры) ‘северный склон горы’ по происхождению связано с

¹⁰ В словосочетаниях *сукулā чилауаи-н’и* и *пунэлэ чилауаи-н’и* аффикс *-н’и*, являясь показателем 3-го л. ед. ч., оформляет изафетную конструкцию с атрибутивным значением.

¹¹ Сегмент *-ни* является показателем притяжания 3-го л. ед. ч., суффикс *-жа* имеет значение ‘сторона’; таким образом, производящей основой выступает *сууала(н)*.

эвенским *боросау* (ольский говор) ‘северный склон горы’ [ССТМЯ 1975: 97], однако в нанайском им соответствует слово с прямо противоположным значением: *борсой* [*борсой*] ‘южный склон горы’ (нанайское слово приведено по [Оненко 1980: 77]). Аналогичное изменение значения мы видим, сравнивая эвенк. *антауа* ‘1) южный склон горы (подкаменно-тунгусские говоры, алданский, олёкминские, тунгирский, урмийский и учурский говоры) [ССТМЯ 1975: 44] и нан. *анта* ‘северный или северо-восточный склон горы’ [Оненко 1980: 43].

По-видимому, орокское слово *сӯ* (< *суку) ‘юг’ было заимствовано из ороцкого языка где-то в районе современного Поронайска, о чём свидетельствует орокское название реки Поронай: *Сагзи Сӯ*, *Сагзи Сӯ ун’ин’и*, *Дәји Сагзи Сӯ*. Очевидно, для группы орочей, переселившейся с побережья континента на Сахалин и продвигавшейся по этому острову с юга на север, река Поронай (**cāgdi* *суку *ули-н’и большой север река-POSS.3SG ‘большая северная река’) была на севере. Для ороков же, некогда расселявшихся на Сахалине с севера на юг, река Поронай находилась на юге.

Есть по крайней мере одно эксклюзивное соответствие между орокским и ороцким в морфологии: только в этих языках форма условного деепричастия (ороч. -ви; орок. -ни ~ -не [Петрова 1967: 113], -ре [Magata 1981: 163], -pee [Ikegami 2001: 31], -не [Озолия 2013: 293–294]) при множественном числе субъекта включает сегмент, восходящий к общетунгусоманьчжурскому показателю множественного числа (ороч. -виса; орок. -нис’с’а¹² [Петрова 1967: 113], -pissa [Magata 1981: 163], -pissaa [Ikegami 2001: 31], -нис’с’а [Озолия 2013: 294]). Примеры: ороц. *Синэвэ бāчигиви*, *бэлэчиžэнэји* ‘Тебя когда (если) встречу, помогу’; *Синэвэ бāчигивиса*, *бэлэчиžэнэму* ‘Тебя когда (если) встретим, поможем’ [Аврорин, Лебедева 1968: 205] (показатели деепричастия подчеркнуты мной. — А. П.); орок. *masínzi uilápe si*

¹² «... во множественном числе к форме единственного числа присоединяется суффикс -са, -сэ, причем с суффикса долгий и очень шепелявый, почти как ш’» [Петрова 1967: 113].

maŋgá narí osísi 'Сильно поработав, ты крепким (сильным) человеком станешь'; *barámba dawwā wāpissa gasannēl' duktakkēri iṣúxači* 'Много кеты добыв, жители деревни вернулись к себе домой' [Magata 1981: 163].

И в ороческом языке, и в орокском закономерная, ожидаемая форма условного деепричастия при множественном числе субъекта должна бы быть иной: ороч. *-vaḵu** = *-vai**, орок. *-nari** (ср. форму одновременного деепричастия при единственном числе субъекта: ороч. *-mi*, орок. *-mi*, при множественном числе субъекта: ороч. *-maḵu* = *-mai*, орок. *-mari*). Как установила В. И. Цинциус, показатели обоих этих деепричастий образовались при участии возвратно-притяжательных аффиксов [Цинциус 1960], в ороческом и орокском языках эти аффиксы выглядят соответственно так: *-vi* (ед. ч.; один из алломорфов), *-baḵu* (мн. ч.; один из алломорфов), *-bi* (ед. ч.; один из алломорфов), *-bari* (мн. ч.; один из алломорфов).

Однако ороческий язык образовал форму множественного числа условного деепричастия иным способом — путём присоединения к показателю деепричастия *-vi* (ед. ч.) аффикса множественного числа *-sa*. Этот аффикс в современном ороческом языке присоединяется только к существительным: «Показателем множественного числа для подавляющего большинства имен лица служит суффикс *-sa(z)* / *-сэ(z)* / *-со(z)*» [Аврорин, Лебедева 1968: 195]. Суффикс *-sa(z)* восходит к пратунгусоманьчжурскому **-sal*¹³ (составной показатель множественного числа: **-sa* + **-l* [Цинциус 1946: 88], маньчж. *-сэ* < **-сэл*).

¹³ Звук *л* в исходе ороческих морфем закономерно перешёл в *γ*, который исчез в именительном падеже, но сохранился как смычный согласный в косвенных падежах, например: *сэу* 'рулевое весло у морской лодки', творительный падеж *сэугзи* [Аврорин, Лебедева 1978: 227], ср. нан. *сэул* '1) рулевое весло; 2) руль'; *жā* 'родственник, сородич; товарищ по работе, спутник, сожитель', *би жāбби* 'мой родственник', *си жāкси* 'твой родственник', *жāглāббаи* 'себе в товарищи' [Аврорин, Лебедева 1978: 181] (< **жāл*); *уму* '1) охотничий пояс (узкий кожаный ремень, к которому подвешиваются охотничьи принадлежности; 2) пояс вообще)', винительный падеж *умубба* [Аврорин, Лебедева 1978: 239] (< **умул-ба*), ср. нан. *омол* 'пояс, ремень'.

Что касается формы множественного числа условного деепричастия в орокском языке, то фонетически наиболее точная её фиксация представлена, по-моему, в работах Дз. Икэгами: *-pissaa* (кстати, Дз. Икэгами идеально воспринимал на слух фонетические особенности орокского, что позволило ему дать верное описание морфонологии этого языка). Геминация согласного в форме множественного числа орокского условного деепричастия объясняется регрессивной аккомодацией гласному по долготе¹⁴, т.е. *-pissaa* < **-pisaa*, что, в свою очередь, восходит к **-pisaŋ* — иначе никак не объяснить появление долготы гласного. Последняя реконструированная форма (**-pisaŋ*) включает показатель множественного числа **-saŋ*, который несомненно имеет ороческое происхождение, поскольку из всех тунгусо-маньчжурских языков лишь один ороцкий превратил в исходе морфем плавный латеральный в заднеязычный проточный звонкий (т.е. *л* > *ŋ*). Кстати, в орокском языке одним из показателей множественного числа является *-sal*. Таким образом, орокский язык заимствовал у ороцкого только ему свойственный способ оформления множественного числа условного деепричастия, причём заимствовал относительно давно — тогда, когда в ороческом показателе множественного числа **-saŋ* ещё сохранялся конеч-

¹⁴ Суть закона регрессивной аккомодации орокских согласных (Дз. Икэгами использовал термин «компенсаторное удвоение») заключается в том, что перед геминированным гласным или дифтонгом любой согласный, кроме начального, сам становится геминированным (при этом долгий гласный может сохранять свою долготу, но может и утрачивать её). В качестве примера приведу словоформу *dulleekkeeewwee* 'до меня, передо мной' [Ikegami 2001: 29] (*dullee-kkee-wwee* перёд-PROL-1SG.OBL; *dullee-kkee-wwee* < **žulīa-kii-wīa* < **žulīa-kii-wi-wa*). Типологически сходное явление — «вторичная геминация» согласных — характерно для некоторых прибалтийско-финских языков [Лаанест 1966а: 20; Лаанест 1966б: 22–30; Sovijärvi 1944: 12–14, 80–84; Porkka 1885: 45–47]. Хотел бы поблагодарить своих коллег — Н. В. Кузнецову и М. З. Муслимова — за консультации по проблеме вторичной геминации согласных в прибалтийско-финских языках и за важную для меня помощь, касающуюся соответствующих публикаций.

ный звук *у*, в современном ороческом языке в соответствующей форме *-виса* уже отсутствующий.

Выводы: приведённые в статье факты свидетельствуют о наличии в прошлом контактов орокского (уильта) языка с ороческим. Контакты эти происходили на Сахалине, вероятно, несколько веков назад (возможно, в долине реки Поронай), куда переселилась группа орочей, впоследствии ассимилированная местными народами. Результатом контактов явилось небольшое количество преимущественно лексических заимствований главным образом из орокского языка в орокский. Заимствованием в противоположном направлении можно считать название домашнего оленя (*улā* в обоих языках). Весьма вероятное заимствование этого слова неоленеводами орочами у оленеводов ороков указывает на то, что мигрировавшие на Сахалин орочи не совсем утратили связь со своими сородичами на континенте (см. примечание 4).

Список условных сокращений

маньчж. — маньчжурский язык; маньчж. сибин. — сибирский диалект маньчжурского языка; нан. — нанайский язык; нег. — негидальский язык; нивх. — нивхский язык; орок. — орокский (уильта) язык; ороч. — ороцкий язык; удэг. — удэгейский язык; ульч. — ульчский язык; эвен. — эвенский язык; эвенк. — эвенкийский язык.

Литература

- Аврорин, Лебедева 1968 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкий язык // Языки народов СССР. Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука. 1968. [V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. Orochskii iazyk [The Oroch language] // Iazyki narodov SSSR. T. V. Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie iazyki. Leningrad: Nauka, 1968].
- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. [V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. Orochskie teksty i slovar' [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978].
- Баранова, Маслинский 2014 — В. В. Баранова, К. А. Маслинский. Есть ли жизнь после смерти? По следам экспедиции к орочам 2001 //

- От Бикина до Бамбалуны, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 5–11. [V. V. Baranova, K. A. Maslinskii. *Est' li zhizn' posle smerti? Po sledam ekspeditsii k orocham 2001* [Is there life after death? In the wake of the expedition to the Oroch people in 2001] // *Ot Bikina do Bambaliumy, iz variag v greki. Ekspeditsionnye etyudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoi*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014. P. 5–11].
- Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка 1999 — Кялундзюги-Симонова словарь удэгейского языка. Удэгейско-русско-удэгейский (препринт). Т. 3. Издан Альфредом Ф. Маевичем. Стеншев: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1999. [Kialundziugi-Simonova slovar' udegeiskogo iazyka. Udegeisko-rusско-udegeiskii (preprint) [A Kyalundzyuga-Simonov dictionary of the Udeghe language: Udeghe-Russian-Udeghe (preprint)]. Т. 3. Ed. by Alfred F. Majewicz. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1999.
- Лаанест 1966а — А. Лаанест. О взрывных в фонологической системе хэваского диалекта ижорского языка // Советское финно-угроведение. № II. 1966. [A. Laanest. *O vzryvnykh v fonologicheskoi sisteme khevaskogo dialekta izhorskogo iazyka* [Occlusives in the phonological system of the Hevaha dialect of the Izhorian language] // *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. № II. 1966].
- Лаанест 1966б — А. Лаанест. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин: Редакционно-издательский совет АН ЭССР, 1966. [A. Laanest. *Izhorskie dialekty. Lingvogeograficheskoe issledovanie* [Izhorian dialects. Studies in language geography]. Tallinn: Redaktsionno-izdatel'skii soviet AN ESSR].
- Нивхско-русский словарь 1970 — Нивхско-русский словарь. Сост.: В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами. М.: Советская энциклопедия. 1970. [Nivkhsko-russkii slovar' [Nivkh-Russian dictionary]. Sostaviteli: V. N. Savel'eva, Ch. M. Taksami. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia].
- Озолия 2001 — Л. В. Озолия. Орокско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. [L. V. Ozolinia. *Oroksko-russkii slovar'* [Orok-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2001].
- Озолия 2013 — Л. В. Озолия. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013. [L. V. Ozolinia. *Grammatika orokskogo iazyka* [Orok grammar]. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2013].
- Орочские сказки и мифы 1966 — Орочские сказки и мифы. Сост.: В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Новосибирск: Наука, 1966.

- [Orochskie skazki i mify [Oroch tales and myths]. Sostaviteli: V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. Novosibirsk: Nauka, 1966].
- Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. [T. I. Petrova. Iazyk orokov (ul'ta) [Orok (Ulta) language]. Leningrad: Nauka, 1967].
- Протодяконов 1888 — Краткий русско-ороченский словарь. Составил протоиерей А. Протодиаконов. Казань: Издание православного миссионерского общества, 1888. [Kratkii russko-orochenskii slovar' [Concise Russian-Orochon dictionary]. Sostavil protoierei A. Protodiakonov. Kazan': Izdanie pravoslavnogo missionerskogo obshchestva, 1888].
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука. 1975. [Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh iazykov. Materialy k etimologicheskomu slovariui [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. T. I. Leningrad: Nauka, 1975].
- ССТМЯ 1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука. 1977. [Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh iazykov. Materialy k etimologicheskomu slovariui [Comparative dictionary of Manchu-Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. T. II. Leningrad: Nauka, 1977].
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. [O. P. Sunik. Ul'chskii iazyk. Issledovaniia i materialy [Ulch language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1985].
- Цинциус 1946 — В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // Ученые записки ЛГУ. № 69 (Серия филологических наук, вып. 10), 1946. [V. I. Tsintsius. Mnozhestvennoe chislo imeni v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh [Noun plural in Manchu-Tungus languages] // Uchenye zapiski LGU. № 69 (Seriia filologicheskikh nauk, vypusk 10), 1946].
- Цинциус 1960 — В. И. Цинциус. К этимологии показателей некоторых деепричастий в тунгусо-маньчжурских языках // XXV Международный конгресс востоковедов, доклады делегации СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. [V. I. Tsintsius. K etimologii pokazatelei nekotorykh deeprichastii v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh [On the etymology of some gerund markers in Manchu-Tungus languages] // XXV Mezhdunarodnyi kongress vostokovedov, doklady delegatsii SSSR. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960].
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. [V. I. Tsintsius. Negidal'skii iazyk.

- Issledovaniia i materialy [Negidal language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1982].
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М. — Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. [E. R. Schneider. Kratkii udeisko-russkii slovar' [Concise Ude-Russian dictionary]. Moscow — Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1936].
- Штернберг 1933 — Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Под редакцией и с предисловием Я. П. Алькора (Кошкина). Хабаровск: Дальгиз, 1933. [L. Ia. Sternberg. Giliaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy. Stat'i i materialy [Gilyaks, orochs, golds, negidals, ainu. Papers and materials]. Edited by Ia. P. Al'kor (Koshkin). Khabarovsk: Dal'giz, 1933].
- Ikegami 1980 — Jirô Ikegami. Ainugo-no inau-no go-no yurai-ni kansuru shōkō – Uirutago-no 'illau'-no gogen-ni furete (Remarks on the Origin of the Ainu Word inaw – with Reference to the Etymology of the Uilta Word illau) // Minzokugaku Kenkyū. Vol. 44. No. 4. Tōkyō: Japanese Society of Ethnology. 1980.
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press. 1997.
- Ikegami 2001 — Jirô Ikegami. Researches on the Tungus Language. Tokyo: Kyūko Shoin. 2001.
- Ikegami 2004 — Jirô Ikegami. Essays on Languages of Northeast Asia. Sapporo: Hokkaido University Press. 2004.
- Magata 1981 — Hisaharu Magata. A Dictionary of the Uilta Language. Abashiri: The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore. 1981.
- Porkka 1885 — V. Porkka. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Schmidt 1923 — P. Schmidt (Šmits). The language of the Negidals // Acta Universitatis Latviensis. V. Riga, 1923.
- Sovijärvi 1944 — A. Sovijärvi. Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta. Helsinki, 1944.

Н. Д. Светозарова
СПбГУ, Санкт-Петербург

ЭТОТ ТАИНСТВЕННЫЙ БОЯНУС

21 февраля 1935 года Николай Сергеевич Трубецкой в очередном письме Роману Осиповичу Якобсону, комментируя присланную ему Даниэлем Джоунзом рукопись программы Второго международного конгресса по фонетическим наукам, писал:

Кроме того, имеется какой-то таинственный Prof. S. Boyanus из Ленинграда, который объявил доклад (на английском языке) о некоторых типах интонации в русском языке [Письма и заметки 2004: 322]¹.

Доклад назывался “The main types of Russian intonation”, был опубликован в трудах состоявшегося в июне 1935 г. в Лондоне конгресса [Proceedings 1935: 110–113] и, скорее всего, был прочитан самим автором. Во всяком случае, на одной из фотографий, опубликованных в книге “The real professor Higgings” [Collins, Mees 2012], среди участников конгресса, мы видим «таинственного» ленинградского профессора, а на другой — Трубецкого. Состоялась ли тогда их встреча — неизвестно, но в следующих письмах конца того же года (письма CL и CLII) Трубецкой упоминает имя и работы Боянуса уже без эпитета «таинственный». В письме от 24 сентября (письмо CL) Трубецкой называет статью Боянуса «Русское произношение» [Боянус 1930: 23–30] в ряду тех работ, которые, по его мнению, как и «Русские гласные» Щербы [Щерба 1912] и книга Джоунза и Трофимова о русском произношении [Trofimov, Jones 1923], «много способствовали распространению ложных взглядов» (в фонологии) [Письма и заметки 2004: 349]. 26 ноября (письмо CLII) Трубецкой сообщает Якобсону о получении им книги

¹ Цитаты из писем Н. С. Трубецкого даются по русскому изданию 2004 года: [Письма и заметки 2004]. В работе использовалась также первая публикация писем на английском языке 1975 г.: [Trubetzkoy's letters 1975].

Боянуса “A manual of Russian pronunciation” [Boyanus 1935] и по этому поводу пишет: «Очень много места в ней отведено интонации. Это хорошо. Пригодится» [Письма и заметки 2004: 354–355]. Еще об одном упоминании имени Боянуса в письмах Трубецкого речь пойдет ниже.

Известно, что, находясь в эмиграции, Трубецкой живо интересовался научной жизнью в СССР и время от времени просил Яковсона сообщать ему имена и адреса ученых — Петерсона, Яковлева, Пешковского, Жирмунского, Эйхенбаума, Бубриха, Щербы, Ларина, Сидорова и многих других (см. письма I, XXIII, XXIV, CXXIII). Боянуса среди них нет. До 1935 года Трубецкой о нём не знал, а после необходимость в получении информации о нём из СССР отпала. Разгадка содержится в судьбе русского учёного, с определённого момента оказавшегося «таинственным» уже для бывших соотечественников.

Семья Боянус. С.К Боянус — первый слева в нижнем ряду

Семен Карлович Боянус родился в Москве 8 июля 1871 года. Его отец, Карл Карлович Боянус, был известным в России врачом-гомеопатом, автором книг по истории гомеопатии в

России. Медицине посвятили себя и три сына Карла Карловича от его первого брака с Шарлоттой Молленауэ (Максимилиан, Николай и Карл), которые также стали врачами-гомеопатами. Среди предков Боянусов был известный зоолог и анатом Людвиг Герман Боянус (1776–1827). Вторым браком Карл Карлович Боянус был женат на Ольге Семеновне Хлюстиной, вдове Дениса Денисовича Давыдова, сына известного поэта и героя войны 1812 года Дениса Давыдова. Она владела несколькими иностранными языками и помогала мужу в его научной работе. От этого брака у К. К. Боянуса было три сына: Александр, Алексей и Семён и две дочери Любовь и Вера. Последняя (1876–1953) известна под именем игуменьи Нины. В появившихся в последнее время многочисленных публикациях ее жизнь и нравственный подвиг описаны подробно. Благодаря этому получили известность и некоторые обстоятельства жизни в России ее семьи и брата Семёна².

Начальное образование Семён Боянус получил в Москве, позднее учился в Петербурге. В 1898 г. он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В университете начался первый, театральный, период биографии С. К. Боянуса. По воспоминаниям Василия Ивановича Качалова «в 1894 году в бывшем Петербургском университете сплотилась группа студентов — любителей сцены. В эту группу входили многие студенты, ставшие впоследствии видными актерами»³. В их числе назван и «Боянус (Борневский), выступавший несколько лет в Александринском театре, а сейчас (в 1935 г. — Н. С.) профессор-лингвист». Здесь появляется театральный псевдоним «таинственного профессора». Правда, память подвела Качалова, в других источниках мы находим правильную форму псевдонима — *Бронеvский*. Качалов сообщает, что студенты постигали театральное

² Рассказ о Вере Боянус не входит в задачи данной статьи, узнать о ней можно, например, из публикации «Жизнеописание игуменьи Нины (Боянус) — начальницы Полоцкого Спасо-Евфросиниевского училища» http://spas-monastery.by/history/abbess_nina/biography.php?print=Y.

³ Источником этих сведений является небольшая заметка под названием «Сорок лет на сцене. Беседа с народным артистом республики В. И. Качаловым», опубликованная в «Литературной газете», 4 октября 1935 г.

искусство под руководством известного артиста Владимира Николаевича Давыдова. Воспоминания Качалова соответствуют биографическим данным, согласно которым С. К. Боянус окончил Государственные курсы драматического искусства у В. Н. Давыдова и был актером, режиссером и преподавателем актерского мастерства⁴. Под псевдонимом Бронеvский он работал в Москве и в Петербурге, в том числе в знаменитых Александринском и Малом театрах. В 1912 г. он был приглашен руководителем Малого театра А. И. Южиным в качестве режиссера и поставил там два спектакля⁵. В 1910 г. в Киеве в журнале «Искусство и печатное дело» была напечатана работа «О форме в сценическом творчестве». Автор ее С. Бронеvский (Боянус)⁶.

Боянус занимается историей средневекового театра. Имя его становится известным среди историков театра. В мае 1916 г. он выступает в Петрограде с докладом на торжественном заседании, посвященном 300-ой годовщине смерти Шекспира, которое было устроено Литературным фондом в зале Тенишевского училища. В 1920-х гг. появляются публикации Боянуса по истории западноевропейского средневекового театра: «Внешний обиход придворного театра времен королевы Елизаветы», «Задачи театра и техника театрального дела в эпоху Шекспира», «Иниго Джонс»⁷. Большую известность получила написанная им глава «Средневековый театр» в сборнике «Очерки по истории европейского театра. Античность, Средние века и Возрождение» под редакцией А. А. Гвоздева и А. А. Смирнова, вышедшем в Петрограде в издательстве «Academia» в 1923 г. В это время

⁴ Эти сведения подтверждает Некролог, написанный Д. Джоунзом и опубликованный в 1952 г. в журнале «Le maître phonétique» и воспроизведенный в седьмом томе избранных трудов Д. Джоунза.

⁵ «Пир жизни», драма в 4 действиях С. Пишибышевского, и «На полпути», пьеса в 4 действиях А. Пинеро. Постановка режиссера С. К. Бронеvского.

⁶ В 2011 и 2012 гг. книга была воспроизведена как репринтное издание: С. Бронеvский (Боянус) «О форме в сценическом творчестве». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

⁷ См. список печатных работ С. К. Боянуса в приложении к данной статье.

С. К. Боянус уже преподает в Государственном институте истории искусств на открытом там в 1920 г. Отделении истории театра (вскоре переименованном в Факультет, а затем в Разряд). 24 мая 1920 г. он был избран профессором, а осенью 1921 г. — действительным членом по кафедре истории средневекового театра. Читал курс «Французские мистерии» (1920/1921), вел семинар «Английские мистерии» (1920/1921), руководил группой по изучению сценической речи. В 1927 г. С. К. Боянус был избран действительным членом Отдела истории словесных искусств ГИИИ⁸.

Таким образом, в 1910–1920 гг. имя Боянуса (или Броневого-Боянуса) связано с режиссурой, историей и теорией театра и Институтом истории искусств. Но в это же время он активно занимается изучением английского языка и английской филологии и получает большую известность как блестящий преподаватель-практик.

Английским языком С. К. Боянус владел с детства, он учился у матери и у домашних учителей. Начиная с 1916 г. он преподает в различных учебных заведениях Петрограда: в Женском педагогическом институте (1916), в Первом педагогическом институте (1918–1922), во Втором Петроградском педагогическом институте им. Н. А. Некрасова (1918–1923), в Третьем педагогическом институте (1918). В 1918 г. (через 20 лет после окончания курса в Петербургском университете) он сдал магистерский экзамен по английской филологии на историко-филологическом факультете Петроградского университета и стал преподавать английский язык в университете. О его таланте преподавателя говорит тот факт, что к нему на занятия ходили студенты разных отделений. Татьяна Викторовна Строева в своих воспоминаниях, характеризуя уровень германистического образования в Ленинградском университете 1920-х гг., пишет: «⟨...⟩ образование, которое мы получили, не чета тому, что постигают

⁸ Сведения о работе С. К. Боянуса в ГИИИ имеются в ряде изданий этого института, например: *Задачи и методы изучения искусств*. Пг.: Academia, 1924; *Российский институт истории искусств в мемуарах*. СПб., 2003.

сейчас (речь идет о 1970-х гг. — *Н.С.*) наши германисты. Главное было в том ещё, что мы могли, так сказать, полностью пользоваться тем, что рассыпалось перед нами. Я могла не посещать скучный курс и сдать его потом по учебникам, а вместо него посетить какой-либо романистический курс у блестящего Б. А. Кржевского или же ходить к ангЛИСТАМ на фонетические занятия у С. К. Боянуса <...>» [Сокольская 2006: 97].

Согласно данным книги «Филологический факультет», в 1919–1925 гг. Боянус был доцентом кафедры романо-германской филологии Петроградского-Ленинградского университета, где вел семинары по фонетике английского языка [Филологический факультет 2008: 346]. Однако есть сведения о том, что в университете С. К. Боянус вел занятия и по другим предметам германского цикла. Д. С. Лихачев, который обучался одновременно и на славянском, и на романо-германском отделении, вспоминает, что занимался у С. К. Боянуса англосаксонским и среднеанглийским [Лихачев 2007]. Под его руководством Лихачев написал и дипломную работу по театру Шекспира, которая, к сожалению, не сохранилась.

Воспоминания о Боянусе-преподавателе содержатся и в других мемуарах современников. Так, И. М. Дьяконов в своей «Книге воспоминаний», рассказывая о Высших педагогических курсах иностранных языков, на английском отделении которых училась Нина Магази́нер, его будущая жена, профессор Ленинградского университета Нина Яковлевна Дьяконова (1915–2013), пишет: «Эти курсы давали оканчивающим право преподавания; учили здесь сплошь только превосходные преподаватели — либо англичане, либо люди, побывавшие в Англии <...>» и добавляет: «Фонетику там преподавал знаменитый Боянус» [Дьяконов 1995].

О месте Боянуса среди языковедов университета говорит следующий фрагмент из «Воспоминаний» Д. С. Лихачева:

Главный экзаменатор был весьма известный лингвист, фамилию которого я называть не хочу. В своих печатных работах мой экзаменатор подлостями не отличался; «не был в них замечен». Со страданием, отчетливо выраженным в голосе и в устремленных в сторону от меня глазах, он спросил меня: у каких лингвистов в университете я занимался. Я назвал первым В. М. Жирмунского, а

далее Якубинского, Щербу, Боянуса, Брима, Ларина, Обнорского... Страдальческое выражение лица усилилось [Лихачев 2007].

На анкетный вопрос о владении иностранными языками Боянус отвечал: «Знание языков: Английский, французский, немецкий, готский, англо-саксонский, латинский, греческий и пр.».

Будучи штатным преподавателем Университета, Боянус был в 1922–1924 гг. также сначала штатным, а затем сверхштатным сотрудником научно-исследовательского института — ИЛЯЗВа⁹. При ИЛЯЗВе в 1927 г. была открыта «Фонетическая школа новых языков» под руководством Щербы и Боянуса.

Группа студентов Университета во главе с профессором С. К. Боянусом. Слева направо: 1-й ряд: Яницкая, Иванова, С. К. Боянус, И. А. Бухтеева (Щерба), А. М. Махова. 2-й ряд: Чернов, Благовещенский, Буткевич, В. А. Покровский, Д. Лихачев. 1925 г. Фотография хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 769.

Фонетике Боянус учился у Льва Владимировича Щербы. Работая на кафедре романо-германской филологии, он посещал занятия в руководимой Щербой Лаборатории экспериментальной

⁹ ЦГАЛИ СПб, ф. 288, оп. 2, дело 3, л. 6 об. Выражаю глубокую благодарность Альбине Гирфановой и Ариадне Сапожинской за поиски в архивах.

фонетики. В своем очерке истории кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Лев Владимирович называет Боянуса в ряду тех, кто «вышел из лаборатории». Это будущие заведующие кафедрой фонетики Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, преподаватели кафедры О. Н. Никонова и О. И. Дикушина-Поддячая, ученица Щербы А. Абеле и многие другие¹⁰.

Интерес к фонетике зародился у Боянуса еще в период его работы в театре. Будучи актером и преподавателем театрального мастерства, он удивлялся отсутствию системы в обучении актеров устной речи. Очевидно, что и в практике преподавания английского языка он уделял особое внимание произношению. Поэтому совершенно естественно обращение Боянуса к «фонетическому методу преподавания языков», который в тот период активно разрабатывал и внедрял в практику Л. В. Щерба. Это было время, когда создавались, реорганизовывались, переименовывались различные курсы и школы иностранных языков. В 1922 г. состоялось открытие Фонетического института практического изучения иностранных языков, который стал, по существу, первым в стране институтом иностранных языков, выпускавшим высококвалифицированных специалистов, владеющих иностранными языками. В 1926 г. он был преобразован в Государственные курсы иностранных языков. В его организации Боянус принимал самое непосредственное участие, быть может, даже большее, чем Щерба. Во всяком случае, называли это уникальное учебное заведение, либо институтом Гиллельсона (по фамилии его директора¹¹), либо институтом Боянуса. Именно для этого института, по поручению Боянуса, Д. С. Лихачев подбирал книги из реквизированных библиотек, о чем не раз вспоминал в своих

¹⁰ «Из лаборатории вышел целый ряд более или менее крупных работников, из числа которых можно назвать следующие имена: А. П. Абель, С. И. Бернштейн, С. К. Боянус, О. Н. Никонова, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, А. А. Драгунов, В. К. Орфинская, О. И. Поддячая (в разделе «Personalia» — Дикушина-Поддячая. — Прим. составителя), И. П. Сунцова и др.» [Филологический факультет 2008: 166].

¹¹ Директором института и редактором издаваемых институтом Трудов был Исаак Эдуардович Гиллельсон (1884–19??), отец известного литературоведа Максима Исааковича Гиллельсона (1915–1987).

мемуарах¹². Боянус осуществил открытие филиала Фонетической школы в Москве и регулярно ездил туда для проведения показательных занятий по фонетике. В воспоминаниях Н. Семпер (Соколовой), содержащих интересные сведения о московских Высших курсах новых языков, филиале новой Фонетической школы, основанной С. К. Боянусом в Ленинграде, имеется характерная фраза: «От нужды спасло знание языков, а подготовка у Боянуса дала верную специальность» [Семпер 1997]. Следует добавить, что в частные учебные заведения, вроде Фонетического института или Фонетической школы, которые выдавали официальные дипломы, принимали детей «лишенцев», которые обычно хорошо владели языками, но не имели шансов на поступление в университет.

Принципы фонетического метода Боянус воплотил в учебнике. Еще в 1923 г. в анонсе первого сборника «Русская речь», издаваемого Фонетическим институтом, была заявлена книга: С. К. Боянус, «Постановка английского произношения для русских по сравнительному фонетическому методу». В 1926 году в издательстве «Современник» выходит учебник С. К. Боянуса в двух выпусках (с несколько измененным названием). Выпуск 1 — «Постановка английского произношения» с подзаголовком «Английская фонетика для русских». Второй выпуск учебника назывался «Фонетические чтения» и содержал краткие обобщения по

¹² «⟨...⟩ перед самым арестом я заказал себе костюм за сорок рублей (а это были в 1927 г. большие деньги, заработанные мною на подборке книг для Фонетического института иностранных языков, которым ведал тогда в частном порядке Семен Карлович Боянус — мой учитель английской фонетики)»;

«⟨...⟩ я подрядился составлять библиотеку для Фонетического института иностранных языков. Институт был богатый, но деньги мне платили неохотно. Я работал в Книжном фонде на Фонтанке в доме № 20, возглавлявшемся Саранчиным. И снова поразительные подборки книг из различных реквизированных библиотек частных лиц и дворцов, редкости, редкости и редкости. Было жалко подбирать это все для Фонетического института. Я старался брать расхожее, необходимое, остальное, наиболее ценное, оставляя неизвестно кому» [Лихачев 2007].

особенностям английского произношения и поэтические и прозаические тексты, либо отрывки из них, а также в некоторых случаях и переводы их на русский («Колокола» и «Ворон» Эдгара По в переводах В. Брюсова и К. Бальмонта). В библиотеке кафедры фонетики С.-Петербургского университета имеется экземпляр учебника с дарственной надписью: «В библиотеку Лингвистического семинария от автора».

Это был первый учебник фонетики иностранного языка, написанный с учетом фонологических и методических идей Щербы и предназначенный для носителей определенного языка. Сам Щерба опубликовал свою «Фонетику французского языка» только в 1937 г. [Щерба 1937]. Учебник ученицы Щербы Ольги Николаевны Никоновой по немецкой фонетике вышел в 1938 г. [Никонова 1938]. В списке литературы своей практической фонетики Боянус приводит теоретические труды Бодуэна де Куртене, Щербы, Богородицкого, Томсона и важнейшие исследования по общей и английской фонетике зарубежных авторов (Суита, Джоунза, Есперсена, Пасси, Пальмера и др.), в том числе издания, вышедшие в свет буквально накануне появления его учебника. Такое хорошее знакомство с новейшей литературой объясняется фактами биографии Боянуса.

В октябре 1923 г. Боянус в первый раз получил возможность стажировки в Англии, в Лондонском университете. В 1924 г. он вновь отправился в Лондон с докладом о театре времен Шекспира. В предисловии к своему учебнику английской фонетики Боянус упоминает занятия на Отделении фонетики Университетского колледжа (Department of Phonetics, University College) и выражает благодарность своим преподавателям: мисс Л. Армстронг и мистеру А. Ллойд Джеймсу, а также главе отделения — профессору Даниэлю Джоунзу.

В 1926 году Боянус, будучи, как уже говорилось, доцентом Ленинградского университета, получает разрешение на восьмимесячную стажировку в Лондонском университете. Поездка была более чем успешной и закончилась в сентябре 1926 г. женитьбой на мисс Армстронг.

Некоторые подробности личной жизни Боянуса открывают посвящения. Заканчивая в 1925 г. работу над своим пособием по английской фонетике, Боянус посвящает его «жене и другу

Лидии Павловне Боянус-Карташовой». Второе издание учебника (1932) года он посвящает уже просто Л. П. Карташовой. Интересно, что сведения о женитьбе Боянуса на англичанке, хотя и не совсем верные, не были тайной и бытовали в университетских кругах. Я, например, всегда это знала, скорее всего, от кого-то из своих преподавателей-фонетистов, Льва Рафаиловича Зиндера или Марии Григорьевны Кравченко. В цитированных выше «Воспоминаниях» Т. В. Строевой есть продолжение, может быть, не очень лестное для Боянуса, но отражающее восприятие его личности юной красавицей студенткой. Она упоминает «(...) фонетические занятия у С. К. Боянуса, маленького, одноглазого, но очень талантливого педагога, который, кстати, вёл у нас и готский. Самое интересное, что некая англичанка-фонетистка, очень известная и учёная, прибыла в СССР, влюбилась в Боянуса и увезла его, толстенького, кривенького и совсем немолодого, в свой туманный Лондон». Л. Армстронг действительно была замечательным ученым и фонетистом, но сведений о приезде этой «англичанки» в Ленинград я пока не обнаружила.

Вот теперь можно вспомнить еще одно из писем Трубецкого (письмо CLX), в котором он, упоминая одну из работ Л. Армстронг, пишет в скобках: жены Боянуса [Письма и заметки: 363].

Лилиас Армстронг (1882–1937) была любимой ученицей и помощницей Джоунза. К моменту женитьбы на ней Боянуса она была автором двух учебников по английской фонетике¹³ и ряда других замечательных работ по фонетике разных языков. Она достойна отдельного рассказа. К сожалению, брак был недолгим. Лилиас Армстронг скоропостижно скончалась в декабре 1937 г.

Возвратившись после женитьбы в Ленинград, Боянус, видимо, сразу же начинает хлопоты о выезде за границу, но продолжает работать в названных выше учебных и научных заведениях, осуществляет второе издание учебника по английской фонетике [Боянус 1932], печатает небольшую статью о русском произношении [Боянус 1930].

¹³ Наиболее известный из них — написанный совместно с Идой Уорд учебник «A handbook of English intonation» / by Liliac E. Armstrong and Ida C. Ward, который выдержал шесть изданий (с 1926 по 1963 гг.).

В конце 1920-х гг. начинается новый, лексикографический этап бурной жизни ученого. В 1928 г. в издательстве «Советская энциклопедия» в серии «Иностранные словари» выходит 40-тысячный англо-русский словарь и через 2 года — 50-тысячный русско-английский словарь. Составителями обоих словарей были Владимир Карлович Мюллер и Семен Карлович Боянус¹⁴. Многие лингвисты старшего поколения помнят, что настольным английским словарем у всех нас (или наших родителей) был «Мюллер». Но многие ли вспомнят имя другого составителя? Оставаясь в рамках биографии С. К. Боянуса, я не буду пытаться реконструировать непростую историю издания и переиздания словарей. Тем более, что в последнее время уже появились материалы по этой теме. В первых публикациях Л. А. Девель [Девель 2009] и основательных изысканиях московского лексикографа Д. И. Ермоловича [Ермолович 2011] о жизни и трудах (быть может, даже подвиге) В. К. Мюллера имя Боянуса уже прозвучало в связи со словарями. Меня интересует биографический факт: как получилось, что первые оригинальные «советские» словари английского языка были созданы именно этими двумя Карловичами. Что их объединило? Что у них было общего? Общего было много. Они принадлежали к одному поколению¹⁵, оба родились в Москве, отец одного был врачом, а

¹⁴ В первом издании обоих словарей имена составителей даны в алфавитном порядке, там содержится также подробная характеристика словарей: Боянус С. К., Мюллер В. К. Англо-русский словарь: 40 тысяч слов с указанием произношения в интернациональной фонетической транскрипции / составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус. — М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1928. (Иностранные словари, под общей редакцией О. Ю. Шмидта) (объем около 65 печатных листов); Боянус С. К. и Мюллер В. К. Русско-английский словарь. Составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус, 50 тысяч слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике. С приложением кратких грамм. указаний. М.: Советская энциклопедия, 1930 (объем 72 п. л.).

¹⁵ В. К. Мюллер родился в 1880 г., учился и работал в Московском университете, в 1925 г. вместе с женой (в дальнейшем — сотрудник Публичной библиотеки) переехал в Ленинград. Умер в Ленинграде во время блокады, в 1941 или 1942 г.

другого — провизором. Оба были превосходными знатоками английского языка, стажировались в Англии, преподавали в Ленинградском университете, на одной кафедре, а еще объединял их интерес к Шекспиру и театру¹⁶. А вот как им удалось при полной педагогической нагрузке и работе одновременно везде, где только можно, да еще при регулярных поездках в Москву (Мюллер преподавал в описываемое время также во 2-м МГУ), создать словари за такое короткое время — это загадка. Конечно, у них были помощники, которые расписывали слова на карточки. Этому есть подтверждения во вступительных статьях к словарям, где некоторые из сотрудников названы. Одним из них был практически безработный в то время молодой Михаил Иванович Стеблин-Каменский. Благодаря статье его сына, Ивана Михайловича, опубликованной Юрием Александровичем Клейнером, мы можем представить себе и количественную сторону его вклада:

Долгое время отец был безработным. Давал уроки английского языка, работал по договорам в издательствах, участвовал в составлении словарей. В частности, известные «Русско-английский словарь» и «Англо-русский словарь» Боянуса и Мюллера (1930) написал в значительной части мой отец, как становится ясным и из словарного предисловия «От составителей» (он упоминается первым, а не по алфавиту), и из огромной кипы материалов к словарю, хранившейся у нас на старой квартире на антресолях, но при очередном переезде потом выкинутой за ненадобностью [Стеблин-Каменский 2009: 4].

Словари отличались очень высоким качеством. Автору наиболее полной биографии В. К. Мюллера, Д. И. Ермоловичу, удалось отыскать текст рецензии Н. Б. Джопсона (N. B. Jopson), которая, по его словам, «носит не просто одобрительный, а, можно сказать, восторженный характер, особенно на фоне сравнения со словарями А. Александрова, содержащими, по словам рецензента, «колоссальный балласт» (multitudinous ballast) [Ермолович 2011].

¹⁶ Одна из самых известных работ В. К. Мюллера — это его книга о театре эпохи Шекспира: Мюллер В. К. Драма и театр эпохи Шекспира. Л.: Academia, 1925. 169 с. В 2015 г. она была переиздана Д. Ермоловичем, вместе с не публиковавшимся ранее трудом Мюллера в книге: Мюллер В. К. Пушкин и Шекспир. Драма и театр эпохи Шекспира.

Словари имели огромный спрос, и практически сразу же началась их доработка и переиздание. Не обошлось и без конфликтов идеологического характера. Основной удар брал на себя Мюллер — теоретический руководитель изданий. Естественно, что во всех изданиях указывались оба автора. До определенного времени.

В 1934 г. Боянус получил официальное разрешение на выезд в Англию. Как нетрудно догадаться, его имя постепенно исчезает с обложек словарей.

Начинается последний этап жизни Боянуса — зарубежный и... русский. Но прежде, чем рассказать о нем, хочу отметить один любопытный факт.

В 1937 г., когда Боянус уже 3 года живет в Англии, в Москве выходит в свет новое издание русско-английского словаря: «Русско-английский словарь». «Составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус, 60 тысяч слов, Москва, 1937 год». Здесь, видимо, в последний раз на титульном листе фигурирует имя Боянуса. Первой теперь стоит фамилия Мюллера, который после отъезда соавтора уже в одиночку увеличил объем словаря примерно на 10 тысяч вокабул по сравнению с изданием 1931 года. По данным Д. И. Ермоловича «больше этот словарь не издавался и в дальнейшем был изъят из продажи и из библиотек» [Ермолович 2011]. Возможно, с выходом этого словаря связан интерес к Боянусу со стороны властей — через 3 года после получения разрешения на выезд и отъезда. В личном архиве В. М. Жирмунского имеется отзыв о С. К. Боянусе, написанный Жирмунским по запросу Комиссии содействия ученым при Совете народных комиссаров Союза ССР¹⁷. Запрос напечатан на стандартном бланке с пометой «не подлежит оглашению»:

Москва 23.6. 1937

Глубокоуважаемый Виктор Максимович! Комиссия содействия ученым при СНК СССР просит Вас не отказать сообщить нам Ваше мнение о научной квалификации и ценности научных трудов профессора БОЯНУС С.К. (Ленинград).

¹⁷ СПФ АРАН Фонд 1001 опись 1 ед. хр. 467.

Комиссию интересует, можно ли профессора БОЯНУС С. К. считать крупным ученым.

Убедительно просим Вас не отказать в исполнении изложенной просьбы.

Э. Гурский, нач. сектора содействия научно-исслед. работе

Текст ответа Жирмунского, хранящийся в архиве, написан от руки на листочке из тетради:

В Комиссию содействия ученым

Тов. Э. Гурскому

В ответ на Ваш запрос от 23 II 37 сообщаю, что проф. С. К. Боянус является выдающимся лингвистом-практиком, крупнейшим специалистом по английской фонетике. Проф. Боянус сдал магистерский экзамен по английской филологии при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и в течение ряда лет (с 1918) читал лекции по английской лингвистике в Ленинградском университете (ныне ЛИФЛИ) и в педвузе им. Герцена. Здесь и в организованном им в Ленинграде и в Москве Фонетическом институте новых языков проф. Боянус воспитал целую школу преподавателей английского языка — фонетистов, которые по его методу перестроили все преподавание английского разговорного языка в советских школах разного типа. Кроме того проф. Боянус является автором наиболее употребительного и весьма солидного русско-английского и англо-русского словаря и имеет несколько работ по истории английского театра шекспировской эпохи. В настоящее время проф. Боянус по моим сведениям проживает в Лондоне и издал там первый на английском языке университетского типа учебник по русской фонетике, заслуживший одобрительные отзывы в ряде иностранных научных изданий. В. М. Жирмунский

Именно этот отзыв Жирмунского, содержащий некоторые биографические данные, послужил для меня толчком к тому, чтобы заняться жизнью и творчеством Боянуса, как и, позднее, письмо Трубецкого.

Итак, в 1934 г. Боянус покинул СССР. Понятно, что преподавать в Англии английский он не мог, и он переключается на преподавание русского языка и его фонетики. Он живет в Лондоне, где получает должность лектора по русскому языку и фонетике в Школе славянских и восточно-европейских исследований при Лондонском университете. Уже в 1935 г. он издает учебник рус-

ской фонетики «The Manual of Russian Pronunciation». Книга эта есть в Щербовской библиотеке кафедры фонетики СПбГУ со следующей дарственной надписью: «Дорогому Льву Владимировичу Щербе на добрую память от ученика».

Там же есть и упомянутый в начале моего сообщения текст доклада об основных типах русской интонации. Оттиск тоже подарен Щербе, надпись на оттиске содержит подтверждение того, что доклад был Боянусом прочитан: «15-ти минутный доклад на 2-м фон. конгрессе в Лондоне. Доска заранее была приготовлена. Председательствовал Grammont. Типы (интонации — *H. C.*) проверены экспериментально».

Книга Боянуса «The Manual of Russian Pronunciation» есть и в нашей Публичной библиотеке (РНБ), что свидетельствует о недостаточном внимании органов к неугодным авторам, либо же о либеральной политике библиотеки. Но специалистам по русской фонетике она практически не известна. Интересные биографические сведения содержатся в Предисловии к этому учебнику (To the Reader). Из него мы узнаем об актерском и режиссерском отрезке его жизни и его давнем интересе к интонации, об изучении фонетики, сначала в Ленинграде под руководством Щербы, а потом в Лондоне у Джоунза, и о том, как книга Лилиас Армстронг и Иды Уорд помогла ему лучше понять основы интонации родного языка. Пишет Боянус и о том, что в описании русской фонетики он опирается на собственное произношение. Выражает особую благодарность Лилиас Армстронг за помощь в работе над книгой. Отмечает, что глава о правилах чтения написана его коллегой проф. Б. А. Лариным¹⁸. Благодарит Льва Рафаиловича Зиндера из Фонетической лаборатории ЛИФЛИ за предоставление ему перед отъездом из Ленинграда кимографических записей вопросительной интонации.

Глава, посвященная фразовой интонации («Types of Russian Intonation», с. 49–80) — самая большая и новаторская, ценность

¹⁸ В Предисловии к своему учебнику по английской фонетике (1926) Боянус называет Ларина своим другом. С этой дружбой связан один важный для русистики факт: именно Боянус и Лилиас Армстронг прислали в конце октября 1935 года Ларину фотографии словаря Ричарда Джемса, необходимую для издания этого памятника. См. [Бурлинова 2008].

которой возрастает, если добавить к ней полностью «интонированное» собрание текстов (с. 94–124). В изданной в 1982 г. книге по русской интонации автором данной статьи была отмечена оригинальность концепции Боянуса [Светозарова 1982: 89–90]. Но особых последствий в нашей стране это не имело. А за рубежом учебник Боянуса пользовался известностью, наряду с книгой Р. И. Аванесова, переиздавался (в 1944 и в 1946 гг., см. список трудов Боянуса в Приложении) и сохранил эту известность до нового времени.

В декабре 1937 г. умирает жена Боянуса. В 1942 году он выходит на пенсию, и открывает (в возрасте более 70 лет) свою собственную школу — *Школу русского языка Боянуса*. В 1945 г. он создает совместно с Джопсоном, автором упомянутого выше восторженного отзыва на словарь, практический курс по разговорному русскому языку: S. C. Boyanus, N. B. Jopson. Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary. — Sidgwick and Jackson, 1945. — 366 pp. К курсу прилагались граммофонные пластинки. Параллельно с работой в собственной Школе Семен Карлович преподавал в Оксфорде, где и умер от сердечного приступа 19 июля 1952, во время лекции.

Вот кратко то, что мне удалось собрать о жизни и творчестве С. К. Боянуса. Это, конечно, далеко не все. Не изучены еще некоторые архивные материалы. Не все печатные работы Боянуса мне удалось прочитать. Многое можно еще узнать о семье. Театроведы, наверное, знают больше о его театральной деятельности, лексикографы со временем оценят личный вклад Боянуса в создание знаменитых словарей. Моя задача состояла в том, чтобы свести воедино разные стороны деятельности этого удивительного человека — актера и режиссера, историка театра и преподавателя английского языка, фонетиста-англиста и фонетиста-русиста, лексикографа, организатора фонетических курсов и интитут, ученика Давыдова, Щербы и Джоунза.

Литература

Боянус 1923 — С. Боянус Средневековый театр // Очерки по истории европейского театра. Античность, Средние века и Возрождение. Под ред. А. А. Гвоздева, А. А. Смирнова. П.: Academia, 1923. [S. Boianus.

- Srednevekoviĭ teatr [Middle-Aged Theater] // Ocherki po istorii evropeiskogo teatra. Antichnost', Srednie veka i Vozrozhdenie. Ed. by A. A. Gvozdeva, A. A. Smirnova. Petrograd: Academia, 1923].
- Боянус 1926 — С. К. Боянус. Основы английского произношения. Английская фонетика для русских. Вып. 1–2. Л.: «Современник», 1926. [S. K. Boianus. Osnovy angliiskogo proiznosheniia. Angliiskaia fonetika dlia russkikh [Basics of English Pronunciation. English Phonetics for Russians]. Vypusk 1–2. Leningrad: «Sovremennik», 1926].
- Боянус 1930 — С. К. Боянус. Русское произношение // Русский язык в советской школе 3, 1930. С. 23–30. [S. K. Boianus. Russkoe proiznoshenie [Russian pronunciation] // Russkii iazyk v sovetskoĭ shkole 3, 1930. P. 23–30].
- Боянус 1932 — С. К. Боянус. Постановка английского произношения. Английская фонетика для русских. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1932. [S. K. Boianus. Postanovka angliiskogo proiznosheniia. Angliiskaia fonetika dlia russkikh [Basics of English Pronunciation. English Phonetics for Russians]. Moscow: Izdatel'skoe tovarishchestvo inostrannykh rabochikh v SSSR, 1932].
- Боянус, Мюллер 1928 — С. К. Боянус, В. К. Мюллер. Англо-русский словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1928. [S. K. Boianus, V. K. Miuller. Anglo-russkii slovar' [English-Russian Dictionary]. Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1928].
- Боянус, Мюллер 1930 — С. К. Боянус, В. К. Мюллер. Русско-английский словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1930 [S. K. Boianus, V. K. Miuller. Russko-angliiskii slovar' [Russian-English Dictionary]. Moscow: «Sovetskaia entsiklopediia», 1930].
- Бурлинова 2008 — А. Ю. Бурлинова. Записная книжка Ричарда Джемса 1618–1619 годов // Вестник Московского гос. пед. университета 1, 2008. [A. Iu. Burlinova. Zapisnaia knizhka Richarda Dzhemsa 1618–1619 godov [Dictionary-diary of Richard James 1618–1619] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta 1, 2008]. (<https://old.mgpu.ru/materials/9/9474.pdf>).
- Девель 2009 — Л. А. Девель. Секрет англо-русского словаря Мюллера: монография. СПб.: КультИнформПресс, 2009. [L. A. Devel'. Sekret anglo-russkogo slovaria Miullera: monografiia [The Mystery of English-Russian Dictionary by Mueller]. St. Petersburg: Kul'tInformPress, 2009].
- Ермолович 2011 — Д. И. Ермолович. Открывая Мюллера: О жизни и трудах знаменитого, но забытого лексикографа. М.: Р. Валент, 2011. [D. I. Ermolovich. Otkryvaia Miullera: O zhizni i trudakh znamenitogo, no zabytogo leksikografa [Reopening Mueller. Life and Work of the famous but forgotten Lexicographer]. Moscow: R. Valent, 2011.] (Электронная версия очерка: <http://yermolovich.ru/index/0-111>).

- Дьяконов 1995 — И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский Дом, 1995. [I. M. D'iakov. Kniga vospominanii [Book of Memories]. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 1995].
- Лихачев 2007 — Д. С. Лихачев. Воспоминания. М.: Вагриус, 2007. [D. S. Likhachev. Vospominaniia [Memories]. Moscow: Vagrius, 2011]. (<https://www.livelib.ru/book/1000772681-dmitrij-lihachev-vospominaniya-dmitrij-lihachev>).
- Никонова 1938 — О. Н. Никонова. Основы немецкого произношения. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1938 [O. N. Nikonova. Osnovy nemetskogo proiznosheniia [Basics of German pronunciation]. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 1938].
- Письма и заметки 2004 — Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Pis'ma i zametki N. S. Trubetskogo [N. S. Trubetskoy's letters and notes]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004].
- Светозарова 1982 — Н. Д. Светозарова. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. [N. D. Svetozarova. Intonatsionnaia sistema russkogo iazyka [Intonational System of Russian]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1982].
- Семпер 1997 — Н. Семпер (Соколова). Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о XX веке // Дружба народов 2, 1997. [N. Semper (Sokolova). Portrety i peizazhi. Chastnye vospominaniia o XX veke [Portraits and Landscapes. Personal memories of the XX century] // Druzhba narodov 2, 1997]. (<http://magazines.russ.ru/druzhba/1997/2/sem.html>).
- Сокольская 2006 — Т. В. Сокольская (Строева). Воспоминания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. [T. V. Sokol'skaia (Stroeva). Vospominaniia [Memories]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2006].
- Стеблин-Каменский 2009 — И. М. Стеблин-Каменский. Об отце / М. И. Стеблин-Каменский. Из записных книжек (1958–1981). Дневники. Письма. Стихи. Проза. СПб.: Европейский Дом, 2009. [I. M. Steblin-Kamenskii. Ob ottse [About my father] / M. I. Steblin-Kamenskii. Iz zapisnykh knizhek (1958–1981). Dnevnik. Pis'ma. Stikhi. Proza. St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 2009].
- Филологический факультет 2008 — Филологический факультет, 4-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. [Filologicheskii fakul'tet [The Philological Faculty]. 4 ed. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008].

- Щерба 1912 — Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлихъ, 1912. [L. V. Shcherba. Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii [Russian vowels in qualitative and quantitative respects]. St. Petersburg: Tipografiia Iu. N. Erlikh, 1912].
- Щерба 1937 — Л. В. Щерба. Фонетика французского языка: Очерк французского произношения в сравнении с русским. Л. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1937. [L. V. Shcherba. Fonetika frantsuzskogo iazyka: Ocherk frantsuzskogo proiznosheniia v sravnenii s russkim [Phonetics of the French language. An outline of French pronunciation in comparison to that of Russian]. Leningrad — Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniia RSFSR, 1937].
- Boyanus 1935 — Boyanus S. C. A Manual of Russian Pronunciation. London, 1935.
- Boyanus, Jopson 1945 — Boyanus S. C., N. B. Jopson. Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary. — Sidgwick and Jackson, 1945. — 366 pp.
- Collins, Mees 2012 — Collins Beverly, Mees Inger M. The real professor Higgins. The Life and Career of Daniel Jones. De Gruyter Mouton, 2012. XXV + 59 p.
- Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences. London 22-26 Juni 1935. Cambridge 1936.
- Trofimov, Jones 1923 — Trofimov M. and D. Jones. The Pronunciation of Russian. London, 1923.
- Trubetzkoy's letters 1975 — N. S. Trubetzkoy's letters and notes. Prepared for publications by Roman Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. Mouton. The Hague — Paris, 1975.

Приложение. Список печатных работ С. К. Боянуса¹⁹

- Броневский (Боянус) С. О форме в сценическом искусстве. Приложение к журналу Искусство и печатное дело. Киев, 1910 [4], — 120 с. репринт 2011 и 2012 гг.
- Броневский С. Понимание театра / Искусство и печатное дело. Киев, 1910, N 1.
- Боянус С. К. Внешний обиход придворного театра времен королевы Елизаветы // Ежегодник Петроградских государственных театров. Сезон 1918/1919 г. / под ред. А. С. Полякова. Пг.: 9-я гос. тип., 1920. С. 54–68.
- Боянус С. К. Задачи театра и техника театрального дела в эпоху Шекспира // «Бирюч Петроградских Государственных театров», Сборник II (1921). С. 122–133.²⁰
- Боянус С. Иниго Джонс. В сб. (журн.) «Зеленая птичка». Под ред. Я. Н. Блоха, А. А. Гвоздева, М. А. Кузмина. Вып. 1. Пг.: Петрополис, 1922. С. 113 (112)–139.
- Боянус С. Средневековый театр // Очерки по истории европейского театра. Античность, Средние века и Возрождение. Под ред. А. А. Гвоздева и А. А. Смирнова. Пг.: Academia, 1923. С. 55–104.
- Боянус С. К. Основы английского произношения. Английская фонетика для русских. Вып. 1-2. Л.: «Современник», 1926. Вып. 1 — 87 с. с илл. Вып. 2. Фонетические чтения. — 172 с.
- Боянус С. К., Мюллер В. К. Англо-русский словарь: 40000 слов с указанием произношения в интернациональной фонетической транскрипции / составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус. — М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1928. (Иностранные словари, под общей редакцией О. Ю. Шмидта) (объем около 65 печатных листов)
- Боянус С. К. Русское произношение // Русский язык в советской школе, №3. 1930. С. 23–30.

¹⁹ Данный список является первой попыткой собрать опубликованные труды С. К. Боянуса. Он не претендует на полноту, унифицированность ссылок и библиографическую корректность. В него вошли как издания, лично просмотренные автором статьи, так и работы, упоминаемые в различных источниках.

²⁰ Доклад, читанный 26 апреля 1916 г. в собрании Литературного Фонда по случаю 300 годовщины смерти Шекспира.

- Боянус С. К., Мюллер В. К. Русско-английский словарь. Составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус, 50 тысяч слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике. С приложением кратких грамм. указаний. М.: «Советская энциклопедия», 1930 (объем 72 п. л.)
- Боянус С. К. Основы английской речи и письма (Пособие для изучения английского языка по радио). Л., 1930. — 43 с. (Ленингр. обл. база заочн. обуч.)
- Мюллер В. К., Боянус С. К. Русско-английский словарь. Составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус, 50 тысяч слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике. С приложением кратких грамм. указаний. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: «Советская энциклопедия», 1932.
- Боянус С. К. Постановка английского произношения. Английская фонетика для русских. Изд. 2-е. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР. 1932. — 263 с.
- Мюллер В. К., Боянус С. К. Русско-английский словарь. Составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус, 50 тысяч слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике. С приложением кратких грамм. указаний. Изд. 3-е, испр. и дополн. М.: «Советская энциклопедия», 1935. — 1644 с.
- Boyanus S. C. A Manual of Russian Pronunciation. London: Sidgwick and Jackson, Ltd., 1935. VIII, 124 pp.
- Boyanus S. C. The main types of Russian intonation // Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences / London 22–26 Juni 1935. Cambridge, 1936. P. 110–113.
- Мюллер В. К. Русско-английский словарь. Составили проф. В. К. Мюллер и проф. С. К. Боянус, 60 тысяч слов, употребляемых в разговорной речи, науке, политике, литературе и технике. С приложением кратких грамм. указаний. Изд. 3-е, испр. и дополн. М.: «Советская энциклопедия», 1937.
- Boyanus S. C., N. B. Jopson. Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary. The course is illustrated by 35 texts recorded by S. C. Boyanus on 12 double sided gramophone records published by “His master’s voice” gramophone company, Ltd. — Sidgwick and Jackson, 1939. — 366 pp.
- Boyanus S. Palatalization of consonants in juxtaposition in Russian // Transactions of the Philological Society 42/1. November 1943. P. 54–61.
- Boyanus S. C. A Manual of Russian Pronunciation, 2nd edition. London 1944. VIII+140 pp.

- S. C. Boyanus, N. B. Jopson. Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary. Sidgwick and Jackson, 1945. — 366 pp. (first publ. 1939).
- Simon Charles Boyanus, A Manual of Russian Pronunciation, 3rd ed. London: Sidgwick and Jackson, Ltd., 1946.
- Boyanus S. C. Conversational Narratives Illustrating Spoken Russian. Published by Boyanus School of Russian. London, 1943.
- Boyanus S. K. Conversational narratives illustrating spoken Russian. London, Boyanus School of Russian, 1946–1947.
- Boyanus S. C. The Russian i-i phoneme // Le Maître phonétique: Organe de l'Association phonétique internationale. Année 25. [Paris], Janvier/Juin 1947.
- Boyanus S. C. Russian Pronunciation and Russian Phonetic Reader. Harvard University Press, Cambridge, Mass. 1955.
- Bojanus, Semen K. Russian pronunciation: the Russian system of speech habits in sounds, stress, rhythm, and intonation together with a Russian phonetic reader; in two volumes. London. Humphries. (1955). XI, 322 pp.
- Boyanus, S. C. Russian pronunciation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алашшоев Шервонии Мукбишоевич — аспирант Хорогского государственного университета им. М. Назаршоева, Хорог. Электронная почта: sh.alamshoev@mail.ru.

Бондарь Владимир Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: alstar@inbox.ru.

Вирда Реми — независимый исследователь, Женева. Электронная почта: remy.viredaz@bluewin.ch.

Дзиццойты Юрий Альбертович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой осетинской филологии и общего языкознания Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова, Цхинвал; докторант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: dzicc@mail.ru.

Донабедян Анаид — Prof. Dr., профессор Национального университета восточных языков и культур (INALCO), лаборатории «Structure et dynamique des langues» (SeDyL), Париж. Электронная почта: adonabedian@inalco.fr.

Казарян Вартан Казарович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: vkazaryanphilol@gmail.com.

Ким Рональд И. — PhD, профессор кафедры древних германских языков факультета английской филологии Университета им. Адама Мицкевича, Познань. Электронная почта: ronald.kim@yahoo.com.

Козак Вячеслав Викторович — сотрудник Института лингвистических исследований РАН; сотрудник Библиотеки Академии Наук, Санкт-Петербург. Электронная почта: viacheslav.kozak@gmail.com.

Кортландт Фредерик — Prof. Dr., профессор дескриптивного и сравнительного языкознания кафедры сравнительного языкознания Лейденского университета, Лейден. Электронная почта: f.kortlandt@hum.leidenuniv.nl; веб-сайт: www.kortlandt.nl.

Котова Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины, Санкт-Петербург. Электронная почта: anastakot@gmail.com.

Кочаров Петр Александрович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН; доцент кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ, Санкт-Петербург. Электронная почта: peter.kocharov@gmail.com.

Круглов Василий Михайлович — доктор филологических наук, руководитель Центра истории и теории академической лексикографии Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: vmkruglov@yandex.ru.

Мартirosян Грач — PhD, сотрудник Лейденского университета, Лейден. Электронная почта: hrch.martirosyan@gmail.com.

Певнов Александр Михайлович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: pevnov@gmail.com.

Светозарова Наталия Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: ndsvetozar@gmail.com.

CONTRIBUTORS

Alamshoev Shervonsho M. — PhD student of Khorugh State University, Khorugh. E-mail: sh.alamshoev@mail.ru.

Bondar' Vladimir A. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor of the Languages for Academic and Business Communication Department at the Faculty of Foreign Languages of St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: alstar@inbox.ru.

Donabédian-Demopoulos Anaïd — Prof. Dr., Professor of Institut national des langues et civilisations orientales (INALCO), and Structure et dynamique des langues (SeDyL) laboratory, Paris. E-mail: adonabedian@inalco.fr.

Dzitstsoity Yury A. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor, Head of the Department of Ossetian Philology and General Linguistics at South Ossetian State University named after A. A. Tibilov, Tskhinvali; doctoral candidate of Moscow State University, Moscow. E-mail: dzicc@mail.ru.

Kazaryan Vartan K. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor of the Department of General and Comparative Historical Linguistics at the Faculty of Philology of Moscow State University, Moscow. E-mail: vkazaryanphilol@gmail.com.

Kim Ronald I. — PhD, Professor of the Department of Older Germanic Languages at the Faculty of English of Adam Mickiewicz University, Poznań. E-mail: ronald.kim@yahoo.com.

Kocharov Petr A. — Cand. Sc. in philology, Senior Researcher of Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of General Linguistics at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: peter.kocharov@gmail.com.

Kortlandt Frederik — Prof. Dr., Professor of the Descriptive and Comparative Linguistics Department of Leiden University, Leiden. E-mail: f.kortlandt@hum.leidenuniv.nl; web-site: www.kortlandt.nl.

Kotova Anastasiya V. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of St. Petersburg

State Academy of Veterinary Medicine, St. Petersburg. E-mail: anastakot@gmail.com.

Kozak Viacheslav V. — PhD student of Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; employee of Library of the Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: viacheslav.kozak@gmail.com.

Kruglov Vasilii M. — Dr. Sc. in philology, Head of Scientific Center for History and Theory of Academic Lexicography at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: vmkruglov@yandex.ru.

Martirosyan Hrach — PhD, Leiden University. E-mail: hrch.martirosyan@gmail.com.

Pevnov Aleksandr M. — Dr. Sc. in philology, Chief Researcher of Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: pevnov@gmail.com.

Svetozarova Natalia D. — Dr. Sc. in philology, Professor, Visiting Professor of the Department of Phonetics and Methods of Teaching Foreign Languages of St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: ndsvetozar@gmail.com.

Viredaz Rémy — Independent researcher. E-mail: remy.viredaz@bluewin.ch.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции

А. Донабедян. Семантика аориста в современном армянском языке: инвариантные значения и их контекстные реализации

В современном армянском языке аорист, характеризующийся особой устойчивостью к изменениям, начиная с древнеармянского периода, занимает особое место в системе показателей времени, модальности и аспекта. В отличие от всех остальных временных форм, образующихся с помощью частицы или вспомогательного глагола, аорист имеет синтетическую форму. Цель данной статьи — описать разнообразие контекстуальных значений армянского аориста, не укладывающееся в обобщения, выдвигавшиеся ранее в грамматиках и типологических исследованиях. Опираясь на критерии речевой ситуации (вслед за А. Кюльоли), а не на референциальные критерии (дуративность, темпоральные значения, смена событий, и т. д.), мы установили три параметра, которые позволяют объяснить особенности употребления аориста в современном армянском языке по сравнению с другими временами, а также по сравнению со значениями аориста в других индоевропейских языках.

Ключевые слова: современный армянский, событие, дискурс, нарратив, претерит, аорист, время, аспект, модальность

В. К. Казарян. Индоевропейские истоки образования основ армянского аориста

В данной статье будет рассмотрен аорист, его отличия от презенса и факт сохранения индоевропейской бинарной оппозиции презенса-аориста в древнеармянском языке. Система глагола древнеармянского языка обнаруживает бинарную оппозицию глагольных видовременных основ. Глагольная система древнеармянского языка унаследовала от индоевропейского праязыка противопоставление основ презенса и аориста.

На втором и третьем периодах индоевропейского праязыка, завершается оформление видовременной оппозиции презенс-имперфект-аорист, где темпоральная оппозиция происходит в рамках флексии, а аспектуальная оппозиция — в рамках глагольных основ: а) корневые (сильные, немаркированные) формы аориста для передачи значения протекания действия (импрефективность) получают грамматические маркеры (аффиксация, редупликация и т.д.) и образуют глагольные маркированные основы; б) корневые (немаркированные) основы с дуративным значением в системе презенса, образуют маркированные (редуплицированные, сигматические) основы аориста.

В общиндоевропейском праязыке развилась формальная и системная оппозиция глагольных основ презенса и аориста, которые противопоставлялись для каждого глагола по отдельности. Этим обусловлено появление в индоевропейском двух типов глагольных основ — маркированного и немаркированного. На их противопоставлении строится видовременная система глагола: маркированному презенсу соответствует немаркированный аорист и, наоборот, — немаркированному аористу соответствует маркированный презенс.

Подобное противопоставление особенно отчетливо проявляется на третьем этапе развития индоевропейского языка, после морфологического оформления в нем категории времени и развития форм имперфекта. Такая оппозиция маркированных и немаркированных форм исключает совпадение корневых основ имперфекта с корневыми основами аориста или редуплицированной основой имперфекта с редуплицированной основой аориста в рамках одного глагола, так как в этом случае становится невозможным формально отличать имперфект от аориста. Это состояние хорошо выражено в древнеиндийском, в какой-то мере в древнегреческом и старославянском. Древнеармянский сохранил и развил подобное бинарное противопоставление, что привело к образованию регулярных глагольных классов, характеризующихся определенными сочетаниями основ презенса и аориста.

Ключевые слова: армянский глагол, видовременная система, индоевропейский аорист, пространство-временная модель, оппозиция глагольных основ, маркированные и немаркированные основы.

Р. Ким. Предыстория древнеармянского слабого аориста

Основы аориста в древнеармянском традиционно разделяются на сильные (корневые) и слабые, характеризующиеся конечным *-с'*-. Подавляющее большинство глаголов с формами настоящего времени на *-em* и *-im* образуют слабый аорист с помощью суффикса *-eac'* ~ *-ec'* (е.g. аор. 1 ед. ч. *sirec'i*, 3 ед. ч. *sireac'* 'полюбил' при наст. вр. *sirem*), и лишь несколько — с помощью суффикса *-ac'* (е.g. аор. *asac'i* 'сказал' при наст. вр. *asem*). Слабый аорист от глаголов с формами настоящего времени на *-am* всегда образуется с помощью суффикса *-ac'* (е.g. аор. *yusac'ay* 'надеялся' и *luac'i* 'помыл' при наст. вр. *yusam* и *luanam* соответственно). У немногочисленной группы глаголов слабый аорист образуется с помощью суффикса *-с'*-, присоединяющегося к корню без соединительного гласного (е.g. аор. 1 ед. ч. *lc'i* 'наполнил', 3 ед. ч. *elic'*). Происхождение этих суффиксов обсуждается уже больше столетия, но до сих пор не было предложено убедительного объяснения их формы и распределения.

В статье обосновывается гипотеза о том, что слабый аорист восходит к суффиксу **-ā-*, развившемуся из (пост-)праиндоевропейского опатива на **-e-h₂-* и родственному балтославянскому претериту на **-ā-* и италийскому имперфекту на **-ā-*. С помощью этого суффикса от праиндоевропейских продуктивных отыменных и фактитивных глаголов на **-eye/o-* образовывался аорист на **-eyā-*. В отличие от общепринятой точки зрения, неодинаковые гласные не подвергались контракции, оказываясь в контактной позиции после выпадения интервокального **у*. Таким образом, суффикс **-eyā-* перешел в дифтонг **ea* и распространился в таком виде на основы аориста почти всех глаголов с формами настоящего времени на *-em* за исключением небольшой группы глаголов с архаичной основой на *-ac'*-. Формант **-cʰ-* в составе суффикса слабого аориста восходит к праиндоевропейскому суффиксу **-skel/o-*, который распространился с итеративно-интенсивных глаголов на все формы имперфекта и аориста до возникновения нового имперфекта на *-i/y-*. Указанные гипотезы образуют единую модель эволюции древнеармянского глагола, которая также позволяет объяснить реликтовый тип *berem* 'нести', аор. *beri*, и дистрибуцию сильных и слабых основ аориста при назальных основах настоящего

го времени, е.г. аор. *erduay* ‘испугался’ (наст. вр. *erdnum*) vs. аор. *lc'i* ‘наполнил’ (наст. вр. *lnum*).

Ключевые слова: древнеармянский, глагол, настоящее время, аорист, имперфект, праиндоевропейский

Ф. Кортландт. Развитие сигматического аориста в армянском языке

Если сигматические основы аориста были продуктивными в протоармянском и обновляли конревые основы аориста, почему сохранилось так много корневых основ? Для ответа на этот вопрос важно иметь в виду, что было два периода продуктивности сигматического аориста, до и после утраты интервокального **h* из **s*.

Ключевые слова: сигматический аорист, корневой аорист, утрата интервокального **h* из **s*

П. А. Кочаров. К вопросу о происхождении древнеармянских медиопассивных окончаний

В статье рассматривается вопрос о происхождении медиопассивных окончаний древнеармянского языка. Основная сложность диахронического анализа этих окончаний заключается в объяснении форманта *-a-*, отличающего их от активных окончаний. Среди предлагавшихся решений наиболее распространенным является предположение о развии *-a-* из унаследованного ПИЕ окончания 3 л. мн. ч. атематического спряжения **-nto* > **-anto*. Это решение имеет ряд формальных недостатков. В статье приводятся аргументы в пользу альтернативного объяснения, основанного на возведении *-a-* к суффиксу **-eh₂-* в составе переходных глаголов.

Ключевые слова: древнеармянский язык, медиопассивный залог, переходные глаголы, аорист

Г. Мартиросян. Развитие древнеармянского аориста в современных диалектах

Данная статья представляет обзор развития древнеармянского аориста в диалектах с особым вниманием к материалу хам-

шенского, арамо и других периферийных диалектов. Также в статье затронут вопрос об аористном аугменте *e-* и гласном *-a-* в окончаниях I мн. ч. аориста и имперфекта. Рассмотренные парадигмы демонстрируют различия в аналогических изменениях, произошедших в диалектах. Некоторые периферийные диалекты сохранили архаичные черты. Обнаруживается несколько путей развития от древнеармянского к современным диалектам, которые не всегда прослеживаются в среднеармянском. Эпиграфические надписи из северо-восточной части исторической Армении, относящиеся к XI веку и позднее, расходятся со среднеармянским, но находят соответствия в диалекте арамо (Сирия), самом удаленном и изолированном диалекте юго-западного региона.

Ключевые слова: армянская глагольная морфология, среднеармянский, армянская эпиграфика, армянские диалекты, диалектные архаизмы, диалектные инновации

Р. Вурда. Окончания аориста и имперфекта древнеармянского языка

Древнеармянские формы аориста восходят к ПИЕ аористу (*elik*'), имперфекту (*eharc*') и «дуративному» имперфекту (*ekeac*').

Как и в славянских языках, окончания древнеармянского имперфекта восходят к **ē-*, имперфекту глагола 'быть', употребляемого либо самостоятельно (*bēxъ*, *ei*), либо в составе перифрастической конструкции (*nesēaxъ*, *berei*), первый элемент которой был определен в [Jasanoff 1978, 2003].

Эти окончания демонстрируют ряд инноваций:

а) 1 sg. **-m* → **-om*, как в славянских языках: **ēsŋ* 'я был' → **ēsom* (cf. [Bonfante 1942]; этим объясняется утрата конечного назального в древнеармянском). — Причина: возможно, под влиянием личного местоимения **eg₁om*.

б) атематическое окончание 1 sg. **-m* (после гласных) и **-om* (после согласных) → **-som*, снова как в славянских языках: **(e)dōm* 'я дал' → **(e)dōsom*, откуда *daxъ*, *etu*. — Причина: предположительно, обратная замена 3 sg. **-s-t* > **-s* → **-t* в сигматическом аористе и имперфекте **ēst*.

в) В древнеармянском не развилась аналогическая форма **dō-s-* во множественном числе, которая наблюдается в ста-

рославянском *daxomъ*, ср. *edak* ‘мы положили’ ← **(e)d^hames*. Это означает, что форма *etun* ‘они дали’ не идентична старославянскому *daše* ← **dōsnt*, а скорее является поздней аналогической формой, заменившей **etn* < **(e)dont*.

д) После утраты конечного согласного в 2 sg. **(e)b^heres*, **(e)dōs* и 3 sg. **(e)b^heret*, **(e)dōt* для усиления морфологического контраста к этим формам было добавлено личное местоимение: 3 sg. **(e)bere*, **(e)tō* > *eber*, *et*, но 2 sg. **(e)bere-du*, **(e)tō-du* > *berer*, *etur*.

е) После того как аористная форма 1 sg. **ebéro* > **ebér* слилась с 3 sg. **ebére* > *ebér*, первая была заменена на форму имперфекта этого глагола *berí*. В значении имперфекта **berí* было заменено аналогическим новообразованием *bereí*.

ф) Конечный у в *keray* ‘я съел’, возможно, развился, когда форма **(e)g^wera-som* ‘я проглотил’ > **ekéro* ‘я съел’ была преобразована в **kerá-yo* по аналогии с **eí(y)o* ‘я был’, **edí(y)o* ‘я положил’.

г) В имперфекте *eí*, *ēr* ‘я был, он был’, основа *e-* была добавлена к унаследованным формам **íō*, **í* < **ēsom*, **ēt* ← **ēsŋ*, **ēst*; 3 sg. *-r* может отражать старую форму демонстратива.

Медиопассивные окончания рассмотрены менее детально. Поддержан взгляд Г. Клингenschмитта на происхождение тематических гласных *i* в презенсе и *a* в аористе.

Ключевые слова: древнеармянский язык, историческая морфология, глагольная морфология, историческая фонология, избегание омонимии, индоевропейские диалекты, старославянский язык

II. Varia

Ш. М. Аламушев. Иноязычная фразеология в шугнанском языке

В составе шугнанских фразеологизмов выделяются общеиранские фразеологизмы, исконно-шугнанские фразеологизмы, фразеологические полукальки, заимствованные фразеологизмы фразеологические кальки и полукальки. В сводном словаре фразеологизмов отражены элементы тюркского, арабского и русского происхождения, которые фонетически, грамматически и семантически адаптировались в языке, а исконно шугнанские

фразеологические единицы видоизменяются или вытесняются из употребления.

Ключевые слова: шугнанский язык, фразеологические единицы, кальки, полукальки, заимствования, общеиранские фразеологизмы.

В. А. Бондарь. Семантика перфекта и ее реализация в американском английском

В статье в диахронической перспективе рассматриваются особенности дистрибуции перфекта и претерита в американском варианте английского языка. Преобладание претеритов в контекстах с темпоральными наречиями, в которых в британском английском, как правило, используется перфект в его иммедиатном значении, трактуется как следствие языкового сдвига, происходящего под влиянием субстратной интерференции. Данные процессы возникают в результате ошибочного восприятия категории перфекта носителями других языков при изучении английского как второго языка. Распространению претерита в результативно-иммедиатных контекстах способствует использование темпоральных наречий типа *already*, *yet*, *just* и соответствующих акциональных характеристик глаголов. В процессе гипотеза семантика контекста приписывается претериту, который приобретает новую функцию выражения результата и тем самым вытесняет перфект из соответствующих контекстов. Перфект, сохраняющий прагматические характеристики (текущую релевантность), используется для выделения определенной важности контекста для говорящего.

Ключевые слова: перфект, претерит, семантика, прагматика, американский вариант английского языка, свободное варьирование

Ю. А. Дзиццойты. Архаизмы в топонимии Осетии: названия пастбищ

В статье рассматриваются топонимы, отражающие скотоводческую терминологию осетинского языка (названия пастбищ), частично или полностью утраченную в современном языке. Значения некоторых из них восстанавливаются путем опроса информантов (*cyrt* 'памятник', *kært* 'скотный двор'). Другая часть ре-

конструирована с помощью этимологического анализа (**car-* ‘пастбище’, **caevaen* ‘пастбище’). Большинство рассматриваемых терминов не представлено в словарях осетинского языка. Проведенный анализ позволяет не только восстановить утраченную лексему или ее значение, но и уточнить картину пастбищного хозяйства осетин.

Ключевые слова: Осетия, топонимия, этнография, пастбище, межевой знак, реконструкция, этимология

В. В. Козак. Лексические заимствования в глаголическом Уставе Врбника XVI в.

В настоящем исследовании на основании этимологического, семантического, грамматического и количественного анализа лексических заимствований в глаголическом Уставе Врбника (остров Крк, XVI в.) показано, что язык памятника вопреки социально-лингвистическому доминированию латинско-романского суперстрата и наличию многовекового романского субстрата демонстрирует устойчивость к проникновению лексических заимствований. Невысокий уровень лексической интерференции и крайне низкий уровень структурной интерференции характеризуют славяно-романское взаимодействие в сфере функционирования глаголической письменности как незначительное культурное влияние. Это обстоятельство подтверждает тезис об общей противопоставленности романской и славянской письменных культур Далмации и гипотезу о статусе глаголической письменности как культурного «антибалканизма».

Ключевые слова: глаголица, чакавский язык, хорватский язык, XVI век, лексические заимствования, славяно-романские языковые контакты, Устав Врбника, Крк, Кварнер, Далмация.

А. В. Котова. *Veneres Cupidinesque* (Catul. 3. 1)

Статья посвящена анализу выражения *Veneres Cupidinesque* в сагм. 3. 1 Катуллы. Автор статьи подробно разбирает и систематизирует существующие трактовки этого места. Для объяснения *pluralis* в данном случае рассматриваются следующие версии: философская аллюзия, «общее место» александрийской поэзии,

обобщающее множественное число, эллиптическое множественное число, аттракция числа, нарицательное значение, просодическое обоснование. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что использование множественного числа в сагм. 3. 1 обусловлено метрическими соображениями.

Ключевые слова: поэзия, римская литература, Катулл, сагмен 3, множественное число

В. М. Круглов. Об издании неизвестных страниц академического «Словаря русского языка» (1930–1936): общая характеристика архивного материала, правила публикации, пробный фрагмент

Последний период работы над толковым академическим «Словарем русского языка» (1891–1937), который обычно называют «Словарем Грота-Шахматова», относится к первой половине 1930-х годов. В это время начинается работы над исправленным и дополненным переизданием Словаря, которое, как и предыдущее, не было доведено до конца. В Большой Словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН хранятся неопубликованные корректурные экземпляры Словаря, которые интересны тем, что содержат обширные комментарии редакторов. Статья посвящена подробному описанию архивного материала и правилам его предстоящей публикации.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, толковый словарь, словарь Грота-Шахматова, текстология

А. М. Певнов. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине

Ороки (уильта) и орочи являются национальными меньшинствами на российском Дальнем Востоке. С лингвистической точки зрения и те, и другие относятся к числу тунгусоманчжуроязычных народов. Ороки живут исключительно на Сахалине (сёла Вал, Ноглики, а также город Поронайск), орочи живут небольшими группами в окрестностях города Советская Гавань. Орокский язык находится на грани исчезновения; на орочском, вероятно, уже не говорят. В статье рассматриваются примеры, свидетельствующие о языковых контактах ороков и орочей, ве-

роятно, несколько столетий назад. В основном речь идёт о немногочисленных лексических заимствованиях из ороцкого языка в орокский. Пока удалось найти только одно грамматическое заимствование, причём также из ороцкого в орокский. Особый интерес представляют 5 вариантов орокского названия реки Поронай: все они указывают на то, что ороки заимствовали данный гидроним у группы орочей, переселившейся на Сахалин с континента.

Ключевые слова: орокский (уильта) язык, ороцкий язык, исторические контакты, заимствования, гидроним

Н. Д. Светозарова — Этот таинственный Боянус

Жизнь Семёна Карловича Боянуса (1971–1952) была долгой и настолько плодотворной, что можно подумать, будто за этим именем скрываются несколько человек. Он окончил Петербургский университет, был актером и режиссером, изучал историю театра, работал в Институте истории искусств, учился фонетике у Л. В. Щербы и основал вместе с ним Фонетический институт. В 1920-х гг. он изучает фонетику в Лондоне у Д. Джоунза и Л. Армстронг. Преподаёт ряд предметов германского цикла в Ленинградском университете и издает первый учебник английской фонетики для русских. Вместе с В. К. Мюллером создает Англо-русский и Русско-английский словари. В 1934 г. Боянус эмигрирует в Англию, где основывает Школу русского языка и издает учебник русской фонетики, обобщивший достижения русской и британской фонетической науки.

Ключевые слова: С. К. Боянус, Л. В. Щерба, история фонетики, фонетический метод преподавания языков, фразовая интонация, лексикография

SUMMARIES AND KEYWORDS

I. The Armenian and Proto-Indo-European Preterite: Forms and Functions

A. Donabédian. The aorist in Modern Armenian: core value and contextual meanings

The Modern Armenian aorist, with a remarkably stable morphology since Classical Armenian, has a very special place in the TMA system of Modern Armenian: since all tenses need either a particle or an auxiliary to be actualized, the aorist is the only synthetic, self-actualized form. The aim of this paper is to account for the variety of contextual meanings that the Armenian aorist can display, refuting generalizations previously made by grammarians and typologists. Foregrounding enunciative criteria (following A. Culioli) rather than referential ones (durativity, temporal meaning, chaining of events, etc.), we identify three parameters able to explain the specificity of the aorist in Modern Armenian with regard to other tenses, and with regard to the aorist in other Indo-European languages.

Keywords: Modern Armenian, event, discourse, narration, preterit, aorist, aspect, TAM

V. K. Kazaryan. *Indo-European origins of Armenian aorist stems*

The paper addresses the characteristic traits of the aorist as opposed to the present in Proto-Indo-European and Old Armenian. At the second and third stages in the development of Proto-Indo-European, the tense was marked by verbal endings, while the aspect was marked by stems. The root aorist stem could be recharacterised by secondary imperfective markers (affixes, reduplication) and the root present could be recharacterised by secondary perfective markers (reduplication, the sigmatic suffix). The resulting morphological make-up of an opposition of the present and aorist stems was verb-specific; one of the two stems was marked while another one non-marked.

The Proto-Indo-European opposition of tense-aspect stems was strengthened by the development of the imperfect, because the formal match of the present and aorist stems would yield the non-distinction of

the aorist and imperfect tenses. This state of affairs is represented in Old Indic and, to some extent, in Ancient Greek and Old Church Slavic. Similarly, Old Armenian retained and developed the binary opposition of the present and aorist stems, which resulted in the rise of regular verbal classes with stable combinations of marked and non-marked stems.

Keywords: Armenian verb, tense-aspect system, Indo-European aorist, time-space model, opposition of verbal stems, marked and non-marked stems.

R. I. Kim. The prehistory of the Classical Armenian weak aorist

Classical Armenian aorists are traditionally divided into strong (root) and weak, the latter characterized by a stem-final *-c*-. The great majority of weak aorists to presents in *-em* and *-im* take the suffix *-eac* ~ *-ec*- (e.g. *sirec* 'i, 3 sg. *sireac* 'loved' to pres. *sirem*), but a small group are in *-ac*- (e.g. *asac* 'i 'said' to pres. *asem*). Weak aorists to presents in *-am* always take the suffix *-ac*- (e.g. *yusac* 'ay 'hoped', *luac* 'i 'washed' to pres. *yusam*, *luanam*), while a small set have a bare *-c*- following the root (e.g. *lc* 'i 'filled', 3sg. *elic* '). The origin of these suffixes has been debated for over a century, but no satisfactory explanation of their shape and distribution has yet been proposed.

It is argued that the weak aorist suffix goes back to **-ā-*, in origin a (post-)PIE optative in **-e-h₂-*, and is cognate with Balto-Slavic preterite **-ā-* and Italic imperfect **-ā-*. The productive denominative and factitive presents in PIE **-eye/o-* thus formed an aorist in **-eyā-*. Contrary to received opinion, unlike vowels which came into contact following the loss of intervocalic **y* did not contract, so the sequence **-eyā-* yielded the diphthong **ea* and spread to the aorists of almost all presents in *-em*, leaving only a small relic group in *-ac*-. The **-c^h-* of the weak aorist marker continues PIE **-ske/o-* and was generalized from iterative-intensive imperfects to all imperfect-aorists, before the creation of the new imperfect in *-i/y-*. These hypotheses are integrated into a unified model of the evolution of the Classical Armenian verb that also accounts for the relic type of *berem* 'carry', aor. *beri* and the distribution of strong and weak aorists to nasal presents, e.g. *erduay* 'feared' (pres. *erdnum*) vs. *lc* 'i 'filled' (pres. *lnum*).

Keywords: Classical Armenian, verb, present, aorist, imperfect, Proto-Indo-European

P. A. Kocharov. A note on the origin of the Old Armenian mediopassive endings

The paper addresses the question of the origin of the mediopassive endings in Old Armenian. The main difficulty in the diachronic analysis of these endings consists in the explanation of the element *-a-* that distinguishes the mediopassive endings from the active ones. According to a wide-spread opinion, *-a-* is explained by the reanalysis of PArm. 3 pl. mp. aor. **-anto* from athematic PIE **-nto*. This solution has several formal weaknesses. The paper proposes additional arguments in favour of an alternative solution that derives *-a-* from PIE **-eh₂-* in intransitive verbs.

Keywords: Old Armenian, mediopassive voice, intransitive verbs, aorist

F. Kortlandt. The development of the sigmatic aorist in Armenian

If sigmatic stems were productive in Proto-Armenian and they spread to the inherited root aorists, why so many root aorists remained intact? The essential point is that there were two periods of expansion of the sigmatic aorist, viz. before and after the loss of intervocalic **h < *s*.

Keywords: sigmatic aorist, root aorist, loss of intervocalic **h < *s*

H. Martirosyan. The development of the Classical Armenian aorist in modern dialects

This paper aims to present a sketch on the development of the Classical Armenian aorist in the dialects with particular attention on Hamšen, Aramo, and other peripheral dialects, as well as some related issues, such as the aorist augment *e-* and the vowel *-a-* of the first person plural endings in the aorist and imperfect paradigms. The treatment of paradigms demonstrates that various analogical developments have taken place in dialects. Some peripheral dialects preserve archaic features. One finds more than one line of developments from Classical Armenian to modern dialects (not always through Middle Armenian). Inscriptions from North-East of historical Armenia in the 11th century onwards deviate from Middle Armenian but correspond to a dialectal development in Aramo (Syria), the farthest and most isolated dialect in the South-West corner.

Keywords: Armenian verbal morphology, Middle Armenian, Armenian inscriptions, Armenian dialects, dialectal archaisms, dialectal innovations

R. Viredaz. Armenian aorist and imperfect endings

Armenian aorists go back to PIE aorists (*elik'*), imperfects (*eharc'*), or even durative imperfects (*ekeac'*).

Armenian imperfects, as in Slavic, all go back to **ēs-* 'was/were', either by itself (*běxъ, ei*), or in periphrastic constructions (*nesěaxъ, berei*), whose first element has perhaps been identified [Jasanoff 1978, 2003].

Endings show numerous innovations:

a) 1 sg. **-m* → **-om*, as in Slavic: **ēsṃ* 'I was' → **ēsom* (cf. [Bonfante 1942]; hence the loss of the final nasal in Armenian). — Motive: probably the personal pronoun **egjom*.

b) 1 sg. athematic **-m* (after vowels) and **-om* (after consonants) → **-som*, again as in Slavic: **(e)dōm* 'I gave' → **(e)dōsom*, hence *daxъ, etu*. — Motive: presumably an opposite substitution 3 sg. **-s-t* > **-s* → **-t* in sigmatic aorists and the imperfect **ēst*.

c) In the plural, Armenian did not share in the reshaping to **dō-s-* seen in Slavic *daxomъ*, witness *edak* 'we put' ← **(e)d^hames*. This means that *etun* 'they gave' is not identical to Slavic *dašę* ← **dōsṃt*, but rather a late reshaping of **etn* < **(e)dont*.

d) After the loss of final consonants in 2 sg. **(e)b^heres*, **(e)dōs* and 3 sg. **(e)b^heret*, **(e)dōt*, the personal pronoun was added to restore the distinction: 3 sg. **(e)bere*, **(e)tō* > *eber*, *et*, but 2 sg. **(e)bere-du*, **(e)tō-du* > *berer*, *etur*.

e) After 1 sg. aorist **ebéro* > **ebér* had merged with 3 sg. **ebére* > *ebér*, the former was replaced by *berí*, presumably the then imperfect form. In its imperfect function, **berí* was reshaped to *bereí*.

f) The *y* in *keray* 'I ate' possibly arose when **(e-)g^wera-som* 'I swallowed' > **ekéro* 'I ate' was remade to **kerá-yo* after **eí(y)o* 'I was', **edí(y)o* 'I put'.

g) In the imperfect *ei*, *êr* 'I was, he was', the stem *e-* was added to the inherited forms **ío*, **í* < **ēsom*, **ēt* ← **ēsṃ*, **ēst*; 3 sg. *-r* might reflect an old demonstrative.

The medio-passive endings are more briefly treated. Klingenschmitt's views on the origin of present *i* and aorist *a* are endorsed.

Keywords: Armenian language, historical morphology, verbal morphology, historical phonology, homophony avoidance, Indo-European dialects, Slavic

II. Varia

Sh. M. Alamshoev. Borrowed phraseology in Shughni

The Shughni phraseological units include common-Iranian, indigenous-Shughni, borrowed phraseological units, phraseological calques and semi-calques. The vocabulary of the phraseologisms comprises borrowed words of Turkish, Arabic and Russian origin, which are phonetically, grammatically and semantically adapted in the language. As a result native-Shughni words and phrases are modified or superseded.

Keywords: phraseological units, calque, semi-calque, loanwords, common-Iranian phraseologisms.

V. A. Bondar'. Semantics of the perfect and its implementations in American English

The paper deals with the analysis of the perfect/preterit distribution in American English from a diachronic perspective. Prevalence of preterits in contexts with temporal adverbs, in which British English, as a rule, gives preference to the perfect in its immediate meaning, is interpreted as a consequence of a language shift caused by substratum interference. These changes emerge due to wrong perception of the perfect category by native speakers of foreign languages in the process of L2 acquisition. The spread of the preterit in the contexts of resultative-immediate eventualities is enhanced by the use of respective temporal adverbs like *already*, *yet*, *just* as well as verbs with respective Aktionsart characteristics. In the course of the so-called hypoanalysis the semantics of a context is attributed to the preterit which thus acquires a new function of expressing results in resultative-immediate contexts. The perfect, which retains certain pragmatic properties (current relevancy), is used to highlight a certain significance of the context for the speaker.

Keywords: perfect, preterit, semantics, pragmatics, American English, free variation

Y. A. Dzitssoity. Archaisms in toponymy of Ossetia: the names of grasslands

The toponyms, reflecting the stock-raising terminology of Ossetian language (the names of grasslands), that were partly or entirely lost in modern language, are considered in this article. The meanings of some of them are reconstructed by informant's survey (*cyrt* 'monument, tombstone', *kært* 'the animal farm, barnyard'). The other part is reconstructed with the help of etymological analyses (**car-* 'pasture', **cævaen* 'id.'). Most of the reviewed terms are not presented in the dictionaries of Ossetian language. Not only allows the conducted analysis reconstruct the lost lexical unit or its meaning, but also clarify the pattern of Ossetian pastoral farming.

Keywords: Ossetia, toponymy, ethnography, grassland, landmark, reconstruction, etymology.

A. V. Kotova. *Veneres Cupidinesque* (Catul. 3. 1)

The article deals with *Veneres Cupidinesque* in Catullus' carm. 3. 1. The author analyzes and classifies different interpretations of this phrase that are found in scientific literature: philosophic allusion, commonplace of Alexandrian poetry, generalizing plural, elliptic plural, attraction by number, abstract meaning, prosodic reason. According to the analysis of this material, the author concludes that plural in Catul. 3. 1 is caused by metrics.

Keywords: poetry, Roman literature, Catullus, carmen 3, pluralis

V. V. Kozak. Lexical borrowings in the 16th century Glagolitic Vrbnik Statute

This study, based on the etymological, semantic, grammatical and quantitative analysis of lexical borrowings in the Glagolitic Vrbnik Statute (Krk, 16th c.), shows that the language of the monument, contrary to the social and linguistic dominance of the Latin-Roman superstate and the existence of a centuries-old Romance substrate, demonstrates significant resistance to the penetration of

lexical borrowings. The low level of lexical interference and the extremely low level of structural interference characterize Slavic-Romance interaction in the domain of Glagolitic script as insignificant cultural pressure. This observation confirms the thesis about the general opposition of Romance and Slavic written cultures in Dalmatia and the hypothesis that the Glagolitic script is a cultural “antibalkanism”.

Keywords: Glagolitic script, Čakavian language, Croatian language, 16th century, lexical borrowings, Vrbnik Statute, Slavic-Romance language contacts, Krk, Kvarner, Dalmatia.

V. M. Kruglov. On the publication of unknown pages of the academic “Russian Language Dictionary” (1930–1936): general characteristics of the archival materials, publication rules, trial fragment

The last period of working on the academic explanatory “Russian Language Dictionary” (1891–1937), which is usually called “Dictionary of Grot-Shakhmatov”, belongs to the first half of 1930s. At this time there also had started the work on its revised and replenished version, which however was never to be completed as well as the previous one. In the Large Lexicographic Card-Catalog of the Institute for Linguistic Studies of RAS there had been stored unpublished proof-sheets of this edition, that contain extensive comments from the editors. The article is devoted to the detailed description of these archival materials and the rules for its forthcoming publication.

Keywords: Russian language, lexicography, explanatory dictionary, Grot-Shakhmatov dictionary, textology

A. M. Pevnov. Linguistic evidence of historical contacts of Oroks with Orochs on Sakhalin

Oroks (Uilta) and Orochs are ethnic minorities in the Russian Far East. Linguistically they belong to Manchu-Tungusic family. The former people live exclusively on the Sakhalin island (Val, Nogliki, Poronaysk), the latter one live in the vicinity of Sovetskaya Gavan’. The languages of both peoples are either close to extinction (Orok), or apparently are already extinct (Oroch). The present paper deals with not numerous facts testifying to language contact between Oroks and

Orochs presumably some centuries ago. Mostly these are lexical borrowings from Oroch into Orok. For the time being only one grammatical borrowing (from Oroch into Orok, too) is found. Especially interesting are 5 variants of the Orok name for the Poronay river: all of them indicate that Oroks borrowed the hydronym from a group of Orochs which migrated to Sakhalin from the continent.

Keywords: Orok (Uilta), Oroch, historical contacts, borrowings, hydronym

N. D. Svetozarova. This mysterious Boyanus

The life of Semjon Karlovič Boyanus (1871–1952) was long and so productive that one might think that Boyanus was several authors' nom-de-plume. A graduate of St. Petersburg University, Boyanus was an actor and theatre director; he studied the history of theatre and worked at the Institute of the History of Arts; he was Lev Vladimirovič Ščerba's student of phonetics and Ščerba's co-organizer of the Institute of Phonetics. In the 1920s, he studied phonetics in London, under Daniel Jones and Liliás Eveline Armstrong. Later on, he taught various subjects of the Germanic cycle at Leningrad State University and published the first textbook of English phonetics for speakers of Russian (1926). He was Vladimir Karlovič Mueller's co-editor of English-Russian and Russian-English dictionaries. In 1934, Boyanus left for Great Britain, where he established School of Russian and published a manual of Russian phonetics that combined the achievements of Russian and British phonetic science.

Keywords: Semjon Karlovič Boyanus, Lev Valdimirovič Ščerba, history of phonetics, phonetic method of language teaching, phrasal intonation, lexicography

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ. ЭТИКА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Международный журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал

для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее 2-х лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение материалов в коммерческих и некоммерческих целях, если

оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием авторства. Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он/она должны незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах)

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок; В ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

Обязанности членов редакционной коллегии

На всех этапах редакционного и издательского процесса редакционная коллегия журнала обеспечивает следующее:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
- решение о принятии, отказе в публикации или назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;
- все члены редакционной коллегии должны быть в курсе содержания текущего выпуска;
- члены редакционной коллегии могут оказывать посильную помощь авторам в вычитке статей;

— корректуру выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале

«ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

Язык публикаций

Журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метадаанные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE STATEMENT

The International Journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the Journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

Authorship Issues

When submitting a paper to publish in ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all coauthors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work to ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and to any other publication is prohibited. The research archive used by the

Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

Copyright and Open Access

The journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

When sending materials for consideration by the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and non-commercial, as long as

it is passed along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

Accuracy of Information

The Authors of the papers submitted to the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

Review Process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he is to inform the Editor of this and recuse himself. Contacts between the Reviewer and the

Author maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

Duties of the Editorial Team Members

Managing/Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

- preliminary consideration of the Authors' submissions;
- selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
- maintaining confidentiality during the double-blind review process;
- deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
- notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
- sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
- control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

Editorial Board

The international Editorial Board of the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

Our Languages

The journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции

Предисловие	9
-------------------	---

А. Донабедян (Париж)

Семантика аориста в современном армянском языке: инвариантные значения и их контекстные реализации	11
---	----

В. К. Казарян (Москва)

Индоевропейские истоки образования основ армянского аориста	68
---	----

Р. Ким (Познань)

Предыстория древнеармянского слабого аориста	86
--	----

П. А. Кочаров (Санкт-Петербург)

К вопросу о происхождении древнеармянских медиопассивных окончаний	137
---	-----

Ф. Кортландт (Лейден)

Развитие сигматического аориста в армянском языке	149
---	-----

Г. Мартиросян (Лейден)

Развитие древнеармянского аориста в современных диалектах	153
---	-----

Р. Вирда (Женева)

Окончания аориста и имперфекта древнеармянского языка	163
---	-----

II. Varia

Ш. М. Аламшоев (Хорог)

Иноязычная фразеология в шугнанском языке	271
---	-----

В. А. Бондарь (Санкт-Петербург)

Семантика перфекта и ее реализация в американском английском	283
--	-----

Ю. А. Дзиццойты (Цхинвал)

Архаизмы в топонимии Осетии: названия пастбищ	316
---	-----

<i>В. В. Козак (Санкт-Петербург)</i> Лексические заимствования в глаголическом уставе Врбника XVI в.	341
<i>А. В. Котова (Санкт-Петербург)</i> Veneres Cupidinesque (Catul. 3. 1)	384
<i>В. М. Круглов (Санкт-Петербург)</i> Об издании неизвестных страниц академического «Словаря русского языка» (1930–1936): общая характеристика архивных материалов, правила публикации, пробный фрагмент	401
<i>А. М. Певнов (Санкт-Петербург)</i> Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине	441
<i>Н. Д. Светозарова (Санкт-Петербург)</i> Этот таинственный Боянус	464
Сведения об авторах	487
Аннотации и ключевые слова	491
Этические требования	509

CONTENTS

I. The Armenian and Proto-Indo-European Preterite Forms and Functions

Preface	9
 <i>Anaïd Donabédian (Paris)</i>	
The aorist in Modern Armenian: core value and contextual meanings.....	11
 <i>Vartan K. Kazaryan (Moscow)</i>	
Indo-European origins of Armenian aorist stems	68
 <i>Ronald I. Kim (Poznań)</i>	
The prehistory of the Classical Armenian weak aorist	86
 <i>Petr A. Kocharov (St. Petersburg)</i>	
A note on the origin of the Old Armenian mediopassive endings	137
 <i>Frederik Kortlandt (Leiden)</i>	
The development of the sigmatic aorist in Armenian	149
 <i>Hrach Martirosyan (Leiden)</i>	
The development of the Classical Armenian aorist in modern dialects	153
 <i>Rémy Viredaz (Geneva)</i>	
Les désinences arméniennes d'aoriste et d'imparfait.....	163

II. Varia

 <i>Sh. M. Alamshoev (Khorugh)</i>	
Borrowed phraseology in Shughni.....	271
 <i>V. A. Bondar' (St. Petersburg)</i>	
Semantics of the perfect and its implementations in American English	283
 <i>Y. A. Dzitstsoity (Tskhinvali)</i>	
Archaisms in toponymy of Ossetia: the names of grasslands	316
 <i>V. V. Kozak (St. Petersburg)</i>	
Lexical borrowings in the 16 th century Glagolitic Vrbnik Statute	341

Contents

<i>A. V. Kotova (St. Petersburg)</i>	
Veneres Cupidinesque (Catul. 3. 1)	384
<i>V. M. Kruglov (St. Petersburg)</i>	
On the publication of unknown pages of the academic “Russian Language Dictionary” (1930–1936): general characteristics of the archival materials, publication rules, trial fragment	401
<i>A. M. Pevnov (St. Petersburg)</i>	
Linguistic evidence of historical contacts of Oroks with Orochs on Sakhalin	441
<i>N. D. Svetozarova (St. Petersburg)</i>	
This mysterious Boyanus	464
Contributors	489
Summaries and keywords	501
Publication ethics and publication malpractice statement	515

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Е. В. Головкин.

Т. XIV. Ч. 1. I. Претерит в армянском и праиндоевропейском: формы и функции / Ред. А. Донабедян, Н. Н. Казанский, П. А. Кочаров, Г. Мартиросян; П. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 525 с.

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил П. А. Кочаров

Материалы издания доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Подписано в печать: 14.12.2018
Формат 60×88 1/16. Печать цифровая
Усл. печ. л. 31,4. Тираж 500 экз. Заказ № 914

Издательство РХГА
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595;
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>